

С. П. МЕЛЬГУНОВ

МАРТОВСКІЕ

ДНИ

1917 ГОДА

Q

ПАРИЖ

1961

Работа С. П. Мельгунова "Мартовские дни" полностью выходит ныне впервые. Законченная в годы последней мировой войны, книга эта была проредактирована самим автором. Только часть ея появилась в тетрадях "Возрождения" (1950-1954 г.).

Книга печатается по старой орфографии, так как вышедшія раньше в издательствѣ "Возрожденіе" послѣдующія части тетралогіи были напечатаны по старой орфографіи.

П. М е л ь г у н о в а.

1961 г.

РЪШАЮЩАЯ НОЧЬ*)

Днем 2-го марта, на перманентном митингѣ в Екатерининском залѣ Таврическаго дворца лидер думскаго прогрессивнаго блока и идейный руководитель образовавшагося 27-го февраля Временнаго Комитета членов Гос. Думы, Милоков сказал: “старый деспот, доведшій Россію до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен”. Почти в тот же час в Псковѣ, под давлением верховнаго командованія в Ставкѣ, “старый деспот” подписал свое отреченіе от престола, окончательное оформленное вечером того же дня в момент приѣзда “думской” делегации в лицѣ Гучкова и Шульгина. Таким образом отреченіе Государя “формально” не было “вынужденным” — устанавливает в своих воспоминаніях Набоков, выдающійся русскій юрист, которому суждено было сдѣлаться первым управляющим дѣлами революціоннаго Временнаго Правительства.

Насколько, однако, формальная юридическая сторона соответствовала реальной обстановкѣ, создавшейся в Петербургѣ и являвшейся рѣшающим фактором в ходѣ революціи? Это совсѣм не праздный вопрос, ибо отвѣтъ на него опредѣляет собою двѣ совершенно отличныя друг от друга психологіи в кругѣ лиц, объединившихся около Временнаго Комитета Г. Д. и одновременно появившагося на ряду с ним Совѣта Р. и С. Д., т. е. тѣх учреждений, которыя обстоятельства поставили в тѣ дни как бы “во главѣ” политической жизни страны. Для одних Николай II добровольно отрекся от престола, для других он был низложен — его отреченіе было “вынуждено”, и добровольный отказ от власти, затушеванный в сознаніи современников, означал лишь то, что Император фактически не был свергнут насильственным путем, т. е. революціонным актом возставшаго народа. Формально добровольное отреченіе неизбѣжно накладывало извѣстныя моральныя обязательства на тѣх, кто стремился добиться этого отреченія и кто его принял; такого моральнаго обязательства могли не ощущать тѣ, кто не принимал участія в реализаціи плана сохраненія династіи путем устраненія лично дискредитированнаго монарха: для них исходным пунктом мог быть только вопрос о цѣлесообразности — так, как он представлялся тогда в пониманіи дѣйствовавших лиц.

Для того, чтобы уяснить себѣ роковыя противорѣчія, которыя выявились в первые дни революціи в силу недостаточно продуманных и

*) Изложенные ниже факты с достаточной очевидностью свидѣлствуют, что революціи всегда происходят не так, как онѣ представляются схоластическим умам. Поэтому и не жизненны современныя измышленія всякаго рода «молекулярных теорій» революціонных процессов.

ad hoc осуществленных политических замыслов, необходимо проанализировать всю сложную и запутанную обстановку того времени. Никто как-то не отдавал себя яснаго отчета в этих противорѣчїях тогда, когда закладывался фундамент строительства новой Россїи.

Нам нѣтъ необходимости в хронологической послѣдовательности воспроизводить событія первых февральско-мартовских дней, что сдѣлано уже с достаточной полнотой и отчетливостью в "Хроникѣ февральской революціи", составленной Заславским и Канторовичем (1924 г.) и в работѣ ген. Мартынова*) "Царская армія в февральском переворотѣ" (1927 г.) К этим фактам мы будем обращаться лишь попутно, комментируя то или иное создавшееся положеніе. Прежде всего попытаемся возстановить картину отвѣтственных переговоров, которые в ночь с 1-го на 2-е марта происходили между Временным Комитетом Гос. Д. — "цензурой" общественностью по тогдашней терминологіи, и делегатами Исп. Ком. Совѣта, заявившаго "претензію" представлять демократію**). Эта была поистинѣ рѣшающая почва, и здѣсь завязался узел послѣдующей трагедїи русской революціи. Между тѣм возстановить болѣе или менѣе точно то, что происходило в указанную почва, историкѣ очень трудно. В нашем распоряженіи нѣтъ почти никаких документальных данных. В суматохѣ первых дней и ночей никто никаких протоколов не вел: отсутствует и газетный репортаж, подчас замѣняющій своим суррогатом протокольную запись — в "Извѣстіях", которыя издавал Комитет думских журналистов, нельзя отыскать никаких намеков на суть переговоров. Остаются воспоминанія, т. е. показанія современников, которыя должны помочь историкѣ в данном случаѣ не только в "оцѣнкѣ подробностей" (Маклаков), но и в установкѣ первооснов. Значеніе этого субъективнаго самого по себѣ источника познанія прошлаго в данном случаѣ безконечно преуменьшается не только привнесеніем послѣдующих настроеній, весьма отличных от подлинных авторских настроеній первых дней революціи, но и тѣм, что пелена тумана бессознательно для мемуариста застилает его память о том, что происходило в безсонныя ночи и сумбурные февральскіе и мартовскіе дни.

Нѣсколько мемуаристов уже коснулись исторической ночи с 1-го на 2-е марта. Казалось, можно было положиться на текст Миллюкова, так как первый том его "Исторіи", приближающейся к воспоминаніям, написан был в Кіевѣ в 18-ом году в період политическаго полубездѣлія автора. Память мемуариста не застлана была еще его позднѣйшей политической эволюціей, и, таким образом, ему нетрудно было по сравнительно свѣжим впечатлѣніям воспроизвести исторію переговоров между членами Думы и совѣтскими делегатами, в которых автор при-

*) Дополненіем к ним может послужить очерк Шляпникова, посвященный «Революціи 17 г.», и Генкиной в коллективной работѣ по «Исторіи октябрьской революціи» (1927 г.).

***) Так выразился Миллюков в своей исторіи революціи. Между тѣм, поскольку самочинно возникшій Временный Комитет выражал мнѣніе «цензурой общественности», постолько и «самозванный» Совѣт мог считаться выразителем настроеній демократіи (соціалистической и рабочей массы). Термин «цензурная общественность», конечно, далеко не покрывал собой тѣ многочисленные элементы, демократическіе по своему составу, которые примыкали к «надклассовой» партіи народной свободы.

нимал самое непосредственное участие — тѣм болѣе, что в показаніях перед Чрезв. Сл. Комиссіей (7 августа 17 г.) Милоков засвидѣтельствовал, что им были проредактированы и исправлены “неточности”, имѣющіяся в готовившейся Врем. Комитетом Г. Д. к изданію книгѣ, гдѣ было дано “точное описаніе день за днем, как происходило”. (Я никогда не видѣл этой книги и видѣть не встрѣчал ссылок на нее — надо думать, что она в дѣйствительности не была издана). И тѣм не менѣе сумарное изложеніе Милокова с большими фактическими ошибками не дает нужных отвѣтов...

Имѣются и воспоминанія Керенскаго, но только во французском изданіи его “Революціи 17 г.”. Вышше мемуарист хочет быть очень точным. Им указываются даже часы отвѣтственных рѣшеній в эти дни. Но это только внѣшняя точность, ибо даты безнадежно спутаны (выпустив книгу в 28 году, автор, слѣдуя установившимся плохим традиціям многих мемуаристов, не потрудился павести соотвѣтствующія справки и повѣствует исключительно по памяти). Память Керенскаго так же сумбурна, как сумбурны сами событія, в которых ему пришлось играть активнѣйшую роль, когда он падал в обморок от напряженія и усталости и когда, по его собственным словам, он дѣйствовал как бы в туманѣ и руководствовался больше инстинктом, нежели разумом. При таких условіях не могла получиться фотографія того, что было в 17 г. (на это Керенскій претендовал в своих парижских докладах). Нѣтъ ничего удивительнаго, что тогда у него не было ни времени, ни возможности вдумываться в происходившія событія. В воспоминаніях он пытается объяснить свое равнодушіе к программным вопросам тѣм, что никакія программы не могли измѣнить ход событій, что академическіе споры не представляли никакого интереса, и что в силу этого он не принимал в них участія... Поэтому все самое существенное прошло мимо сознанія мемуариста, самоутѣшающагося тѣм, что событія не могли итти другим путем, и даже издѣвающагося над несчастными смертными («*Pauvres êtres humains*»), которые думают по иному.

Еще меньше можно извлечь из воспоминаній Шульгина “Дпи”, которым повезло в литературѣ, и на которыя так часто ссылаются. Воспоминанія Шульгина — “живая фотографія тѣх бурных дней” (отзыв Тхоржевскаго) — надо отнести к числу полу-беллетристических произведеній, не могущих служить канвой для историческаго повѣствованія: вымысел от дѣйствительности не всегда у него можно отдѣлать, к тому же такого вымысла, сознательнаго и бессознательнаго, слишком много — автор сам признается, что впечатлѣнія от пережитого смѣшались у него в какую-то “кошмарную кашу”. Воспоминанія Шульгина могли бы служить для характеристики психологических переживаній момента, если бы только на них не сказывалась так опредѣленно дата — 1925 год. Тенденціозность автора просачивается через всѣ поры*).

Болѣе надежными являются “Записки о революціи” Суханова, гдѣ болѣе подробно и в хронологической послѣдовательности изло-

*) Между тѣм сам Шульгин высокаго мнѣнія о своих заданіях — в книгѣ «1920 г.», он, между прочим, пишет: о русской революціи «будет написано столько же лжи, сколько о французской, и поэтому в высшей степени важно для нашего будущаго правдиво изобразить то, что.. происходило перед иными глазами».

жены перипетіи, связанные с переговорами в ночь на 2-ое марта. Большая точность изложения объясняется не только свойствами мемуариста, игравшего первенствующую роль со стороны Исп. Ком. в переговорах, но и тѣм, что еще 23 марта ему было поручено Исп. Ком. составить очерк переговоров. Суханов порученія не выполнил, но, очевидно, подобрал предварительно соответствующій матеріал: поэтому он так отчетливо запомнил “все” до пятого дня — это была “сплошная цѣпь воспоминаній, когда в головѣ запечатлѣвался чуть ли не каждый час незабвенных дней”. И совершенно неизбежно в основу разказа надо положить изложение Суханова, хотя и слишком очевидно, что иногда автор теоретическія обоснованія подводит post factum и себѣ приписывает болѣе дѣйственную, провидящую роль, нежели она была в дѣйствительности.

I. Среди совѣтской демократіи.

1. — Тактическое банкротство.

По чьей инициативѣ начались переговоры. Представитель крайняго теченія, большевик Шляпников, опредѣленно утверждает, что Исп. Ком. стал обсуждать вопрос о конструкціи власти по “официальной предложенію” со стороны Комитета Гос. Думы. Противоположную версію устанавливает другой представитель “революціонной демократіи”, Суханов, не принадлежавшій к группѣ лиц, входящих в ленинскую фалангу; понимая, что “проблема власти” — основная в революціи, именно он настаивал на обсужденіи ея в Исп. Ком., и по его инициативѣ возникла мысль о необходимости вступить в переговоры с представителями “цензовой общественности”. Версія Суханова, как увидим, болѣе достовѣрна*), хотя Стеклов, официальный докладчик Исп. Ком. на Совѣщаніи Совѣтов 30 марта, дававшій через мѣсяц отчет перед собраніем и разказавшій исторію “переговоров”, развивал то же положеніе, что и Шляпников: думскій де Комитет начал переговоры “по собственной инициативѣ” и вел их с совѣтскими представителями, как с “равноправной политической стороной”.

Так или иначе вопрос об организаціи власти подвергся обсужденію в Исп. Комитетѣ днем 1 марта — вѣрнѣе урывками происходил довольно случайный и бессистемный обмѣн мнѣній по этому поводу, так как текущіе вопросы (“куча вермишели”, по выраженію Суханова) постоянно отвлекали вниманіе. Бесѣды происходили, как утверждает Шляпников, в связи с сообщеніем Чхеидзе, что Врем. Комитет, взяв на себя почин организаціи власти, не может составить правительство без вхожденія в него “представителей лѣвых партій”. Намѣчались три теченія: одно из них (согласно традиціонной догмѣ) отвергало участіе социалистов во власти в період так называемой “буржуазной” революціи; другое (крайнее) требовало взять управленіе в

*) Надо имѣть в виду, что Шляпников в эти дни работал в значительной степени на периферіи и был поглощен текущей работой (непосредственным участіем в «боевом» дѣйствіи и мало интересовался вопросом, что из «этого выйдет»). Послѣдовательный «революціонизм» мѣшал ему, уже в качествѣ мемуариста, признать инициативу, исходившую от совѣтских кругов.

свои руки; третье настаивало на соглашении с “цензовыми элементами”, т. е. споры шли по схемѣ: власть буржуазная, коалиціонная или демократическая (соціалистическая). В 6-м часу И. К. вплотную подошел к разрѣшенію проблемы власти и даже подверг вопрос баллотировкѣ, при чем 13 голосами против 7 или 8 постановил не входить в цензовое правительство.

Впослѣдствіи была выдвинута стройная теоретическая схема аргументацій, объяснявшая почему демократія, которой яко бы фактически принадлежала власть в первые дни революціи в Петербургѣ, отказалась от выношенія павшей на нее миссіи. Такую попытку сдѣлал Суханов в “Записках о революціи”. Другой представитель “соціалистической демократіи” Чернов, непосредственно не участвовавшій еще в то время в революціонных событіях, касаясь в своей исторической работѣ “Рожденіе революціонной Россіи” рѣшенія передать власть “цензовой” демократіи, не без основанія замѣчает, что в данном случаѣ побѣдила “не теорія, не доктрина”, а “непосредственное ощущеніе *обузы власти*” и желаніе свалить эту обузу под соусом теоретическаго обоснованія на “плечи цензовиков”. Пять причин, побуждавших к такому дѣйствию и свидѣтельствовавших об отсутствіи “политической зрѣлости” и о “тактическом банкротствѣ” руководящаго ядра, исчисляет Чернов: 1. Не хватало программнаго единодушія. 2. Цензовая демократія была на лицо “во всеоружіи всѣх своих духовных и политических ресурсов”, революціонная же демократія была представлена на мѣстѣ дѣйствія случайными элементами, “силами далеко не перваго, часто даже и не втораго, а третьаго, четвертаго и пятаго калибра”. Самыя квалифицированныя силы революціонной демократіи находились в далекой ссылкѣ или в еще болѣе далеком изгнаніи. 3. У цензовиков были “всероссійскія имена”, руководители же революціонной демократіи за немногими исключеніями являлись “для широкаго общественнаго мнѣнія загадочными незнакомцами”, о которых враги могли “распространять какія угодно легенды”. 4. Крупнѣйшіе дѣятели рев. демократіи были “абсолютно незнакомы с техникою государственнаго управленія и аппаратом его” и “прыжок из заброшеннаго сибирскаго улуса или колоніи изгнанников в Женевѣ на скамьи правительства был для них сходен — с переселеніем на другую планету”. 5. “Буржуазныя партіи” имѣли за собой свыше десяти лѣтъ открытаго существованія и устойчивой, гласной организаціи — трудовая, соціалистическія и революціонныя партіи держались почти всегда лишь на голом скелетѣ кадров “профессіональных революціонеров”.

Пространную аргументацію нѣсколько кичливых представителей эмигрантских “штабов”*) — подобную же аргументацію развивает и Троцкій в “Исторіи русской революціи” — можно было бы кратко подытожить словами Милюкова на упомянутом митингѣ 2-го марта в Екатерининском залѣ Таврическаго дворца, когда бывшій лидер дум-

*) Надо признать, что появленіе на исторической авансценѣ представителей политической эмиграціи — «людей знанія», которых на мартовском съѣздѣ к.-д. привѣтствовал фактический вождь тогдашней «цензовой общестственности», — ничего положительнаго революціи не дало: слишком оторвались они от реальной русской жизни.

ской оппозиции с большим преувеличением говорил о единственно организованной "пензовой общественности". Во всех этих соображениях имбется, конечно, доля истины, но все они анулировались в тот момент аргументом, который представляло собой настроеніе масс и сочувствіе послѣдних революціонным партіям. "Престиж Думы" был огромен, несравним с вожаками лѣвых, извѣстных лишь в узком кругѣ, — усиленно подчеркивает и Маклаков, а между тѣм для успокоенія революціонной стихіи имѣло огромное значеніе входеніе именно Керенскаго в состав Временнаго Правительства, при чем играло роль само по себѣ не имя депутата, а его принадлежность к революціонной демократіи. Оспаривать этот факт не приходится, так как сама военная власть с мѣст, гдѣ разбушевалась стихія, систематически взывала в первые дни к новой власти и требовала прибытія Керенскаго. Неоспоримо, что правительство, составленное из наличных членов Исп. Ком., было бы весьма неавторитетно, но почти столь же неоспоримо, что революціонная общественность могла бы составить такое правительство из имен болѣе или менѣе "всероссійских", которое имѣло бы в тѣ дни, быть может, больше вліянія, чѣм случайно составленное и не соответствовавшее моменту "Временное Правительство", которое приняло бразды правленія в революціонное время*).

Основная причина "передачи" власти цензовым элементам или вѣрнѣе отказ от каких-либо самостоятельных попыток создать однородное демократическо-соціалистическое правительство лежала не в сознаніи непосильной для демократіи "обузы власти", а в полной еще неувѣренности в завтрашнем днѣ. В этом откровенно признавался впоследствии в Совѣщаніи Совѣтов докладчик о "временном правительствѣ", Стеглов — один из тѣх, кто непосредственно участвовал в почных переговорах 1-2 марта: ... "когда намѣчалось... соглашеніе, было совѣм неясно, восторжествует ли революція не только в формѣ революціонно-демократической, но даже в формѣ умѣренно-буржуазной. Вы, ...которые не были здѣсь, в Петроградѣ, и не переживали этой революціонной горячки, представить себѣ не можете, как мы жили: окруженные вокруг Думы отдѣльными солдатскими взводами, не имѣющими даже унтер-офицеров, не успѣвши еще сформировать никакой политической программы движенія... Нам не было извѣстно настроеніе войск вообще, настроеніе Царскосельскаго гарнизона, и имѣлись свѣдѣнія, что они идут на нас. Мы получали слухи, что с сѣвера идут пять полков, что ген. Иванов ведет 26 эшелонов, на улицах раздавалась стрѣльба, и мы могли допускать, что эта слабая группа, окружавшая дворец, будет разбита, и с минуты на минуту ждали, что вот придут, и если не разстрѣляют, то заберут нас. Мы же, как древніе римляне, важно сидѣли и засѣдали, но *полной увѣренности в успѣхъ революціи в этот момент совершенно не было*".

Слишком легко послѣ того, как событія произошли, отвергнуть этот психологическій момент и утверждать, что "паризм" распался, как картонный домик, что режим, сгнившій на корню, никакого сопротивления не мог оказать, что "военный разгром революціи был не-

*) Вопрос о техническом правительственном аппаратѣ не так уже неразрѣшим на практикѣ. В 18 г. нѣмцы разрѣшили его просто, создав при социалистическом кабинетѣ «управляющих дѣлами» — Fachminister.

мыслим". Дѣло, конечно, было не так. Успѣхъ революціи, какъ показалъ весь историческій опытъ, всегда зависитъ не столько отъ силы взрыва, сколько отъ слабости сопротивленія. Это почти "соціологическій" законъ. У революціи 17 года не было организованной реальной военной силы. Всѣ участники революціи согласны съ тѣмъ, что цитадель революціи — Таврическій дворецъ, была в первые дни беззащитна. В ночь на 28 февраля находившіеся в Гос. Думѣ фактически не располагали ни однимъ ружьемъ — признаетъ Керенскій (La Verité). Имѣвшееся артиллерійское орудіе было безъ снарядовъ, бездѣйственны были и пулеметы (Мстиславскій). Потому такъ легко возникала паника в стѣнахъ Таврическаго дворца — и не только в первый день, какъ о томъ свидѣтельствуютъ мемуаристы: достаточно было дойти невѣрному слуху о сосредоточеніи в Академіи Генеральи. Штаба 300 офицеровъ, вооруженныхъ пулеметами, с цѣлью нападенія на революціонную цитадель. Казалось, что небольшая организованная воинская часть безъ труда ликвидируетъ возстаніе или по крайней мѣрѣ его вѣнпшій центр*). И если такой части не нашлось, то это объясняется не одной растерянностью разложившейся власти, а и тѣмъ, что уличное неорганизованное движеніе в критическій моментъ оказалось сдѣлано с Государственной Думой — поднятъ вооруженную руку противъ народнаго представительства психологически было уже труднѣе, учитывая то обстоятельство, что во время войны армія превратилась в сущности в "вооруженный народъ", какъ то неоднократно признавалось в самомъ правительствѣ (см., напр., сужденія в Совѣтѣ Министровъ в 15 году). Война парализовала в значительной степени волю къ противодѣйствію, и Сухановъ совершенно правъ, утверждая, что Комитетъ Гос. Думы служилъ "довольно надежнымъ прикрытіемъ отъ царистской контр-революціи", отсюда рождалось впечатлѣніе, что власть "явно запускала движеніе" и подтверждалась распространенная легенда о "провокаціи".

Если в Петербургѣ 1-го марта, когда рѣшался вопросъ о власти, переворотъ закончился уже побѣдоносно, то оставалось еще неизвѣстнымъ, какъ на столичныя событія реагируетъ страна и фронтъ. Керенскій, не очень слѣдящій за своими словами, в одной изъ послѣднихъ книгъ ((La Verité) писалъ, что къ ночи 28-го вся страна с арміей присоединилась къ революціи. Это можно еще с оговоркой сказать о второй столицѣ Имперіи гдѣ ночью 28-го было уже принято обращеніе Городской Думы къ населенію, говорившее, что "ради побѣды и спасенія Россіи Госуд. Дума вступила на путь рѣшительной борьбы со старымъ и пагубнымъ для нашей родины строемъ". Но народъ, который долженъ былъ фактически устранить "отъ власти тѣхъ, кто защищалъ старый порядокъ, постыдное дѣло измѣны", 1 марта в сущности сталъ лишь "готовиться къ бою", какъ

*) Таково же было ощущеніе и в Москвѣ. Первый предсѣдатель Совѣта Хинчукъ в своихъ воспоминаніяхъ попытку паники приписываетъ «храбрымъ» интеллигентнымъ «вождямъ» изъ Комитета Общ. Организаций и полученнымъ свѣдѣніямъ о наступленіи Эверта с Зап. фронта, и противопоставляетъ растерянность «общественниковъ» увѣренности рабочихъ, опиравшихся на то, что «воинскія части группами, полнымъ составомъ» отдавали себя в распоряженіе Совѣта. Старый большевикъ, Сидовичъ сдѣлалъ по этому поводу примѣчаніе: «Ничего подобнаго не было. Еще около иедѣли в нашемъ распоряженіи были только тысяча полторы сброда (большинство безъ винтовокъ) да пара пушекъ безъ снарядовъ, кажется, безъ замковъ».

выражается в своих воспоминаніях непосредственный наблюдатель событий, будущій комиссар градоначальства с.-р. Вознесенскій. Полное бездѣйствіе власти под начальством ген. Мрозовскаго опредѣлило успѣхъ революціи и ея безкровность: три солдата и рабочий — такова цифра жертв возстанія в Москвѣ... В матери русских городов — Кіевѣ, гдѣ узнали о переворотѣ лишь 3-го, и гдѣ в этот день газеты все же вышли с обычными “бѣлыми мѣстами”, еще перваго был арестован по ордеру губ. жанд. управленія старый народоволец, отставн. полк. Оберучев, вернувшійся из эмиграціи в серединѣ февраля “на родину”. Во многих губерніях центра Россіи (Ярославль, Тула и др.) движеніе началось 3-го. Жители Херсона даже 5 марта могли читать воззваніе губернатора Червинскаго о пародных беспорядках в Петербургѣ, прекращенных Родзянко и “пользу арміи, Государя и отечества”. На фронт вѣсть о революціи естественно пришла еще позже — во многих мѣстах 5-6 марта; об отреченіи Императора на нѣкоторых отдѣльных участках узнали лишь в серединѣ мѣсяца. Мѣстечковъ еврей, задавшій в это время одному из мемуаристов (Квашко) вопрос: “а царя, дѣйствительно, больше нѣтъ, или это только выдумка”, — вѣроятно, не был одинок. В захолустьѣ свѣдѣнія о происшедших событіях кое гдѣ проникли лишь к концу мѣсяца. Для иностранных читателей может быть убѣдительно свидѣтельство Керенскаго, что на всемъ протяженіи Имперіи не нашлось ни одной части, которую фактически можно было двинуть против мятежной столицы, то же, конечно, говорит и Тропкій в своей “Исторіи революціи”. Но это мало убѣдительно для русскаго современника, знающаго, что фронтовая масса и значительная часть провинціи о событіях были освѣдомлены лишь послѣ их завершенія.

Чернов дѣлает поправку (то же утвержденіе найдем мы и в воспоминаніях Гучкова): войсковую часть можно было отыскать на фронтѣ, но посылка ея не достигла бы цѣли, ибо войска, приходившія в Петербург, переходили на сторону народа. Но это только предположеніе, весьма вѣроятное в создавшейся обстановкѣ, но всетаки фактически невѣрное, вопреки установившейся версіи, даже в отношеніи того немногочисленнаго отряда, который дошел до Царскаго Села во главѣ с ген. Ивановым к вечеру 1 марта*). Большевицкіе историки желают доказать, что “демократія”, из которой они себя выдѣляют, отступила на вторыя позиціи не из страха возможности разгрома революціи, а в силу паники перед стихійной революціонностью масс: в первые дни — вспоминает большевизанствующій с.-р. Мстиславскій — “до гадливости” чувствовалось, как “верховники” из Исп. Ком. боялись толпы**). Безспорно, страх перед неорганизованной стихіей должен был охватывать людей, хоть сколько-нибудь отвѣтственных за свои дѣйствія и не принадлежавших к лагерю безоговорочных “пораженцев”, ибо неорганизован-

*) Легенду эту породило невѣрное сообщеніе, полученное предсѣдателем Думы Родзянко и сообщенное им ген. Рузскому на Сѣверном фронтѣ.

**) Для характеристики искренности мемуариста, которому 27-го «и пойти было некуда» (столь неожиданна для него была нарождающаяся февральская волна), можно привести такую выдержку из записи Гиппиус 1 марта: «По рассказам Бори (т. е. Андрея Бѣлаго), видѣвшаго вчера и Масловскаго и Разумника, оба трезвы, пессимистичны, оба против Совѣта, против «коммуны» и боятся стихіи и крайности».

кая стихія, безголовая революція, легко могла перейти в анархію, которая не только увеличила бы силу сопротивления режима, но и неизбежно породила бы контр-революционное движение страны во имя сохранения государственности и во избежание разгрома на вѣнском фронтѣ.

Керенскій, быть может, нѣсколько преувеличивая свои личные ощущенія первых дней революціи, объективно прав, указывая, что никто не ожидал происшедшаго хаоса, и у всѣх была только одна мысль, как спасти страну от быстро наступающей анархіи. Элементарный здравый смысл заставлял демократію приветствовать рѣшеніе Временнаго Комитета взять на себя отвѣтственную роль в происходивших событіях и придать стихійному движению характер “революціи”, ибо исторія устанавливала и другой “соціологическій закон”, в свое время в таких словах сформулированный никѣм иным, как Лениным: “для наступленія революціи недостаточно, чтобы “низы не хотѣли”, требуется, чтобы и “верхи не могли” жить по старому, т. е. “революционное опьянѣніе”, как выразился Витте в воспоминаніях, должно охватить и командующій класс. Витте довольно цинично называл это “умственной чесоткой” и либеральным “ожирѣніем” интеллигентной части общества, доказывая, что “революционное опьянѣніе” вызывает отнюдь не “голод, холод, нищета”, которыми сопровождается жизнь 100 миллионнаго непривилегированнаго русскаго народа. В одном старѣй бюрократ был прав: “главным диктатором” революціи не является “голодный желудок” — этот традиціонный предрассудок, как нежизненный постулат, пора давно отбросить. Голод порождает лишь бунт, которому, дѣйствительно, обычно уготован один конец: “самоистребленіе”. Алдапов справедливо замѣтил, что о “продовольственных затрудненіях” в Петербургѣ, в качествѣ “причин революціи” историку послѣ 1920 г. писать “будет неловко”. Мотив этот выдвигался экономистами в началѣ революціи (напр., доклад Громана в Исп. Ком. 16 марта); в позднѣйшей литературѣ, пожалуй, один только Черлов все еще поддерживает версію, что на улицу рабочих вывел “Царь-Голод”, — впрочем весьма относительный: сообщеніе градоначальника командирующему войсками 23 февраля считало причиной безпорядков еще только слух, что будут отпускать 1 ф. хлѣба взрослому и полфунта на малолѣтних.

Ленин, который все всегда знал заранѣе на девять десятых, утверждал послѣ революціи, еще в дни пребыванія за границей, что буржуазія нужна была лишь для того, чтобы “революція побѣдила в 8 дней”^{*)}.

Мемуаристы противоположнаго лагеря с той же убѣдительностью доказывают легкую возможность разгрома революціи при наличности пѣкоторых условий, которых в дѣйствительности по тѣм или другим

^{*)} Слова Ленина на апрѣльской конференціи 17 г. У Ленина издалика составилось весьма своеобразное представленіе о ходѣ революціи, оно совершенно не соответствовало истинному положенію дѣл. Он писал в своих «Письмах издалика», напечатанных в «Правдѣ»: «Эта восьмидневная революція была, если позволительно так метафорически выразиться, «разыграна» точно послѣ десятка главных и второстепенных репетицій: «актеры» знали друг друга, свои роли, свои мѣста, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякаго сколько-нибудь значительнаго отгѣнка политических настроеній и прѣмов дѣйствія».

причинам не оказалось. “Революція побѣдила в 8 дней” потому, что страна как бы слилась в едином порывѣ и общности настроеній, — столичный бунт превратился во “всенародное движеніе”, показавшее, что старый порядок был уже для Россіи политическим анахронизмом и тогда (послѣ завершения переворота) в стихійности революціи начали усматривать гарантіи незыблемой ея прочности (рѣчь Гучкова 8 марта у промышленников).

В историческом аспектѣ можно признать, что современники в предреволюционные дни недооцѣнивали сдвига, который произошел в странѣ за годы войны под воздѣйствіем оппозиціонной критики Гос. Думы, привившей мысль, что національной судьбѣ Россіи при старом режимѣ грозит опасность, что старая власть “безучастная к судьбѣ родины и погрязшая в позорѣ порока... безповоротно отгородилась от интересов народа, на каждом шагѣ принося их в жертву безумным порывам произвола и самовластия” (из передовой статьи “Рус. Вѣд.” 7 марта). В политической близорукости, быть может, повинны всѣ общественныя группировки, но от признанія этого факта нисколько не измѣняется суть дѣла: февральскія событія в Петербургѣ, их размах, отклик на них и итог оказались рѣшительно для всѣх неожиданными — “девятый вал”, по признанію Мякотина (в первом публичном выступленіи послѣ революціи), пришел тогда, “когда о нем думали меньше всего”. Теоретически о грядущей революціи всегда говорили много — и в дѣлах, и в правах, и в промежуточных, либеральных кругах. Предреволюціонныя донесенія агентуры департамента полиціи и записки современников полны таких предвидѣній и пророчеств — нѣкоторым из них нельзя отказать в прозорливости, настолько они совпали с тѣм, что фактически произошло. В дѣйствительности же подобныя предвидѣнія не выходили за предѣлы абстрактных расчетов и субъективных ощущеній того, что Россія должна стоять “на порогѣ великих событій”. Это одинаково касается, как предсказаній в 16 г. нѣкоего писца Александрo-Невской Лавры, зарегистрированных в показаніях филеров, которые опекали Распутина, так и предвидѣній политиков и социологов. Если циммервальдец Суханов был убѣжден, что “міровая социальная революція не может не увѣнчаться собой міровой империалистической войны”, то его прогнозы в сущности лежали в той же плоскости, что и размышленія в часы безсонницы в августѣ 14 г. вел. кн. Ник. Мих., записавшаго в дневник: “к чему затѣяли эту убійственную войну, каковы будут ея конечные результаты? Одно для меня ясно, что во всѣх странах произойдут громадныя перевороты, мнѣ мнится конец многих монархій и триумф всемірнаго социализма, который должен взять верх, ибо всегда высказывался против войны”. Писательница Гиллис записала в дневник 3 октября 16 г.: “никто не сомнѣвается, что будет революція. Никто не знает, какая и когда она будет, и не ужасно ли? — никто не думает об этом”. (Предусмотрительность часто появляется в опубликованных дневниках *post factum*). Во всяком случаѣ не думали потому, что вопрос этот в конкретной постановкѣ в сознаніи огромнаго большинства современников не был актуален, — и близость революціи исчислялась не днями и даже не мѣсяцами, а может быть, “годами”. Говорили о “революціи” послѣ войны — (Шкловскій). Даже всевидящій Ленин, считавшій, что “всемірная империалистическая война” является “всесвѣтным режиссером, который может ускорить рево-

люцію" ("Письма издалека"), за два мѣсяца до революціи в одном из своих докладов в Цюрихѣ сдѣлал обмолвку: "Мы, старики, быть может, до грядущей революціи не доживем". По наблюдениям французскаго журналиста Анэ, каждый русскій предсказывал революцію на слѣдующій год, в сущности не вѣря своим предсказаніям. Эти общественные толки, поднимавшіеся до аристократических и придворных кругов, надо отнести в область простой разговорной словесности, конечно, показательной для общественных настроеній и создавшей психологію ожиданія чего-то фатально неизбѣжнаго через какой-то неопредѣленный промежуток времени.

Ожиданіе новаго катаклизма являлось доминирующим настроеніем в самых различных общественных кругах — и "лѣвых" и "правых", послѣ завершения "великой русской революціи", как "сторяча" окрестили 1905 год. Россію ждет "революція безповоротная и ужасная" — положеніе это красной нитью проходит через перлюстрированную департаментом полиціи частную переписку (мы имѣем опубликованный отчет, напр., за 1908 г.). Человѣкъ весьма консервативных политических убѣжденій, харьковскій проф. Вязигин писал: "Самые черные дни у нас еще впереди, а мы быстрыми шагами несемся к пропасти". Ему вторит политик умѣренных взглядов, член Гос. Сов. Шипов: "родина приближается к пропасти"... "предстоящая неизбѣжная революція легко может вылиться в форму пугачевщины". И все-таки Шипов, путем размышленія, готов признать, что "теперь чѣм хуже, тѣм лучше", ибо "чѣм скорѣе грянет этот гром, тѣм менѣе он будет страшен и опасен". И болѣе лѣвый Петрункевич хоть и признает, что наступила "полвая агонія" правительственной власти, что "теперь борьба демократизировалась в самом дурном смыслѣ", что "выступили на арену борьбы необузданныя и ликія силы", однако, все это, по его мнѣнію, свидѣтельствует, что "мы живем не на кладбищѣ". "Будущее в наших руках, если не впадет в протрацію само общество", успокаивает редактор "Рус. Вѣд." Соболевскій сомнѣвающегося своего товарища по работѣ проф. Анучина и т. д. И очень часто в перепискѣ государственных дѣятелей, ученых и простых обывателей, с которой ознакамливались перлюстраторы, звучит мотив: "вряд ли без вишняка толчка что-нибудь будет". В кругах той либерально-консервативной интеллигенціи, которая под водительством думскаго прогрессивнаго блока претендовала на преемственность власти при новых парламентских комбинаціях, ожиданіе революціи, вышедшей из нѣдр народной толщи и рисовавшейся своим радикальным разрѣшеніем накопившихся социальных противорѣчій какой-то новой "пугачевщиной", "русским бунтом, бессмысленным и безпощадным", по выраженію еще Пушкина, носило еще менѣе реалистическія формы. Революціонный жупел, поскольку он выявлялся с кафедры Гос. Думы, здѣсь был пріемом своего рода педагогическаго воздѣйствія на верховную власть в цѣлях принудить ее капитулировать перед общественными требованіями. В дѣйствительности мало кто вѣрил, что то, "чего всѣ опасаются", может случиться, и в интимных разговорах, отмѣчаемых агентами деп. полиціи (и не только ими), ожидаемая революція замѣнялась "почти безкровным" дворцовым переворотом — до него в представленіи оппозиціонных думских политиков оставалось "всега лишь нѣсколько мѣсяцев", даже, может быть, нѣсколько недѣль.

2. — Неожиданность революціи.

“Революція застала врасплох только в смыслѣ момента”, — утверждает Троцкій. Но в этом и была сущность реального положенія, предшествовавшего 27 февраля. Несомнѣнен фактъ, устанавливаемый Сухановым, что ни одна партія непосредственно не готовилась к перевороту. Будущій лѣвый с.-р. Мстиславскій выразился еще рѣзче: “революція застала нас, тогдашних партійных людей, как евангельских неразумных дѣв, спящими”. Большевики не представляли собой исключенія — накануне революціи, по образному выраженію Покровскаго, они были “в десяти верстах от вооруженнаго возстанія”. Правда, накануне созыва Думы они звали рабочую массу на улицу, на Невскій, противопоставляя свою демонстрацію в годовщину дня суда над с.-д. депутатами 10 февраля проекту оборонческих групп “хожденія к Думѣ” 14 февраля, но фактически это революціонное дѣйствіе не выходит из сферы обычной пропаганды стачек.

Нельзя обманываться лозунгами: “Долой царскую монархію” и “Да здравствует Временное Революціонное Правительство” и т. д. — то были лишь традиціонныя присказки всякой прокламаціи, выходявшей из революціоннаго подполья. Рабочіе не вышли на улицу. Быть может, свою роль сыграла агитація думских кругов, выступавших с предупрежденіем о провокаціонном характерѣ призывов*), но еще в большей степени полная раздробленность и политическое расхождение революціонных штабов. Характерно, что близкіе большевикам так называемые “междурайонцы” в особом листкѣ, выпущенном 14 февраля, “признавали нецѣлесообразным общее революціонное выступленіе пролетаріата в момент не изжитаго тяжелаго внутренняго кризиса социалистических партій и в момент, когда не было основанія рассчитывать “на активную поддержку арміи”. “Обычное”, конечно, шло своим чередом, ибо революціонныя штабы готовили массы к “грядущему выступленію”. И тот же петербургскій междурайонный комитет с.-дем. в международный день работниц 23 февраля (женское “первое мая”) выпускает листовку с призывом протестовать против войны и правительства, которое “начало войну и не может ее окончить”. Трудно поэтому уличное выступленіе 23 февраля, которое вливалось в нарастающую волну стачек, имѣвших всегда не только экономической, но и политической отѣнок, назвать “самочинным”. Военные представители иностранных миссій в телеграммѣ в Ставку движеніе, начавшееся 23-го, с самаго начала опредѣлили, как манифестацію экономическую по виду, и революціонную по существу (Легра). Самочинность его заключалась лишь в том, что оно возникло без обсужденія “предварительнаго плана”, как утверждали донесенія Охр. Отд. 26 февраля. Дѣло касается партійных комитетов, которые были далеки от мысли, что “женскій день” может оказаться началом революціи и не видѣли в данный момент “цѣли и повода” для забастовок (свидѣтельство рабочаго Вѣтрова, состоявшаго членом выборгскаго районнаго комитета большевицкой партіи).

*) См. мои книги «На путях к дворцовому перевороту» и «Золотой нѣмецкій ключ к большевицкой революціи».

Уличная демонстрация, если не вызванная, то сплетающаяся с обострившимся правительственным кризисом, была тем не менее поддержана революционными организациями (на совещании большевиков с меньшевиками и эсерами) — правда «скрѣпя сердце», как свидетельствует Каюров, при чем в «тот момент никто не предполагал, во что оно (это движение) выльется». В смыслѣ этой поддержки и надо понимать позднѣйшія (25-26 февр.) донесенія агентов Охр. Отд., отмѣчавшія, что «революционные круги стали реагировать на вторые сутки», и что «намѣтился и руководящій центр, откуда получались директивы». В этих донесеніях агентура явно старалась преувеличивать значение подпольнаго замаскированнаго центра. (Преувеличенныя донесенія и послужили поводом для ареста руководителей «рабочей группы» при Цен. Воен. Пр. Ком., осложнишаго и обострившаго положеніе). Если о Совѣтѣ Раб. Деп., который должен «начать дѣйствія к вечеру 27-го», говорили, напр., на рабочем совѣщаніи 25-го, созданном по инициативѣ Союза рабочих потребительских обществ и по соглашенію с социал-демократіей Гос. Думы, если на отдѣльных заводах происходили уже даже выборы делегатов, как о том гласила больше, правда, городская молва, то этот вопрос стоял в связи с продовольственным планом, который одновременно обсуждался на совѣщаніи в городской Думѣ, а не с задуманным политическим переворотом, в котором Совѣт должен был играть роль какого-то «рабочаго парламента». Реальный Совѣт Р. Д. возник 27-го «самочинно», как и все в эти дни, внѣ связи с только что отмѣченными разговорами и предположеніями — инициаторами его явились освобожденные толпой из предварительнаго заключенія лидеры «рабочей группы», взявшие полученную по наследству от 1905 г. традиционную форму объединенія рабочих организаций, которая сохранила престиж в рабочей средѣ и силу дѣйствительнаго лозунга пропаганды социал-демократіи. Поэтому приходится сдѣлать очень большую оговорку к утвержденію Милюкова-историка, что «социалистическія партіи рѣшили немедленно возродить Совѣт рабочих депутатов».

Как бы расцѣпывать роль революционных партійных организаций в стихійно нарастающих событіях в связи с расширяющейся забастовкой, массовыми уличными выступленіями и обнаруживавшимся настроеніем запасных воинских частей*), все же остается несомнѣнным, что до перваго официальнаго дня революціи «никто не думал о такой близкой, возможной революціи» (восп. раб. больш. Каюрова). «То, что началось в Питерѣ 23 февраля, почти никто не принял за начало революціи, —

*) Солдаты запасных частей, взятые от сохи или станка, преимущественно ратники второго разряда, «запертые в казармах ... плохо содержимые, скучающіе и озлобленные», как характеризует их быт ген. Мартынов, представляли «чрезвычайно благоприятную почву для всякой антиправительственной пропаганды». Они должны были содѣйствовать «успѣху революціи». Агент Охр. Отд. Крестьянинов доносит начальству о «контактѣ», существующем между рабочими и солдатами, у которых все «давно организовано» (правда, это были только случайно подслушанные трѣмвайные разговоры). Скопленіе в городах этих запасных было чрезвычайное — так в Петербургѣ численность гарнизона доходила до 160 тыс. чел. (явленіе, обычное и для других городов — напр., в Омскѣ гарнизон состоял из 70 тыс. при 50 тыс. взрослого населенія). «Непростительная ошибка», скажет англійскій посол в своих воспоминаніях. Но, конечно, к числу легенд слѣдует отнести утвержденіе, что это сознательно было проведено теми, кто готовил «дворцовый переворот» (больш. историк Покровский).

вспоминает Суханов: “казалось, что движение, возникшее в этот день, мало чѣм отличалось от движения в предыдущіе мѣсяцы. Такіе безпорядки проходили перед глазами современников многіе десятки раз”. Мало того, в момент, когда обнаружилось колебаніе в войсках, когда агенты охраны докладывали, что масса “послѣ двух дней безпрепятственнаго хожденія по улицам увѣрилась в мысли, что “началась революція”, и “власть бессильна подавить движенье”, что, если войска перейдут “на сторону пролетаріата, тогда ничто не спасет от революціоннаго переворота”, — тогда именно под вліяніем кровавых уличных эпизодов, имѣвших мѣсто 26-го, к большевицком подпольѣ былъ поднятъ вопрос о прекращеніи забастовок и демонстрацій. В свою очередь Керенскій в книгѣ Experiences вспоминает, что вечером 26-го у него собралось “информаціонное бюро” социалистическихъ партій — это отнюдь не былъ центр дѣйствія, а лишь обмѣн мнѣніями “за чашкой чая”. Представитель большевиков Юренев категорически заявил, что нѣтъ и не будетъ никакой революціи, что движенье в войсках сходитъ на нѣтъ, и надо готовиться на долгій періодъ реакціи... Слова Юренева (ихъ приводилъ раньше Станкевичъ в воспоминаніяхъ) были сказаны в отвѣтъ на указаніе хозяина квартиры, что необходимо приготовиться к важнымъ событіям, так как мы вступили в революцію. Были ли такіе предчувствія у Керенскаго? В другой своей книгѣ, изданной в том же 36-омъ году, онъ по иному опредѣляетъ положеніе: даже 26 февраля, — пишетъ онъ в « La Verité », никто не ждалъ революціи и не думалъ о республикѣ. Соратникъ Керенскаго по партіи, участникъ того же инф. бюро, Зензиновъ в воспоминаніяхъ, набросанныхъ еще в первые дни революціи (“Дѣло Народа” 15 марта), подтверждалъ второе, а не первое заключеніе Керенскаго: онъ писал, что “революція ударила, какъ громъ с неба, и застала врасплохъ не только правительство, но и Думу и существующія общественныя организаціи. Она явилась великой и радостной неожиданностью и для насъ революціонеровъ”. Упомянувъ об информаціонныхъ собраніяхъ тѣхъ дней, на которыхъ присутствовали представители всѣхъ существовавшихъ в Петербургѣ революціонныхъ теченій и организацій, онъ говорил, что событія разсматривались, какъ нѣчто “обычное” — “никто не предчувствовалъ в этомъ движеніи вѣянія грядущей революціи”. Не показательно ли, что в упомянутой прокламаціи, изданной Междурайоннымъ Комитетомъ 27 февраля, рабочая масса призывалась к организаціи “всеобщей политической стачки протеста” противъ “безсмысленнаго”, “чудовищнаго” преступленія, совершившагося наканунѣ, когда “Царь свинцомъ накормилъ поднявшихся на борьбу голодныхъ людей”, и когда в “бессильной злобѣ сжимались кулаки”, — здѣсь не было призыва к вооруженному возстанію. Также, очевидно, надо понимать и заявленіе представителя рабочихъ, большевика Самодурова, в засѣданіи Городской Думы 25 февраля требовавшаго не “защиты”, а совершеннаго уничтоженія режима.

3. — С п о р о в л а с т и .

Обстановка первыхъ двухъ дней революціи (она будетъ обрисована в послѣдующихъ главахъ), обнаруживавшая несомнѣнную организаціон-

ную слабость центров*), которые вынуждены были пассивно перед стихией, отнюдь не могла еще внушить демократии непоколебимую уверенность в то, что “разгром был немыслим”. Пётршевцов вспоминал, что “на другой день после революции”, при повышенном и ликующем настроении “не только отдельных людей, но и большая группа вступая охватывала пароксизм сомнений, тревоги и страха”. О “страшном колапсе” говорил временами и Керенский, как свидетельствует Суханов; пессимизм Скобелева отмечает Миллюков, проводивший с ним на одном столе первую ночь в Таврическом дворце, о своей панике рассказывает сам Станкевич; Чхеидзе был в настроении, что “все пропало” и спасти может только “чудо!” — утверждает Шульгин. О том, что Чхеидзе был “страшно напуган” солдатским восстанием, засвидетельствовал и Миллюков. Завадский рассказывает о сомнениях в благополучном исходе революции, возникших у Горького, когда ему пришлось наблюдать “панику” в Таврическом дворце 28-го, но еще большая неуверенность у него была в победе революции за пределами Петербурга. Противоречия эти были жизненны и неизбежны.

О том необычайном “парадоксе февральской революции”, который открыл Троцкий и который заключался в том, что демократия, после переворота обладавшая всей властью (ей вручена была эта власть “победоносной массой народа”), “сознательно отказалась от власти и превратила 1 марта легенду о призвании варягов в действительность XX века”, приходится говорить с очень большими оговорками. В сущности, этого парадокса не было, и поэтому естественно, что на сессии Исп. Ком., о котором идет речь, никто, по воспоминанию Суханова, не заикался даже о советском демократическом правительстве. Большевики в своей среде решали этот вопрос, как утверждает Шляпников, но во вне не вступали в борьбу за свои принципы — только слегка “поговаривали”, по выражению Суханова**). Споры возникли около предположения, высказанного “правой частью” совещания, о необходимости коалиционного правительства. Идея была выдвинута представителем “Бунда”. Очевидно, большой настойчивости не проявляли и защитники коалиции, тем более, что самые видные и авторитетные ее сторонники (меньшевик Богданов и нар. сод. Пётршевцов) в заседании не присутствовали***).

*) «Центральный большевистский штаб ... поражен беспомощностью и отсутствием инициативы». — констатирует Троцкий.

***) В «Истории» Миллюкова имеется явное недоразумение, когда воззванию Исп. Ком. 28-го, призвавшему население объединиться около Совета, приписывается мысль создания самостоятельной советской власти. Такая мысль была высказана в № 2 московских «Известий» (3 марта) — официальном органе мстистого Совета, редактируемом большевиком Степановым-Скворцовым. В статье московский Совет призывался к созданию временного революционного правительства — не для того проливалась на улицах кровь, чтобы заменить царское правительство правительством Миллюкова-Родзянко для захвата Константинополя и т. д. Статья прозвучала одиноко и никаких последствий не имела. Большевистские историки должны признать, что подобные лозунги в те дни «успеха не имели» и остались «висеть в воздухе».

***) Пётршевцов, которого «влекло туда, в народ, в его гущу», и который испытывал почти отвращение («становилось тошно») от мысли, что ему придется работать в «литературной комиссии», куда он, наряду со Стекловым, Сужиновым и Сколовым, был избран накануне, предпочел, к сожалению, отойти от центра и взять на себя комиссарство на Петербургской стороне.

Совершенно ясно, что 1-го вообще никаких окончательных рѣшеній не было принято, несмотря на произведенное голосованіе. Это была как бы предварительная дискуссія, намѣчавшая лишь нѣкоторые пункты для переговоров с Вр. Ком. Гос. Думы и выяснявшая условія, при которых демократія могла бы поддержать власть, долженствовавшую создаться в результатѣ революціонной вспышки. Стеклов, как рассказывает Суханов, — записывал пункты по мѣрѣ развивавшихся преній. Они были впоследствии на Совѣщаніи Совѣтов оглашены докладчиком по сохранившемуся черновику, который передан был затѣм в “Музей исторіи”. Эти 9 пунктов, записанных на клочкѣ плохой писчей бумаги, были формулированы так: “1. Полная и немедленная амністія по всѣм дѣлам политическим и религіозным, в том числѣ террористическим покушеніям. 2. Свобода слова, печати, союзов, собраній и стачек с распространеніем политических свобод на военно-служащих. 3. Воздержаніе от всѣх дѣйствій, предрѣшающих форму будущаго правленія. 4. Принятіе немедленных мѣр к созыву Учредительнаго Собранія на основах всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. 5. Замята полиціи пародной милиціей с выборным начальством, подчиненным органам мѣстнаго самоуправленія. 6. Выборы органы мѣстнаго самоуправленія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. 7. Отмята всѣх сословных, вѣроисповѣдных и національных ограниченій. 8. Неразоруженіе и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участіе в революціонном движеніи. 9. Самоуправленіе армій”. В этих пунктах не было намека на социально-экономическіе вопросы, которые должны встать перед Временным Правительством с перваго дня его существованія: в них не было самаго существеннаго в данный момент — отношенія к войнѣ.

Большинство Исп. Ком., по мнѣнію Суханова, принадлежало к циммервальдскому объединенію, но, поясняет мемуарист — надо было временно снять с очереди лозунги против войны, если рассчитывать на присоединеніе буржуазіи к революціи. Свернуть “циммервальдское знамя” приходилось однако и для того, чтобы договориться в собственной “совѣтской средѣ”. Совѣт с циммервальдскими лозунгами в то время не был бы поддержан солдатской массой, представители которой составляли большинство пленума. Равным образом тѣ же тактическія соображенія побуждали не выдвигать и социально-экономическіе лозунги. Как пояснял выпедшій через нѣсколько дней меньшевикій орган — “Рабочая Газета”, для рабочаго класса “сейчас непосредственно социальныя вопросы не стоят на первом планѣ”, надо напрячь “всѣ силы, чтобы создать свободную и демократическую Россію”, т. е. добыть “политическую свободу” — единственное “средство, при помощи котораго можно бороться за социализм”. Вспоминая “урок” 1905 г., “Рабочая Газета” указывала на невозможность для пролетаріата вести борьбу па “два фронта” — с “реакціей” и “капиталистами”. Слѣдовательно, не столько книжная мудрость, заимствованная из “учебников”, не столько догматика, опредѣляющая мартовскія событія, как “буржуазную революцію в классическом смыслѣ слова” и развитая в послѣдующем идеологическом осмысливаніи событій, сколько ощущеніе реальной дѣйствительности опредѣляло позиціи и тактику “верховников” из среды Исп. Ком. в смутные дни, когда, говоря словами того

же доклада Стеклова, “нельзя было с увѣренностью сказать, что переворот завершен, и что старый режим дѣйствительно уничтожен”.

Житейская логика требовала слѣдующаго шага — непосредственнаго участія представителей социалистической демократіи в той власти, которая пока существовала еще только в “потенціи”: во время войны и продовольственной разрухи приходится выбирать между правительством буржуазіи и правительством из своей среды, как выразился один из делегатов на Совѣщаніи Совѣтов, не считаясь с “резолуціями конгресса международного социализма”. Этого шага в полной мѣрѣ не было слѣдано. Был создан чреватый своими послѣдствіями убудочный компромисс, который никак нельзя разсматривать, как нѣчто, послѣдовательно вытекавшее из апріорно установленных в тѣ дни постулатов. Бундовец Рафес, один из тѣх, кто отстаивал в дневном совѣщаніи Исп. Ком. принцип коалиціонной власти, совершенно опредѣленно свидѣтельствует в воспоминаніях, что в ночном засѣданіи организационнаго Комитета партіи с.-д. вопреки мнѣнію Батуринаскаго, представлявшаго линію Исп. Ком., принято было рѣшеніе об участіи членов партіи в образованіи правительства. Отсюда вывод, что партія не считала для себя обязательным случайное голосованіе происходившаго днем совѣтскаго совѣщанія. Столь же знаменательно было появленіе на другой день в официальных совѣтских “Извѣстіях” статьи меньшевика Богданова, отстаивавшаго участіе демократіи в образованіи правительства и мотивировавшаго необходимость такого участія тѣм соображеніем, что думское крыло революціи не только склоняется к конституціонной монархіи, но и готово сохранить престол за прелким госителем верховной власти.

В бурные моменты самочинное дѣйствіе играет нерѣдко роль рѣшающаго фактора. Такое своевольное дѣйствіе от имени разнороднаго спектра социалистической общественности и совершила группа дѣятелей Исп. Ком., в сущности организационно никого не представлявшая и персонально даже довольно случайно кооптированная в руководящій орган совѣтской демократіи. Их политическая позиція была неопредѣленная и неясна. В концѣ концов фактически неважно — был ли лично инициатором начала переговоров с думцами заносчивый и самомнительный Гиммер (Суханов), разыгрывавшій роль какого-то “совѣтскаго Макиавели”, или другая случайность (приглашеніе во Врем. Ком. для обсужденія вопроса об организациі власти) превратила Суханова и его коллег Стеклова и Соколова в единственных представителей революціонной демократіи в ночь на 2-ое марта при обсужденіи кардинальнаго вопроса революціи. Интересен факт, что формальной совѣтской делегаціи не было, и что лица, дѣйствительно самочинно составившія эту делегацію, никѣм не были уполномочены, на свой риск вели переговоры и выдвигали программу, никѣм в сущности не утвержденную.

II. В рядах цензовой общественности.

1. — Легенда о Государственной Думѣ.

Каково же было умянастроеніе в том крылѣ Таврическаго дворца, гдѣ засѣдали представители “единственно организованной цензовой общественности”, для переговоров с которыми направились делегаты

Совѣта? В представленіи Суханова они шли для того, чтобы убѣдить “цензовиков” взять власть в свои руки. Убѣждать надо было в сущности Милюкова, который в изображеніи мемуариста безраздѣльно царил в “цензовой общественности”. Но Милюкова, конечно, убѣждать не приходилось с момента, как Врем. Комитет высказался “в полном сознаніи отвѣтственности” за то, чтобы “взять в свои руки власть, выпавшую из рук правительства” — уступать кому-либо дававшуюся в руки власть, лидер прогрессивнаго блока отнюдь не собирался. Для него никаких сомнѣній, отбѣченных в предшествующей главѣ, не было. Довольно мѣткую характеристику Милюкова дал в своих воспоминаніях принадлежавшій к фракціи к. д. ки. Мансырев. Вот его отзыв: “человѣкъ книги, а не жизни, мыслящій по опредѣленным заранѣе схемам, исходящій из надуманных предпосылок, лишенный темперамента чувств, неспособный к непосредственным переживаніям. Революція произошла не так, как ее ожидали в кругах прогрессивнаго блока. И тѣм не менѣе лидер блока твердо и неуклонно держался в первые дни революціи за схему, раѣе установленную и связанную с подготовлявшимся дворцовым переворотом, когда кружок лиц, заранѣе, по его собственным словам, обсудил мѣры, которыя должны быть приняты послѣ переворота. Перед этим “кружком лиц” лежала старая программа прогрессивнаго блока, ее и надлежало осуществить в налетѣвшем вихрѣ революціонной бури, значительность которой не учитывалась в цензовой общественности так же, как и среди демократіи”.

Большинство мемуаристов согласны с такой оцѣнкой позиціи “верховников” из думскаго комитета, а один из них, депутат Маклаков, даже через 10 лѣт послѣ революціи продолжал утверждать, что в мартовскіе дни программа блока требовала всего только нѣкоторой “ретуши”, ибо революція «nullement» не была направлена против режима(?!). В представленіи извѣстнаго публициста Ландау дѣло было еще проще — революція вообще не было в 17 г., а произошло просто “автоматическое паденіе стннизшаго правительства”. Подобная концепція вытекала из представленія, что революція 17 г. произошла во имя Думы, и что Дума возлгавила революцію. Маклаков так и говорит, вопреки самоочевидным фактам, что революція началась через 2 часа(!) послѣ роспуска Думы, правда, дѣлая оговорку, что революція произошла “во имя Думы”, но “не силами Думы”! Милюков в первом варіантѣ своей исторіи революціи также писал, что сигнал к началу революціи дало правительство, распустив Думу. Миф этот возник в первые же дни с того самаго момента, как Бубликов, занявшій 28-го временно должность комиссара по министерству сообщенія, разошел от имени предсѣдателя Гос. Думы Родзянко приказ, гласившій: “Государственная Дума взяла в свои руки созданіе новой власти”, — и усиленно поддерживался на протяженіи всей революціи в рядах “цензовой общественности”. Он подправлял дѣйствительность, выдвигая Гос. Думу по тактическим соображеніям на первый план в роли дѣйственаго фактора революціи. Еще в августовском Государственном Совѣщаніи, возражая ораторам, говорившим, что “революцію сдѣлала Гос. Дума в согласіи со всей страной”, Плеханов сказал: “тут есть доля истины, но есть и много заблужденія”*). С теченіем времени от

*) Плеханов имѣл в виду Милюкова и Родзянко. Опонируя Церетели, Милюков говорил: «Невѣрно, что своей побѣдой революція обязана не-

такого “заблужденія” отказался главный творец литературнаго мифа Милюков, нѣкогда озаглавившій первую главу исторіи революціи — “Четвертая Гос. Дума низлагает монархію”, но потом в связи с измѣненіями, которыя произошли в его политических взглядах, признавшій, что Гос. Дума не была способна возглавить революцію, что прогрессивный блок был прогрессивен только по отношенію ко Двору и ставленникам Распутина*), что революціонный взрыв не имѣл *никакого отношенія* к роспуску Думы, в котором масса ничего не знала (“Россія на переломѣ”), что Дума, блок и его компромиссная программа были *начисто сметены первым же днем* революціи (“Сов. Зап.”).

2. — Впечатлѣнія перваго дня.

Отвергнутая легенда передает, однако, болѣе точно идеологическія концепціи, во власти которых находились руководители “цензурной общественности” в момент переговоров с совѣтскими делегатами. В думских кругах, для которых роспуск Думы был как бы *coup de foudre*, по выраженію Керенскаго, еще меньше, чѣм в социалистическом секторѣ предполагали, что февральскіе дни знаменуют революціонную бурю. Была попытка с самаго начала дискредитировать движеніе. Гиппиус записала 23 февраля: “опять кадетская версія о провокаціи... что нарочно... спрятали хлѣб..., чтобы “голодные бунты” оправдали желанный правительству сепаратный мир. Вот глупые и слѣпые выверты. Надо же такое придумать***). “Событія 26-27 февраля — показывал Милюков в Чр. Сл. Ком. — застали нас врасплох, потому что они не выходили из тѣх кругов, которые предполагали возможность того или другого переворота, но они шли из каких-то других источников или они были стихійны. Возможно, что как раз Протопоповская попытка разстрѣла тут и сыграла роль в предыдущіе дни... Было совершенно ясно, что инсценировалось что-то искусственное...” “Руководящая рука не ясна была, — добавлял Милюков в “Исторіи” — только она исходила, очевидно, не от организованных лѣвых политических партій”.

“Полная хаотичность начала движенія” не могла подвинуть руководителей думскаго прогрессивнаго блока на героическій шаг. Когда днем 27-го члены Думы собрались в Таврическом дворцѣ на частное совѣщаніе, никакого боевого настроенія в них не замѣчалось. Сколько их было? “Вся Дума” была на лицо в представленіи Шульгина, собралось 200 членов — исчисляет Мансырев, литовскій депутат Ичас доводит эту цифру до 300. То, что происходило в Думѣ 27-го, остается до

организованной стихіи. Она обязана этой побѣдой Гос. Думѣ, объединившей весь народ и давшей санкціи перевороту». Родзянко указывал, что «страна примкнула к Гос. Думѣ, возглавившей ... движеніе и тѣм самым принявшей на себя и отвѣтственность за исход государственнаго переворота».

*) «Вѣдь это была Дума 3 июня, — писал, напр., Милюков, в день десятилѣтня революціи, — Дума с искусственно подобранным правым крылом, а в своем большинствѣ «прогрессивнаго блока» лояльная Дума, «оппозиція Его Величеству» — явно для возглавленія революціи она не годилась».

**) Сама Гиппиус полагала: «Боюсь, что дѣло гораздо хуже. Так как ... никакой картины организованнаго выступленія не наблюдается, то очень похоже, что это обыкновенный голодный бунтик. Без достоинства бунтовали — без достоинства покоримся».

сих пор неясным и противорѣчивым в деталях, даже в том, что касается самого частнаго совѣщанія — каждый мемуарист рассказывает по своему. Не будем на этом останавливаться. Создалась легенда, широко распространившаяся 27-го в Петербургѣ, о том, что Дума постановила не расходиться, как учрежденіе, и что Дума совершила революціонный акт, отказавшись подчиниться указу о роспускѣ. Так на периферіи воспринял Горькій, так воспринял молву и Пѣшеховъ. В “Извѣстіях” думскаго Комитета журналистов это “рѣшеніе” было формулировано так: “Совѣтъ старѣйшин, собравшись на экстренном засѣданіи и ознакомившись с указом о роспускѣ, постановил: Госуд. Думѣ не расходиться. Всѣм депутатам оставаться на мѣстѣ”. Милюков говорит, что безпартійный казак Караулов требовал открытія формальнаго засѣданія Думы (по словам Керенскаго этого требовала вся оппозиція в лицѣ его, Чхеидзе, Ефремова (прог.) и “лѣваго” к. д. Некрасова), но совѣтъ старѣйшин на этот революціонный путь не хотѣлъ вступать. В статьѣ, посвященной десятилѣтію революціи Милюков утверждал, что было заранѣе условлено (очевидно, при теоретическом разсужденіи о возможном роспускѣ) никаких демонстрацій не дѣлать. И потому рѣшено было считать Гос. Думу “не функционирующей, но членом Думы не развѣзжаться”. Члены Думы немедленно собрались на “частное совѣщаніе**”), и, чтобы подчеркнуть, что это “частное совѣщаніе”, собрались не в большом Бѣлом залѣ, а в соседнем полуциркульном за предсѣдательской трибуной**). О “частном совѣщаніи”, помимо довольно противорѣчивых свидѣтельств мемуаристов, мы имѣем “почти стенографическую записку”, опубликованную в 21 г. в эмигрантской газетѣ “Воля Россіи”. Кѣм составлена была записку, очень далекая от “почти стенографическаго” отчета, хотя и излагающая происходившее по минутам, неизвѣстно, и всетаки она, очевидно, составленная в то время, болѣе надежна, чѣм слишком субъективныя позднѣйшія воспріятія мемуаристов. Засѣданіе открыто было в 2½ часа дня Родзянко, указавшаго на серьезность положенія и вмѣстѣ с тѣм признававшаго, что Думѣ “нельзя еще высказаться опредѣленно, так как мы еще не знаем соотношенія сил”. Выступавшій затѣм Некрасов — тот самый, который только что перед этим в Совѣтѣ старѣйшин, по воспоминаніям Керенскаго, будто бы от имени оппозиціи среди других требовал, чтобы Дума совершила революціонное дѣйствіе, игнорируя приказ о роспускѣ — предлагал передать власть пользующемуся довѣріем человеку: ген. Маниковскому с “нѣсколькими представителями Гос. Думы***). Проект Некрасова о приглашеніи генерала из состава пра-

*) Частное Совѣщаніе было намѣчено заранѣе и им в какой связи, вопреки утвержденій Шульгина, Керенскаго и др., с указом о роспускѣ, полученным Родзянко наканунѣ под вечер, не стояло.

**) Насколько легенда прочно укоренилась в сознаніи современников видно из телеграфнаго отвѣта редакціи «Рус. Вѣд.» на запрос лондонской газеты «Daily Chronicle», который гласил, что Дума отказалась подчиниться указу о роспускѣ.

***) В воспоминаніях Шидловскаго предложеніе Некрасова охарактеризовано словами «военная диктатура», по Мансыреву это было предложеніе президенту Думы ѣхать немедленно к предсѣдателю Совѣта Министров и просить о надѣленіи Маниковскаго или Поливанова (эти кандидатуры были выдвинуты по отчету «Воля Россіи» октябристом Савичем) «диктаторскими полномочіями для подавленія бунта».

вительства и передачи власти в “старья руки” вызвал довольно единодушную критику. По отчету “Воли Россіи” возражали прогрессист Ржевскій и с. д. Чхеидзе, по воспоминаніям Мансырева, Караулов, по воспоминаніям Ичаса к. д. Аджемов, находившій “среднее рѣшеніе”, предложенное Некрасовым, “безуміем”. Большинство считало, что Дума сама должна избрать орган, которому надлежало вручить полномочія для сношенія с арміей и народом (Ржевскій). Соціалистическій сектор отстаивал положеніе, что иного выхода, как созданіе новой власти, нѣтъ — трудовик Дзюбинскій предлагал временную власть вручить сенъорен-конвенту Думы и послѣднюю объявить “Учредительным Собраніем” (по отчету “Воли Россіи” Мансырев тогда поддерживал Дзюбинскаго). Скептически высказывался Шингарев: “неизвѣстно, признает ли народ новую власть”. Когда дѣло дошло до Милюкова, то он отверг всѣ сдѣланныя предложенія — не желал он признать и Комитет из 10 лиц, который мог бы “диктаторствовать над всѣми”, признавал он “неудобным” предложеніе Некрасова и невозможность созданія новой власти, так как для этого “еще не настал момент”. Сам Милюков не помнил уже, что 27-го он предлагал. В “почти стенографической” записи Милюковская рѣчь запротоколрована в таких выраженіях: “Лично я не предлагаю ничего конкретнаго. Что же нам остается дѣлать? Поѣхать, как предлагает Керенскій, и успокоить войска, но вряд ли это их успокоит, надо искать *что-нибудь реальное*” (Дѣло в том, что в это время Керенскій — как гласит запись — обратился к Собранію с предложеніем уполномочить его вмѣстѣ с Чхеидзе поѣхать на автомобилѣ ко всѣм возставшим частям, чтобы объяснить им о поддержкѣ и солидарности Гос. Думы).

Через десять лѣт свои колебанія Милюков объяснил сознаніем, что тогдашняя Дума не годилась для возглавленія революціи. Мемуаристы осторожность лидера объясняли неувѣренностью в прочности народнаго движенія (Шульгин). По утверженію Скобелева, Милюков заявил, что не может формулировать свое отношеніе, так как не знает, кто руководит событіями*). В изображеніи Ичаса Милюков заключил рѣчь словами: “характер движенія еще настолько неясен, что нужно подождать по крайней мѣрѣ до вечера, чтобы вынести опредѣленное рѣшеніе”. “Тут мы, болѣе экспансивные депутаты, выразили бурное несогласіе с нашим лидером”, при чем Аджемов особенно настаивал, что “нельзя откладывать рѣшеніе до выясненія соотношенія сил” (“Воля Рос.”). По стенографическому отчету Родзянко обратился тогда к собранію с просьбой “поторопиться с принятіем рѣшенія, ибо промедленіе смерти подобно”. Большинством было принято рѣшеніе об образованіи “Особаго Комитета”, “Долго еще спорили”, — вспоминает Ичас — как его выбрать. Наконец, когда затянувшіяся длинныя рѣчи всѣх утомили (лѣвые депутаты Керенскій, Скобелев, Янушкевич, Чхеидзе постоянно выходили к толпѣ и возвращались на совѣщаніе, убѣждая скорѣе приступить к дѣйствию), рѣшили передать избраніе комитета сенъорен-конвенту, который должен был немедленно доложить Совѣщанію его состав. Послѣ получасоваго разговора Родзянко сообщил результаты. “У меня и моих товарищей — вновь вспоминает Ичас —

*) По словам того же мемуариста, Шингарев был в негодованіи: «подобныя вещи могут дѣлать лишь нѣмцы, наши враги».

было такое чувство, словно мы избрали членов рыболовной или тому подобной думской комиссиі. Никакого энтузіазма ни у кого не было. У меня вырвалась фраза: Да здравствует Комитет Спасенія. В отвѣтъ на это нѣсколько десятков членов Совѣщанія стали аплодировать". "Временный Комитет*) удалился на совѣщаніе (это было около 5 часов), а мы около 300 членов Думы бродили по унылым залам Таврическаго дворца. Посторопней публики еще не было. Тут ко мнѣ подошел с сіяющим лицом член Думы Гронскій: "знаешь новость. Сегодня в 9 час. веч. прѣѣдет в Таврическій дворец в. кн. Мих. Ал. и будет провозглашен императором". Это извѣстіе стало довольно открыто курсировать по Екатерининскому залу".

Ичас был нѣсколько удивлен длинным названіем Временнаго Комитета — "Комитет членов Гос. Думы для водворенія порядка в столицѣ и для сношенія с лицами и учреждениями", к. д. Герасимов объяснил: "это важно с точки зрѣнія уголовного уложенія, если бы революція не удалась бы". Скорѣе это было шуточное замѣчаніе, совершенно, конечно, прав Бубликов, утверждавшій в воспоминаніях, что в этот момент Дума (или ея суррогат) не поддержала революціи. Выжидательная позиція большинства оставалась — побѣдила по существу, осторожная линія лидера, несмотря на "бурное" несогласіе с ним многих его соратников, доказывавших, что невозможно ожидать "точных свѣдѣній". Рѣшеніе было принято при общем "недоумѣніи и растерянности" (Мансырев), в начинавшемся хаосѣ, под угрозой наступленія "тридцатитысячной" толпы, которую подсчитал Шульгин, и которая требовала, чтобы Дума взяла власть в свои руки, под крики и бряцаніе оружія вошедшей в Таврическій дворец солдатской толпы, прорвавшей обычный думскій караул, при чем начальник караула был ранен выстрѣлом из толпы. (В изображеніи Мансырева, не совпадающем с впечатлѣніями Ичаса, беспорядочные разговоры о думском комитетѣ закончились при опустѣвшем уже залѣ). Впечатлѣніе явно преувеличенное. Гипноз мифической "тридцатитысячной толпы" сказался и в послѣдующих исторических интерпретаціях, когда, напр., Чернов повѣствует, как "чуть ли не десятки тысяч со всѣх сторон" устремились в Гос. Думу, узнав о разгонѣ Думы и ея отказѣ подчиниться. Это было довольно далеко от того, что было в первый день революціи, когда разношерстная уличная толпа с преобладаніем отбившихся от казарм солдатских групп и групп студенческой и рабочей молодежи стала постепенно проникать и заполнять думское помѣщеніе. На первый день переносится впечатлѣніе от послѣдующих дней, когда Таврическій дворец сдѣлался с двумя своими оппозиціонными крылами — Временным и Испол. Комитетами, дѣйствительно, территориальным и идеологическим центром революціи и в то же время прибіжищем для всѣх отпавших от частей одиночек солдат, которых званіе Совѣта 27-го звало в Думу.

Что привело солдат в дневные часы 27-го к Государственной Думѣ? "Я буду очень озадачен — писал впоследствии один из современников, проф. Завадскій — если мнѣ докажут, что выход "волын-

*) Бюро прогрессивнаго блока было пополнено депутатами лѣваго сектора и вышедшими рѣше из блока «прогрессистами». В Комитет вошли Родзянко, Милюков, Некрасов, Дмитрюков, Шидловскій, Шульгин, Львов Вл., Караулов, Ржевскій, Коновалов, Керенскій и Чхеидзе.

цев... был обусловлен расправой правительства с Гос. Думой". Насколько прав Завадский, свидетельствуют воспоминания фельдфебеля Кирпичникова, которому приписывается инициатива призыва не идти против народа и вывода солдат Волынского полка на улицу утром 27-го*) — в них Гос. Дума даже не упомянута. Таврический дворец стал базой не в силу притяжения Думы, а в силу своего расположения в "военном городѣ", гдѣ размѣщены были казармы тѣх гвардейских частей, в которых началось движеніе — утверждает Мстиславский (отчасти Шкловский). Возможно, что эта топографическая причина оказала косвенное вліяніе, возможно сыграло свою роль воспоминаніе о несостоявшейся демонстраціи 14 февраля, возможно сюда повели оказавшихся на улицах солдат новоявленные вожаки движенія. Но 27-го это еще не было стихійным движеніем: Станкевич, напр., рассказывает, как он утром 27-го пытался толпу солдат, ворвавшуюся в школу прапорщиков на Кирочной и вооружившуюся там винтовками, убѣдить идти к Гос. Думѣ и как его слова были встрѣчены недовѣріем: "не заманивают ли в западню". Вѣроятно, гораздо большая толпа с Литейнаго пр. просочилась на Выборгскую сторону, которую издавна большевики считали своей вотчиной...

Керенский не поѣхал по казармам, как он предлагал в частном совѣщаніи членов Гос. Думы. Об этом проектѣ он вообще ничего не говорит в воспоминаніях. Рассказывает он другое. С утра он принял мѣры к тому, чтобы мятежныя части направились в Думу, но телефону из Думы убѣдивъ некоторых из своих друзей заняться этим дѣлом. В тревожном нетерпѣніи Керенский ожидал прибытія этих частей, чтобы открыть им двери Думы и закрѣпить союз мятежных солдат с народными представителями — союз "единственно который мог бы спасти положеніе". С волненіем Керенский бѣгал от окна к окну, отправляя посланцев на соседнія улицы, посмотреть — не идут ли возставшія войска. Они не шли. Гдѣ же "ваши войска" — спрашивали его негодующіе и обезкураженные депутаты. Инициатор прихода мятежных войск к Думѣ начинал уже серьезно беспокоиться затяжкой, с которой войска и народ запаздывали появиться перед Таврическим дворцом, когда раздался крик: идут. Керенский и другіе лѣвые депутаты бросились им навстрѣчу с привѣтствіем и убѣжденіем взять на себя защиту Думы от "царских войск". Революціонная армія приняла на себя охрану дворца. В "Извѣстіях" журналистов было напечатано: "около 2 час. сильныя отряды революціонной арміи подошли к Государственной Думѣ". В эти сильныя отряды превратились безпорядочныя группы, перемѣшанные с разношерстной уличной толпой. Так положено было начало легенды, занесенной Черновым на страницы своего повѣствованія о рожденіи революціонной Россіи в таких выраженіях: "первые три возставших полка, волынский, литовскій и измайловскій, истребив одних офицеров и заставив разбѣжаться других, были приведены к Гос. Думѣ штатским прис. пов. Н. Д. Соколовым". Впрочем, у этого послѣдняго имѣется конкурент: бывшая в то время в Петербургѣ французская журналистка Amelie de Nety (Маркович) записала в дневник, что честь и слава привести революціонную армію к

*) Это не столько воспоминанія Кирпичникова, сколько протокол опроса, сдѣланнаго в полковом комитетѣ.

Таврическому дворцу принадлежит близкой ей знакомой “Сонъ Морозовой” (“тов. Соня” не мифическая личность — она фигурирует в большевицком окруженіи). Самого факта возстанія *цѣлыхъ полков* и истребленія части офицеров не было — убит был начальник учебной команды волынскаго полка шт. кап. Лашкевич, — убит был в спину посланной вдогонку пулей (по другой официальной версіи он застрѣлся).

Одна легенда порождает другую. Можно считать установленным фактом, что к вечеру 27-го в Таврическом дворцѣ появилась сборная команда, имѣвшая признак нѣкоторой организованности, которая и приняла на себя охрану Думы и несла караульную службу в послѣдующіе дни. Эту часть, состоявшую преимущественно из солдат 4-й роты Преображенскаго полка (расположеннаго в Таврических казармах) привел унт. оф. этого полка Круглов. Легенда расцвѣтила факт, и на страницах “Хроники февральской революціи” можно прочесть: вечером в Таврической позвонили из офицерскаго собранія Преображенскаго полка. В полном составѣ Преображенскій полк с офицерами во главѣ направлялся в Гос. Думу. Это положило конец колебаніям Милукова. Временный думскій комитет в организованной войсковой части нашел свою поддержку и рѣшил взять власть в свои руки”. В изображеніи секретаря Родзянко Садикова (предисловіе к посмертному изданію воспоминаній Родзянко) полк явился в полном составѣ со всѣми офицерами и командиром полка кн. Аргутинским-Долгоруковым*). Легенда эта происхожденія 17 г., когда в кругах “цензурной общественности”, с одной стороны пытались объяснить, почему в момент революціи в распоряженіи Временнаго Комитета не оказалось ни одной организованной военной части, тогда как все предреволюціонное время проходило под знаком подготовки дворцоваго переворота, и стихійное выступленіе лишь предупредило ожидавшійся в началѣ марта акт, а с другой стороны пытались смягчить обостренія между командным составом и солдатскою массою, вызванныя неучастіем офицерскаго состава в движеніи 27-го, и создать впечатлѣніе, что офицеры полка всегда слѣдовали славным традиціям своих предшественников “декабристов” и что “первый полк” имперіи был всегда “за свободу”. Эту цѣль и преслѣдовала изданная Временным Комитетом брошюра тогда еще начинавшаго беллетриста Лукаша, который записал рассказы офицеров и солдат запаснаго батальона л. гв. Преображенскаго полка. Лукаш повѣствует, как 27-го утром в предвидѣніи надвигающейся грозы командный состав полка собрался в офицерском собраніи на Милліонной и по предложенію кал. Скрипицина рѣшил выйти на площадь Зимняго дворца и постараться собрать там другія гвардейскія части (“измайловцев, егерей и семеновцев”) — не для того, чтобы противодѣйствовать революціи, но, чтобы избѣжать кровопролитія, “внести порядок в ея

*) В иных работах Преображенскій полк появляется в Таврическом дворцѣ уже 26-го, при чем солдаты заявляют, что царь низложен и они отдают себя во власть Думы (Зворыжин). Русскіе лапсусы породили ошибки и у иностранных обозрѣвателей, которые представляют возставшіе полки в порядкѣ (как «на парадѣ») вступающими на революціонную стезю, напр., Измайловскій полк в изображеніи Chessin.

мягущійся поток”, и, “как организованная сила, предъявить требованія правительству”**).

Подражаніе “великому историческому стоянію” в декабрьскіе дни 1825 г. оказалось излишним, и собравшіеся 27-го на Дворцовой пл. ушли в казармы! Вечером, в 7 час., старшіе офицеры во главѣ с командиром полка “сошлись вновь в том же офицерском собраніи и рѣшили признать власть временнаго правительства. В энтузіазмѣ младшіе преображенцы бѣгут в казармы, проносятъ пламенные рѣчи о той свободѣ, которую ждали болѣе “ста лѣтъ”. В разгар энтузіазма появился в. кн. Кир. Вл., который присоединился “всѣм сердцем” к происшедшему. Было сообщено в Думу. В третьем часу ночи в Преображенскій полк прибылъ назначенный комендантом возставших частей полк. Энгельгардт и привѣтствовал героическое рѣшеніе команднаго состава, прекратившее всѣ колебанія Родзянко встать во главѣ Времен. Комитета: теперь можно сказать, что мы уже побѣдили”. Утром Преображенскій полк с оркестром музыки двинулся по Милліонной ул. к Гос. Думѣ.

Канва разсказа шита бѣлыми нитками — искусственность ея очевидна — она находится в коренном противорѣчій с тѣм, что показывал ген. Хабалов: двѣ роты Преображенскаго полка вошли в тот правительственный отряд, который днем был направлен против бунтовщиков под начальством полк. Кутепова. К вечеру, между 5-6 час., 27-го на Дворцовой пл. был сосредоточен правительственный резервъ, в состав котораго входили снова двѣ роты Преображенскаго полка под начальством командира полка Аргутинскаго-Долгорукова в соответствии с разработанным ранѣе расписаніем на случай возможнаго возникновенія беспорядков. Сюда же в район № 1, по расписанію с музыкой прибыли павловцы, отиудю не для антиправительственной демонстраціи. Приѣзжал на Дворцовую пл. и в. кн. Кирилл для того, чтобы освѣдомиться, как поступить ему с гвардейским экипажем. По словам Хабалова, он ему сказал: если части будут дѣйствовать против мятежников, “милости просим”, если против своих не будут стрѣлять, пусть лучше остаются в казармѣ. Вел. кн. прислал двѣ наиболѣе надежныя роты учебной команды. Павловцы и преображенцы, однако, ушли с Дворцовой пл. — может потому, что у них не оказалось патронов и достать их негдѣ было (и “ѣсть было нечего”), может быть, потому, что нач. ген. шт. Занкевич, которому было передано общее командованіе, поговорив с солдатами, призналъ собранный резервъ ненадежным и не задерживал части, которыя казались сомнительными. Все это очень далеко от героической идилліи, создавшейся вокруг Преображенскаго полка. И тѣм не менѣе извѣстная фактическая база под ней имѣлась. Чл. Врем. Ком. Шидловскій разсказал в мемуарах, что ве-

*) В с.-д. журналѣ «Мысль» позже в 19 г. появилась статья Кричевскаго, в которой на основаніи каких-то документов излагался план, выработанный еще ранѣе, в предшествующіе дни уличных волненій в штабѣ Преображенскаго полка, о выступленіи в понедѣльник утром (т. е. 27-го) с цѣлью с оружіем в руках добиваться осуществленія министерства довѣрія. Полк отдавал себя в распоряженіе Гос. Думы, предполагался арест правительства и отреченіе Императора. Солдаты соответственно были «информированы, и план 27-го начал осуществляться, но выступленіе оказалось уже запоздалым, так как народ стихійным порывом предупредил осуществленіе заговора.

чером, когда Родзянко размышлял — принимать ли председательствование, ему по телефону позвонил племянник, бывший офицером в Преображенском полку и сообщил, что офицеры полка постановили “предоставить себя в распоряжение Думы”. Под влиянием этого сообщения Родзянко, действительно, дал свое согласие и просил Шидловского съездить на Миллионную и “поговорить” с офицерами. В собрании Шидловский застал “в полном сборе весь офицерский состав полка и значительное количество важных генералов из командного состава гвардии”. По впечатлительному мемуариста “больше или меньше разбравшимся в том, что происходило, оказался лишь один офицер, остальные же ничего не понимали”. Шидловский объявил, что на следующий день к ним придет полк. Энгельгардт для того, чтобы дать “дальнейшие указания”. На следующий день, по утверждению Шидловского, “Преображенский полк прибыл в Таврический дворец в образцовом порядке с оркестром во главе, без единого офицера, с каким-то никому неизвестным шт. капитаном. Оказалось, что полк ушел без “вѣдома офицеров”. Сейчас же посланы были автомобили, чтобы привезти офицеров, но офицеры во-время не попали. (Эпизод этот подтверждается сохранившимися в архиве военной комиссии приказом прап. Снянни с двумя автомобилями направиться на Миллионную в казармы Преображенского полка и “привезти с собой офицеров этого полка”. Приказ за подписью Ржевского был помѣчен 4 ч. 55 м. дня). Шидловский пытался выяснить у солдат недоразумѣние и получил отвѣт, что офицеры полка вообще “держатся как-то странно, все собираются в своем собрании, о чем-то толкуют, принимают какія-то рѣшенія, но солдатам ничего не объясняют”.

Эпизод с Преображенским полком, хотя очень далекий от легенды, но подчеркивающий пассивность и колебания военной среды, должен был произвести впечатлѣние в думском комитетѣ, показав, что “первый полк” империи отнюдь не представляет собой боевую силу в правительственном лагере. Свѣдѣнія из других полков были приблизительно аналогичны. Впослѣдствіи отсутствие боевого настроенія у командного состава отмѣтил в своих показаніях перед Чр. Сл. Ком. Хабалов, требовавший соглашенія с Думой. (Есть свидѣтельство, что ген. Безобразов, находившійся в Адмиралтействѣ, предлагал попытаться взять приступом революціонную цитадель, но не встрѣтил сочувствія в окружающем офицерствѣ).

Наибольше яркую иллюстрацію к предреволюціонному настроенію нѣкоторой части командного состава дает тот самый Балтійскій флот, гдѣ событія так трагически обернулись для морских офицеров. В эту психологическую обстановку наканунѣ переворота вводит нас интереснѣйшій дневник кап. 1 ранга Рейнгартена, активнаго члена кружка прогрессивных моряков, сгруппировавшихся около адм. Непенина (см. мою книгу “На путях к дворцовому перевороту”). Дружески связанные между собою члены кружка систематически собирались на интимныя бесѣды для обсужденія “текущих вопросов”. Так собрались они и 27-го в 6 час. вечера в дѣлях обмѣняться мнѣніями о “современном политическом положеніи”. Они еще не знали того, что произошло в Петербургѣ в день их очередной бесѣды, но знали о зачавшихся волненіях в столицѣ, которые отнюдь не восприняли, как начало революціи. “В Петербургѣ — безобразія: всѣ говорят об участіи

правительства в провокаціях”, — записал Рейнгартен*), хотя сам он за нѣсколько дней перед тѣм говорил в дневникъ: “мы вѣрно ускоренным движеніем приближаемся къ великим событіям”. “Событія приняли грозный оборот”, — продолжает запись 27-го. “Обстоятельства не допускают промедленія. Момент уже пропущен. Нужны немедленные поступки и рѣшенія. Дума и всѣ общественные дѣятели вялы и мягкотѣлы. Надо дать им импульсъ извинѣ, для этого надо имѣть опредѣленный план”. Эта “программа дѣйствій” в представленіи собравшихся на бесѣду 27-го активную роль отводила “отвѣственным политическим дѣятелям” — Государственной Думѣ, которая совместно с Гос. Совѣтом должна составить “Законодательный Корпус” и избрать отвѣтственную перед послѣдним исполнительную власть. “Происшедшее должно быть доведено до свѣдѣнія полковника” (т. е. Государя). По намѣченному плану предварительно на фронт должны быть посланы “авторитетныя лица” къ высшим военным начальникам, которые должны обезпечить “спокойствіе” в дѣйствующей арміи во время “дальнѣйших дѣйствій в тылу”. Политически единомышленники, собравшіеся 27-го, допускали, что перед флотом может встать дилемма не подчиниться “Ставкѣ” и “Царю”, если оттуда послѣдует распоряженіе “поддержать старый порядок”. “И мы обязаны сдѣлать, все, что в наших силах, чтобы рѣшеніе адмирала (т. е. Непенина) шло къ спасенію Россіи”. “Постановили мы так: по очереди идти къ командующему и откровенно и рѣшительно высказать свои взгляды на вещи, указав на полную невозможность выполнить такой его приказ, который пошел бы в разрѣзъ с нашими убѣжденіями”. (Как поступил Непенин, когда в Гельсингфорсѣ дошло “потрясающее извѣстіе” о том, что Гос. Дума образовала Временное Правительство и что къ нему примкнули “пять гвардейских полков”, будет рассказано ниже). Событія опередили намѣченный план устройства предварительнаго совѣщанія с общественными дѣятелями с цѣлью повліять на них и сказать, что “нѣкоторые круги флота настойчиво просят дѣйствовать, ибо нельзя оставаться мягкотѣлыми и пассивными сейчас”. — “Чаша терпѣнія переполнилась”.

В момент, когда Рейнгартенскій кружок принимал “рѣшеніе”, в Гельсингфорсѣ пришли юзограммы о “безпорядках в войсках**”) — они реально поставили представителей Гос. Думы в тѣ же вечерніе часы 27-го перед проблемой, которую теоретически обсуждала группа моряков. Продолжавшіеся колебанія Временнаго Комитета вызывались сознаніем неопредѣленности положенія. Вот как охарактеризовал вечерніе часы 27-го один из авторов “Коллективной” Хроники февральской революціи и непосредственный участник движенія в индивидуальной статьѣ, посвященной памяти вольноспредѣляющагося Финляндскаго полка Фед. Линде, который сумѣлъ проявить организационную инициативу и своим вліяніем на солдатскую стихію закрѣпить “поле битвы за революціей***)”; “сгущались сумерки, падало настроеніе, по-

*) Он добавлял: «прочел статью в англ. журналѣ «New Statements»; там прямо говорится о бывших попытках заключить сепаратный мир, а про Протопопова что он «организовал бунт».

**) Интересно, как опредѣлил дневник «лозунги» происшедших безпорядков: «война до побѣды», «долой Императрицу», «дайте хлѣба».

***) Некрологическое прувеличеніе роли, сыгранной 27-го Линде, не имѣет значенія. Этот молодой философ-математик, цѣликом отдавшійся по-

явились признаки сомнѣнія и тревоги... Сознаніе содѣянаго рисовало уже мрачную картину возмездія. Распопалась видимость коллективной силы. Возставшая армія грозила превратиться в сброд, который становился тѣм слабѣе, тѣм он был многочисленнѣе. Наступил самый критическій момент перелома в настроеніи. И революція могла принять характер бунта, которому обычно уготован один конец: самоистребленіе"... Наконец, в 11½ час. веч., когда выяснилось, что правительство "находится в полном параличѣ", как выразился Родзянко в телеграммѣ Рузскому, "думскій комитет рѣшил, наконец, принять на себя бразды правленія в столицѣ. Может быть, в предвидѣніи, что эта власть получит высшую санкцію, ибо характер переговоров, которые вел в это время предсѣдатель Думы и предсѣдатель Времен. Ком. с правительством, как мы увидим, был очень далек от той формы, которую придал им в воспоминаніях другой член Врем. Ком. Вл. Львов, утверждавшій, что Родзянко получил отвѣтъ — с бунтовщиками не разговаривают: "на мятеж Совѣтъ Министров отвѣчает только оружіем". Первое воззваніе Временнаго Комитета к народу, за подписью предсѣдателя Думы Родзянко, выпущенное в ночь с 27 на 28 февраля отнюдь не было революціонным. Напомним его: "Временный Комитет Г. Д. при тяжелых условіях внутренней разрухи, вызванной маразмом стараго правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки возстановленіе государственнаго и общественаго порядка. Сознвая всю отвѣтственность принятаго им рѣшенія, Комитет выражает увѣренность, что населеніе и Армія помогут ему в трудной задачѣ созданія новаго правительства, соответствующаго желаніям населенія и могущаго пользоваться довѣріем его".

В эти часы Таврической дворец и по внѣшности мало походил на "штаб революціи". Конечно, очень субъективны воспріятія, и каждый мемуарист запомнит лишь то, что ему бросилось в глаза и что так или иначе соответствовало его настроенію. Попав только "вечером" в Таврической дворец, Станкевич увидал перед дворцом лишь "небольшія, нестройныя кучки солдат", а "у дверей напирала толпа штатских, учащейся молодежи, общественных дѣятелей, старавшихся войти в зданіе**). Внутри, в "просторном залѣ" он нашел в "волненіи" Керенскаго и Чхеидзе. А гдѣ же остальные члены Думы — они "разбѣжались, потому что почувствовали, что дѣло плохо". "А дѣло вовсе не было плохо — заключает Станкевич — но только оно не сосредоточивалось в Таврическом дворцѣ, который только сам считал себя руководителем возстанія. На самом дѣлѣ возстаніе совершалось стихійно на улицах"***), Этими уличными столкновеніями пыталась руководить образовавшаяся при Исп. Ком. военная коммиссія под водительством ст. лейт. с. р. Фи-

ривам «историческаго мгновенія», трагически погиб в качествѣ военнаго комиссара на фронтѣ под ударами разнузданной солдатчины в дни подготовки іюнскаго наступленія.

*) Как далеко это от той уличной толпы, которую изобразил 27-го перед Думой в своем «селянском» увлеченіи Чернов — толпа, от которой пахло «дегтем, овчиной и трудовым потом».

***) Не только Станкевича, но и Пѣшехонова поразили «тишина и безлюдіе», которыя он нашел в Таврическом дворцѣ, куда он пришел в 9½ час. вечера, идя уже по пустым улицам города с далекой Петербургской стороны. Шел Пѣшехонов по Лигейному мимо пылающаго еще зданія Судебных Установленій и встрѣчал только «отдѣльных прохожих».

липовскаго и военного чиновника, библиотекаря Академіи ген. шт. с.-р. Мстиславскаго (Масловскаго), в свое время выпустившаго нелегальное руководство по тактикѣ уличнаго боя. Они разсылали по городу для подкрѣпленія сражавшихся или для выполненія отдѣльных опредѣленных заданий, “ударныя группы” под начальством имѣвшихся в их распоряженіи десятка-другого прапорщиков — преимущественно случайно оказавшихся в Петербургѣ “фронтоников”, не связанных с мѣстным гарнизоном. Но “ударныя группы” подчас до мѣста назначенія не доходили — “расходились по дорогѣ”. Был послан даже броневик для захвата правительства в Маріинском дворцѣ, но был обстрѣлян и вернулся. (Со слов “одного из членов правительства” Родзянко рассказывает, что несуществившееся нападеніе на Маріинскій дворец вызвало такую там “панику”, что успѣли потушить всѣ огни — и “когда снова зажгли огонь”, собесѣдник Родзянко “к своему удивленію оказался под столом”). Этот “нѣсколько анекдотическій” эпизод, по мнѣнію мемуариста, “лучше всего может характеризовать настроеніе правительства в смыслѣ полного отсутствія руководящей идеи для борьбы с возникающими безпорядками”). Это впоследствии в отчетѣ военной комиссіи именовалось “боевым руководством возставших войск”... При таких условіях естественно, что рѣшеніе Временнаго Комитета взять власть, сообщенное в кулуарах Милюковым, было в соинѣтских кругах встрѣчено аплодисментами (Пѣшехонов), а Суханов внутренне сказал себѣ: теперь переворот не будет задавлен “разрухой”.

Волшебная палочка революціи совершенно измѣнила картину на слѣдующій день, когда правительственныя войска сами “постепенно... разошлись”, по характеристикѣ главнокомандующаго Хабалова. На улицах, гдѣ шла почти “безпричинная” пальба, продолжали безцѣльно бродить толпы вооруженных солдат, “безумно” металсь автомобили, переполненные солдатами, рабочей и учащейся молодежью, но эта вышняя анархія парализовалась притягательной силой, которую стала представлять “Государственная Дума”, т. е. Тавричскій дворец, к которому уже трудно было “протолкаться”. “Революція наша свой центр”... — заключают составители хроники февральских событий. Перваго марта перед Думой парадировали уже цѣлыя воинскія части с офицерским составом — революція приобрѣтала характер “парада” (так выражалась “Рѣчь” в своем послѣдующем — 5 марта — обзорѣ событий), на котором перед солдатами в качествѣ офицеров почти “монополюшо”, по словам Шляпникова, выступали представители Комитета Гос. Думы. Отсюда создавалось впечатлѣніе, что только вмѣшательство Думы дало уличному движенію центр, знамя и лозунги. Это был самообман, если принять формулировку, которую в историческом повѣствованіи, предназначенном для иностраннаго читателя, дал другой видный юрист-историк проф. Нольде — в работѣ, характеризующей ход развитія революціи, он заявляет, что до 27-го движеніе не имѣло «aucun but, aucun objet». (Правда, столь рѣшительный вывод сдѣлан в книгѣ, преслѣдующей популяризаторскія цѣли). Подобная схема на каждом шагу, с перваго часу революціи, приходила в коллизію с дѣйствительностью. Не Дума руководила стихіей, а стихія влекла за собой Временный Комитет. Слишком многіе это непосредственно ощущали. Быть может, поэтому в рядах думских дѣятелей, не загипнотизированных теоретическими выкладками, наблюдалась “робость,

растерянность, первѣтельность”, отмѣчаемыя в дневникѣ Гипіус 28-го. Без соглашенія с “демократіей”, без поддержки совѣта — признает Родзянко — целью было водворить даже “подобіе порядка”. В силу этих обстоятельств вечером 1-го “додумались”, по выраженію Шульгина, пригласить делегатов от Совѣта. Они пришли по собственнотой инициативѣ, как утверждает Суханов, но производило впечатлѣніе, что их ждали, что думскіе люди считали неизбѣжной “рѣшающую встрѣчу”, но, не ориентируясь, как слѣдует, в совѣтских построениях, предпочитали выжидательную тактику.

3. — Переговоры.

Послѣдуем за Сухановым в рассказѣ о том, что происходило в “учредительном” и “отвѣтственном” засѣданіи, начавшемся в первом часу*). По мнѣнію Суханова, никакого официальнаго засѣданія не происходило — это был обмен мнѣніями, “полуприватными решиками”, засѣданіе без формальнаго предсѣдателя и т. д. Вел бесѣду с совѣтскими делегатами Милоков — видно было, что он “здѣсь не только лидер”, но и “хозяин в правом крылѣ”. Большинство хранило “полнѣйшее молчаніе” — “в частности глава будущаго правительства кн. Львов не пророчил за всю ночь ни слова”. Сидѣл “все время в мрачном раздуміи” Керенскій, не принимавшій “никакого участія в разговорах”. Суханов запомнил лишь отдѣльныя реплики Родзянко, Некрасова, Шульгина и Вл. Львова. С такой характеристикой в общем согласны всѣ мемуаристы из числа присутствовавших тогда лиц. Четверо (т. е. три совѣтских делегата и Милоков) вели дебаты — вспоминает Шульгин: “Мы изрѣдка подавали реплики из глубокой простраціи”. Керенскій, в свою очередь, упоминает, что он ничего не может сказать о переговорах, так как он принимал в них очень маленькое участіе. В тѣх рѣдких случаях, когда он присутствовал на длительном “засѣданіи”, был совершенно инертен и едва (a peine) слушал то, о чем говорили**). Керенскій — практик, а не теоретик — не придавал, по его словам, никакого значенія этим академическим разговорам общаго характера.

Бесѣда началась — по рассказу Суханова — с разговора о парившей в городѣ анархіи, о необходимости бороться с эксцессами, но “агитаторы — замѣчае мемуарист — не замедлили убѣдиться, что они ломятся в открытую дверь”, и что основная “техническая” задача Совѣта заключается в борьбѣ с анархіей. Суханов постарался перевести разговор на другія рельсы, указав, что основной цѣлью даннаго совѣщанія является выясненіе вопроса об организаціи власти и планов

*) Милоков изображает его объединенным засѣданіем Временнаго Комитета и Временнаго Правительства, при чем добавляет, что Вр. Пр. охотно пошло на обсужденіе условій, выдвинутых Совѣтом. Надо ли говорить, что в момент, когда происходило засѣданіе. Врем. Прав. еще не было сконструировано, хотя и были уже намѣчены лица, которыя должны были в него войти.

**) Воспоминанія Керенскаго, дѣйствительно, показывают, что он плохо вынкал в то, о чем говорилось, поэтому так легко на страницах его повѣствованія появляются необоснованныя утвержденія, в родѣ того, что, напр., программа соглашенія «демократіи» и «цензовиков» предварительно была выработана думским Комитетом.

руководящих групп Государственной Думы. Совѣтъ предоставляет ценовымъ элементамъ образовать Временное Правительство, считая, что это соответствуетъ интересамъ революціи, но, какъ единственный органъ, “располагающій сейчасъ реальной силой”, желаетъ изложить тѣ требованія, которыя онъ отъ имени демократіи предъявляетъ къ правительству, создаваемому революціей. Вслѣдъ за тѣмъ Стекловъ торжественно огласилъ принятія будто бы Совѣтомъ положенія. “На лицѣ Милюкова можно было уловить даже признаки полнаго удовлетворенія” — повѣствуетъ рассказчикъ. Милюковъ, вѣроятно, ожидалъ, что будутъ выдвинуты боевые вопросы о войнѣ и социальныхъ заданіяхъ революціи. Но боевые лозунги были сняты представителями “демократіи”, выступившими со своей платформой въ средѣ “цензовой общественности”: даже рѣшено было “не настаивать передъ прогрессивнымъ блокомъ на самомъ терминѣ Учредительнаго Собранія”. То, что представители демократіи не заговорили о войнѣ, открывало будущему правительству извѣстную свободу дѣйствій въ этомъ отношеніи, что и учитывалось въ противномъ лагерѣ, какъ явленіе положительное.

Единственнымъ боевымъ программнымъ пунктомъ явился вопросъ о монархіи. Милюковъ рѣшительно отказывался принять формулировку, предложенную въ совѣтской платформѣ и гласившую, что “Времен. Правит. не должно предпринимать никакихъ шаговъ, предрѣшающихъ будущую форму правленія”. Соглашаясь на то, что вопросъ окончательно рѣшитъ Учредительное Собраніе, лидеръ “прогрессивнаго блока” требовалъ сохраненія монархіи и династіи въ переходный моментъ. Милюковъ считалъ, что царствующій императоръ подлежитъ устраненію, но на вакантный престолъ долженъ быть возведенъ его наслѣдникъ при регентствѣ в. кн. Михаила. По увѣренію Суханова защитникъ монархическаго принципа пытался воздѣйствовать на представителей демократіи довольно грубой и упрощенной аргументаціей, доказывая имъ, что въ переходное время монархія не опасна, принимая во вниманіе личныя качества ближайшихъ претендентовъ на власть: “одинъ больной ребенокъ, а другой совсѣмъ глупый человѣкъ”. Насколько подобная аргументація была распространена въ думскихъ кругахъ, показываетъ запись о разговорахъ, что “Михаилъ будетъ пѣшкой” и т. д. Тщетно противная сторона пыталась указать Милюкову на утопичность его плана, считая “совершенно абсурднымъ” попытку отстаивать династію и получить на это санкцію демократіи. Керенскій въ воспоминаніяхъ весьма скептически отзывался о позиціи совѣтской делегаціи — тѣхъ представителей революціонной демократіи, которые вмѣсто того, чтобы требовать немедленно провозглашенія республики, выступали на роляхъ какихъ-то не-предрѣшенцевъ. Но тогда самъ онъ не нарушилъ своего молчанія, хотя и зналъ, что большинство думскаго комитета стоитъ за монархію — не нарушилъ потому, что вопросъ казался ему фактически предрѣшеннымъ въ сторону республиканскую: уже въ ночь на 28-е Керенскій зналъ, что династія исчезла навсегда изъ исторіи Россіи*). По утверженію Милюкова, делегаты *согласились* отказаться отъ пункта, согласно которому “вопросъ о формѣ правленія оставался открытымъ”, (вѣту мину — добавляетъ историкъ-мемуаристъ — въ этой скромной формѣ

*) На совѣщаніи присутствовалъ и предсѣдатель Совѣта Чхеидзе, входившій въ составъ думскаго Комитета, но роль его въ часы ночного дѣвнія на 2-е марта совершенно неясна.

обеспечивалась возможность разрѣшенія этого вопроса в смыслѣ республики, тогда как *временное правительство (?) принимало мѣры к обеспеченію релігійства Михаила*). Суханов позже по другому информировал об итогах совѣщанія лѣвое крыло Таврическаго дворца: оставалось еще неликвидированным разногласіе о формѣ правленія, т. е. вопрос продолжал быть открытым — во всяком случаѣ для совѣтской стороны.

Другіе пункты, по мнѣнію Суханова, не вызывали больших возраженій. Милюков говорит, что по его настоянію “послѣ продолжительных споров” делегаты согласились “вычеркнуть требованіе о выборности офицеров”, т. е. отказались от введенія в число условій своей поддержки того самаго принципа, который уже утром 2-го марта они положили в основу знаменитаго приказа № 1. Выходит, как будто бы, что делегаты нарушили соглашеніе прежде, чѣм оно было окончательно заключено. Неувязка в текстѣ историка будет ясна, когда мы познакомимся с условіями изданія “приказа № 1”, в котором нѣтъ ни слова о выборности офицеров. В тезисах, оглашенных Стекловым, говорилось лишь о самоуправленіи арміи, под которым подразумевалась организація полковых комитетов, регулирующих внутреннюю жизнь войсковых частей. Так или иначе соглашеніе было достигнуто, повидимому, легким добавленіем о распространеніи политических свобод на военнслужащих “в предѣлах, допускаемых военно-техническими условіями” (п. 2). В пунктѣ 8 то же положеніе о солдатских правах в сущности еще раз было повторено с оговоркой: “при сохраненіи строгой военной дисциплины в строю и при несеніи военной службы”. Вопреки утвержденіям, попадающимъ в исторических работах *) о том, что думскій Комитет вынужден был признать столь роковой в послѣдствіи пункт о невыводѣ из Петербурга военных частей, принимавших участіе в возстаніи, этот пункт не вызвал никаких возраженій, ибо имѣл “временный характер” и трактовался, как шаг, тактически необходимый для успокоенія солдатских масс. “В ту минуту” как-то о будущем думали мало и многого не предвидѣли. Обсудив “условія” поддержки Совѣтом вновь образующейся власти, Совѣщаніе перешло к разсмотрѣнію “требованій” цензовиков, которыя в формулировкѣ Суханова сводились к требованію заявленія со стороны Совѣта, что новое правительство “образовалось по соглашенію с Совѣтом”, и принятія Исп. Ком. соответствующих мѣр для водворенія спокойствія и особенно в налаживаніи контакта между солдатами и офицерами. Это не вызвало возраженій, и в дальнѣйшем совѣтскіе делегаты были информированы о предположеніях на счет личнаго состава правительства, при чем, по словам Суханова, имя представителя демократіи Керенскаго не было упомянуто.

Во время бесѣды Соколов принес составленную в алармистских тонах прокламацію, которая выпускалась Гучковым от имени объединенной военной комиссіи, им возглавленной. Хотя “ничего особенно страшнаго” в прокламаціи не было, делегаты Совѣта заволновались и указали на несвоевременность таких воинствующих выступленій, принимая во вниманіе, что Совѣт в цѣлях соглашенія снял с очереди свои военные лозунги. И здѣсь возраженій не послѣдовало, и думскіе

*) Напр., в біографіи кн. Львова, написанной Полнером.

представители согласились на задержание прокламации. Рѣшено было сдѣлать перерыв для того, чтобы Временный Комитет мог обсудить отдѣльно намѣченные пункты соглашенія. По предложенію Милокова во время перерыва совѣтские делегаты должны были заняться составленіем деклараціи для опубликованія ея совместно с деклараціей Правительства. Постановлено было собраться через час, т. е. около 5 час. утра. Когда Суханов возвращался в помѣщеніе, занятое Исп. Ком., он встрѣтил в коридорѣ Гучкова, который только теперь направлялся в думскій Комитет. Суханов сообщил Гучкову о судьбѣ его прокламации и изложил мотив ея задержанія: “Гучков выслушал, усмѣхнулся и, ничего не сказав, пошел дальше”. В Исп. Ком. Суханова ждал новый сюрприз. Появился листок, выпущенный совместно петербургской организаціей соц. рев., руководимой большевизанствующим Александровичем, сторонником “соціалистической власти немедленно”, и “междурайонцами”. Прокламация была направлена против офицеров. “Теперь, когда вы возстали и побѣдили — гласило воззваніе к солдатам — к вам приходят... бывшіе враги офицеры, которые называют себя вашими друзьями. Солдаты, лисій хвост нам страшнѣе волчьего зуба”. Для того, чтобы “не обманули дворяне и офицеры — эта романовская шайка — возьмите власть в свои руки, выбирайте сами взводных, ротных и полковых командиров... Всѣ офицеры должны быть под контролем ротных комитетов. Принимайте к себѣ только тѣх офицеров, которых вы знаете, как друзей народа”. Слухи о прокламации проникли в думскую половину Таврическаго дворца. “Как буря” влетѣл Керенскій, обвиняя издателей прокламации в провокаціи. В объективной оцѣнкѣ факта сходились всѣ, и наличный состав Исп. Ком. рѣшил задержать и эту прокламацию до рѣшенія Исп. Ком. на слѣдующій день...

На сценѣ выдвинулись другія осложненія. Вновь появившійся Керенскій сообщил, что “соглашеніе сорвано”, что цензовики не соглашаются “организовать правительство” при создавшихся условиях. Оказалось, что Соколов по собственной инициативѣ написал проект деклараціи и огласил ее в средѣ Думскаго Комитета*).

Она была неудачна — признает Суханов. Посвятив декларацію цѣлком выясненію перед солдатами фizioноміи офицерства, Соколов сдѣлал это в тонах, которые давали основаніе для вывода, что никакого контакта с офицерами быть не может. В думском помѣщеніи, куда немедленно направился Суханов, уже не было “почти никого из прежних участников или зрителей Совѣщанія”, и только за столом сидѣли Милоков и Соколов — Милоков передѣлывал соколовскую декларацію: “никаких слѣдов от какого-либо инцидента”... не было. Впослѣдствіи Суханову говорили, что дѣло было вовсе не в неудачном текстѣ проекта Соколова, а в том, что Гучков “устроил род скандала” своим коллегаем, и что он отказался участвовать в Правительствѣ, которое лишено права высказываться по “кардинальному вопросу своей будущей политики”, т. е. о войнѣ. “Выступленіе Гучкова — пишет Суханов — произвело перегурбацію и возможно, что оно, дѣйствительно, подорвало тот контакт, который, казалось, уже обеспечивал образованіе правительства на требуемых нами основах”. То, что говорили Суханову, подтвер-

*) Этот человек вообще слѣшил с инициативой — по записи Гиппиус ему приписывается и редакция согласительных пунктов, написанных будто бы его собственной рукой.

ждает и Милюков в своей исторіи: “когда всё эти переговоры были уже закончены, поздно ночью... приѣхал А. И. Гучков, проведшій весь день в сѣщеніяхъ съ военными частями и в подготовкѣ обороны столицы на случай ожидавшагося еще прихода войск, посланных в Петроград по приказу Николая II. Возраженіе Гучкова по поводу уже состоявшагося соглашенія побудили оставить весь вопрос открытым”. “Только утром слѣдующаго дня, по настоянію М. В. Родзянко, П. Н. Милюков возобновил переговоры”. Это утро слѣдующаго дня в изображеніи Суханова наступило через час. Инцидент с выступленіем Гучкова, котораго мы еще коснемся, вліянія на соглашеніе не имѣл. Гораздо большее разпогласіе у Милюкова и Суханова имѣется в вопросѣ о совѣтской деклараціи, которую отчасти написал, отчасти редактировал сам Милюков. Эта декларація в окончательном видѣ состояла из трех абзацев. Ее начал писать Суханов, продолжил, очевидно, Соколов, текст котораго и был замѣнен текстом Милюкова. “Товарищи и граждане, — писал Суханов: приближается полная побѣда русскаго народа над старой властью. Но для побѣды этой нужны еще громадныя усилія, нужна исключительная выдержка и твердость. Нельзя допускать разъединенія и анархіи. Нужно немедленно пресѣкать всё беззаконство, грабежи, врыванія в частныя квартиры, расхищенія и порчу всякаго рода имущества, безцѣльные захваты общественныхъ учреждений. Упалок дисциплины и анархія губят революцію и народную свободу”. *“Не устранена еще опасность военнаго движенія против революціи”* — заканчивал Милюков: “Чтобы предупредить ее, весьма важно обезпечить дружную согласованную работу солдатъ с офицерами. Офицеры, которым дороги интересы свободы и прогрессивнаго развитія родины, должны употребить всё усилія, чтобы наладить совмѣстную дѣятельность с солдатами. Они будут уважать в солдатѣ его личное и гражданское достоинство; будут бережно обращаться с чувством чести солдата... С своей стороны солдаты будут помнить, что армія сильна лишь союзом солдатъ и офицерства, что нельзя за дурное поведеніе отдѣльных офицеровъ клеймить всю офицерскую корпорацію. Ради успѣха революціонной борьбы надо проявить терпимость и забвеніе несущественныхъ проступковъ против демократіи тѣхъ офицеровъ, которые присоединились къ той рѣшительной борьбѣ, которую вы ведете со старым режимом”. К этому тексту прибавлено было введеніе, написанное Стекловым: “Новая власть, создающаяся из общественно умѣренныхъ слоев общества, объявила сегодня о всѣхъ тѣхъ реформахъ, которыя она обязуется осуществить частью еще в процессѣ борьбы со старым режимом, частью по окончаніи этой борьбы. Среди этихъ реформъ нѣкоторыя должны привѣтствоваться широкими демократическими кругами: политическая амнистія, обязательство принять на себя подготовку Учредительнаго Собранія, осуществленіе гражданскихъ свободъ и устраненіе національныхъ ограниченій. И мы полагаемъ, что в той мѣрѣ, в какой нарождающаяся власть будетъ дѣйствовать в направленіи осуществленія этихъ обязательствъ и рѣшительной борьбы со старой властью — демократія должна оказать ей свою поддержку”. Милюков утверждаетъ, что первая часть была добавлена на другой день, послѣ обсужденія соглашенія в Совѣтѣ, и что в этихъ словахъ сказалась “подозрительность”, с которой Совѣтъ обѣщала правительству поддержку. Здѣсь была принята “впервые та знаменитая формула: “постоль-

ко-поскольку”, которая заранѣе ослабляла авторитет первой революціонной власти среди населенія”. Из не совсѣм опредѣленных указаний Суханова вытекает, что этот абзац был введен послѣ его ухода Стекловым, продолжавшим совѣщаться с Милюковым. С категоричностью можно утверждать лишь то, что “на другой день” (вѣрнѣе в ту же ночь) при окончательной редакціи приведеннаго in extenso текста введение было санкціонировано Милюковым без протеста (в Совѣтѣ соглашеніе обсуждаться еще не могло).

Если сравнить рассказ Суханова (с добавленіями, взятыми у Милюкова) с рассказом Шульгина о том, что происходило в ночь с 1-го на 2-е, ясно будет, почему приходится безоговорочно отвергнуть драматическое изложеніе послѣдняго. Упомянув о “грызні” Вр. Ком. с “возрастающей наглостью” Исполкома, Шульгин сообщает, что “вечером додумались пригласить в Комитет Гос. Думы делегатов от Исполкома, чтобы договориться до чего-нибудь”. Всѣм было ясно, что возрастающее двоевластіе представляло грозную опасность. В сущности вопрос стоял — “или мы или они”. Но “мы не имѣли никакой реальной силы”. И вот пришли трое — “какіе-то мерзавцы”, по слишком образной характеристикѣ мемуариста. “Я не помню, с чего началось”... но “явственно почему-то помню свою фразу: одно из двух — или арестуйте всѣх нас... и правьте сами. Или уходите и дайте править нам”.... “За этих людей взялся Милюков”. “С упорством, ему одному свойственным, он требовал ст них написать воззваніе, чтобы не дѣлали насилій над офицерами”...

“Чтобы спасти офицеров, мы должны были чуть не на колѣнях молить “двух мерзавцев” из жилов и одного “русскаго дурака” (слова эти почему-то берутся в кавычки!)... Мы, “всероссійскія имена”, были бессильны, а эти “неизвѣстно откуда взявшіеся” были властны рѣшить, будут ли этой ночью убивать офицеров**). И “сѣдовласый” Милюков должен был убѣждать, умолять, заклинать. “Это продолжалось долго, безконечно”. Затѣм начался столь же безконечный спор насчет выборнаго офицерства. Наконец, пошли писать (все тѣ же “трое”). Написали. “Засѣданіе возобновилось... Началось чтеніе документа. Он был длинен. Девять десятых его были посвящены тому, какіе мерзавцы офицеры... Однако, в трех послѣдних строках было сказано, что все-таки их убивать не слѣдует... Милюков вѣднлся в них мертвой хваткой... Я не помню, сколько часов это продолжалось... Я совершенно извелся и перестал помогать Милюкову... Направо от меня лежал Керенскій... в состояніи полнаго изнеможенія... Один Милюков сидѣлъ упрямый и свѣжій. С карандашом в руках он продолжал грызть совершенно безнадежный документ... Миѣ показалось, что я слышу слабый запах эфира... Керенскій, лежавшій пластом, вскочил, как на пружинах... Я желал бы поговорить с вами... Это он сказал тѣм трем: Рѣзко, тѣм безапелляціонным, шекспировским тоном, который он усвоил в послѣдніе дни... — Только наединѣ!... Идите за мной!... Через четверть часа дверь “драматически” раскрылась. Керенскій блѣдный, с

*) Еще днем Суханов совмѣстно со Стекловым составил воззваніе к солдатам против самосудов и насилій над офицерами. Оно не было напечатано в «Извѣстіях», так как набершики отказались набирать его, найдя, что оно стоит в иѣкотором «противорѣчій» с одновременно набиравшимся «приказом № 1». Так, по крайней мѣрѣ, говорит Суханов.

горящими глазами: представители Исп. Ком. согласны на уступки... Трое снова стали добычей Милокова. На этот раз он быстро выработал удовлетворительный текст... Бросились в типографию. Но было уже поздно: революционные наборщики прекратили уже работу. Было два-три часа ночи"... *Ничего подобного не было.* Впрочем сам Шульгин замѣчает: "я не помню"... "Тут начинается в моих воспоминаніях кошмарная каша". И это вопліѣ соответствует тому, что мы читаем в напечатанных воспоминаніях Шульгина. От всѣх переговоров в ночь на 2-е марта у Шульгина ослалось впечатлѣніе, что рѣчь шла только о каком-то умиротворяющем воззваніи к солдатам*).

Болѣе, чѣм произвольное, изложеніе мемуариста сопровождается опредѣленным акомпаниментом, мало соответствующим настроеніям, которыя господствовали в эту ночь. Они, надо думать, в дѣйствительности не отвѣчали тогдашнему самочувствію самого Шульгина. В 28 году Шульгину были отвратительныя призывы: "свобода, свобода, свобода — до одури, до рвоты". Свои эмигрантскія переживанія он переносит в годы, о которых рассказывает, как мемуарист. По воспоминаніям он с перваго часа революціи мечтал о том, как бы "разогнать всю эту сволочь", всю эту "многотысячную толпу", имѣющую "одно общее неизрѣченно гнусное лицо": "вѣдь это — были воры в прошлом (?), грабители в будущем". "Как я их ненавидѣлъ!" Умереть, "лишь бы не видѣть отвратительнаго лица этой гнусной толпы, не слышать этих мерзостных рѣчей, не слышать воя этого подлага сброда". "Ах, пулеметов — сюда, пулеметов"! — вот "чего мнѣ хотѣлось, ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпѣ, и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшася на свободу страшнаго звѣря. Увы! — этот звѣрь был... Его Величество русскій народ". Такими образами буквально переполнены страницы, посвященныя февральским дням, при чем сокращенныя цитаты дают лишь блѣдную копію всѣх перлов литературнаго краснорѣчія автора воспоминаній. Конечно, может быть, таковы и были подлинныя чувства праваго націоналиста. Если это было так, то Шульгин, очевидно, в революціонной столицѣ умѣлъ тогда скрывать свои настроенія. (Мы увидим, что в Псковѣ, как свидѣтельствует официальная записка, Шульгин выявил свой облик довольно близко к тому, что он пишет в воспоминаніях). Иначе совершенно непонятно, как мог бы Керенскій получить впечатлѣніе, что в тѣ дни Шульгин проявлял « *un esprit révolutionnaire sincère* »? Как мог самый правый член думскаго комитета числиться в кандидатах революціоннаго правительства? — "он мог войти в правительство, если бы захотѣлъ", — говорит Милоков, но "отказался и предпочел остаться в трудную минуту для родины при своей профессіи публициста". Иным, чѣм в собственных воспоминаніях, рисуется Шульгин в часы переговоров и Суханову, в изложеніи котораго Шульгин, рекомендуясь монархистом, "был мягче Милокова, высказывая лишь свои общіе взгляды по этому предмету" и

*) Сцену увода Керенским Соколов (а не всѣх делегатов) для частной бесѣды, отмѣчает в воспоминаніях и Вл. Львов, ставя это внушеніе в связь с «приказом № 1», к составленію котораго Соколов был причастен (см. ниже). Возможно, что это было по линіи масонства, связывавшей обоих дѣятелей лѣваго крыла тогдашней предреволюціонной общественности. (См. мою книгу «На путях к дворцовому перевороту»).

пе выражая никаких “ультимативных” требований. Сопартнер Суханова при ночных переговорах, Стеклов в докладѣ, сдѣланном в Совѣщаніи Совѣтгов, характеризуя “перерожденіе в дни революціоннаго пожара в вихрѣ революціонныхъ событій психологіи... группы цѣнзовыхъ буржуазныхъ слоев”, упоминалъ о Шульгинѣ, который, выслушавъ текстъ одного изъ пунктовъ платформы, опредѣлявшей ближайшую дѣятельность будущаго временнаго правительства — “принять немедленно мѣры къ созыву Учр. Собранія”... “потрясенный всталъ съ своего мѣста, подошелъ и заявилъ: “Если бы мнѣ сказали два дня тому назадъ, что я выслушаю это требованіе и не только не буду противъ него возражать, но признаю, что другого исхода нѣтъ, что эта самая рука будетъ писать отреченіе Николая II, два дня назадъ я назвалъ бы безумцемъ того, кто бы это сказалъ, и себя считалъ бы сумасшедшимъ, но сегодня я ничего не могу возразить. Да, Учред. Собраніе на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія”. Не одинъ Шульгинъ былъ в такомъ настроеніи. Стекловъ утверждалъ, что Родзянко также “потрясенный” событіями, которыя для него “были еще болѣе неожиданными, чѣмъ для насъ”, слушая “ужасные пункты”, говорилъ: “по совѣсти ничего не могу возразить”. Очевидно, общій тонъ переговоровъ здѣсь переданъ значительно вѣрнѣе, нежели в личныхъ воспоминаніяхъ Шульгина. Только такъ переживая эти моменты, самъ Шульгин позднѣе могъ сказать на собраніи членовъ Думы 27 апрѣля: “мы спаялись съ революціей”, ибо не могли бы спаяться ни при какихъ условіяхъ съ “горсточкой негодяевъ и маниаковъ, которые знали, что хотѣли гибели Россіи”, патріотически настроенные люди, даже “раздавленные тяжестью свалившагося” на нихъ бременя.

4. — Настроенія перваго марта.

Послѣ крушенія “самой солнечной, самой праздничной, самой безкровной” революціи (такъ восторженно отзывался прибывшій въ Россію французскій социалистъ министръ Тома), послѣ того, какъ в густомъ туманѣ, заставшемъ политическіе горизонты, зашло “солнце мартовской революціи” — многіе изъ участниковъ ея не любятъ вспоминать о томъ “опьянѣніи”, которое охватило ихъ в первые дни “свободы”, когда произошло “историческое чудо”, именовавшееся февральскимъ переворотомъ. “Оно очистило и просвѣтило насъ самихъ” — писалъ Струве въ № 1 своего еженедѣльника “Русская Свобода”. Это не помѣшало Струве въ позднѣйшихъ размышленіяхъ о революціи сказать, что “русская революція подстроена и задумана Германіей”. “Восьмымъ чудомъ свѣта” назвала революцію в первой статьѣ и “Рѣчь”. Епископъ уфимскій Андрей (Ухтомскій) говорилъ, что в эти дни “совершился судъ Божій”. Обновленная душа съ “необузданной радостью” слѣдила инстинктивно во вѣдѣ проявить свои чувства, и уже 28-го, когда судьба революціи совсѣмъ еще не была рѣшена, улицы Петербурга переполнились тревожно ликующей толпой, не отдававшей себѣ отчета о завтрашнемъ днѣ*). В эти дни “многіе цѣловались” — скажетъ лѣвый Шкловскій. “Незнакомые люди поздравляли друг друга на улицахъ, христосовались будто на Пасху” — вспоминаетъ въ “Быломъ” Кельсонъ. Таково впечат-

* «Праздничное, радостное возбужденіе» Пѣшехоновъ у себя на Петербургской сторонѣ отмѣтилъ раньше — 27-го.

лѣвіе и инженеря Ломоносова: “в воздухъ что-то праздничное, как на Пасху”. “Хорошее, радостное и дружное” настроеніе, отмѣчает не очень лѣво настроенный депутат кн. Мансырев. У всѣхъ было “праздничное настроеніе”, по характеристикѣ будущаго члена Церковнаго Собора Руднева, человѣка умѣренно правыхъ взглядовъ. Также “безоглядно и искренно” всѣ радовались кругом бывш. прокурора Судебной палаты Завадскаго. “Я никогда не видѣлъ сразу в таком количествѣ столько счастливыхъ людей. Всѣ были именинниками” — пишетъ толстовецъ Булгаков *). Всегда нѣсколько скептически настроенная Гиппиус в “незабвенное утро” 1 марта, когда к Думѣ текла “лавина войскъ” — “стройно, с флагами, со знаменами, с музыкой”, видѣла в толпѣ все “милая, радостная, вѣрющія лица”. Такихъ свидѣтельствъ можно привести немало, начиная с отклика еще полудѣтскаго в дневникѣ Пташкиной, назвавшей мартовскіе дни “весеннимъ праздникомъ”. Это вовсе не было “дикое веселье рабов, утратившихъ страхъ”, какъ опредѣлялъ ген. Врангель настроеніе массы в первые дни революціи. И, очевидно, соответствующее опьянѣніе наблюдалось не только в толпѣ, “влюбленной в свободу” и напоминавшей Рудневу “тетеревова на току”. Извѣстный московскій адвокат, видный членъ централн. комитета партіи к. д., польскій общественный дѣятель Ледницкій рассказывал, напр., в Московской Думѣ 2-го марта о тѣхъ “счастливыхъ дняхъ”, которые он провел в Петербургѣ. Москвичи сами у себя находились в состояніи не менѣе радужномъ: “ангелы поютъ в небесахъ” — опредѣляла Гиппиус в дневникѣ тонъ московскихъ газетъ. На вопросъ из Ставки представителя управленія передвиженіемъ войскъ полк. Ахшарумова 2 марта в 11 час. о настроеніи в Москвѣ — жителей и войскъ, комендантъ ст. Москва-Александровская безъ всякихъ колебаній отвѣчалъ: “настроеніе прекрасное, всѣ ликуютъ”. В этомъ всеобщемъ ликованіи — и повсемѣстномъ в странѣ — была вся реальная сила февральскаго взрыва**). Очевидно, ликовали не только “опредѣленно лѣвые”, какъ пытался впоследствии утверждать знаменитый адвокатъ Карабчевскій. Недаромъ, по утверженію Вл. Львова, даже Пуришкевичъ в дни “мартовскаго ликованія” ходилъ с “красной гвоздичкой”.

Конечно, были и пессимисты — и в средѣ не только дѣятелей исчезающаго режима. Трудовикъ Сташкевичъ, опредѣлявшій свое отношеніе къ событіямъ формулой: “черезъ десять лѣтъ будетъ хорошо, а теперь —

*) Любопытно, что Булгаков, оказавшись в писательской средѣ Мережковскаго, нашел, что онъ «в первый разъ сталкивался за эти дни с такимъ мрачнымъ взглядомъ на судьбу революціонной Россіи». Дневникъ Гиппиус, если онъ точно в своихъ записяхъ передаетъ тогдашнія настроенія своего автора, отнюдь не даетъ достаточнаго матеріала для безнадежнаго пессимизма. Возможно, что «дѣтски сіяющій», по выраженію писательницы, толстовецъ нѣсколько переоцѣнилъ законный скепсисъ язвительнаго Антона Крайняго по поводу «кислыхъ извѣстій о нарастающей стихійности и враждѣ Совѣтовъ и думцевъ...» Гиппиус признается, что навелъ на нихъ «ужаснѣйшій мракъ» пришедшій «в полное отчаяніе и безнадежности» в 11 час. веч. из Думы никто иной, какъ будущій лѣвый с.-р. Иванов-Разумникъ: онъ с «полнымъ ужасомъ и отвращеніемъ» смотрѣлъ на Совѣтъ. Позже Иванов-Разумникъ, в страничкѣ воспоминаній, напечатанной в партійномъ органѣ «Знамя», заявлялъ, что это онъ попалъ в «штаб-квартиру будущей духовной контр-революціи».

***) Характерно, что воспоминанія о своего рода пасхальныхъ настроеніяхъ проходятъ во множествѣ мемуарныхъ откликовъ: в Кіевѣ всѣ поздравляли друг друга, какъ «в свѣтлый Христовъ день» (Оберучев).

через недѣлю пѣмпы будут в Петроградѣ”, склонен утверждать, что “такія настроенія были, в сущности, главенствующими.. Официально торжествовали, славословили революцію, кричали “ура” борцам за свободу, украшали себя красным бантом и ходили под красными знаменами... Но в душѣ, в разговорах наединѣ, — ужасались, содрогались и чувствовали себя плѣненными враждебной стихіей, идущей каким-то невидимым путем... Говорят, представители прогрессивнаго блока плакали по домам в истерикѣ от безсильнаго стчаянія”. Такая обобщающая характеристика лишена реальнаго основанія. Смѣло можно утверждать, что отдѣльные голоса — может быть, даже многочисленныя — тонули в общей атмосферѣ повышеннаго оптимизма. Ограниченія, пожалуй, надо ввести, — как мы увидим, только в отношеніи лиц, отвѣтственных за внѣшній фронт, — и то очень относительно. Не забудем, что ген. Алексѣев столь рѣшительно выступавшій на Моск. Гос. Сов., все же говорил о “свѣтлых, ясных днях революціи”.

“Широкія массы легко поддавались на удочку всенароднаго братства в первые дни” — признает историк-коммунист Шляпников.

Пусть это “медовое благолѣпіе” первых дней, “опьянѣніе всеобщим братаніем”, свойственным “по законам Маркса”, всѣм революціям, будет только, как предсказывал не сантителальный Ленин, “временной болѣзнью”, факт остается фактом, и этот факт накладывал своеобразный отпечаток на февральско-мартовскіе дни. И можно думать, что будущій член Временнаго Правительства, первый революціонный синодскій обер-прокурор Вл. Львов искренне “плакал”, наблюдая 28-го, “торжественную картину” подходивших к Государ. Думѣ полков со знаменами. “Плакали”, по его словам, и солдаты, слушавшіе его слащавую рѣчь: “Братцы! да здравствует среди нас единство, братство, равенство и свобода”, — рѣчь, которая казалась реалистически мыслящему Набокову совершенно пустой. Однако, окружающая обстановка побѣдила первоначальный скептицизм Набокова, просидѣвшаго дома весь первый день революціи, и он сам почувствовал 28-го тот подъем, который уже разсѣян был в атмосферѣ. Это было проявленіе того чувства имитативности, почти физическаго стремленія слиться с массой и быть заодно с ней, которое может быть названо революціонным психозом.

Колебанія и сомнѣнія должны были проявляться в средѣ тѣх, кто должен был “стать на первое мѣсто”, конечно, гораздо в большей степени, нежели в обывательской безответственной интеллигентной массѣ. Допустим, что прав французскій журналист Ане, посѣщавшій по нѣсколько раз в день Думу и писавшій в статьях направляемых в «Petit Parisien»*), что “члены Думы не скрывают своей тоски”. И тѣм не менѣе всеобщаго гипноза не мог избѣжать и думскій Комитет. Поэтому атмосфера ночных переговоров, обрисованная в тонах Шульгина, не могла соответствовать дѣйствительности. Вѣдь трудно себѣ даже представить через тридцать лѣтъ, что в заключительной стадіи этих переговоров столь чуждый революціонному экстазу Милюков расцѣловался со Стекловым — так, по крайней мѣрѣ, со слов Стеклова

*) Эти статьи и составляют как бы подневную запись мемуариста, принадлежавшаго к буржуазной средѣ и освѣщавшаго событія с извѣстной тенденціей.

разсказывает Суханов*). Симптомъ политических разногласій двух группировок, конечно, были на лицо: их отмѣчала телеграмма, посланная главнымъ морскимъ штабомъ (гр. Каппистомъ) перваго марта в Ставку (адм. Русину) и помѣченная 5 час. 35 мин. дня: ...“порядокъ налаживается с большимъ трудомъ. Есть опасность возможности раскола в самомъ Комитетѣ Г. Д. и выдѣленія в особую группу крайнихъ лѣвыхъ революціонныхъ партій и Совѣта Раб. Деп.”, но эти разногласія в указанной обстановкѣ вовсе не предрекали еще неизбежности разрыва и столкновенія, на что возлагала свои надежды имп. Алек. Фед. в письмѣ къ мужу 2-го марта: “два теченія — Дума и революціонеры — двѣ змѣи, которыя, какъ я надѣюсь, отгрызутъ другъ другу голову — это спасло бы положеніе”.

Надо признать довольно безплодную попытку учесть сравнительно удѣльный вѣс того и другого революціоннаго центра в условіяхъ уличныхъ волненій первыхъ дней революціи — и совершенно бесплодна такая попытка со стороны лицъ, не проникавшихъ по своему положенію в самую гущу тогдашнихъ настроеній массоваго столичнаго жителя и солдатской толпы. Талантливый мемуаристъ проф. Завадскій совершенно увѣренъ, что звѣзда “примостившагося” къ Гос. Думѣ Совѣта Раб. Деп. “меркла в первое время в лучахъ думскаго комитета” и что “временный комитетъ Думы обладалъ тогда такую полнотою власти духовной и физической, что безъ существенныхъ затрудненій могъ взять подъ стражу членовъ совѣтскихъ комитетовъ”. Такія слишкомъ субъективныя позднѣйшія оцѣнки (Завадскій ссылается на “впечатлѣніе многихъ уравнишенныхъ” и на его взглядъ “не глухихъ людей”) не имѣютъ большого историческаго значенія уже потому, что этотъ вопросъ просто не могъ тогда возникнуть в сознаніи дѣйствовавшихъ лицъ — и не только даже в силу отмѣченныхъ идеалистическихъ настроеній. По утвержденію Шульгина подобная мысль не могла придти в голову уже потому, что в распоряженіи Комитета не было никакихъ “вооруженныхъ людей”**). По позднѣйшему признанію Энгельгардта, сдѣланному Куропаткину в маѣ, онъ былъ “хозяиномъ лишь первые шесть часовъ”. Лишь очень поверхностному и случайному наблюдателю могло казаться, что весь Петербургъ в рукахъ комитета Гос. Думы. Такъ докладывалъ 2-го прибывшій в Москву в исключительно оптимистическомъ настроеніи думскій депутатъ, членъ партіи к. д., проф. Новиковъ (это отмѣтилъ № 3 Бюллетеня Ком. Общ. Организ.). “Спасити русскую государственность”, какъ нѣсколько высокопарно выражается Керенскій, Врем. Комит. безъ содѣйствія Совѣта было крайне трудно. Совѣтъ, по своему составу естественно стоявшій

*) Эту сентиментальную сцену нельзя не сопоставить с послѣдующей трактовкой тогдашняго «душевнаго состоянія» лидера цензовой общественности, данной Алдановымъ в историческомъ этюдѣ «Третье марта», который былъ напечатанъ в юбилейномъ сборникѣ в честь Милюкова. Писатель говоритъ (какъ будто бы со словъ самого Милюкова) о «ужасныхъ подозрѣніяхъ» Милюкова, которыя в «глубинѣ души» шевелились — велъ ли онъ политическіе переговоры с представителями «революціонной демократіи» или передъ нимъ были «германскіе агенты» (!).

**) Однако, по словамъ того же мемуариста, нѣчто в этомъ родѣ пришло в голову черезъ нѣсколько дней члену Гос. Думы казаку Караулову. Онъ задумалъ «арестовать всѣхъ» и объявить себя диктаторомъ. Но, когда, онъ повелъ такія рѣчи в одномъ наиболѣе «надежномъ полку», онъ увидѣлъ, что, если онъ не перестанетъ, то ему самому не соборовать.

в большой непосредственной близости к низам населения, легче мог влиять на уличную толпу и вносить нѣкоторый “революционный” порядок в хаос и стихію. Отрицать такое организующее начало Совѣта в первые дни может только тот, кто в своем предубѣжденіи не желает считаться с фактами*). Подобное сознание неизбежно само по себѣ заставляло избѣгать столкновения и толкало на сотрудничество. Также очевидно было и то, что без активного содѣйствія со стороны Совѣта думскій комитет, связавшій свою судьбу, судьбу войны и страны с мятежом, не мог бы отразить подавление революціи, если бы извѣсь сорганизовалась такая контр-революционная правительственная сила. А в ночь с 1-го на 2-е марта для Временнаго Комитета совершенно неясно было, чѣм закончится поход ген. Иванова, лишь смутныя и противорѣчивыя свѣдѣнія о котором доходили до Петербурга. Довольно показательно, что именно по инициативѣ Милюкова в согласительную декларацию от Совѣта, выработанную в ночном совѣщаніи, было введено указаніе на то, что “не устранена еще опасность военного движенія” против революціи. Эта опасность служила не раз темой для рѣчей Милюкова, обращенных къ приходившим в Таврической дворец воинским частям. Так, напр., по тогдашней записи 28-го лидер думскаго комитета, обращаясь к лейб-гренадерам, говорил: “Помните, что враг не дремлет и готов стереть нас с вами с лица земли”**). Вѣроятно, в ночь на второе отсутствовавшій на переговорах Гучков, кандидат в военное министерство и руководитель военной комисси Вр. Комитета, пытался, если не организовать защиту, как утверждал в своей рѣчи 2-го Милюков, то выяснить положеніе дѣл со стороны возможной обороны. Надо было обезвредить Иванова и избѣжать гражданской войны.

Неопредѣленная обстановка, вопреки всѣм схемам и теоретическим предпосылкам, накладывала и во Временном Комитетѣ отпечаток на переговоры, которые велись с ним от имени Исп. Ком. Совѣта. Этот отпечаток довольно ясно можно передать записью в дневникѣ Гипсіус, помѣчанной 11 час. 1-го марта: “весь вопрос в эту минуту: будет ли создана власть или не будет. Совершенно понятно, что... ни один из Комитетов, ни думскій, ни совѣтскій, властью стать не может. Нужно что-то новое, третье...” “Нужно согласиться — записывает перед тѣм писательница — и не через 3 ночи, а именно в эту ночь”. “Вожаки Совѣта” и “думскіе комитетчики” “обязаны идти на уступки”... “Безвыходно, они понимают”... “положеніе безумно острое”. По записям Гипсіус, сдѣланным на основаніи информации, которую “штаб” Мерещковских получал от Иванова-Разумника (преимущественно, однако, в передачѣ Андрея Бѣлаго) можно заключить, что в теченіе всего перваго марта шли непрерывные переговоры о конструкціи власти между “во-

*) В свое время это организующее значеніе отмѣтил Милюков, относившійся с рѣзким отрицаніем къ захватническим тенденціям руководителей Совѣта.

**) Яркій примѣръ того, как позднѣйшіе біографы неточно передают настроенія своих героев в смутные дни революціи. В упомянутой юбилейной памятке Алданов пишет о Милюковѣ: «Со своим обычным видом «смотреть бодро» он говорил солдатам об открывающейся перед Россіей новой свѣтлой жизни, и видѣніе близкой гибели Россійскаго государства складывалось в нем все яснѣе».

жаками совѣта” и “думцами-комитетчиками” и “все отчетливѣе” выяснялся “разлад” между Врем. Комитетом и Совѣтом. Напр., под отмычкой “8 час.” можно найти такую запись: “Борь телефонировал из Думы Ив. Разумняк. Он сидит там в видѣ наблюдателя, вклееннаго между Комитетом и Совѣтом, слѣдит, должно быть, как развертывается это историческое, двуглавое засѣданіе”. Такое представленіе, как бы опровергающее версію Сухалова, будет, очевидно, очень точно. Дѣло может идти лишь о том “неуловимом” контактѣ, который неизбежно устанавливался между двумя дѣйствующими “параллельно” крыльями Таврическаго дворца и сводился к частным разговорам и официальной информации. Никаких конкретных данных, свидѣтельствующих о том, что члены думскаго комитета были болѣе или менѣе освѣдомлены о теченіях, намѣчавшихся в Совѣтѣ, мы не имѣем. Скорѣе приходится предположить, что дѣятели Комитета не имѣли представленія о том, что при обсужденіи програмнаго вопроса в совѣтских кругах была выдвинута иѣкоторой группой идея коалиціоннаго правительства. По собственной инициативѣ люди “прогрессивнаго блока” такой идеи выдвинуть не могли, ибо они по своей психологіи туго осваивались с тѣм новым, что вносила революція — органически “еще не понимали” — как записывает Гиппиус —, что им суждено дѣйствовать во “время” и в “стихиі революціи”. Невѣрный учет происходивших событій искривлял историческую линію — быть может, единственно правильную в то время. В ночь, когда двѣ руководящія в революціи общественыя группы вырабатывали соглашеніе, никто не поднял вопроса о необходимости попытаться договориться по существу программы, которая должна быть осуществлена в ближайшее время. Извѣстная договоренность, конечно, требовала и другого состава правительства. “Радикальная” программа, которая была выработана, являлась только выѣшней оболочкой — как бы преддверіем к свободной дискуссіи очередных социально-политических проблем. В дѣйствительности получался гиблой компромисс, ибо за флагом остались всѣ вопросы, которые неизбежно должны были выдвинуться уже на другой день.

Возможен ли был договор по существу при выѣшне діаметрально противоположных точках зрѣнія? Не должен ли был трезвый ум во имя необходимаго компромисса зараиѣе отвергнуть утопію? Как ни субъективен будет отвѣг на вопрос, который может носить лишь предположительный характер, подождем с этим отвѣтом до тѣх пор, пока перед нами не пройдет фильмовая лента фактов, завершивших собой событія рѣшающей ночи. В них, быть может, найдем мы прямое указаніе на то, что в тогдашней обстановкѣ не было презумпціи, предуказывающей невозможность фактическаго соглашенія. Можно констатировать один несомнѣнный факт: вопрос, который представлялся кардинальным для хода революціи, не был в центрѣ вниманія современников. Объяснить это странное явленіе макиавелистической тактикой, которую примѣняли обѣ договаривающіяся стороны, желая как бы сознательно обмануть друг друга — так вытекает из повѣствованія мемуаристов — едва ли возможно... Наложили свой отпечаток на переговоры ненормальныя условія, в которых они происходили... Никто не оказался подготовленным к революціи — во всяком случаѣ в тѣх формах, в которых она произошла. Всѣ вопросы пришлось таким образом разрѣшать *ex abrupto* в обстановкѣ чрезвычайной умственной и физической пере-

утомленности, когда лишь “нѣсколько человѣкъ”, по выраженію Шульгина, “в этом ужасном сумбурѣ думали об основных линіях”. Но и эти “нѣсколько человѣкъ” стнюдъ не могли спокойно проанализировать то, что происходило, и больше плыли по теченію. Вдуматься в событія им было некогда. Вѣдь с перваго дня революціи общественных дѣятелей схватил какой-то по истинѣ психоз говоренія: “только лѣнвивый не говорил тогда перед Думой” (Карабчевскій). Автор одного из первых историко-психологических очерков русской революціи, озаглавленнаго “Русскій опыт”, Рысс писал, что будущій историк первый фазис революціи будет принужден назвать “періодом рѣчей”. Керенскій вспоминает, какое величайшее удовлетвореніе доставляла ему возможность произносить слова о свободѣ освобождающемуся народу. Вѣроятно, не один Керенскій — оратор по призванію и профессіи — испытывал такое ощущеніе потребности высказаться*). И только впоследствии начинало казаться, что дѣлали они это поневолѣ, чтобы “потоком красивых слов погасить стонъ возбужденія или наоборот пожаром слов поднять возбужденіе”. По выраженію американскаго наблюдателя илж. Рута, прибывшаго в Россію с желѣзнодорожной миссіей, Россія прерратилась в націю из 180 милліонов ораторов. Этого психоза далеко не чужд был и тот, кто по общему признанію доминировал в рядах “деззовой обществнности” и был вдохновителем политической линіи Временнаго Комитета. Сам Миллюков охотно воспользовался антитезой бюграфа кн. Львова, противопоставившаго в революціи “чувство” Керенскаго “уму” Миллюкова. Приходится, однако, признать, что синтетическій ум Миллюкова не сыграл в рѣшающую ночь должной роли и не только потому, что Миллюков, как записывала та же Гиппиус, органически не мог понять революціи.

Отрицательные результаты недоговоренности сказались очень скоро. В ближайшіе же дни неопредѣленность в вопросѣ об юридическом завершеніи революціи, о формах временной правительственной власти и о методѣ дѣйствія согласившихся сторон создала трудное положеніе. Это роковым образом прежде всего сказалось на судьбах отрѣкшагося от престола монарха.

*) Это не было и специфической чертой интеллигенціи. В одном из послѣдующих документов революціи (доклад депутатов в Врем. Комитетѣ о поѣздках в провинцію) зарегистрирован яркій бытовой облик деревенскаго оратора, прѣхавшаго из центра односельчанина: «говорит, говорит — уморится; сядет, закроет глаза и сидит, пока не отойдет немного, отошел — опять начинается, пока опять из сил не выбьется».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

В ПОИСКАХ КОМПРОМИССА

I. Не состоявшаяся поѣздка Родзянко.

В предварительных ночных переговорах представители думскаго комитета отвергли непредрѣшенческую формулу рѣшенія вопроса о государственной власти, предложенную делегатами Совѣта, — отвергли потому, что Врем. Ком., по словам Милюкова, уж *предпринимал* мѣры к замѣнѣ Николая II Михаилом. К сожалѣнью, Милюков сам не рассказывал, какіе были сдѣланы в этом отношеніи конкретные шаги, и потому остается неизвѣстным, что именно имѣл в виду здѣсь историк-мемуарист. Представители революціонной демократіи, как пытаются утверждать мемуаристы и историки лѣваго сектора нашей общественности, вообще не интересовались в это время Царем и династіей, “не придавая всей этой политической вознѣ никакого значенія” (Чернов). До такой степени все “само собой разумѣлось”, вплоть до “изложенія Николая II”, что в “эти дни, — вспоминает Суханов, — никто из нас не заботился о практическом и формальном осуществленіи этого “акта”: никакія усилія, никакая дипломатія, никакія козни “праваго крыла” тут ничего не могли измѣнить ни на іоту”.

В дѣйствительности такое отношеніе объяснялось в гораздо большей степени неопредѣленностью положенія, когда практически не исключалась возможность даже гораздо большаго компромисса, чѣм тот, который формально представителями демократіи намѣчался в часы ночных переговоров. В “записках” Суханова имѣется одно мемуарное отступленіе, как-будто вѣрно передающее настроеніе нѣкоторых кругов демократіи: “я даже немного опасался, как бы вопрос о династіи не вытѣснил в порядкѣ дня проблему власти, разрѣшавшуюся совершенно независимо от судьбы Романовых. В этом послѣднем ни у кого не было сомнѣній. Романовых можно было *возстановить*, как династію, или использовать, как монархическій принцип, но их никак нельзя было уже принять за фактор созданія новых политических отношеній в странѣ”. Современники передают (в частности, Зензинов), что сам Суханов в эти первые дни в интимных бесѣдах не проявлял большого политическаго ригоризма, считая кандидатуру в. кн. Михаила фактически вполне благопріятствующей для “дальнѣйшей борьбы демократіи”, т. е. допуская, что отреченіе имп. Николая II может и не предрѣшать собой еще “формы правленія” в ближайшем будущем. Составители “Хроники февральской революціи”, сами непосредственно участвовавшіе в совѣтской работѣ того времени, формулировали вопрос так: “поглощенный непосредственной организаціонной работой в городѣ, он (т. е. Исп. Ком.) *как-то* не интересовался вопросом о формѣ власти, о Царѣ, династіи. Предполагалось, что вопросы этого ро-

да входят, естественно, в компетенцію Врем. Комитета". Позднѣйшія утверждєнія (их можно найти у Чернова и др.), что "цензовая демократія" скрывала от "совѣтской демократіи" свои переговоры со старой властью, надо считать ни на чем не основанными... Косвенныя данныя указывают на то, что дѣятели Исп. Ком. были в достаточной мѣрѣ осведомлены о "закулисных переговорах". Это не дѣлалось официально, как и все в тѣ дни... И, быть может, разговоры в "частном порядкѣ", как выражается большевицкій историк Шляпников, явившіеся суррогатом открытой и опредѣленной постановки вопроса, надо признать одной из роковых черт тактики первых дней революціи.

Опираясь, очевидно, главным образом на показанія Суханова, авторы "Хроникъ" говорят, что вопрос о Царѣ перед Исп. Ком. встал "совершенно случайно" утром 1-го марта в связи с предположенной поѣздкой Родзянко на ст. "Дно" для непосредственных переговоров с посителем верховной власти. Родзянко не мог же выѣхать, так как "желѣзнодорожники не дали ему поѣзда без разрѣшенія Исп. Ком." Из правого крыла Таврическаго дворца для урегулированія недоразумѣнія был прислан нѣкій полковник. "Вопрос о поѣздѣ Родзянко был рѣшен очень быстро одним дружным натиском", — утверждает Суханов. Он лично говорил: "Родзянко пускать к Царю нельзя. Намѣреній руководящих групи буржуазіи, "прогрессивнаго блока", думскаго комитета мы еще не знаем и ручаться за них никто не может. Они еще ровно ничѣм всенародно не связали себя. Если на сторонѣ Царя есть какая-нибудь сила, — чего мы также не знаем, — то "революціонная" Гос. Дума, ставшая на сторону народа, непременно станет на сторону Царя против революціи". Рѣшено было в поѣздкѣ Родзянко "отказать". Через короткое время в комнату влетѣл блѣдный уже совершенно истрепанный Керенскій. На его лицѣ было отчаяніе... "что вы сдѣлали?..." — заговорил он прерывающимся, трагическим шепотом. "Родзянко должен был ѣхать, чтобы заставить Николая подписать отреченіе, а вы сорвали это... Вы сыграли в руку монархіи". Керенскій в обморкѣ или полубморкѣ упал на кресло*). Когда его привели в чувство, он произнес рѣчь о необходимости контакта между правым и лѣвым крыльями Таврическаго дворца и требовал пересмотра принятаго рѣшенія. В результатѣ всѣми голосами против трех поѣзд Родзянко был разрѣшен; "Родзянко, однако, не уѣхал. Времени прошло слишком много, а спарядить поѣзд было можно не так скоро"... Царь не дождался Родзянко на ст. Дно и выѣхал в Псков. Так повѣствует полумемуарист, полуйсторик первых дней революціи.

Нѣтъ основанія цѣликом отвергать рассказанный эпизод, проходящій в том или другом видѣ через ряд мемуаров, — правда, с очень существенными и коренными противорѣчіями. Как всегда, эпизод пріобрѣтает особо заостренный характер у Шульгина. Этот мемуарист вообще изображает предсѣдателя Думы въѣвъ себя от негодованія на "мерзавцев" из числа "собачьих депутатов"**) независимо даже от афронта, полученнаго им в первоначальном рѣшеніи Исп. Комитета фактически отмѣнить поѣздку на встрѣчу с Императором. Такая характери-

*) В такое полубморочное состояніе Керенскій в эти дни необычайно нервнаго напряженія впадал довольно часто, и это, как говорят всѣ, производило на толпу сильное гипнотизирующее впечатленіе.

**) Термин, появившійся значительно позже.

стика очень мало вяжется с отзывом, идущим с противоположной стороны, т. е. от тѣх именно “мерзавцев”, как образно именует чуть не попавшій в революціонное правительство Шульгина представителей “совѣтской” общественности. Родзянко “не был ни агрессивен, ни безтактен по отношенію к Совѣту”, утверждает Суханов, рассказывая о выступленіях председателя Думы перед демонстрирующими полками; он старался “облечь в возможно болѣе дипломатическія формы, окутать демократическими лозунгами свою агитацію, направленную к одной цѣли, быющую в единый или двуединый пункт: сплоченія вокруг Врем. Правительства для борьбы с внѣшним врагом”. Родзянко, “выполняя свою миссію добросовѣстно и удачно”, — заключает первый совѣтскій исторіограф. Для подтвержденія своей характеристики Шульгина примѣняет прием, явно непригодный в данном случаѣ. Он передает негодующій разсказ Родзянко о том, как послѣ очередной его рѣчи к депутаціи, прибывшей из одной воинской части, один из “мерзавцев” стал задавать ему каверзные вопросы о “землѣ”. “Вот, председатель Думы все требует от вас, чтобы вы, товарищи, русскую землю спасали. Так, товарищи, это понятно... У господина Родзянко есть, что спасать... не малый кусочек у него этой самой русской земли в Екатеринославской губерніи... Так вот Родзянкам и другим помѣщикам Гос. Думы есть что спасать... Эти свои владѣнія, княжескія, графскія и баронскія... они и называют русской землей... А вот вы спросите председателя Гос. Думы, будет ли он так же заботиться о спасеніи русской земли, если эта русская земля... из помѣщичьей... станет вашей, товарищи” и т. д. Нѣчто подобное, очень, впрочем, далекое от пошлой демагогіи и грубой красочности шульгинскаго беллетристическаго поведенія, произошло на собесѣдованіи с одним полком, когда Чхеидзе председателю Думы, дѣйствительно, задал вопрос о “землѣ”. Родзянко тогда удачно парировал удар (Мансырев и Суханов). Но только этот діалог происходил 15 марта, а не перваго, и он тогда же нашел отклик в газетах (напр., в “Бирж. Вѣд.”). Это было, таким образом, не на третій день революціи и не в той обстановкѣ, которую мы описываем. У Шульгина вся сцена отнесена непосредственно к моменту, послѣдовавшему за отказом Исп. Ком. в поѣздѣ. Совершенно ясно, что это не мемуарный отклик, а непосредственное воздѣйствіе текста воспоминанія самого Родзянко, допустившаго хронологическую ошибку в своем позднѣйшем разсказѣ. “Сегодня утром, — добавляя, по словам Шульгина, Родзянко, — я должен был ѣхать в ставку для свиданія с Государем Императором, доложить Его Величеству, что, может быть, единственный исход отреченіе. Но эти мерзавцы узнали... и сообщили мнѣ, что ими дано приказаніе не выпускать поѣзд... Они заявили, что одного меня они не пустят, а что должен ѣхать со мной Чхеидзе и еще какіе-то... Ну, слуга покорный, — я с ними к Государю не поѣду... Чхеидзе должен был сопровождать батальон революціонных солдат. Что они там учинят... Я с этим скот...” Тут Шульгина яко бы вызвали по “неотложному дѣлу”, касающемуся Петропавловской крѣпости*).

Сам Родзянко в своих воспоминаніях ни одним словом не обмолвился об этом инцидентѣ, хотя забыть его едва ли он мог. Да такого

*) В разсказѣ о Петропавловской крѣпости, в котором Ш. повѣствует о своих личных подвигах, он также безнадежно спутал, приписывая себѣ

эпизода и не могло быть в том видѣ, как изобразил Шульгин. Чхеидзе фактически не мог бы сопровождать Родзянко с батальоном солдат, если бы даже Исп. Ком. и пожелал принять непосредственное участие в переговорах об отреченіи Царя. Он был бы безсилен отразить изолированный отряд на территорию, на которой центр, т. е. новая революціонная власть, не мог еще распоряжаться желѣзными дорогами. Матеріал для фантазій, вышедшей из-под пера Шульгина, очевидно, дали изданныя раньше (в 1922 г.) воспоминанія другого виднаго члена прогрессивнаго блока и участника Врем. Ком. — Шидловскаго. Вот этот текст своеобразно и расцвѣтили беллетристическія наклонности Шульгина. Воспоминанія Шидловскаго, написанныя в других, спокойных тонах, не могут, с своей стороны, служить *vide mecum* при разрѣшеніи спорных вопросов, хотя в данном случаѣ, казалось бы, мемуарист и был заинтересован в особливой точности и мог обладать большими данными, нежели другіе свидѣтели: по его словам, он должен был сопровождать Родзянко в его предполагаемой поѣздкѣ. *Dichtung* в этих воспоминаніях выступает с большой очевидностью. “Как-то раз, — рассказывает Шидловскій (очевидно, это могло быть только 1-го утром), — пришел я во Вр. Ком. часов в семь утра... Сразу же Родзянко сказал мнѣ, чтобы я готовился через час ѣхать вмѣстѣ с ним к Государю, предлагать ему отреченіе от престола” (Автор утверждает, что к этому времени “было рѣшено” потребовать отреченіе Николая II от престола). “Вопрос о поѣздкѣ был рѣшен поздно ночью в мое отсутствіе и разработан был весьма мало. Не были предусмотрѣны возможность нашего ареста, возможность вооруженнаго сопротивленія вѣрных Государю войск, а, с другой стороны, предусматривалась возможность ареста нами Государя, причем в послѣднем случаѣ не было рѣшено, куда его отвезти, что с ним дѣлать и т. д. Вообще предпріятіе было весьма легкомысленное... Проходит час, другой, третій, неоднократно звонили по телефону на станцію Николаевской жел. дор., спрашивали, готов ли поѣзд, но из этого ничего не выходило, и всегда по какому-то причинам ничего не было готово. Наконец, пришел во Врем. Ком. предсѣдатель Совѣта Раб. Деп. Чхеидзе и объявил, что Совѣт рѣшил не допускать поѣздки Родзянко к Государю. Во Врем. Ком. был уже *заготовлен* черновик этого документа, кажется, составленный Милуковым и изложенный в двух абзацах. Первый заключал в себѣ самое отреченіе от престола, а второй передачу его сыну. Чхеидзе было предложено ознакомиться с содержаніем документа здѣсь же и затѣм распорядиться предоставленіем нам поѣзда. Чхеидзе отвѣтил, что он не может дать своего заключенія по содержанію и формѣ документа без предварительнаго разсмотрѣнія его в пленумѣ Совѣта... Чхеидзе взял с собою упомянутый черновик и пошел в Совѣт... Время между тѣм шло; прошел день, наступила ночь, а Чхеидзе обратно не являлся. Наконец, поздно вечером пришел Чх. и довел до нашего свѣдѣнія рѣшеніе Совѣта, который обезпечивал возможность поѣзда Родзянко при соблюденіи двух условій. Во-первых, с нами должен поѣхать и Чхеидзе, против чего мы совсѣм не возражали, а, во-вторых, Совѣт соглашался только на первый абзац нашего текста, а второй отвергал совершенно. Тогда Родзянко и я заявили, что такого отреченія мы Го-

то, чего не было. опускаем этот эпизод, непосредственнаго отношенія к темъ же имѣющій.

сударю не повезем... На этом предпріятіе и закончилось, и Родзянко никуда не поѣхал". Не будем спеціально разбирать версіи, данной Шидловским, — вся необоснованность ея в деталях выступит сама по себѣ в дальнѣйшем изложеніи, но и так уже ясно, в каком непримиримом противорѣчій стоит она с послѣдовавшими затѣм ночными переговорами членов Врем. Ком. с представителями Совѣта. Никакого рѣшенія об отреченіи императора ночью 28-го не было принято, никакого соответствующаго документа во Временном Комитетѣ составлено еще не было, ни Испол. Ком., ни Совѣт подобных предложеній, поступивших со стороны "цензурной общественности", не обсуждали. В хронологической мѣшанинѣ, представленной Шидловским, предположенія и разговоры выданы за рѣшенія.

Один однородный мотив проходит через всѣ приведенныя версіи, вышедшія с двух противоположныхъ сторон: вмѣшательство Исп. Ком. так или иначе помѣшалъ поѣздкѣ Родзянко. Шляпников от себя еще добавил, что послѣ инцидента с Родзянко Исп. Ком. рѣшил изолировать Царя и его семью, и группѣ членов Исп. Ком. было поручено произвести соответствующій арест. Несуразица утвержденія мемуариста слишком очевидна: он явно спутал и постановленія Исп. Ком. 3-го марта и даже 6-го, о которыхъ рѣчь впереди, и которыя были приняты уже в иной совѣтѣ обстановкѣ, отнес на первое марта. У мемуаристовъ дѣваго сектора инициаторомъ возбужденія вопроса о разрѣшеніи Родзянко выступаютъ желѣзнодорожные рабочіе: ихъ революціонная послѣдовательность, блительность и предусмотрительность клали де препоны закулиснымъ компромисснымъ интригамъ буржуазіи. В февральскіе дни превносится нѣчто из обстановки повднѣйшаго октябрьскаго большевизкаго переворота, когда "Викжель" игралъ рѣшающую роль в вопросахъ продвиженія поѣздовъ. Подобное утвержденіе рѣшительно противорѣчитъ воспоминаніямъ тогдашнихъ вершителей желѣзнодорожной политики — члена Гос. Думы Бубликова, назначеннаго Вр. Ком. комиссаромъ в мин. путей сообщ., и его помощника инженера Ломоносова. В ихъ рукахъ была вся инициатива.

В исторію продвиженія императорскаго поѣзда, вышедшаго из Ставки по направленію къ Царскому Селу в моментъ полученія свѣдѣній о начавшихся безпорядкахъ в столицѣ, надо внести существенный коррективъ по сравненію с трафаретнымъ изображеніемъ, присущимъ революціонной историографіи. Царскій поѣздъ в дѣйствительности безъ видимыхъ затрудненій повернулъ с Николаевской линіи и через ст. Дно прибылъ в Псков. Ниже придется вернуться къ "последнему рейсу" Императора. Сейчасъ исторія этихъ перипетій можетъ интересовать насъ только со стороны техническихъ условій поѣздки Родзянко. Получивъ сообщеніе о томъ, что императорскій поѣздъ подошелъ около 4 ч. утра 1 марта къ ст. М. Вишера на Николаевской ж. д., Бубликовъ запросилъ инструкцій от Врем. Комитета. Пока тамъ обсуждали, что дѣлать, поѣздъ повернулъ обратно на Вологое, куда прибылъ в 9 час. утра. Из Думы послѣдовало распоряженіе: "затерзать поѣздъ в Вологомѣ, передать Императору телеграмму предсѣдателя Думы и назначить для этого послѣдняго экстренный поѣздъ до ст. Вологое*). Однако, поѣздъ подъ литерой А, не

*) В телеграммѣ Родзянко просилъ свиданія. «Телеграмма эта, — утверждаетъ Ломоносовъ, — была передана подъ личнымъ моимъ наблюденіемъ в Царскій поѣздъ подъ расписку Воейкова, но отвѣта не послѣдовало».

дожидаясь “назначенія” из центра, тотчас же направился по Виндавской дорогѣ через Дно в сторону Пскова. Тогда начальствующіе в желѣзнодорожном центрѣ рѣшили искусственным путем задержать поѣзд и лишить Императора возможности “пробраться в армію”. Для исторіи сохранился документ в видѣ телеграммы Бубликова нач. движенія Виндавской дороги от 11 час. утра перваго марта, в которой предписывалось загородить товарными поѣздами какой-либо перегон “возможно восточнѣе ст. Дно и сдѣлать физически невозможным движеніе каких бы то ни было поѣздов в направленіи от Вологое в Дно”. “За неисполненіе или недостаточно срочное исполненіе настоящаго предписанія, — заключала телеграмма, — будете отвѣчать, как за измѣну перед отечеством”^{*)}). Из этого плана ничего не вышло, и поѣзд под литерой А без осложненій продолжал свое передвиженіе.

Между тѣм на Николаевском вокзалѣ в Петербургѣ стоял готовый экстренный поѣзд и в присутствіи самого Ломоносова ждал пріѣзда Родзянко. Из Думы систематически ствѣчали: Родзянко выѣдет через ½ часа. Время шло. Тогда, по разсказу Ломоносова, было рѣшено перехватить Императорскій поѣзд на ст. Дно, куда Родзянко должен был выѣхать по Виндавской дорогѣ. Родзянко послал “вторую телеграмму” Царю. Может быть, эта “вторая телеграмма” была в дѣйствительности единственной. — только она одна среди официальных документов до сих пор опубликована. Вот ея текст: “Станція Дно. Его Императорскому Величеству. Сейчас экстренным поѣздом выѣзжаю на ст. Дно для доклада Вам, Государь, о положеніи дѣл и необходимых мѣрах для спасенія Россіи. Убѣдительно прошу дождаться моего пріѣзда, ибо дорога каждая минута”. Ломоносов передает записку, полученную по телефону: “Литерный поѣзд прибыл на Дно. Государь Император прогуливаются по платформѣ и ожидают прибытія председателя Думы”. В отвѣтъ на очередной звонок в Думу Ломоносов получает непосредственное от Родзянко распоряженіе: “Прикажете доложить Его Величеству, что чрезвычайныя обстоятельства не позволяют мнѣ оставить столицу. Императорскій поѣзд назначьте, и пусть он идет со всѣми формальностями, присвоенными императорским поѣздам”. Вмѣстѣ с тѣм якобы тут же Родзянко сообщил, что должен быть готов поѣзд на Псков, так как туда поѣдут “члены Думы с порученіем особой важности”.

Воспоминанія Ломоносова вообще требуют поправок и, как увидим ниже, мѣстами очень существенных. Последняго разговора с Родзянко в такой формѣ, как он изложен мемуаристом, не могло быть в это время. Фактически Царь, не дождавшись Родзянко на ст. Дно, приказал дворц. коменданту Воейкову телеграфировать председателю Думы о том, чтобы тот пріѣхал в Псков. Отвѣтъ Родзянко, с которым упоминает Ломоносов, и был направлен в 8 час. 41 м. веч. в Псков: “чрезвычайныя обстоятельства не позволяют мнѣ выѣхать, о чем доношу Вашему Величеству”. Одно не может вызвать сомнѣній в воспоминаніях Ломоносова: экстренный поѣзд ждал Родзянко, и эта поѣздка никакого активнаго противодѣйствія со стороны желѣзнодорожных рабочих

^{*)} Ломоносов передает красочную сцену, как он, приставив револьвер «к животу» инж. Усругова, будущаго тов. мин. революціоннаго правительства, шобуждал послѣдняго осуществитъ план перерыва движенія.

не встрѣчада*). Бубликов, с своей стороны, рассказывая о “колебаниях” Родзянко, говорит, что он “держал для него под паром три экстренных поезда на каждой из прилегающих к Петербургу дорог”.

Почему же все-таки Родзянко не поѣхал? Совершенно очевидно, что обстановка, в которой происходило обсужденіе поѣздки Родзянко в Псков, не могла помѣшать ему выѣхать из Петербурга для переговоров с Царем, так как версия Суханова о задержкѣ со снаряженіем экстреннаго поѣзда должна быть отвергнута. Не могло быть у Родзянко и внутренняго отталкиванія, ибо он болѣе, чѣм кто-либо, готов был выступить (и выступил в эти дни) парламентаром между верховной властью и возставшим народом. В напечатанных воспоминаніях Родзянко довольно глухо говорит, что по “суммѣ разных причин” он не имѣл возможности “ни на один миг оставить столицу”. В разговорѣ с ген. Рузским ночью с 1-го на 2-е (около 3 час.) на просьбу послѣдняго сообщить для “личнаго” его свѣдѣнія “истинныя причины” отъѣзда поѣздки в Псков**), Родзянко подробнѣе и с нѣкоторой большей, но очень все же недостаточной отчетливостью пояснил: “С откровенностью скажу, причины моего непріѣзда двѣ: во-первых, эшелоны, вызванные в Петроград, взбунтовались, выльзали в Лугѣ из вагонов, объявили себя присоединившимися к Гос. Думѣ и рѣшили отнимать оружіе и никого не пропускать, даже литерныя поѣзда. Мною немедленно приняты были мѣры, чтобы путь для поѣзда Его Вел. был свободен, не знаю, удастся ли это; вторая причина — полученныя мною свѣдѣнія, что мой отъѣзд может повлечь за собой нежелательныя послѣдствія и невозможность остановить разбушевавшіяся народныя страсти без личнаго присутствія, так как до сих пор вѣрят только мнѣ и исполняют только мои приказанія”. Событія в Лугѣ, невѣрныя свѣдѣнія о которых дошли до Петербурга, сами по себѣ не могли помѣшать поѣздкѣ Родзянко. Поэтому приходится толковать слова Родзянко скорѣе всего так: он хотѣл сказать, что при измѣнившихся условіях отпала возможность его мирнаго посредничества; это слѣдует, как увидим дальше, из всей конъюнктуры разговора. Под “нежелательными послѣдствіями” можно, конечно, подразумѣвать противодѣйствіе Совѣта, но в дѣйствительности область этих “нежелательных послѣдствій” надо значительно расширить. Сопоставим двойной текст Миллюкова — историка и мемуариста. В качествѣ историка он ограничился лишь расплывчатой оговоркой, что “отъѣзд из Петрограда председателя Думы в то время, как только что сформировалась новая революціонная власть, признан был небезопасным”. На первый взгляд здѣсь нѣтъ двусмысленности, и замѣчаніе историка совпадает с заключеніем председателя Думы в приведенном разговорѣ с ген. Рузским. Но, как мемуарист, впоследствии Миллюков пояснил, что *поѣздка Род-*

*) Ломоносов пишет, что он воспроизводит запись 17-го г., но в момент опубликованія воспоминаній он был уже «большевиком», хотя и в «генеральских погонах» и, слѣдовательно, в текстѣ охотнѣе подчеркнул бы самодѣятельность пролетаріата.

**) «Значеніе этой причины необходимо для дальнѣйшей нашей бесѣды». — отъѣтил Рузскій, указывая, что он был «глубоко опечален», узнав, что предполагаемая встрѣча Царя с председателем Думы, о чем он узнал непосредственно от Царя, не состоится — встрѣча, предвѣщавшая «возможность соглашения и быстро умиротворенія родины».

зянку считалась нежелательной, ибо боялись его авторитарности: "Мих. Вл. уже чувствовал себя в роли диктатора русской революции", — боялись, что Родзянко окажется в "сговорѣ с вождами арміи". Другими словами, часть Думскаго Комитета, склонявшаяся уже к болѣе радикальному рѣшенію конфликта с верховной властью, выдвигала против поѣздки Родзянко приблизительно тѣ самые аргументы, которые, по словам Суханова, он высказывал в Исп. Ком.

В таком свѣтѣ нѣсколько по иному приходится разсматривать то, что происходило, по разсказу Суханова, в Исп. Ком. в связи с преніями по поводу поѣздки Родзянко на встрѣчу Царя. По утверженію другого участника Совѣщанія, члена Гос. Думы Скобелева, Керенскій прибыл на засѣданіе не по собственной инициативѣ, а был вызван Исп. Ком., который был освѣдомлен желѣзнодорожниками*) о том, что готовится по требованію Врем. Ком. экстренный поѣзд. По словам Скобелева, Керенскаго вызвали для того, чтобы узнать, кто в сущности поѣдет к Царю. Керенскій усмотрѣлъ в этом недоувѣріе к себѣ, контроль над его дѣйствіями, отвѣчал "вызывающе"... В концѣ концов, мы не знаем, что именно говорилось в Исп. Ком., но приходится усумниться, что Керенскій доказывал необходимость послать Родзянко для того, чтобы добиться отреченія Николая II. Болѣе правдоподобно предположить, что Керенскій мотивировал аргументом противоположным, т. е. тѣм, что поѣдет не Родзянко, склонявшійся к компромиссной тактикѣ. Приписывать Родзянко мысль поѣхать к Царю с предложеніем отречься от престола, как это дѣлает Шидловскій, невозможно, — днем перваго марта он психологически даже не был подготовлен к подобному радикальному рѣшенію. Какой путь намѣчал Родзянко? Вот что записал англійскій посол перваго марта: "Великій князь Михаил, проживавшій на частной квартирѣ около посольства, попросил меня зайти к нему. Он сказал мнѣ, что, несмотря на случившееся в Бологом, он все-таки ожидает, что Государь пріѣдет в Царское около 6-ти вечера, и что Родзянко предложит Его Вел. для поднеси манифест, дарующій конституцію и возлагающій на Родзянко избраніе членов новаго правительства. Сам он вмѣстѣ с вел. кн. Кириллом приложили свои подписи к проекту манифеста, чтобы придать просьбѣ Родзянко больше вѣсу**). Это был тот самый проект отвѣтственнаго министерства, который был составлен 28 февраля в квартирѣ в. кн. Павла Александровича и вручен перваго марта Врем. Комитету "под расписку" Милокова. Конечно, не только Родзянко во Врем. Ком. сочувствовал такому именно разрѣшенію государственнаго кризиса, и поэтому нѣтъ основанія приписывать ему особую "собственную политику", как это сдѣлал Щеголев в довольно развязно написанном этюдѣ "Послѣдній

*) Эти желѣзнодорожники, стоявшіе на стражѣ революціи, могли олицетворяться в добровольном помощникѣ Бубликова, б. счетоводѣ службы сборов Стѣв.-Зап. ж. д., большевикѣ по партійной принадлежности, Рулевском, находившимся в непосредственных связях с совѣтскими кругами.

**) Характерно, что Бьюкенен, связанный довольно тѣсно с лѣвым сектором думскаго комитета, сообщая 1 марта в Лондон Бальфуру, что Дума посылает в Бологое делегатов, которые должны предъявить Императору требованіе отречься от престола в пользу сына, тѣм не менѣе дѣлает оговорку: «если Император останется на престолѣ».

рейс Николая Второго*). Недаром в. кн. Павел в письмѣ к своему племяннику Кириллу 2 марта отмѣчал “новое теченіе”, которое наканунѣ к вечеру стало намѣчаться во Врем. Комитетѣ. Он писал: “Ты знаешь, что я через Н. И.***) все время в контактѣ с Госуд. Думой. Вчера мнѣ ужасно не понравилось новое теченіе, желающее назначить Мишу регентом. Это недопустимо и возможно, что это только интриги Брасовой. Может быть, это — только сплетни, но мы должны быть на чеку и всячески, всѣми способами сохранить Ники престол. Если Ники подпишет манифест, нами утвержденный, о конституціи, то вѣдь этим исчерпываются всѣ требованія народа и Времен. Правительства. Переговоры с Родзянко и покажи ему это письмо”***).

Ночной разговор Родзянко с Рузским по прямому проводу довольно отчетливо рисует психологію, на почвѣ которой родилось то “новое теченіе” во Врем. Комитетѣ, о котором говорится в письмѣ в. кн. Павла. Первостепенное значеніе имѣет то обстоятельство, что разговор мы можем воспроизвести не в субъективном воспріятіи мемуаристов, а по объективному документу, который передает стенографическую запись телеграфной ленты. Значеніе документа тѣм большее, что это единственный источник, свидѣтельствующій о непосредственных переговорах Родзянко с командным составом арміи сѣвернаго фронта — никаких “безконечных лент разговоров со Ставкой”, о которых сообщает Шульгин, не было. Имѣющийся в нашем распоряженіи документ анулирует легенды, в изобиліи пущенныя в обиход безответственными сужденіями мемуаристов, и потому надлежит напомнить содержаніе хорошо уже извѣстнаго разговора. Рузскій передал Родзянко, что Царь согласился на отвѣтственное министерство, что порученіе образовать кабинет дается Родзянко, что спроектирован манифест, который может быть объявлен немедленно, если намѣренія Царя найдут соответствующій отклик. — “Очевидно, что Е. В. и вы не отдаете отчета в том, что здѣсь происходит. Настала одна из страшнѣйших революцій, побороть которую будет не легко... Государственной Думѣ вообще и мнѣ в частности оставалось только попытаться взять движеніе в свои руки и стать во главѣ для того, чтобы избѣжать такой анархіи при таком разслоеніи, которая грозила гибелью государству. К сожалѣнію, это мнѣ не удалось... Народныя страсти так разгорѣлись, что сдержать их вряд ли будет возможно, войска окончательно деморализованы; не только не слушают, но убивают своих офицеров, ненависть к Государынь Императрицѣ дошла до крайних предѣлов; вынужден был, во избѣжаніе кровопролитія, всѣх министров, кромѣ военнаго и морскаго, заключить в Петропавловскую крѣпость. Очень опасаясь, что такая же участь постигнет и меня, так как агитація направлена на все, что болѣе умѣренно и ограничено в своих требо-

*) Основываясь на выше процитированных словах из воспоминаній Шульгина, Щеголев желает безуспѣшно доказать, что Родзянко пытался проникнуть к Царю «по собственному почину, без совѣщанія со своими коллегами по Исп. Ком. Гос. Думы», и что должен был «рѣскрыть свои карты, когда, по распоряженію Исп. Ком. Сов. Р. Д. ему, всемогущему Родзянко, не дали поѣзда».

**) Очевидно, прѣс. пов. Иванов.

***) Кир. Влад. в отвѣт жаловался, что «Миша, несмотря на мои настойчивыя просьбы работать ясно и единомышленно с нашим семейством, прячется и только сообщает секретно с Родзянко».

ваніях. Считаю нужным вас освѣдомить, что то, что предлагается вами, уже недостаточно и династическій вопрос поставлен ребром. Сомнѣваюсь, чтобы возможно было с этим справиться". На замѣчаніе Рузскаго, что "на фронтѣ" до сих пор обстановка рисовалась "в другом видѣ" и что необходимо найти средства "для умиротворенія страны", так как анархія "прежде всего отразится на исходѣ войны", Родзянко добавлял: "еще раз повторяю, ненависть к династїи дошла до крайних предѣлов, но весь народ, с кѣм бы я ни говорил, выходя к толпам, войскам, рѣшил твердо войну довести до побѣднаго конца и в руки нѣмцам не доваться... нигдѣ нѣтъ разногласія, вездѣ войска становится на сторону Думы и народа, и грозное требованіе отреченія в пользу сына при регентствѣ Мнх. Алекз. становится опредѣленным требованіем"... "Присылка ген. Иванова с георгіевским батальоном, — заключал Родзянко, — только подлила масла в огонь и приведет только к междоусобному сраженію... Прекратите присылку войск, так как они дѣйствовать против народа не будут. Остановите ненужныя жертвы". "Этот вопрос ликвидируется", — пояснил Рузскій: "Иванову нѣсколько часов тому назад Государь Император дал указаніе не предпринимать ничего до личнаго свиданія... Равным образом Государь Император изволил выразить согласіе, и уже послана телеграмма два часа тому назад, вернуть на фронт все то, что было в пути". Затѣм Рузскій сообщил проект заготовленнаго манифеста. Как реагирует Родзянко? — "повторяю вам, что сам вишу на волоскѣ, и власть ускользает у меня из рук; анархія достигает таких размѣров, что я вынужден сегодня ночью назначить временное правительство. К сожалѣнію, манифест запоздал, его надо было издать послѣ моей первой телеграммы немедленно... время упущено и возврата нѣтъ".

Несомнѣнно в этом разговорѣ поставлен вопрос об отреченіи, но, впервые, как "требованіе" гласа народа*). Для самого Родзянко все-таки вопрос еще окончательно не рѣшен. "Послѣднее слово, скажите ваше мнѣніе, нужно ли выпускать манифест?" — настойчиво допрашивает Рузскій. "Я, право, не знаю, — говорит Родзянко с сомнѣніем, — как вам отвѣтить? *Все зависит от событий*, которые летят с головокружительной быстротой". Едва ли Родзянко мог бы дать такой уклончивый отвѣт, если бы еще утром перваго марта с готовым проектом манифеста об отреченіи собирался ѣхать навстрѣчу Николаю II?

Легко усмотрѣть в информации, которую давал Родзянко Рузскому, рѣзкую двойственность — переход от крайняго пессимизма к оптимистическим выводам. "Молю Бога, чтобы Он дал сил удержаться хотя бы в предѣлах теперешняго разстройтва умов, мыслей и чувств, но боюсь, как бы не было еще хуже". И тут же, "наша славная армія не будет ни в чем нуждаться. В этом полное единеніе всѣх партій... Помогай Вам Бог, нашему славному вождю, в битвах уничтожить проклятаго нѣмца". "Насильственный переворот не может пройти безслѣдно", — замѣчает Рузскій: "что если анархія, о которой говорите вы, перенесется в армію... подумайте, что будет тогда с родиной нашей?". "Не забудьте, — слѣшит подать релику Родзянко, — перево-

*) Так и понял Рузскій, передавая в Ставку Алексѣеву свой разговор: «династическій вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать до побѣдноснаго конца при исполненіи предъявляемых вновь требованій относительно отреченія от престола».

рот может быть добровольный и вполне безболѣзненный для всѣх и тогда *все кончится в нѣсколько дней*, — одно могу сказать: ни кровопролитія, ни ненужных жертв не будет, я этого не допущу”. Самоувѣренность преждевременная в обстановкѣ, которая могла грозить самому Родзянко, по его мнѣнью, Петропавловской крѣпостью! Информация полна преувеличеній в обѣ стороны, — те в смыслѣ нажима педали в сторону “анархїи”, те роли, которую играет в событіях председатель Думы: “до сих пор вѣрят только мнѣ и исполняют только мои приказанія”. Говорил Родзянко не по шпартгалкѣ, заранѣе обдуманной, — это была импровизація, непосредственно вытекавшая из разпорядных переживаній в сумбурную ночь с 1-го на 2-е марта. Суханов, может быть, до нѣкоторой степени и прав, указывая, что Родзянко описал положеніе дѣл под впечатлѣніем той бесѣды, которая была прервана вызовом председателя Думы для разговора по прямому проводу со Псковом. Родзянко был взволнован наличностью параллельной с думским комитетом силы. Мемуарист, по обыкновенію, сгущает краски, когда рассказывает, что Родзянко требовал от делегатов Совѣта предоставленія ему охраны или сопровожденія его самими делегатами во избѣжаніе возможности ареста. Родзянко, чуждый революціонным заговорщицким планам, должен был почувствовать с развитіем событій, как почва из-под ног его ускользала даже во Временном Комитетѣ. Довольно мѣтко эту эволюцію, выдвигавшую на авансцену “лѣвое” крыло думскаго комитета*) в противовѣс его “октябристскому” большинству, охарактеризовали составители “Хроника февральской революціи”: “октябристы были в первые же два дня отстранены от власти, и Милюков, бывшій 27-го только суфлером Родзянко, 28-го негласным вождем, уже 1-го марта без всякой жалости разставался с Родзянко”. В лихорадочной суетлѣ, может быть, Родзянко не отдавал себѣ яснаго отчета или не хотѣл признать крушеніе своего компромисснаго плана. Отсюда преувеличенія, которыя давали повод говорить о “диктаторских” замашках и личных честолюбивых замыслах председателя Думы. Была и доля сознательной тактики в нѣкоторых из этих преувеличеній: говорил Родзянко с явной пѣлью воздѣйствовать на верховное командованіе, от котораго, дѣйствительно, в значительной степени в этот момент зависѣло “безболѣзненное” разрѣшеніе государственнаго кризиса. Родзянко, однако, проявил себя реалистом. Ночное бдѣніе, когда “ни у кого, — по утверженію Милюкова, — не было сомнѣній, что Николай II больше царствовать не может”, убѣдило Родзянко в неизбѣжности отреченія от престола царствовавшего императора, и в утренніе часы 2-го марта, как мы знаем, с одной стороны, он настаивал на завершеніи переговоров с лѣвой общественностью, а с другой, писал в. кн. Михаилу: “Теперь, все запоздало. Успокоит страну только отреченіе от престола в пользу нас-

*) Термин «лѣвый», конечно, можно примѣнять лишь относительно, ибо к этому сектору принадлежат такіе люди, как Гучков и Шульгин, не говоря уже о прославленном Вл. Львовѣ, такую ядовитую характеристику котораго дал Шидловскій: «Человѣкъ неуравновѣшенный до ненормальности. Ему во всякую минуту могла придти любая мысль, утром — лѣвая, вечером — черносотенная и он всецѣло ей отдавался до слѣдующей смѣны мыслей». Родзянко был внѣ этого «лѣваго» сектора, но, конечно, права была в тогдашней записи Гиппиус: имя Родзянко «ровно столько же не пользуется довѣріем демократѣи, сколько имена Милюкова и Гучкова».

лѣдника при Вашем регентствѣ. Прошу Вас повліять, чтобы это совершилось добровольно, и тогда сразу все успокоится. Я лично сам вишу на волоскѣ и могу быть каждую минуту арестован и повѣшен(?!)— очевидно, словопотребленію Родзянко в то время не надо придавать большого значенія). Не дѣлайте никаких шагов и не показывайтесь нигдѣ. Вам не избѣжать регентства”...

II. «Coup d'Etat» Гучкова.

Когда Родзянко в разговорѣ с Рузским оцѣвнвал “глас народный” в смыслѣ династическаго вопроса, он заглядывал в будущее, правда, очень близкое: этот “глас народный” явно еще не выражался. Династическим вопросом в массах “как-то” мало вишне интересовались*), и видимое равнодушіе способно было обмануть не слишком прозорливых политических дѣятелей. К числу таковых не принадлежал член Временнаго Комитета Шульгин. Он в мартовскіе дни 17 г. предвидѣл то, что позднѣе подсказывало ему необузданное воображеніе мемуариста эмигранта в 25-м году. Уже 27-го, ночью перваго дня революціи усматривая полную невозможность разогнать “сволочь” ружейными залпами, он задумывается над тѣм, как спасти “цѣную отреченія... жизнь Государя и спасти монархію”. “Вѣдь этому проклятому сброду надо убивать. Он будет убивать... кого же? Кого? Ясно. Нѣтъ, этого нельзя. Надо спасти”.

Шульгин любит драматизировать свои, иногда воображаемыя, переживанія. Выступая в роли историческаго повѣствователя, он не считает нужным вдуматься в тот факт, что “сброд”, к которому он так презрительно относится, был совершенно чужд мысли о царевубійствѣ — в теченіе всей революціи періода Врем. Правительства мы не услышим призыва: “смерть тирану” — *нигдѣ и никогда*. Но этот лозунг получал актуальное значеніе в атмосферѣ предфевральских планов дворцоваго переворота, и к нему склонялся, как утверждает в. кн. Ник. Мих., не кто иной, как націоналист Шульгин, этот “монархист по крови”, с трепетом приближавшійся к “Тому, кому послѣ Бога одному повинуются”. Поэтому так фальшиво для первых дней революціи звучат патетическія слова Шульгина. Засвидѣтельствовал предреволюціонное настроеніе волынскаго депутата в. кн. Ник. Мих. не в воспоминаніях, а в дневникѣ. 4 января 17 г. опальный историк из царской семьи, отправленный в ссылку в свое имѣніе, послѣ “бесѣды” в Кіевѣ, записал в вагонѣ поѣзда: “какое облегченіе дышать в другой атмосферѣ! здѣсь другіе люди, тоже возбужденные, но не эстеты, не дегенераты**), а люди. Шульгин, — вот он бы пригодился, но конечно, не для убійства, а для переворота! Другой тоже цѣльный тип. Терещенко... вѣрит в будущее, вѣрит твердо, увѣрен, что через мѣсяц все лопнет, что я вернусь из ссылки раньше времени... Но какая злоба у этих двух людей к режиму, к ней, к нему, и они это все не скрывают, и оба в один голос говорят о возможности царевубійства!” Шульгин. по его словам, никакого непосредственнаго участія в осуществленіи про-

*) «Что ... говорят о Государѣ?» — спросил ген. Дубенскій какого-то полковника, прибывшаго в Псков 2 марта с первым поѣздом из Петрограда послѣ революціонных дней. «Да о Государѣ почти ничего не говорят», — отвѣтил полковник.

**) Намек на убійство Распутина.

ектов организациі дворцоваго переворота не принимал. Повѣрим ему, по в ходячих разговорах того времени общественные дѣтели давно уже свыклись с мыслью устранения царствовавшаго монарха. И поэтому довольно естественно, что на третій день революціи, когда стала понемногу выясняться складывавшаяся конъюнктура, имѣвшая уже традицію, схема стала занимать умы совершенно независимо от презумпціи специфической кровожадности современных тираноборцев. “Эта мысль об отреченіи Государя была у всѣх, но как-то об этом мало говорили”, — вспоминает Шульгин... “обрывчатые разговоры были то с тѣм, то с другим, но я не помню, чтобы этот вопрос обсуждался комитетом Гос. Думы, как таковым. Он был рѣшен в послѣднюю минуту”.

Такой “послѣдней минутой” и надо считать то внимательство Гучкова в намѣтившееся соглашеніе между Врем. Ком. и делегатами Совѣта, о котором рассказывал Суханов. В показаніях 2 августа Чрез. Слѣд. Ком. Гучков, говоря об участіи в подготовкѣ дворцоваго переворота, так формально изложил свою точку зрѣнія: ... “Самая мысль об отреченіи была мнѣ настолько близка и родственна, что с *перваго момента*, когда только что выяснились... шатаніе, а потом развал власти, я и *мои друзья* сочли этот выход именно тѣм, что слѣдовало искать. Другое соображеніе, которое заставляло на этом остановиться, состояло в том, что при участіи сил, имѣвшихся на фронтѣ и в странѣ, в случаѣ, если бы не состоялось добровольное отреченіе, можно было опасаться гражданской войны... Всѣ эти соображенія с самаго перваго момента, с 27-28 февраля, привели меня к убѣжденію, что нужно, во что бы то ни стало, добиться отреченія Государя, и тогда же в думском комитетѣ я поднял этот вопрос и настаивал на том, чтобы председатель Думы Родзянко взял на себя эту задачу*)... Был момент, когда рѣшено было, что Родзянко примет на себя эту миссію, но затѣм нѣкоторыя обстоятельства помѣшали. Тогда 1 марта в думском комитетѣ я заявил, что, будучи убѣжден в необходимости этого шага, я рѣшил его предпринять, во что бы то ни стало и, если мнѣ не будут даны полномочія от думскаго комитета, я готов сдѣлать это за свой страх и риск, поѣду, как политическій дѣятель, как русскій человек, и буду совѣтовать и настаивать, чтобы этот шаг был сдѣлан. *Полномочія были мнѣ даны*... Я знал, что со стороны нѣкоторых кругов, стоящих на болѣе крайнем флангѣ, чѣм думскій комитет, вопрос о добровольном отреченіи, вопрос о тѣх новых формах, в которых вылилась бы верховная власть в будущем, и вопрос о попытках воздѣйствія на верховную власть встрѣтят отрицательное отношеніе”.

Из осторожных и нѣсколько уклончивых показаній Гучкова перед слѣдственной революціонной комиссіей слѣдует, что автор показаній ночью с 1-го на 2-е марта, дѣйствительно, как бы форсировал вопрос и добился рѣшенія о поѣздкѣ в Псков за отреченіем, будучи заранѣе увѣрен в противоѣйствіи со стороны совѣтских кругов. Как-будто бы это своего рода *coup d'état* в момент не окончившихся еще пере-

*) Палеолог рассказывает, что 28-го в 5 час. дня его посѣтил человек, высоко стоящій на іерархической лѣстницѣ бюрократіи, нѣкто К. (Кокковцев?), заявившій, что он прибыл к нему по порученію Родзянко для того, чтобы узнать мнѣніе посла по поводу проекта думскаго комитета о монархіи.

говоров. Так и выходит под пером Шульгина. “Кажется в четвертом часу ночи вторично приѣхал Гучков”, — рассказывает Шульгин. “Нас был в это время неполный состав... ни Керенского, ни Чхеидзе не было. Мы были в своем кругу. И потому Гучков говорил совершенно свободно”. “Гучков был сильно разстроен”, — рѣчь его Шульгин изображает в излюбленной для себя манерѣ под стать своим личным позднѣйшим переживаниям. “Надо принять какое-нибудь рѣшеніе”, — говорил (“приблизительно”) Гучков. “Положеніе ухудшается с каждой минутой. Вяземскаго убили только потому, что офицер*)... То же самое происходит, конечно, и в других мѣстах. А если не происходит этой вѣщи, то произойдет заигра... Идучи сюда, я видѣл много офицеров в разных комнатах Гос. Думы: они просто спрятались сюда... Они боятся за свою жизнь... Они умоляют спасти их... В этом хаосѣ... надо, прежде всего, думать о том, чтобы спасти монархію... Можем ли мы спокойно и безучастно дожидаться той минуты, когда весь этот революціонный сброд начнет сам искать выход... И сам расправится с монархіей... это неизбежно будет, если мы выпустим инициативу из наших рук...” И Гучков предложил “дѣйствовать тайно и быстро, никого не спрашивая... ни с кѣм не совѣтуясь... Надо поставить их перед совершившимся фактом... Надо дать Россіи новаго государя... Я предлагаю немедленно ѣхать к Государю и провести отреченіе в пользу наследника”... Шульгин вызвался сопровождать Гучкова. По словам Гучкова, он просил послать с ним Шульгина. “Я отлично понимал, — излагает послѣдній мотив своего рѣшенія, — почему я ѣду... Отреченіе должно быть передано в руки монархистов и ради спасенія монарха... Я знал, что офицеров будут убивать за то... что они захотят исполнить свой долг присяги... Надо было, чтобы сам Государь освободил их от присяги. Я знал, что в случаѣ отреченія в наши руки, революціи как бы не будет. Государь отречется от престола по собственному желанію, власть перейдет к Регенту, который назначит новое правительство. Государственная Дума... передаст власть новому правительству. Юридически революціи не будет”. Для осуществленія “всякаго иного плана” “нужны были немедленно повиனுющіеся нам штыки, а таковых-то именно и не было”.

Вся эта аргументація представляется в большой мѣрѣ придуманной *post factum*. Психологія дѣйствовавших лиц в предрасвѣтныя часы 2 марта рисуется значительно проще. В окружавшей обстановкѣ, прежде всего, не было того зловѣще страшнаго, о чем говорят нѣкоторые мемуаристы — напротив, на третій день революціи стал намѣчаться нѣкоторый порядок и успокоеніе в взбаламученном морѣ стихій. На основаніи фактов, как увидим, это можно установить с достаточной опредѣленностью. Поэтому инициатор рѣшенія 2 марта о необходимости немедленно добиваться отреченія монарха вовсе не был, повидимому, в том разстроено-паническом состояніи, как представляет нам мемуарное перо Шульгина, — напр., упоминавшійся выше Мстиславскій, активный член совѣтскаго повстанческаго “штаба”, слившав-

*) В эту ночь при объѣздѣ города Гучковым в его автомобилѣ был убит кн. Вяземскій, давній единомышленник Гучкова и соучастник в подготовкѣ послѣдним дворцоваго переворота. Вяземскій погиб от одной из тѣх случайных «шальных пуль», которых было много в тѣ дни в Петербургѣ. Эту версию без всяких каких-либо оговорок передавал мнѣ лично и сам Гучков.

гося с думской военной комиссией под общим руководством Гучкова, рисует настроеніе послѣдняго и всего его окруженія из офицеров генштаба в критическіе дни 28 февраля и 1 марта “оптимистическим и самоуверенным”. Быть может, такая оцѣнка не так далека от дѣйствительности, — вѣдь надо было обладать большой дозой спокойствія и увѣренности в будущем для того, чтобы в атмосферѣ нависших угроз, о которых говорит Шульгин, руководитель вѣншей обороны революціи мог провести *шесть часов* в уютной обстановкѣ частной квартиры в академической бесѣдѣ о русских финансах, — так рассказывает гр. Коковцев о посѣщеніи его Гучковым в 8 час. вечера 28 февраля и даже “быть может” в рѣшающую ночь перваго марта. Именно самоуверенность должна была скорѣе побудить Гучкова форсировать в думском комитетѣ вопрос о поѣздкѣ в Псков тогда, когда по позднѣйшему увѣренію Милюкова, нѣсколько персонифицированному, ни у кого уже не было сомнѣнія в том, что Николай II больше царствовать не может. Эта увѣжденность в окончательной формѣ могла, конечно, сложиться под давленіем лѣвых кругов. Отпадала компромиссная тенденція, представителем которой был Родзянко, и очередной становилась проблема отреченія. Естественно, отходила на задній план и кандидатура уступчиваго Родзянко и выдвигалась кандидатура человѣка, извѣстнаго своим враждебным отношеніем к личности монарха, способнаго дѣйствовать слѣдовательно болѣе рѣшительно и проявить большую настойчивость в достиженіи поставленной цѣли, согласно плану, разработанному им еще до революціи. Возлагались надежды и на отношенія его с представителями верховнаго командованія в арміи. В этой комбинаціи понятно и выдвиганіе монархиста Шульгина, связаннаго с участниками заговора.

Вѣншія условія (реальныя, а не воображаемыя) поѣздки Гучкова весьма мало подходят к акту, которому приписывают характер *coup d'Etat**) и который прикрывают пеленой большой таинственности. И это дѣлает не один только Шульгин, показанія котораго, как непосредственнаго участника псковскаго дѣйствія, заслуживали бы особаго вниманія. Но мемуарист остается вѣрен себѣ. “В пятом часу ночи мы сѣли с Гучковым в автомобиль, который по мрачной Шпалерной, гдѣ нас останавливали какіе-то посты и заставы... довез нас до квартиры Гучкова”, повѣствует Шульгин... “Там А. И. набросал нѣсколько слов. Этот текст был составлен слабо, а я совершенно был неспособен его улучшить, ибо всѣ силы были на исходѣ”. Гучков в своих показаніях засвидѣтельствовал противоположное: “Накануѣ, — говорил он, — был набросан проект акта отреченія Шульгиным, кажется, он тоже был показан и в комитетѣ (не смѣю этого точно утверждать). Я тоже его просмотрѣл, внес нѣкоторыя поправки”. Припомним, как, по словам Стеклова, в ночном собесѣдованіи с совѣтскими делегатами сам Шульгин упоминал, что рука его писала отреченіе**).

“Чуть сѣрѣло, — продолжаетъ рассказ Шульгин, — когда мы подъѣхали к вокзалу. Очевидно, революціонный народ, утомленный подвигами вчерашняго дня, еще спал. На вокзалѣ было пусто. Мы прошли

*) В это цѣликом увѣровал, напр., Чернов, в качествѣ историка революціи.

**) Свидѣтели, бывшіе в Псковѣ, утверждают, что документ, привезенный думскими делегатами, был написан рукою Шульгина. Не очень можно

к начальнику станции. А. И. сказал ему: “Я — Гучков. Нам совершенно необходимо по важнейшему государственному делу ехать в Псков... Прикажите подать нам поезд...” Начальник станции сказал: “Слушаюсь”, и двадцать минут спустя поезд был подан”. Вот это “чуть сфёрло” сразу выдает беллетристическое измышление... По свидетельству Гучкова “делгаты” думского комитета выехали в 1 час дня, а по свидетельству других официальных лиц из железнодорожного мира около 3 часов. (По документу, воспроизводящему разговор по прямому проводу Ставки со штабом Северного фронта, можно точно установить, что гучковский экстренный поезд вышел из Петербурга в 2 часа 47 мин.). Любопытно, все для того же Шульгина, что мемуарист забыл даже о том, что он сам в мартъ 17 года в циркулярном информационном разказѣ, переданном представителям печати по возвращении из Пскова, говорил о выѣздѣ думской “делегации” из Петербурга в 3 часа дня.

Вопреки очевидности версия о “секретной” поездкѣ Гучкова и Шульгина утвердилась в литературѣ и стала почти общепринятой не только у мемуаристов, но и в работах, претендующих на исследовательский характер. Мы имѣем яркій примѣр того, как на другой день послѣ событія рождается легенда. Эту легенду сотворили члены обоих политических лагерей, — конечно, по весьма отличным внутренним побужденіям. Для Шидловскаго поездкѣ Гучкова так до конца и останется частной автентризой, предпринятой инициатором ея на свой риск послѣ того, как Родзянко отказался везти проект отреченія в формѣ, якобы предложенной Совѣтом. Неожиданно “пропал куда-то Гучков, назначенный военным министром”, — рассказывает Шидловскій. Без военного министра было очень трудно принять необходимые мѣры к успокоенію гарнизона, и поэтому “Гучкова искали по всему городу днем с огнем, но отыскать, либо узнать, куда он пропал, не удавалось. Точно также исчез с горизонта и Шульгин. Спустя день обнаружилось, что Гучков с Шульгиным *без вѣдома* временнаго комитета и Совѣта рабочих депутатов умудрились похитить на Варшавском вокзалѣ паровоз и вагон и укатили в Псков, откуда весьма скоро возвратились, привезя с собой подлинный акт отреченія Государя”^{*)}. “Шульгин мнѣ рассказывал, — добавляет мемуарист, — как все произошло”.

“Категорически утверждаю, — заявляет с противоположной стороны Суханов, — что Исп. Ком. узнал о поездкѣ “только на слѣдующій день”, “уже получив акт об отреченіи, не зная, при каких условиях он был подписан, и ничего не подозревая ни о мисси, ни о поездкѣ Гучкова и Шульгина”. “Со стороны Гучковых и Милоковых эта поездка была не только попыткой «*созр d'Etat*», но и предательским нарушением нашего фактически состоявшагося договора. Допустим, вопрос о “третьем пунктѣ”, о формѣ правленія оставался открытым до момента формальнаго окончанія переговоров, но, вѣдь, Гучков и Милоков предприняли свой шаг за спиной у Совѣта — в процессѣ самих переговоров...” В официальном докладѣ, сдѣланном Стекло-

довѣрять мемуаристу с такой ослабленной памятью в отношеніи собственных дѣйствій.

*) Распространившаяся в Думѣ молва и вызвала, вѣроятно, тѣ недоброжелательно-скептическѣ разговоры, которые услышал Набоков 2 марта в Таврическом дворцѣ.

вым от имени Исп. Ком. в Совѣщаніи Совѣтов и совпадающем с общей оцѣнкой Суханова, можно найти, однако, рѣшительное противорѣчіе с категорическим утвержденіем, что Исп. Ком. узнал о поѣздкѣ Гучкова лишь “на слѣдующій день”. “Мы на этом пунктѣ (т. е. о формѣ власти) разстались”, — докладывал Стеклов о ночной бесѣдѣ с 1-го на 2-е марта. “Мы не поставили ультиматума на этом пунктѣ по той простой причинѣ, что слишком хорошо знали, что... русскія трудящіеся массы и, вѣроятно, значительная часть русской буржуазіи не будут отстаивать... монархіи... во всяком случаѣ... и не сомнѣвались, что в ближайшіе дни, по мѣрѣ того, как воли русской революціи будут докатываться... до других центров русской жизни... общим кличем русской страны будет “демократическая республика” и поэтому..., не добившись от них включенія этого пункта, все-таки могли понимать результат наших переговоров так, что они не предпримут никаких шагов, хотя они... не дали никакого ручательства, но большинство министров, с которыми мы говорили, — так как и на другой день эти переговоры продолжались, — нас завѣрили, что они от этого воздержатся и повлияют и на Милюкова в этом направленіи. Вы можете поэтому представить себѣ, как мы были поражены и взмущены, когда узнали, что Гучков и Шульгин *поѣдут* в Ставку, чтобы там заключить с Романовыми какой-то договор... Тут-то наш Совѣт(?) проявил “двоевластіе”, ибо дал повелѣніе своим комиссарам остановить поѣзд, который заказали Гучков и Шульгин, и ни в коем случаѣ не допустить их до поѣздки. Должен сказать, к чести рабочаго класса, что именно рѣбачіе сѣв.-зап. жел. дорог первые подняли тревогу, узнав о поѣздкѣ Гучкова и дали знать Исп. Ком. . К сожалѣнію, каким-то образом эти господа проскочили”..

Тенденція докладчика выступает опредѣленно, когда он пытается дѣйствія Исп. Ком., которыя, по утверженію мемуаристов, были приняты 1 марта в отношеніи проектировавшейся поѣздки Родзянко, отнести к осуществленной 2 марта поѣздкѣ Гучкова и Шульгина. Это “проскочили” становится общим мѣстом. Если Суханов ограничивается осторожным замѣчаніем, что он не знает, как поѣздка Гучкова была “организована с технической стороны”, то остальные мемуаристы того же политическаго круга слѣдуют за Стекловым и высказываются весьма безапелляціонно: Гучков “конспиративно, чтобы не сказать обманом, пробрался в Псков”, — утверждает Мстиславскій. Тогда же сообщали — добавляет Шлянников — что думскіе посланцы выѣхали “на автомобилях”. Выступавшій в качествѣ историка революціи Чернов, безоговорочно принимая шульгинскую версію, через 15 лѣтъ послѣ событія, говорил, что послы от Думы “контрабандой проскочили через проволочныя загражденія революціи”. И нѣтъ никому дѣла до того, что неоспоримым фактом является установленное уже документом обстоятельство, что посланцы Времен. Комитета выѣхали не на разсвѣтѣ, а днем, не на автомобилѣ, а поѣздом. Французскій посол уже тогда в дневникѣ от 2 марта занес болѣе правдоподобную версію: Гучков и Шульгин выѣхали в 9 часов утра при содѣйствіи инженера, вѣдающаго передвиженіем на жел. дорогах; они получили специальный поѣзд, *не возбудив недоверія* социалистических комитетов*).

*) Повседневность записей в «дневникѣ» Палеолога должна приниматься весьма относительно. Ясно, что многія записи дѣлались задним

Из непосредственного свидетельства “инженера” мы знаем, что стоявший под парами экстренный поезд ждал выезда делегатов “с поручением собой важности” еще задолго до решения, принятого во Врем. Ком. на рассвете 2 марта. По воспоминаниям Ломоносова все это происходило совершенно открыто и не сопровождалось каким-либо давлением одиозного революционного ока со стороны железнодорожных рабочих или протестом со стороны руководящих кругов Исп. Ком. Напротив, — утверждает, по крайней мере, Ломоносов, — дело организовывалось как бы по взаимному, даже не молчаливому, соглашению. И, действительно, так выходит, судя по всей внешней обстановке, в которой протекала ответственная поездка в Псков думских посланцев, и которая была до чрезвычайности далека от какой-либо конспиративной скрытности.

Перед Следственной Комиссией Гучков показывал, что он телеграфно уведомил ген. Рузского о своем приезде, но для того, чтобы на телеграф не знали о “цели” поездки, он пояснял, что идет “для переговоров по важному делу, не упоминая, с кем эти переговоры должны были вестись” Этот секрет полишинеля не раскрывается в опубликованных документах, т. е. среди них нет, странным образом, указанной телеграммы, но вся телеграфная переписка Ставки и штаба Сѣверн. фронта не оставляет никакого сомнения в том, что поезд думской делегации носил совершенно официальный характер и мотивировался необходимостью непосредственных переговоров с Царем. По дороге Гучков послал другую телеграмму — ген. Иванову, “так как желал встрѣтить его на пути и уговорить не предпринимать никаких попыток к приводу войск в Петроград”^{*)}). Гучков утверждал даже, что “дорогой пришлось несколько раз *обмывать* телеграммами”. По дороге в Псков Гучков и Шульгин останавливались в Лугѣ, что привело к значительному запозданию с их прибытием в Псков. Чем же вызвана была такая остановка? Гучков не упоминает об этой остановке в показаниях. Ничего не сказал специально о ней и Шульгин, упоминающий об информационном разговоре по прямому проводу с Ивановым и каких-то остановках на станциях, где Гучков “иногда говорил короткія рѣчи с площадки вагона... это потому, что иначе нельзя было: во-первых, стояла толпа народа, которая *все знала*... т. е. она знала, что мы идем к Царю... И с ней надо было говорить”. Историк и мемуарист каждый по своему будут толковать остановку в Лугѣ “контрабандой” выехавших из Петербурга думских посланцев. Ген. Мартынов, автор одной из наиболее цѣнных работ, посвященных февральскому перевороту, на основании неизвестных нам данных (автор имѣл возмож-

числом: так не мог Палеолог в полночь 1-го марта получить сообщение о “секретном” заседании представителей «либеральных партий», на котором в отсутствие социалистических депутатов во Врем. Ком. рѣшался по предложению Гучкова вопрос о будущей форме правления и было принято решение о немедленной поездке в Псков, чтобы добиться от Царя добровольного отречения.

*) «В то время, — пояснял очень общо в Комиссии Гучков — были получены свѣдѣнія, что какіе-то эшелоны двигаются к Петрограду. Это могло быть связано с именем Иванова, но меня это не особенно смущало, потому что я знал состояние и настроеніе арміи и был убѣжден, что кака-нибудь карательная экспедиція могла, конечно, привести к нѣкоторому кровопролитію, но к восстановленію старой власти она уже не могла привести».

ность пользоваться и неопубликованными архивными материалами) изображает дѣло так, что делегаты были задержаны на ст. Луга “возставшими рабочими и солдатами”, которых “с величайшим трудом удалось убѣдить в том, что поѣздка в Псков не преслѣдует никаких контрреволюціонных цѣлей”. Инж. Ломоносов, имѣющій тенденцію преувеличивать реальную опасность, которая грозила “революціи” со стороны продвигавшихся с фронта эшелонов ген. Иванова, — опасность совершенно не эфемерную в обстановкѣ 2 марта, — со слов правительственнаго инспектора Некрасова, который сопровождал гучковскій поѣзд и систематически сносился с центром, задержку в Лугѣ объяснял именно этим опасеніем. Будущій предсѣдатель мѣстнаго совѣта солдатских депутатов ротм. Воронович даст совершенно иную версію. Утром 2-го в 9 час. с экстренным поѣздом из Петербурга прибыл в Лугу по порученію Врем. Комитета член Думы Лебедев в сопровожденіи полк. ген. штаба по фамиліи тоже Лебедева. Эта миссія имѣла задачей наладить порядок в городѣ, организовать мѣстную власть и обезпечить путь слѣдованія Императора в Царское Село. Лебедев объявил, что “через нѣсколько часов из Петрограда выѣдут в Псков члены Думы Гучков и Шульгин, которым поручено вести переговоры с Государем, и результатом этих переговоров явится пріѣзд Государя в Ц. Село, гдѣ будет издан ряд важнѣйших государственных актов”. Военный комитет отвѣтил Лебедеву, что “не будучи поставлен в извѣстность относительно истинной цѣли поѣздки Николая II в Царское, и не зная, как к этому отнесутся петроградскіе солдаты и рабочіе, он отказывается дать сейчас какія-либо гарантіи”. (Ждали возвращенія из Петербурга специально посланнаго за информацией делегата). Пытался получить “гарантіи” и прибывшій затѣм Гучков, “болѣе часа” ведшій в “парадных комнатах” вокзала переговоры с представителями временнаго военнаго комитета “Разстроеному упорством комитета Гучкову так и пришлось уѣхать в Псков, не добившись успѣха”. Таковы поясненія Вороновича... По тѣм или иным причинам выѣзд делегатов из Луги носил болѣе помпезный характер, нежели это рисовалось в Петербургѣ, — по крайней мѣрѣ ген. Болдырев, занимавшій пост ген.-квартир. штаба Сѣвернаго фронта, в дневникѣ отмѣтил, что Гучков и Шульгин прибыли в Псков в сопровожденіи “5 красногвардейцев” (так Болдырев назвал гучковскую свиту, потому что у них на груди были “красные банты”).

Вѣрится с трудом, что совѣтскіе дѣятели в Петербургѣ могли ничего не знать о только что описанном путешествіи думских посланцев вплоть до момента, когда тѣ вернулись из Пскова, но всетаки предположительно допустим такую возможность. По шульгинской версіи, повторенной в записи Палеолога, поѣздка в Псков была рѣшена и организована в отсутствіе членов Врем. Комитета, принадлежавших к социалистической группѣ, т. е. Керенскаго и Чхеидзе. Поэтому особенно важно выслушать Керенскаго, тѣм болѣе, что в “записках” Суханова ставится вопрос: “от чьего имени была организована поѣздка в Псков Гучкова и Шульгина? Если от имени Временнаго Комитета Гос. Думы, то извѣстно ли было о ней его членам Керенскому и Чхеидзе? Если им было об этом извѣстно, то почему не было доведено до свѣдѣнія Исп. Комитета?” Керенскій, как мы знаем из собственнаго его признанія, совершенно не интересовался разговорами во Врем.

Комитетъ о формѣ правленія и не трудился даже представлять свои возраженія, так как он ни минуты не думал, что проекты о сокращеніи монархіи могут осуществиться. Поэтому сам по себѣ вопрос о поѣздкѣ Гучкова совершенно исчезает из орбиты вниманія мемуариста. Возможно, что Керенскій в момент, когда рѣшался окончательно вопрос, дѣйствительно, не был в Таврическом дворцѣ. — он отправился (впервые за эти дни) домой, чтобы в иной обстановкѣ наединѣ обсудить вопрос о своем участіи в правительствѣ*). То, что рассказывает Керенскій, еще болѣе запутывает вопрос. Он вспоминает, как “утром” 2 марта случайной, текущей толпѣ, заполнявшей Екатерининскій зал Думы, Милуков объявил о созданіи временнаго правительства и о регентствѣ Мих. Алекс. (О рѣчи Милукова будет сказано дальше, — необходимо отмѣтить только, что произнесена она была не “утром”, как изображает Керенскій, а в 3 часа дня, т. е. в момент, когда экстренный поѣзд Гучкова “прорвался” уже через Гатчину). Заявленіе Милукова вызвало взрыв негодованія среди демократических элементов Таврическаго дворца. Исп. Ком. послѣднил собрать выѣчеренное собраніе и подвергнуть Керенскаго пристрастному, почти враждебному («des plus hostiles») допросу. Керенскій отказался вступать в дискуссію и ограничился заявленіем, которое и приводится (в кавычках) в воспоминаніях**): “Да, такой проект существует, но он никогда не будет реализован. Он не осуществим, и нѣтъ основанія волноваться. Со мной не совѣтовались по вопросу регентства, и я не принимал никакого участія в спорах по этому поводу. В крайнем случаѣ, я могу всегда потребовать от правительства отказа от этого проекта или принятія моей отставки”... Тѣм не менѣе Исп. Ком. рѣшил предпринять мѣры для противодѣйствія осуществленію думскаго проекта о регентствѣ. Он пожелал послать собственную делегацію в Псков одновременно с Гучковым и Шульгиным, которая должна была выѣхать в “тот же день***), а при невозможности это осуществить, лишить “наших делегатов”, как выражается мемуарист, возможности выѣзда, отказав им в подачѣ поѣзда”. Никто из других мемуаристов лѣваго политическаго сектора прямо не упоминает о таком засѣданіи Исп. Ком., и, как мы увидим, в дальнѣйшем к рассказу Керенскаго приходится относиться весьма скептически, насколько он касается перинетія, связаннаго с поѣздой в Псков. Перед нами лишь новая форма все той же легендарной версіи. Однако, Керенскій не только не отрицает факта, что он знал о поѣздкѣ Гучкова и Шульгина, но и того, что фактически об этой поѣздкѣ были освѣдомлены представители Исп. Ком. Надо думать, что они были освѣдомлены раньше, ибо из рѣчи Милукова отнюдь не вытекало сообщеніе, что Гучков выѣхал в Псков или готовится к отъѣзду, — вытекало совѣм другое: “И вот теперь, когда я в этой залѣ говорю, — сказал Милуков, — Гучков на улицах столицы организует нашу поѣзду”. Керенскій заканчивает свой рассказ лаконическим заявленіем: «mais, tout finit par s'arranger».

Что же должны были привезти из Пскова “наши делегаты”? В

*) Чхеидзе вообще не принимал почти никакого участія в работах Врем. Ком., но вовсе не отказывался от званія члена Комитета, как утверждал Гучков.

***) Привожу, конечно, перевод.

****) Далѣе Керенскій говорит, что делегаты выѣхали около 4 час. дня.

изложеніи Керенскаго, естественно, это не совѣм ясно. В то время, когда Гучков давал свои показанія Чр. Сл. Комиссіи, член послѣдней Соколов (тот самый, который вмѣстѣ с Сухановым участвовал в ночных переговорах) пытался Гучкова уличить не то в противорѣчіях, не то в двойной роли, которую он сыграл, проводя послѣ соглашенія с Совѣтом свою линію в Псковѣ. В отвѣтъ Гучкова имѣлось нѣчто *существенное*, Гучков утверждал, что, когда он *пѣхал в Псков*, “самый вопрос о формированіи правительства, самый момент формированія не был рѣшен”. “Мы стояли между двумя возможностями — или добровольнаго, на извѣстных началах, сохраненія монархіи, провозглашенія какого-то лица будущим государем и между возможностью сверженія и всяких иных политических форм”... “Предполагалось, — показывал Гучков, — рекомендовать Государю назначить только одно лицо, именно председателя. Лицо это должно договориться с тѣми, кого оно желает пригласить, а тѣ могут ставить свои условія относительно того, с кѣм они хотят идти и по какой программѣ”... “Я имѣлъ порученіе от Врем. Ком. дать совѣтъ Государю назначить председателем Совѣта министров кн. Львова”. Относительно всего остальнаго “были тогда одни предположенія”. “При извѣстных комбинаціях, при извѣстных условіях” Гучков соглашался войти в правительство в качествѣ военнаго министра. Вернувшись в Петербург и увидѣвъ на расклеенных плакатах свою фамилію среди лиц, вошедших в правительство, Гучков был удивлен, ибо для него это было “неожиданностью”, — он думал, что “тот Временный Комитет, тот кружок лиц, который предполагал войти в состав правительства”, дождется его “возвращенія и того акта”, который он вез. Такою же “неожиданностью” для Гучкова был и “акт соглашенія” между двумя комитетами, вѣрнѣе, та комбинація, при которой Исп. Ком. Совѣта Р. С. Д. являлся одним из рѣшающих “факторов” в строеніи государственной власти... На вопрос Соколова, как же все это могло быть “неожиданностью”, раз Гучков участвовал в совѣщаніи в ночь с перваго на второе, Гучков отвѣчал: “Условія, которыя легли потом в основаніе, я нашел, когда я вернулся, окончательно скрѣпленными. Я видѣлъ их раньше, как проект, но проекты были разные, даже помню, что против нѣкоторых я возражал, но соглашеніе состоялось в моем отсутствіи со 2-го на 3-е, в то время, когда я был в Псковѣ*”). “Ваши товарищи по министерству, — продолжал вновь Соколов, — не указывали, что они другого от вас ожидали... что вы привезете отреченіе в пользу наслѣдника... и не высказывали они вам, что этим призовом иного манифеста вы преступили полномочія, данныя вам Времен. Комитетом?” “Члены Комитета нѣт. — пояснял Гучков, — а на совѣщаніи у в кн. Михаила Алекс. А. Ф. Керенскій мнѣ говорил, что я нарушил *полномочія*, но я заявил, что я мог привезти только тот акт, который мнѣ дали. Этот акт там оставить и ничего не привезти я не считал себя в правѣ**”).

*) «Не возражали ли вы против принятія формы республиканскаго правленія сразу» — настаивал Соколов. — «Да там и рѣчи об этом не было... По этому вопросу высказываться не приходилось. Со стороны Исп. Ком. это предьявлено не было. Я помню, я возражал по нѣкоторым вопросам, касающимся арміи и смертной казни».

**) Из этих слов Гучкова вытекает, что возраженіе Керенскаго в смыслѣ нарушенія «полномочій» относилось только к воцаренію в. кн. Михаила.

Не всегда искренняя, сознательно подчас уклончивая, не всегда вполне точная показанія Гучкова тѣм не менѣе довольно опредѣленно рисуют задачи, которыя возлагались на посланцев Врем. Комитета. Одна дошедшая до нас посторонняя записъ отчетливо вскрывает подноготную, которую в революціонное время, подлаживаясь под господствующій тон, современники затушевывали. 14 іюля в. кн. Андрей Влад. занес в дневник подробный рассказ о “псковской трагедіи”, выслушанный им в теченіе четырех часов непосредственно в Кисловодскѣ от ген. Рузскаго. Рассказ заканчивается упоминаніем о рѣчи, произнесенной Гучковымъ перед “толпой”, собравшейся у царскаго вагона послѣ подписанія манифеста об отреченіи. Гучков будто бы сказал: “Господа, успокойтесь, Государь дал больше, нежели мы желали”. “Вот эти слова Гучкова остались для меня совершенно непонятными”, — добавляя Рузскій: “Ѣхали ли они с цѣлью просить об отвѣтственном министерствѣ или отреченіи, я так и не знаю. Никаких документов они с собой не привезли, ни удостовѣренія, что они дѣйствуют по порученію Гос. Думы, ни проекта об отреченіи. Рѣшительно никаких документов я в их руках не видѣлъ. Если они ѣхали просить об отреченіи и получили его, то незачѣмъ Гучкову было говорить, что они получили больше, нежели ожидали. Я думаю..., что они *оба на отреченіе не рассчитывали*”. Свидѣтели слишкомъ часто передаютъ слышанное не точно. Безоговорочно, конечно, нельзя принимать записъ Ан. Вл. сообщающую какъ бы во второй инстанціи то, что говорилъ Гучковъ в Псковѣ*). Но смыслъ сдѣланнаго им завѣренія представляется соответствующимъ дѣйствительности. Миссія от думскаго комитета носила двойственный характер: Гучковъ и Шульгинъ должны были добиваться отреченія, но, очевидно, допускалась возможность и иного исхода в неопредѣлившейся еще окончательно обстановкѣ. До послѣдняго момента передъ выѣздомъ Гучкова позиція Временнаго Комитета была колеблющаяся, но и в лѣвомъ секторѣ далеко еще неясенъ былъ путь, по которому твердо надлежало идти. Много позже в некрологѣ, посвященномъ Милокову и напечатанномъ в 5 кн. американскаго “Новаго Журнала”, Керенскій изобразилъ Гучкова спеціальнымъ делегатомъ, который былъ посланъ в Псковъ Временнымъ Правительствомъ. Это уже идетъ совсѣмъ наперекоръ тому, что было.

**

Противорѣчія, которыми полны показанія людей, примыкавшихъ къ лѣвой общественности, скорѣе доказываютъ, что руководящее ядро Исп. Комитета в той или иной мѣрѣ было свѣдомлено о побѣдѣ думскихъ делегатовъ и отнюдь ей активно не противодействовало. Можно сказать, что оно *молчаливымъ признаніемъ, в сущности, санкционировало компромиссный планъ и тактику, намѣтившуюся во Времен. Комитетѣ*. Только в такой концепціи можно понять однородныя утвержденія у мемуаристовъ, принадлежащихъ къ разнымъ общественнымъ формаціямъ, о соглашеніи, которое было установлено в теченіе дня перваго марта между думскими и совѣтскими кругами. Формальную исторію переговоровъ, т. е. официальную ихъ сторону, повидимому, довольно точно передалъ Сухановъ. К утру 2 марта они не были закончены, и

*) Намъ предстоитъ впредь не разъ цитировать указанную записъ в дневникѣ Андрея Вл. Этотъ дневникъ выдѣляется среди другихъ добросовѣстностью и точностью в изложеніи фактовъ, намъ извѣстныхъ.

пам предстоит еще к ним вернуться. За кулисами шли частные разговоры, и этот обмен мигнйй молва, зарегистрированная в дневниках и воспоминаніях, выдавала за принятія рѣшенія. Так, французскій посол, связанный с либеральными кругами и оттуда черпавшій свои информаціи, под четвергом 2 марта помѣчает: “Исполнительные Комитеты Думы и Совѣта депутатов рабочих.. согласились на слѣдующих пунктах: 1. Отреченіе Императора, 2. Возведеніе на престол Цесаревича, 3. Регентство в. кн. Михаила, брата Императора, 4. Созданіе отвѣтственнаго министерства, 5. Учредительное Собраніе, избранное всеобщим голосованіем. 6. Равенство народов перед законом”. Ломоносов со слов все того же Рулевскаго, сообщавшагося по телефону с “друзьями” из Совѣта, говорит о вечерѣ перваго марта: “весь в Думѣ.. спор... шел о том, что дѣлать: предлагали пизложеніе, отреченіе или внушеніе, т. е. заточеніе Царипы и назначеніе отвѣтственнаго министерства. Остановились на среднем”. Припомним запись Гиппіус, помѣченную “8 часов”, о том, как “развертывается... историческое двуглавое засѣданіе”: “начало засѣданія теряется в прошлом, не видѣя и конец; очевидно, будет всю ночь”. Вот почему 3 марта, когда стало извѣстно отреченіе Царя, и когда Суханов сдѣлал “внѣочередное” сообщеніе и передал, по его словам, в Исп. Ком., полученную им от доктора Манухина информацію о побѣдѣ Гучкова в Псков, которая была организована за “спинной” Совѣта думским комитетом, “особаго значенія этому дѣлу никто не придавал” и “официальнаго обсужденія никто не потребовал”. Вот почему в то время никому “не пришло в голову” вмѣнить в вину членам президіума Совѣта, состоявшим одповременно и членами думскаго комитета, соучастіе в попыткѣ “плутократіи” сохранить в послѣдній момент монархію и династію. Это равнодушіе Суханов старается объяснить тѣм, что не стоило уже обращать вниманіе на “хитроумныя махинаціи” думских “политикапов”, которыя “пошли прахом и разсѣялись, как дым”. Явно придуманное искусственное объясненіе, ибо 3 марта, когда Исп. Ком., по словам Суханова, не удѣлил “ни малѣйшаго вниманія самому факту отреченія”, им одновременно было внесено постановленіе об арестѣ, отрекшагося от престола императора. Об этом постановленіи, выступающій в качествѣ почти официальнаго историка дѣятельности Исп. Ком. в первые дни революціи, мемуарист умолчал.

Ничего подобнаго не могло бы быть, если бы безответственные закулисные переговоры, неясные, неопредѣленные, противорѣчивые, принимавшіе внѣшне форму какого-то *coup d'état*, были замѣнены с самаго начала опредѣленной договоренностью по основному, поставленному революціей вопросу. Можно ли было в дѣйствительности сознательной волей тогдашних политиков соединить двѣ принципиально непримиримыя позрціи? Как-будто бы приходится признать, что принципиальная непримиримость в тѣ дни вовсе не означала тактическаго ригоризма, но дѣятели Совѣта оказались формально не связанными с тѣми переговорами, которые в заключительной стадіи привели к реальному отреченію царствовавшего монарха. Мы должны выяснить теперь, что повліяло на измѣненіе психологіи “верховников” дѣваго сектора, ибо от молчаливаго признанія думской тактики до рѣшенія арестовать посетителя верховной власти послѣ благополучнаго завершения компромисснаго плана — дистанція огромнаго размѣра.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ВТОРОЕ МАРТА

I. «Приказ № 1».

2 марта “стихія” начала входить в русло, и в Петербургѣ наступило замѣтное успокоеніе. “В городѣ совершенно тихо, вездѣ флаги. Стрѣльбы уже нѣтъ. Поражает громадное количество людей” — вспоминает Ломопосов, смогшій прервать свою напряженную работу в мин. пут. сообщенія для очереднаго визита к зубному врачу. На улицах “мирно” уничтожают царскія эмблемы (двухглавых орлов), а “дворники подметають”, — записывает Гиппиус. “Дисциплина восстанавливается понемногу в войсках. Порядок царит в городѣ”, — вносит того же числа в свой дневник французскій посол. На улицах, если не исчезают индивидуумы, вооруженные с головы до ног — саблей, винтовкой, револьвером, ручными бомбами, с перекинутой через плечо пулеметной лентой, то эта “модная” форма одежды стоит уже на грани превращенія в сюжет для революціонной карикатуры, как и гарцующіе на улицах всадники на дрессированных лошадях, реквизированных в циркъ Чинизелли .

В этом успокоеніи, несомнѣнно, значительную роль сыграла инициатива совѣтских кругов. Отсюда был дан толчек организациі на мѣстах столичнаго населенія и гражданской милициі, — “милициі младенцев”, как назвал ее один из ея руководителей, так как наряду со студенческой и рабочей молодежи записывались и скауты 10-15 лѣт. Сдѣлавшись 28-го неожиданно для себя комиссаром Петербургской стороны, по предложенію членов Исп. Ком. Совѣта, один из редакторов “Русскаго Богатства”, Пѣшехонов, счел “необходимым зайти в Исп. Ком. Гос. Думы, чтобы получить от него полномочія”. Писателю пришлось бесѣдовать с Милюковым, и он вынес впечатлѣніе, что в думском Комитетѣ вопрос об организациі власти на мѣстах даже не поднимался “Для меня все яснѣе становилось, что Совѣт Р. Д. рѣшительно опережает думскій комитет”, — таково тогдашнее заключеніе мемуариста: уж в 4 часа в ночь на 28-ое Исп. Ком. приступил к организациі районных комитетов. При наличности Думскаго Комитета в Петербургѣ не могло создаться центрального объединенія на подобіе тѣх комитетов общественных организациі, в состав которых входили совѣтскіе представители, как одна из составных частей, и в руки которых в других городах фактически перешла власть в первые дни революціи. Так с перваго дня на столичной периферіи создалось своего рода двоевластіе, перешедшее очень скоро к полной административной, почти анекдотической неразберихѣ, когда всякаго рода самочинные

“гражданскіе” и иные районные комитеты с их комендантами и комиссарами проявляли “сепаратистскія” вольности. Но в первые дни “комиссариат” на Петербургской сторонѣ, созданный в цѣлях “водворить здѣсь свободу и установить народную власть”, как видно из ярких воспоминаній его руководителя, имѣл огромное сдерживающее и организуемое начало, ибо “праздничное, даже ликующее настроеніе” в массѣ при пароксизмѣ “сомнѣнія, тревоги и страха” само по себѣ вовсе не гарантировало еще от экспессов. Не стоит говорить о возможных послѣдствіях той “неслыханной” свободы, которая водворилась для “преступнаго міра” с открытіем тюремных дверей*).

Вопреки распространенному представленію в тѣ дни для столичной солдатской массы имѣл умиротворяющее значеніе и пресловутый “приказ № 1”. “Утром 2 марта (т. е. в то самое утро, когда на улицах и в казармах стал извѣстен “Приказ № 1” и создавалась в изображеніи Шульгина и его единомышленников сгущенная атмосфера “убійств”) офицеры свободно могли появляться на улицах” — свидѣтельствует на основаніи непосредственнаго наблюденія Набоков, подчеркивавшій в воспоминаніях, что выходить с утра 28-го на улицу в офицерской формѣ стало опасно. Но и первые два-три дня эта опасность все же была относительна — не смерть витала, конечно, над тѣм, кто носил офицерскую форму, а ему грозило насильственное разоруженіе со стороны возбужденной толпы. Что может быть нагляднѣе показаній командира 82 пѣх. Дагестанскаго полка, бар Радека, официально доносившаго 1 марта нач. Штаба верх. главноком. Алексѣву о перипетіях, им пережитых 28 фев. в Петербургѣ, когда он возвращался из отпуска. Толпа хотѣла разоружить его на Балтійском вокзалѣ, но оставила, как только узнала, что он ѣдет на фронт. Барон с Балтійскаго вокзала пошел пѣшком на Царскосельскій и в донесеніи сообщал, что “по дорогѣ... солдаты честь отдавали, хотя не всѣ, а чернь угрожала и старалась напугать, стрѣляя через голову на воздух”. Командир Дагестанскаго полка был офицером, враждебно относившимся к революціи, и держал себя, пожалуй, в толпѣ даже вызывающе. На вокзалѣ, — писал он в рапортѣ, — “на предложеніе ѣхать в Гос. Думу, гдѣ засѣдал какой-то комитет, узурпировавшій

*) Автор рассказывает, как грабители переодѣвались солдатами для того, чтобы имѣть свободу дѣйствія. Образныя иллюстраціи подобных «обысков» по квартирам можно найти в воспоминаніях Кельсона и др. Не слѣдует, однако, преувеличивать роль этих «полчищ» уголовных. Характерна, напр., московская статистика, не отмѣтившая увеличенія преступности за март по сравненію с отчетами прошлаго времени («Р. В.»). И уголовный мір подвергся в извѣстной степени облагораживающему мартовскому психозу. Чего стоит, напр., одно сообщеніе о революціонной идилліи в Одессѣ, как начальник разбойнической шайки Котовскій, приговоренный к каторгѣ, отпускается из тюрьмы «под честное слово» для предсѣдательства свозенія на «митингъ уголовныхъ». (Впрочем, возможно, что газетное сообщеніе и приукрасило дѣйствительность, и Котовскій не то «разбойникъ», не то «анархистъ», прославившійся в большевицкія времена, был просто освобожден толпой из разгромленной тюрьмы — газеты передавали, что из 2.200 бѣжавших арестантов 1.600 вернулись). Но и через полгода уѣздный комиссар из Рененбурга доносил правительству, что в «знаменитой Братовкѣ» (Нарышкинской вол.), «извѣстной своимъ ворами», в дни революціи краж не было, потому что на сходѣ «дана была клятва: кражи прекратить».

власть и называвший себя Временным Правительством, я, конечно, отгадался”.

Так было в разгар солдатского мятежа*). Конечно, были насилия, были убийства и в Петербургѣ. Но могут ли отдельные эксцессы свидетельствовать о специфической атмосферѣ убійств, которая создавалась в первые дни революціи? Общій колорит эпохи настолько очевиден и ясен, что испытываешь нѣкоторое чувство неловкости за озлобленіе мемуариста, который в своих личных переживаниях стремится изобразить перед потомством дѣйствительность в сугубо мрачных тонах. Он возводит клевету на тогдашнюю современность — она была очень далека от фанатичной проповѣди своего рода “варфоломеевской ночи”. Трудно случайной статистикой что-либо доказать. В свое время в статистическом отдѣлѣ петербургскаго комитета союза городов был составлен список “пострадавших” в дни февральско-мартовской революціи. Данные тогда же были опубликованы в газетѣ с указанием, что они были собраны студенческой организаціей союза. Основаніем для составления списка послужили свѣдѣнія, доставленные из больниц и лазаретов. Немало пострадавших в такую регистрацію, понятнo, не было включено. Ген. Мартынов, пользовавшійся архивным матеріалом Чр. Сл. Ком., куда эти данныя были представлены, приводит цифру 1.315 пострадавших (убитых и раненых)**). Распредѣляется это число так: офицеров 53, солдат 602, чинов полиціи 73, граждан обоюго пола 587. Сколько среди них было убитых, мы не знаем. Число “жертв революціи” (их было по официальной статистикѣ 181), торжественно похороненных 23 марта на Марсовом полѣ, ничего не говорит, ибо это была революціонная демонстрація, мало считавшаяся с реальностью***). Запись Гишпиус 7 марта, говорящая об “уродливом” копаниі могил для “гражданскаго там хороненія собраниых трупов, державшихся в ожиданіи”, повидимому, не очень далека от дѣйствительности****). Сколько среди этого неизвѣстнаго количества убитых погибло от шальной “революціонной” пули в дни бессмысленной уличной перестрѣлки, носившей или демонстративный характер, или вызвавшей папкой, неумѣним обращаясь с оружіем, а первѣдло служившей забавой подростков? Мы этого никогда не узнаем. Шкловскій, не-

*) Агрессивность толпы можно было бы прекрасно охарактеризовать разсказом небезизвѣстнаго Авалова-Бермонта, появившагося в столицѣ на другой день революціи, в самый разгар уличных столкновеній, если бы все повѣствованіе мемуариста не вызывало сомнѣній — он даже дату революціи плохо запомнил: для него «роковым днем» является 26 февраля. Бермонт уложил на мѣстѣ перваго же солдата, который пытался его обезоружить, взяв извозчика и встав на протекѣ с револьвером в руках, без больших затрудненій высписьзнул из окружавшей толпы. Храбрый мемуарист негодует на тѣх тѣповых героев, с которыми он встрѣтился в Петербургѣ, и которые носили офицерское званіе, но забыли о воинском долгѣ.

**) Общее число нѣсколько больше — 1.656, но, по словам Мартынова, сюда были включены заболѣванія, которыя на счет революціи поставлены быть не могут (малокровіе и пр.!). В газетах эти заболѣванія болѣе правдоподобно были отнесены к числу «нервных потрясеній».

***) Среди «181» имена многих остались «неизвѣстными».

****) Но совершенная, конечно, ерунда, что для устройства «похорон жертв революціи» собрали из больниц тѣла китайцев, умерших от тифа. Об этих покойниках-«революціонерах» говорит Мельник-Боткина, повторяя злостную пародію нѣкоторых современников.

посредственный участник революціонных дѣйствій, убѣжден, что большинство погибших надо отнести к числу случайных жертв. Конечно, воспріятія современников были крайне субъективны, — напр., ген. Селивапов на фронтѣ заносил в дневник со слов письма от “Тамуси”: “в газетах не было 1/8 того, что было на дѣлѣ. Ужасно! Вот вам и свобода печати и слова”.

Поскольку мы можем признать относительную цѣнность приведенной статистики, поскольку приходится заключить, что она опровергает граничащія с инсинуаціей сужденія мемуаристов, пытающихся подчас созпательно каким-то кровавым туманом окутать первые дни февральской революціи. Как ни далека была от уличной жизни придворная дама Нарышкина, все же она не могла бы написать в свой дневник 28-го: на улицах полный порядок, нигдѣ ни малѣйшаго насилія. Не только люди в “офицерской формѣ”, но и люди в ненавистном масѣ полицейском мундирѣ не подвергались на улицах Петербурга жестокой расправѣ в дни “солдатскаго бунта”. Когда бывший член Гос. Думы Бородин (к. д.) в день десятилетія революціи вспоминал в нью-іоркском “Нов. Русск. Словѣ”, как “полицейских безпощадно убивали в участках и на улицах”, его память, быть может, и бессознательно воспроизводила под напором послѣдующих переживаній нѣчто такое, что было очень далеко от дѣйствительности — слишком разительна была та цифра — 70, которую давала “статистика”. Наблюдавшіе уличную толпу, реально отмѣчают нам “озлобленность” против полицейских в моменты, когда обнаруживалась стрѣльба с крыш из пулеметов (воображаемых), или когда ловили переряженных “фараонов”. На этих расправах особо останавливается в своих воспоминаніях бар. Врангель (отец); ряженые городовые, — по его словам, — становились “гипнозом, форменным сумасшествіем” толпы, их ловили и убивали, принимая подчас бѣднаго трубочиста с метлой за коварнаго и хитроумнаго фараона. Но, — должен отмѣтить мемуарист, — очень скоро интерес к городovým пропал.

В Петербургѣ, гдѣ происходили уличныя столкновенія, неизбѣжно эксцессов было больше, нежели там, гдѣ переворот по инерціи совершался в мирном порядкѣ, и в силу этого носил характер переворота, дѣйствительно, безкровнаго. Таков, однако, был характер революціи почти по всей Россіи, и он опредѣляет собой общее настроеніе в гораздо большей степени, чѣм отдѣльные, всегда возможные эксцессы; как передавал корреспондент “Русск. Вѣд.”, в Кіевѣ говорили, что в революціонные дни в городѣ погиб всего один человек, да и тот из мѣди (памятник Столыпину*). Убийства офицеров в Петербургѣ были едипичными случаями. Этот факт тогда же отмѣтил французскій генерал Лавери в донесеніи шефу своей военной миссіи в Ставкѣ ген. Женену (донесеніе 28-го помѣченное 1½ час. дня). Черным пятном

*) Провѣрившія нам может дать много примѣров того, что можно назвать революціонной идилліей. Напр., в Екатеринбургѣ помощник полицеймейстера полк. Бѣлоконь шел во главѣ манифестаціи 3 марта; в Бахмутѣ полиція охраняла порядок в аналогичной манифестаціи; в Харьковѣ губернатор объявил 4-го, что всякое выступленіе против новаго правительства будет всемирно преслѣдоваться и караться по всей строгости закона; курьезно, что о «привлеченіи к отвѣтственности» врагов новаго строя говорил никто иной, как мѣстный начальник жандармскаго управления.

на революціи остаются происшедшія в специфической обстановкѣ трагическія событія в Кронштадтѣ и Гельсингфорсѣ: по официальнымъ приблизительнымъ даннымъ в Кронштадтѣ погибло около 60 офицеровъ, в Гельсингфорсѣ 39 (этихъ событій мы еще коснемся в другомъ контекстѣ).

Для того, чтобы понять психологию эксцессовъ, в сущности надлежитъ разслѣдовать каждый случай в отдѣльности, ибо подчасъ вовсе не “офицерскій мундиръ” сам по себѣ, а случайно сопутствующія обстоятельства приводили переменчивую в настроеніяхъ толпу к эксцессу... Никакой “правильной, организованной облавы” на офицеровъ, конечно, не было (утвержденіе Врангеля-отца). Среди такихъ случайныхъ причинъ едва ли не на первомъ мѣстѣ надо поставить злостную провокацію. В революціонной толпѣ, вѣроятно, шныряло немало “озлобленных, мстительныхъ людей”, пытавшихся сдѣлать ставку на разнудываніе стихіи (это отмѣчаетъ Петрищевъ). Ихъ пропаганда успѣха пе имѣла, преломляясь в миролюбивомъ скорѣе настроеніи толпы. Есть и еще нѣкоторая особенность в этихъ первыхъ эксцессахъ противъ офицеровъ, специально отмѣченная адм. Колчакомъ в телеграммѣ Алексѣеву 6 марта. В Черноморскомъ флотѣ было спокойно: “только на нѣкоторыхъ корабляхъ, — сообщалъ Колчакъ, — существуетъ движеніе противъ офицеровъ, носящихъ нѣмецкую фамилію”. Эту особенность надлежитъ отмѣтить и в отношеніи Петербурга. Ген. Врангель, прибывшій в началѣ марта в Петербургъ, упоминаетъ среди “жертвъ обезумѣвшей толпы и солдатъ” нѣсколько своихъ знакомыхъ: “престарѣлый гр. Штакельбергъ, бывшій командиръ Кавалергардскаго полка гр. Менгденъ, лейбгусаръ гр. Клейнмихель”... Послѣдніе два были убиты в Лугѣ своими же солдатами запасныхъ частей гвардейской кавалеріи*).

Трудно не увидать здѣсь проявленіе рикошетомъ в примитивной, грубой формѣ революціоннаго эксцесса той псевдо-націоналистической пропаганды, которая в атмосферѣ военнаго психоза родилась в предреволюціонное время, нервируя массы, распроставая фантасти-

*) Драма в Лугѣ 1 марта (в этотъ день Луга пережила то, что Петербургъ пережилъ 28-го) можетъ явиться довольно показательною иллюстраціей. Вотъ какъ она изображена в воспоминаніяхъ Вороновича. Я вынужденъ отбросить всѣ характерныя детали, объясняющія обстановку, в которой произошло убійство Менгдена группою солдатъ разрозненныхъ частей, преимущественно артиллеристовъ новобранцевъ, при попустительствѣ кавалергардовъ, среди которыхъ «нашъ старикъ» пользовался значительными симпатіями. Мотивъ ареста былъ тотъ, что нужно арестовать офицеровъ «изъ нѣмцевъ» по подозрѣнію в шпіонажѣ. Подлежали аресту по приготовленной «записочкѣ»: фонъ Зейдлицъ, бар. Розенбергъ, Собиръ, Эгерштромъ и гр. Клейнмихель. Первые трое, оказавшіеся в управленіи, были взяты на поруки кавалеристами и оставлены на свободѣ. Полк. Эгерштромъ и ротм. Клейнмихель были приведены на гауптвахту, гдѣ былъ заключенъ ген. Менгденъ, какъ не признающій новаго революціоннаго правительства. Вороновичъ подчеркиваетъ, что Эгерштрома и Клейнмихеля «ненавидѣли всѣ солдаты пункта» (Клейнмихель наканунѣ приказалъ «сыпать сто розогъ» за неотдачею чести). Вызывающее поведеніе арестованныхъ, т. е. угрозы со стороны ихъ в отвѣтъ на «глумленіе» солдатъ, вызвали самосуд, жертвой котораго сдѣлался и Менгденъ... «Убійство Менгдена — говоритъ Вороновичъ — произвело на солдатъ удручающее впечатлѣніе. Я слышалъ, какъ многіе предлагали немедленно разыскать убійцу старика и расправиться съ нимъ». Что касается Штакельберга, то здѣсь была и нѣкоторая специфичность в обстановкѣ. По разсказу кн. Путятинной, жившей в сосѣднемъ домѣ, старикъ генералъ со своимъ деньщикомъ оказали вооруженное сопротивленіе «в теченіе нѣсколькихъ часовъ» толпѣ солдатъ, пытавшейся проникнуть в домъ.

ческие слухи о предательствѣ и измѣнѣ даже в царской семьѣ. Надо призадуматься еще над тѣм, кто является подлинным виновником рожденія чреватой по своим послѣдствіям легенды “о генералах-измѣнниках” (см. мои книги “Легенда о сепаратном мирѣ” и “На путях к дворцовому перевороту”). С 1 марта нельзя зарегистрировать ни одного факта убійства “офицера” в столичном градѣ Петра. Это само за себя уже говорит. Показательно и то, что в тѣх немпогих случаях, которые могут быть зарегистрированы, месть почти всегда производилась выстрѣлом неизвѣснаго “из толпы”.

Конечно, никакой непроходимой пропасти между офицером и солдатом на исходѣ третьяго года войны не было. Много ненормальнаго оставалось в быту, порожденном сословными перегородками стараго режима, но совершенно неизбѣжно взаимное общеніе в оконных оивуаках и измѣненіе, демократизація состава низшаго командованія смягчали искусственно устанавливаемую рознь. Но условия, в которых произошла революція, когда солдатская масса почти всегда выступала без офицерскаго состава, совершенно естественно порождали недовѣріе к настроеніям верхняго слоя арміи — что в значительной степени вытекало при неувѣренности еще за будущее из страха отвѣтственности за содѣянное. Этот безотчетный страх “отвѣтственности” спаивал до нѣкоторой степени массу и заставлял ее держаться за коллектив. Пѣшеонов рассказывает, какія огромныя трудности предстали перед ним, как комиссаром Петербургской стороны, когда из Ораніенбаума 28-го пришел в столицу “дѣлать революцію” второй пулеметный полкъ и потребовал отвода себѣ помѣщенія. Солдат было... 16 тысяч. “До нельзя испуганные, чуть не в паникѣ, они ужасно боялись расправы, которая может их постигнуть за то, что они надѣлали”, и потому требовали “помѣстить их в одном мѣстѣ”*). Их помѣстили в знаменитом Народном Домѣ. Вся масса производила впечатлѣніе “потревоженнаго улья”, — солдатам казалось, что их с умыслом завели в стоящее особняком помѣщеніе, гдѣ их могут взорвать или иначе как-нибудь уничтожить. Офицерам была отведена небольшая комната, гдѣ они должны были проводить все время, оставаясь в сущности под арестом. Через образовавшійся полквой комитет комиссар убѣдил полкъ вернуться в Ораніенбаум, если будет “такой приказ от Совѣта”. Но получить “такой приказ” оказалось не так легко, ибо “революціонныя войска не могут быть выводимы из Петрограда и должны оставаться здѣсь, чтобы защищать завоеванія революціи”, — сказали в Исп. Ком. Пѣшеонову, а нѣкоторым в его просьбѣ почудилась даже “контр-революціонная затѣя”...

Такова была психологическая обстановка, и поэтому первая же попытка от имени Временнаго Комитета ввести стихію в опредѣленную рамки вызвала нѣкоторое волненіе в гарнизонѣ. За подписью Родзянко был выпущен “приказ” по войскам, в котором предписывалось всѣм отдѣльным нижним чинам и воинским частям немедленно возвратиться в свои казармы, всѣм офицерским чинам явиться в свои части и принять всѣ мѣры к водворенію порядка. Командиры частей вызывались в Гос. Думу к 11 час. утра 28-го для полученія распоря-

*) «Страх» и «неувѣренность» отмѣчает и упомянутая выше протокольная запись опроса в Волинском полку. «Стадо баранов» — скажет про перепуганных запасных старик Браигель.

жений. Тогдашний председатель военной комиссии, состоявшей формально при Временном Комитетѣ и фактически объединявшей представителей обоих политических секторов, полк. Энгельгардт в воспоминаниях, напечатанных в бурцевском "Общем Дѣлѣ", говорит, что "приказ" Родзянко не появился, так как был захвачен в типографіи и уничтожен рабочими, увидѣвшими в "желаніи ввести солдат в рамки дисциплины и порядка" — попытку "прістановить, даже задушить, начавшуюся революцію". Надо думать, что "приказ" в том или ином видѣ все же был республикован*). Офицеры стали появляться в своих частях, командный состав возвращался на посты, воинскія части дефилируют с утра 28-го в Гос. Думѣ, выражая свою вѣрность новому порядку и т. д. Представители Временнаго Комитета говорили успокоительныя рѣчи, призывая солдат слушаться офицеров: без начальников воинская часть превращается в толпу, которая неспособна выступить организованно и содѣйствовать водворенію порядка — убѣждали Родзянко, Милоков и др. Но о каких офицерах шла рѣчь? Только о тѣх, конечно, которые дѣйствуют в "согласіи с Гос. Думой". Пока еще трудно при отсутствіи систематически опубликованнаго матеріала, без специальных архивных изысканій представить себѣ бытовую жизнь воинских частей в первые дни этого переходнаго періода. В соответствии со всеобщим хаосом нѣчто хаотическое было и здѣсь. В одних частях сохранялся старый командный состав, в других военная коммисія сама назначала ея временное командованіе кого-либо из наличнаго состава офицеров (напр., в Волынском полку — приказом Энгельгардта, помѣченным 8 ч. 30 м. утра 28-го командованіе вручено было двум прапорщикам), в третьих происходили выборы. Не всегда это было самозванным дѣйствіем образующейся солдатской волиницы в обстановкѣ "мятежнаго движенія". Найдите своих офицеров, которые стоят под командой Гос. Думы, и сами встаньте под их команду — рекомендовал 28-го не кто иной, как Милоков, лейб-гренадерам (по отчету "Извѣстій" Комитета Журналистов).

Как будто бы дѣло шло к мирному разрѣшенію с того момента, как около 2 часов 28-го самоликвидировались сосредоточенныя в Адмиралтействѣ "вѣрныя части", которыми располагала еще существовавшая военная правительственная власть. Их было немного по офиціальным данным: 600 чел. пѣхоты, 500 кавалеріи, 15 пулеметов, 12 орудій при 80 патронах. Символом завершения этого процесса могла служить революція многолюднѣйшаго — "нѣсколько тысяч" — собранія офицеров утром 1 марта в помѣщеніи "Арміи и Флота", единогласно признававшая власть Исп. Ком. Гос. Думы "впредь до созыва Учредительнаго Собранія**). В тот же день около 4 час. произо-

*) Трудно опредѣленно рѣшить этот вопрос, хотя во всей литературѣ, начная с совѣтской «хроникки» революціонныхъ событій, приказъ этотъ цитируется, но среди опубликованныхъ офиціальныхъ документовъ (два воззванія Временнаго Комитета, помѣченныя 27-м) его нѣтъ. Нельзя забывать, что типографская техника в первую ночь еще такъ плохо была налажена, что одно изъ первыхъ совѣтскихъ обращеній, предлагавшее населенію пріютить и накормить возставшихъ солдатъ, распространялось по городу в литографированномъ видѣ.

**) В воспоминаніяхъ (съ обычной неточностью) можно найти откликъ закулисной борьбы, происходившей в собраніи. В Исп. Ком. «явились возбужденные офицеры» — рассказываетъ Сухановъ — которые жаловались «на

шло демонстративное присоединение к Гос. Думѣ от имени Гвардейскаго Экипажа в. кн. Кирилла, обратившагося передъ тѣмъ с аналогичнымъ призывомъ къ начальникамъ царскосельскаго гарнизона, послѣ чего дворцовая полиція, царскій козвой, собственный Е. В. сводный полкъ и желѣзнодорожники послали в Таврическій дворецъ своихъ представителей с заявленіемъ о переходѣ на сторону новаго правительства. Подъ звуки Марсельезы с красными флагами, по утверженію коменданта Таврическаго дворца Перетца, в Думу прибыл и жандармскій дивизіон...

Итак, на петербургскомъ небосклонѣ не было видимой пелены контр-революціонныхъ шастроений, а по утверженію арестованной престоарьшлой гр. Клейнмихель, находившейся в Таврическомъ дворцѣ в моментъ великокняжеской демонстраціи, «революціонная осанка» представителя императорской фамиліи даже «восхищала» солдат*). Но... «тутъ вдругъ посыпались фантастическія, непонятныя извѣстія изъ дѣльного ряда полковъ, — вспоминаетъ Энгельгардт, — о томъ, что офицеры запираютъ солдатъ в казармахъ, отбираютъ оружіе, заставляютъ присягать на вѣрность старому порядку. Былъ отправленъ ген. штаба полкъ. Балобанъ в Егерскій полкъ, чтобы выяснитъ тамъ полсженіе вещей, пор. Гуровскій и еще нѣсколько офицеровъ отправились в другіе полки для провѣрки свѣдѣній и для успокоенія солдатъ». Посланные принесли успокоительныя извѣстія, но «с другой стороны, ко мнѣ попрежнему прибѣгали солдаты, взволнованные и, видимо, убѣжденные, докладывали о контр-революціонныхъ выступленіяхъ офицеровъ... Было несомнѣнно, что тутъ была типичная провокація, и что провокація имѣла успѣхъ». Энгельгардтъ доложилъ думскому комитету о распространившихся слухахъ и о возможныхъ эксцессахъ (мемуаристъ относитъ свое сообщеніе на вечеръ 1 марта), и было рѣшено для успокоенія солдатъ издать приказъ о недопустимости отбирания у нихъ оружія. Упомянувъ о слухахъ, которые были провѣрены и оказались ложными, временный командующій революціонной арміей объявилъ, что «будутъ приняты самыя рѣшительныя мѣры къ недопущенію подобныхъ дѣйствій, вплоть до *разстрѣловъ*»... Очень знаменательно, что угроза «разстрѣломъ» раздалась впервые со

злостное искаженіе ихъ позиціи, такъ какъ из Временнаго Комитета, куда доставлена была резолюція, она пошла в печать уже безъ Учредительнаго Собранія». «Я прочелъ резолюцію (т. е. проектъ) — вспоминаетъ Шульгин — и кратко объяснилъ, что говорить объ Учр. Собраніи не нужно». Делегаты обѣщали «вычеркнуть и провести это в собраніи». Однако, резолюція с Учр. Собр. была проведена единогласно. Родзянко, относя резолюцію на 3-ье марта, говоритъ, что собраніе («в числѣ около ста тысячъ человекъ» — такъ и напечатано в гессеновскомъ «Архивѣ») вынесло «самыя рѣзкія резолюціи до требованія ареста имп. Николая II» — «многочисленная депутація явилась ко мнѣ тогда во Врем. Ком. с цѣлью поддержать резолюцію и с трудомъ удалось успокоить взволнованную до невозможности публику». Резолюція была напечатана с упоминаніемъ объ Учредительномъ Собраніи и, вѣроятно, она оказалась не безъ вліянія на то «новое теченіе», которое к вечеру перваго марта стало намѣчаться в руководящихъ кругахъ «цензурной общественности».

*) По словамъ солдата-большевика Сорокина, принадлежавшаго къ составу Гвардейскаго Экипажа, «революціонная осанка» в. кн. Кирилла шла будто бы такъ далеко, что онъ самъ, взявъ винтовку, отстрѣливался отъ «городовыхъ» — воображаемыхъ и невидимыхъ враговъ.

стороны Временнаго Комитета*). Она свидѣтельствовала о той неизбежной двойственности, которой отличалась дѣятельность военной Комиссiи — с одной стороны, попытка внести успокоеніе, с другой — нервный страх перед неликвидированными еще силами стараго порядка.

Были ли какія-нибудь основанія для распространившихся слухов, была ли это “провокація” или просто у страха глаза были велики? Стоит взглянуть в опубликованную неполную серію входящих и исходящих бумаг Военной Комиссiи за 28 февраля для того, чтобы боочію себѣ представить фантастическіе слухи, распространявшіеся по городу и волновавшіе гарнизон. Отовсюду поступают частныя свѣдѣнія о больших полицейских засадах в тѣх или иных домах, о вообразимых пулметатах на крышах, о таинственных “черных автомобилях”, развѣзжающих ночью по улицам и разстрѣливающих прохожих, — свѣдѣнія, которыя подчас сопровождаются лапачическими пометками: “неубранныя свѣдѣнія”, “не оправдалось”. Один из “караулов” доносит на основаніи свѣдѣній, доставленных “частными лицами”, что в Академіи Ген. Штаба “собралось около 300 офицеров, вооруженных пулеметами, с цѣлью нападенія на Таврической дворец”, от студентов с Балтійскаго вокзала поступают из “достоверных источников” свѣдѣнія о продвиженіи с фронта “36 эшелонов в Царское Село”, из санернаго батальона сообщают о прибытіи в Зимній дворец артиллеріи из Царскаго Села с 12-дюймовыми орудіями и т. д.

Среди подобных слухов могли быть и слухи, вовсе не провокаціонныя о попытках разоруженія. Трудно, однако, представить себѣ, чтобы в обстановкѣ 28-го, а тѣм болѣе перваго, подобныя случаи реально могли имѣть мѣсто. Современники не зафиксировали ни одного конкретнаго случая, и послѣдующія сообщенія повторяют лишь голословныя предположенія, высказанныя Стѣкловым 30-го марта: “нѣкоторые офицеры, очевидно, сторонники стараго режима, начали разоружать солдат”. При этом произошли эксцессы. Слухи в гораздо болѣе степени могли возникнуть в связи с отдѣльными распоряженіями военной комиссiи, имѣвшими цѣлью “возстановленіе порядка”. Не надо забывать, что это былъ лишь второй день революціи, а для периферій в сущности первый**). В то время, как думскіе представители в Таврическом дворцѣ, призывая солдатскія команды организовать и объединиться с офицерами под думским флагом, указывали на опасность, которая грозит еще революціи, военная комиссiя или отдѣльные ея представители одновременно разсылали “приказанія” в родѣ того, которое было дано, напр., прап. Пикоку, адъютанту квартировавшаго в Красном Селѣ полка (“приказаніе” от 1 марта за подписью Энгельгардта): предписывалось передать “нижним чинам”, оставшимся в Красном, чтобы они “никуда из расположенія полка не двигались и с особым усердіем немедленно приступили бы к занятіям”. Такія “приказанія” могли быть в это время цѣлесообразными в отно-

*) Подлиннаго текста энгельгардтовскаго приказа я не мог найти. Даже дата его остается сомнительной, ибо многіе из упоминающих о нем относят его к 28-му, не к первому, что, пожалуй болѣе соответствует обстановкѣ.

***) Весьма большое, конечно, преувеличеніе допустили составители «Хроники февральской революціи» в утвержденіи, что «к 4 часам 27 февраля весь город за исключеніем Адмиралтейства, Зимняго дворца и Петропавловской крѣпости находился во власти возставших».

шейи таких привилегированных военно-учебных заведений, как пажеский корпус (“приказание” 28 фев.) и некоторые военные училища (которым не вполне доверяли)*), — учебные занятия “в полном нормальном порядке” спасали училища от возможных эксцессов. Советом по иному подобные приказы в “разгаре восстания” могли отлагаться в солдатской психике, — особенно, если они не советом удачно формулировались в привычных терминах полицейского режима; напр., “дозорам”, назначенным от Преображенского полка, 1 марта вменялось в обязанность “разгонять различные собрания на улицах” (приказ командира батальона “во исполнение распоряжения Временного Комитета охраны гор. Петрограда” с пометкой: “не подлежит оглашению”). В царившем хаосе каждый член отдавал (нередко самостоятельно) “приказания” на различных официальных бланках — отсюда и резкая противоречия. Впоследствии военная комиссия в официальном отчете представляла свою деятельность вполне последовательной и планомерной. Конечно, это было не советом так в первые дни**).

Расхождение между двумя политическими секторами должно было сказываться в самом подходе к вопросу о “возстановлении порядка”, расхождение, которое Энгельгардт в воспоминаниях определил так: “говорить нечего, что для конституционалистов и постепенцев, членов прогрессивного блока, дальнейшее “углубление” революции уже было не нужно 28 февраля”. И тем не менее я боялся бы, не нарушая исторической перспективы, резко противопоставить в данном случае политику “думскую” политике “советской”, как это делают все мемуаристы левого сектора. Вот пример. Анализируя слова, с которыми Милоков 28-го обращался к воинским частям, Суханов отмечает принципиальность того, кто “не в пример своей думской периферии умел смотреть в корень” и в “первый же момент революции”, “еще до выяснения позиции Совета”, поставил “ребром будущей роковой вопрос о двоевластии”. Милоков, призывая подчиниться единой власти — Временному Комитету — указывал, действительно, на опасность двоевластия (слова его были воспроизведены в “Известиях” журналистов). Между тем, едва ли имеется сомнение в том, что в своих опасениях оратор был далек от мысли бросить “яблоко раздора” и отгораживаться от политики Совета, о настроении которого он был мало осведомлен, и который в первые дни не претендовал на власть; говоря о двоевластии, Милоков имел в виду еще не ликвидированную старую власть, — это вытекает из контекста всех его речей. Суханов заключает: “с утра 28-го по всему фронту правого крыла уже шла атака на гарнизон с кличем: “возвращайтесь спокойно в казармы, подчиняйтесь офицерам, подчиненным Гос. Думе и не слушайте никого больше, опасаясь двоевластия”. Было ясно “нашему Исп. Ком... предстояло немедленно

*) Военные училища, которые старое правительство не считало возможным привлекать к подавлению уличных беспорядков, были в февральские дни на положении «нейтральных» (Мстиславский). Правильно было бы сказать о положении колебательном: один из документов военной комиссии, помеченный 6 ч. 50 м. утра первого марта, гласит, напр., что павловское училище «располагалось, может быть, даже выступить против».

**) При отсутствии материала приходится воздерживаться от слишком категорических толкований, к которым склонны комментаторы большевистских изданий, и связать диктаторские тенденции Караулова (если только верить указаниям Шульгина) с попытками использовать Преображенский полк.

принять мѣры к постановкѣ агитаціоннаго дѣла... среди гарнизона... и немедленно озаботиться производством выборов во всѣх воинских частях в Совѣт Р. Д.". Итак, послѣдующая совѣтская политика, одним из звеньев которой было издавіе "приказа № 1", изображается в видѣ сознательнаго противодѣйствія политикѣ думской. Согласиться с этим без очень существенных оговорок нельзя. Нѣсколько, быть может, сусально зарисованная картина, на которой изображен член Гос. Думы октябрист свящ. Петров, из вестибюля Таврическаго дворца благословляющій 28 февраля подходящія воинскія части, и соц. дем. Чхеидзе, на колѣнях "с восторгом" цѣлующій, как символ побѣдившей революціи, красное знамя, выхваченное из рук солдат Инженернаго батальона, пришедшаго одним из первых "с офицерами" и "оркестром музыки" (воспоминанія Ставкевича) — в большой степени даст представление о подлинном господствовавшем тогда настроеніи..

"Знаменитый приказ Родзянко", изданный "без вѣдома значительной части членов даже думскаго комитета", утверждал Стеклов в докладѣ 30 марта, — привел к эксцессам. "Мы первые скорбили о смертях и насилах", — говорил Стеклов: "Мы никогда не призывали к кровопролитію и убійствам. Наоборот, всѣм вѣсом своего авторитета мы старались воздѣйствовать против этих эксцессов... Мы не могли не видѣть, что армию толкают на эксцессы, что народ призывают к насилию этим, в лучшем случаѣ, неосторожным политическим актом, неразумность котораго не мог сразу оцѣнить его автор. Я должен сказать, что думскій комитет посѣбнил взять обратно и уничтожить приказ*), но яблоко раздора было брошено: оказалось, не только революція, но и права солдата не обезпечены, и здѣсь стихійно вылилось... бурное стремленіе солдат как-нибудь оформить свои права". Эксцессы, вызванныя "приказом" Родзянко и попытками разоруженія гарнизона (или только "провокаціонными" слухами), остаются неуловимыми и, думается, они должны в большей степени быть отнесены за счет позднѣйшей придуманной аргументаціи, объяснявшей тѣ, скорѣе все же единичные факты революціоннаго насилія над отдѣльными офицерами, которые имѣли мѣсто в Петербургѣ в дни 28 февраля и перваго марта. В наличности у гарнизона оставалось напряженное, болѣзненно-взвинченное самочувствіе, всегда грозное в обстановкѣ угрожающей демагогіи, — как бы в преддверіи возможных эксцессов... Нельзя не повѣрить тому, что большинство членов Исп. Ком., как и люди, застѣвавшіе в думском комитетѣ, были чрезвычайно обезпечены, поступившими из Кронштадта в утренніе часы перваго марта извѣстіями с происходивших там насилія над офицерами. "Кронштадтскія избіенія, — пишет Суханов, — могли вылиться в безудержную и гибельную стихійную бурю". Тогда же было рѣшено в Исп. Ком. немедленно опубликовать воззваніе к солдатам с протестом против самосуда, с призывом установить "контакт" между солдатами и офицерами революціонной арміи, с указаніем на присоединеніе офицерской массы к революціи и на безопасность ея для "солдатской вольницы в новых условіях".

*) Стеклов, очевидно, имѣл в виду упомянутое объявленіе Энгельгардта.

В такой атмосферѣ и родился “приказ № 1”. “Совѣтскіе” мемуаристы довольно однородно рассказывают, как выработаны были основныя положенія, вошедшія в текст приказа. Происходило это на дневном общем собраніи Совѣта перваго марта, когда Совѣт с учрежденіем “солдатской секціи” превратился в представительство не только рабочих, но и солдатских депутатов. Объединеніе явилось естественным результатом событій и не может быть поставлено в зависимость от какого-то обдуманнаго плана противодѣйствія думской агитаціи, как хочет представить Суханов. Распыленныя солдатскія массы сдѣлались центром событій с момента, когда февральскія рабочія демонстраціи превратились в солдатскій бунт, рѣшившій судьбу стараго политическаго строя. Остаться дезорганизованным в вихрѣ революціонныхъ событій эти массы, конечно, не могли. По утвержденію Шляпникова, только “послѣ долгаго колебанія” из-за боязни вовлечь армію в “политическую борьбу” и сдѣлать ее тѣм самым “небоеспособной”, Исп. Ком. постановил 28-го вечером организовать при Совѣтѣ спеціальную “солдатскую секцію”. Не столько настойчивость представителей большевиков, выступавших против аргументаціи, которая развивалась “в рядахъ оборонческихъ групп”, сколько жизненная необходимость разрѣшила вопросъ.

Совершенно естественно на первом общем собраніи Совѣта с делегатами от воинскихъ частей был поставлен на обсужденіе волновавшій гарнизонъ “солдатскій” вопросъ: о предѣлахъ компетенціи военной комиссіи, о выдачѣ оружія, об отношеніи к возвращающимся офицерамъ и т. п. В результатѣ совѣщанія, происходившаго под предсѣдательствомъ вездѣсущаго Соколова, были приняты положенія, формулированныя, занимавшимъ отнюдь не крайнюю позицію с. д. Кливинскимъ, однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ газеты “День”: 1. “немедленно предложить тов. солдатамъ не выдавать оружія никому. 2. ...немедленно избрать представителей в Совѣтъ солд. и раб. депутатов по одному на каждую роту. 3. предложить тов. солдатамъ подчиняться при своихъ политическихъ выступленіяхъ только Совѣту Р. и С. Д.; 4. предложить тов. солдатамъ, подчиняясь во фронтѣ офицерамъ, вмѣстѣ с тѣмъ считать ихъ внѣ фронта равноправными гражданами”. Засѣданіе не протекало в атмосферѣ какой-то особой непримиримости и враждебности. Разработка и окончательное редактированіе положеній, установленныхъ на совѣщаніи, были поручены комиссіи, куда вошли представители солдат, дополнительно избраные в Исполнительный Комитет. Суханов, мало интересовавшійся тѣм, что дѣлается на безотвѣтственномъ “митингѣ”, какимъ в его глазахъ являлось общее собраніе, и занятый, как мы знаемъ, в это именно время в Исп. Ком. выясненіемъ основной политической линіи совѣтской демократіи, “лишь походя” могъ наблюдать картину, какъ писался текстъ будущаго “приказа № 1”; “за письменнымъ столомъ сидѣлъ Н. Д. Соколовъ и писалъ. Его со всѣхъ сторонъ облѣпили сидѣвшіе, стоявшіе и наваливавшіеся солдаты и не то диктовали, не то подсказывали Соколову то, что онъ писалъ”. “Приказъ этотъ былъ в полномъ смыслѣ продуктомъ народнаго творчества”. — заключаетъ Сухановъ. Заключение это стало общимъ мѣстомъ, и его любили повторять тѣ, кто хотѣлъ сдѣлать отвѣтственность за “приказъ № 1” с дѣятелей Исп. Ком. “И если среди всѣхъ актовъ Совѣта Р. и С. Д., если среди всѣхъ документовъ, носящихъ подпись Исп. Ком. — докладывалъ Стекловъ в Совѣщаніи Со-

вѣтов, — имѣется какой-либо, который был подлинным творчеством пародных масс, то это был приказ № 1, выработанный солдатскими депутатами, пришедшими с улицы и из революционных казарм; это настолько был акт творчества этих масс, что большинство членов И. К... узнали об этом актѣ, когда он был уже напечатан". И все-таки это, конечно, не совсем так — уже потому, что "представители солдат", "товарищи" Садовскій, Падерин, Линде, Кудрявцев и др. (не говоря уже о прис. пов. Соколовѣ, который, по мнѣнію Суханова, был лишь "техническим исполнителем предначертаній самих масс"), были партийными людьми — некоторые из них были враждебны согласительной политикѣ, доминировавшей в руководящем центрѣ Исп. Ком.*).

Общія "положенія", принятыя в Совѣтѣ, значительно заострились в конкретной формулировкѣ "редакціонной" комиссіи. Вопрос о невыдачѣ оружія был формулирован так: "всякаго рода оружіе... должно находиться в распоряженіи и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случаѣ не выдаваться офицерам даже по их требованіям". Текст о подчиненіи гарнизона Совѣту в политических выступленіях получил добавленіе: "Приказы военной комиссіи Гос. Думы слѣдует исполнять за исключеніем тѣх случаев, когда они противорѣчат приказам и постановленіям Совѣта Р. и С. Д.". Положеніе о подчиненіи "во фронтѣ офицерам" и о гражданском равноправіи "въ фронтѣ" формулировано было слѣдующим образом: "В строю и при отправленіи служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую военную дисциплину, но въ службѣ и строя в своей политической общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в правах, коими пользуются все граждане". Пункт этот добавлялся указаніем, что "обязательное отданіе че-

*) Человѣкъ инго лагеря, сын члена Гос. Думы Алексѣевъ, тогда еще студент Петербургскаго университета, в статьѣ «Рожденіе приказа номер первый» (с подзаголовком «из дневника»), напечатанной в 32 г. на столбцах эм. газеты «Возрожденіе», развил противоположный взгляд на происхожденіе этого документа. Он утверждал, что сам присутствовал 28-го в Таврическом дворцѣ, когда «рабочіе и солдатня», представители революціоннаго Петербурга и германскаго ген. штаба создавали «приказ № 1». Алексѣев видѣлъ отпечатанный на машинкѣ оригинал текста с карандашными и чернильными поправками разными почерками, «зготовленный не в помѣщеніи Думы» и принесенный Кливинским. В его присутствіи оригинал текста по использованию почему-то был инициаторами передан депутату Караулову, с которым представители революціонной демократіи не были в добрых отношеніях. Глаза Алексѣева вообще в то время видѣли слишком много, а рука его это многое занесла в «дневник». Явившись утром или в ранніе дневные часы в Думу, он застал «необычайное зрѣлище» превращенія Таврическаго дворца в «цитадель» — спѣшно свозилоя проволочныя, заготовляя ручныя гранаты. Вокруг в углах и на балконах говорились рѣчи, «ежеминутно» приводились арестованные и т. д. На этой неудержимой фантастикѣ слишком богатой памяти очевидно останавливаться, конечно, не стоит. Отмѣчаем ее, как послѣднее (хронологически) выраженіе другой версіи происхожденія «приказа № 1». слѣвавшейся также общим мѣстом в мемуарах, вышедших из среды представителей «цензурной общественности» 17 г. Там царит на основаніи «внутренняго убѣжденія» вѣра в германское происхожденіе приказа, осуществленнаго через посредничество особой «подпольной организаціи» (Гучков, Розянку, Шидловскій и др. — даже отчасти Милоков). У таких историков революціи, как Якобій, «приказ № 1», являющій собой исполненіе обязательств перед германским ген. штабом, цѣликом и отредактирован послѣдним.

сти въ службы отмѣняется”; “равнымъ образомъ отмѣняется титулованіе офицеровъ”, “воспрещается обращеніе къ солдатамъ на “ты” и т. д. Вводный первый пунктъ устанавливалъ немедленное учрежденіе комитетовъ “изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ” “во всѣхъ роткахъ, батальонахъ, полкахъ..., отдѣльныхъ службъ... разнаго рода военныхъ управленіяхъ и на судахъ военнаго флота”. На этотъ абзацъ надлежитъ обратить особое вниманіе, ибо впоследствии со стороны тѣхъ, кто въ “приказѣ № 1” видѣлъ первооснову разложенія арміи, шли настойчивыя утвержденія, что приказъ устанавливалъ выборность офицерскаго состава.

Намъ придется ниже вернуться къ “приказу № 1” и давать его оцѣнку по существу в связи съ правительственными попытками реформировать укладъ арміи. Сейчасъ болѣе интересна для насъ формальная сторона вопроса. Между совѣтскими мемуаристами получилось существенное расхожденіе въ опредѣленіи пути officialнаго прохожденія по инстанціямъ приказа. Сухановъ, какъ и Стекловъ, утверждаетъ, что Исп. Ком. ознакомился съ подлиннымъ содержаніемъ злополучнаго документа только на другой день изъ текста, напечатаннаго въ “Извѣстіяхъ”. По иному излагаетъ, какъ непосредственный свидѣтель, Шляпниковъ. Онъ подчеркиваетъ, что члены Исп. Ком. не вмѣшивались въ техническую работу редакціонной комиссіи, но по окончаніи работы текстъ былъ оглашенъ Соколовымъ въ Исп. Ком.. Ни одного принципиальнаго возраженія не было представлено, и “той же группѣ товарищей” было предложено провести “приказъ” на собраніи Совѣта, еще не разошедшагося, хотя время было “подъ вечеръ”. Текстъ былъ заслушанъ. “Солдаты были въ себя отъ восторга”... Если даже допустить, что память мемуариста точно и объективно воспроизвела обстановку формальнаго принятія “приказа № 1”, все же довольно ясно, что текстъ былъ принятъ въ порядкѣ простой митинговой резолюціи и не подвергся предварительному разсмотрѣнію по существу въ исполнительномъ органѣ Совѣта. Этотъ роковой въ некоторыхъ отношеніяхъ документъ исторіи революціи прошелъ фуксомъ, какъ и многія другія отвѣтственныя рѣшенія въ тѣ дни. Творцы его, загипнотизированные текущей столичной дѣйствительностью, едва ли серьезно задумывались о завтрашнемъ днѣ. Вѣрно въ этомъ отношеніи опредѣлили суть дѣла ген. Алексѣевъ на московскомъ августовскомъ государственномъ совѣщаніи, — онъ сказалъ: — “Говорятъ, что этотъ актъ отвѣчалъ моменту. Можетъ быть. Но отвѣчалъ ли онъ миллионамъ моментовъ будущаго, черезъ которые должна пройти наша родина? Безпристрастная исторія въ очень скоромъ времени укажетъ мѣсто и этому акту: явился ли этотъ актъ актомъ государственнаго недоразумѣнія или актомъ государственнаго преступленія”...

Остается открытымъ, быть можетъ, самый важный вопросъ, — по чьей инициативѣ совѣтской резолюціи была придана внѣшняя форма “приказа”, — въ дѣлѣ именно это, создавъ прецедентъ, оказалось чревато своими послѣдствіями. Въ воспоминаніяхъ Энгельгардта имѣется чрезвычайно интересное поясненіе, фактическая сторона котораго могла бы быть заподозрѣна въ силу очевидныхъ неточностей, если бы въ архивныхъ документахъ Временнаго Комитета не сохранилась аналогичная тогдашняя записъ б. предсѣдателя военной комиссіи. Сообщивъ о своемъ объявленіи, грозившемъ разстрѣлами офицерамъ за контр-рево-

люціонныя дѣянія, Энгельгардт продолжает: “Засѣданіе Врем. Ком. продолжалось (дѣло было “поздно вечером”), когда доложили, что явилась депутація от воинских частей петроградскаго гарнизона. Дѣйствительно, собралось человекъ 20-25 солдат, из коих нѣкоторые предъявили удостовѣреніе в том, что они выбраны представителями своих полков*). Они единодушно заявили, что солдаты утратили довѣріе к офицерам, которые с первых минут революціи покинули их и заняли неопредѣленную выжидательную позицію. В виду этого послали их части требуют изданія правил об *избраніи офицеров*, предоставленія солдатам контроля над всѣми хозяйственно-операціонными частями и установленія новых взаимоотношеній между начальниками и нижними чинами**). Я поспѣшил сообщить об этом Родзянко и Гучкову***). Они самым категорическим образом протестовали против изданія чего-либо подобнаго и поручили мнѣ так или иначе *спроводить*, прибывшую депутацію, успокоив ее заявленіем, что в ближайшем будущем будет создана особая коммиссія... Успокоив этим заявленіем солдат, я вернулся в помѣщеніе Врем. Ком., гдѣ уже не застал Гучкова, — он отправился на вокзал, чтобы ѣхать в Псков к Царю. Вскорѣ меня вызвали вновь в корридор. Ко мнѣ подошел довольно распушеннаго вида солдат, который отрекомендовался членом Совѣта Р. Д. — “К вам являлись представители дѣлага ряда частей с просьбой выработать новыя правила воинской дисциплины”, — сказал он. “Совѣтъ Р. Д. очень заинтересован этим вопросом и предлагает Врем. Комитету *разработать его совместно*”****). Я возразил ему, что Врем. Ком. Г. Д. паходит опубликованіе таких правил недопустимым. “Тѣм лучше”, — отвѣтил он мнѣ: — “сами напишем”. На слѣдующій день между двумя и четырьмя часами дня на стѣнах Петрограда появился знаменитый “приказ № 1”.

Нам нѣтъ необходимости вводить фактическія поправки к изложенію мемуариста, — эти поправки вновь выступают сами собой. Из его повѣствованія мы можем заключить, что Врем. Ком. был достаточно освѣдомлен о происходившем, и поэтому никак нельзя сказать, как это сдѣлал Миллюков в “Исторіи революціи”, что “как то со стороны и врасплох был подсунут Времен. Ком. Г. Д., поздно вечером 1 марта, текст знаменитаго приказа № 1”. Когда Миллюков говорил о том, что текст “приказа” был “подсунут” Врем. Ком., он имѣл в виду появленіе того неизвѣстнаго члена Исп. Ком. в “солдатской формѣ”, о котором рассказывал Энгельгардт. Почему всетаки мемуаристы, приналежавшіе к составу Врем. Ком., так упорно говорят о “приказѣ № 1”, связывая его с иочным бдѣніем при участіи совѣт-

*) В записи 17 г. Энгельгардт говорит о **выборных** солдатах, пришедших «приблизительно от 20 различных частей».

**) В записи 17 г. значится: «приказ, проектированный ими, много меньше затрагивал основы военной дисциплины, чѣм приказ № 1, и касался лишь выборов младших офицеров и установленія нѣкотораго наблюденія солдат за хозяйством в частях войск».

***) В записи 17 г. Энгельгардт свидѣтельствовал, что вопрос был обсужден в засѣданіи Врем. Комитета.

****) В записи 17 г. говорится, что предложено было принять участіе в разработкѣ Энгельгардту, как председателю военной коммиссіи. Кстзти сказать, что он уже им не был. Функціи председателя принял Гучков, назначив своим помощником ген. Потапова.

ских делегатов и в частности с именем Соколова? Может ли это быть отнесено к той только спутанности восприятия в царившем хаосѣ, которую мы отмѣчали, и которую усилила литературная небрежность мемуарных перьев? Не исключена, конечно, возможность, что Соколов, председательствовавший на свѣтском “митингѣ” и редактировавший текст резолюціи, пытался в той или иной мѣрѣ легализовать полезное с его точки зрѣнія дѣйствіе Совѣта через членов военной комиссіи. Въдѣ нельзя же было в дѣйствительности ограничиться только энгельгартовской угрозой разстрѣла заподозрѣнных в контр-революціонных намѣреніях офицеров и общаніем создать соответствующую комиссію*). Если бы текст “приказа № 1” был разработан совместно, вѣроятно, и формулировка одіозных пунктов получилась бы нѣсколько иная, и издав “приказ”, очевидно, был бы не от имени Совѣта. В отрывкѣ воспоминаній, напечатанном еще в 18 г. в самарской газетѣ “Волжскій День”, член Врем. Правительства Вл. Львов рассказывал, спутывая всѣ даты и излагая совершенно фантастически содержаніе документа, что Соколов появился на засѣданіи уже образовавшагося правительства вечером 2-го и предлагал издать “приказ” от имени правительства. Думскій Комитет как-то отмахнулся (недаром Энгельгардт употребил слово “спроводить” в отношеніи прибывшей солдатской делегаціи) от той настоятельной потребности откликнуться на взволнованность солдатской массы, которая с очевидностью выступила в ту рѣшающую ночь, когда фактически была опредѣлена судьба изданія “приказа № 1”. И тогда “иниціативная” группа произвольно опубликовала “приказ”. Весьма вѣроятно, что среди этой иниціативной группы был скорый на руку, не очень вдумчивый, обуреваемый благими намѣреніями “сборонец” из большевиков проф. пов. Соколов, признавшій у Гишпюс (запись 6 марта), что в “бурлящей атмосферѣ” им было “что называется хвачено”.

**
*

Может показаться невѣроятным утвержденіе, что оглашеніе того “знаменитаго приказа”, который по познѣйшему выраженію Терещенко (на іюльском совѣщаніи в Зим. Дворцѣ) являлся “величайшим преступленіем”, и о котором другой член Врем. Правит. Верховскій в дневникѣ-исповѣди записал: “будь проклят тот, кто придумал эту гадость**), вовсе не произвело впечатлѣній разорвавшейся бомбы, как утверждает большинство мемуаристов. Потому ли, что в Петербургѣ, гдѣ все уже было “перевернуто вверх ногами”, и гдѣ казалась любая пѣна сходной, лишь бы начать приводить “солдатчину” в порядок (“Все пропало, Армія разлагается”, — говорил Станкевич Керенскому): потому ли, что “приказ № 1”, по утверженію Керенскаго во французском изданіи его мемуаров, имѣл не больше

*) Мы видим, как далек Керенскій от дѣйствительности, когда утверждает, что «приказ № 1» был опубликован в о т в ѣ т (?) на распоряженіе Энгельгарта.

**) Не менѣе рѣзко выразился на совѣщаніи членов Гос. Думы 18 іюля крайне поправѣвщій за дни революціи депутат Масленников — он говорил о «проходимцах», засѣдавших в Исп. Ком. С. и Р. Д. и проявивших изданіем «приказа № 1» не то «подлость», не то «безуміе»..

значенія, чѣмъ очередные приказы полк. Энгельгардта. У Керенскаго, принимая во вниманіе роль, имъ сыгранную, имѣется совершенно удивительное признаніе, что с текстом “приказа № 1” онъ познакомился лишь в декабрь 18 г. в Лондонѣ (!!). Характерно, что “Русскія Вѣдомости” даже не отмѣтили его в своей революціонной хроникѣ. “Приказ № 1”, другими словами, до нѣкоторой степени былъ признанъ отвѣчающимъ моменту, — в немъ не усмотрѣли первой ласточки, предвѣщающей анархію двоевластія, не очень вдумывались в его содержаніе и форму, в которую онъ былъ облеченъ, и относили скорѣе в область положительной революціонной пропаганды. Французскій журналистъ Клодъ Анэ, вращавшійся отнюдь не в совѣтскихъ кругахъ, могъ даже в своемъ “дневникѣ”, воплощенномъ в корреспонденціи изъ Петербурга, в весьма преувеличенныхъ тонахъ написать: если Совѣтъ предполагаетъ организовать революціонную армію в духѣ этого приказа, мы можемъ привѣтствовать русскую армію — она пережила кризисъ. Конечно, члены Врем. Комитета были очень далеки отъ того, чтобы вслѣдъ за французскимъ журналистомъ привѣтствовать “духъ”, которымъ былъ проникнутъ “приказъ № 1”. Они попросту отнеслись къ нему спокойно и равнодушно*). Поэтому совѣтское выступленіе в теченіе дня 2-го марта никакъ не отразилось на ходѣ и завершеніи переговоровъ двухъ исполнительныхъ комитетовъ. Не соответствуетъ истинѣ, что Врем. Ком. было сдѣлано распоряженіе считать этотъ приказъ недействительнымъ и незаконнымъ, какъ только до свѣдѣнія Врем. Ком. дошли сообщенія о разсылкѣ “приказа”. Уже послѣ фактическаго завершенія революціоннаго переворота — этой датой надо считать 3-ье марта или даже слѣдующій день, когда манифесты были опубликованы — в связи с протестомъ с фронта со стороны высшаго командованія арміей, поднялся вопросъ о пересмотрѣ и соответствующемъ разъясненіи “приказа № 1”. Не новое правительство, а предсѣдатель Временнаго Комитета послалъ на фронтъ разъясненіе, что “приказы” Совѣта не имѣютъ значенія, такъ какъ Совѣтъ “в составѣ правительства не состоитъ”.

В главѣ о “трагедіи фронта” в связи с вопросомъ о реформахъ в арміи, предпринятыхъ революціонной властью, мы коснемся роковой роли, которую сыгралъ в психологіи военной среды “приказъ № 1”. Быть можетъ, ему приписывали большее значеніе, чѣмъ онъ самъ по себѣ имѣлъ в дѣйствительности. Но онъ сталъ какъ бы символомъ мѣропріятій, разлагавшихъ армію. Отсюда острота, с которой относились в теченіе всей революціи къ этому совѣтскому акту и повышенныя требованія къ правительству о безоговорочномъ признаніи его “ошибочнымъ”**) В петербургской обстановкѣ перваго марта “приказъ”, дѣйствительно, не могъ имѣть разлагающаго вліянія — непосредственное его воздѣйствіе

*) Косвенное подтвержденіе можно найти в воспоминаніяхъ Гучкова, который отнес разработку «приказа» на ночь, когда онъ в о з в р а щ а л с я изъ Пскова

**) Побасенка о томъ, что «приказъ № 1» явился актомъ «временнаго правительства», настолько прочно укоренилась в сознаніи нѣкоторыхъ круговъ, что ее черезъ много лѣтъ повторилъ в воспоминаніяхъ в. кн. Александръ Мих., а придворный исторіографъ ген. Дубенскій такъ опредѣленно зналъ, что Алексѣевъ «полтора часа» уговаривалъ Гучкова не сближаться съ этимъ «приказомъ». Военную среду до-нельзя раздражали заявленія представителей революціонной демократіи, что они в свое время вынуждены были обстоятельствами издать приказъ № 1.

в первый момент имѣло противоположные результаты. Несомнѣнно напряженная атмосфера среди гарнизона сильно смягчилась (эта напряженность значительно была преувеличена современниками). Вѣдшнія уличныя наблюденія Набокова могут быть подтверждены и другими свидѣтельствами. Тот же подвижной французскій наблюдатель, слонявшійся по улицамъ столицы в поискахъ впечатлѣній, рассказывал в дневникѣ-статьѣ под 5-м марта, как он в сопровожденіи кн. Ливена, адъютанта одного изъ наиболѣе аристократическихъ полковъ — кавалергардскаго, — прогуливался по Невскому проспекту, и какъ большинство встрѣчныхъ солдатъ, также гулявшихъ в одиночку или группами, салютировали по военному офицера-кавалергарда: “каждый день наблюдается прогресс”, — замѣтилъ своему спутнику кн. Ливенъ, — “вчера отдавали честь больше, чѣмъ наканунѣ, а сегодня вы видите сами”. Не трудно, конечно, пропитывать и показанія иного характера, но они едва ли измѣнятъ общую картину. Попавшій черезъ нѣсколько дней в городъ ген. Врангель, рѣзко обвиняющій тѣхъ офицеровъ, которые “не побрезгали украсить форменное пальто моднымъ революціоннымъ цвѣтомъ” и перестарались “трусостью, малодушіемъ и раболовіемъ передъ новыми властителями”, утверждаетъ, что онъ “постоянно ходилъ по городу пѣшкомъ в генеральской формѣ с вензелями Наслѣдника Цесаревича на погонахъ... и за все время не имѣлъ ни одного столкновенія”. Отдадимъ должное мужеству ген. Врангеля, но, очевидно, коса в данномъ случаѣ не находила на камень, — окружающія условія не создавали атмосферы, в которой рождаются столкновенія и эксцессы. Такъ житейски понятно, что люди, подвергнушіеся аресту и выпущенные, надѣвали красные банты, что служило для нихъ своего рода иммунитетомъ.

Не то же ли мы видимъ внутри казармъ? Кн. Мансыревъ, в качествѣ депутата Думы, посѣтившій 2 марта казармы Петроградскаго и Измайловскаго полковъ, найдетъ “настроеніе солдатъ вездѣ... хорошее, радостное и дружеское”. Онъ расскажетъ, какъ солдаты вытолкали вон самозванныхъ агитаторовъ, комментировавшихъ “приказъ № 1” в смыслѣ неповиновенія офицерамъ и ведшихъ пораженческую пропаганду. Правда, на другой день в тѣхъ же казармахъ Измайловскаго полка депутату в одной ротѣ пришлось услышать “реплики недоброжелательнаго свойства”. “Изгнанные из полка агитаторы, — меланхолически замѣчаетъ мемуаристъ, — успѣли достигнуть своего... Это былъ первый *признакъ* разложенія арміи”. В первое время вообще солдаты безъ разрѣшенія Исп. Ком. никого не пропускали; конечно, то была фикція контроля, ибо самъ Шляпниковъ признался, что онъ в качествѣ члена Исп. Ком. десятками подписывалъ чистые бланки. Одно мемуариста всегда можно побить другимъ. Не разбираясь в безчисленныхъ субъективныхъ контроверсахъ, ограничимся еще однимъ противоположнымъ приведенному свидѣтельствомъ, которое мы можемъ сопоставить с имѣющимся документомъ. Рѣчь идетъ о преобразенцахъ. Вотъ картина, изображенная секретаремъ Родзянко Садиковымъ. Она столь характерна, что приведемъ ее, *in extenso*. “Однимъ изъ первыхъ послѣ переворота в полномъ составѣ в Думу явился запасной бат. д.-гв. Преображенскаго полка со всѣми офицерами и командиромъ полк. кн. Аргутинскимъ-Долгорукикомъ”, — пишетъ Садиковъ, воспроизводя легенду, нами уже разсмотрѣнную. Батальонъ первые нѣсколько дней нес наружную и внутреннюю охрану Таврическаго дворца, а также и караулы у министер-

скаго павильона, гдѣ находились арестованные министры. Солдаты были дисциплинированы и безприкословно подчинялись всѣм приказаніям своихъ офицеровъ. И вотъ черезъ нѣсколько дней батальонъ смѣнилъ другой полкъ, а преобразенцы отравились къ себѣ в казармы. В тотъ же день картина совершенно измѣнилась. В казармахъ явились агитаторы, и къ вечеру всѣ офицеры были уже арестованы, подверглись всевозможнымъ издѣвательствамъ и, какъ потомъ мнѣ рассказывали, къ нимъ в комнату ворвались скончательно распропагандированные, обезумѣвшіе и вооруженные до зубовъ ихъ же солдаты, обезоруживъ всѣхъ офицеровъ, хватили ихъ и тащили для немедленной расправы во двор казарм. Кто-то догатаился крикнуть: “тащите, товарищи, ихъ в Думу, — тамъ разберутъ”. Этотъ призывъ спасъ несчастныхъ. Всѣхъ офицеровъ, какъ они были, безъ шинелей, безъ фуражекъ, гурьбой по морозу и снѣгу гнали в Думу. Ихъ втащили в Екатерининскій залъ. Возбужденіе росло съ каждой минутой. Уже раздавались крики: “бей измѣнниковъ, бей предателей”. Случайно увидѣвъ эту картину, я понялъ, что спасти положеніе можетъ только М. Вл. Я бросился къ нему. Черезъ нѣсколько минутъ в залѣ появилась могучая фигура предсѣдателя Гос. Думы. Воцарилась тишина. Громовымъ голосомъ онъ приказалъ немедленно освободить всѣхъ офицеровъ и вернуть имъ оружіе, а затѣмъ, обратившись къ солдатамъ, громилъ ихъ и в концѣ концовъ выгналъ обратно в казармы. В полномъ порядкѣ солдаты, молча, покинули помѣщеніе Думы. Послѣ этого случая в батальонѣ надолго воцарился относительный порядокъ. Офицеры со слезами на глазахъ благодарили М. В. за спасеніе и просили разрѣшенія на эту ночь остаться в Думѣ”. “Не одну тысячу жизней спасъ М. В.”, — заключаетъ мемуарист...

Передъ нами, такимъ образомъ, яркій образчикъ разложенія, къ которому привелъ “приказъ № 1”. Однако подобныя воспоминанія можно объяснить лишь своего рода психозомъ воспріятія — такъ далеко это отъ того, что было. По совокупности того, что мы знаемъ о жизни батальона в первые дни революціи, можно сказать, что эта жизнь протекала не такъ спокойно, какъ воспринималъ ее секретарь Родзянко. Напряженность атмосферы внутри казармъ на Милліонной выступаетъ вполне опредѣленно, и она, дѣйствительно, проявлялась в отношеніи солдатъ къ нѣкоторой части команднаго состава. У потомковъ “декабристовъ” не все было благополучно во внутренней жизни батальона. Вотъ что говоритъ Шидловскій, старавшійся, какъ мы знаемъ, перваго марта черезъ солдатъ выяснить настроеніе в полку. “Подробныя разъясненія”, между прочимъ, “нарисовали мнѣ такую картину, существованіе которой я не считалъ возможнымъ даже в самомъ глухомъ полку арміи, а не то, что в первомъ полку гвардіи. Мнѣ потомъ рассказывали офицеры другихъ гвардейскихъ частей, что имъ давно уже было извѣстно о существованіи в Преображенскомъ полку такихъ дисциплинарныхъ взысканій, которыя никакими уставами не были предусмотрѣны и съ чувствомъ человѣческаго достоинства совершенно несовмѣстимы”. Этотъ “тюремный режимъ” создавалъ повышенное настроеніе в батальонѣ до революціи; возможно, что какъ разъ Преображенскій полкъ надо отнести къ тѣмъ частямъ, гдѣ в дни переворота пытались неудачно произвести свои эксперименты сторонники диктатуры, что осложнило положеніе. Поскольку в нашемъ распоряженіи находятся протоколы 1-4 марта батальонныхъ комитетовъ, мы можемъ судить, что какъ разъ в Преображенскомъ

полку с наибольшим напряжением происходило урегулирование взаимных отношений между офицерами и солдатами. Так, напр., если в д.-гв. гренадерском полку командиром батальона был избран полк. Коренев, а в Измайловском полк. Козено, то в Преображенском на этот пост попал подпор. Зарнич. Группу офицеров солдаты не хотѣли принимать, и этот вопрос должен был обсуждаться в засѣданіи батальоннаго комитета 5 марта. Временный командир батальона совместно с председателем бат. комитета рядовым Падериным (большевиком) составили список офицеров, которые не подлежат привлеченію к работѣ в батальон и должны были быть распущены "по своим квартирам", полк. кн. Аргутинскаго-Долгорукова и еще 6 офицеров предполагалось "арестовать *впредь до выясненія в собраніи* на Милліонной под отвѣтственность командира и адъютанта". Протокол засѣданія 5 марта дает матеріал для характеристики, произведенной сортировки офицерскаго состава, но ничего не говорит об арестах, которые должны были быть произведены в условіях, совершенно не соответствовавших описанію Садикова.

К 5 марта полоса самоличных арестов в Петербургѣ в значительной степени отошла в прошлое... Наибольше ярким доказательством того, что в гарнизонѣ наступило успокоеніе (это, конечно, нельзя дѣликом отнести за счет "приказа № 1", но важно то, что "приказ № 1" не углубил разрухи), служат протоколы, возникших батальонных комитетов, т. е. делегатов, избранных от рот. Они рѣзко выдѣляются своим дѣловым характером и, дѣйствительно, почти исключительно посвящены насущным нуждам воинских частей петербургскаго гарнизона. Трудно усмотрѣть в них проявленіе непримиримой "ненависти" к каждому, носящему "офицерскій мундир". На первом планѣ всюду стремленіе внести порядок послѣ революціонной встряски и установить желѣзную "просвѣщенную дисциплину", как выражался в первом приказѣ по батальону д.-гв. Измайловскаго полка новый командир его Козено, предлагавшій "немедленно собрать комиссію из выбранных от всѣх строевых частей батальона солдат, *бывших на войнѣ* и равнаго числа офицеров" для разработки начал этой дисциплины. "Командир батальона. — гласит первый протокол от 2 марта засѣданія комитета в Измайловском батальонѣ, — получает "полную власть по своей должности. Его приказанія, как исходящія с одобренія делегатов, должны исполняться безпрекословно всѣми офицерами и нижними чинами батальона. Это единственный путь к полной организаціи нашего батальона"... В засѣданіи 3 марта "единогласно" постановлено предложить офицерам выбрать из своей среды делегата для присутствія на батальонных засѣданіях: 4 марта также "единогласно" рѣшено: в состав комитета ввести командира батальона, четырех ротных, начальников учебной и нестроевой команд и засѣдать под председательством командира батальона. Очень характерно и постановленіе, опять принятое единогласно, о том, что начальствующія лица избираются лишь на срок, "*до появленія перваго закона* об организаціи батальонов". Приказ полк. Козено от 3 марта, изливающей "восторг, радость и счастье", которыми переполнена его "душа", красочный бытовой документ, заканчивающійся патетическим призывом: "Да здравствует великая русская побѣда над подлым вѣмдем, такая же полная и славная, какая совершена нашими гражданами внутри

отечества". Протоколы засѣданія комитета запаснаго батальона л.-гв. Измайловскаго полка отнюдь не представляют исключеніе, как явствует из протоколов других батальонных комитетов, образцы которых опубликованы в работѣ Шляпникова. Они опровергают утвержденія этого автора, что в первыя недѣли солдаты не довѣряли и выборному командному составу.

Такова общая картина состоянія петербургскаго гарнизона послѣ изданія "приказа № 1". Ее можно подытожить разговором по прямому проводу в 10 час. утра 3 марта представителя морскаго штаба верх. главком. Гончарова с представителем главнаго морскаго штаба Альфатером. Г.: Скажите, как обстановка? А.: Обстановка значительно спокойнѣе, постепенно все налаживается. Г.: Вчера распространился (слух), что вчера была произведена рѣзня офицеров и Наморштаверх просит узнать, всѣ ли офицеры здоровы. А.: Все это сплошной вздор. Всѣ живы и здоровы. Г.: Наморштаверх просит также выяснить, сильно ли в настоящее время правительство Гос. Думы или авторитет его уже поколебался. А.: Полагаю, что сильно".

Не без основанія, таким образом, в тот же день посол Соед. Штатов телеграфировал своему правительству: "Революція, повидимому, удачна и находится в надежных руках. В городѣ исполнѣе спокойно".

II. Экспедиція генерала Иванова.

Перваго марта министр ин. д. стараго правительства сообщил союзным послам англійскому, французскому и итальянскому, что "революція — совершившійся фактъ" — и что "у правительства нѣтъ войск для ея подавленія". Сообщение Покровскаго зарегистрировано было в спеціальнѣй телеграммѣ, отправленной Бюкененом в Лондон. Оно подводило итог событіям в Петербургѣ. Событія во внѣ еще были не ясны, но в ночь с 1-го на 2-ое обстановка вырисовалась болѣе отчетливо и с этой стороны. Мы знаем, что Рузскій в первой же своей бесѣдѣ с Родзянко передал послѣднему, что отдано распоряженіе о приостановкѣ движенія эшелонов, назначенных в распоряженіе ген. Иванова, которому были даны диктаторскія полномочія. Отпадали, таким образом, опасенія правительственнаго разгрома петербургскаго "мятежа" при содѣйствіи двинутых с фронта войск, настроенія которых были неизвѣстны. Это должно было, с своей стороны, содѣйствовать успокоенію в столицѣ — особенно в рабочих кварталах и в солдатских казармах.

Многіе из отвѣтственных дѣятелей революціи впоследствии склонны были утверждать, что никакой реальной опасности продвиженіе эшелонов ген. Иванова не представляло и большого впечатлѣнія в Петербургѣ не произвело. Прежде всего это засвидѣтельствовал в показаніях перед Чр. Сл. Ком. Гучков. То же повѣторили его помощники (напр., Половцов). Впечатлѣніе кн. Маисырева — явно преувеличенное в воспоминаніях — было иное. Он говорит даже о "паническом ужасѣ", охватившем Думскій комитет и руководящіе политическіе круги. По словам Керенскаго, нервничавшей и возбужденной была лишь толпа, затоплявшая зданіе Таврическаго Дворца. В дѣйствительности, со стороны Иванова отряда никакой опасности не могло быть (*rien à craindre*). Ея не было, конечно, потому что ни одну

войсковую часть нельзя было направить против возставшаго народа. Мемуарист, не слишком считающийся с необходимостью изложение фактов вставлять в рамки хронологической точности, во второй своей книгѣ, больше уже претендующей на историческое повѣствованіе, патетично описывает иностранному читателю трагическое положеніе вечером 1-го марта прибывшаго в Псков Царя. Единственную новость, которую могли ему сообщить явившіеся генералы — Рузскій и нач. шт. Данилов, — заключалась в том, что части, посланные с фронта на поддержку “диктатора” Иванова, *одна за другой* присоединились к революціи. У Императора, таким образом, не оставалось выхода, — заключает Керенскій. Единственный факт, зарегистрированный лѣтописью событій, произошел в Лугѣ через нѣсколько часов послѣ прибытія Николая II в Псков и имѣл лишь подобіе того, о чем в ночном разговорѣ с Рузским передавал в невѣрном освѣщеніи весьма неточно информированный Родзянко. На этом эпизодѣ надо остановиться, ибо он послужил канвой при созданіи легенды, крѣпко укоренившейся в сознаниі современников.

О том, как произошло назначеніе Иванова будет сказано в главѣ, посвященной позиціи и намѣреніям монарха. Для ясности прослѣдим судьбу Ивановской миссіи с момента, как “диктатор” выѣхал в 11 час. утра 28-го из Могилева во главѣ эшелона Георгіевскаго батальона по направленію к Царскому Селу по прямой линіи через Витебск и ст. Дно*). Иванов предполагал, прибыв в Царское, остановиться “на вокзалѣ для выясненія обстановки” и выжидать назначенныя в его распоряженіе войска с фронта, причем войска посылаемыя с Западнаго фронта должны были сосредоточиться в Царском, а частям с Сѣвернаго фронта мѣстом высадки была назначена ст. Александровская вблизи Ц. Села. Всего Иванов рассчитывал имѣть 13 батальонов, 16 эскадронов и 4 батареи — для расквартированія такого количества он просил царскосельскаго коменданта приготовить помѣщеніе; дополнительно предполагалась стравка нѣкоторых гвардейских частей и с Юго-Западнаго фронта. Войска были взяты с разных фронтов, с цѣлью не ослаблять боевой силы дѣйствующих армій. Предполагалось, что первые эшелоны, из расчета 18 часов в пути, могут прибыть в Петербург “не ранѣе разсвѣта 1 марта”.

В 9 час. вечера 1 марта Иванов с небольшим опозданіем, без каких-либо осложненій, прибыл в Царское Село, имѣя в своем распоряженіи, по исчисленію придворнаго исторіографа ген. Дубенскаго, около 800 человек. Сообщеніе о том, что в Вырицах (в нѣскольких перегонах от Царскаго — 30 с небольшим верст) поѣзд был задержан желѣзнодорожным начальством, и Иванов требовал пропуски, угрожая примѣнить силу, надо отнести к числу позднѣйших наслоеній в воспоминаніях инж. Ломоносова**). Также “спокойно”, по выраженію

*) Сам Иванов выѣхал позже, и его вагон был прицеплен к эшелону в Оршѣ. Этот факт, как мы увидим, он позже и пытался при допросѣ в Чр. Сл. Комиссіи использовать, как доказательство того, что никакой карательной экспедиціи не было.

***) По разсказу Ломоносова Иванов требовал пропустить до Ц. С. с отдѣльным паровозом только один его вагон. Думскій комиссар Бубликов запросил Врем. Ком. и получил будто бы приказ: «пропустить». Несуразность этого разсказа столь очевидна (Иванов прибыл в Царское со всѣм своим отрядом), что ген. Мартынов вольно или невольно сдѣлал под-

тогдашней телеграммы ген. Лукомского, проходили и эшелоны с фронта. К моменту, когда Иванов прибыл в Царское, а Николай II в Псков, по официальным данным, положение эшелонов было таково. Головной эшелон — 67 Тарутинский полк дошел до мѣста назначенія — ст. Александровская; второй эшелон — 68 Бородинский полк — достиг Луги; остальные находились в пути между Лугой и Псковом, Псковом и Двинском. Первые войска, двигавшіяся с Западнаго фронта, прошли Полоцк. Задержка с продвиженіем вызвана была не “саботажем”, а подготовкой ожидавшагося продвиженія императорскаго поѣзда.

С Бородинским полком и произошел тот самый лужскій эпизод, о котором упоминалось. Перваго в Лугѣ произошло возстаніе гарнизона, с бытовой стороны довольно ярко описанное кап. Вороновичем. Для февральских дней здѣсь можно почерпнуть много характерных черт, но остановимся только на интересующем нас сейчас эпизодѣ, как его излагает главное дѣйствующее лицо. Около 2 час. ночи в Лугѣ получено было телеграфное сообщеніе о приближеніи эшелона с бородинцами. В согласіи с установившеюся для воспоминаній “дѣлаго” сектора традицій, Воронович пишет: “хотя прибывающей по частям эшелон ген. Иванова и не мог оказать никакого вліянія на событія, тѣм не менѣе Петроград распорядился, во избѣжаніе могущаго произойти безцѣльнаго кровопролитія, обязательно задержать и обезоружить бородинцев”. (Из разсказа самого Вороновича довольно очевидно, что никаких “распоряженій” из Петербурга не могло быть получено). “Военный комитет, — продолжает Воронович, не знал, что ему предпринять: в эшелонѣ было до 2.000 человек и 8 пулеметов, в лужском же гарнизонѣ было не болѣе 1.500 вооруженных солдат, причем по тревогѣ можно было собрать самое большее 300-400. В запасном арт. дивизионѣ всѣ пушки были учебныя, и ни одна из них для стрѣльбы не годилась, а во 2-ой особой арт. бригадѣ пушек совсѣм не было. Поставленное на платформѣ учебное орудіе являлось бутафорским, к пулеметам не было лент”. Поэтому для разоруженія “бородинцев” рѣшено было прибѣгнуть к слѣдующей “уловкѣ”. “Как только эшелон подойдет к вокзалу, три офицера (пор. Гукowskiй, Коночадов (прап.) и я) выйдут ему навстрѣчу и начальническим тоном прикажут солдатам не выходить из вагонов, так как поѣзд сейчас же отправится дальше. Затѣм члены военнаго комитета войдут в офицерскій вагон, приставят к нему часовых и предложат командиру полка от имени Комитета Г. Д. немедленно сдать орудіе, пригрозив в случаѣ отказа открыть по эшелону артиллерійскій огонь”. В качествѣ артиллеріи должно было фигурировать бутафорское орудіе. Командиру полка было рѣшено указать, что весь 20 тыс.... гарнизон Луги примкнул к Петербургу, и всякое сопротивленіе является безцѣльным... “Все произошло так, как мы предполагали. Бородинцы мирно спали в теплушках, и никто из солдат не попытался вылѣзть из поѣзда”... Командир, полк. Стѣпачев, подчинился “силѣ”. Солдаты отнеслись очень спокойно к требованію выдать винтовки, и сами стали свосить их на платформу. Одновременно вагон с пулеметами и ручными гранатами был отцѣплен и отвезен на запасный

мѣну и говорит, что по инструкціи Вр. Ком. Иванову был дан экстренный поѣзд. (Отсюда вывод: Врем. Ком. видѣл в Ивановѣ «не столько врага, сколько союзника»).

путь... Между тѣм стало разсвѣтать. Бородинцы с недоумѣніем поглядывали на совершенно пустую платформу... Офицеры стали нервничать... Нужно было, как можно скорѣе, отправить бородинцев в Псков*)... С трудом удалось уговорить командира оставить в Лугѣ нѣскольких офицеров и солдат для сопровожденія возвращаемаго оружія, а остальных немедленно направить в Псков. Послѣ отхода эшелона, в Петербург была послана "краткая телеграмма с извѣщеніем о том, что бородинцы нами разоружены". Краткая телеграмма, очевидно, и превратила разоруженіе в "бушт" в мемуарной литературѣ, поддержанной и Шульгиным. Разказ Вороновича вполнѣ подтверждается сохранившейся лентой разговора 2-го представителя Ставки со штабом Сѣвернаго фронта о том, как "68-й полк частично присоединился к лужскому гарнизону". Представитель Ставки, полк. Бармиц, выслушав информацию, вполнѣ резонно замѣтил: "значит, никто не переходил на их сторону". Конечно, остается в высшей степени показательной для момента обстановка, в которой произошло разоруженіе Бородинскаго полка, — это как бы живая иллюстрація к словам в дневникѣ ген. Болдырева 28-го по поводу экспедиціи ген. Иванова: "Так не хотѣлось бы влекать во все это армію. За что еще хотят бороться — за призрак. Въдъ кругом тайное и явное сочувствіе". Эту дѣйствительность революціонное чувствованіе и тогда уже стремилось развѣтвить. До каких предѣлов может доходить подобная тенденція, показывает текст Шляпникова. Вот характерныя из него строки (сравним с безхитростным разказом Вороновича): "Стоявшій в Лугѣ гарнизон по своей революціонной инициативѣ задерживал всѣ двигающіяся на столицу войска, разоружая их или поворачивая обратно. Двадцать тысяч штыков и сабель были наготовѣ и преграждали контр-революціи путь на Петербург. Двадцать батарей различнаго калибра были готовы по первому сигналу смети с лица земли любую часть осмѣливающуюся сопротивляться революціонной волѣ солдат лужскаго гарнизона. Добравшіеся другими путями просто перешли на сторону петроградских рабочих и солдат". Но и этого "просто" не было: головные эшелоны (Тарутинскій полк), дошедшіе до назначенія на ст. Александровская, сохраняли свою "лойяльность" до послѣдняго момента и распоряженіем военной власти были возвращены на фронт, в Двинск, окружным путем, дабы избѣжать возможнаго "конфликта" с лужским гарнизом **)

Что же касается эшелона с георгіевскими кавалерами, прибывшими в Царское под непосредственным водительство Иванова, то при описаніи перипетій, с ним бывших, повидимому, наиболѣе правильным было бы слѣдовать за показаніями в Чр. Сл. Ком. самого "диктатора". Его простое, безыскусственное повѣствованіе (правда, стенограмма довольно невразумительна) не вступает, по крайней мѣрѣ, в непримиримую коллизію с фактами, как это происходит с другими версіями. При-

*) Бородинскій полк шел тремя эшелонами и спеціальным эшелоном батарей. К моменту, когда разыгрались событія, в Лугѣ находились два первые эшелона.

**) Нѣсколько неясно лишь о пулеметной командѣ полка, о которой упоминает Иванов, как ушедшей вмѣстѣ с «моряками» в Петербург. Отсюда пошел слух, что полк «побратался» (Мстиславскій) с возставшими.

быв в Царское Село, Иванов побывал во дворцѣ*), выяснил, что царская семья под надежной охраной, и в это время получил сообщеніе, что к вокзалу идет с пулеметами и тяжелой батареей батальон первого гвардейскаго своднаго полка... “Что же бой разводить?”... “Я очень хорошо понимал, что если пойдет толпа, то тысячи уложишь”. — Оставаться в Царском не было цѣли, хотя выходило, “как-будто удираю”. Иванов рѣшил с одобренія “всѣх окружающих” вывести батальон на ст. Вырицу в цѣлях избѣжать возможных столкновеній... В революціонной литературѣ отход Иванова и представляется в видѣ “бѣгства” диктатора из Царскаго Села, вслѣдствіе ненадежности Георгіевскаго батальона. Основано это заключеніе отчасти на данных, приведенных в сводной работѣ Блока и цитируемых во всѣх послѣдующих работах. Батальон объявил себя “нейтральным”, имѣющим цѣлью “охрану личности Царя”, а командир георгіевцев, ген. Пожарскій, заявил, что его солдаты стрѣлять не будут. Что таково могло быть приблизительно основное настроеніе георгіевцев, пожалуй, сомнѣваться не приходится, — сам Иванов показывал, что безоговорочно на войска нельзя было рассчитывать. Но все-таки, свѣдѣнія, почерпнутыя Блоком из позднѣйших показаній солдат и офицеров Георгіевскаго батальона, проходили через призму слѣдовательскаго допроса послѣ завершенія революціи и совершенно естественно окрашивали событія в соотвѣтствіи моменту — этого не слѣдует забывать. Такою же цѣнностью имѣет опрос георгіевских кавалеров, произведенный при первом посѣщеніи Ставки Керенским в серединѣ мѣсяца. Солдаты ему дружно отвѣчали, что они не знали, зачѣм их везут и, когда узнали, отказались быть усмирителями (“Русск. Вѣд.”). Равным образом, конечно, нельзя признать версію, которую Иванов пытался пустить в оборот, послѣ своего ареста, в личном письмѣ к военному министру Гучкову 9 апрѣля: “Раздутая газетами моя поѣздка, случайно совпавшая с поѣздкой Георгіевскаго батальона в район Петрограда, являлась и для меня, и для батальона слѣдованіем къ мѣсту новаго назначенія и отнюдь не преслѣдовала каких-либо карательных цѣлей***). В показаніях перед Чр. Сл. Ком. Иванов пытался лишь обосновать свое рѣшеніе, принятое будто бы еще в Псковѣ и одобренное Царем, не вводить войска в Петербург для того, чтобы избѣжать “междоусобицы и кровопролитія”: “Если войска вѣрны, то можно (я буду прямо говорить) десятки тысяч уложить... Я буду так поступать, а в это время Государь объявит об отвѣтственном министерствѣ”... “Затѣм, если войска не вѣрны, то (извините за выраженіе) лѣтъ будет глупо”.

Если бы рѣшеніе, о котором говорил Иванов, и не было заранѣе принято, обстановка, с которой встрѣтился “диктатор”, должна была побудить его занять выжидательную позицію, — его маленькій отряд

*) О свиданіи его с имп. Александрой Федоровной в другом мѣстѣ.

**) Письмо к Гучкову было опубликовано еще в революціонные дни в «Русском Инвалидѣ». Между прочим, Иванов писал, что его вагон был просто «прицеплен» к поѣзду с Георгіевским батальоном. Вѣроятно, это и послужило основой для ломоносовской легенды, приподнесенной автором в видѣ разсказа о том, как под вывѣской таинственной поѣздки георгіевских кавалеров на выставку трофеев в Ц. С. пытались сокрыть истинную цѣль послышки экспедиціи ген. Иванова.

сам по себѣ до подхода воинских частей с фронта, понятно, не мог прибѣгнуть к рѣшительным мѣрам. Когда в Петербургѣ узнали о передвиженіи ивановских эшелонов, отсюда к нему выѣхали в тот же вечер 1-го “по уполномочію от управленія ген. штаба” полк. Доманевскій и подп. Тилле, и “диктатор” был освѣдомлен о столичных событіях. Остается неясным, была ли организована эта поѣздка по инициативѣ или с согласія Думскаго комитета, но явно цѣли ея были направлены к тому, чтобы удержатъ Иванова от каких-либо активных дѣйствій. Мнѣ лично Гучков говорил, что он, в порядкѣ одиночного, ходил к ген. Занкевичу в штаб, спрашивал, что тот будет дѣлать? Занкевич отвѣтил, что будет ждать Иванова. Очевидно, соответствующее воздѣйствіе было оказано*). В письменном докладѣ, представленном Иванову и напечатанном в воспоминаніях коменданта Таврическаго Дворца полк. Перегца (что подтверждает участіе в дѣлѣ посылки по крайней мѣрѣ представителей военной комиссіи, находившихся уже в контактѣ со старым штабом**) Доманевскій указывал Иванову, что “вооруженная борьба с возставшими только осложнит и ухудшит положеніе” и что легче возстановить порядок соглашеніем с Временным Правительством: Доманевскій говорил, что среди “самых возставших обозначалось два совершенно опредѣленных теченія: одни примкнули к думскому выборному Временному Правительству, другіе поддерживали Совѣт Р. Д. Первые оставались вѣрными монархическому принципу, желая лишь нѣкоторых реформ, стремились к скорѣйшей ликвидаціи безпорядков с гѣм, чтобы продолжать войну, вторые искали крайних результатов и конца войны”...

В ночь с 1-го на 2-ое, еще до отъѣзда из Царскаго (в 1 ч. 15 мин.), Иванову была доставлена телеграмма Алексѣева, посланная ему в догонку 28-го. “Частныя свѣдѣнія говорят, — телеграфировал нач. верх. штаба, — что 28 февраля в Петроградѣ наступило полное спокойствіе... Войска, примкнувшія к Временному Правительству в полном составѣ, приводятся в порядок. Временное Правительство под предсѣдательством Родзянко, засѣдая в Государственной Думѣ, пригласило командиров воинских частей для полученія приказаній по поддержанію порядка. Воззваніе к населенію, выпущенное Временным Правительством, говорит о неизбежности монархическаго начала***) в Россіи, о необходимости новых основаній для выбора и назначенія правительства. Жду с петербургіем пріѣзда Его Вел., чтобы представить ему все изложенное и просьбу принять это пожеланіе народа. Если эти свѣдѣнія вѣрны, то измѣняются способы ваших дѣйствій. Переговоры приведут к умиротворенію, чтобы избѣжать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу... Воззваніе новаго министра

*) Блок пишет, что Доманевскій был командирован ген. Занкевичем для «исполненія должности начальника штаба» в отрядѣ Иванова. Сам Иванов об этом в показаніи не упоминает и говорит, что были присланы «два человека.. сообщить и ориентировать». (В показаніях Иванов говорит о встрѣчѣ с Тилле, но в письмѣ Гучкову называет и Доманевскаго).

**) Ген. Занкевич, командовавшій 28-го правительственными войсками на Дворцовой пл., 2-го по приказанію Родзянко запрашивал управленіе ген. кварт. в Ставкѣ о положеніи на фронтѣ.

***) В воззваніи этого не было, но очевидно так была информирована Ставка. По крайней мѣрѣ и ген. Болдырев в свой псковскій дневник записал нѣчто аналогичное.

путей сообщенія Бубликова к желѣзнодорожникам мною получено кружным путем, зовет к усиленной работѣ всѣх, дабы наладить разстроенный транспорт. Доложил все это Е. В. и убѣжден, что дѣло можно приставить мирно к хорошему концу, который укрѣпит Россію"... Наконец, Иванов получил посланную Царем телеграмму под вліяніем разговора с Рузским и настойчивых телеграфных указаній Алексѣева на то, что работой с думскими дѣятелями можно остановить "всеобщій развал"... Телеграмма была помѣчена временем 0.20 мин. второго и гласила: "Надѣюсь, прибыли благополучно. Прощу до моего пріѣзда и доклада мнѣ никакихъ мѣр не предпринимать".

Итак рѣшеніе Иванова вывести свой отряд на ст. Вырицу, гдѣ стоять до тѣх пор, пока выяснится обстановка в Петербургѣ, логически вытекало из совокупности всѣх обстоятельств и распоряженій, им полученных. Возможно, что в мотивах продвиженія на "Вырицу" сыграла свою роль и возникшая под вліяніем разговора с Ал. Фед. мысль о необходимости, быть может, идти не на Петербург, а двигаться на выручку Царя. "Когда я увѣжал, в Царском Селѣ была мертвая тишина, — показывал Иванов в Чр. Сл. Ком. — Среди желѣзнодорожников были, повидимому, попытки слабого саботажа — произошли какія-то "затрудненія" с "переводом стрѣлок". "Я потребовал начальника станціи", — показывал Иванов: "через нѣсколько минут говорят, все в порядкѣ... Уже в Вырицѣ мнѣ доложили, что через 15 минут послѣ нашего ухода вся толпа ввалилась на вокзал"... Картина происшедшаго Керенским во французском изданіи представлена так: отряд ген. Иванова, на разсвѣтѣ появившійся в Царском, разсвѣлся с первыми солнечными лучами революціи, а самому генералу удалось скрыться (s'échapper).

Дальнѣйшая повѣсть о том, что дѣлал "диктатор", представлена потомъ в двух совершенно противоположных вариантах: один из них принадлежит Ломоносову, другой изложен в официальных показаніях Иванова. Совѣтская информация почти безоговорочно пошла по стезѣ, намѣченной мемуаристом, которому в силу занимаемаго в желѣзнодорожном мѣрѣ положенія пришлось играть в событіях этих дней весьма дѣйственную роль. Между тѣм повѣствованіе не вызывает никакого довѣрія — не всегда только можно опредѣлить, что в нем является результатом недостаточной освѣдомленности, легкаго воспріятія не противрѣчных свѣдѣній и слухов, которые со всѣх сторон от желѣзнодорожных агентов и добровольцев стекались в центр, и что сознательно или бессознательно привнесено им во славу своего героизма и героизма желѣзнодорожников, спасших активной инициативой и жертвенностью революцію. Яркую, но злую характеристику этого бойкаго "эквилибриста", задѣлавшагося "сто процентным коммунистом" послѣ октябрьскаго переворота и прославившагося в совѣтских кругах своим "лукулловским образом жизни", дал Саломон в книгѣ "Среди красныхъ вождей". Фигура Ломоносова такова, что мемуарныя страницы, вышедшія из-под его пера, отнюдь не вызываютъ в себѣ довѣрія. В изображеніи Ломоносова Иванов в теченіе всего 2 марта дѣлал энергичныя, но тщетныя попытки со своими эшелонами прорваться к Петербургу через возведенныя перед ним заградительныя революціонныя шлагбаумы. Уже в 4 часа утра 2-го в Петербургѣ была получена записка, что ген. Иванов "арестовал начальника станціи Вырица, гдѣ

он ночевал, и во главѣ георгіевскихъ кавалеровъ и двухъ другихъ эшелоновъ отправился по направленію къ Царскому Селу". (Итакъ въ 3 часа ночи Иванов выѣхалъ изъ Царскаго и черезъ часъ уже постарался туда вернуться — по официальнымъ даннымъ Иванов прибылъ въ Вырицу въ 4 часа утра и въ 5 сообщилъ Алексѣеву, что ночуетъ въ Вырицѣ). Но Иванова отбросили отъ Царскаго усилиями желѣзнодорожниковъ, начиная отъ ст. Семрино до Царскаго были сняты крестовики со стрѣлок. Изъ Семрина Ивановъ бросается по передаточной вѣткѣ на ст. Владимірская для того, чтобы прорваться въ Гатчину. Тамъ нѣскольکو эшелоновъ правительственныхъ войскъ и двадцать тысячъ "лояльнаго" гарнизона. А главное, изъ Пскова поѣздъ за поѣздомъ напираютъ новыя войска! И здѣсь навстрѣчу Иванову спускаютъ балластъ поѣздовъ и снимаютъ крестовики... Но что стоитъ Иванову 20 верстъ пройти походнымъ порядкомъ! "Если бы ген. Ивановъ прорвался къ Гатчинѣ, исходъ мартовской революціи могъ быть иной", — мемуаристу мерещилась уже "царская висѣлица"... Ивановъ требуетъ назначенія на Петроградъ и входитъ въ непосредственные переговоры съ Ломоносовымъ, который въ почтительной формѣ предупреждаетъ генерала, что для встрѣчи его поѣзда на 6-й верстѣ отъ Петербурга сосредоточены "4 батареи артиллеріи и тысячъ двадцать пѣхоты" и рекомендуетъ переговорить съ Думой*). Тогда Ивановъ снова устремляется въ Царское — "арестовываетъ служащихъ и грозитъ разстрѣломъ". Неудача. Опять Гатчина. Потомъ Вырица, куда Ивановъ направляется за "подкрѣпленіемъ". Такъ мечется "диктаторъ", а сзади снимаютъ "всѣ крестовики"... Героическими дѣйствіями желѣзнодорожниковъ Ивановъ стрѣзанъ. Ни одинъ шагъ диктатора "не ускользнулъ" отъ бдительнаго ока революціонеровъ. Телеграфисты Виндавской дороги оказались на высотѣ положенія и стучали свои записки въ центръ даже тогда, когда "за стѣной ген. Ивановъ разстрѣливалъ ихъ товарищей". Бубликовъ послалъ въ Вырицу телеграмму: "Мнѣ стало извѣстно, что вы арестовываете и терроризируете служащихъ желѣзныхъ дорогъ, находящихся въ моемъ вѣдѣніи. По порученію Временнаго Комитета Государственной Думы предупреждаю васъ, что вы навлечете на себя этимъ тяжелую отвѣтственность. Совѣтую вамъ не двигаться изъ Вырицы, ибо по имѣющимъ у меня свѣдѣніямъ народными войсками вашъ поѣздъ будетъ обстрѣленъ артиллерійскимъ огнемъ". Но генералъ не склоненъ послѣдовать совѣтамъ правительственнаго комиссара и настойчиво ищетъ путь къ Петербургу. Ломоносовъ перехватываетъ "очень важныя" шифрованныя телеграммы, которыя Ивановъ направлялъ въ столицу: "Мама больна. Папѣ лучше. Скажите ей" и "Пришлите вторую корзинку булокъ". Телеграммы переданы министру юстиціи. Время идетъ. Наступила ночь. Опять новость объ Ивановѣ: онъ еще разъ требуетъ именемъ императора пропустить его "со всѣми эшелонами въ Петербургъ". "По повелѣнію какого императора, генералъ?" — можетъ спросить теперь ядовитый Ломоносовъ: "Николай II отрекся отъ престола"... "Разговоръ прервался. Черезъ нѣсколько минутъ послѣдовала просьба пропустить поѣздъ обратно въ Ставку. Задержать я не имѣлъ физической возможности", — прибавляетъ Ломоносовъ. "Южнѣе распоряжается кто-то другой"... Ломоносовъ приказываетъ

*) «Прихвастнулъ я» — замѣчаетъ мемуаристъ, осведомленный черезъ ген. Потапова, что для встрѣчи на «6-й верстѣ» имѣется 4 пушки и шесть тысячъ солдатъ.

вает из обоих тендеров выпустить воду, — “так генерал, отъѣхав семь верст, и просидѣлъ всю ночь с паровозами без воды”...

Как все-таки могла родиться такая фантастическая эпопея под пером мемуариста, правда, очень склоннаго к безответственным беллетристическим приемам изложения? Сопоставляя показанія Иванова с имѣющимися документами, можно довольно отчетливо представить себѣ, что было в дѣйствительности. В показаніях Гучкова, данных той же Чр. Сл. Ком., было упомянуто, что послѣ выѣзда из Петербурга им была дана уже в дорогѣ телеграмма Иванову. Он говорил, что желал встрѣтить Иванова па пути и “угovorить не предпринимать никаких попыток к приводу войск в Петроград”. Вот текст подлинной телеграммы: “Бду в Псков. Примите всѣ мѣры повидать меня либо в Псковѣ, либо на обратном пути из Пскова в Петроград. *Распоряженіе дано о пропускѣ вас в этомъ направлеши*”. “Дорогой, — пояснил Гучков, — пришлось нѣсколько раз *обмѣняться* телеграммами”). И мы имѣем в дѣлах Чр. Сл. Ком. отвѣтную телеграмму Иванова и вторую телеграмму Гучкова. “Рад буду повидать вас, — телеграфировал Иванов — мы на ст. Вырица. Если то для вас возможно, телеграфируйте о времени пріѣзда”. “На обратном пути из Пскова, — отвѣчал Гучков, — постараюсь быть в Вырицѣ. *Желательнее встрѣтитъ вас Гатчинѣ варшавской*”. Вспомним, что думскіе делегаты выѣхали из Петербурга в 2 ч. 47 м. дня. Слѣдовательно, не раньше этого времени могли имѣть мѣсто сношенія между Гучковым и Ивановым.

Обратимся теперь к показаніям Иванова. Он говорит, что, дѣйствительно, имѣлъ намѣреніе проѣхать утром 2-го в Царское Село для того, чтобы переговорить с командирами запасных батальонов (“они могли освѣтить дѣло”), но “старшій из командиров стрѣлковъ полков” по телефону “как-то неопредѣленно отвѣтил, что мой пріѣзд не желателен, что это вызовет взрыв”. Тогда Иванов намѣревался “на автомобиль” (т. е., очевидно, один) проѣхать на ст. Александровскую и повидать Тарутинскій полк. В это время Иванов получил телеграмму от Гучкова. Совершенно очевидно, что тогда он рѣшил переписать, в соответствии с предложеніем Гучкова, свой “батальон” в Гатчину по дополнительной вѣткѣ через ст. Владимірскую. Приблизительно в это же время (нѣсколько раньше — около 3 часов) Иванов должен был получить телеграмму нач. воен. сообщ. в Ставкѣ ген. Тихменева, передававшую копию “высочайшаго” распоряженія вернуть войска, “направляющіяся (на) станцію Александровскую обратно (в) Двинскій район”. “Соизволеніе” это получено было Рузским в первом часу ночи, т. е. за три часа до разговора его с Родзянко, и распространялось на всѣ войска, двинутыя с фронта, как это устанавливает циркулярная телеграмма ген. Лукомскаго, переданная на фронт в промежуток между 2 и 3 часами ночи 2-го марта. “Вслѣдствіе невозможности продвигать эшелоны войск, направляемых к Петрограду, далѣе Луги и

*) Шульгин утверждает, что на одной из станцій они были даже соединены прямым проводом с находившимся в Гатчинѣ Ивановым и имѣли довольно длительную бесѣду с ним: «старик стремился повидаться с нами, чтобы рѣшить, что дѣлать». Иванов жаловался на то, что отрѣзан от Петербурга, жаловался на разложеніе георгіевцев и пр. Из-за спѣшки дѣло ограничилось лишь информациоными разговорами. Сообщение Шульгина довѣрія не возбуждает.

разрѣшенія Государя Императора вступить главкостѣву в сношенія с Гос. Думой и высочайшаго есизволенія вернуть войска обратно в Двинскій район из числа направленных с Сѣвернаго фронта, напшговерх, — телеграфировал Лукомскій, — просит срочно распорядиться, тѣ части, кои еще не отправлены, не грузить, а тѣ, кои находятся в пути, *задержатъ* на больших станціях. Относительно дальнѣйшаго направленія или возвращенія перевозимых частей послѣдует дополнительное указаніе”. Сравним с этим официальным сообщеніем повѣствованіе Ломоносова о том, как 2-го днем с юга подходили “повые и новые эшелоны”, и как Бубликов получал из Ставки на свои запросы “уключивые отвѣты”!

Попытка Иванова проѣхать на ст. Владимірскую и вызвала примѣненіе желѣзнодорожниками мѣр саботажа. “Проѣхав верст 12, — показывал Иванов, — я прилег отдохнуть... просыпаюсь, стоим. Час стоим, два стоим, три”. Это было на ст. Сусанино. Оказывается, поставили в тупик, согласно распоряженію: “никуда не пускать”. Здѣсь Иванов получает приведенную выше телеграмму Бубликова (“очень сильную” — по его выраженію) о том, что он терроризирует желѣзнодорожных служащих, — “а с его же разрѣшенія ѣхал”. Никакого террора Иванов не примѣнял, — сообщеніе о “разстрѣлѣ телеграфистов” сплешная чушь, порожденная взбодораженным настроеніем освѣдомителей. Иванов имѣл полное право написать Гучкову 9 апрѣля, что его “войска не имѣли никаких столкновеній”^{*)}). Был ли правительственный комиссар плохо вообще освѣдомлен, недовѣрчиво ли относился к миролюбивой тактикѣ “диктатора”, находился ли под влияніем революціоннаго пыла своего окруженія, но он старался воспрепятствовать проѣзду ивановскаго эшелона в Гатчину. За первой телеграммой послѣдовала другая, но уже “очень любезная”, по мнѣнію Иванова: “Ваше настойчивое желаніе ѣхать дальше ставит непреодолимое препятствіе для выполннія желанія Е. В. немедленно слѣдовать (в) Царское Село. Убѣдительно прошу остаться (в) Сусанино или вернуться (в) Вырицу”. “Я ушел на Вырицу и тут рѣшил послать сообщеніе ген. Алексѣеву шифрованной телеграммой”, — заключал Иванов. В то время эта послѣдняя телеграмма не была расшифрована “полностью” и давала повод для совершенно произвольных заключеній. В документах Ставки мы имѣем ее в расшифрованном видѣ. Иванов телеграфировал Алексѣеву в 1 ч. 30 м. на 3-ье марта: “До сих пор не имѣю *никакихъ* свѣдѣній о движеніи частей, назначенных в мое распоряженіе. Имѣю негласныя свѣдѣнія о приостановкѣ движенія моего поѣзда. Прошу принятія экстренныхъ мѣр для восстановленія порядка среди желѣзнодорожной администраціи, которая несомнѣнно получает директивы Временнаго Правительства”. Редакція этой телеграммы стоит в нѣкотором противорѣчій с помѣткой в Ставкѣ, что сообщеніе Тихменева о приостановкѣ движенія эшелонов было вручено Иванову. Большого значенія отмѣченное противорѣчіе не имѣет, болѣе существенно то, что телеграмма, составленная на исходѣ 2-го марта, рѣшительно опровергает версію, развитую в воспоминаніях Ло-

^{*)} Ивановым был арестован лишь начальник станціи не то Вырицы, не то Царскаго Села. В служебной запискѣ Тихменева упоминается начальник царскосельской станціи, котораго Иванов увез с собой в Вырицу «по неизвѣстной причинѣ».

моносова и усвоенную многими из послѣдующих исторических повѣствователей.

Были ли еще какія-нибудь зашифрованныя телеграммы, направленные Ивановымъ в какой-то таинственный петербургскій адрес? В архивѣ, гдѣ хранится “переписка, связанная с переходомъ к новому строю”, повидимому, имѣется только “полностью не расшифрованная” телеграмма Алексѣеву; эта зашифрованная переписка не нашла никакихъ откликовъ в Чр. Сл. Ком. — ни при допросѣ Иванова, ни в обзорѣ, сдѣланномъ Блокомъ. Но зато упоминаніе об этой зашифрованной перепискѣ и даже текстъ телеграммы, близкой по содержанию к редакціи, которую даетъ Ломоносовъ (“Выѣзжаю в Вырицу. Оставляю корзину, булки и хлѣб”), можно найти в газетахъ того времени (напр., в “Русской Волѣ” 10 марта). Есть и упоминаніе об “известномъ реакціонерѣ”, кн. Святополк-Мирскомъ и пѣвкой обывательницъ, проживавшей в домѣ № 71 на Невскомъ пр., в адресъ которыхъ были будто бы направлены ивановскія телеграммы. Не эти ли газетныя сплетни, никѣмъ не проверенныя и, вѣроятно, совершенно вымышленныя, пашли себѣ откликъ в воспоминаніяхъ Ломоносова? В своихъ записяхъ онъ упоминаетъ, что на другой день послѣ расшифрованія депешъ Бубликовъ ему сказалъ, со словъ министра юстиціи, что этотъ Святополк-Мирскій служилъ “повидимому”, посредникомъ между Ивановымъ и Ал. Фед.(?)....

Эпопею с приключеніями “диктатора” можно считать законченной. Онъ телеграфировалъ Гучкову, что не можетъ пріѣхать и ждалъ послѣдняго в Вырицѣ. Утромъ третьяго Ивановъ получилъ телеграмму отъ Родзянко съ сообщеніемъ о назначеніи на его мѣсто главнокомандующимъ петербургскаго военнаго округа ген. Корнилова и о предписаніи ему вернуться в Могилевъ. Ивановъ запросилъ Алексѣева и, получивъ подтвержденіе, выѣхалъ в тотъ же день со своимъ “батальономъ” в Могилевъ. На ст. Ореджъ, какъ его предупредили, ему готовится “бенефисъ” и будетъ предъявлено требованіе, чтобы “батальонъ присоединился” к революціи. Но все свелось къ демонстраціи рабочихъ — “человѣкъ сто в одной кучкѣ”. В Ставкѣ Ивановъ простился съ батальономъ и пожелалъ ему “служить хорошо при новомъ правительствѣ”.

Перипетии, связанныя съ “экспедиціей ген. Иванова”, породили и другую легенду, — діаметрально противоположную той, которая наиболѣе полно изложена в воспоминаніяхъ Ломоносова. Родилась она в тотъ же день, что и первая, и в той же средѣ. И по своеобразному степенію обстоятельствъ ее поддержали в мемуарной литературѣ такіе антиподы, какъ лѣвый соц.-рев. Мстиславскій и в. кн. Николай Мих. Каждый изъ нихъ придавалъ легендѣ свою формулировку. Для титулованнаго историка — в записи, быть можетъ, пѣсколько туманной, в дневникѣ отъ 27 апрѣля 17 г. — карательная экспедиція Иванова только “водевилъ”. Ивановъ позднѣе понялъ, что “вся эта инсценировка была созданиемъ рукъ Гучкова... и Алексѣева, чтобы усыпить возможное безпокойство Императора и чтобы отдать себѣ отчетъ в истинномъ настроеніи войскъ Царскосельскаго гарнизона. Не слѣдуетъ забывать, что все положеніе могло быть перевернуто сверху до низу, если бы Дума и большинство войскъ, сосредоточенныхъ в Петроградѣ, не подчинились бы требованіямъ улицы, и что Гучковъ и Милюковъ на совѣщаніи съ новыми министрами... у в. кн. Михаила голосовали за конституціонную монархію противъ всѣхъ своихъ коллегъ, высказывавшихъ

ся за демократическую республику. *Двойная игра этих двух министров не может никого больше обмануть*". Если великокняжескую версию перевести на "революционный" язык, то она в основном совпадет с тѣм, что утверждает, в качествѣ мемуариста, состоявшій членом военной комиссиі Мстиславскій — и эту версию готова подхватить вся большевицкая историографія. Рассказывая о том, как между "карателем" Ивановым и "возставшим городом" оказалась "непосредственная, можно сказать, официальная связь" в лицѣ командированных Временным Комитетом офицеров ген. штаба, Мстиславскій заключал: "здѣшніе "возстановители порядка" отнюдь не противопоставляли себя "возстановителям", прибывающим с фронта". Мстиславскій легко нашел себѣ подражателей. В наиболѣе серьезной "совѣтской" работѣ, — в очеркѣ ген. Мартынова, — мы найдем такой вывод: "Временный Комитет Гос. Думы видѣл в Ивановѣ не столько врага, сколько союзника, к помощи котораго в крайности можно прибѣгнуть для того, чтобы подавить беспорядки и остановить дальнѣйшій ход революціи". У Троцкого значится: "вмѣсто того, чтобы арестовать "диктатора" Иванова, прибывшаго с фронта для усмиренія столицы, Энгельгардт отправляет в его распоряженіе реакціоннаго офицера в качествѣ нач. штаба". Молодых историков "школы Покровскаго" обзорѣніе "многих других фактов" также приводило к выводу, что "буржуазія и думскій комитет в эти дни не только не препятствовали Иванову, но, пожалуй, не прочь были опереться на него для борьбы с революціей". Обстоятельства, однако, складывались так, что у "буржуазіи не могло быть надежды на возможность возстановить порядок вооруженной рукой"... Это и "предопредѣлило" всю ея (дальнѣйшую) позицію в февральскіе дни.

Отмѣчая эту легенду, нѣтъ надобности ее в подробностях разсматривать и тѣм болѣе опровергать. И позиція Алексѣева, выраженная в телеграммѣ 28 февраля (в кн. Ник. Мих. почему-то считает указанія Алексѣева "туманными"), и позиція думскаго Комитета, всемирно стремившагося избѣжать гражданской войны, достаточно ясно выступили уже на предшествующих страницах.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

I. Кандидатура Керейского.

Давно пора оставить легенду о том, что революционное временное правительство было создано “еще в 1916 г.”: в “неясном предвидѣніи неясныхъ событій”, какъ выразился Алдановъ в упомянутой выше статьѣ “Третье марта”, в юбилейномъ сборникѣ в честь Милюкова. Рассмотрѣнію этой легенды я достаточно уже удѣлил вниманія в книгѣ “На путяхъ къ дворцовому перевороту”, потому возвращаться къ ея анализу нѣтъ надобности. Напомнимъ только, что в тогу временнаго революціоннаго правительства не совсѣмъ удачно в послѣдствіи облекли проектъ “министерства довѣрія”, под лозунгомъ котораго шла общественная агитація предреволюціоннаго времени.

В революціонныя дни “заранѣе установленное” временное правительство родилось съ нѣкоторымъ опозданіемъ (значительнымъ для тогдашней сумятицы), и вовсе не потому, что этому противодействовали новыя политическія силы, выступившія на авансцену. Милюковъ в своей “Исторіи революціи” объяснилъ запозданіе техническими условіями: “необходимость ввести в составъ перваго революціоннаго правительства руководителей общественнаго движенія, происходившаго внѣ Думы, сдѣлала невозможнымъ образованіе министерства в первый же день переворота”. Но кн. Львовъ днемъ 28-го уже былъ в Петербургѣ. (Мы имѣемъ “приказаніе” военной комиссіи, помѣченное 4 ч. 30 м. дня 28-го: “выслать немедленно автомобиль Мойка 75, кв. бар. Меллер-Закомельскаго за кн. Г. Е. Львовымъ”). Между тѣмъ временное правительство оформилось лишь в дневные часы втораго марта, послѣ того длительнаго ночнаго бдѣнія, когда Родзянко, нѣсколько предрѣшая событія и выдавая предположенія за осуществленное авторитарно говорилъ Рузскому, что онъ “вынужденъ былъ” этой ночью назначить временное правительство. Болѣе правдоподобно то объясненіе опозданію съ организаціей правительственной власти, которое далъ Стекловъ в докладѣ 30-го: “в эти первые моменты ни буржуазія, ни мы как-то не мыслили о созданіи правительства. И когда черезъ два дня послѣ начала возстанія съ достаточной ясностью стало опредѣляться, что возстаніе это несомнѣнно побѣдоносно, что оно ведетъ къ установленію новаго режима, в этот моментъ на сцену всплылъ вопросъ об образованіи временнаго правительства”... Это значило, что концепція революціоннаго правительства была чужда дѣятелямъ “Временнаго Комитета чле-

нов Гос. Думы”, имѣвшего формально цѣлью лишь “возстановленіе порядка и сношенія с учрежденіями и лицами”.

Побѣдоносный ход революціи не измѣнил первоначально основной линіи “думцев”. Суть ея можно передать записью современника. 2-го марта Гиппиус посѣтил извѣстный репортер “Русскаго Слова” Руманов, пришедшій к писательницѣ из Таврическаго дворца. “Позицію думцев опредѣлили очень точно с наивной прямою” — заносит в дневник Гиппиус: “Они считают, что власть выпала из рук законных носителей. Они ее подобрали и несправедливо хранят и передадут новой законной власти, которая должна имѣть со старой ниточку преемственности”. В ожиданіи, когда, по выраженію Милюкова, “наступит момент” образованія правительства, Временный Комитет ограничился немедленным назначеніем комиссаров из членов Думы во всѣ высшія правительственныя учрежденія и подготовкой списка будущих членов “общественнаго совѣта министров”, предполагая, что премьер будет назначен “указом верховной власти”. Хорошо осведомленный в пастроеніях и планах дѣвой думской общественности англійскій посол отправил в Лондон 1 марта уже извѣстную нам телеграмму о предполагаемой поѣздкѣ думских делегатов для предьявленія Императору “требованія отречься от престола”, добавляя: “должно быть назначено отвѣтственное министерство из 12 членов Думы, во главѣ с кн. Львовым и Милюковым в качествѣ министра ин. д.”. Для перваго марта это еще было только проект — во всяком случаѣ, с опредѣленною можно сказать, что днем окончательно оформившагося рѣшенія не было. Правда, в совѣтских изслѣдованіях ссылаются на протокол засѣданія Временнаго Комитета от 1-го марта, который, как будто бы, опровергает подобное утвержденіе (к сожалѣнію, мы не имѣем возможности провѣрить точность цитат и опредѣлить весь контекст документа). В протоколѣ значится: “Временный Комитет Гос. Думы в цѣлях предотвращенія анархіи и для возстановленія общественнаго спокойствія, послѣ низверженія стараго государственнаго строя, постановил: организовать впредь до созыва Учр. Собр., имѣющаго опредѣлить форму правленія російскаго государства, правительственную власть, образовавъ для сего Временный Общественный Совѣтъ Министров в составѣ нижеслѣдующих лиц...” (Далѣе, как пишет Генкина, приводящая выдержки из указаннаго архивнаго документа, перечислялся состав Временнаго Правительства, официально опубликованный 3 марта). Совѣтскій изслѣдователь допускает возможность, что протокол составлен *post factum* для того, чтобы формально закрѣпить образованіе правительства за инициативой думскаго комитета, принявшаго рѣшеніе еще до совѣщанія с представителями Исп. Комитета. Совершенно очевидно, что перваго марта такого протокола, дѣйствительно, составлено быть не могло, ибо в нем упоминается Учред. Собраніе, на которое согласились при обмѣнѣ мнѣніями в ночь на 2-ое, и которое являлось для думскаго комитета весьма существенной компромиссной уступкой*). Но тѣм болѣе характерно употребленіе в про-

* По утвержденію Шидловскаго, «журнал Комитета» был составлен «один общій для періода 27 февраля — 10 марта», так что он дѣйствительно писался *post factum*, «и старанія раздѣлить все это время на отдѣльныя засѣданія оказались не осуществимыми». Не подразумевается ли под таким протоколом то обзорніе, которое редактировал Милюков?

токолѣ термина “Временнаго Общественнаго Совѣта Министров” вмѣсто “Временнаго Правительства”, от имени котораго 3 марта опубликована была программа, выработанная в ночном совѣщаніи. (Надо сказать, что термин “Временное Правительство” в первые дни 3—5 марта не употреблялся и в официальной перепискѣ, и Временное Правительство именуется почти всегда “совѣтом министров”. Официальное постановленіе об именованіи революціонной власти “Временным Правительством” было сдѣлано 10 марта).

Едва ли состав этого “совѣта министров” намѣчался так упрощенно, как изобразил с обычной чрезмѣрной картинностью Шульгин, приписавшій себѣ инициативу. Надо было, “во что бы то ни стало, образовать правительство” — утверждает мемуарист: “Я повторно и настойчиво просил Милюкова, чтобы он поэтому занялся списком министров”. И Милюков к вечеру перваго марта “занялся”. “Так на кончикѣ стола, в этом диком водоворотѣ полусумасшедших людей, родился этот список из головы Милюкова, при чем голову эту пришлось сжимать обѣими руками, чтобы она хоть что-нибудь могла сообразить. Историк в будущем..., вѣроятно, изобразит это совершенно не так... Я же рассказываю, как было”. Эмигрант-мемуарист в состояніи рецидива монархических чаяній издѣвается над этим списком, “общественным довѣріем облеченных”. Но дѣло было не в том “мифѣ”, который пытается спровергнуть Шульгин, а в том, что метод созданія революціонной власти совершенно не подходил к моменту. В этом тогда не отдавали себѣ отчета. Взяли старый ходячій список проектированнаго думскаго “министерства довѣрія” и подбавили к нему новых людей, которых, казалось, выдвигала создавшаяся конъюнктура — прежде всего руководителей подготовлявшагося дворцоваго переворота, у которых естественно предполагались организационныя связи с волевыми кругами. Эта конъюнктура выдвинула и лѣвыя кандидатуры. В какой момент? По утверженію Суханова, в ночном засѣданіи делегатом Совѣта при перечисленіи личнаго состава министров имя Керенскаго не было упомянуто, и только послѣ окончанія предварительных переговоров, т. е. около 4 ч. утра, Суханов узнал, что Керенскому предлагают портфель министра юстиціи. Это была уступка лѣвому сектору — намѣчались двѣ персональныя кандидатуры социалистов из среды членов Думы, входивших в состав Временнаго Комитета. Не было вовсе принято рѣшеніе предоставить в правительствѣ два мѣста членам Совѣта Р. Д., как это утверждает Керенскій; не было и рѣшенія предоставить два портфеля (юстиціи и труда) членам социалистических партій, как говорится в историческом трудѣ Милюкова; не было это и попыткой созданія “коалиціоннаго кабинета”, как безоговорочно отвѣтила редакція “Русских Вѣдомостей” на упоминавшійся запрос «Daily Chronicle». Это были двѣ личныя кандидатуры, причем кандидатура Чхеидзе почти не принимавшаго участія в дѣлах Комитета, тут же отпала за его рѣшительным отказом, и оставалась кандидатура Керенскаго.

Судя по воспоминаніям Шульгина, имя Керенскаго и раньше называлось в кругах прогрессивнаго блока, при обсужденіи нѣкоторых комбинацій “министерства довѣрія” или “гаданія на кофейной гущѣ”, по мнѣнію мемуариста. Ссылаясь на свою бесѣду с Шингаревым в

январь 17 г., Шульгин объясняет и мотивы, побуждавшие тогда выдвигать кандидатуру представителя трудовой группы. Оба собеседника признавали, что настроение страны перешагнуло уже через голову “прогрессивного блока”, и что в силу этого необходимо искать поддержки расширением блока “вдѣво”: “надо вырвать у революции ея главарей”, гораздо выгоднѣе имѣть Керенскаго “с собой, чѣм против себя”. И именно Шульгин, по его словам, предложил “Керенскаго на пост министра юстиціи — на пост, который сейчас (т. е. до революции) не имѣет никакого значенія” (*). В дни революции выгода имѣть Керенскаго в своей средѣ должна была выясниться еще отчетливѣе дѣятелям прогрессивнаго блока в силу приобретенной лидером трудовиком совершенно исключительной популярности. “Душою движенія был Керенскій” — вспоминает Зензинов: “это необходимо признать, не боясь власти в преувеличеніе”. “Он выросал с каждой минутой” — подтверждает и Шульгин, давая свое объясненіе причинам, выдвинувшим либера думских трудовиков в дни переворота на первое мѣсто: “на революціонной трясинѣ привыкшій к этому дѣлу танцевал один Керенскій” — “талантливый актер”, но его “одного слушают”. “Магнетическій” дар Керенскаго — отмѣчает Бюкенен: это единственный министр, который производит впечатленіе. Его слова вызывают “энтузіазм”. Он “самый популярный человек”, его образ “всенародно опозитизирован”, все делегаты с фронта требуют свиданія именно с ним, появленіе его на эстрадѣ вызывает “бури восторга” (Станкевич, Вл. Львов и др.). “Обаяніе Керенскаго поднимает престиж Временнаго Правительства в глазах революціонной демократіи” — утверждают авторы “Хроники”.

Роль, сыгранную Керенским в февральском переворотѣ, довольно образно охарактеризовал еще в первые мартовскіе дни в Московском Комитетѣ общественных организацій видный представитель партіи в. д. Кишкина: “Я только что вернулся из Петрограда — сказал назначенный правительственным комиссаром Кишкин — и могу засвидѣтельствовать, что если бы не Керенскій, то не было бы того, что мы имѣем. Золотыми буквами будет написано его имя на скрижалях Исторіи”. При организаціи власти органически нельзя было устранить того, кто воплощал в себѣ как бы весь пафос первых революціонных дней, и чье имя производило “магическое впечатленіе” на толпу. Керенскій сдѣлался “романтическим героем революции” — ея “любовью”. Сам Керенскій рассказывает во французском текстѣ воспоминаній, что ему позже стало извѣстно, что нѣкоторые члены намѣтившагося правительства соглашались вступить в его состав только при условіи включенія и Керенскаго.

Керенскій колебался. Его входженіе в правительство означало конфликт с Исп. Ком. и возможный уход из Совѣта. Все друзья — рассказывает он — убѣждали его покончить с Совѣтом и войти в кабинет. То же, в сущности, рекомендовали и члены Совѣта, с которыми в “частном порядкѣ” вел переговоры Керенскій в утренніе часы вто-

*) Интересно, что и во Временном Комитетѣ выставлены были подобные же аргументы в пользу кандидатуры Керенскаго. Так утверждает б. московскій прокурор Чебышев, ссылаясь на Маклакова: «Керенскій был назначен в вѣдомство, гдѣ он мог «меньше принести государству вреда».

рого марта. Они, по словам Шляпникова, даже “уговаривали” Керенского вступить в правительство за свою личную ответственность. — Шляпников присутствовал при бесѣдѣ Керенскаго со Стекловым, который доказывал, что Керенскій, не связанный партійным рѣшеніем, может в правительство вступить. “Совѣтскій Макіавелли” — Суханов, заставшій аналогичную бесѣду Керенскаго с Соколовым, не так был опредѣленен и дал двугранный отвѣтъ, когда его мнѣніе спросил Керенскій. Свой отвѣтъ в записках он формулирует так: “ни в Исп. Ком., ни в Совѣтѣ эти вопросы еще не ставились (это, как мы видѣли, невѣрно), и говорить об этом было преждевременно. Но мое личное отношеніе к этому дѣлу я высказал Керенскому. Я сказал, что я являюсь рѣшительным противником, как принятія власти совѣтской демократіей, так и образованія коалиціоннаго правительства. Я не считаю возможным и *официальное* представительство социалистической демократіи в ценовом министерствѣ. Заложник Совѣта в буржуазно-империалистическом кабинетѣ связал бы руки демократіи. Вступленіе Керенскаго в кабинет Милокуова в качествѣ представителя революціонной демократіи совершенно невозможно... Но... индивидуальное вступленіе Керенскаго... в революціонный кабинет я считаю бы объективно полезным... Это придало бы всякому кабинету большую устойчивость перед лицом стихійно ползущих влѣво масс”... “Керенскаго не мог удовлетворить такой отвѣтъ” — замѣчает резонирующій мемуарист: “Ему явно хотѣлось быть министром. Но ему нужно было быть посланником демократіи и официально представлять ее в первом правительствѣ революціи”. Как видно из воспоминаній самого Керенскаго, позиція индивидуальнаго вхожденія в министерство, дѣйствительно, его не удовлетворяла, он считал такое рѣшеніе политически невозможным, ибо предвидѣлъ огромную опасность, которая угрожала в том случаѣ, если революціонныя массы будут предоставлены случайному руководству Совѣта, не имѣя официального своего представителя во временном правительствѣ. Допустить это Керенскій не мог («Je ne pouvais le permettre» — нѣсколько претепціозно выражается он во французском текстѣ). Такое временное правительство было бы заранѣе обречено. В то же время Керенскій, по его словам, сознавал невозможность переубѣдить совѣтских лидеров и повліять на измѣненіе их позиціи. Надо признать, что нѣтъ никаких намеков на то, что Керенскій пытался воздѣйствовать на измѣненіе лишь намѣчавшейся перваго марта тактики. Почва для его инициативы и для его выступленія была подходящая, но в ночь с перваго на второе марта он в идеологических спорах участія не принимал; не оказал вліянія представитель демократіи и при подборѣ кандидатов в будущее революціонное правительство.

Керенскій пишет в воспоминаніях, что эта ночь была для него самой трудной. Он должен был найти выход из почти безвыходнаго положенія. Силы его ослабѣвали. Истомленный обстановкой Керенскій впервые послѣ беспсонных ночей отправился домой. Здѣсь он потерял сознаніе и в полузабытіи провел 2—3 часа. И вдруг сразу пришло рѣшеніе на вопрос, который мучил Керенскаго. Он должен принять пост министра юстиціи и открыто объяснить мотивы своего рѣшенія непосредственно в Совѣтѣ. Рѣшеніе это было принято не по тѣм политическим соображеніям, которыя были выше изложены, а по моги-

вам исключительно гуманным. Керенский неожиданно вспомнил об арестованных представителях старой власти. Он был убежден, что только он один в переживаемых условиях мог бы не допустить линчевания их толпой и изблгнуть ненужного кровопролития. Так говорит сам мемуарист, утверждающий, что под таким впечатлением он очнулся и немедленно позвонил по телефону во Временный Комитет, передав Милюкову свое окончательное решение. Керенского несколько не смущало то обстоятельство, что он будет один от “демократии” в правительстве, ибо за ним было непрерываемое общественное мнение, определявшее судьбный все будущего “заложника” демократии в буржуазном правительстве*).

В первой половине дня собрался пленум Совета Р. Д., на котором Стеклов “дипломатически и уклончиво” докладывал программу соглашения, намечившегося с Врем. Комитетом. Во время доклада в зале заседания появился Керенский и потребовал предоставления ему слова вне очереди. Члены Исп. Ком., как пишет Керенский, всемерно старались отговорить его от выступления, указывая на возбужденное состояние многолюдной толпы рабочих и солдатских делегатов, которая может устроить Керенскому враждебную демонстрацию — необходимо подготовить собрание к мысли, что формальный представитель Совета вступил в состав буржуазного правительства («Ils se jeteront sur vous et vous mettront en pièces» — в образных выражениях передает мемуарист аргументацию “верховников” Исп. Ком.). Тем не менее Керенский, взгромоздившись на стол, свое заявление сдѣлал, объясняя мотивы, побудившие его дать согласие на предложение Врем. Ком., не дожидаясь решения Совета, и потребовал доверия к себѣ. “Патетическія фразы, полубезсвязныя, но сказанныя с сильным подъемом с непривычным для впечатлительной аудитории мелодраматическим эффектом”, произвели “магическое дѣйствие” — так описывает “Хроника февральских событий”, авторы которой присутствовали на заседании в качестве активных дѣйствующих лиц. В отчетѣ советских “Извѣстій” сказано: “трудно представить энтузиазм, охватившій зал заседания. Единичные голоса, пытавшіеся протестовать... были заглушены единодушным возгласом подавляющаго большинства. Совет Р. Д. устроил Керенскому бурную овацию, которой еще не видѣли, кажется, стѣны Таврическаго дворца”. Суханов отмѣчает, что настроеніе поднялось в тот именно момент, когда Керенский мотивировал свое согласие войти в состав министерства тѣм, что в его руках находятся арестованные представители старой власти, которых он не рѣшается выпустить из своих рук. Сам Керенский не помнит деталей своей рѣчи, но хорошо помнит устроенную ему овацию и то, что он был отнесен на руках до помѣщенія Временнаго Комитета. И поэтому, быть может, небезпо-

*) Я должен исправить не совсем понятную теперь для меня ошибку в текстѣ моей книги «На путях к дворцовому перевороту». Там сказано, что кандидатура Керенскаго выдвинулась тогда, когда предварительный список, оглашенный Милюковым в залах Таврическаго дворца, вызвал бурный протест. Тогда члены Врем. Комитета пожертвовали Маклаковым и уговорили Керенскаго принять назначеніе. Колебались между этими двумя именами. Но как раз в первоначальном наброскѣ состава Временнаго Правительства, помѣченном 1 марта, значится первой фамилія Керенскаго — она зачеркнута, и вставлено Маклаков».

лезно воспроизвести (с маленькими лишь купюрами) эту рѣчь в том видѣ, как она на другой день была палечатана в официальных совѣтских "Извѣстіях"... "Товарищи... довѣряете ли вы мнѣ" — патетически спрашивал Керенскій. — "В настоящій момент образовалось временное правительство, в котором я занял пост министра юстиціи. Товарищи, я должен был дать отвѣтъ в теченіе пяти минут(?) и потому не имѣлъ возможности получить ваш мандат до рѣшенія моего о вступленіи в состав временнаго правительства. *В моих руках находились представители старой власти, и я не рѣшился выпустить их из своих рук* (возгласы: правильно)... Немедленно по вступленіи на пост министра я приказал освободить всѣх политических заключенных и с особым почетом препроводить из Сибири сюда, к нам, наших товарищей депутатов, членов соц.-дем. фракціи IV Думы, депутатов II Думы... Я занял пост министра юстиціи до созыва Уч. Соб., которое должно будет, выражая волю народа, установить будущій государственный строй (бурные аплодисменты). До этого момента будет гарантирована полная свобода пропаганды и агитаціи по поводу формы будущаго государственнаго устройства, *не исключая и республики* (обратим вниманіе на это указаніе Керенскаго!). В виду того, товарищи, что я принялъ на себя обязанности министра юстиціи до полученія от вас на это полномочія, я слагаю с себя званіе тов. преде. Совѣта Р. Д. Но для меня жизнь без народа немислима, и я вновь готов принять на себя это званіе, если вы признаете нужным (присим!). Товарищи, войдя в состав временнаго правительства, я остался тѣм же, как был — республиканцем. В своей дѣятельности я должен опираться на волю народа... Я должен имѣть в нем могучую поддержку. Могут ли я вѣрить вам, как самому себѣ? ("вѣрим"!). Я не могу жить без народа, и в тот момент, когда вы усомнитесь во мнѣ — *убейте меня*. Я заявлю временному правительству, что я являюсь представителем демократіи, но что временное правительство *должно особо считаться* с тѣми мнѣніями, которыя я буду отстаивать в качествѣ представителя народа, усиліями котораго была свергнута старая власть... Я полагаю, что вы не осудите меня и дадите мнѣ возможность осуществить необходимыя гарантіи свободы до созыва Учр. Собранія. Товарищи! Позвольте мнѣ вернуться к временному правительству и объявить ему, что я *вхожу в его состав с вашего согласія, как ваш представитель*".

Керенскій впадал на мгновеніе в полубморочное состояніе, что произвело, по наблюденіям присутствовавшаго Шидловскаго, на аудиторію потрясающее впечатлѣніе. Патетическія фразы, полубезсвязныя, как видим, были довольно опредѣленны по своему содержанію и достаточно демагогичны. Оратор погрѣшил против истины, так как слишком очевидно, что неявленный министръ юстиціи в то время, когда Временное Правительство еще только конструировалось, не мог еще отдавать распоряженія об освобожденіи всѣх политических заключенных и, как слѣдует из соотвѣтствующаго сообщенія "Извѣстій" комитета думских журналистов, распоряженіе о вызовѣ из Сибири членов думской соц.-дем. фракціи было слѣдано комиссарами Временнаго Комитета Аджемовым и Маклаковым до занятія Керенским поста министра юстиціи. Керенскій 3-ьяго подтвердил лишь распоряженіе своих временных предшественников через нѣсколько дней, придавъ ему до-

вольно крикливую форму — специальной телеграммой 6 марта мѣстным прокурорам предписывалось лично освободить подсѣдственных и осужденных по политическим дѣлам и передать им привѣт министра.

**

Оваціи в Совѣтѣ Керенскій воспринял не только, как вотум личнаго довѣрія к нему, но и как одобреніе избранной им политической линіи. Он счел, что входит во временное правительство, как тов. предс. Совѣта, т. е. в качествѣ официального представителя “рабочаго класса”. Было около 3 час. дня, когда произошло, по мнѣнію одних, “героическое выступленіе” Керенскаго в Совѣтѣ или, по мнѣнію других, совершен был им *coup d'état*. По впечатлѣнію героя собранія, его выступленіе вызвало негодованіе у “верховников” Исп. Ком.: когда толпа несла его на руках, Керенскій видѣл гнѣвныя лица, грозившія мстью. С этого момента, по его словам, началась против его вліянія в Совѣтѣ борьба «*sans aucun scrupule*». Неоспоримо, Керенскій вызвал негодованіе, может быть, у большинства членов Исп. Ком. — отчасти уже самим фактом своего непредвидѣннаго выступленія. Но столь же безспорно, что по существу он мог встрѣтить и сильную поддержку у нѣкоторых членов Комитета, если бы не дѣйствовал так неподготовленно в одиночку. Каждый из мемуаристов под своим углом зрѣнія воспринял атмосферу собранія. Суханов — главный как бы идеолог невхожденія представителей демократіи в министерство, у котораго Керенскій в частном порядкѣ уже спрашивал совѣта, конечно, был в числѣ “негодующих”, выступленіе Керенскаго вызвало в нем “ощущеніе неловкости, пожалуй, конфуза, тоски и злобы”. Но “лидеры Исп. Ком. понимали, что развертывать пренія во всю ширь в данной обстановкѣ, специально о Керенском, значило бы итти на такой риск свалки, неразберихи, затяжки вопроса и срыва комбинаціи, который был нежелателен для обѣих сторон. На этой почвѣ большинство... не считало нужным принимать бой”... Составители “Хроники” просто говорят, что Исп. Ком. “не смѣл возражать” — “протестующіе голоса потонули в бурѣ аплодисментов и привѣтственных криков”. “Бой”, начавшійся в связи с докладом Стеклова, оставяя в сторонѣ личное рѣшеніе, принятое Керенским и шумно одобренное сочувствующим Керенскому митингом. Вопрос шел о принятіи резолюціи Исп. Ком., хотя и отрицавшей коалицію, но говорившей о необходимости соглашенія с буржуазіей и поддержки правительства. “Лѣвая опасность”, которой боялся Суханов, по его словам, на собраніи в общем очень мало давала себя знать. Ораторы “лѣвой”, выступавшіе “против буржуазіи вообще”, были поддержаны только своими, т. е. пезначительной частью собранія.

Впрочем, Суханов наблюдал то, что происходило в собраніи. “урывками, мимоходом, среди текущих дѣл”. Другой участник собранія, бундовец Рафес, дает нѣсколько иную характеристику “лѣвой опасности”. Два обстоятельства, по его мнѣнію, помѣшали организационному комитету с.-д. партіи, высказавшемуся в ночь с 1-го на 2-ое марта (так утверждает мемуарист) за вхожденіе членов партіи в правительство, отстаивать эту позицію в общем собраніи Совѣта. “Когда на завтра — пишет Рафес — до засѣданія Совѣта, вторично собрался

Исполком для обсуждения вопроса послѣ того, как представители партіи уже сиформировались о взглядах своих организаций, оказалось, что Стеклов, Суханов и Соколов, не выжидая этого засѣданія, сообщили уже представителям думскаго комитета о состоявшемся наканунѣ отрицательном рѣшеніи вопроса Исполкома, как об окончательном". Но "еще важнѣе" было то, что "на засѣданіи Совѣта представители большевиков повели крайне энергичную атаку против поддержки буржуазнаго правительства. Членам Исп. Ком. пришлось со всей энергіей отстаивать эту позицію. Выступление с предложеніем участія во временном правительствѣ вряд ли встрѣтило бы поддержку на пленумѣ Совѣта, когда большинство Исполкома было против него. Оно лишь сыграло бы на руку большевикам". Историкѣ трудно даже повѣрить, что вопрос такой исключительной важности мог быть разрѣшен так, как рассказывает партійный мемуарист. Во всяком случаѣ постолько, поскольку дѣло касалось настроенія пленума Совѣта, шумное выступленіе Керенскаго показывает, что защитники коалиціоннаго принципа могли бы при поддержкѣ Керенскаго без большого труда выиграть кампанію. Исключительный успѣх новаго "кумира" толпы засвидѣтельствовал и другое — не столько "интеллигентные вожаки Совѣта" должны были в своих выступлениях приспособляться к бурным стремленіям низов (запись Гиппиус 1-го марта), сколько эти интеллигенты вели за собой не опредѣлившуюся еще, в общем аморфную массу, плохо разбиравшуюся в политических тонкостях. Так или иначе коалиціонисты сдали почти без боя свои позиціи, принявъ внѣшній митинговый, даже "шумный успѣх" крайних ораторов (в противоположность Суханову, так утверждают составители "Хроники", примыгавшіе к позиціи бундовцев) за доказательство того, что "революціонное настроеніе прочно владѣет аудиторіей". При таком "радикальном" настроеніи сторонникам коалиціи приходилось "защитять уже не свою позицію", а говорить об "опасности для пролетаріата оказаться в изолированном положеніи на первых же порах буржуазной революціи" и отстаивать против большевиков официальную позицію Исп. Комитета.

В результатѣ совѣтскій митинг принял резолюцію Исп. Ком. всѣми голосами против 15, т. е. формально отверг вхожденіе своих членов в создающееся правительство. Получилось двойственное положеніе, ложное в своем основаніи и чреватое своими послѣдствіями: фактически одоорив поведение Керенскаго, Совѣт принципиально отвергал одновременно его тактику... Совѣт едва ли отдавал себѣ отчет в том противорѣчій, которое получалось. Не искушенный еще революціонной казупстикой пленум, очевидно, механически голосовал предложенную резолюцію. Вспоминая впоследствии на Совѣщаніи Совѣтов выступленіе Керенскаго, делегат петроградскаго совѣта Кохно говорил: "Мы всѣ в один голос изъявили свою полную с ним солидарность, выразили полное довѣріе и сказали, что... всегда будем одобрять его на этом посту"... Во имя фикціи единства революціоннаго мнѣнія за резолюцію большинства Исп. Ком. голосовала почти вся оппозиція, как правая, так и лѣвая.

II. Гуманность и революціонная стихія.

Один мотив в рѣчи, произнесенной Керенским в Совѣтѣ, находится в рѣзком противорѣчій с тѣми побужденіями, которыя яко-бы

заставили его по какому-то таинственному наятію принять рѣшеніе о вхожденіи в состав временнаго правительства. Не случайно, однако, Керенскій упомянул об арестованных представителях старой власти. Довольно знаменательно, что и Милоков, произносившій на митингѣ в сосѣдном залѣ чуть-чуть позже также свою первую “министерскую” рѣчь, выдвинул ту же мотивировку выбора Керенскаго на пост генерал-прокурора в новой Россіи: “Мы безконечно рады были — говорил Милоков по отчету “Извѣстій” — отдать в вѣрныя руки этого общественнаго дѣятеля то министерство, в котором он отдаст справедливое возмездіе прислужникам стараго режима, всѣм этим Штюмерам и Сухомлиновым”. Итак рѣчь шла не о гуманности, а о возмездіи, и Керенскій еще раз сам подчеркнул на солдатском митингѣ в Таврическом дворцѣ вечером 2-го марта, что всѣ старые министры будут отвѣчать по суду за свои дѣйствія. Как можно объяснить это противорѣчіе? Шульгин, который среди мемуаристов кладет наиболѣе густо краски в описаніи переживаній современников февральских и мартовских дней, в непослѣдовательной позиціи Керенскаго видит своего рода “комедію”, которую он сознательно играл перед “революціонным сбродом”. Керенскій хотѣл спасти арестованных, и для этого надо было перед толпой “дѣлать вид”, что Гос. Дума сама “расправится с виновными”. И крайне тенденціозный мемуарист отдает должное Керенскому: “он употребил всѣ силы своего “драматическаго” таланта, чтобы кровь “при нем” не была пролита”. В правых кругах не один только Шульгин признает заслуги в этом отношеніи Керенскаго в первые дни революціи. Ген. Врангель вспоминает, что в то время он уже услышал от члена Думы бар. Штейнгера, пріѣхавшаго в Кіев и рассказывающаго о событіях в Петербургѣ, что только Керенскому (он один способен “сладить с толпой”) “Россія была обязана тѣм, что кровопролитіе первых дней во-зрѣмя остановилось”. Писательница Гиппиус — человекъ другой среды — высказалась в дневникѣ еще сильнѣе: “в мартѣ он буквально *спас* (курсив авт.) Россію от земадленнаго безумнаго взрыва”.

Естественно мы не будем отрицать гуманности революціоннаго правительства, которая была за ним признана таким антиподом революціи, каким неизбѣжно был в. кн. Ник. Ник. Он говорил своему племяннику Андрею в Тифлисѣ 9 марта: “Единственное спасеніе я вижу в лозунгѣ новаго правительства — безкровная революція, но ручаться, конечно, нельзя. Народная ненависть слишком накалилась и сильна”. Готовы мы в общем признать, что именно Керенскому, в силу исключительной роли, которую ему пришлось играть, и ореола, окружившаго его имя, принадлежит как бы честь проведенія в жизнь лозунга: “государственная жизнь не проливает крови”. Но сам Керенскій проявил так мало чуткости в своих воспоминаніях к описываемой им современности, что счел для себя возможным помѣстить в текстѣ такіа строки: “Люди правые меня упрекали и упрекают еще за мою снисходительность в отношеніи лѣвых, т. е. большевиков. Они забывают, что, если бы я дѣйствовал в соотвѣтствіи с принципами, которые они выдвигают, я должен был примѣнить режим террора, не налѣво, а направо, и что я не имѣл права проливать кровь (!!) большевиков, не пролив *потоков крови* (*couler des flots de sang*), в первые недѣли революціи, когда я рисковал авторитетом и престижем в глазах масс, сопротивляясь тре-

бованиям жестокой расправы (*peine atroce*) с Царем, со всеми членами династии и их служителями". Вот это изложение, почти приближающееся к изложению тех мемуаристов, которые в излишнем усердии желают изобразить народную стихию в февральские и мартовские дни насильственной кровавыми инстинктами, мы должны решительно опровергнуть, как очень далекое от того, что было в действительности. О династии придется говорить особо, и, думается, роль Временного Правительства и министра юстиции выяснится с достаточной отчетливостью*). Поэтому ограничимся пока лишь беглыми иллюстрациями в дополнение к тому, что сказано уже было для характеристики настроения толпы в первые дни революции в связи с описанием эксцессов в отношении к офицерам. Это будет некоторым коррективом к показаниям строгих мемуаристов, обличающих революцию.

1. — Кордегардія Таврическаго дворца.

Нельзя отрицать, что в первые дни Петербург пережил пароксизм лихорадки массовых арестов, временно превративших даже здание Таврическаго дворца, где, по выражению Зензинова, билось "сердце русской революции", в какую-то революционную кордегардию. Мемуаристы лѣваго сектора русской общественности — Керенский не представляет в данном случае исключения — всемерно стараются снять с себя ответственность за насилие, учиняемая именем революции, и довольно решительно отклоняют приписываемую им инициативу в дѣлѣ "самозащиты" революции. То было инстинктивное, самопроизвольное устремление масс, носившее "партизанскій характер". Руководители революции пытались лишь регулировать анархическую инициативу самозванных групп, придав ей некоторым образом законную форму. Так поясняет Суханов в своих "записках". "Самочинныя группы, одна за другой — вспоминает он — подносили членам Исп. Ком. ...написанные ими приказы об арестах, как невинных, так и действительно опасных; как безразличных, так и на самом дѣлѣ злозредных слуг царскаго режима... Не дать своей подписи в таких обстоятельствах, значило, в сущности, санкционировать самочинное насилие, а, быть может, и эксцессы по отношению к намѣченной почему-либо жертвѣ. Подписать же ордер, означало в одних случаях пойти навстрѣчу вполне дѣлесообразному акту, в других — просто доставить личную безопасность человека, ставшему под подозрѣніе. В атмосферѣ разыгравшихся страстей нарваться на эксцессы было больше шансов при противодѣйствіи аресту, чѣм при самой процедурѣ его. Но я не помню ни одного случая (и даже могу утверждать, что такого не было), когда тот или иной арест состоялся бы по постановленію Исп. Ком. или по инициативѣ его. С перваго момента революція почувствовала себя слишком сильной для того, чтобы видѣть необходимость в самозащитѣ подобным способом"***).

Память нѣсколько измѣнила мемуаристу, и факты далеко не всегда

*) Этот вопрос подробно разобран в моей книгѣ «Судьба имп. Николая II послѣ отреченія».

**) «Я лично — добавляет мемуарист — подписал единственный, подписанный мной ордер об арестѣ за всю революцію. Моей случайной жертвой был человек, во всяком случаѣ, достойный своей участи болѣе, чѣм сотни

совпадают с его категорическим утверждением. Как ни скромны документальные слѣды этих дней в архивах, но они говорят об инициативѣ, проявленной членами Исп. Ком.: вот, напр., “приказаніе”, отданное подп. Ст. Шиманскому “отправиться на основаніи полученных свѣдѣній для производства ареста б. председателя Совѣта министров Бориса Штурмера и доставить его в помѣщеніе Государственной Думы” — приказаніе помѣчено датой 8 ч. 45 м. утра 28-го и подписано за председателем военной комиссіи Врем. Ком. Гос. Думы ст. лейт. с. р. Филипповым, не состоявшим даже членом Исп. Ком.*).

Само собой разумѣется, что инициатива ареста правительственного аппарата принадлежала не взбунтовавшейся солдатской толпѣ, а руководителям движенія, которые в первый момент исходили в гораздо большей степени из соображеній революціонной цѣлесообразности, чѣм гуманности. Для объясненія этого естественнаго послѣдствія возстанія, когда борющаяся сторона пыталась изолировать и обезвредить представителей старой власти, вовсе нѣтъ надобности становиться в искусственную позу безупречнаго революціоннаго Дон-Кихота. Сам Керенскій рассказывает, что Думскій Комитет поздно вечером 27-го, принявъ временныя бразды правленія, рѣшил арестовать старое правительство в Маріинском дворцѣ (очень сомнительно, чтобы такое постановленіе Врем. Комитета существовало, но какія-то попытки в этом отношеніи были сдѣланы, как устанавливает процитированный выше документ из архивов военной комиссіи). Еще раньше, даже до формальнаго образованія Врем. Комитета, по распоряженію уже диктаторствовавшего в кулуарах Керенскаго было отдано в революціонном порядкѣ предписаніе об арестѣ председателя Гос. Совѣта Щегловитова. Это вновь рассказал сам Керенскій в нѣскольکو противорѣчивом повѣствованіи о событіях первых дней революціи, и рассказ его подтвердил в своих воспоминаніях литовскій депутат Ичас. По словам Керенскаго, в толпѣ, собравшейся в Тавр. дворцѣ, говорили о необходимости суровых мѣр в отношеніи представителей и защитников старого режима и интересовались его “мнѣніем”. Керенскій отвѣтил, что тѣ, кто особенно опасны, будут немедленно арестованы, и назвал Щегловитова, тут же приказав, чтобы послѣдній немедленно был к нему приведен (*tut amené sur le champ devant moi*). Отпадает таким образом приводимая Сухановым и другими, распространенная при посредствѣ “очевидцев” версія о том, что какой-то студент, “неизвѣстно по чѣму распоряженію”, арестовал Щегловитова, пригласив к себѣ на помощь с улицы случайную группу вооруженных солдат. Надо думать, что тогда же было дано распоряженіе и об арестѣ мин. вн. д. Протопопова, задержать котораго пыталась еще в 11 ч. утра по собственной инициативѣ какаѣ-то группа инсургентов при помощи солдат Преображенскаго и Волынскаго полков, которых еще не было в Таврич.

и тысячи. Это был Крашенинников — сенатор и председатель петербургской Судебной Палаты — возможный (?) глава царистской реакціи, вдохновитель серьезных монархических заговоров».

*) 8-го марта совершенно неожиданно инициатором одного из арестов является представлявший тогда в Исп. Ком. трудовиков Н. В. Чайковскій: по его предложенію постановлено было арестовать протопр. военнаго вѣдомства Шавельскаго. Мотивы рѣшенія в протоколѣ не указаны. Шавельскій был арестован и находился под арестом в теченіе двух суток.

дворца (эту совершенно неправдоподобную версию приводит Керенский).

Щегловитов был приведен. По всем почти воспоминаниям проходит сцена, разыгравшаяся в кулуарах между председателем Думы и считающим себя на деле диктатором левым депутатом*). Из этих мемуарных версий выберем ту, которую дает Ичас: он был не только непосредственным свидетелем, но и действующим лицом; его изложение привлекает своей ясной простотой — затерянное к тому же среди газетных сообщений, оно менее известно, чем воспоминания Керенского, Родзянко, Суханова, которые легко сравнить между собой. В то время, когда «300 членов Думы» бродили по «унылым залам», ожидая решения Временного Комитета, «два студента с саблями наголо» ввели Щегловитова и обратились к Ичасу с вопросом: где Керенский? «Я велел отвести Щегловитова в приставскую комнату и сказал, что сам пойду за Керенским» — рассказывает Ичас. Керенский ответил: «сейчас приду, пусть подождут». «Минут десять мы его ждали. Тем временем толпа с улицы уже проникла в помещение и стала окружать нас. Керенский приближался в комнату и громко спросил, озираясь: кто меня звал? Тогда студент, конвоировавший Щегловитова, указал на арестованного. Керенский взволнованным голосом спросил: «Так вы — Щегловитов?» и... прибавил: «Ив. Гр., вы тот человек, который может нанести самый опасный удар ножом в спину революции, и мы вас в такой момент не можем оставить на свободе». При этих словах вышел из своего кабинета, окруженный членами Комитета, председатель Гос. Думы Родзянко: «Ив. Гр., как вы сюда попали? А. Ф., ведь в Комитет постановление об аресте его не было?» «Я еще до избрания Комитета распорядился его арестовать» — ответил Керенский. «Так пойдете в кабинет, обсудим этот вопрос. Ив. Гр., пойдете со мной, посидите, пока мы обсудим этот вопрос» — продолжал Родзянко, протягивая Щегловитову руку. Тогда молодой студент с саблей оборвал председателя Думы: «Не по вашему распоряжению мы его арестовали и не можем отпустить его с вами». «Отведите г. Щегловитова в министерский павильон и приготовьте ему кровать» — распорядился Керенский и вошел вместе с комитетскими в кабинет председателя***)...

Арест Щегловитова, по словам Керенского, вызвал чрезвычайное возбуждение среди «умеренных» членов Думы. Они настаивали на освобождении председателя Гос. Совета во имя принципа неприкосно-

*) Находившиеся в Думе репортеры говорили Керенскому, что он в данный момент всемогущ в России (франц. текст воспоминаний).

**) В воспоминаниях Керенского студент не играет никакой роли. Это он, Керенский, пришедший тогда уже, когда Родзянко пригласил Щегловитова в свой кабинет, оборвал чрезмерную любезность Родзянко словами: «Щегловитов здесь не ваш гость, и я отказываюсь его освободить». В воспоминаниях Родзянко никакого Керенского не было, когда группа преобразенцев привела к нему арестованного Щегловитова. Пораженный произволом Родзянко приказал освободить Ш., но солдаты сомкнулись вокруг своего плетника и самым «вызывающим образом» показали председателю свои винтовки, после чего Ш. был уведен «неизвестно куда». По словам Керенского, он немедленно после захвата председателя Гос. Совета направился в министерский павильон и пытался убедить Щегловитова, во имя искупления своего прошлого, оказать родине услугу, протелефонировав в Царское Село о бесполезности сопротивления и посоветовав отдаться на милость народа. Щегловитов с твердостью от этого отказался.

венности членов законодательных собраний, они протестовали против превращенія Гос. Думы в дом тюремнаго заключенія и, въроятнѣ всего, отнюдь еще не желали вступить на революціонный путь. Но фактическій “диктатор” был тверд, несмотря на всѣ протесты Врем. Ком., о которых говорит Родзянко. В воспоминаніях Керенскій высказывает удивленіе, как его коллеги не понимали, что освобожденіе Щегловитова в этот момент означало бы не только умаленіе престижа Думы в глазах масс, но и передачу его возмущенной толпѣ на линчеваніе. Это было безуміе, на которое предвидѣвшій послѣдствія будущій генерал-прокурор революціи пойти не мог.

Министерскій павильонъ быстро наполнился арестованными сановниками — элитой бюрократическаго міра*). Сюда приводили арестованных по законным “правительственным” ордерам, выдаваемым от имени членов обоих Испол. Комитетов и их военной комиссіи; сюда поступали приведенные любителями творить самочинно революціонное правосудіе, согласно официальному объявленію доставлять сановников и генералов в Таврич. дворец, “буде таковых придется задерживать” (подобныя объявленія могли лишь толкать населеніе на производство арестов); сюда сажали добровольно явившихся в цѣлях самосохраненія — здѣсь они чувствовали себя, как за “каменной стѣной”, по выраженію секретаря Родзянко. В хаосѣ “черезполосицы” невозможно разобраться и опредѣлить случаи, когда вожди революціи в предписаніи арестов проявляли активную инициативу и когда лишь вынужденно легализировали революціонное беззаконіе. Ордера посылались на бланках, которые были под рукою, и немудро, напр., что с.-р. Мстиславскій, член военной комиссіи, по собственному признанію, заполнил, не имѣя на это никакого права, бланки тов. пред. Гос. Думы. Мало понятно, на основаніи каких полномочій чл. Врем. Комитета Караулов, занявшій 28-го временно пост коменданта Тавр. двора, отдавал 1 марта приказ о немедленном арестѣ “всѣх чинов наружной и тайной полиціи и корпуса жандармов”, но совершенно очевидно, что аресты в этой средѣ производились вовсе не в соответствии с “приказом № 1”, как утверждал впоследствии отчет думской “комиссіи по принятію задержанных военных и бывших гражданских чинов”.

Керенскій с перваго же момента сдѣлался вершителем судьбы представителей того режима, который свергла революція. Может быть, поэтому естественно, что его имя внѣ зависимости от официального поста, который он занял 2-го марта, оказалось особо тѣсно сопряженным с волной арестов, прокатившейся по Петербургу. Отмѣчая “поразительную планомѣрность” арестов, несмотря на неоднократное, будто бы, объявленіе со стороны Врем. Ком. об их “незаконномѣрности”, Родзянко намекает на специфическую роль Керенскаго — по крайней мѣрѣ воинскіе чины, производившіе аресты, указывали “имя члена Гос. Думы Керенскаго, как руководителя их дѣйствіями”**). В

*) Для того, чтобы избѣжать упреков за то, что он Думу превращает в полицейскую корд-гардію, Керенскій нарочно избрал «министерскій павильон», находившійся как-бы внѣ Думы и соединенный с ней крытой галлерей.

**) Были аресты, произведенные и по инициативѣ самого Врем. Комитета — так «по приказу правительства» (т. е. Вр. Ком.), был арестован финл. ген.-губ. Зейн и его помощник Боровитинов.

своём стремлении охранить революцию от насилия (“в благородных усилиях”, чтобы “Тавр. дворец не обагрился кровью”) Керенский проявлял временами, действительно, чрезвычайное рвение. С некоторой наивностью рассказывает он сам эпизод, имевший место при аресте б. мин. вн. д. и юстиции Макарова. Где-то и кем-то арестованный Макаров был освобожден депутатами по “сердечной доброте”: они не понимали, что только арестом и проявлением известной строгости — повторяет Керенский свой излюбленный мотив — можно было воспрепятствовать массовым судам Линча. Керенский спешит исправить оплошность депутатов, не подумавших о том, что сделано было бы с этим бывшим министром, если бы господа демагоги и агенты-provokatory узнали об освобождении министра, знаменитого своей неосмотрительной фразой в Думу по поводу ленских разстрелов в 12-ом году: “так было и так будет” (этой фразе тогда придали несколько иной смысл, чем тот, который вкладывал в нее ее произносивший). Узнав, что б. министр Макаров, боясь ночью возвращаться домой, нашел себе пристанище в частной квартирке, расположенной в антресолях дворца, член Гос. Думы Керенский, захватив двух вооруженных солдат, бегом поднялся наверх; перепугал даму, ему открывшую дверь на звонок, извинился, арестовал Макарова и водворил его в министерский павильон. Дело, конечно, было не только в личной экспансивности лидера думской трудовой группы. Вероятно, и соображения о гуманности привлечены были в данном случае мемуаристом задним числом. Эпизод скорее надо объяснить сугубо отрицательным отношением Керенского, выступавшего в роли разоблачителя ленских событий, к тогдашнему министру вн. д., заслужившему, однако, общественную амнистию своим независимым поведением в последний период царского правления, когда он вызвал неблагодарность к себе со стороны имп. А. Ф. и должен был покинуть министерский пост. И, может быть, не так уже не правы были те члены Думы, которые рекомендовали арестованному и освобожденному Коковцову, как он рассказывает в воспоминаниях, идти скорее домой, пока на него “не набрел Керенский”.

Побуждала ли обстановка в Таврическом дворце первого марта к принятию таких экстраординарных мер, если даже допустить, что имя Макарова было ненавистно массе так же, как оно ненавистно было Керенскому? Мемуаристы противоположного лагеря по иным, конечно, основаниям явно сгущают атмосферу. Примежом может служить повествование все того же Шульгина. Он чрезвычайно картинно рассказывает, как в Думе “побуждало особое волнение”, когда пришел добровольно арестовываться или отдаться “под покровительство Гос. Думы” Протопопов (это было в тот же вечер, когда произошел эпизод с Макаровым), и как Керенский проявил все силы своего “актерского дарования”. От озлобленной толпы распутинскому ставленнику “ждать ничего хорошего не приходилось”. “И в то же мгновение я увидел в зеркале — живописует Шульгин — как бурно распахнулась дверь... и ворвался Керенский. Он был бледен, глаза горели... рука поднята. Этой протянутой рукой он как-бы рвал толпу... — Не смей прикасаться к этому человеку... Все замерли... И толпа разступилась... Керенский пробжал мимо, как горящий факел революционного правосудия, а за ним влекли тщедушную фигуру в помятом пальто, окруженную штыками”... Сам Керенский рассказал о появлении Протопопова

в Думѣ менѣе картинно с вѣшной стороны, чѣм то сдѣлал сторонній очевидец происходившаго. По словам Керенскаго, его в одном из корридоров дворца остановила фигура страннаго вида, обратившаяся к нему с титулованіем “Ваше Превосходительство”. Это оказался Протопопов. И Керенскій провел, не вызвав ничего вниманія, этого наиболѣе ненавистнаго в Россіи человѣка в “павильон министров”. Сам Протопопов так рассказал о своем арестѣ в дневникѣ: “Я спросил какаго-то студента провести меня в Исп. Ком. Узнав, кто я, он вдѣпился в мою руку. “Этого не надо, я не убѣгу, раз сам сюда пришел” — сказал я; он оставил меня. Стали звать А. Ф. Керенскаго. Он пришел и, сказав строго, что его одного надо слушать, ибо кругом кричали солдаты, штатскіе и офицеры, повел меня в павильон министров, гдѣ я оказался под арестом”. Еще болѣе прозаична была отмѣтка в № 3 “Извѣстій” комитета журналистов, утверждавшая, что появленіе Протопопова не вызвало в Думѣ никаких страстей.

Всегда представляется нѣсколько сомнительным, когда мемуаристы в однородных тонах и с однородными деталями сообщают разные эпизоды, хотя и возможно себѣ представить, что в аналогичных условіях должны были получаться однотипныя картины. Совершенно в духѣ Шульгина нѣсколько раньше Суханов изображал эпизод с арестом столь же ненавистнаго Штюрмера. Только роль Керенскаго в этом случаѣ сыграл трудовик в формѣ прапорщика — Знаменскій, обладавшій зычным голосом. Надлежало провести в спасительный “министерскій павильон” через враждебную и вооруженную толпу группу арестованных, во главѣ со Штюрмером и Курловым, под охраной ненадежных конвойных. “самочинно арестовавших и доставивших ненавистных правителей в Таврич. дворец”. “Не смѣть трогать” — крикнул во все свое могучее горло Знаменскій, открывая шествіе. Толпа разступилась, злобно поглядывая на арестованную партію, и “непавистные министры” были охранены от самосуда. “Труднѣе будет уберечь Сухомлинова, о котором постоянно спрашивали в толпѣ, и против котораго возбужденіе было особенно сильно” — будто-бы подумал тогда же Суханов, присутствовавшій при том, как Знаменскій вел группу арестованных саповников. И если Сухомлинова оберегли от самосуда, то здѣсь, в изображеніи Керенскаго, исключительнѣе его заслуга. Кто-то “блѣдный и трясущійся от страха” прибѣжал сообщить Керенскому, что привели Сухомлинова, и что солдаты находятся в чрезвычайном возбужденіи (*surexcitation terrible*) и готовы измѣтника-гверала разорвать на куски. Керенскій и через тысячу лѣтъ не мог вспоминать без чувства ужаса ту кошмарную сцену, которая готова была разыгратъся. Увидав приближающагося с охраной Керенскаго и понимая, что жертва может ускользнуть, толпа бросилась на Сухомлинова, и Керенскій собственным тѣлом его прикрыл. Он воззвал к чести солдат, заклиная их не опозорить революцію пролитіем крови в стѣнах Думы. Он олія противостоял неготованію озвѣрѣлой толпы солдат, твердо заявив, что они коснутся своей жертвы только через его, Керенскаго, труп. Керенскій почувствовал колебанія в толпѣ и понял, что он выиграл игру.

Отдадим должное мужественному поступку мемуариста. Вѣроятно, нѣчто подобное было в дѣйствительности. В отношеніи Сухомлинова атмосфера должна была быть сгущенной — вѣдь около его личности

была сосредоточена вся ненависть и вся агитация в период всѣх неудач во время войны. Враждебность к Сухомлинову не могла быть показательной для революціонных настроеній. И все-таки закрадываются нѣкоторыя сомнѣнія — не чрезмерно ли мемуарное перо и позднѣйшее воспріятіе остро в свое время пережитого стусили краски. Невольная случайная очевидица того, как толпа на улицѣ требовала выдачи Сухомлинова для растерзанія, тоже приведенная в Таврической дворец — гр. Клейнмихель, видѣла, как “юноша, почти мальчик, в офицерской формѣ, хватал его за руки и толкал” свою жертву — мундир на Сухомлиновѣ был изорван, погоны срѣзаны, ордена похищены... Депутаты спасли б. военного министра, окружив его тѣсным кольцом. Надо сказать, что у старой графини было чрезвычайно живое воображеніе. В ея воспоминаніях можно было бы почерпнуть яркія бытовыя сцены для эпохи, если бы онѣ не были приправлены подчас слишком уже фантастическими аксессуарами даже тогда, когда она говорит о своих собственных приключеніях и своих собственных переживаніях*). В личных воспоминаніях Сухомлинов совсѣм по иному рисует обстановку своего ареста. Взятый у себя на квартирѣ (к моменту революціи он был освобожден из Петропавловской крѣпости и находился под домашним арестом) “какой-то компаніей вооруженных людей”, Сухомлинов был отвезен в Таврической дворец. “Во время переѣзда в грузовом автомобилѣ студент в очках держал против моего виска браунинг, дуло котораго стучало мнѣ в голову на ухабах. Полнѣйшее мое равнодушіе к этому боевому его пріему привело к тому, что он вскорѣ спрятал оружіе в кобуру. Нѣсколько заданных вопросов относительно моего дѣла и совершенно спокойные мои отвѣты на них закончились тѣм, что первоначальное неприязненное ко мнѣ отношеніе превратилось в благожелательное. У Тавр. дворца снаружи и в залах, по которым я проходил, была масса народа, и никаким оскорбленіям я не подвергался, как об этом невѣрно сообщали газеты”. Сухомлинов вначалѣ был приведен к Энгельгардту, а потом повели к Керенскому. “В небольшом корридорѣ просили обождать. Я сѣл у колонны и наблюдал то столпотвореніе, которое вокруг происходило... Подошел ко мнѣ какой-то приличный господин и просил очень вѣжливо, чтобы я спорол погоны, и подал мнѣ ножницы. Я их просто отвязал и отдал ему — тогда он попросил и мой георгіевскій крест, но я его не отдал и, к моему удивленію, бывшій тут часовой, молодой солдатик, вступился за меня и сказал: “Вы, господин... этого не понимаете, это заслуженное и так отнимать, да еще такой крест, не полагается”. Наконец, пригласили меня тут-же рядом в сѣни, гдѣ стоял взвод солдат с ружьями, и появился Керенскій... Мнѣ он ничего не говорил, а обратился к нижним чинам и в приподнятом тонѣ сказал, что вот, мол, бывшій военный министр царскій, который очень виноват и его будут судить, а пока он им поветвует, чтобы волос с головы моей не упал... Тѣм все и кончилось... Я вышел на внутренній подъѣзд дворца, гдѣ стоял

*) Впрочем, условія, в которыя поставлена была графиня, находившаяся с 11 марта уже под домашним арестом, были довольно таки своеобразны в революціонной обстановкѣ. Как утверждает комендант Таврическаго дворца, Перетц, у нея была собственная комбинированная охрана, ею оплачиваемая: 8 человек «домашней охраны» и 15 солдат гвардейскаго экипажа. Гвардейцы получали двойную плату — по 2 руб. в день.

тот самый автомобиль, в котором меня привезли; мой почетный караул... присутствовал, когда я в него садился, а мои уже старые знакомые конвоиры дружески встрѣтили меня... От них же я узнал, что меня повезут в Петропавловскую крѣпость, куда приблизительно через полчаса меня и доставили"... Здѣсь — подчеркивает Сухомлинов, "со мною всё были вѣжливы — принесли даже котлету с картофелем и чай... Арестованных еще не было никого... и я занял опять свой № 55".

Легко можно допустить сознательную тенденцію Сухомлинова при разсказѣ, но в дальнѣйшем изложеніи, говоря о содержаніи в Петропавловской крѣпости, он отнюдь не щадит "обнаглѣвших со звѣриными фізіономіями в сѣрых шинелях". Неожиданно в нѣкоторых своих частях разсказ Сухомлинова находит подтвержденіе в напечатанном 9 марта в "Извѣстіях" письмѣ прап. 171 пѣх. зап. полка Чиркунова, находившагося во главѣ отряда, который забирал Сухомлинова на его квартирѣ. Между прочим, здѣсь устанавливалось, что солдаты хотѣли первоначально сорвать с измѣнника погоны, но послѣ рѣчи Сухомлинова о том, что он невиновен, погоны были оставлены. Как будто бы очевидно, что отряд прап. Чиркунова должен был по распоряженію новой власти перевести подслѣдственного Сухомлинова в привилегированнаго домашняго положенія, с чѣм так боролись до революціи думскіе дѣятели из состава прогрессивнаго блока, на старое крѣпостное. Почему понадобилось провести такую техническую операцію через революціонный штаб, каким являлся в тот момент Таврическій дворец, не совсѣм понятно.

Как примирить двѣ столь противоположныя версіи, которыя выступают в изложеніи Керенскаго и Сухомлинова? — истина должна быть гдѣ-то по серединѣ между двумя крайностями. При таких условіях сухомлиновскій эпизод будет достаточно характерен. Он как бы подтверждает положеніе, что атмосфера в Таврическом дворцѣ вовсе не была насыщена электричеством той злобности, при которой эксцессы приобрѣтают кровавый характер*). Трудно повѣрить показаніям, принимавшаго непосредственное участіе в "слѣдственной комиссіи" кн. Мансырева, который говорит о том, как уже вечером перваго дня революціи "толпа" в Таврическом дворцѣ "неистово" избивала "кулаками и прикладами" арестованных "жандармских офицеров и полицейских чиновников" — трудно повѣрить потому, что подобная сцена рѣзко противорѣчит фактической обстановкѣ, которую можно установить для революціоннаго штаба 27 февраля и послѣдующих дней.

2. — Петропавловская крѣпость.

Не было атмосферы напряженной злобности и за стѣнами Таврическаго дворца. Перед нами воспоминанія б. тов. обер-прокурора Св. Синода кн. Жевахова. Это был человек крайне реакціонный — для него уже введеніе института земскаго самоуправленія в царствованіе

*) Упомянувшійся уже французскій журналист Анэ, со слов одного из присутствовавших членов Совѣта, говорит, что в Екатерининском залѣ с Сухомлиновым произошел такой инцидент. Какой-то солдат бросился на него со штыком на перевѣс. Не сплосхавшій Сухомлинов погрозил солдату пальцем — и солдат отступил. Пусть это будет только ходячим анекдотом — он характеризует обстановку.

Александра II являлось началом чуть ли не конца Россіи, и в то же время он был человеком нѣсколько не от міра его. Мартовскіе дни представлялись этому религіозному министру православнаго пошиба сплошным ужасом. Чего только не видѣли его глаза, и чего только не слышали его уши! Он, конечно, рассказывает, как улицы запружены были толпой, жаждущей крови и самых безжалостных расправ — генералов ловили, убивали, разрубали на куски и сжигали. Что только тенденція не выдумает! Однако, когда эти озвѣрѣлыя толпы вломались в казенную квартиру кн. Жевахова и увидѣли иконостас и другіе церковныя атрибуты, то жажда крови изсякла — солдаты присмирѣли, стали “виновато улыбаться” и “почтительно удалились, полагая, что здѣсь живет святой человек”... Такой сценой само собою уничтожается та гипербола, с которой современник передал потомству о видѣнном и слышанном в дни революціи*).

Но допустим, что по иному могла рисоваться обстановка тѣм, кто были почти замуравлены в первые дни и ночи в четырех стѣнах революціоннаго штаба. Вспомним, как свои ощущенія впоследствии изобразил Шульгин — почти в жеваховских тонах. Керенскій рассказывает, с какой предосторожностью пришлось перевозить заключенных в “министерском павильонѣ” царских сановников в Петропавловскую крѣпость**). У временной власти, по его словам, не было охоты размѣщать царских приверженцев в исторических казематах, служивших в теченіе столѣтія мѣстом заключенія и страданія политических узников — героев революціи, но всѣ тюрьмы были разрушены (?) революціонным порывом 27-28 февраля, и только за крѣпкими стѣнами Петропавловки можно было найти надежное мѣсто для личной безопасности новых заключенных старой политической тюрьмы. Таким образом, еще раз гуманныя соображенія побудили вспомнить Трубецкой бастіон и оживить новыми сидѣльцами прежнюю русскую Бастилію. Город был еще неспокоен, когда “мы вынуждены были перевести министров. Сдѣлать это днем было чрезвычайно опасно, а тѣм болѣе заранѣе раскрыть план перевозки. Поэтому рѣшено было совершить перевод ночью без предупрежденія даже стражи”... Лично Керенскій в полночь предупредил арестованных, когда всѣ приготовленія были закончены, что они будут перевезены, не указав ни мѣста, куда их перевозят, ни причин увоза. Секрет, которым была окружена ночная экспедиція, и враждебныя лица солдат, казалось, сильно возбудили заключенных — они думали, что их везут на казнь. (Так казалось во всяком случаѣ Керенскому, который по челу оставшагося спокойным Щегловитова читал затаенную мысль — воспоминанія долготѣняго руководителя царской юстиціи, как его многочисленныя жертвы в таких же условіях ночного безмолвія отвозились из тюремных казематов на мѣсто казни). В такой обстановкѣ революціонная гуманность, о которой думал Керенскій, превращалась, пожалуй, в недо-

*) Жевахов все же был арестован. Когда его привезли в Тавричскій дворец, «толпа ревѣла» и забрасывала камнями каміон. Но конвой покинул арестованнаго, и Жевахову пришлось итти самоарестовываться и самому отыскивать путь в «министерскій павильон».

**) По утвержденіям Керенскаго, это было в ночь на 3-е марта; по словам самих заключенных, в ночь на 2-ое. Послѣднюю дату сообщает и Зензинов, принимавшій непосредственное участіе в ночной операціи.

стойную мелочную месть. В действительности, впрочем, не было ни того, ни другого. Была скорее неуверенность власти, не чувствовавшей еще прочной почвы под ногами и облекавшей свою неуверенность в революционный пафос, замѣняя его подчас революционной позой. К ней был нѣсколько склонен тот, кто занял пост министра юстиціи революціоннаго правительства, и она производила впечатлѣніе. Так Ледницкій в докладѣ московскому Комитету Общ. Организаций 3 марта, передавая свои петербургскія впечатлѣнія, с одушевленіем изображал бытовую сцену, которой сопровождался арест послѣдняго министра юстиціи царскаго правительства Добровольскаго (явился сам в Таврической дворец). “Бывшій министр Добровольскій — торжественно заявил ему Керенскій — вы имѣете честь разговаривать с депутатом Думы, потрудитесь встать”. Ледницкій комментировал эти слова: “прежняя власть почувствовала силу новой власти” (по отчету “Рус. Вѣд.”). Зензинов вспоминает, с каким “ликующим видом” Керенскій ему сообщил, что по его распоряженію арестован Щегловитов — то было “первое проявленіе власти революціи”. В первые дни подсознательным стимулом, вызывавшим революціонную позу, и могло быть чувство инстинктивнаго страха за революцію. Этим только возможно объяснить не соответствовавшій идеям и настроеніям обиход, который был установлен властью свыше в “министерском павильонѣ”. Здѣсь парила “гробовая тишина”, так как строжайше запрещено было разговаривать. Заключение должны были вставать при входѣ коменданта. Одним словом, все то, что полагалось по тюремной дисциплинѣ ушедшаго в прошлое режима. Это не отзвук переживаній арестованных, это непосредственное впечатлѣніе журналиста Луганскаго, посѣтившаго 2 марта “министерскій павильон”. Курлов утверждает, что такой обиход с “вынужденным молчаніем” установлен был личным распоряженіем “начальника” революціонной кордегардіи в Таврич. дворцѣ депутатом Керенским, который дѣлал выговор начальнику караула за неисполненіе им своих обязанностей*).

Если учесть эту возможную психологію революціонной власти, в нѣкоторых случаях персонафицированной Керенским, мы поймем обстановку, в которой произошел перевоз арестованных сановников в Петропавловскую крѣпость. Иначе получается нѣчто несуразное. Таинственность, которой был облечен перевоз, всѣ принятыя Керенским

*) В первые два дня обстановка была, как свидѣтельствуют воспомнанія того-же Жевахова, нѣсколько иной, несмотря на то, что арестованные были окружены «озвѣрѣвшей» толпой, желавшей «растерзать» бывших министров. Сохраним стиль б. тов. обер-прокурора Св. Синода: «Подлѣ арестованных суетились жидки, семинаристы, выпущенные на свободу политическіе преступники. Каждый из них старался быть отѣмнѣн и изысканно вѣжливым, внимательным и предупредительным. Обращаясь к арестованным, они говорили: «когда мы сидѣли в тюрьмѣ, то вы надѣвали на нас кандалы, а вот мы угощаем вас папиросами; и тут же появлялся огромный поднос с табаком и папиросами. Откуда-то явились и сестры милосердія или же переодѣтыя курсистки с уголовным прошлым, я не знаю... Сестры разносили чай, одна из них «открыто возмущалась чинным насильем, была посредницей в перепискѣ заключенных с родными»... Жевахов говорит, что появившійся в павильонѣ с «цѣлой свитой» Керенскій произнес рѣчь на тему, что они арестованы только потому, что он хотѣл сохранить им жизнь, так как при народном гнѣвѣ против слуг прежняго режима каждый из них рисковал сдѣлаться «жертвой народной расправы».

мѣры предосторожности объясняются необходимостью предотвратить возможные эксцессы. Между тѣмъ всѣ заключенные из числа тѣх, кто оставил мемуарныя отраженія своих переживаній, единодушно свидѣтельствуют о своеобразной мѣрѣ охраненія, предпринятой в отношеніи их. Вотъ разсказ Курлова: “Этотъ отправка обставлялась весьма торжественно (Курлов утверждает, что перевоз совершился около 10 ч. веч.). В проходѣ между залом и подъѣздом, на пространствѣ приблизительно 40-50 шагов, была выстроена рота преображенцев. Прапорщик Знаменскій лично проводил меня до автомобиля, в которомъ я замѣтилъ какого-то человѣка с забинтованной головой и вскорѣ узналъ в немъ Н. А. Маклакова. Противъ насъ номѣстились унтер-офицеръ с револьверомъ в рукахъ и членъ Гос. Думы Волков. По-прежнему намъ было запрещено разговаривать, с предупрежденіемъ, что в случаѣ нарушенія этого приказанія унтер-офицеръ будетъ сирѣблять”. По словамъ Васильева (б. дир. деп. полиціи), подтверждающаго описаніе Курлова, ихъ предупреждали, что всякая попытка къ *блгству* вызоветъ примѣненіе оружія. В дневникѣ Протопопова записано: “Впередѣ насъ (Протопоповъ попалъ в автомобиль с ген. Бляевымъ) сидѣлъ офицеръ и держалъ револьверъ наготовѣ, о чемъ насъ предупредилъ: за каждое движеніе — пуля в лоб”. Можно было бы предположить, что такая демонстративная внѣшность создана была лишь в показательныхъ цѣляхъ — для воздѣйствія на толпу. Но подобныя предположенія разсѣиваются при ознакомленіи со свидѣтельствомъ одного изъ представителей революціонной общественности, сопровождавшаго ночную экспедицію. Зензиновъ разсказываетъ, что министръ юстиціи предложилъ ему и Волкову принять на себя перевозъ арестованныхъ министровъ. “Я с *удовольствіемъ* взялся выполнить это дѣло” — вспоминаетъ мемуаристъ. “Мнѣ интересно было в *новой* уже роли побывать в той самой крѣпости, гдѣ я полгода просидѣлъ заключеннымъ. Автомобили были приготовлены только поздно вечеромъ, и переводъ арестованныхъ состоялся глубокой ночью. В пяти автомобиляхъ мы везли 12 министровъ. На мою долю пришлись б. мин. вн. д. Макаровъ и б. мин. юстиціи Хвостов*). В автомобиль насъ было четверо — два арестованныхъ министра, солдатъ *с наведеннымъ на нихъ револьверомъ* и я. Министры сидѣли неподвижно, какъ бы раздавленные всѣмъ происшедшимъ. На улицахъ шумѣла толпа, несмотря на поздній час**, и гудокъ нашего автомобиля гудѣлъ непрерывно. Зававѣси на нашихъ окнахъ были спущены (слѣдовательно, отпадаетъ возможность показательнаго приѣма), и толпа охотно разступалась, когда шоферъ кричалъ ей, что автомобили слѣдуютъ по распоряженію Врем. Рев. Правительства”. В Петропавловской крѣпости Зензиновъ, къ великому своему удивленію, натолкнулся на полк. Ивалишина, того самаго “вѣрнаго слугу стараго правительства”, который семь лѣтъ тому назадъ караулилъ Зензинова, явившагося теперь в роли “чрезвычайнаго комиссара Рев. Правит.”. Давая отчетъ Керенскому об исполненіи порученія, Зензиновъ настоялъ на томъ, чтобы Ивалишинъ былъ “немедленно смѣщенъ и замѣщенъ вѣрнымъ человѣкомъ” (къ какимъ результатамъ это привело, мы увидимъ ниже). Ке-

*) Ошибка — старшій Хвостовъ не былъ арестованъ, а младшій Алексѣй былъ арестованъ позже в процессѣ разсмотрѣнія его дѣла в Чр. Сл. Комиссіи.

**) Какъ будто это подтверждаетъ болѣе правильное опредѣленіе часа, даннаго Курловымъ.

ренскій согласился и отдал тут же распоряженіе по телефону в крѣпость... Курлов передает такую деталь. По прибытіи в крѣпость им (т. е. Курлову и Маклакову) приказали “выйти из автомобиля и стать лицом к стѣнѣ”. Они стояли до тѣх пор, “пока всѣ арестованные не вышли”, а потом их “гуськом” повели в Трубецкой бастіон, завѣдующим котораго и был полк. Иваншин..

Для завершенія всей картины напомним, что Сухомлинов днем был перевезен в Петроавловскую крѣпость без всяких осложненій, и что никаких “чрезвычайных комиссаров” для этого дѣла не понадобилось *), а министр финансов Балк — “ставленник Распутина” — был без всяких индигетов освобожден, так как повому министру финансов, как сообщала “Русская Воля”, “необходимо” было с ним “бесѣдовать”.

3. — Самочинные аресты.

В приведенной выше характеристикѣ Суханова самочинных арестов одно заключеніе мемуариста, конечно, надо признать правильным — аресты по ордерам из центра всетаки ограничивали возможность самосудов и вводили в извѣстныя рамки частную инициативу, которая слишком легко рождалась в условіях переживаемого момента. Трудно установить грани между самозарождающимся чувством толпы и воспріятіем ею лозунга, приходящаго как бы извнѣ и падающаго на благоприятную для себя почву. Инстинктивное подраженіе всегда лежит в основѣ массовой психологій. Потому так легко в Петербургѣ волна арестов в первые дни захватила толпу — ничего подобнаго не было, напр., в Москвѣ. В этом отчасти и разгадка того “сложнаго психологическаго процесса” в народном сознаніи (“передать Думѣ ея врагов”), о котором говорила в своем позднѣйшем отчетѣ думская комиссія об арестованных**). Яркую бытовую картину нарисовал нам Пыسخонов, редактор “Русскаго Богатства”, в воспоминаніях “комиссара Петербургской стороны”. “Не успѣли мы открыть комиссаріат — вспоминает он — как к нам уже повели арестованных... Пришлось создать при комиссаріатѣ особую “судебную комиссію”, в которой с утра до вечера посмѣнно работало до 20 юристов, и она едва успѣвала справиться с дѣлом”... “Была прямо какая-то эпидемія самочинных арестов. Особенно памятен мнѣ один день, когда

*) Керенскій перечисляет Сухомлинова среди тѣх 8 министров, которых он предупредил в ночь на 3-е марта, но в списокѣ Керенскаго не оказалось Макарова и других, которых, в общем, по воспоминаніям Зензинова, было 12 человек.

**) Эпидемія арестов в большей или меньшей степени прошла по всей Россіи. (В минимальных размѣрах ее можно отмѣтить для Москвы). Со всѣх концов из провинціи повезли арестованных в центр. Значительное число их в первое время попадало в Думу, здѣсь они регистрировались, распредѣлялись и освобождались особой думской комиссіей по «принятію задержанных военных и высших гражданских чинов», получившей в общезвѣстіи наименованіе «комиссіи по разгрузкѣ» Таврическаго дворца. Комиссія дѣйствовала в теченіе всего марта. Через мѣсяц в кордегардіи Тав. дворца, отошедшаго в вѣдѣніе Совѣта, так как правительство перешло в Маринскій дворец, осталось 16 чел. (Р. В.). Однако, отвѣтственные лица среди арестованных — «опасные для новаго режима» — зачислялись за министром юстиціи, от котораго и зависѣла их дальнѣйшая судьба.

казалось, что всё граждане переарестуют друг друга”... “За что вы их арестовали?” — спрашивал слѣдователь тѣх, которые привели арестованных. — “Да они против Родзянко”. “Слѣдующее дѣло начинается тѣм же вопросом: “Почему вы их арестовали?” — “Да они за Родзянко”. И обстановка обоих дѣл одна и та же: сошлись на улицѣ, заспорили, а потом болѣе сильные арестовали болѣе слабых. Если одни сами хватили и тащили в комиссаріат своих политических противников, то другіе ждали этого от комиссаріата. Нас прямо осаждали с требованіем обысков и арестов. Не менѣе того донимали нас доносами”.

Картину, зарисованную для “Петербургской стороны”, можно было наблюдать болѣе или менѣе повсемѣстно*). Такія же случайныя толпы приводили арестованных полицейских в Таврической дворец — по словам его коменданта, даже с “женами и дѣтьми”. Заполняли ими и вообще “подозрительными” градоначальство и огромный Михайловскій манеж... По газетным позднѣйшим исчислениям, в общем было арестовано около 4000 человек (Бирж. Вѣд.), и министерству юстиціи пришлось создать особую слѣдственную комиссію для провѣрки формальных причин задержанія. К этим добровольцам по изысканію контр-революціи, дѣйствовавшим с революціонным пылом, присоединялись всякаго рода любители наживы и всплывшіе на мутной поверхности авантюристы, которые очень часто и возглавляли “толпу” обыскивающих и арестующих. И в газетах того времени и в воспоминаніях принимавшаго ближайшее участіе в организаціи городской милиціи молодого адвоката Кельсона можно пайти показательные образцы дѣятельности этих разоблаченных ретивых “революціонеров” февральских и мартовских дней, которые с вооруженными солдатами, взятыми случайно на улицѣ, ходили по квартирам, дѣлали обыски, грабили и арестовывали “по подозрѣнію в контр-революціи”. Кельсон рассказывает, напр., как он случайно встрѣтился со своим подзащитным, взломщиком-рецидивистом Рогольским, который явился в кабинет городского головы в полной “модной формѣ одежды” того времени — вплоть до пулеметной лопты. Легко себѣ представить, каким водворителем “порядка” являлся “гвардіи поручик” корнет Корни де Бод, оказавшійся предприимчивым и ловким рядовым Корнѣем Батовым — ему эти функціи “защиты населенія” при содѣйствіи двух рот были поручены особым приказом Энгельгардта 28 февраля. “Корни де Бод” ухитрился получать и отвѣтственное назначеніе коменданта городской Думы и побывать на квартирѣ гр. Коконцева с нарядом “из 12 нижних чинов”. Перед нами может пройти дѣлая портретная галлерея, которая откроется пом. коменданта Таврическаго дворца Тимновским — в дѣйствительности извѣстным аферистом “графом д’Оверн” (Аверкіевым), принявшим участіе в арестованіи послѣдняго предсѣдателя Совѣта министров кн. Голицына.

*) И не только в сѣверной столицѣ, пережившей боевые дни. Старый революціонер, полк. Оберучев, прошедшій во время эмиграціи жизненную школу «свободных стран» — Швейцаріи и Соед. Штатов, в кievских воспоминаніях говорит о том «вкусѣ» к предварительным арестам «в порядкѣ цѣлесообразности», который развился среди лиц, возглавлявших общественныя организаціи. Толпа шла дальше и, подобно революціонерам «Петербургской стороны», требовала подчас арестов «инакомыслящих».

В мин. путей сообщенія при Бубликовѣ и Ломоносовѣ активную роль игралъ "ромистр-гусар" Сосновскій, командовавшій ротой семеловцев, которая стояла здѣсь на стражѣ, он оказался бѣглым каторжником, содержавшимся в Литовском замкѣ. Но это неизбежная накипь революціи. Оставим ее*)... Пѣшеоновъ даетъ правдивое объясненіе изнанкѣ революцій. Во всем этом, несомнѣнно, сказывался не остывшій еще, а у многих и запоздалый азарт борьбы, хотѣлось припятъ в ней участіе, внести свою долю в общую побѣду**)... Еще большую роль сыгралъ страх перед контр-революціей, но многіе просто не понимали, что такое свобода***). Но "пароксизм страха" все-же долженъ быть поставлен на первом мѣстѣ. Тот же Пѣшеоновъ рассказываетъ, что он "вынужденъ былъ держаться преднамѣренно рѣзкаго тона в своемъ обращеніи с обвиняемыми и не жалѣть самыхъ рѣзкихъ qualificацій по адресу старыхъ властей и самыхъ жестокихъ угрозъ по адресу тѣх, кто осмѣлится противиться революціи. Только такимъ путемъ мнѣ удалось при... первой встрѣчѣ с толпой поддержать свой авторитетъ, какъ представителя революціонной власти. Иначе меня самого, вѣроятно, заподозрѣли бы, какъ контр-революціонера"... Приспособленіе къ настроеніямъ толпы приводило к тому, что Энгельгардт, если вѣрить конфестованію Мстиславскаго, арестованъ в Таврическомъ дворцѣ уже 2 марта офицера, который высказывался "за монархію".

И встаетъ какъ-то скорѣе благодущіе в общемъ царило в этой тревожной еще атмосферѣ — благодущіе, которое отмѣчаютъ (при обыскахъ в поискахъ оружія) столь противоположные люди, какъ писательница Гиппиусъ и генералъ Верцинскій. А вотъ показаніе бывшаго царскаго министра народнаго просвѣщенія гр. Игнатѣева, данное Чр. Сл. Ком. Временнаго Правительства (это отвѣтъ на вопросъ: "было ли оказано какое-либо безпокойство" в дни февральскихъ событій). "Я долженъ сказать, что кромѣ самой глубокой признательности к молодежи и солдатамъ я ничего не имѣю. Доложу слѣдующее явленіе, глубоко меня тронувшее. Былъ обходъ солдатъ, мастеровыхъ ремонтной

*) Накипь эту сгустило не только появленіе на авансценѣ освобожденнаго толпой из-подъ тюремныхъ замковъ уголовного элемента, но и участіе в событіяхъ дня добровольцевъ «старога режима». Прис. пов. Кнатц (Катеневъ), слѣвавшійся особымъ комиссаромъ по охранѣ архива, разгромленнаго толпой департамента полиціи, рассказываетъ о своеобразной картинѣ, представившейся ему при посѣщеніи особняка мин. вн. д. Громили департаментъ какіе-то «вѣрноподданные» революціонеры, открывшіе несгораемые шкапы, заглянувшіе в департаментскія бумаги, но оставившіе совершенно не тронутыми всѣ царскіе портреты. К этимъ добровольцамъ старога политическаго сыска могли присоединяться, конечно, и нѣмецкіе агенты. Надо ли говорить, что усиленно распространявшіеся тогда слухи, что революція освободила болѣе 300 нѣмецкихъ шпионовъ изъ Петропавловской крѣпости — сплошная фантазія любителей сенсаций, легко попадавшихъ в дневники и письма иностранныхъ наблюдателей смутной эпохи (напр., гр. Шамбрэнъ — секретарь французской миссіи).

**) Обыватель чувствовалъ себя на подмосткахъ героической пьесы — скажетъ Троицкій.

***) Русскій человекъ, в представленіи Оберучева, не могъ сразу «вытряхнуть» изъ себя «жандармское нутро», которое было впитано имъ, благодаря «жизни при полицейскомъ строе староя Россіи». Исторія послѣднихъ десятилѣтій с особой отчетливостью показала, однако, что дрожжи, на которыхъ поднимается революціонное насиліе, отнюдь не вырабатываются только в лабораторіи традицій старога горядка.

автомобильной части. Можете представить, что это за состав: это уже не строевые, а люди пслурабочаго уклада. Между ними один уволенный из какой-то ремесленной школы... за время моего министерства. Входят в подъезд... Прислуга испугалась. Спрашивают: "кто здѣсь живет"... "Граф Игнатьев, б. миш. нар. проsv." — "Говарищи, идем". Один говорит: "нелзя ли на него посматрѣть". — "Он болен"... — "Может быть, он нас примет". Поднимается ко мнѣ человек, весь трясется и говорит: "Лучше не впускать"... Входят пять человек наверх... "Хотим на вас посматрѣть". — "Почему?" — "Развѣ мы вас не знаем, развѣ мы такіе темные". Другой раз — продолжал Игнатьев — был еще болѣе тронут". Далѣе свидѣтель рассказывал, как толпа хотѣла забрать его автомобиль и ушла, узнав от случайно проходившаго студента, что здѣсь "живет гр. Игнатьев"...

Ссылки на настроенія "гизов" слишком часто становятся в воспоминаніях дѣятелей революціи отговорками в тѣх случаях, когда надо оправдать в глазах приходящаго на смѣну поколѣнія революціонный акт, может быть, жизненно даже цѣлесообразный, но противорѣчащій демократическим принципам, которые были написаны на знамени революціи. Вот почему нѣкоторая фальшь всегда чувствуется в попытках отвѣтственных мемуаристов облечься исключительно только в романтическую тогу гуманности при описаніи дней, когда рождалась и закрѣплялась революціонная Россія. Сдѣланныя ошибки, вольныя или невольныя, нелзя объяснить, ретушируя дѣйствительность. Совершенно объективно надо признать, что дѣятели февральской революціи были очень далеки от осуществленія в жизни нѣсколько сентиментальных завѣтов, выраженных нѣкогда поэтом в знаменитых словах: "Дню прошедшему забвенье, дню грядущему привѣт". Поскольку дѣло касалось возмездія за грѣхи стараго режима, здѣсь не было, как мы увидим, большого колебанія. Цѣлесообразна ли была такая тактика — это вопрос другой. Руководители движенія не всегда учитывали резонанс, который получало или могло получить в массѣ их дѣйствіе, вступавшее в рубкую коллизію с несовѣдуемыми ими идеалами. Во всяком случаѣ революціонная современность — по крайней мѣрѣ, значительная часть ея — поставила в заслугу первому министру юстиціи революціоннаго правительства не гуманность, о которой говорит Керенскій в воспоминаніях, а твердость, проявленную им в отношеніи представителей ликвидированнаго строя. Один из делегатов петербургскаго Совѣта на совѣщаніи Совѣтов, тот, который выступал в защиту позиціи Керенскаго, занявшаго министерскій пост, говорил: "...если бы, дѣйствительно, Керенскій не вошел в министерство, не взял бы этого портфеля и без согласія Исп. Ком., то что было бы тогда с этим министерством?... Там был бы московскій депутат Маклаков, но если бы это было так, развѣ были бы арестованы всѣ лица, арестованныя сейчас, и было бы сдѣлано то, что сдѣлал Керенскій, наш Керенскій?"

III. Рискованный шаг Милюкова.

Похоропы коалиціи в Совѣтѣ закончились около 6 ч. веч. (1 марта). Послѣ общаго собранія, одобрившаго по докладу Стеклова выработанные соглашеніе демократіи с цензовой общественностью, должно

было состояться совѣщаніе представителей обоих исполнительных комитетов для окончательной формулировки “соглашенія”. И, быть может, нѣсколько неожиданно незавершенное еще дѣло было оглашено Милюковым на перманентном митингѣ в Екатеринбургском залѣ — в тот приблизительно час, когда совершалось триумфальное шествіе Керепскаго из зала засѣданія Совѣта в помещеніе Вр. Ком., т. е., еще задолго до окончанія засѣданія Совѣтов. Почему это сдѣлал лидер “цензурной общественности”? Случайность? Радостное нетерпѣніе, о котором говорит Мстиславскій? Желаніе закрепить достигнутые результаты и получить представленіе об отношеніи к образуемому правительству со стороны “народных масс”? “В частности, быть может, — говорит Суханов — Милюков желал провѣрить свое рѣшеніе самаго остраго для него вопроса, способнаго послужить источником конфликта не только с Совѣтом Р. Д., но и с его собственными, болѣе лѣвыми товарищами”. Это был, конечно, вопрос о монархіи и династии. Построеніе рѣчи, как будто, не согласуется с подобным рѣшеніем. Вопрос о судьбѣ династии (“самый существенный” в рѣчи, как признает Милюков в написанной им “Исторіи”) всплыл — по вѣщности по крайней мѣрѣ — случайно в связи с репликами, которыя подавались со стороны митинговой публики. Преждевременность разглашенія “тайпы”, ключи к которой вез с собой Гучков, гораздо в большей степени надо отнести к тѣм гафам, которые вообще присущи были политической дѣятельности Милюкова и заслужили ему репутацію, по его собственным словам, “бога безтактности” (“Рус. Зап.”). Если выступленіе Милюкова и было своего рода шахматным ходом, то направил его фактическій уже вождь Врем. Ком. не в сторону своих “лѣвых” партнеров, а в сторону “правых”.

Днем второго марта политическая обстановка выяснилась с достаточной отчетливостью — опасность военного разгрома “революціи” отпала. Каждый истекавшій час говорил о необходимости замѣны сурогата власти, каким являлся Врем. Ком., правительством полномочным, ибо безвластіе, наступившее послѣ переворота, развращало даже самых благонамѣренных солдат. Возможность превращенія совѣтскаго обращенія в форму обязательнаго “приказа” ослабляла авторитет будущей власти — это, конечно, понимали всѣ, независимо от содержанія “приказа № 1”. Ждать при таких условіях возвращенія Гучкова и Шульгина не представлялось цѣлесообразным. Вот почему в 5 ч. 45 м. дня в Ставку была послана за подписью Родзянко нѣсколько предвѣщавшая событія телеграмма слѣдующаго содержанія: “Временный Комитет Г. Д. образовавшійся для востановленія порядка в столицѣ, вынужден был взять в свои руки власть в виду того, что под давленіем войска и народа старая власть никаких мѣр для успокоенія населенія не предприняла и совершенно устраниена. В настоящее время власть будет передана Врем. Комитетом Г. Д. Временному Правительству, образованному под предсѣдательством кн. Г. Е. Львова. Войска подчинились повому правительству, не исключая состоящих в войсках, а также находящихся в Петроградѣ лиц императорской фамилии, и всѣ слои населенія признают только новую власть. Необходимо для установленія полнаго порядка и для спасенія столицы от анархіи командировать сюда на должность главнокомандующаго Петербургским военным округом доблестнаго боевого генерала, имя котораго было бы

популярно и авторитетно в глазах населенія. Комитет Г. Д. признает таким лицом доблестнаго, извѣстнаго всей Россіи героя... ген. Корнилова. Во имя спасенія родины, во имя побѣды над врагом, во имя того, чтобы неисчислимыя жертвы этой долгой войны не пропали даром — кануиъ побѣды, необходимо срочно командировать ген. Корнилова в Петроград”.

Здѣсь идет даже намека на спорный вопрос о формѣ правленія. Логически приходилось заключать, что в нѣдрах Временнаго Комитета еще не был окончательно рѣшен даже вопрос об отреченіи, поставленный в порядкѣ дня. Так, повидимому, и появл ген. Алексѣев, доложившій Николаю II телеграмму Родзянко и испрашивавшій разрѣшеніе на выполнение выраженнаго в пей “пожеланія”, во имя того, что в этом “может заключаться начало успокоенія столицы и водворенія порядка в частях войск, составляющих гарнизон Петрограда и окрестных пунктов”. В кадетской группѣ, входившей в состав Врем. Ком., очевидно, не было колебаній в вопросѣ о неизбежности отреченія. Принимшии информацию Гронскаго в первый же день революціи о провозглашеніи императором в. кн. Михаила. По свидѣтельству Скобелева, который оказался сосѣдом на одном столѣ в Таврическом дворцѣ в ночь 27-го с Милюковым, послѣдній ему сказал: “Чѣм бы все это ни кончилось, одно несомнѣнно, с этим... (слѣдует рѣзкое слово в передачу мемуариста) у нас ничего не может быть общаго”. Шингарев перваго марта категорически говорит французскому журналисту Анэ, что вопрос о династіи уже не ставится: царь должен будет покинуть трон — как это произойдет, покажет будущее. На таком предположеніи и построена была вся агитаціонная часть рѣчи Милюкова. Она была произнесена около 3 час. дня. Своему экспромту на случайном безответственном очередном митингѣ в стѣнах Таврическаго дворца Милюков придавал такое декларативное значеніе, что сам выправил, по утверженію Набокова, текст рѣчи для печати. Таким образом перед нами завѣренный текст рѣчи, довольно странной для оратора, который старался в эти часы спасти монархическій принцип.

“Мы присутствуем при великой исторической минутѣ” — начал оратор. — “Еще три дня тому назад мы были скромной оппозиціей, а русское правительство казалось всесильным. Теперь это правительство рухнуло в грязь, с которой сроднилось, а мы и наши друзья слѣва выдвинуты революціей, арміей и народом на почетное мѣсто членов перваго русскаго общественнаго кабинета. Как могло случиться это событіе, казавшееся еще так недавно невѣроятным? Как произошло то, что русская революція, низвергнувшая навсегда старый режим, оказалась чуть ли не самой короткой и самой безкровной из всѣх революцій, которыя знает исторія. Это произошло потому, что эта исторія не знает и другога правительства, столь трусливаго и измѣнническаго, как это нынѣ низвергнутое правительство, покрывшее себя позором”... “Правительство мы свергли легко и скоро... Остается удержатъ в руках эту побѣду”. Оратор призывал “сохранять то единство воли и мысли, которое привело... к побѣдѣ”. Существующія разногласія “стусшевываются перед той главной задачей, которая еще не разрѣшена вполне: задачей — создать новую народную власть... Будьте едины в устраниеніи политических споров, быть может, и важных, но се-

годня могущих еще вырвать из наших рук плоды побѣды. Будьте едины и вы, солдаты и офицеры великой и славной русской арміи, и помните, что армія, ...потерявшая это единство... обращается в безпорядочную толпу, и всякая горсть вооруженных организованных людей может взять ее голыми руками"... "Я слышу, меня спрашивают: кто вас выбрал? Нас никто не выбрал, ибо, если бы мы стали дожидаться народного избрація, мы не могли бы вырвать власть из рук врага"). Пока мы спорили бы о том, кого выбирать, враг успѣл бы организовать и побѣдить и вас, и нас". "Нас выбрала русская революція" — заключил гордо Милюков... "Мы не сохраним этой власти ни минуты послѣ того, как свободно избранные народные представители скажут нам, что они хотят... выбрать других людей, болѣе заслуживающих их довѣріе... Но мы не отдадим этой власти теперь, когда она нужна, чтобы закрѣпить побѣду народу — упавшая из наших рук, она может достаться только врагу". Оратора прерывают вопросом: "кто министры? для народа не может быть тайны". "Во главѣ нашего министерства мы поставили человека, имя котораго означает организованную русскую общественность (крики: "цензовую"), так непримиримо преслѣдовавшую старымъ правительством... Вы говорите "цензовая общественность", да, но единственно организованная, которая даст потомъ возможность организовать и другимъ слоямъ русской общественности. Но, господа, я счастливъ сказать вам, что и общественность не цензовая тоже имѣет своего представителя в нашемъ министерствѣ. Я только что получилъ согласіе моего товарища А. Ф. Керенскаго запятъ постъ в первомъ русскомъ общественномъ кабинетѣ. Мы безконечно рады были отдать в вѣрныя руки этого общественного дѣятеля то министерство, в которомъ онъ воздастъ справедливое возмездіе прислужникамъ стараго режима, всѣмъ этимъ Штурмерамъ и Сухомлиновым... трусливые герои дней, прошедшихъ на войнѣ, но волѣ судьбы окажутся во власти не щегольковской юстиціи... Вы хотите знать другія имена? (крики: "а вы?") "Мнѣ мои товарищи поручили взять руководство внѣшней политикой. Быть может, на этомъ посту я окажусь и слабымъ министромъ, но я могу, обѣщая вам, что при мнѣ тайны русскаго народа не попадутъ в руки нашихъ враговъ. Теперь я скажу вамъ имя, которое, я знаю, возбудитъ здѣсь возраженія. А. И. Гучковъ былъ намъ политическимъ врагомъ (крики: "другомъ") в теченіе всей жизни Гос. Думы. Но, господа, мы теперь политическіе друзья, да и к врагу надо быть справедливымъ... Онъ положилъ первый камень той побѣды, с которой наша обновленная и возрожденная армія выйдетъ изъ пастоящей великой борьбы..." — "Когда я в этой залѣ говорю с вами, Гучковъ на улицахъ (?!) столицы организуетъ нашу побѣду (Гучковъ какъ разъ в этотъ моментъ выѣхалъ в Псков, С. М.). Что бы сказали вы, если вмѣсто того, чтобы разставлять войска вчера ночью на вокзалахъ, къ которымъ ожидалось прибытіе враждебныхъ перевороту войскъ, пришлось принять участіе в нашихъ политическихъ преніяхъ, а враждебныя войска, занявши вокзалы, заняли бы улицы, а потомъ и эту залу? Что стало бы тогда с вами и со мной"?!.. Упомянувъ о Коноваловѣ и Терещенко, введенныхъ в министерство в качествѣ представителей той либеральной группы рус-

*) Обратимъ вниманіе — Милюковъ не счелъ нужнымъ в этотъ моментъ упомянуть о Госуд. Думѣ.

ской буржуазии, которая пыталась организовать “общественное представительство рабочего класса” (т. е. военно-промышленные комитеты), и ограничившись относительно Терещенки меланхолическим замечанием: “Россия велика, и трудно везде знать всех наших лучших людей”, оратор два слова сказал еще о Шингареве и Некрасове, “особенно любимым нашими левыми товарищами”. Об остальных министрах оратор умолчал. *Ну, вот, кажется, все, что вас может интересовать* (?) “А программа” — спрашивают Милокова. “Я очень жалю, что... не могу прочесть вам *бумажки*, на которой изложена эта программа. Но дело в том, что *единственный экземпляр* программы, обсужденной вчера (сегодня?) в длинном ночном совещании с представителями Совѣта Р. Д., находится сейчас на окончательном рассмотрѣнии их... Но, конечно, я могу и сейчас сказать вам важнѣйшіе пункты (шум, громкіе крики: “а династія”?)... Я знаю наперед, что мой отвѣт не всех вас удовлетворит, но я его скажу. Старый деспот, доведшій Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен... Власть перейдет к регенту, в. кн. Мих. Ал. Наслѣдником будет Алексѣй (крики: “это старая династія”!). Да, господа, это старая династія, которую, может быть, не любите вы, а может быть, не люблю и я. Но дело сейчас не в том, кто кого любит. Мы не можем оставить *без отвѣта и без рѣшенія вопрос о формѣ государственнаго строя*. Мы представляем его себѣ, как парламентскую и конституционную монархію. Быть может, другіе представляют иначе, но теперь, если мы будем об этом спорить, вмѣсто того, чтобы сразу рѣшить, то Россия очутится в состояніи гражданской войны и возродится только-что разрушенный режим. Этого мы сдѣлать не имѣем права ни перед вами, ни перед собой. Однако, это не значит, что мы рѣшили вопрос безконтрольно. В нашей программѣ вы найдете пункт, согласно которому, *как только пройдет опасность* и водворится прочный порядок, мы приступим к подготовкѣ созыва Учр. Собр. на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Свободно избранные народныя представители рѣшат, кто вѣрнѣе выразит общее мнѣніе Россіи: мы или наши противники”...

В напряженной обстановкѣ того времени выпадами против старой власти, которые даже Суханов назвал “демагогическими”, вождь “цензовой общественности” думал защитить самую идею монархіи! Он, конечно, только дискредитировал ее во мнѣніи толпы. Политик, считавшій, что другіе говорят на “неподходящих струнах”, не учел того настроенія, с которым он может встрѣтиться. По рассказу Милокова, рѣчь его была встрѣчена многочисленными слушателями, переполнявшими зал, с энтузіазмом, и оратора вывели на руках по ея окончаніи. Вѣроятно так и было. Настроеніе разнокалиберной толпы не могло быть цѣлостно. Оратор, выступая от имени новаго революціоннаго правительства, говорил об Учред. Собраніи, как о хозяинѣ земли русской. Но всеѣм иное отношеніе встрѣчали его слова о монархіи. Историк, повидимому, очень смягчает, когда упоминает, что “среди шумных криков одобренія слышались и ноты недовольства и даже протесты”. В тогдашнем отчетѣ “Извѣстій” сказано так: “Продолжительные негодующіе крики, возгласы: “да здравствует республика”, “долой династію”. Жидкіе аплодисменты, заглушенные новым взрывом негодова-

нія". По разсказу Шляпникова, — едва ли он был очевидцем, — "Милюков в течение нѣсколькихъ минутъ не могъ продолжать своей рѣчи"...

Всѣ свидѣтельства однородны в одном: вопросъ, который былъ какъ бы затушеванъ в первые дни, послѣ выступленія Милюкова сталъ в сознаніи массы во всей своей остротѣ. Исп. Комитетъ, каждый его членъ — утверждаетъ Шляпниковъ — "были буквально засыпанъ вопросами относительно судьбы династіи". "Безъ недоразумѣній по поводу династіи съ этихъ поръ уже не обходились митинги и публичные рѣчи" — пишетъ Сухановъ, вспоминая, какъ ему тотчасъ же пришлось говорить на эту тему передъ "песмѣтной" толпой ("в нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ"), собравшейся передъ Таврическимъ дворцомъ и вызвавшей черезъ делегацию членовъ Исп. Ком. Сухановъ говорилъ о томъ, что в вопросѣ о монархіи существуетъ, еще не ликвидированное разногласіе и, по его словамъ, онъ тутъ впервые понялъ, какъ остро в глазахъ массы стоитъ вопросъ, которому онъ лично не придавалъ рѣшающаго значенія. Изъ Таврическаго дворца разговоры перешли на улицу и проникли в казармы, гдѣ "буйно", по выраженію Вл. Львова, говорили, что "не потерпятъ никого изъ Романовыхъ на престолѣ", обостряя съ такимъ трудомъ налаживавшіяся отношенія между офицерами и солдатами. Не только тогдашняя молва, но и позднѣйшіе мемуаристы "безмѣрно преувеличили" то крайнее возбужденіе, которое вызвали слова Милюкова. Самъ Милюковъ в такихъ словахъ подвелъ итогъ дня: "Поздно вечеромъ в зданіи Таврическаго дворца проникла большая толпа чрезвычайно возбужденныхъ офицеровъ, которые заявили, что не могутъ вернуться къ своимъ частямъ, если П. Н. Милюковъ не откажется отъ своихъ словъ. Не желая связывать другихъ членовъ правительства, П. Н. Милюковъ далъ требуемое заявленіе в той формѣ, что "его слова о временномъ регентствѣ в. кн. Мих. Ал. и о наследованіи Алексѣя являются его личнымъ мнѣніемъ"*). Это было, конечно, невѣрно, ибо во всѣхъ предшествовавшихъ обсужденіяхъ вопросъ этотъ считался рѣшеннымъ сообща в томъ смыслѣ, какъ это излагалъ П. Н. Милюковъ. Но напуганный нарастающей волной возбужденія Врем. Ком. "молчаливо отрекся отъ прежняго мнѣнія".

Дѣло было не в "молчаливомъ" отреченіи. Милюкова никто не упоминивалъ выносить спорный вопросъ на обсужденіе улицы и преждевременно разглашать то, что большинство склонно было разрѣшить по методу Гучкова, т. е. поставивъ массу передъ совершившимся фактомъ. Планъ этотъ в значительной степени былъ сорванъ неожиданнымъ выступленіемъ Милюкова — для сторонниковъ монархіи это была постояннѣ медвѣжья услуга. "Демократія" не только насторожилась ввиду столь опредѣленной позиціи, публично выявленной лидеромъ "цензовой" общественности (припомнимъ, что одновременно выступавшій в Совѣтѣ Керенскій не шелъ дальше заявленія о свободѣ "агитаціи по поводу формъ будущаго государственнаго устройства Россіи, не исключая и республики"), но и почувствовала, что ея осторожность в вопросѣ о формѣ власти не соответствуетъ настроенію в массахъ в революціонномъ, по крайней мѣрѣ, пептрѣ, здѣсь весь "воздухъ", по выраженію дневника Гиппиусъ, в эти дни былъ "противъ династіи". "Романовыхъ не оставляйте, памъ ихъ не нужно" — сказалъ какой-то незнакомый старикъ, встрѣ-

*) Пет. Тел. Аг. в ночь на 3-е марта была разослана соответствующая циркулярная телеграмма.

тившіи Набокова на улицѣ. Так естественно, что приспособлявшаяся къ настроеніямъ крикливая “Русская-Воля” первая успѣшила провозгласить республиканскій лозунгъ и даже создать эфемерную организацію подъ названіемъ “республиканскій союз”. Это не означало вовсе, что всѣ вдругъ стали добрыми республиканцами. Я не повторилъ бы, что монархія “умерла въ сердцахъ” двухсотмилліоннаго народа задолго до возстанія въ столицѣ, какъ вскорѣ заявляло приспособившееся къ господствующимъ настроеніямъ суворовское “Новое Время”*), но это означало, что въ солдатской массѣ (“вооруженный народъ”), опредѣлявшей до известной степени ходъ событій, подъ напоромъ столичныхъ слуховъ и слетовъ, дѣйствительно уничтожена была “мистика” царской власти, о чемъ въ связи съ проявленіями антидинастическаго движенія не разъ говорили предреволюціонныя записки органовъ департамента полиціи (см. “Легенду о сепаратномъ мирѣ”). Все это облегчало республиканскую пропаганду. Полусознательное отталкиваніе отъ монархіи должно было вызывать въ массѣ то чувство боязни отвѣтственности за содѣянное, о которомъ приходилось упоминать. Революція, заканчивающаяся возстановленіемъ старой династіи, въ сущности превращалась въ бунтъ, за участіе въ которомъ при измѣнившейся конъюнктурѣ могло грозить возмездіе.

IV. Соглашеніе.

То настроеніе, которое нарастало подъ вліяніемъ слуховъ о рѣчи Милокова, сказалось, какъ мы видѣли, къ ночи, когда толпа возбужденныхъ офицеровъ появилась въ Таврическомъ дворцѣ съ требованіемъ отъ Врем. Комитета соотвѣтствующаго разъясненія. Одинъ изъ мемуаристовъ (Вл. Львовъ) опредѣляетъ болѣе точно — къ 12 час. ночи. Первоначально декларация, сдѣланная въ Екатерининскомъ залѣ, не возбудила сомнѣній у “верховниковъ” Исп. Ком. По крайней мѣрѣ, если придержаться описанія, даннаго Сухановымъ, то придется исключить, что обстановка мало измѣнилась, когда делегаты Совѣта послѣ того, какъ въ пленумѣ было одобрено намѣченное соглашеніе, въ восьмомъ часу вечера явились къ “ценовикамъ” для завершенія дѣла “образованія правительства”. Фактически “делегация” свелась уже къ двухчленному составу: Стекловъ и Сухановъ. Соколовъ исчез, а Чхеидзе, предсѣдательствовавшій въ этотъ моментъ на митингѣ въ залѣ Совѣта, сердито стмахнулса отъ Суханова и не пошелъ на словоговореніе съ “ценовиками”. Стоя на предсѣдательскомъ столѣ, окруженный наэлектризованной толпой, онъ съ энтузіазмомъ кричалъ “ура” по поводу полученнаго вздорнаго сообщенія о томъ, что въ Берлинѣ уже второй день идетъ революція...

По словамъ Суханова, у “ценовиковъ” на этотъ разъ не было уже и “подобія оффиціальнаго и вообще организаціоннаго засѣданія”, шелъ разговоръ между Милоковымъ, Стекловымъ и Сухановымъ, въ которомъ “не принимали никакого или почти никакого участія остальные, находившіеся въ комнатѣ”. Отмѣчаемъ вновь эти мелочи для того, чтобы показать обстановку, въ которой рѣшались важнѣйшіе вопросы — по

*) «Что такое революція», — задавало вопросъ «Новое Время» 12 марта и отвѣчало: «Революція не разрушеніе, а созиданіе, не смерть, а возстаніе къ истинной жизни. И да будетъ еще и еще благословенна великая русская революція».

крайней мѣрѣ в изображеніи одного из участпиков этих переговоров. Совѣтскіе делегаты вернулись прежде всего к вопросу о формѣ правленія и пытались убѣдить Милюкова, что из его стремленія “навязать Романовых” не выйдет “ровно ничего, кромѣ осложненій, которыя не помогут дѣлу монархіи, но выразятся в наилучшем случаѣ в подрывѣ престижа их собственнаго кабинета”. В отвѣтъ они услышали слова Милюкова (“за точность передачи я ручаюсь” — утверждает мемуарист): “Учр. Собраніе может рѣшить, что угодно. Если оно выскажется против монархіи, тогда я могу уйти. Сейчас же я не могу уйти. Сейчас, если меня не будет, то и правительства вообще не будет. А если правительства не будет, то... вы сами понимаете”... В концѣ концов — рассказывает Суханов — “мы согласились не помѣщать в правительственной деклараціи официальнаго обязательства “не предпринимать шагов, спредѣляющих форму правленія”. Мы согласились оставить вопрос открытым и предоставить правительству... хлопотать о романовской монархіи. Мы же категорически заявили, что Совѣтъ с своей стороны безотлагательно развернет широкую борьбу за демократическую республику”*)).

“Фигура умолчанія, найденная нами в качествѣ выхода из положенія, была, конечно, компромиссом” — замѣчает Суханов. Форма умолчанія, конечно, не могла быть по существу компромиссом. Получалась правовая бессмыслица, которая сводила на нѣтъ достигнутое якобы соглашеніе — каждый партнер намѣревался продолжать вести свою игру. Логика в данном случаѣ была на сторонѣ представителей “революціонной демократіи”. Не без основанія Гиппиус занисала 2-го: “Что же это будет за Учр. Собраніе при учрежденіи монархіи и регентства? Не понимаю”. Не понимали этого и в Москвѣ, гдѣ Комитет общ. организацій обсуждал этот вопрос 3 марта в связи с полученным еще не официально сообщеніем об отреченіи Императора. На засѣданіе — сообщали “Рус. Вѣд.” — явились “представители рабочих депутатов и указали на необходимость рѣшить теперь же вопрос о регентствѣ и династіи, пока не скажут, что дѣло уже сдѣлано, и признают регентом одного из представителей Дома Романовых”. Представители Совѣта заявили, что Совѣтъ признает только одно Учред. Собраніе; монархіи допустить не может и будет поддерживать свое мнѣніе “до конца”. — Он высказывается за демократическую республику. В послѣдующих преніях (по газетному отчету) выступают исключительно лишь представители “цензовой” общественности. Если к. д. Тесленко стоит на формальной позиціи и считает обсужденіе вопроса преждевременным, ибо неизвѣстно: существует ли император (раз императора нѣтъ, то не должно быть и регента), то к. д. Кишкин сомнѣвается, чтобы монархія (“это сила — не наша”) являлась тѣм элементом, который помог дойти до Учред. Собранія: царь нужен, “если мы не сумѣем организовать Учр. Собр.”, до созыва У. С. “нам не нужно

*) В воспоминаніях Шляпникова отмѣчается, что в большевицких кругах послѣ совѣтскаго пленума проявилась тенденція немедленной агитаціи за вооруженное выступленіе против временнаго правительства, но у послѣдняго «тогда оружія было куда больше, чѣм у нас». — «Соотношеніе сил не позволяло ставить вопрос в плоскость борьбы с оружіем в руках».

ни монарха, ни регента**). Представителю торгово-промышленных служащих Начевкину (к. д.) вопрос представляется совершенно ясным: временное правительство ручается за созыв Учр. Собрания; раз будет У. С., то для чего нужна монархия? Раз будет монарх, то для чего нужно Учред. Собрание?.. Собрание «единогласно», при одном воздержавшемся (к. д. Пржевальском) постановило до свѣдѣнія временнаго правительства, что «учрежденіе какой-бы то ни было монархической власти до созыва У. С. недопустимо; вся полнота власти должна принадлежать временному правительству, которое созывает У. С. для созданія такого политическаго строя, какой обезпечил бы въѣ права свобод». Самы «Рус. Вѣд.» по поводу этих преній писали: «Было бы самым ужасным несчастьем для Россіи, если бы разногласія по этому вопросу***) замедлили и осложнили процесс образованія признанной всѣми *исполнительной* власти, ибо немедленное завершеніе этого процесса есть вопрос жизни и смерти для свободной Россіи. Без этого свобода обречена на гибель». Московскій орган либеральной демократіи дѣлал довольно своеобразное заключеніе: «при настоящих условиях инициатива в рѣшеніи вопроса о формѣ верховной власти естественно (?) принадлежит временному правительству».

Сознаніе необходимости немедленнаго образованія «исполнительной» власти в значительной степени, как мы видѣли, продиктовало оригинальную форму умолчанія, на которой послѣ безплодных дискуссий остановились в Петербургѣ представители двух секторов общественности. В дѣйствительности это была страусова политика, ибо «монопольный лидер» буржуазно-демократическаго лагеря предрушал вопрос не только на митинговых собраніях. В тот же день он, в качествѣ министра ин. д., заявил представителям иностранной печати: «Новое правительство считает необходимым, чтобы отреченіе Государя от престола состоялось официально, и чтобы регентство было возложено временно на в. кн. Мих. Ал. Таково *наше рѣшеніе* и измѣнить его мы не считаем возможным». Трудно сказать, как разрѣшился бы неизбежный конфликт, если бы жизнь не разрѣшила его наперекор теоретическим калькуляціям политиков...

Вечером 2-го избранная формула умолчанія казалась еще удовлетворительной — тѣм, кто сошлись в помѣщеніи Врем. Комитета для формальнаго завершенія дѣла соглашенія «буржуазіи» и «демократіи». С рѣшеніем «третьяго пункта» — рассказывает Суханов — окончилось уже всякое обсужденіе «высокой политики» и оставалось только окончательно проредактировать первую «конституцію Великой Россійской Революціи, к которой согласно постановленію Совѣта было до-

*) Таким образом Кишкин пѣликом примыкал к позиціи, к которой склонялись в Петербургѣ представители революціонной демократіи, отстаивавшіе первоначально непредрѣшенчество формы правленія. Характерно, что Кишкин еще 1-го марта с большим волненіем (он даже расплакался) на первом собраніи Комитета общ. орг. говорил против сохраненія монархіи.

**) Настроенія «буржуазных» кругов вовсе не были так единодушны. Примѣром может служить Н. Новгород, гдѣ телеграмма правительству с противомонархической резолюціей была принята 3 марта 44 голосами против 30. Впослѣдствіи на Государственном Совѣщаніи Рябушинскій вспоминал, с каким «единодушіем» московскіе промышленники привѣтствовали «сверженіе презрѣнной царской власти». В Симбирскѣ торгово-промышленный союз высказался *единогласно* за республику.

бавлено, что “Временное Правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не камѣрено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедленія по осуществленію вышеуказанных реформ и мѣропріятій”^{*)}). Возникъ вопрос, от имени кого опубликовать правительственную декларацію. “От Врем. Комитета Гос. Думы” — предложилъ Милюков. “Пря чем тут Гос. Дума и ея комитет” — возразилъ Суханов. “Чтобы сохранить преемственность власти” — отвѣтилъ Милюков, не очень, однако, настаивая на упоминаніи Гос. Думы. Рѣшено было написать: “от Временнаго Правительства”. Пошли собирать подписи министров. Годнев отказался подписать^{**)}. “Зато подвернулся” Родзянко, который “сам счелъ необходимымъ благословить революціонное правительство своею подписью”. Мемуарист не только забылъ (или игнорировалъ) постановление Совѣта, что правительственный манифестъ долженъ появиться одновременно за подписью председателя Врем. Ком. Гос. Думы и установленнаго Врем. Правительства, но и не порудился вчитаться даже при написаніи своихъ “заясок” в тотъ офіціальный документ, в созданіи котораго принималъ самое непосредственное участіе. Правительственная декларація была опубликована вовсе не от имени того сформированнаго 2 марта Временнаго Правительства (т. е. “общественнаго кабинета” во главѣ с кн. Львовым), а от имени того временнаго правительства, которое создала революція 27 февраля, т. е. Временнаго Комитета Гос. Думы. Декларация началась словами “Временный Комитетъ членовъ Г. Д. при содѣйствіи и сочувствіи стодлчныхъ войскъ и населенія достигъ в настоящее время такой степени успѣха над темными силами стараго режима, которая позволяетъ ему прясупить къ болѣе прочному устройству исполнительнѣй власти. Для этой цѣли Врем. Ком. Г. Д. *назначаетъ* министрами перваго общественнаго кабинета слѣдующихъ лицъ, довѣріе къ которымъ в странѣ обезпечено ихъ прошлой общественной и политической дѣятельностью^{***)}...

Такъ создавалось, по “соглашенію” с Совѣтомъ или с “разрѣшеніемъ” Совѣта (по терминологіи нѣкоторыхъ представителей лѣвой общественности) то формально пазначенное Временнымъ Комитетомъ старой Государственной Думы первое революціонное правительство, которому суждено было проводить утлую ладью русской государственности черезъ взбаломученный океанъ революціонныхъ страстей.

*) В постановленіи Совѣта имѣлось еще требованіе включенія в программу временнаго правительства пункта о предоставленіи всѣмъ національностямъ права національнаго и культурнаго самоопредѣленія. Постановление это не отразилось на текстѣ согласительной программы.

**) Причины мы не знаемъ. Годневъ занялъ весьма своеобразную позицію в революціонномъ правительствѣ. Позднѣе в Совѣщаніи членовъ Думы 18 іюля онъ заявилъ, напр., что согласился занять постъ государственнаго контролера при условіи, что не будетъ входить в составъ Совѣта Министровъ (?!).

***) Ниже мы наглядно увидимъ, какую путаницу вызвала двойственная терминологія «временнаго правительства» в умахъ современниковъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О Т Р Е Ч Е Н І Е

I. В Царской Ставкѣ.

1. — И н ф о р м а ц і я и з П е т е р б у р г а .

Когда делегаты думскаго Комитета выѣзжали из Петербурга, вопрос об отреченіи Государя был принципиально в Псковѣ уже разрѣшен, и вмѣшательство делегаціи лишь задержало опубликованіе манифеста и тѣм самым скорѣе осложнило проблему сохраненія монархическаго строя, ради которой делегаты поѣхали в Псков. Мало того, эта задержка на нѣсколько часов оказала рѣшющее вліяніе на послѣдующую судьбу Царя. Почему Николай II, в сущности так легко вышине отказавшійся от борьбы за престол, не откланулся сразу в критическій момент на настойчивые призывы пойти навстрѣчу общественному мнѣнію и удовлетворить почти всеобщее требованіе, если не отвѣтственнаго парламентскаго министерства, то по терминологіи того времени “министерства довѣрія”, как единственнаго выхода из создавшагося положенія. Для того, чтобы очертить объективно психологию Императора, надо обозрѣть хотя бы послѣдніе годы его царствованія, — годы войны и предреволюціоннаго періода*). В данном случаѣ нас будут занимать не психологическія переживанія царствовавшаго монарха, а то, как он непосредственно реагировал на февральскія событія.

Вечером 26-го (в 9 ч. 53 м.) предсѣдатель Думы, охарактеризовавъ “угрожающіе размѣры” петербургских волненій, которыя принимают “стихийный характер”, отправил Царю умоляющую телеграмму: “Государь, спасите Россію”, — взывал Родзянко: “Ей грозит униженіе и позор. Война при таких условіях не может быть побѣдоносно окончена, так как броженіе распространилось уже на армію и грозит развиться, если безначалію и безпорядку власть не будет положен рѣшительный конец**)... Государь, безотлагательно призовите лицо, которому может вѣрять вся страна и поручите ему составить правительство, которому может довѣрять все населеніе. За таким правительством пойдет вся Россія. В этот псывавалый по укасающим послѣд-

*) Это досильно сдѣлано на страницах первой части моей работы, посвященной «Легендѣ о сепаратном мирѣ».

**) «На этой почвѣ несомнѣнно, разовьются событія, сдержать которыя можно временно цѣною пролитія крови мирных граждан, но которыя при повтореніи сдержать будет невозможно».

ствиям и страшный час иного выхода нѣтъ и медлить невозможно**»). Получив эту телеграмму, Николай II, по словам Фредерикса в показаніях Чр. Сл. Ком., будто бы, сказал: «Опять этот толстяк Родзянко мнѣ написал разный *вздор*, на который я ему не буду даже отвѣчать***»).

Правда, на показанія престарѣлаго министра Двора, до чрезвычайности разстроеннаго обрушившимися на него личными бѣдами послѣ революціи — разгромом и пожаром его дома в Петербургѣ, болѣзненною жепою — и, по соотвѣстному признанію, совершенно потерявшаго память, не приходится слишком полагаться, но, вѣроятно, Царь считал крайним преувеличеніем ту взволнованность, которая проявилась в телеграммѣ предсѣдателя Думы. Полученныя Государем «живыя» успокоительныя телеграммы командующаго войсками Хабалова (и отчасти военнаго министра Бѣляева и мин. в. д. Протопопова) могли казаться такими послѣ революціи, но в момент, когда онѣ посылались в Ставку, онѣ соотвѣтствовали болѣе или менѣе дѣйствительности или, вѣрнѣе, тому настроенію, под которым воспринималась тогда почти всѣми эта дѣйствительность. Мало кто видѣлъ в петербургском бунтѣ реальную прелюдію к революціи. Вѣрнѣе никто. Что может быть характернѣе простаго сопоставленія двух одновременных, независимых друг от друга, созывов о пачавшихся волненіях в Петербургѣ со стороны лиц, которыя находились в смыслѣ своего общественнаго положенія на діаметрально противоположных полюсах: «Это — хулиганское движеніе, — писала 25 февраля имп. А. Ф. мужу — мальчишки и дѣвченки бѣгают и кричат, что у них нѣтъ хлѣба — просто для того, чтобы создать возбужденіе... Если бы погода была очень холодная, они всѣ, вѣроятно, сидѣли бы по домам. Но это все пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо вести себя». Почти такую же характеристику с упоминаніем о «мальчишках и дѣвченках» дал начавшемуся движенію на официальном приѣмѣ у московскаго командующаго войсками Мрзовскаго проф. Мануилова, редактор руководящаго органа тогдашней либеральной мысли, извѣстный политико-экономист и будущій член революціоннаго правительства***). Царь был «слѣп» и болѣе других. Можно удивляться, но не приходится иронизировать роз: *factum* по поводу непредусмотрительности правящих кругов, которые одни только не знали, что «пришла революція», т. е. не придавали февральской забастовкѣ и уличным демонстраціям характера политическаго (Шеголев).

*) В напечатанном Сторожевым текстѣ нѣтъ той заключительной фразы, которую приводит в воспоминаніях Родзянко (он передает эту телеграмму, хотя и берет в кавычках, очень сокращенно): «Молю Бога, чтобы в этот час отвѣтственность не пала на Вѣщностца».

**) Дворячовый комендантъ Воейков в своих воспоминаніях говорит, что Царь не отвѣтил на первую телеграмму Родзянко по формальным причинам, — потому что она была от имени уже распущенной Думы. Придуманное мемуаристом объясненіе фактически невѣрно, так как телеграмма Родзянко была получена в Ставкѣ значительно раньше сообщенія Голицына об отсрочкѣ засѣданій Думы. А главное Дума вовсе не была распущена, слѣдовательно, предсѣдатель ея не терял своего званія.

***) Я тогда же записал со слов ближайших сотрудников «Русских Вѣдомостей» в дневник эту поразившую меня характеристику.

В Ставку отклики на быстро текущая в Петербургѣ событія приходили с опозданием. Недаром Рузскій на копии телеграммы Родзянко 26-го сдѣлал помѣтку: “Очень жаль, что с 24 по 27 не удосужились сообщить о том, что дѣлается в Петроградѣ”... Рузскій добавил, что не сообщали на фронт “может быть, и с цѣлью”*). Конечно, никакой задней цѣли не было. Дѣло было только в том, что у самых предусмотрительных людей в дѣйствительности еще не было ощущенія наступавшей “катастрофы”, которую 26-го вечером почувствовал Родзянко. На первую телеграмму Хабалова к вечеру 25-го о пачавшейся забастовкѣ и демонстраціях 23-го и 24-го, при разгонѣ которых “оружіе войсками не употреблялось”, Царь лаконически отвѣтил “за личной подписью”: “Советѣваю завтра же прекратить в столицѣ безпорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германіей и Австріей”. В Чр. Сл. Ком. Хабалов показывал, что эта телеграмма хватила его, как бы “обухом”: “как прекратить завтра же? Что я буду дѣлать? Как мнѣ прекратить? Когда говорят: хлѣба дать — дали хлѣб и кончено. Но когда на флагах надпись: долой самодержавіе, какой же тут хлѣб упокоит”. “Царь велѣл: стрѣлять надо, и я убит был”.

Через час послѣ получения телеграммы, около 10 ч. веч. 25-го, по словам Хабалова, собрались командиры запасных батальонов. Главнокомандующій освѣдомил их о царской телеграммѣ и указал, что должно быть примѣнено “последнее средство”, т. е., “раз толпа агрессивна, то дѣйствовать по уставу — послѣ тоекратнаго сигнала открывать огонь”***). И в воскресенье 26-го оружіе было пущено в ход в большем масштабѣ, чѣм в предшествовавшіе дни. Трудно не усмотрѣть в показаніях Хабалова перед революціонным слѣдствіем попытки снять с себя отвѣтственность за разстрѣл толпы. Хабалов телеграмму Императора в показаніях относил к 9 час. веч. 25-го, а между тѣм на подлинникѣ телеграммы самого Хабалова, адресованной нач. в. рх. штаба, имѣется помѣтка рукою Алексѣева: “должено Государю Императору 26”, другими словами, очевидно, телеграмма Николая II могла быть послана лишь 26-го — в публикаціи Сторожева она и помѣчена 22 часами двадцать шестого***).

26-го Император не проявлял большого безпокойства. Он писал в этот день женѣ: “Я надѣюсь, что Хабалов сумѣет быстро остановить эти уличные безпорядки. Протопопов должен дать ему ясныя и опредѣленныя инструкціи. Только бы старый Голицын не потерял голову”. В 9 ч. 20 веч. из Ставки пошла телеграмма в Царское: “...Вызжаю послѣзавтра. Покончил здѣсь со всѣми важными вопросами. Спи спокойно”...

Одновременно со “всеподданнѣйшей” телеграммой Царю Родзян-

*) Копія эта входит в серію документов, опубликованных Вильчковским.

**) Военный министр отозвался в Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи полным незнаніем по поводу телеграммы и утверждал, что он о ней «в первый раз» слышит.

***) Исследователю, и в особенности эмигранту, пока приходится идти ощупью и пользоваться разрозненными публикаціями документов: в сводкѣ Блока, у Сторожева, в «Красном Архивѣ» и т. д. В документах Ставки, опубликованных в «Красном Архивѣ», и по другой копії в воспоминаніях Лукюмского, личная телеграмма Николая II отсутствует, хотя по утверженію Воейкова, она прошла через военно-походную канцелярію.

ко телеграфировал и нач. верх. штаба... Телеграмма Алексѣву почти дословно совпала с текстом, адресованным Царю, и оканчивалась призывом к нач. штаба своим представителем перед Царем ("молю вас о том от всей души") "спасти Россію от катастрофы... в ваших руках... судьба, слава и побѣда Россіи". Конѣи были посланы и главнокомандующим фронтами: "порученіе исполнил", — отвѣтил просто Рузскій и болѣе претенціозно Брусиллов: "свой долг перед родиной и Царем исполнил" (эти отвѣты были напечатаны в московских газетах 2 марта). Брусиллов в час ночи телеграфировал Алексѣву, что "при наступившем грозном часѣ другого выхода не вижу" (т. е. послѣдовать совѣту Родзянко). Эверт позже, днем 27-го, уклонялся от отвѣта в телеграммѣ на имя Алексѣва: "Я — солдат, в политику не мѣшался и не мѣшаюсь. По отрывочным доходящим до меня слухам, насколько справедливо все изложенное в телеграммѣ по отношенію внутренняго положенія страны, судить не могу". Рузскій телеграфировал непосредственно Царю в 9 ч. веч. 27-го. Не касаясь министерскаго вопроса, главнокомандующій Сѣвернаго фронта указывал лишь на необходимость "срочных мѣр" для успокоенія населенія и предостерегающе предупреждал, что "нынѣ армія заключает в своих рядах представителей всѣх классов, профессій и убѣжденій, почему она не может не отразить в себѣ настроеній страны". "Позволяю себѣ думать, — заключал Рузскій, — что при существующих условіях мѣры репрессій могут скорѣе обострить положеніе, чѣм дать несходимое длительное умиротвореніе".

В теченіе дня и вечера 27-го всѣ эти телеграммы доложены были Царю*). В час дня в связи с перерывом занятій Думы пришла на имя Царя новая телеграмма Родзянко, в очень рѣшительных тонах, призывавшая посетителя верховной власти "безотлагательно" вновь созвать законодательныя палаты и призвать новую власть на началах, изложенных в предшествовавшей телеграммѣ предсѣдателя Думы: "Государь, не медлите", — телеграфировал Родзянко: "Если движеніе перебросится в армію, восторжествует нѣмец, и крушеніе Россіи и с ней династїи неминуемо. От имени всей Россіи прошу В. В. об исполненіи изложеннаго. Час, рѣшающій судьбу войск и родины, настал. Завтра может быть уже поздно". Это не было увѣщаніем человѣка, через нѣсколько часов присоединившагося — пусть вынужденно — к революціонному движенію. Родзянко говорил не о "революціи", а о "бунтѣ", который грозит гибелью государству: "Послѣдній оплот порядка устралел. Правительство совершенно безсильно подавить безпорядок. На войска гарнизона надежды нѣтъ. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров, примкнувъ к толпѣ и народному движенію, они направляются к дому мин. вл. д. и Государственной Думѣ (очевидно, не для того.

*) Нѣкоторое сомнѣніе возбуждает телеграмма Рузскаго. На подлинникѣ ея имѣется помѣтка: 2 час. 28-го. А на копїи, имѣющейся в том же дѣлѣ: «Представлено Его Вел. 27». Зная педантичность Алексѣва, трудно предположить ошибку в датированїи. Царь в 1 час ночи перѣхал уже в свой поѣзд, отправлявшійся на зарѣ из Могилева. Можно предположить, что помѣтка на оригиналѣ относится к моменту, когда оригинал был доставлен начальнику штаба. Телеграмма была адресована непосредственно Царю.

чтобы сдать Думу вождем революционного движения. С. М.). Гражданская война началась и разгорается". Логически из телеграммы Родзянко следовало, что дело шло в данный момент не столько о перемещении в состав министерства, сколько о необходимости ликвидировать анархический бунт, начавшийся в столице. Почти одновременно с телеграммой Родзянко Царю была доставлена телеграмма Хабалова, излагающая происшествия в Волыском полку и отклики их в гарнизон: "принимаю все меры, которые мне доступны, для подавления бунта. Полагаю необходимым прислать немедленно надежные части с фронта". Так возникла в Ставке мысль о посылке "карательной" экспедиции во главе с ген. Ивановым, окончательно, очевидно, оформившаяся к моменту получения Алексеевым телеграммы (в 7 ч. 35 м. от военного министра Бьялева, помечена № 197*): "Положение в Петроград становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими оставшимися верными долгу частями погасить пока не удастся; напротив того, многие части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались псары, бороться с ними нет средств. Необходимо срочное прибытие действительно надежных частей, при том в достаточном количестве для одновременных действий в различных частях города"***).

Нет никаких оснований приписывать инициативу посылки Иванова в Петербург с чрезвычайными полномочиями лично Императору, так как совершенно очевидно из последующего, что сам нач. верх. штаба понял обстановку, изложенную в телеграмме Родзянко и поясненную телеграммами Хабалова и Бьялева, как наличие анархического бунта, который надо прежде всего ликвидировать военной силой. Разговаривая через некоторое время по прямому проводу с нач. штаба Северного фронта Даниловым по поводу миссии Иванова и назначения в его распоряжение соответствующих воинских частей с "надежными, распорядительными и смелыми помощниками" ("прочных генералов", как выражался Алексеев, отбывавший, что Хабалов "повидимому растерялся"), Алексеев заключил: "минута грозная, и нужно сдать все для ускорения прибытия прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего"***). В письме к жене, написан-

*) Вернее, телеграмма была направлена в адрес главнокомандующего Северным фронтом, как ближайшим к столице.

**) Телеграмма Бьялева стояла в резком противоречии с тем, что сам Бьялев телеграфировал перед тем, в 1 ч. 20 м., Алексею. Там было сказано: «Начавшийся с утра в некоторых войсковых частях волнения твердо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и батальонами. Сейчас не удалось еще подавить бунт, но твердо уверяю в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются безпошадные меры. Власть сохраняют полное спокойствие». Эта телеграмма, действительно, разительно противоречила существовавшей обстановке.

***) Прямая ссылка Алексеева в разговор с Даниловым на телеграмму военного министра за № 197, в силу которой Император повелел назначить Иванова главнокомандующим Петербургского военного округа, упраздняет другие существовавшие версии. Так Блок утверждал, что Иванов был назначен под влиянием позднейшей телеграммы председателя Совета министров Готлиба, настаивавшей на командировании в столицу пользующегося популярностью в войсках боевого генерала, что, в свою очередь, отчасти могло подтверждать версию, которую устанавливал придворный историкограф ген. Дубенский. По его словам (в записках, цитируемых Блоком), он и лейб-хирург Федоров (инициатива принадлежала Дубенскому) уговорили Иванова принять на себя миссию восстановления порядка в столице. Иванов был по-

ном до назначенія Иванова, Государь говорил: “послѣ вчерашнихъ извѣстій изъ герда я видѣлъ здѣсь много испуганныхъ лицъ. Къ счастью, Алексѣевъ спокоен, но полагаетъ, что необходимо назначить очень энергичнаго человѣка, чтобы заставитьъ министровъ работать для разрѣшенія вопросовъ: продовольственнаго, желѣзнодорожнаго, угольнаго и т. д. Это, конечно, совершенно справедливо”. Ясно, что рѣчь идетъ не о реорганизациѣ Совѣта министровъ, а о назначеніи отвѣтственнаго лица съ диктаторскими полномочіями, что соотвѣтствовало давнишнимъ проектамъ ген. Алексѣева. Эту черту слѣдуетъ учитывать, когда обращаешься къ воспоминаніямъ тѣхъ, кто въ описываемые дни находился въ Ставкѣ. Въ сознаніи мемуаристовъ событія 27 февраля — 1 марта подчасъ сливаются въ одну общую картину. Желая подчеркнуть свое пониманіе создавшейся обстановки и свою предусмотрительность, они изрѣдкомъ факты 27 февраля вставляютъ въ рамку послѣдующихъ явленій. Мы это видимъ въ воспоминаніяхъ генерал-квартирмейстера Ставки Лукомскаго. Вышше онъ старается быть очень точнымъ даже въ датахъ, отмѣчая часы разговоровъ и проч. Но именно эта мемуарная точность безъ соотвѣствующихъ справокъ съ документами, которые вступаютъ въ противорѣчіе съ утвержденіями мемуариста, и лишаетъ воспоминанія ген. Лукомскаго въ деталяхъ исторической достовѣрности. Непосредственный очевидецъ и участникъ драмы, разыгравшейся въ Ставкѣ, рассказываетъ о томъ, какъ ген. Алексѣевъ безуспѣшно пытался воздѣйствовать на Царя, въ соотвѣтствіи съ настояніями, которыя шли изъ Петербурга и въ частности съ упомянутой телеграммой, полученной отъ предсѣдателя Совѣта министровъ кн. Голицына. Эту телеграмму Лукомскій ошибочно отнесъ на дневное время — она могла быть получена въ Ставкѣ лишь вечеромъ*). Въ опубликованныхъ документахъ Ставки телеграммы Голицына нѣтъ. Воспроизвести ее можно только въ изложеніи, явно неточномъ, Блока, причемъ самое главное мѣсто у автора приводится не въ подлинныхъ словахъ телеграммы. Совѣтъ министровъ “дерзалъ” представить Е. В. о “безотложной необходимости” объявить столицу на осадномъ положеніи, что было выполнено уже “собственной властью” военнаго министра “по уполюмочію” Совѣта. Совѣтъ министровъ “всеподданнѣйше” ходатайствовалъ о “постановленіи во главѣ оставшихся вѣрныхъ войскъ одного изъ военачальниковъ дѣйствующей арміи съ популярнымъ для населенія именемъ”. “Далѣе указывалось, — пишетъ уже Блокъ, — что Совѣтъ министровъ не можетъ справиться съ создавшимся положеніемъ, предлагаетъ себя распустить, назначить предсѣдателемъ Совѣта министровъ лицо, пользующееся общимъ довѣріемъ и составить *отвѣтственное* министерство”. Послѣднее толкованіе Блока болѣе чѣмъ произвольно. Передъ Чр. Сл. Ком. Голицынъ засвидѣтельствовалъ, что онъ никого не указывалъ въ качествѣ лица, “облеченнаго довѣріемъ Государя” и не возбуждавшаго “недовѣрія со стороны

саженъ во время обѣда рядомъ съ Царемъ и внушилъ послѣднему мысль о посылкѣ его въ Петербургъ. Обѣдъ происходилъ въ Ставкѣ въ 7½ ч. веч.; Ивановъ въ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи совершенно опредѣленно заявилъ, что передъ обѣдомъ Алексѣевъ объявилъ ему о его назначеніи, а самъ Николай II женѣ телеграфировалъ въ 7 час.: «Выѣзжаю завтра 2.30. Конная гвардія получила приказаніе немедленно выступить изъ Нов(города) въ городъ (т. е. Петербургъ). Богъ даст, беспорядки въ войскахъ скоро будутъ прекращены».

*) Днемъ Царю представлена была ночная телеграмма Голицына, говорившая о перерывѣ занятій законодательныхъ палатъ.

широких слоев общества". На вопрос председателя: имѣлась ли в виду диктатура, Голицын отвѣтил: "Мнѣ лично не диктатура. Мнѣ представлялось так, что мог быть таким лицом нынѣшній же председатель Совѣта министров, что этот человекъ, извѣстный широким кругам общества и мог бы умиротворить". Голицын говорил, что телеграмма, редактированная министрами Покровским и Барком была послана вечером "в шесть часов или в семь".

"Генерал Алексѣев, — рассказывал Лукомскій, — хотѣл эту телеграмму послать с офицером для передачи ея Государю через дежурнаго флигель-адъютанта. Но я сказал ген. Алексѣеву, что положение слишком серьезно, и надо ему идти самому, что, по моему мнѣнію, мы здѣсь не отдаем себѣ достаточнаго отчета в том, что дѣлается, что, по-видимому, единственный выход — это поступить так, как рекомендуют Родзянко, Вел. Князь и кн. Голицын, что он, ген. Алексѣев, должен уговорить*). Ген. Алексѣев пошел. Вернувшись минут через десять, он мнѣ сказал, что Государь остался очень доволен содержанием телеграммы Голицына и сказал, что сам составит отвѣтъ... "Государь со мной просто не хотѣл говорить"... "Часа через два ко мнѣ в кабинетѣ приближал дежурный офицер и сказал, что в наше помѣщеніе идет Государь... Е. В. спросил меня: гдѣ ген. Алексѣев?" — Он у себя в комнатѣ, чувствует себя плохо и прилег"***). "Сейчас же передайте ген. А. эту телеграмму... При этом скажите, что это мое окончательное рѣшеніе, которое я не измѣню, и поэтому бесполезно мнѣ докладывать еще что-либо по этому вопросу". Отвѣтъ Царя Голицыну мы имѣем в точной копій из архива Ставки: "О главном военном начальникѣ для Петрограда мною дано повелѣніе нач. моего штаба с указаніем немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. Лично вам предоставлю всѣ необходимыя права по гражданскому управленію. Относительно перемѣны в личном составѣ при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми".

По памяти Лукомскій очень неточно воспроизводил текст телеграммы, переланной ему Царем. По его словам, кромѣ предоставленія председателю Совѣта министров "диктаторскихъ прав по управленію", "диктаторскими полномочіями" снабжался и командиромъ для "подавленія возстанія и установленія порядка" Иванов. "Получались в Петроградѣ двѣ диктатуры!" — восклицает автор, ошибочно объединившій два разных момента, ибо вопрос о "диктаторскихъ полномочіяхъ" Иванова вспыл в послѣдующем ночном свиданіи Царя с Ивановым уже в вагонѣ отъѣзжающаго из Могилева Императора. "Я попросил ген. Алексѣева, — продолжает Лукомскій, — идти к Государю и умолять измѣнить рѣшеніе... Послѣ нѣкоторых колебаній нач. штаба пошел к Государю. Вернувшись, он сказал, что Государь рѣ-

*) «Великій Князь» — это Михаил Александрович, который, однако, говорил из Петербурга с Алексѣевым значительно позже момента полученія в Ставкѣ телеграммы Голицына. Лукомскій этот разговор отнес к 12 час. дня, а был он в 10½ вечера.

**) Автор поясняет: «Дѣйствительно, у ген. Алексѣева температура была болѣе 39 градусов».

шенія не мѣняет. Телеграмма была послана”. Когда? — Мы имѣем опредѣленную документальную дату: в 11 ч. 25 м. *вечера**).

Приблизительно за час до отправки телеграммы Голицыну Алексѣев был вызван из Петербурга к прямому проводу в. кн. Мих. Алекс. Последний просил от его имени доложить Царю, что “для немедленнаго успокоенія принявшаго крупныя размѣры движенія... необходимо увольненіе всего состава Совѣта министров”... “При теперешних условіях, — говорил Мих. Ал., — полагаю единственно остановить выбор на лицѣ, облеченном довѣріем В. И. В. и пользующемся уваженіем в широких слоях, возложив на такое лицо обязанности председателя Совѣта министров, *отвѣтственного единственно* перед В. И. В. Необходимо поручить ему составить кабинет по его усмотрѣнію. В виду чрезвычайно серьезнаго положенія не угодно ли будет В. И. В. уполномочить меня безотлагательно объявить об этом от Высочайшаго В. И. В. имени, причем с своей стороны полагаю, что таким лицом в настоящій момент мог бы быть кн. Львов”. “*Сейчас* доложу Е. И. В. телеграмму В. И. В. *Завтра***”) Государь Император выѣзжает в Царское Село” — отвѣчал Алексѣев. Великій Князь просил Алексѣева доложить и то, что по его убѣжденію “пріѣзд Государя Императора в Царское Село, может быть, желательно отложить на нѣсколько дней”. Через короткій промежуток Алексѣев дал отвѣтъ Великому Князю: Царь выѣзжает сам в Царское Село; всѣ мѣропріятія, касающіяся личнаго состава правительства, Царь отлагает ко времени своего пріѣзда в Ц. С., на слѣдующій день в качествѣ главнокомандующаго петербургским округом отправляется ген. Иванов с надежными воинскими частями. Алексѣев обращался с “личной просьбой” к Вел. Князю “настойчиво” поддержать при свиданіи с Царем мысль о необходимости “замѣны современных дѣятелей Совѣта министров” и “способа выбора новаго Совѣта” — “и да поможет В. И. В. Господь Бог в этом важном дѣлѣ”. “С своей стороны, — добавлял нач. верх. штаба, — сообщая лично вам, что я опасаюсь, как бы не было упущено время до возвращенія Е. В., так как при настоящих условіях дорог буквально каждый час”***). Ген. Лукомскій передает болѣе рѣзкій отвѣтъ Царя: “Государь де “благодарит за совѣтъ, но что он сам знает, как поступить”. Возможно, что Алексѣев смягчил отвѣтъ в передачѣ, но мы должны помнить, что мемуарист воспроизводит прошлое только по памяти, причем самое предложеніе Вел. Кн. формулирует не так, как оно

*) В воспоминаніях помощ. ген.-кварт. полк. Пронина, изданных послѣ воспоминаній Лукомскаго, как бы подтверждается рассказ послѣдняго. Достаточно освѣдомленный, как будто, автор говорит: «В теченіе второй половины дня ген. Алексѣев... нѣсколько раз был с докладом у Государя и упрасивал его... послѣдовать совѣтам кн. Голицына и Родзянко и дать отвѣтственное министерство... Вечером ген. А. вновь был у Государя и просил его даровать отвѣтственное министерство. «На колѣнях умоляя Его Величество, — сказал он, грустно качая головой, возвратившись из дворца: — не согласен». Надо имѣть в виду, что свой «дневник» автор цитирует в кавычках только с записей 1-го марта.

**) Обращаю вниманіе на подчеркнутыя слова.

***) «*Завтра* при утреннем докладѣ, — заканчивал Алексѣев, — еще раз доложу Е. И. В. желательность теперь же принять нѣкоторыя мѣры, так как вполне сознаю, что в таких положеніях упущенное время бывает невознаградимо».

занесено на официальной листъ разговора: Лукомскій говоритъ об отвѣтственном перед Гос. Думой правительствѣ.

2. — “Отвѣтственное Министерство”.

Разговор со Ставкой Мих. Ал. явился результатом бесѣды его 27-го с Родзянко и Голицыным. Степнографическая запись допроса послѣдняго в Чр. Сл. Ком. в такихъ словахъ зафиксировала эту бесѣду (Голицын относил ее на 26-ое): “Мы (Родзянко и Голицын) просили Мих. Ал. принять на себя регентство временно, так какъ Государя нѣтъ, чтобы онъ принялъ хотя бы с превышеніемъ власти и чтобы нас (т. е. министров) сейчасъ же всѣхъ увелъ и назначилъ новый Совѣтъ министров. Но онъ на это не пошелъ”. В воспоминаніяхъ предсѣдателя Думы дается поясненіе, нѣсколько противорѣчащее показаніямъ Голицына. Родзянко рассказываетъ, что совѣщаніе с Мих. Ал. въ присутствіи Голицына происходило у президіума Думы и происходило оно 27 февраля. В бесѣдѣ приняли участіе Некрасов (тов. пред. Думы), Дмитрюков (секретарь) и член Думы Савич. Представляется маловѣроятнымъ, чтобы 27-го, послѣ образованія Временнаго Комитета, президіумъ Думы могъ в 8 час. вечера совѣщаться с членами Совѣта министров. Это могъ сдѣлать еще колебавшійся предсѣдатель Думы. Повидимому, Родзянко слухалъ два совѣщанія, 24-го происходило частное совѣщаніе Совѣта министровъ с президіумомъ законодательной палаты по вопросу о передачѣ продовольствія въ вѣдѣніе общественныхъ организацій — так, между прочимъ, показалъ управляющій дѣлами Совѣта министровъ Ладженскій*). Военный министръ Бѣляевъ, присутствовавшій на совѣщаніи 27-го и сопровождавшій в. кн. Мих. Ал. в военное министерство для переговоровъ со Ставкой, в показаніяхъ указывалъ совсѣмъ иной составъ совѣщанія — из общественныхъ были только Родзянко. На совѣщаніи участвовало 5 человекъ: вел. кн. Михаилъ, Родзянко, Голицын, Бѣляевъ и гос. секр. Крыжановскій. По словамъ Протопопова, отстраненнаго уже от дѣл, на совѣщаніи будто бы присутствовали в. кн. Кирилл и Гучковъ, которыхъ Протопоповъ встрѣтилъ в вестибюлѣ, покидая Маріинскій дворецъ.

В мое изложеніе надо все же внести оговорку. В недавно вышедшихъ воспоминаніяхъ кн. Шаховского, послѣдняго министра торговли и промышленности, категорически говорится, что, пріѣхавъ в Маріинскій Дворецъ 27-го на засѣданіе Совѣта министровъ, онъ встрѣтилъ “спускавшихся по лѣстницѣ Родзянко, Некрасова, Дмитрюкова и Савича”. Шаховской добавляетъ, что во время засѣданія “в темнотѣ нѣсколько разъ промелькнула сіяющая фигура Гучкова...”

По существу Родзянко рассказываетъ слѣдующее: “Великому Князю было во всей подробности доложено положеніе дѣлъ в столицѣ и было указано, что еще возможно спасти положеніе. Онъ долженъ былъ явочнымъ порядкомъ принять на себя диктатуру надъ городомъ Петроградомъ, побудить личный составъ правительства подать в отставку**) и потребовать

*) Результатомъ этого совѣщанія о продовольствіи и была правительственная декларация в Гос. Думѣ 25-го и собраніе в тот же день в Городской Думѣ с представителями от общественныхъ и рабочихъ организацій. (См. мою книгу «На путяхъ к дворцовому перевороту»).

**) «Несмотря на всѣ убѣжденія в том, что ему надлежитъ выйти в отставку, чтобы облегчить Государю Императору разрѣшеніе назрѣвающаго и все возрастающаго конфликта, — добавляетъ мемуаристъ, — кн. Голицын

по телеграфу, по прямому проводу, Манифест Государя Императора о даровании ответственного министерства. Нервительность в кн. Мих. Ал. способствовала тому, что благоприятный момент был упущен. Выходя того, чтобы принять активные меры и собрать вокруг себя гарнизон, вел. кн. Мих. Ал. повел по прямому проводу переговоры с имп. Николаем II, получил в своих указаниях полный отказ и, таким образом, в этом отношении попытка Гос. Думы (?!) потерпела неудачу".

Отказавшись участвовать в сущности в переворот (хотя и *suu generis*), который предлагал от имени думцев Родзянко, в кн. М. А., как было указано, довел до сведения Царя о необходимости министерства перед законодательным собранием. В этом нет ничего удивительного, ибо совершенно ясно, что на свидании 27-го, т. е. в день уже начавшейся революции, вопрос об "ответственном министерстве" не ставился и не мог быть поставлен при той неопределенности, которой может быть отмечена позиция даже передовых представителей "цензурной" общественности накануне роковых событий. Никакого конкретного плана действия у них не было, если не считать довольно расплывчатых проектов дворцового переворота, в которые были посвящены немногие, и осуществление которых будто бы намечалось на мартовские иды. Что может быть характернее выступления в качестве политического парламентаря, в порядке как бы личного, думского златоуста, виднейшего представителя фракции к-д., депутата Маклакова. Факт этот имел место в полном смысле слова накануне революции. Инициатива вышла из правительственных кругов, искавших выхода в критические дни. Вот что показывал в Чр. Сл. Ком. кн. Голицын: В заседании Совета министров 25-го "зашла речь о том, что предполагается в Гос. Думе в понедельник ряд выступлений, которые повлекут за собой со стороны правительства обязанности распустить Думу... Я был против этого. Многие мои коллеги были тоже против. Тогда я просил министров ин. д. и земледелия, так как они знали большее количество членов Думы, переговорить с членами Думы о том..., как из этого выйти... Они ко мне приехали, повидимому, повидавшись с членами Думы, кажется, с Маклаковым и с Балашевым, и сказали мне, что, по их мнению (т. е. членов Думы), лучше сделать перерыв, дабы страсти улеглись. Это заставило меня на несколько дней (?) сделать перерыв, боясь распуска". Военный министр Вьяев добавил в своих показаниях, что решение о необходимости "найти почву для соглашения" и для "действия заодно с Гос. Думой" было принято "единодушно", и что переговоры были намечены на 26-ое: "Родзянко должен был поехать к кн. Голицыну, затем... Покровский и Риттих войдут в переговоры с некоторыми лидерами партий, если не ошибаюсь, с Маклаковым, Савичем и еще кем-то"... По утверждению Протопопова (мало

оставался неумолимым в своем решении, объяснив, что в минуту опасности он своей должности не оставит, считая это позорным бегством, и этим только еще больше усложнил и запутал создавшееся положение. Это, как мы уже знаем, совершенно не соответствовало действительности, так как свидание было послѣ послышки Голицыным телеграммы в Ставку. Может быть, слова Родзянко надо считать отзвуком предварительной бесѣды, которую вел Родзянко с Голицыным 26-го...

правдоподобному) этим третьим был будто бы Милоков. Во всяком случае, состоялась беседа с Маклаковым.

Какую же программу действий предложил «самый умбранный из кадет и самый умный», по характеристикѣ Шульгина?... На каких условиях Дума в лицѣ Маклакова готова была «помочь» правительству? Формулируем словамъ самого Маклакова. «Берите на себя инициативу», — сказал Маклаков: «Поставьте завтра же Думу перед таким совершившимся фактом, который она сможет принять. Прежде всего отставка всего кабинета,... чтобы было ясно, что хотят идти новым путем. Дальше сейчас же пусть будет назначен новый премьер, популярный в странѣ. И пусть он получит порученіе составить кабинет по своему усмотрѣнію. На это дайте ему срок самый короткій. Три дня. А на эти три дня прекратите засѣданія Думы: в данной обстановкѣ собраніе Думы принесет только вред. Через три дня пусть новый кабинет явится перед Думой и изложит свою программу». В качествѣ премьера Маклаков рекомендовал не «общественнаго дѣятеля» (среди «парламентаріевъ» он не видѣл «подходящих и умблых людей»), а «умнаго и популярнаго генерала», который был бы «символом» новаго министерства. Маклаков назвал Алексѣева. «Пусть берет в министры умблых и популярных людей из бюрократіи... Возвратит Кокошцова, Сапопова, Наумова, Самарина и др.». «Пусть он явится в Думу с краткой, но опредѣленной программой: все для войны... Пусть заявит, что в своей дѣятельности будет *опираться* на Думу... Такому правительству и такой программѣ Дума ни в чем не откажет. Но... это уже послѣдняя ставка». Сам Маклаков признает, что министры «с удивленіем переглянулись между собой — «и только?» и заявили, что «программа приемлема», и что они надѣются ко вторнику получить на нее «согласіе Государя». Маклаков же взялся добиться отказа от созыва экстреннаго засѣданія Думы на понедѣльник. Депутат, по его собственным словам, не посвятил никого из своих товарищей по партіи в намѣченный им, с согласія Покровскаго и Риттиха, план, и фактически проектированное на 27-ое засѣданіе было отложено лишь из-за технической невозможности его собрать*).

Наши свѣдѣнія о происходившем загѣм в Совѣтѣ министров настолько скудны и противорѣчивы, что пока нѣтъ возможности устранить противорѣчія и дать в деталях изобразительную картину того, как отразился в правительственных свѣщаніях переживавшійся политическій момент (Бѣляев говорит, что он наставлял на составленіи «подробнаго журнала» в эти «историческіе дни»). Запятія Думы были прерваны — только не на три дня, как проектировал Маклаков, а на срок неопредѣленный с указаніем, что работы Думы должны возобновиться «не познѣе апрѣля, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств» (в представленіи Голицына всетаки перерыв толжен был продлиться всего «нѣсколько дней»). Когда Маклаков на другой день

*) До нѣкоторой степени в план был посвящен Шульгин, с которым предварительно Маклаков совѣтовался. Шульгин, по обыкновенію, не помнит, что в воскресенье 26-го обсуждалось в бюро прогрессивнаго блока, но помнит, что предложил «не отѣлываться общей формулой» и намѣнить конкретно «людей, дѣлтіем общества облеченных», — на случай, если правительство согласится пойти на путь соглашенія с Думой, но спссок не составили, потому что нашли, что это «еще.. невозможно».

снесся с Покровским, то был огорошен “успокоительным” отвѣтом министра ин. д.: “одно желаніе ваше исполнено, занятія Думы прерваны. А об остальном мы будем имѣть сужденіе в среду” (т. е. 1 марта). “Я не понимал, не шутит ли он?” — рассказывает Маклаков. — “Вы знаете, что теперь происходит?” — “Что же?” — “Войска взбунтовались”. — “Я ничего не слышал”. — “Так с вами больше не о чем говорить”, — и я трубку повѣсил. Началась уже официальная революція”.

План Маклакова “спасти Россію от революціи”, таким образом, провалился... Впослѣдствіи (уже в эмиграціи) Маклаков от Покровскаго и Риттиха слышал, что за его план высказалось только 4 министра. Эту версію подтверждал в своих показаніях Протопопов, ошибочно относившій засѣданіе Совѣта министров на 25 февраля: “Примиреніе, — писал он, — оказалось невозможным: депутаты требовали перемѣну правительства и пазначеніе новых министров... Требованіе депутатов было признано неприемлемым”. В дѣйствительности как-будто было по другому, и план Маклакова, надо думать, в общих чертах был принят. “В воскресном собраніи в 9 ч.— показывал Бѣляев, — был доложен результат переговоров, причем было выяснено, что всетаки члены Гос. Думы признают необходимым выйти в отставку Совѣту министров, необходимо, чтобы был кабинет такой, предсѣдатель коего пользовался бы полным довѣріем Государя-Императора, по на котораго было бы возложено образованіе министерства, т. е., чтобы министры были подчинены, так сказать, предсѣдателю Совѣта министров. Тогда же была написана телеграмма Государю-Императору”.

Характер засѣданія может быть прекрасно обрисован словами Бѣляева: “У меня вообще такое впечатлѣніе, что не Протопопов здѣсь разсуждал”. В хронологіи Бѣляев сдѣлал ошибку, — телеграмма Царю фактически была послана на другой день около 6 час. вечера. Правильность впечатлѣнія Бѣляева косвенно подтверждает запись Палеолога (очень неточная, как почти всегда), 27 февраля послѣдствіаго в 11.30 час. утра министерство ин. д.: Покровскій сообщил ему о роспускѣ Думы, о телеграммѣ Царю с мольбой немедленно пріѣхать*) и о мнѣніи всѣх министров, за исключеніем Протопопова, о необходимости установленія диктатуры, которая должна быть вручена популярному в арміи генералу, напр., Рузскому. Не исключена, конечно, возможность, что на вечернем засѣданіи 26-го, дѣйствительно, план Маклакова (каковы были другія предположенія, исходившія от общественных кругов, мы не знаем) был отвергнут, и Совѣт министров под вліяніем воскресных событій, когда могло казаться, что правительство “побѣдило”, склонился к мнѣнію “правых” о введеніи осаднаго положенія, т. е. рѣшил взять “твердый курс”. (См. ниже). И только на другой день, когда столица неожиданно сдѣлалась вновь “полем военных дѣйствій”, и стало обнаруживаться безсиліе правительства и безнадежность положенія, обратились к рецепту, предложенному Маклаковым. При таких условіях странный отвѣт Покров-

*) Хронологическое совпаденіе показаній Бѣляева и отчасти Голицына с записью Палеолога позволяет допустить, что рѣшеніе о телеграммѣ, дѣйствительно, было принято в ночном совѣщаніи министров 26-го. Выбитые событіями 27-го из колеи министры запоздали с отправкой телеграммы, или на них ловляли правые.

скаго 27-го, поразившій депутата, был только тактическим приёмом, чтобы не разрубить веревочки, которая связывала правительство с общественностью.

**

Разсказ о переживаниях в Петербургѣ пріоткрывает завѣсу падѣтъм, что происходило в Ставкѣ, гдѣ вопрос об “ответственном министерствѣ” в сознаниі дѣйствовавших лиц, конечно, должен был стоять еще менѣ отчетливо, нежели в столичных министерских кругах. Приходится думать, что только вечером 27-го послѣ телеграммы председателя Совѣта министров и послѣдовавшаго затѣм разговора с в. кн. Михаилом у Алексѣева стал измѣняться взгляд на происходящее в Петербургѣ, и солдатскій бунт стал представляться чѣм-то болѣе глубоким и серьезным, чѣм казалось это первоначально. Тогда встала проблема, если не ответственного министерства, то министерства довѣрія по ходячей терминологіи того времени. И только 28-го, когда получено было сообщеніе, что столичное движеніе возглавляется Временным Комитетом Рос. Думы, позиція ген. Алексѣева совершенно опредѣленно оформилась в сторону “ответственного министерства” — общественнаго кабинета. Это измѣненіе довольно ясно выступает при сопоставленіи двух документов, помѣченных 28-м и вышедших непосредственно из-под пера начальника верховнаго штаба. Между 1-2 часами дня главнокомандующим фронтами была разслана циркулярная телеграмма Алексѣева с обзорѣніем событій в Петербургѣ 26-28 февраля. Событія эти характеризуются только, как “военный мятеж”, подавленіе котораго стоит на первом планѣ. О необходимости хотя бы косвенно поддержать “революціонное правительство” нѣтъ и рѣчи. “На всѣх нас, — заключал Алексѣев, — лег священный долг перед Государем. Надѣюсь сохранить вѣрность долгу и присягѣ в войсках дѣйствующих армій”. Значительно позже, около 8 час. вечера, в дополнительной телеграммѣ главнокомандующим Алексѣев, предупреждая, что пѣмцы могут использовать внутреннія затрудненія и проявить активность на фронтѣ, так опредѣлял положеніе: “Событія в Петроградѣ, слѣлавшія революціонеров временно хозяевами положеній, конечно, извѣстны нашему противнику, быть может, принявшему довольно дѣятельное участіе в подготовкѣ мятежа”. В совѣзм других тонах составляла почтая телеграмма в Царское Село на имя Иванова, которая приведена была выше. — здѣсь опредѣленно уже говорится о поддержкѣ усилій “Временнаго Правительства” под председательством Родзянко и о “новых основаніях для выбора и назначенія правительства” в соотвѣтствіи с “пожеланіем народа”..

Повѣствованіе о пастойчивых, но безрезультатных попытках предусмотрительных людей в Ставкѣ убѣдить Царя 27-го в необходимости перейти к парламентскому строю должно быть отнесено к числу легенд, ридившихся в аспектѣ мемуарнаго воспріятія прошлаго. В средѣ императорской свиты легенда эта пріобрѣла другой оттѣнок: Царь де легко тѣчас же послѣ телеграммы Родзянко согласился на ответственное министерство — правда, в ограниченном размѣрѣ, оставляя в своем непосредственном распоряженіи министерства военное, морское, иностр. дѣл и Двора. Так слѣдует из воспоминаній придворнаго

исторіографа ген. Дубенскаго, впрочем оговаривающагося, что сам он царской телеграммы “не видѣл, но слышал об ней от многих лиц”; по его словам, “безусловно вся Свита и состояще при Государѣ признавали в это время неотложным согласіе Государя на ствѣтственное министерство и переход к парламентскому строю”. “Весь вечер и почти всю ночь — вспоминает Дубенскій — мы всё не расходились и бесѣдовали о нашем срочном отъѣздѣ и, хотя выражали надежду, что предуказанный парламентскій строй внесет успокоеніе в общество, но отошли из Могилева послѣ 2 час. ночи 28 февраля с большой тревогой”. Внутренній смысл второй версіи легенды сам по себѣ понятен, однако, по дневникам-записям того времени самого исторіографа царской Ставки*) легко установить, что легенда родилась значительно позже послѣ отреченія. В дневникѣ от 3 марта у Дубенскаго записано: “27 февраля было экстренное засѣданіе под предсѣдательством Государя, — Алексѣева, Фредерикса и Воейкова. Алексѣев в виду полученных извѣстій из Петрграда умолял Государя согласиться на требованіе Родзянко дать конституцію. Фредерикс молчал, а Воейков настоял на непринятіи этого предложенія и убѣждал Государя немедленно выѣхать в Царское Село”***). Естественно, что дворцовый комендант в показаніях перед слѣдственной комиссіей стригал свою роль в попытках отговорить Царя от согласія на “конституцію”. Вѣроятно, так и было в дѣйствительности уже потому, что Свита, повидимому, не могла оказывать замѣтнаго вліянія на политическія рѣшенія монарха — по установившемуся обыкноу Император не склонен был выслушивать мнѣнія по вопросам, не входившим в компетенцію окружающих придворных: об этом члены Свиты, не исключая министра Двора, дворцоваго коменданта, находившихся на привилегированном положеніи среди тѣх, кто — по выраженію Дубенскаго — “имѣл право говорить”, свидѣтельствовали перед Чр. Сл. Ком. довольно единодушно.

3. — О т ѣ з д Ц а р я .

На условія традиціи Двора могли оказывать вліяніе и личныя свойства монарха: как часто бывает у людей слабой воли, Николай II хотѣл царствовать “сам”***). Однако во всем и всегда он невольно подчинялся болѣе властной женѣ. Так и в данном случаѣ отказ согласиться на “конституцію” был вызван давленіем Ал. Фед. — утверждали, по словам Лукомскаго, в Ставкѣ. Говорили, что послѣ полученія телеграммы Голицына Царь “больше часа” разговаривал по телефону с Царским Селом. Пронин пишет еще опредѣленнѣе о том, что телеграм-

*) К сожалѣнію, непосредственные «записи-дневники» ген. Дубенскаго мы знаем лишь по отрывочным использованіям их Блока, или то выдержкам, прочтенным в Чрезвычайной Стѣтственной Комиссіи при допросѣ Дубенскаго. Другой «свитскій», полк. Мордвинов, в востоминаніях правильно отмѣчая, что в телеграммѣ Голицыну Царь не соглашался на перемѣну в составѣ правительства, говорит, что Николай II нѣсколько «раздраженно» и «нетерпѣливо» реагировал на соотвѣтствующія обращенія к нему.

**) По словам Пронина, в офицерской средѣ Ставки дворцовый комендант высказывался против реформ: «Знаем мы их, дай им талец, а они захотят отнять и всю руку: еще посмотрим».

***) См. напр., дневник члена Гос. Совѣта гр. А. А. Бобринскаго.

ма Голицыну была послана "послѣ переговоров по прямому проводу с Царским Селом". Но Лукомскій, повидимому, ошибался, предполагая, что между Могилевым и Царским Селом существовал "особый" телефонный провод. Телефонный разговор с Царским Селом, о котором "говорили" в Ставкѣ, в дѣйствительности был телеграфный запрос церемоніймейстера гр. Бенкендорфа от имени Императрицы: "Не желает ли Е. В., чтобы Ея В. с дѣтьми выѣхали навстрѣчу". Воейков доложил. Царь сказал: "ни под каким видом, передать Бенкендорфу, что он сам прѣдет в Царское". Мемуаристы и здѣсь соткали легендарную ткань. Она легко разрывается с помощью дошедших до нас документов.

Очевидно, запрес А. Ф. был вызван тѣм, что в Царском почувствовали себя неспокойно*). До получения телеграммы Голицына Царь никакого безпокойства за семью не испытывал и не думал ускорить свой отъезд из Могилева, заранѣе еще назначенный на 2 ч. 30 м. 28 февраля. В телеграммѣ, отправленной в Царское в 7 час. вечера. Ник. Алекс., подтверждая часы своего отъезда, сообщал: "гонимая гвардія получила приказаніе немедленно выступить из Новгорода в город. Бог даст, безпорядка в войсках скоро будут прекращены". Телеграмма была послана в отвѣтъ на полученное от жены письмо, написанное днем 26-го и не заключавшее в себѣ ничего особо тревожнаго. Оно столь характерно для момента, когда династія переживала свой "двѣнадцатый час", что его слѣдует процитировать. Со слов принятаго А. Ф. таврическаго губернатора Бойсмана, она писала: "Разсказывал мнѣ много о безпорядках в городѣ (я думаю, больше 200.000 человек). Он находит, что просто не умѣют поддержать порядка. Но я писала об этом уже вчера, прости — я глупенькая. Необходимо ввести карточную систему на хлѣб (как это теперь в каждой странѣ), вѣдь так устроили уже с сахаром, и все спокойно и получают достаточно. У нас же — нѣсты... Один бѣдный жандармскій офицер был убит толпой и еще нѣсколько человек. Вся бѣда в этой звѣвующей публикѣ, хорошо одѣтых людей, раненых солдат, курсисток и пр., которые подстрекают других. Дили заговорила с извозчиком, чтобы узнать новости. Они говорили ей, что к ним пришли студенты и заявляли, что если они выйдут утром, то в них будут стрѣлять. Такие испорченные типы! Конечно, извозчики и вагоновожатые бастуют. Но они говорят, что не похоже на 95 (надо понимать 1905), потому что все обожают тебя и только хотят хлѣба".

Первая половина письма была написана в утренніе часы, в 3¼ час. дня А. Ф. дописывала: "В городѣ дѣла вчера были плохи. Произведены аресты 120-130 человек. Главные вожаки и Лелянов привлечены к отвѣтственности за рѣчи в Гор. Думѣ. Министры и нѣкоторые правые члены Думы совѣщались вчера вечером (Калинин писал в 4 часа утра) о принятіи строгих мѣр**). и все они надѣются,

*) Государевы дѣти уже были больны. А. Ф. писала мужу 26-го: «Бэби — это одна сплошная сыпь, — покрыло его, как леопарка. У Ольги большія плоскія пятна. Аня (Вырубова) тоже покрыта сыпью. У всех болят глаза и горло».

**) Очевидно, рѣчь идет о совѣщаніи правых членов Гос. Совѣта. По словам Протопопова, в засѣданіе Совѣта министров прибыли Трипов, Пинринскій-Шахматов, Маклаков с предложеніем ввести особое положеніе.

что *завтра* все будет спокойно. Тѣ хотѣли строить баррикады... Но мнѣ кажется, все будет хорошо. Солнце свѣтит так ярко, и я ощущаю такое спокойствіе и мир на Его дорогой могилѣ! Он умер, чтобы спасти нас”...

Письмо это, конечно, не могло содѣйствовать уступчивости Царя. 27-го настроенія в Царском сдѣлались болѣе пессимистичными. Блок приводит три телеграммы, направленные А. Ф. в этот день*). В 11 час. 12 мин. дня: “Революція вчера приняла ужасающіе размѣры... Извѣстія хуже, чѣм когда бы то ни было”; в 1 час 3 мин.: “Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войск перешло на сторону революціи”; в 9 ч. 50 м.: “Дили провела у нас день и ночь — не было ни колясок, ни моторов. Окружной суд горит”. Очевидно, телеграммы до Царя уже не доходили, ибо невѣроятно, чтобы Царь не поторопился бы с отъѣздом и так спокойно телеграфировал в Царское в 7 час. вечера**).

Послѣ запроса Бенкендорфа Царь рѣшил немедленно ѣхать в Царское. В 9 час. вечера — рассказывает Лукомскій — пришел ген. Воейков и сказал, что “Государь приказал немедленно подать литерные поѣзда”, так как он “хочет сейчас же, как будут готовы поѣзда, ѣхать в Царское” — “не позже 11 час. вечера”. Лукомскій указал, что отправить поѣзда раньше 6 час. утра невозможно по техническим условіям. “Загѣм я сказал ген. Воейкову, что рѣшеніе Государя ѣхать в Ц. С. может повести к катастрофическим послѣдствіям..., что связь между Штабом и Государем будет потеряна, если произойдет задержка в пути, что мы ничего опредѣленнаго не знаем, что дѣлается в Петроградѣ и Царском Селѣ”. Воейков отвѣтил, что “принятаго рѣшенія Государь не отмѣнит”. Тогда Лукомскій пошел к Алексѣеву, который “собирался лечь спать”. “Я опять стал настаивать, чтобы он немедленно пошел к Государю и отговорил его от поѣздки в Царское Село... Если Государь не желает идти ни на какія уступки, то я помял бы, если бы он рѣшил немедленно ѣхать в Особую армію (в нее входили всѣ гвардейскія части), на которую можно вполне положиться, но ѣхать в Царское Село — это может закончиться катастрофой. Ген. Алексѣев пошел к Государю. Пробыв у Государя довольно долго, вернувшись, сказал, что Е. В. страшно беспокоится за Императрицу и за дѣтей и рѣшил ѣхать в Царское Село”. Другой свидѣтель, полк.

Предложеніе было отвергнуто, — утверждал Протопопов: он ошибался... В воспоминаніях кн. Шаховского рассказывается о проектѣ сбросить ночью бомбы на Таврической дворцъ и уничтожить «революціонное гнѣздо», «не оставить камня на камнѣ». Предполагалось использовать летчиков Царскаго Села, «К сожалѣнію, — пишет Шаховской, — Бѣляев не рѣшился сдѣлать это, боясь громаднаго числа жертв»...

*) В опубликованной перепискѣ Ник. Ал. и Ал. Фед. нѣтъ телеграмм послѣдней. «Мѣстонахождение их редакціи неизвѣстно», — сообщается в предисловіи. Таким образом неизвѣстен оригинал, которым пользовался Блок среди матеріалов Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи.

**) В опубликованной перепискѣ нѣтъ никаких откликов, а между тѣм Ник. Ал. не оставляя без немедленнаго отвѣта ни одной телеграммы жены. Революціонным анекдотом, подхваченным Троцким и др., является рассказ о том, как телеграммы Царицы, которыя слѣдовали одна за другой, позванились с карандашной помѣткой: мѣстонахождение адресата неизвѣстно. Об этом говорит и Вырубова. — от нея нѣсколько истеричнаго повѣствованія, быть может, и пошел «революціонный» анекдот.

Пронин, расскажет совѣм по другому: “Слава Богу, Государь не убѣждает, остается — радостно сообщил нам ген. Алексѣев, возвратившись из царскаго помѣщенія”. По словам Пронина Алексѣев будто бы еще днем убѣдил Царя остаться в Могилевѣ — так, по крайней мѣрѣ, “передавали из дворца”. Версію эту подтвердил в воспоминаніях и дворцовый комендант, рассказывающій, что послѣ вторичной телеграммы Родзянко Царь рѣшил остаться в Могилевѣ. Однако, документ, выше приведенный — лента вечерняго разговора, т. е., около 11 час., ген. Алексѣева с вел. кн. Михаилом, довольно рѣшительно опровергает и Лукомскаго, и Пронина и Воейкова. Алексѣев опредѣленно говорил В. Князю: “Завтра Государь-Император выѣзжает в Ц. С.”. Что значит это “завтра”. Очевидно, что рѣчь идет об отъѣздѣ, назначенном в 2 ч. 30 мин. дня, ибо нач. штаба добавляет: “завтра при утреннем докладѣ еще раз доложу Е. И. В. желательность теперь же принять нѣкоторыя мѣры, так как вполне сознаю, что в таких положеніях упущенное время бывает невознаградиво”. Слѣдовательно Алексѣев не знал еще, что Царь рѣшил ускорить свой отъѣзд — даже послѣ доклада Царю о бесѣдѣ с Вел. Князем (Алексѣев о своем “утреннем докладѣ” упомянул В. Князю уже послѣ разговора с Царем). Из этого слѣдует и то, что до вечера никаких измѣненій в приѣмном раньше рѣшеніи об отъѣздѣ не было сдѣлано, и что никаких колебаній в этом отношеніи не было.

В своем дневникѣ по окончаніи дня Царь записал: “Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочныя нехорошія извѣстія. *Послѣ обѣда* рѣшил ѣхать в Царское Село и в час ночи перебрался в поѣзд”. Не исключена, конечно, возможность, что Алексѣев послѣ разговора с в. кн. М. А., который признавал желательным отложить приѣзд Императора в Царское Село “на нѣсколько дней”, пытался в этом отношеніи оказать нѣкоторое воздѣйствіе: знал характер властелина, нач. штаба мог бояться непосредственнаго вліянія А. Ф. и думать, что в Могилевѣ легче будет побудить Царя к уступкам. Но, видимо, такія попытки, если онѣ и были, не были особенно настойчивы и упорны. И это нельзя объяснить тѣм, что Алексѣев был “апатичен и угнетен” в силу своего болѣзненнаго состоянія (“вид у него был лихорадочный” — вспоминает дежурный флигель-адъютант Мордвинов). Тогда в Ставкѣ отъѣзд Государя в “отвѣтственный для жизни государства момент” еще не представлялся “непоправимой и роковой ошибкой”, как изображается это в воспоминаніях Пронина. Приходится усомниться в том, что нач. штаба выставил Царю, вѣроятно, позднѣйшую аргументацію Лукомскаго о необходимости концентраціи сил и организаціи противодѣйствія революціи в вѣрвых гвардейских частях Особой арміи. Может быть, Алексѣев, дѣйствительно, узнал о “внезапном” отъѣздѣ Царя лишь в самый послѣдній момент, как о том говорит Пронин. Очевидно, не сообщив Алексѣеву тотчас же о перемѣлѣ, Государь не придавал ей какого-либо рѣшающаго политическаго значенія. Возможно, “оканчательнаго” рѣшенія ѣхать немедленно и не было — по крайней мѣрѣ, историограф записал: ... “в 12 час. ночи Государь... ушел к себѣ. Вслѣд за ним к нему вошли Фредерикс и Воейков, пробыли у Царя недолго... Воейков объявил, что отъѣзд... Е. В. назначен безотлагательно в эту почт”.

II. «Кровавое подавление» революции.

1. — Д и к т а т о р.

Царь ѡхал из Ставки для того, чтобы проявить “твердую волю”. Но это вовсе не означает, что он готов был утопить “в крови народное возстаніе”, как изобразил в свое время, в соответствии с традиціей, приспособившійся к официальному тону новых властелинов, историк Щеголев. Наоборот, до послѣдняго времени у Николая II было убѣжденіе, что “беспорядки” в войсках, происшедшіе от “роты выздоравливающих” (письмо женѣ 27-го), легко будет локализовать. Поэтому, вѣроятно, в качествѣ “диктатора” был выбран поклонник “мягких дѣйствій”, каким выставляет ген. Иванова придворный исторіограф ген. Дубенскій.

Безлодобный по своей бытовой колоритности рассказ дал сам Иванов в Ч. Сл. Ком. Правительства, — рассказ о том, как он ѡхал усмирять революціонную столицу. Повѣствованіе почтеннаго по званію генерала могло бы показаться карикатурой, если бы в нем не было столько эпической простоты. На ст. “Дно” утром 1 марта Иванову сообщали, что из Петербурга приходят поѣзда, переполненные безбилетными солдатами, которые “насиленно отбирают у офицеров оружіе, производят насиліе в вагонах и на станціях”. В один из таких поѣздов с “перебитыми окнами” генерал направился сам... и “из разговоров женщин и одного старичка” заключил, что “безобразія большия: масса солдат ѣдет в штатской одеждѣ, так как все это участвовало в грабежах магазинов... И за сим ѣдет в поѣздѣ много агитаторов”. “Проходи мимо одного загона — показывал Иванов — обернулся, на меня наскакивает солдат буквально в упор. Тут я не разобрался: одна шапка у него офицерская с темляком авиенским, 2-я шапка в руках, вшитовка за плечами... Я его оттолкнул. Рука скользнула по его шапкѣ. Я поцарапал руку и прямо оборвал окриком: “на колѣни”. Со мной раз случился эпизод в Кронштадтѣ. Случилось мнѣ попасть в толпу, когда моряки с сухопутными дрались. Я очутился между ними слин... Что тут дѣлать? Уѣхать — значит драка будет. Тут я их выругал основательно — не подѣйствовало. Наконец, ментально пришло в голову: “на колѣни”. С обѣих сторон толпа остановилась. Один матрос в упор, в глаза, нервы не выдержали, начали моргать, слезы... И все успокоилось. Я повернул в одну сторону моряков, в другую пѣхотинцев. Тут мнѣ и вспомнился этот момент. Руку ему на правое плечо: “на колѣни”. В это время я не знаю, что он подумал, я его лѣвой рукой схватил, а он вдруг, случайно это или нѣтъ, кинулся на меня. Сейчас же его убрали, и он успокоился. Я думаю — что тут дѣлать? Сказать, что он на меня наскочил и оскорбил дѣйствіем — полевой суд, через два часа разстрѣляют. У меня тогда такое настроеніе было: в этот момент разстрѣлать — только масла в огонь подлить. Тут был мой адъютант, и я ему велѣл его арестовать... Любившій держать себя с нѣкоторой торжественностью предсѣдатель Муравьев и тот не выдержал, слушая этот рассказ: “Что же этот человек стал на колѣни?” — “Стал”. “Это магически дѣйствует” — отвѣчал Иванов, продолжая свое повѣствованіе. “Подходит поѣзд, 46 вагонов. Смотрю, в концѣ поѣзда

стоит кучка, выдают шапки. Я этим заинтересовался, подошел. Слышу: “Свобода! Теперь все равны! Нѣтъ начальства, нѣтъ власти!” Приближаюсь, смотрю, стоит нѣсколько человек офицеров, а кругом кучка солдат. Я говорю: “Господа, что же вы смотрите?” Они растерялись. Я то же самое приказал: “на колѣни”. Они немедленно стали на колѣни. Впоследствии оказалось, что тут был городской, одѣтый в штатское. Я пригрозил ему: “встань!”. Отошел, а солдат начинает трунить: “вот тебѣ и нѣтъ власти, вот тебѣ и нѣтъ начальства”. Он опять. Я говорю: “заставьте его замолчать”. Они говорят: “что же прикажете рот завязать”. Я говорю: “завяжите рот”. Из кармана вынимают красный платок. Я говорю: “оставьте”. Его в вагон отвели и арестовали. Так и кончилось**).

Так рассказывал не только сам генерал. Рассказ его был подтвержден впоследствии показаниями солдат Георгиевскаго батальона. Подобное “отеческое воздѣйствіе” и даже розги за провинность было обычным приемом генерала и на фронтѣ, как отмѣчает в дневникѣ прикомандированный в 14 г. к Иванову в. кн. Ник. Мих. Революционное чувство, может быть, скажет об униженіи “человѣческой личности”, но для стараго военачальника то было проявленіе своеобразной гуманности. “Николай Іудович — защищает Ник. Мих. — большой оригинал, встает в 5 час. утра, шляется сам всюду, ворчит, кое-кого подтягивает и прогуливается все больше один”... Во время обѣда 27-го “поклонник мягких дѣйствій”, по свидѣтельству Дубенскаго, рассказал между прочим Царю, как он в Харбинѣ успокоил волненія и “привел все к благополучному концу, не сдѣлавши ни одного выстрѣла”. Во всяком случаѣ, никто из царских приближенных не вспомнил в тѣ часы об Ивановѣ, как об “усмирительѣ Кронштадта” в 1906 г., что на первый план выдвинуто Мстиславским.

Ночью, в 2-3 часа, Иванов был вызван к Царю в поѣзд. Может быть, потому, что к этому времени была получена отправленная из Петербурга в 8 час. веч. и принятая в Ставкѣ почему-то только в 1 ч. ночи телеграмма Хабалова о том, что “исполнить повелѣніе о восстановленіи порядка в столицѣ не мог”. “Большинство частей — телеграфировал Хабалов Алексѣеву для доклада Царю — однѣ за другими измѣнили своему долгу, отказываясь сражаться против мятежников. Другія части побратались с мятежниками и обратили свое оружіе против вѣрных Е. В. войск... К вечеру мятежники овладѣли большей частью столицы***). Иванов инициативу ночного свиданія с Царем приписывал в показаніях себѣ. Узнав, что Царь уѣзжает, Иванов, “наученный горьким опытом”, настоял на экстренном приемѣ, желая выяснитъ перед отъѣздом свои будущія взаимоотношенія с министрами***). При

*) Иванов арестовал человек 30-40, отпущенных им по прибытіи в Ц. Село.

**) Надо думать, что телеграмма Хабалова была послана «вслѣд на вокзал Царю», как это сдѣлано с «вѣрноподданнической» депешей выборных членов Гос. Совѣта, полученной около 2 час. ночи.

***) Память Иванова не отличалась отчетливостью. Так в показаніях он говорит, что до бесѣды с Царем задал по телеграфу Хабалову десять вопросов о состояніи Петербурга, Блок, имѣвшій в своем распоряженіи тѣ три желтенькіе листочка, на которых собственной рукой Иванова были записаны «пункты», утверждает, что переговоры по прямому проводу происходили в 8 час. утра 28-го, т. е. послѣ выѣзда Царя из Могилева. Вѣ-

свиданіи Иванов получил как бы диктаторскія полномочія. В официальной докладной запискѣ ген. Алексѣеву полученныя полномочія Иванов формулировал так: "Всѣ министры должны исполнять всѣ требованія главнокомандующаго петр. воен. округом ген.-ад. Иванова безпрекословно**"). Прощаясь с Государем, новый директор сказал: "В. В., позвольте напомнить относительно реформ". "Да, да", — отвѣтил Царь: "мыѣ об этом только что напомнил ген. Алексѣев". "Так что я вышел с мыслью, что это дѣло рѣшенное" — показывал Иванов и на вопрос председателя добавлял, что Царь даже спрашивал его: "кому довѣрить составленіе отвѣтственнаго министерства". И другой раз "министерства довѣрія"... Не будем придавать большого значенія этой терминологіи, фигурирующей в показаніях перед революціонной слѣдственной комиссіей и в болѣе раннем письмѣ (9 апрѣля) Иванова на имя воен. мин. Гучкова, гдѣ он утверждал, что еще днем при первом разговорѣ с Царем заключил, что "Николай II рѣшил перейти к управленію отечеством при посредствѣ министерства довѣрія в соответствии с желаніем большинства Гос. Думы и многих кругов населенія***).

Можно, как будто, заключить, что если в это время еще не было опредѣленнаго рѣшенія, то носитель верховной власти сознавал необходимость уступок общественному мнѣнію и перемѣны правительства послѣ ликвидаціи петербургскаго мятежа. Царю совершенно чужда была, очевидно, психологія, которую изображает Шульгин в видѣ несбывшейся мечты: "Можно было раздавить бунг, ибо весь этот "революціонный народ" думал только об одном, как бы не идти на фронт. Сражаться он бы не стал... Надо было бы сказать ему, что петроградскій гарнизон распускается по домам... Надо было бы мѣрами исключительной жестокости привести солдат к повиновенію, выбросить весь

ротнято, Иванов запросил подробностей в связи с полученной Алексѣевым телеграммой о том, что положеніе «до чрезвычайности трудно». Отвѣт Хабалова был принят в Ставкѣ в 11 час. 30 мин. Главнокомандующій военным округом на вопросы Иванова отвѣтил лессимистически: «В моем распоряженіи в зданіи главнаго адмиралтейства четыре гвардейскія роты, пять эскадронов и сотен, двѣ батареи, прочія войска перешли на сторону революціонеров или остаются по соглашенію с ними нейтральными. Отдѣльные солдаты и шайки бродят по городу, стрѣляя в прохожих, обезоруживая офицеров; всѣ вокзалы во власти революціонеров, строго ими охраняются; весь город во власти революціонеров, телеграф не дѣйствует, связи с частями города нѣтъ; министры арестованы революціонерами» и т. д. Только относительно продовольствія Хабалов указал, что на 25-ое в городѣ запасамуки было 5½ мил. пудов. Положеніе в Петербургѣ было признано безнадежным уже в 21 ч. 30 м., когда Бѣляев телеграфировал Алексѣеву, что войска по требованію морского министра выведены из адмиралтейства, чтобы не подвергать разгрому зданіе Перевод войск в другое мѣсто считали безцѣльным в виду «неполной их надежности». Часть была разведена по казармам.

*) Блок указывает, что Иванов считал впоследствии свои полномочія отпавшими, так как Алексѣев их не подтвердил. В дѣйствительности Алексѣев телеграфировал военному министру вышеприведенное «высочайшее повелѣніе, отданное словесно через гви.-ад. Иванова около трех часов», и просил Бѣляева «изыскать всѣ способы вручить это повелѣніе председателю Совѣта Министров».

**) Дубенскій, конечно, скажет (в воспоминаніях), что Иванов ему рассказывал послѣ перваго разговора с Царем, что он из уст Царя услышал, что дается «отвѣтственное министерство», и что об этом послана телеграмма в Петербург.

сброд из Таврическаго дворца, возстановить обычный порядок жизни и поставить правительство не “довѣрем страны облеченное”, а опирающееся на настоящую гвардію. Что такое “настоящая гвардія”? Это — корпус, назначеніе котораго дѣйствовать “не против врагов виѣшних, а против врагов внутренних”. “Пускать гвардію на войну” нельзя. “Сражаться с врагом виѣшним можно до послѣдняго солдата арміи и до перваго солдата гвардіи”. “Революція неизмѣримо хуже проигранной войны”, устаивает тезис человекъ, лишь случайно не попавшій в 17 г. в состав Временнаго Правительства: “гвардію нужно беречь для единственной и почетной обязанности — бороться с революціей”. “Главный грѣх стараго режима был тот, что он не сумѣлъ создать настоящей гвардіи”...

Ночной разговор с Царем, по словам Иванова, закончился тѣм, что он получил высочайшее одобреніе в той тактикѣ, которую диктатор намѣчал для себя. “В. В., — сказал Иванов, — я рѣшил войска не вводить, потому что, если ввести войска, произойдет междоусобица и кровопролитіе”. “Да, конечно”, — отвѣтил Царь. “Так что было одобрено, но в какой формѣ, не могу сказать навѣрное”, — утверждал Иванов: “это я за основу положил”...

2. — Мирюлюбивая политика.

Если не по соображеніям сантиментальным, то по соображеніям цѣлесообразности миролюбивая политика была общим девизом правительственной власти в февральскіе дни. Играло роль и сознание ненадежности войск (армія во время войны представляет собой “вооруженный народ” — отмѣчали и Алексѣев, и Рузскій), и общее возбужденное политическое настроеніе, захватившее офицерскіе кадры*) и еще в большей степени сознание риска вступать в період международных осложненій в междоусобную борьбу. Событія на внутреннем фронтѣ не казались вовсе столь грозными для существовавшаго государственнаго порядка, чтобы идти на такой риск.

Болѣе рѣшительная, чѣм Царь, его нимфа Эгерія, Ал. Фед., энергично настаивающая на том, чтобы муж ея проявил “твердость”, писала, однако, в первые дни (25 фев.): “забастовщикам прямо надо

*) Современники мемуаристы, которых в той или иной степени можно отнести к числу адептов «стараго режима» (Шульгин, Дубенскій и др.), выражают удивленіе, что в февральскіе дни никто в столицѣ не вспомнил про юнкерскія училища — они могли послужить опорой для защиты поставленнаго под угрозу государственнаго порядка. В Ставкѣ удивлялись, — вспоминает Дубенскій, — что ген. Хабалов не воспользовался такими твердыми частями, как петроградскія юнкерскія училища, в которых в это время сосредоточивалось нѣсколько тысяч юнкеров. «Если бы кто-нибудь понял значеніе военных училищ... эта минута могла спасти все», — рассуждает Шульгин. Надо ли говорить, что по отношенію к юнкерской молодежи в дни войны еще болѣе примѣнимо положеніе, которое Рузскій выдвигал в письмѣ Гурко 19 февраля и повторил в телеграммѣ Царю 27 февраля: современная армія однородна с тылом и отражает его настроенія. По свидѣтельству ген. Гурко было рѣшено вообще не прибѣгать к помощи юнкеров при усмиреніи безпорядков. Думается, что главную роль здѣсь играли не только соображенія «политической благонадежности». Только революція превратила учащуюся молодежь в гражданских борцов. Такая психологія органически была чужда дореволюціонному времени.

сказать, чтобы они не устраивали стачек, иначе будут посылать их на фронт*) или строго наказывать. Не надо стрельбы, нужно только поддерживать порядок и не пускать их переходить мосты, как они это делают. Но толпа с Выборгской рабочей стороны агрессивно переходила Неву по льду, и тогда военный министр совѣтовал командующему войсками в отвѣтъ на пелѣнья, камни и осколки льда (примѣнялось и огнестрѣльное оружие), которыми протонались конные городовые, стрѣлять так, чтобы пули ложились впереди толпы... Можно повѣрить в искренность показаній Бѣляева, что он “просил Хабалова принять мѣры, чтобы не открывать огня там, гдѣ можно избѣгнуть”; “какое ужасное впечатлѣніе произведет на наших союзников, когда разойдется толпа и на Невском будут трупы”. Хабалов с перваго дня не хотѣл прибѣгать к стрѣльбѣ — это совѣтовал ему еще за три недѣли до переворота Рузскій, в видѣніе котораго входила тогда сѣверная столица: по мнѣнію Рузскаго, примѣнение оружія при беспорядках может вызвать “лишь ужасныя послѣдствія, участь кои вперед нельзя” (запись в. кн. Андрея Вл.). В силу такой психологіи военныя власти противились выводу казачьих сотен из столицы в період, когда ожидалась демонстрація 14 февраля, ибо с казаками можно обойтись “без кровопролитія и жертв”. Достаточно показательно, что если болѣе или менѣе точно известно число чинов полиціи, потерпѣвших за дни 22-24 февраля, то нѣтъ никаких указаній (даже у мемуаристов) о пострадавших среди демонстрантов. В воспоминаніях рабочаго Каюрова, активнаго участника и руководителя уличных выступленій, имѣется даже такая фраза: “истеръ с нашей стороны я не замѣчал”. Вѣроятно, в такой только обстановкѣ мог родиться план “уличнаго братанія” забастовщиков и солдат, который будто бы сознательно проводился по даястоянію Шляпникова руководящим органом пролетарской партіи (бюро Ц. К. большевиков), препятствуя вооруженію пролетаріата. В этой обстановкѣ, когда, казалось, что власть “явно запускала движеніе”, утверждалась и легенда о правительственной провокаціи.

25-го в Петербургѣ пролилась первая кровь: по официальному сообщенію Хабалова на Невском у Гостиного Двора 3 было убито и 10 ранено. Как всегда, слух о стрѣльбѣ и кровавых жертвах вызвал взрыв негодованія. На власть возлагалась отвѣтственность в болѣе степеней, чѣм она того объективно в данном случаѣ заслуживала. На открытом собраніи в Городской Думѣ 25-го, гдѣ обсуждался продовольственный вопрос, при нервно-повышенном настроеніи присутствующей публики, член Гос. Думы Скобелев патетически клеймил правительство, которое “борется с продовольственным кризисом путем разстрѣла фдоков”... “Это правительство — говорил думскій с. д. депутат при бурных аплодисментах — надо заклеить, оно требует возмездія... Правительство, прсливающее кровь невинных, должно уйти***). Если оди из ораторов на собраніи призывали в видѣ протеста выйти на улицу, другіе требовали “предупредить эсцессы”. Шингарев сообщил, что предсѣдатель Гос. Думы уже обратился к главѣ правительства с просьбой

*) Подобная угроза уже заключалась в объявленіи Хабалова 25-го о досрочном призывѣ рабочей молодежи, если к 28-му не закончится стачка.

**) Петербургскія газеты 26-го не вышли. О характерѣ описываемаго собранія приходится судить по отчету Охраннаго Отдѣленія министру вн. д. Отчет напечатан в работѣ Шляпникова.

или требованіем, чтобы “стрѣльба в народ завтра не повторилась”. Родзянко непосредственно обращался к командиру войсками. “В. Пр., зачѣм стрѣляете, зачѣм эта кровь” — передавал Хабалов в показаніях перед Чр. Сл. Ком. эту бесѣду 26-го... “Я говорю: “В. Пр., я не менѣе вашего скорблю, что приходится прибѣгать к этому, но сила вещей заставляет это дѣлать”. — “Какая сила вещей?”. Я говорю: “Раз идет нападеніе на войска, то войска — волей и неволей — не могут быть мишенью, они тоже самое должны дѣйствовать оружіем”. — “Да гдѣ же — говорит — нападеніе на войска?”... Я перечисляю эти случаи. Называю случай с гранатой, брошенной на Невском... “Помилуйте, — говорит — городской бросил!” — “Господь с вами! какой смысл городскому бросать?”... Звонил Родзянко и военному министру: нельзя ли эту толпу разсредоточить, вызвать пожарных, чтобы они поливали водою. Бѣляев снесся с Хабаловым, который отвѣтил, что “есть распоряженіе, что пожарныя команды никаким образом не могут быть вызываемы на прекращеніе безпорядков, а кромѣ того, вообще говоря, существует точка зрѣнія, что окачиваніе водою всегда приводит к обратному дѣйствию, именно потому, что возбуждает”. Нельзя объяснить только “недосмотром” рядовое явленіе, отмѣчаемое для правительственной системы подавленія февральских уличных безпорядков — то казацкія сотни выѣзжали без нагаек, то у полиціи не хватало патронов, то солдатскіе пикеты оказывались с незаряженными ружьями. Это было даже в понедѣльник 27-го, когда толпа на Петербургской сторонѣ в 5 час. дня пыталась нерѣшительно прорвать цѣпь гренадер — солдаты говорили Шѣшехову: “Пусть идут.. Мы не будем препятствовать”... “И ружья у нас не заряжены”. Здѣсь была миролюбивая толпа. На Выборгской сторонѣ, на Сампсоніевском пр. перед деревянными бараками казарм запаснаго самокатнаго батальона настроеніе было иное. Здѣсь солдаты, принадлежавшіе к “мелкобуржуазным элементам населенія” (повѣрим этому!), оказывали сопротивленіе народному напору. Командир батальона, полк. Балкашин, пытался “уладить все мирным порядком” и “воздержаться от открытія огня”. В критическій момент у начальника боевой пулеметной части, непосредственно оборонявшей казармы, не оказалось патронов...

Начиналась революція, и сила вліянія была не у тѣх, кто искал компромисса, а у тѣх, кто подобно Керенскому, на совѣщаніи Городской Думы 25-го, предостерегал от “дара данайцев”. Событія в воскресенье 25-го приняли болѣе грозный характер. Войска на Невском дѣйствовали активнѣе, чѣм в предшествовавшіе дни. Были убитые и раненые. По свѣдѣніям командующаго войсками, таковых насчитывалось 40. Свѣдѣнія преуменьшены? — извѣстное количество раненых толпа всегда уносит с собой. Возможно. Однако, один из непосредственных участников уличнаго движенія тѣх дней, рабочій Кондратев, член большевицкой партіи, не проявляет тенденціи оспаривать официалныя цифры — он их даже уменьшает. Мемуарист, не слѣдящій строго за своим словом, с легкостью скажет, что пѣхота 26-го “довела ружейный огонь до огромной интенсивности. Невскій, *покрытый* трупамы невинных, ни к чему не причастных людей, был очищен” (таково утвержденіе Суханова. По воспоминаціям Керенскаго толпу на Невском, как и в других кварталах, разстрѣливали уже 25-го). Но плохо выполнит свою функцію историка революціи тот, кто в угоду своему революціон-

ному чувствованію (или механически повторяя публицистическіе приемы политической борьбы современников революціонных дней) воспроизведет ходячую молву того времени, исчисляющую жертвы воскресенья 26-го “тысячами”. На страницах работы Чернова можно найти описаніе того, как 26-го на кипящем людьми широчайшем Невском проспекте ружейный огонь был доведен до огромной интенсивности, и мостовая устлана тѣлами безоружных — в том числѣ стариков, женщин и дѣтей. Только издали, в атмосферѣ заграничнаго невѣдѣнія можно было еще говорить о “недѣлѣ кровавых битв рабочих”, как писал Ленин в серединѣ марта. Гипербола в изслѣдованіи будет исторической фантастикой.

При “рожденіи революціонной Россіи” народная толпа в изображеніи Чернова “в теченіе болѣе недѣли обстрѣливалась пулеметами горѣловых с вышек и чердаков и ружейными залпами солдатских дѣпей, разгонялась ударами сабель и нагаек конной полиціи”. Дѣйствительность была итскольکو иной. В изображеніи рабочаго Кондратьева 26-го на Невском лишь “небольшая группа студентов и рабочих” пыталась устроить демонстрацію. Послѣ разгона ея “уже не было никаких попыток” уличных выступленій — на Невском “была пустота” и только “на панели ходили вооруженные патрули и разъѣзжала конница”. Очевидцы, наблюдающие небольшой сектор дѣйствія, склонны обобщать. По официалным свѣдѣніям полиціи (их ген. Мартынов заимствовал из матеріалов Чр. Сл. Ком.), стрѣльба была на Невском пр. в воскресенье в четырех мѣстах, и число жертв было больше, нежели указывали с одной стороны Хабалов, с другой Кондратьев. Но и эта поправка не может измѣнить общей картины. Столица мѣстами, дѣйствительно, напоминала собой “боевой лагерь”: “всюду патрули, заставы, разъѣзды, конница” — списывали позднѣе совѣтскія “Извѣстія” 8 марта боевые дни. Из этого описанія современники-мемуаристы и заимствовали свои свѣдѣнія об “усиленных разстрѣлах” 25-го и 26-го, о залпах “из невидимых засад”, о пулеметах, разставленных “на колокольнях, в верхних этажах домов, на вокзалах и пр.”. В дѣйствительности произошло то, что предсказывал ген. Рузскій, и что предусмотрѣть никто не может, когда случай бросает искру на пороховую бочку. В момент, когда в руководящих подпольных кругах казалось, что “правительство побѣдило”, когда, как мы видѣли, раздавались уже скептическіе голоса, и начинались колебанія, тогда именно стихійное уличное движеніе перебросилось в армію...*)

Военный бунт превратил уличные беспорядки в торжествующую революцію. Поворот в массовой психологій совершила стрѣльба в народ 26-го. На этой почвѣ произошло выступленіе вольнцев, увлекших за собой часть Преображенскаго и Литовскаго полков. Снѣжный ком вызвал лавину: “Если войска станут на сторону забастовщиков — предостерегающе докладывало Охранное Отдѣленіе — ничто не спасет от

*) Из этого явствует, что легкомысленный Протопопов, высказывавшій 26-го увѣренность, что рабочие встанут на работу, не так уже далек от правильной оцѣнки реальнаго положенія или возможной дѣйствительности... Секретарю французскаго посольства тогда казалось, что достаточно Царю вѣхтать верхом в столицу в сопровожденіи митрополита, чтобы прекратить волненія.

революціоннаго переворота”. Один из освѣдомителей Охр. Отд. доносил еще 25-го по начальству, что, если безпорядки не будут подавлены, то “к понедѣльнику” (т. е. 27-му) возможно ждать сооруженія баррикад. Побѣду революціи предопредѣлило не бездѣйствіе власти — не то, что, по выраженію состоявшаго при командующем войсками ген. Перцова (в показаніи слѣдователю), “событіям был предоставлен, как бы, естественный ход”. Не будем слишком обольщаться показаніями современника — рабочаго провокатора Шурканова, доносившаго по начальству 26 февраля: “так как воинскія части не прѣпятствовали толпѣ... то массы получили увѣренность в своей безнаказанности и нынѣ послѣ двух дней безпрѣятственнаго хожденія на улицах, когда революціонные круги выдвинули лозунги: “долой войну” и “долой самодержавіе”, народ увѣрился в мысли, что началась революція, что успѣх за массами, что власть безсилна подавить движеніе в силу того, что воинскія части на ея сторонѣ”. Нѣтъ, не это чувство “увѣренности в своей безнаказанности” вызвало поворот. Суханов вспоминает впечатлѣніе собравшихся у Горькаго вечером 26-го, послѣ телефонных разговоров с “различными представителями буржуазнаго и бюрократическаго міра”. Мемуарист отмѣчает факт, который представляется ему странным: “разстрѣлы оказали большое вліяніе на всю ситуацію, они произвели крайне сильное впечатлѣніе не только на обывателей, но и на политическіе круги... разстрѣлы вызвали явную реакцію полѣвнїя среди всей буржуазной политикашующей массы”... *)

Казалось необходимым отмѣтить еще раз всѣ эти черты, так как до сих пор еще держится легенда о том, что революцію вызвала *провокаціонная* стрѣльба полиціи (см., напр., предисловіе проф. Пэрса к книгѣ Керенскаго). Невольно вспоминается, как в единственный день существованія Всероссийскаго Учредительнаго Собранія, в день его открытія, представитель с. д. фракціи, б. член революціоннаго правительства Скобелев сравнивал “драматическую обстановку” 18-го года с послѣдними часами царизма, когда “старые слуги стараго режима, в официальных формах и замаскированные, стрѣляли из-за угла... с крыш в мирных демонстрацїонтов”. Надо и эту легенду, нашедшую себѣ отраженіе в исторических трудах Милокова, окончательно сдать в архив. “Протопоповскіе пулеметы” существовали только в возбужденном воображеніи современников.

3. — “Протопоповскіе пулеметы”.

Эта легенда родилась еще до революціи. Тогда молва, доходившая до кафедры Гос. Думы, утверждала, что правительство провоцирует народные безпорядки для того, чтобы имѣть основаніе заключить сепаратный мир с Германіей. Акредитованные при русском правительствѣ иностранные дипломаты (в частности Бьюкенен) слѣшили сообщить заграницу о той роли, которую играет в данном случаѣ министр

*) Однако и в отношеніи 27-го наллежит слѣдять оговорку — утром никаких «уличных боевъ» (Шляпников) не происходило, — быть может, лишь к вечеру Петербург мог нѣсколько напоминать «осажденный город», когда повсемѣстно стрѣльба начала сплнаться, по выраженію рабочаго Кондратьева в «общій гулъ», а по неосмотрительно употребленным Родзянко словам «на улицах.. началась форменная рѣзня».

ви. дѣл Протопопов. В начальный момент февральских дней “глупые и слѣпые выверты” о провокаціи (мы знаем, что это — выраженіе дневника Гиппиус) были первым отзвуком на начавшіеся беспорядки, — о том свидѣтельствуют не только воспоминанія современников (для Ломоносова “ясна” была полицейская провокація), но и дѣйствительныя записи 17-го года. Так Каррик в Петербургѣ в свой политическій фольклор 25-го февраля занес упоминаніе, что “всѣ” считают событія дня “провокаціей”; равным образом и моряк Рейнгартен в Гельсингфорсѣ позже, 27-го, записывает, “всѣ говорят об участи правительствъ — стали говорить не столько о “провокаціи”, сколько о подготовкѣ министром ви. д. “кроваваго” подавленія ожидавшихся народных волненій (Керенскій).

Легенда в обоих своих вариантах была предметом вниманія Чр. Сл. Комиссіи, но усиленное удареніе, конечно, было сдѣлано на пулеметах. Послѣ того, что было уже сказано, мы можем оставить в сторонѣ никчемную версію, в которую увѣровал комиссар Врем. Прав. член Думы Бубликов (отчасти и другіе), о том, как правительство устроило революцію не только для заключенія сепаратнаго мира, но и сдѣлало это по соглашенію с Германіей. В свой дневник первых дней послѣ ареста Протопопов с полной правдивостью мог занести: “Клянусь, я не допустил бы провокаціи”. Можем мы отбросить и занесенныя Гиппиус в дневник 10 марта признанія Протопопова, яко бы сдѣланныя им в момент ареста в Таврическом дворцѣ в дѣлах поднять себя цѣну в революціонных кругах: “я остался министром, чтобы сдѣлать революцію”. “Безумный шут” — отмѣтила писательница, но ничего подобнаго Протопопов не говорил ни в одном из своих многочисленных, противорѣчивых письменных и устных показаній. Мы должны цѣликом перенести вопрос в плоскость разсмотрѣнія разработаннаго правительством плана о ликвидаціи волненій, если они возникнут в столицѣ.

Тот характер, который носили дѣйствія военных властей в дни, когда ожидаемые беспорядки начались, как уже выяснилось, отнюдь не носил отпечатка обдуманной жестокой расправы в “4 дня”. Об этих “четыре днях” с чужих слов упоминал Протопопов в Чр. Сл. Ком., но лишь в конъюнктурѣ постепенности, с которой предполагали в случаѣ необходимости выдвигать на помощь полиціи казаков и войсковыя наряды. Никакого специфическаго плана послѣдній министр ви. д. при содѣйствіи Курлова, пользуясь и совѣтами Бѣлецкаго, не разрабатывал. Всѣ имѣющіяся данныя вполне подтверждают заявленіе военнаго министра Бѣльева, что предварительныя мѣры на случай беспорядков не выходили за предѣлы того, что “всегда существовало в мирное время”.

Правда, план раздѣленія Петербурга на 16 районов, по которым были распредѣлены военныя силы, был представлен в январѣ на усмотрѣніе верховной власти, но, очевидно, главным образом потому, что надлежало для самостоятельности дѣйствія выдѣлить столицу из вѣдѣнія главнокомандующаго Сѣверным фронтом*). План, выработанный особым совѣщаніем у градоначальника Балка при участіи командую-

*) Бѣлецкій в Чрезв. Слѣдств. Ком. объяснял это выдѣленіе недовѣріем к Рузскому, который тяготѣл к Гос. Думѣ и был будто связан с Гучковым.

щего войсками Хабалова, никакой повизны не представлял по сравнению с тем, что намчалось в апрѣлѣ 16 г. при премьерѣ Штурмерѣ и градоначальникѣ кн. Оболенском.

Особенность его была, быть может, лишь в том, что предполагалось в лучаѣ надобности использовать на помощь полиціи казаков и "учебныя команды" запасных батальонов, не пользуясь основными кадрами, которые считались не вполне надежными *). При такой комбинаціи правительство располагало наличностью в 12 тыс. человекъ. Протопопов указывал в Комиссіи, что обычный полицейскій расчетъ предшествовавшихъ лѣтъ исходил изъ наличности 60 тыс., поэтому и имъ былъ поднятъ вопросъ о привлеченіи войскъ с фронта и выводѣ неснойныхъ запасныхъ частей с территории столицы, что командующій войсками считал невозможнымъ выполнить за неимѣніемъ подходящихъ казармъ в мѣстностяхъ, прилегавшихъ къ Петербургу.

Здѣсь одна легенда влетаетъ въ другую. Эту вторую легенду занесла в свои воспоминанія Вырубова, и о ней распространился въ предсмертной запискѣ Протопоповъ. По словамъ Вырубовой, Царь приказал по очереди приводить на отдыхъ с фронта гвардейскіе полки, но исполнявшій обязанность нач. штаба в Ставкѣ ген. Гурко под "разными предлогами" не выполнялъ распоряженія. По утверженію Протопопова за день до отъѣзда Царя в Ставку, т. е. около 20 февраля, у него произошелъ съ Николаемъ II, секретно отъ А. Ф., такой разговоръ. Царь былъ крайне обезпеченъ — "первый разъ я видѣлъ Государя в такомъ волненіи". "Знаете, что сдѣлалъ Гурко?" — сказалъ Николай II. "Он прислалъ сюда вмѣсто четырехъ полковъ гвардейской кавалеріи три экипажа матросовъ". "Кровь бросилась мнѣ въ лицо: я инстинктивно почувствовалъ что-то опасное". "Государь, — воскликнулъ мин. вн. д. — Это невозможно, это больше, чѣмъ непослушаніе. Всѣ знаютъ, что матросы набраны изъ рабочихъ и представляютъ самый революціонный элементъ". "Да, да, — отвѣтилъ Царь, — Гурко я дамъ голшомовку и кавалерію пришло" **)

Для того, чтобы вставить эпизодъ въ правильныя хронологическія рамки, будемъ имѣть въ виду, что къ этому времени болѣвшій Алексѣевъ вернулся уже къ исполненію своихъ обязанностей. Комментаторы, какъ изъ круговъ крайне правыхъ, такъ и изъ лагеря противоположнаго, готовы толковать "ослушаніе" ген. Гурко, какъ доказательство причастности его къ замысламъ совершенія "дворцоваго переворота". Это какъ-то мало соответствуетъ духу напущеннаго письма Гурко Николаю II 4 марта и придаетъ задуманнымъ планамъ характеръ такой организованности, какой въ дѣйствительности не было (правда, Гучковъ говорилъ, что в февралѣ заговорщики *собрались* въ рѣчныя части подвезти в Петербургъ)***).

*) Шкловскій, служившій в броневой части, говоритъ, что за 3-4 дня до революціи было отдано распоряженіе привести моторы на блиндированныхъ автомобиляхъ в состояніе бездѣйствія и сосредоточить послѣдніе в Михайловскомъ манежѣ.

***) Изъ царской переписки, однако, легко выясняется, что гвардейскій экипажъ пользовался исключительнымъ довѣріемъ верховной власти: матросы всегда были «сердцу ихъ ближе».

****) Бывшій саратовскій губернаторъ Стрелеуховъ, прославившійся своей борьбой съ іером. Иллѣодоромъ, идетъ еще дальше и видитъ причины февральскихъ «голодныхъ» беспорядковъ в сознательной задержкѣ какимъ-то «тайными силами» хлѣба на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Это была какъ бы

И вот относительно казаков мы имѣем документ, как раз противоположной версії о вызовѣ войск с фронта, которую далъ Протопопов. Дѣло шло не о вызовѣ казаков с фронта, а о уходѣ казаков из столицы, — если угодно, в этом можно увидѣть подтвержденіе замыслов в Ставкѣ, но не замыслов правительства*). Из письма военного министра пом. нач. штаба Клембовскому 14 февраля явствует, что в Ставкѣ предполагали два казачьих полка, находившіяся в столицѣ, перевести на фронт. Бѣляев писал, что этого нельзя сдѣлать в виду возможных безпорядков, ибо, примѣняя казаков на роль усмирителей, можно добиться порядка “без стрѣльбы”, которая производит на общество отрицательное впечатлѣніе. Военный министр сообщал, что, если наступит успокоеніе, то можно будет оставить в столицѣ один полк в составѣ шести сотен, но наступит такое время “очень не скоро”, — не раньше 1 марта, через двѣ недѣли, послѣ возобновленія сессіи Госуд. Думы. Упоминает в своем дневникѣ (15-22 января) о вызовѣ гвардейской кавалеріи в виду “опасенія волненій” и придворный исторіограф Дубенскій (упоминает со слов кн. Оболенскаго, уволеннаго с должности градоначальника в концѣ 16 года), при чем ген. Дубенскій записал, что в Царское Село “командируется гвардейскій экипаж, так как сводный полк не очень надежен”, т. е. командируется та именно часть, появленіе которой уже во второй половинѣ февраля привело Царя яко бы в такое волненіе**).

Отбросим и эту вводную легенду — очевидно, достовѣрность ея весьма проблематична. Остается лишь вопрос о пулеметах, которыми вооружена была полиція в дни февраля. Вопрос о пулеметах, дѣйствительно, косвенно, как бы в частном порядкѣ, по инициативѣ нѣкоторых администраторов и совѣтчиков со стороны поднимался в правительственных кругах. Вспомним негодованіе, какое вызвала в Совѣтѣ Министров лѣтом 15 г. дѣятельность Юсупова в Москвѣ. Московскій правитель, между прочим, ставил вопрос о вооруженіи полиціи австрійскими пулеметами. В концѣ 16 г. вопрос о снабженіи войсковых частей пулеметами для подавленія мятежа поднимала записка Римскаго-Корсакова, переданная министру вн. д. Сам Протопопов упоминает в показаніях о своем разговорѣ с Курловым, который считал пѣлесообразным снабдить стражников пулеметами. Тут начинается мѣшанина. Ген. Мартынов, пользовавшійся в своем изслѣдованіи неизданными документами, приводит свидѣтельство нач. арт. упр. при верховн. главнок. ген. Барсукова о том, что мин. вн. д. с начала зимы 15 г. (?) обращался к Алексѣеву с просьбой снабдить полицію пулеметами. В напечатанном текстѣ явная опечатка — в началѣ зимы 15 г. Алексѣев не был еще в Ставкѣ; в началѣ зимы 16 г. — тогда Протопопов не состоял министром вн. д.; в началѣ зимы 17 г. — тогда в Ставкѣ отсутствовал большой Алексѣев. Но отвѣтъ Алексѣева, в изображеніи Барсукова, был определен — он отказал на том основаніи, что пулеметы нужны на фронтѣ. Тѣм не менѣе Протопопов говорил Бѣлецкому в февралѣ (в датѣ и здѣсь безсмыслица): “Мы еще побо-

провокація наоборот, которую отмѣчали раннія донесенія департамента полиціи.

*) См. мою книгу «На путях к дворцовому перевороту».

**) По утвержденію «придворнаго скорохода» Оамера матросы прибыли в Ц. С. уже в декабрѣ.

ремся. Пулеметы уже пришли”. По сообщению Бълецкаго, пулеметы предполагалось примѣнить, если толпа пойдет на Царское Село. А пока что, полиція обучалась стрѣльбѣ из пулеметов — так утверждал Родзянко. Дѣлали это “нагло” — показывал Родзянко в Комиссіи, — дѣлали открыто на площади и в пожарной части на Офицерской. Сын Родзянко с возмущеніем писал отцу из Екатеринослава, что там на соборной площади также открыто обучают полицію обращенію с пулеметами. Подобныя же свѣдѣнія шли из Смоленска. Очевидно, это была “мѣра общаго характера”. В Петербургѣ, как узнал Предсѣдатель Думы, полиція располагала 600 пулеметами. Тогда он и член Гос. Сов. Карпов 21 января подняли дѣло в Совѣтѣ Обороны. Военный министр был смущен и объяснил, что обучаются стрѣльбѣ учебныя войсковыя части. При всеподданнѣйшем докладѣ 1 февраля Родзянко, считавшій что для обывателей достаточно “винтовок”, довел до свѣдѣнія верховной власти о наличности пулеметов у полиціи. Царь сказал: “Я ничего этого не знал и не знаю”, тѣм не менѣе, именно тогда, по словам Родзянко, Николай II заявил: “если вспыхнут беспорядки, я их задавлю”. На вопрос в Чр. Сл. Ком. Протопопов отвѣтил, что он, узнав о пулеметах на газет, запросил Балка, который объяснил свѣдѣнія ошибкой; идет обученіе молодых солдат. Протопопов распорядился дать опроверженіе. Пулеметы послѣ выступленія Родзянко в Совѣтѣ Обороны широко были использованы в революціонной нелегальной печати — им удѣлил вниманіе и “Освѣдомительный Листок” (№ 2) Ц. К. большевиков, говорившій, что во всей Имперіи полиція снабжена пулеметами... В днѣ “недѣли” боев в Петербургѣ никто не сомнѣвался в том, что полиція стрѣляла из пулеметов по толпѣ. “В каждом домѣ мерещились пулеметы” — вспоминал Пѣшехонов: на чердаках, крышах, колокольнях. “У нас притихли пулеметные залпы — записывает Гиппиус 1 марта — но в других районах дѣйствуют во всю и сегодня”. Автор дневника отмѣчал, как “героическіе” городовые “жарят” с Исаакіевскаго Собора. Даже Бълецкій будет говорить о стрѣльбѣ полиціей из пулеметов 1 марта на Бассейной, гдѣ он жил. Со слов кн. Голицына (Предсѣдателя Совѣта) сам военный министр скажет о стрѣльбѣ с крыши дома на Мойкѣ. Что же удивительнаго, если на эту тему в то же первое марта англійскій посол пишет в Лондон Бальфуру официальную телеграмму! Увѣренность была столь велика, что Гиппиус без колебаній записывает, как факт, вздорное сообщеніе, что Протопопов, явившись в Думу, прежде всего передал Керенскому список домов, гдѣ поставлены пулеметы. Их очень много — ген. Лукомскій в письмѣ Каледину говорил о 100 обнаруженных пулеметах, чѣм сильно дискредитировано военное министерство. Было извѣстно, что установкой пулеметов спеціально распоряжался вѣкій жандармскій генерал Гордон. Фактом этим особо заинтересовалась Чр. Сл. Комиссія. Хабалов показал, что он впервые услышал о Гордонѣ и пулеметах от Керенскаго, когда находился в “министерском павильонѣ”. Но так мифическій жандармскій генерал и остался не выясненной загадкой — даже в перечнѣ имен в изданных матеріалах Чр. Сл. Комиссіи, гдѣ так тщательно редакция сообщала званія и пр. титулы всѣх лиц, так или иначе проходивших через слѣдственное производство, Гордон не нашел себѣ соотвѣтствующаго обозначенія. Комиссія вызвала через газетныя публикаціи свидѣтелей, которые могли бы дать точныя свѣ-

дѣнія о пулеметах. Слѣдователь Юзевич-Компанеец допросил иѣсколько сот человек и установил, что всѣ найденныя на улицах пулеметы принадлежали воинским частям и были похищены с воинских складов... Этот итог подвели в эмигрантских публикаціях слѣдователи Чр. Сл. Ком. Руднев и Романов. В своих описаніях они были крайне тенденціозны, и поэтому для нас может быть авторитетнѣе итог, полученный адвокатским бюро, которое организовало с марта 47 слѣдственных отдѣлов для обследованія дѣятельности бывших полицейских участков. 6 іюля бюро передало в учрежденные временныя суды производство о 1197 полицейских чинах — и ни в одном отчетѣ не оказалось данных, указывающих на стрѣльбу из пулеметов. Производил разслѣдованіе и неутомимый Бурцев, сам, по его мнѣнію, подвергшійся обстрѣлу пулеметов. — он заявил, однако, слѣдователю, что “с увѣренностью он ничего не может сказать”. Тов. председателя Комиссіи Завадскій в воспоминаніях высказал предположеніе, что слухи породила установка пулеметов на крышах для защиты столицы против непріятельских аэропланов. Они, дѣйствительно, были в небольшом количествѣ размѣщены начальником воздушной обороны ген. Бурминым на нѣкоторых зданіях (напр., на Зимнем дворцѣ). Стрѣляли ли из них по уличной толпѣ? “Господь их знает” — отвѣтил спрошенный Хабалов. 27-го “может быть, стрѣляли против жителей и, может быть, против правительственных войск”. Пожалуй, болѣе компетентно будет сужденіе революціонера Шкловскаго, получившаго спеціальное порученіе в боевые дни — выявить паличіе “гнѣзд пулеметов”. Он установил, что с крыш пулеметы (т. е. противоаэропланные) не могли своей стрѣльбой задѣвать уличную толпу...

Так знаменитые “Протопоповскіе пулеметы” оказались одной из революціонных сказок — фантазіей назвал их в воспоминаніях член Временнаго Комитета Гос. Думы Шидловскій*).

Ш. Игра в «кошку и мышку».

Так назвал Керенскій в иностранном изданіи своих воспоминаній блужданія императорскаго поѣзда по пути слѣдованія из Могилева в Царское Село. Молодая “мышка” (вѣрнѣе, надо было сказать “кошка”), по его мнѣнію, проявила в сложной игрѣ, продолжавшейся много часов, большое искусство. Временный Комитет — излагает Керенскій тогдашнюю точку зрѣнія — не мог допустить проѣзда Императора в Царское Село, считая это опасным, и рѣшил задержать в пути, в цѣлях войти в переговоры с монархом — дѣло пло, конечно, об отреченіи, ибо “всѣ” отдавали себѣ отчет в том, что это отреченіе необходимо и неминуемо. Комиссар новой власти Бубликов, пристально слѣдившій за продвиженіем литерных поѣздов, получил приказ остановить их на ст. Дно Виндавской дороги. Встрѣтив препятствіе, царскій поѣзд повернул на Лихославль Николаевской дороги и направился в “Бологое” — Временный Комитет распорядился перерѣзать путь на сѣверѣ. Версію эту можно найти и у мемуаристов Ставки, которые

*) Естественно, «сказка» эта о пулеметах на крышах церквей попала и в добросовѣстные иностранныя обзорнія событій революціонных дней (Chessin).

по своему служебному положению должны были знать, что Царь ѣхал из Могилева в обычном порядкѣ, не по Биндавской линіи через Дно на Царское Село, а по болѣе длинному пути, но и болѣе удобному для литерныхъ поѣздовъ, через Оршу, Вязьму, Лихославль до Тосно, а оттуда по передаточной линіи на Ц. Село. Через Дно поѣхал Иванов и, как мы знаем, безпрепятственно доѣхал до мѣста назначенія — никто ему никакихъ препятствій не оказал*).

Дѣло всетаки не в этой существенной неточности. Из всего, что было раньше сказано, ясно, что никакого рѣшенія Врем. Комитета, на которое ссылается Керенскій, не было. Схема захвата Царя в пути в цѣляхъ принужденія его к отказу от престола скорѣе всего произвольно взята из неосуществившагося дореволюціоннаго проекта дворцоваго переворота: “план — показывал Гучков — заключался в том, ...чтобы, захватив по дорогѣ между Ставкой и Царским Селом императорскій поѣзд, вынудить отреченіе”. Эта схема нашла себѣ отклик и в донесеніи англійскаго посла в Лондон 1 марта. По тексту донесенія как-будто бы выходит, что свою информацію Бьюкенен получил от бывшаго министра ин. д. (Покровскаго), сообщившаго послу, что царскій поѣзд остановленъ на ст. Бологое, и что Дума посылаетъ делегатовъ для предъявленія монарху требованія отреченія. Весьма возможно, что свою бесѣду с Покровским, который едва ли в это время могъ быть непосредственно достаточно освѣдомленъ о планахъ Врем. Комитета, посолъ добавлялъ слухами, шедшими к нему из думской периферіи — от тѣхъ, кто былъ связанъ с дореволюціонными проектами и, как видно изъ воспоминаній Бьюкенена, ранѣе освѣдомлялъ его не раз о замыслахъ дворцоваго переворота. Эти посредники могли по своему толковать фактъ или выдавать за осуществляемый планъ предположенія нѣкоторыхъ членовъ думскаго комитета, примыкавшихъ к “скобелевскому” плану в интерпретаціи Гучкова.

Мы видѣли, что неопредѣленность царя в позиціи Врем. Комитета в теченіе всего дня блужданія литерныхъ поѣздовъ. Сомнительно даже, что “временная власть”, какъ таковая, принимала мѣры не допустить пріѣзда Царя в Петербургъ, какъ утверждаетъ формальный предсѣдатель прогрессивнаго блока Шидловскій. Родзянко пытался даже дѣйствовать в противоположномъ направленіи, и ему невольно содѣйствовалъ совѣтскій комиссаръ в званіи коменданта Николаевскаго вокзала “невѣдомый поручикъ Греков”, который, вопреки инструкціямъ думскихъ желѣзнодорожниковъ в центрѣ, больше озабоченныхъ тѣмъ, чтобы не пропустить Царя на фронтъ, довелъ по линіи распоряженіе направить царскій поѣздъ в Петербургъ, минуя передаточную на царскосельскій путь ст. Тосно: происходила, по характеристикѣ Ломоносова, “явная чепуха, каждый дѣлаетъ, что на умъ взбредетъ”. *Этот хаос, а не сознательная воля дѣлателей революціи, в значительной степени опредѣлялъ движеніе литерныхъ поѣздовъ...* Поэтому надлежитъ отвергнуть и модификацію игры в “кошку и мышку”, которую далъ Керенскій в книгѣ «La Verité», появившейся черезъ 10 лѣтъ послѣ воспоминаній.

*) Легенда о томъ, какъ революціонные желѣзнодорожники преградили путь литернымъ поѣздамъ на ст. Дно, какъ было указано, имѣетъ еще меньшую базу подъ собою. Повидимому, и эта легенда рочилась в Ставкѣ. По крайней мѣрѣ, ее повторяетъ вел. князь Александръ Мих., ссылаясь на рассказы своего брата Сергѣя, находившагося в Ставкѣ.

Он уже не говорит о планѣ захвата императорскаго поѣзда в цѣлях добиться отреченія и признает, что свѣдѣнїя Врем. Ком. о мотивах эѣзда Императора из Ставки и о движенїи литерных поѣздов были смутны и неопредѣлены («nous n'avions pas la moindre idée de l'état réel des affaires»). Игра в “кошку и мышку” преслѣдовала, таким образом, только задачу “блокировать поѣзд и изолировать Николая II. По мнѣнїю мемуариста Временный Комитет объективно тѣм самым оказал лично Царю большую услугу. Попади Николай II в этот момент в Царское Село, е.о. положенїе стало бы болѣе трагично (это ясно теперь «pour tout le monde»). Не будем вступать на рискованную стезю гаданїй с том, что могло бы быть. О бывшем же можно сказать, что и эта блокада в большой степени должна быть отнесена в область мифов.

28-го “последнїй рейс” императорскаго поѣзда происходил в нормальной обстановкѣ. Из Вязмы в 3 часа дня Царь телеграфировал женѣ: ...“Надѣюсь, что вы хорошо себя чувствуете и спокойны. Много войск послано с фронта”. В 10 час. веч. в Лихославль получилось сообщенїе, что в Петербургѣ образовалось правительство во главѣ с Родзянко*). На другой день исторїограф так изобразил ход событїй в императорском поѣздѣ: “Ночью опредѣлилось из цѣлаго ряда свѣдѣнїй, что Высочайшїй поѣзд временное правительство направляет не в Царское Село, а в Петроград, гдѣ Государю предложены будут условїя о дальнѣйшем управленїи. Я убѣждал всѣх, написал даже письмо С. П. Федорову, доложить Воейкову и Государю, что в виду ссздавашагося положенїя, надо ѣхать в Псков, гдѣ штаб фронта... Отсюда, взявши войска, надо идти на Петроград и возстановить спокойствїе. Послѣ всяких разговоров и промедленїя, уже доѣхавши в 3 часа ночи до Малой Вишеры, рѣшено было вернуться и через Бологое тянуться к Пскову”. Реальное рѣшенїе было вызвано сообщенїем, что ст. Любань (между М. Вишерой и Тосно) занята революціонными войсками. В сущности и этого не было. Какїя-то случайныя запасныя части по-просту разгромили станціонный буфет**).

Почему же Государь рѣшил направиться в Псков? Раздѣлял ли он тѣ соображенїя своего окруженїя (или части его), которыя выразил Дубенскїй в процитированной записи в дневникѣ? Очевидно, для того, чтобы произвести на иностраннаго читателя большее впечатлѣнїе Керенскїй говорит (в изданїи 38 г.), что Псков был единственный город во всей Россїи, куда Николай II мог еще поѣхать. Почему? Вѣдь литерные поѣзда, не подвергаясь никакой опасности, могли бы вернуться в Могилев. Такая мысль была бы естественна, если бы Алексѣев, дѣйствительно, так настойчиво предупреждал Царя о рискѣ выѣзжать в смутные дни из Ставки. Лукомскїй говорит: “Нѣкоторые объясняют это тѣм, что в бытность в Могилевѣ при началѣ революціи он не чувствовал твердой опоры в своем нач. штаба генералѣ Алексѣевѣ, и рѣшил ѣхать в армію на сѣверный фронт, гдѣ надѣялся

*) Перед тѣм Ник. Ал. получил успокоительную телеграмму из Царскаго, на которую в Лихославль отвѣтил: ...“Рад, что у вас благополучно. Завтра утром надѣюсь быть дома”....

***) Я лично был проѣздом случайным очевидцем фактов, рассказанных буфетчиком со ст. Любань инж. Ломоносову.

найти болѣе твердую опору в лицѣ ген. Рузскаго". Дубенскій в Чр. Сл. Ком. показывал, что большинство настаивало на Псковѣ потому, что там был Рузскій, "человѣкъ умный, спокойный, имѣвшій большое вліяніе на Государя": он мог бы "выяснить положеніе" — или "послать войска", или войти в "какія-нибудь сношенія". Между тѣм мы знаем, что командующій Сѣверным фронтом цѣликом раздѣляя точку зрѣнія нач. штаба Верховной Ставки. И Царь это знал из телеграммы Рузскаго 27-го. Авторитет Алексѣева, укрѣпившійся за долгіе мѣсяцы совместной работы, стоял в глазах Царя несравненно выше, слѣдовательно, и болѣе внушительно было личное вліяніе: сам Рузскій, рассказывая впоследствии в кн. Андр. Влад. о событіях, в которых ему пришлось сыграть такую большую роль, указывал, что он и раньше чувствовал, что Государь ему "не довѣряет". Очевидно, мотивы, которые выставляли Лукомскому, не играли роли в рѣшеніи "тянуться в Пскову".

Дворцовый комендант довольно правдоподобно объяснил в Чр. Сл. Ком., почему поѣхали в Псков. Когда ночью в М. Вишерѣ он доложил Царю, послѣдній приказал "вернуть и ѣхать к ближайшему юзу". Ближайшій юз находился в Псковѣ, гдѣ можно было, таким образом, связаться и со Ставкой, и с Петербургом, и с Царским Селом и получить информацию. Дубенскій впоследствии вспоминал, что Царь относился к задержкѣ в пути "необычайно спокойно": "он, мнѣ кажется, предполагал, что это случайный эпизод, который не будет имѣть послѣдствій и не помѣшает ему доѣхать с нѣкоторым только опозданіем в Царское Село". Воейков подчеркивал, что на обратном пути царскій поѣзд прибыл на ст. Дно без опозданія против нормального времени, несмотря на то, что он шел без "официального наряда". Находившійся в свитѣ императорскаго поѣзда фл.-ад. полк. Мордвинов так и считал, что они вернулись для того, чтобы проѣхать в Царское Село по Виндавской дорогѣ через ст. Дно и Вырицу, т. е. по линіи, по которой прослѣдовал эшелон ген. Иванова. По словам Мордвинова, лишь по прибытіи в Ст. Руссу стало извѣстно, что мост по Виндавской ж. д. то ли испорчен, то ли ненадежен, и тогда рѣшили ѣхать на Псков, а оттуда по Варшавской дорогѣ через Лугу на Царское. Свидѣтельство Мордвинова не очень авторитетно — он сам рассказывает, что на вопрос его Воейкову: "почему мы ѣдем назад?", тот отвѣтил "как-будто шутливо, но с сильным раздраженіем: "молчите, молчите, не ваше дѣло". Во всяком случаѣ, именно в Старой Руссѣ около часа дня была дана телеграмма Рузскому о приѣздѣ Царя в Псков. "Я получил от Воейкова телеграмму. — рассказывал Рузскій в кн. Андрею, — что литерные поѣзда слѣдуют на Псков, и чтобы были приняты мѣры к их безпрепятственному пропуску в Царское Село. На сдѣланное мною по этому поводу распоряженіе, я получил отвѣтъ по всей линіи до Царскаго, что путь свободен, и литерные поѣзда могут слѣдовать безпрепятственно". Из предосторожности был заготовлен особый "поѣзд с рабочей командой, которая в случаѣ необходимости могла бы исправить путь". Так и было до вечера 1 марта, когда произошли извѣстныя событія в Лугѣ, и ген. Болдырев сообщил в Ставку в 8 час. веч.: "весьма вѣроятно, что литерные поѣзда из Пскова не пойдут, так как

задержка в Лугѣ. Во всяком случаѣ, вопрос этот выясняется”. Последнія сомнѣнія отпадают при чтеніи лаконической, как всегда, записи, сдѣланной Царем в дневник и подводящей итог дню перваго марта: “Стыд и позор! Доѣхать до Царскаго не удалось. А мысли и чувства все время там. Как бѣдной Аликс должно быть тягостно одной переживать всѣ эти событія. Помогите нам Господь”.

Издали А. Ф. чувствовала, что муж ея как бы попался в “западню”. В письмѣ, которое не дошло до Царя и само по себѣ запаздывало (оно было написано 2-го в отвѣтъ на телеграмму с сообщеніем о прибытіи в Псков), А. Ф. писала: “Все отвратительно, и событія развиваются с колоссальной быстротой. Но я твердо вѣрю — и ничто не поколеблет этой вѣры — все будет хорошо... Не зная, гдѣ ты, я дѣйствовала, наконец, через Ставку, ибо Родз(янко) притворялся, что не знает, почему тебя задержали. Ясно, что они не хотят допустить тебя увидѣться со мною прежде, чѣм ты не подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцію или еще какой-нибудь ужас в этом родѣ. А ты один, не имѣя за собой арміи, пойманный, как мышь в западню, что ты можешь сдѣлать? Это — величайшая низость и подлость, несмысленная в исторіи — задержать своего Государя... Может быть, ты покажешься войскам в Псковѣ и в других мѣстах и соберешь их вокруг себя? Если тебя принудят к уступкам, то ты ни в коем случаѣ не сѣяван их исполнять, потому что онѣ были добыты недостойным путем”.

Это был крик души, но крик почти истерическій. И только крайне тенденціозное нежеланіе разобраться в фактах могло привести к тому, что автор мѣстами фантастически-легендарной книги “Царь и революція” повторяет истерическій возглас о “западнѣ”, в которую невидимая рука завлекла слишком довѣрчиваго монарха. Не хитроумный план, осуществляемый по замыслу Временнаго Комитета, привел Царя в “старый Псков”. “Западня” была в происходивших событіях. Ретроспективно Керенскій признает, что “западня” ему представляется теперь в ином свѣтѣ, чѣм в 17 г.: Николай II поѣхал в Царское, не отдавая себѣ отчета в безнадежности положенія, желая увидать больных дѣтей и в надеждѣ, быть может, примириться с Думой, сдѣлать соответствующія уступки.

**

Спокойствіе и незаурядная “выдержка”, проявленная Николаем II в “удручающей обстановкѣ” (выраженіе Дубенскаго) 1-го марта, когда он получил тяжелый моральный шок, отложившійся в его сознаніи словами в дневникѣ: “стыд и позор”, представляется для многих своего рода феноменом. Что здѣсь приходило извнѣ — от традиціонных условностей придворнаго быта и умѣнія “владѣть собой совершенно”, годами выработаннаго как бы царским ремеслом, и что рождалось в силу личных свойств самодержца — его “пониженной сознательности”? Каждый по своему разрѣшит психологическую загадку, если она имѣется. Для нас этот вопрос имѣет значеніе постолько, поскольку он уясняет отношеніе монарха к событіям. Запись исторіографа за первое марта нѣсколько неожиданно послѣ разсказа о мотивах, побуждавших ѣхать в Псков для того, чтобы противодѣйствовать

вооруженной силой революціи, непосредственно же приобретает совершенно иной тон. “Все больше и больше определяется, насколько правильно было решение ехать в Псков и избѣгнуть поѣздки в Петроград, гдѣ, навѣрное, произошли бы событія, во всяком случаѣ, неожиданныя” — гласит она в чтеніи на засѣданіи Чр. Сл. Ком.: “Всѣ признают, что этот ночной поворот в Вишерѣ есть историческая ночь в дни нашей революціи. Для меня совершенно ясно, что вопрос о конституціи окончен, она будет введена навѣрное. *Царь и не думает спорить и протестовать*. Всѣ его приближенные за это... всѣ говорят, что надо только стовориться с ними, с членами Временнаго Правительства. Я, свидѣтель этих исторических событій, должен сказать по совѣсти, что даже попыток протеста не было... Старый Псков опять занесет на страницы своей исторіи великіе дни, когда пребывал здѣсь послѣдній самодержец Россіи, Николай II, и лишился своей власти, как самодержец”.

Разительное противорѣчіе, заключающееся между первой половиной записи и второй, может быть объяснено только тѣм, что вторая была сдѣлана в послѣднюю минуту истекшаго дня (в записи имѣется и прямое указаніе — около часа ночи), т. е. в обстоятельствах, совершенно измѣнивших конъюнктуру предшествовавшей ночи и, может быть, психологію нѣсколько примитивнаго исторіографа: впечатлѣнія дня слились, и послѣднее заслонило болѣе раннія переживанія. С этого момента члены ближайшей свиты Императора превращаются в “поклонников конституціи” (выраженіе Дубенскаго) и создается легенда о готовности Императора пойти на коренныя уступки общественным требованіям... Мы знаем, что Дубенскій в воспоминаніях послал мифическое царское согласіе на “конституцію” еще 27-го в отвѣт на телеграмму Родзянко.

В своей обобщающей записи 1 марта исторіограф глухо говорит о бесѣдах среди приближенных Царя по поводу дѣловой “конституціи”, которой не сепаровал и сам монарх. Получается впечатлѣніе, что эти разговоры должны были находиться в связи с ожидавшимся пріѣздом Предсѣдателя Думы на ст. Дно для переговоров с монархом от имени порождевной революціонным порывом временной исполнительной власти. Так создалась легенда, которую не только поддержал, но и развил в своем псевдо-историческом этюдѣ Щеголев — легенда о проектѣ “полуполитическаго” министерства, созданная в процессѣ переживаній монарха в день тяжкаго испытанія перваго марта. “Такую уступочку” общественному мнѣнію, — говорит историк, — могло избрѣсти присущее Николаю лукавство, опирающееся на поразительное невѣжество в конституціонных вопросах”. Опирается легенда на воспоминанія Мордвинова, упоминающаго о том, что Царь “телеграфировал в поѣздѣ Родзянко, назначая его вмѣсто кн. Голицына предсѣдателем Совѣта Министров, и предлагая ему выѣхать для доклада на одну из промежуточных станцій навстрѣчу императорскому поѣзду”. “Тогда же из разговоров выяснилось. — добавляет Мордвинов, — что предполагалось предоставить Родзянко выбор лишь нѣкоторых министров, а министры Двора, военный, морской и иностр. дѣл должны были назначаться по усмотрѣнію Государя Императора и все министерство должно было оставаться отвѣтственным не перед Гос. Думой, а перед

его Величеством". О том, что Мордвинов путает, свидетельствует не-суразная дата, которую он устанавливает для телеграммы Родзянко — это было будто бы еще до прибытия в Вязьму, т. е. в первую половину дня 28-го. Отнесем эти возможные, конечно, в придворной среде разговоры болѣе правдоподобно на сутки позже. Я говорю "возможные", потому что версія "полуотвѣтственного министерства", при всей своей конституціонной "безграмотности", была в то время одной из ходячих версій. Припомним, что в. кн. Михаил, дѣйствовавшій с согласія совѣщанія Совѣта Министров, на котором присутствовали Предсѣдатель Думы и такой испытанный правовѣд, как ст. сен. Крыжановскій, предлагал своему царствовавшему брату как раз подобный же проект "отвѣтственного" министерства. Но еще болѣе показательную иллюстрацію мы можем найти в дневникѣ молодого морского офицера Рейнгартена — одного из тѣх, кто искренне мечтали о "конституціи" для Россіи и дѣятельно готовились к ней: 27 февраля Рейнгартен излагает ближайшую программу дѣйствія, выработанную в кружковых "дружеских бесѣдах" — это, слѣдовательно, коллективное мнѣніе: Гос. Совѣтъ и Гос. Дума составляют "законодательный корпус", который избирает "представителей отвѣтственной перед ними исполнительной власти. При этом всѣ министры, кромѣ военнаго, морского и Двора (как стоящіе нынѣ внѣ вѣдѣнія премьера) должны быть смѣнены". Ходячая версія имѣла уже свою традицію — и не только в тѣх разговорах о "конституціи", которые велись в 15 г. в прогрессивном блокѣ (запись Милюкова отмѣчает, напр., мнѣніе высказанное таким авторитетным государствовѣдом, как Максим Ковалевскій: "мы не занимаемся выборами военнаго и морского министров и, может быть, и иностр. дѣл"), а в прецедентах, значительно болѣе ранних; когда в 1905 г. Милюков вел переговоры с Треповым о реконструкціи правительства и введенія в него общественных элементов, он заранѣе согласился считать "царской прерогативой" назначеніе министров военнаго, морского и Двора...

Я не думаю, что подобный проект могла обсуждать царская свита, но допускаю возможность аналогичных безотвѣтственных разговоров, так как очевидно, прїезд Родзянко неизбѣжно поднимал вопрос о "конституціи", поставленной в порядок дня еще в Ставкѣ. Вейков в Чр. Ст. Ком. рѣшительно отрицал возможность того, чтобы сам Николай II принялъ участіе в политических разговорах со свитой. Этого "никогда не было" — "весь строй, вся атмосфера была — *манекен*". "Вообще о событіях старался не говорить, потому что это не особенно прїятно было". Вся "надежда была на то, что побѣдем в Псков, и все выяснится". И только в Псковѣ в дѣйствительности поднялся вопрос об "отвѣтственном министерствѣ".

Существованіе проекта "полуотвѣтственного министерства", созданнаго в період относительнаго блужданія императорскаго побѣзда, только тогда могло походить на "истину" (документальных доказательств нѣтъ — признает и Щеголев), если бы можно было установить фактъ сношенія Царя со Ставкой и давленія на него со стороны Алексѣева. Информанція, полученная нач. штаба послѣ отбѣзда Императора из Ставки, окончательно убѣдила его в необходимости контакта с общественностью, представленной Временным Комитетом Гос. Думы. Ут-

ром 1-го *наштаверхом* была заготовлена всеподданнѣйшая телеграмма — рѣшительная по содержанию и по тону, Алексѣев телеграфировал: “Революція в Россіи, а послѣдняя неминуемо, раз начнутся безпорядки в тылу, знаменует собой позорное окончаніе войны со всѣми тяжелыми для Россіи послѣдствіями: Армія слишком тѣсно связана с жизнью тыла, и с увѣренностью можно сказать, что волненія в тылу вызовут такія же в арміи. *Требовать от арміи, чтобы она спокойно сражалась, когда в тылу идет революція, невозможно.* Нынѣшній молодой состав арміи и офицерскій состав, среди котораго громадный процент призванных из запаса и произведенных в офицеры из высших учебных заведеній, не дает никаких основаній считать, что армія не будет реагировать на то, что будет происходить в Россіи...”). Мой гѣриподданнический долг и долг присяги обязывает меня все это доложить В. И. В. Пока не поздно, необходимо немедленно принять мѣры к успокоенію населенія и возстановить нормальную жизнь в странѣ. Подавленіе безпорядков силою при нынѣшних условиях опасно и приведет Россію и армію к гибели. Пока Гос. Дума старается водворить возможный порядок, но если от В. И. В. не послѣдует акта, способствующаго общему успокоенію, власть завтра же перейдет в руки крайних элементов, и Россія переживет всѣ ужасы революціи. Умоляю В. В. ради спасенія Россіи и династіи поставить всѣ главѣ правительства лицо, которому бы вѣрила Россія, и поручить ему образовать кабинет. В настоящую минуту это единственное спасеніе. Медлить невозможно и необходимо это провести безотлагательно. Докладывающіе В. В. противное, бессознательно или преступно ведут Россію к гибели и позору и создают опасность для династіи В. И. В.”

Алексѣевская телеграмма, не говорившая еще об отвѣтственном министерствѣ в настоящем смыслѣ, в утренніе часы 1-го не была послана “за отсутствіем связи” с императорским поѣздом. Позже она была отправлена в Петербург “для передачи в Царское Село” в надеждѣ, что Царь туда прибыл, и повторена около 6 час. в штаб Рузскаго для врученія ея Царю, когда тот будет “проѣзжать через Псков”. Свѣдѣнія о том, что “поѣзд лит. А.” прослѣдует через Псков, в Ставкѣ получили в 4 часа, когда поступил запрос главкошѣва с просьбой его “ориентировать” для “возможности соответствующаго доклада”. Из сопоставленія этих документов как-будто бы ясно, что в царском поѣздѣ до прибытія его в Псков никаких свѣдѣній и указаній из Ставки не получали. Такая поправка должна быть сдѣлана к воспоминаніям Пронина, утверждающаго, что телеграмма Алексѣева была передана “немедленно по установленію мѣстонахожденія Государя” — “около 3 час. дня... на ст. Дно”. Аналогичный корректив необходимо внести и к показаніям дворцоваго коменданта, которые ввели в заблужденіе Блока и Щеголева. В топографическом отчетѣ (не очень вразумительной записи) помѣщены слова Воейкова, что “на ст. Дно телеграмму о согласіи Государя принять Родзянко, Алексѣев доложил сам(?). Он получил отвѣт, что Родзянко ѣдет на ст. Дно”. Этим как бы устанавливалась непосредственная связь между “поѣздом лит. А.” и Ставкой, чего в дѣйствительности не было.

Государь прибыл в Псков. не имѣя дополнительных данных, по-

*) Царь твердо был увѣрен в надежности арміи.

ступивших в Ставку за два дня его отсутствія и рисовавших обстановку в болѣе грозном свѣтѣ, нежели это представлялось в момент отъѣзда. “Случайный эпизод”, вызвавшій необходимость измѣнить намѣченный маршрут в Царское Село, не мог произвести радикальной перемѣны в психологiи “самодержца”, упорно отказывавшагося от необходимых уступок общественнымъ требованіямъ в смыслѣ установленія “отвѣтственнаго министерства” подъ вліяніемъ таковаго же, но его мнѣнію, случайнаго бунта в столицѣ. То, что произошло в Псковѣ в ночь на 2-е марта, дѣликомъ подтверждаетъ такое заключеніе.

IV. Псковская драма.

1. — Воздѣйствіе генералитета.

Как ни умѣлъ выѣше владѣть собой Николай II, как ни внушал он себѣ, что все совершающееся большого значенія не можетъ имѣть, впечатлѣнія, полученныя имъ во время тревожнаго “рейса”, не могли не оказать на него воздѣйствія. Едва ли “последній самодержецъ” принадлежалъ къ числу боевыхъ натур, которыхъ опасность возбуждаетъ и заставляетъ идти на рискъ. Скорѣе ему присуща была нѣкоторая пассивность передъ рокомъ — мистическая покорность судьбѣ, какъ охарактеризовалъ Сазоновъ Палеологу натуру Николая II в 14 г. послѣ возвращенія изъ Москвы*). И, можетъ быть, не такъ уже сознательно преувеличивалъ ген. Рузскій, сказавъ в интервью, которое онъ далъ сотруднику “Русской Воли” черезъ нѣсколько дней послѣ отреченія, что, когда Николай II пріѣхалъ в Псков, онъ ни о какихъ “репрессивныхъ мѣрахъ противъ революціи не мечталъ”.

В Псковѣ Николай II долженъ былъ попасть в атмосферу, отнюдь не благопріятствовавшую подогрѣванію тѣхъ иллюзій, которыми убаюкивалъ свое сознаніе “самодержецъ”. Дневникъ ген. Болдырева, ген. кварт. у Рузскаго, довольно отчетливо рисуетъ настроеніе в штабѣ Сѣвернаго фронта. 27-го у него записано: ...“Событія приняли крайне серьезный оборотъ... Д(анилов) говоритъ, что выходъ одинъ — выборъ 30 довѣренныхъ лицъ, которыя в свою очередь выбрали бы кандидата, которому и вручить судьбу Россіи... Но “самъ” увѣренъ, что все это бредни, что Россія благоденствуетъ. Это мнѣніе, по словамъ Д., раздѣляетъ и в. кв. Георг. Мих., бывшій сегодня у главнокомандующаго. Вѣрно, что нѣтъ большей слѣпоты у людей, которые ничего не хотятъ видѣть”... 1 марта запись продолжаетъ: “Рѣшается судьба Россіи... Пскову и Рузскому, видимо, суждено сыграть великую историческую роль... Здѣсь, в Псковѣ, окутанному темными силами монарху придется вынужденно объявить то, что могло быть сдѣлано во-время... Я сказалъ Данило-

*) Столыпинъ говорилъ, что Царь в разговорахъ съ нимъ часто ссылался на многострадальнаго Юва, в день котораго онъ родился — записалъ Палеологъ со словъ Сазонова. Неудачливость мужа в связи съ днемъ Юва отмѣчала и А. Ф. Малодушій и трусости не было в характерѣ Царя — Верховскій рассказываетъ, какое сильное впечатлѣніе на него в молодости произвела выдержка Николая II в моментъ инцидента, происшедшаго на водосвятіи на Невѣ 6 января 1905 г., когда одно орудіе изъ Петропавловской крѣпости произвело выстрѣлъ мартачьей, разорвавшейся непосредственно за царской трибуной. Николай II спокойно ожидалъ всѣхъ 101 выстрѣловъ.

ву, что сегодня вопрос надо кончить, что завтра уже будет поздно. Видимо, они с Русским рѣшили, что другого выхода нѣтъ"... Вѣроятно, эта обстановка и побудила полк. Пронина в Ставкѣ написать в своих воспоминаніях, что Царь в Псковѣ был изолирован — его окружали "холодные люди Сѣвернаго фронта".

В Псковѣ должна была встрѣтить Царя не ложная информация о том, что войска, посланная на усмиреніе бунта, переходят на сторону революціи, а процитированная выше телеграмма начальника штаба, в дополненіе к которой помощник Алексѣева ген. Клембовскій сообщал, что в. кн. Сергій Мих. просит доложить Государю о "безусловной необходимости принятія тѣх же мѣр, которыя указаны в телеграммѣ ген. Алексѣева" — Вел. Князь считал, что наиболѣе подходящим лицом в качествѣ премьера является предсѣдатель Гос. Думы. Была еще повторная телеграмма Брусилова, направленная в 7 ч. веч. на ст. Дно на имя министра Двора и говорившая о гибельности в дни грозной войны для "отечества и царскаго дома" междоусобной брани. Грозные симптомы наступающей катастрофы выступали в сообщеніях об "анархіи" в Кронштадтѣ, об убійствѣ главнаго командира порта адм. Вирепа и об арестѣ офицеров. Командующій флотом Балтійскаго моря адм. Непенин телеграфировал о необходимости пойти навстрѣчу Гос. Думѣ, причем сообщал, что приказал объявить командам телеграмму Родзянко о созданіи Временнаго Комитета: "считаю, что только таким прямым и правдивым путем я могу сохранить в повиновеніи и боевой готовности вѣренныя мнѣ части". Далѣе шла отправленная в 2 часа 30 мин. депеша командующаго войскамъ в Москвѣ Мрововскаго: "В Москвѣ полная революція. Воинскія части переходят на сторону революціонеров". Вѣроятно, только в Псковѣ Царя достигла и та телеграмма брата, которую воспроизвел в воспоминаніях полк. Никитин по копіи, снятой секретарем в кн. Джонсоном и сохраненной в семейном архивѣ кн. Брасовой. Вот она: "Забыв все прошлое, прошу тебя пойти по новому пути, указанному народом. В эти тяжелые дни, когда мы всѣ русскіе так страдаем, я шлю тебѣ от всего сердца этот совѣтъ, диктуемый жизнью и моментом времени, как любящій брат и преданный русскій человек". Надо думать, что Царь получил и письмо начальника англійской военной миссіи ген. Вильямса, помѣченное 1-м марта. Он, как человек "безпредѣльной и искренней преданности", писал, что во время всѣх волненій, которыя он видѣл "в разных государствах", всегда лучшим средством было — имѣть "отдушину" — во всѣх государствах бывают времена, когда необходимо имѣть "бархатную перчатку на желѣзной рукѣ". "Не подлѣжит сомнѣнію, — говорил "не политик и не дипломат, а старый солдат", — что в основѣ настоящих волненій имѣются нѣмецкія козни, но козни эти могут быть уничтожены... Мнѣ кажется, что настало время призвать народ Ваш помочь Вам нести ту громадную тяжесть, которая лежит на ваших плечах". Вильямс говорил о "свободѣ слова в парламентѣ", о правительствѣ, избранном народными представителями.

Так как от Родзянко была получена телеграмма, что он не придет, то функціи посредника должен был взять на себя Русскій. "Я стал доказывать Государю, — рассказывал Русскій в. кн. Андрею Вл. — необходимость даровать отвѣтственное министерство, что уже по

слухам, собственный Е. В. конвой перешел на сторону революционеров, что самодержавіе есть фикція при существованіи Гос. Совѣта и Думы и что лучше этой фикціей пожертвовать для общаго блага. Государь отвѣтил, что “не знает, как рѣшить, что скажет юг Россіи, казачество”. По записи разсказа Рузскаго, сдѣланной Вильчковским также в Кисловодскѣ, основная мысль Николая II заключалась в том, что он “отвѣтствен перед Богом и Россіей за все, что случилось и случится”. Рузскій старался доказать, что слѣдует принять формулу: “Государь царствует, а правительство управляет”. Государь возражал, что “эта формула ему не понятна, что надо было иначе быть воспитанным, переродиться и опять отвѣнил, что лично не держится за власть, но только не может принять рѣшеніе против своей совѣсти и, сложив с себя отвѣтственность за теченіе дѣл перед людьми, не может считать, что он сам не отвѣтствен перед Богом”.

В момент бесѣды, которая происходила “глаз на глаз”, пришла из Ставки новая телеграмма Алексѣева, переданная около 10 час. веч. Неутомимый нач. штаба, повторяя аргументацію предшествовавшаго своего сообщенія, предоставлялъ на усмотрѣніе Царя проект манифеста, умоляя немедленно его опубликовать. Ново в постановкѣ вопроса было то, что в манифестѣ уже опредѣленно говорилось об “отвѣтственном перед представителями народа министерствѣ”, составить которое поручалось предсѣдателю Гос. Думы. Рузскій говорил Андр. Вл., что телеграмма Алексѣева рѣшила дѣло: “Не знаю, удалось ли бы мнѣ уговорить Государя, не будь телеграммы Алексѣева — сомнѣваюсь”. Царь дал согласіе и сказал, что напишет сейчас телеграмму. Рузскій ушел, и через нѣкоторое время ему была доставлена телеграмма на имя Родзянко, в которой отвѣтственное министерство формулировано было как раз в соотвѣтствіи с одной из указанных выше модуляцій примѣнительно к войнѣ. По словам Рузскаго, там было сказано: “поручаю вам сформировать новый кабинет и выбрать министров, за исключеніем военнаго, морскаго и ин. дѣл”. “Тогда я обратился к Воейкову, — продолжает Рузскій по записи Андр. Вл., — с просьбой доложить Государю, что мнѣ он говорил о дарованіи отвѣтственнаго министерства, а в телеграммѣ сказано лишь о сформированіи новаго кабинета без указанія, перед кѣм он отвѣтствен, Воейков вытаращил на меня глаза, заерзал на диванѣ и очень неохотно пошел к Государю. Я осталась ждать. Ждал час, потом второй и ничего*). Тогда я попросил одного из адъютантов сходить и доложить Государю, ждать ли мнѣ или можно уѣхать в штаб. Я чувствовал себя не совсѣм хорошо, да еще безумно устал и еле держался на ногах. Пока адъютант ходил и докладывал, остальные лица свиты стали обсуждать положеніе и, когда узнали, что Государь согласен даровать отвѣтственное министерство, всѣ обрадовались, увѣряя, что давно говорили, что это необходимо было сдѣлать. Кому они об этом говорили, я так и не узнал”. Вѣроятно, в теченіе этой бесѣды и были произнесены горькія и рѣзкія слова стараго главнокомандующаго, отмѣченныя мемуаристами из свиты и занесенныя

*) Быть может, именно к этому моменту слѣдует отнести характерную деталь. Прождав болѣе получаса, Рузскій пошел в купе Воейкова и застал его спокойно развѣшивающим на стѣнах какія то фотографіи — Воейков «забыл» доложить Царю. (В передачѣ Вильчковскаго сцена относится к моменту, предшествовавшему докладу).

в дневник Дубенскаго*). На вопрос: “что же дѣлать?” Рузскій между прочим, сказал: “Ну, господа, поздно, ничего нельзя теперь — теперь нужно сдаваться на милость побѣдителя и согласиться на тѣ условія, которыя предложены”... Дубенскій в воспоминаніях, написанных в эмиграціи, отнеся бесѣду с Рузским на первый момент пріѣзда в Псков, изобразил характер бесѣды в духѣ ином, чѣм Рузскій. По его словам, Фредерикс, сказав Рузскому, что рѣшено дать отвѣтственное министерство, просил его помочь Царю. “Теперь уже поздно”, — сказал Рузскій: “Я много раз говорил, что необходимо идти в согласіи с Гос. Думой и давать тѣ реформы, которыя требует страна. Меня не слушали. Голос хлыста Распутина имѣл большее значеніе. Им управлялась Россія”... — “с яростью и злобой говорил ген.-ад. Рузскій”. “Послѣ разговора с Рузским мы стояли всѣ потрясенные и как в воду опущенные. Послѣдняя наша надежда, что ближайшій главнокомандующій Сѣверным фронтом поддержит своего Императора, очевидно, не осуществится. С цинизмом и грубою опредѣленностью сказанная Рузским фраза: “надо сдаваться на милость побѣдителя”, все уясняла и с несомнѣнностью указывала, что не только Дума, Петроград, но и лица высшаго командованія на фронтѣ дѣйствуют в полном согласіи и рѣшили произвести переворот... Ген.-ад. К. Д. Нилов был особенно возбужден и, когда я вошел к нему в купе, он, задыхаясь, говорил, что этого предателя Рузскаго надо арестовать и убить, что погибает Государь и вся Россія”... “Только самыя рѣшительныя мѣры по отношенію к Рузскому, может быть, улучшили бы нашу участь, но на рѣшительныя дѣйствія Государь не пойдет”, — сказал Нилов. К. Д. весь вечер не выходит из купе и сидѣлъ мрачный, не желая ничего видѣть”...

“Прождал я всего около двух часов, — рассказывал далѣе Рузскій все в той же заниси. — был уже первый час ночи, когда меня позвали к Государю. Там был гр. Фредерикс, и Государь передал мнѣ вновь составленную телеграмму, гдѣ уже было сказано о дарованіи отвѣтственнаго министерства без ограниченія”. Вильчковскому Рузскій говорил, что при обсужденіи проекта манифеста, предложеннаго Алексѣевым, как-то чувствовалось нѣчто “похожее на безразличіе”, Рузскому показалось, что Царь даже передумал, и поэтому он спросил: “не будет ли он дѣйствовать против воли Государя”, сообщив в Ставку и в Петербург о согласіи Царя на манифест. Государь отвѣтил, что “принял рѣшеніе, ибо и Рузскій, и Алексѣев, с которым он много на эту тему раньше говорил, одного мнѣнія, а ему, Государю, известно, что они рѣдко сходятся на чем-либо вполнѣ”. Принять рѣшеніе Царю было “очень тяжело, но раз этого требует благо Россіи, он на это по чувству долга должен согласиться”... Наряду с согласіем на отвѣтственное министерство Рузскій, как мы знаем, получил разрѣшеніе приостановить движеніе войск с фронта. Царь самому “диктатору” предписал ничего не предпринимать до его пріѣзда.

Послѣдловавшая затѣм бесѣда Рузскаго с Родзянко изложена нами в другом мѣстѣ. В этом ночном разговорѣ была поставлена дилемма об отреченіи. Припомним, что Родзянко не знал, как отвѣтить на вопрос Рузскаго: “нужно ли выпускать манифест?” — “все зависит от

*) Каждый из них относит слова Рузскаго к различным моментам.

событій, которыя летят с головокружительной быстротой". Сам Рузскій считал болѣе осторожным не выпускать манифеста до свиданія с Царем, которое должно было состояться в 10 час. утра. Всѣ матеріалы были сообщены в Ставку. Прочитав ленту переговоров Рузскаго с Родзянко, Алексѣев просил немедленно разбудить Царя и доложить ему бесѣду с Родзянко, ибо переживается "слишком серьезный момент, когда рѣшается вопрос не одного Государя, а всего царствующаго дома в Россіи"... "важна каждая минута и всякіе этикетки должны быть отброшены". Алексѣев указывал, что необходимо сдѣлать сообщеніе в арміи, ибо "неизвѣстность хуже всего и грозит тѣм, что начнется анархія в арміи". Передавая распоряженіе Алексѣева по должности "официально", ген. Лукомскій, с своей стороны, просил Данилова доложить Рузскому, что по его, Лукомскаго, "глубокому убѣжденію, выбора нѣтъ и отреченіе должно состояться. Надо помнить, что вся царская семья находится в руках мятежных войск... Если не согласиться, то, вѣроятно, произойдут дальнѣйшіе эксцессы, которые будут угрожать царским дѣтям, а затѣм начнется междоусобная война, и Россія погибнет под ударом Германіи, и погибнет вся династія. Мнѣ больно это говорить, по другому выхода нѣтъ". Впервые слова об отреченіи попали на официальную ленту штабных разговоров. Их произнес Лукомскій, передавая, очевидно, главенствовавшія тогда настроенія в Ставке*). Чрезвычайно знаменательно, что это признал генерал правых политических убѣждений, выдвигавшій план отъѣзда Царя в Особую армію для противодѣйствія революціи...

"Ген. Рузскій через час будет с докладом у Государя", — отвѣчал Лукомскому Данилов, — "и поэтому я не вижу надобности будить главнокомандующаго, который только что, сію минуту, заснул и через полчаса встанет... Что касается неизвѣстности, то она, конечно, не только тяжела, но и грозна. Однако, и ты, и ген. Алексѣев отлично знаете характер Государя, и трудность получить от него опредѣленное рѣшеніе. Вчера весь вечер до глубокой ночи прошел в убѣжденіях поступить в пользу отвѣтственнаго министерства. Согласіе было дано только к двум часам ночи, по, к глубокому сожалѣнію, оно — как это, в сущности, и предвидѣлъ главнокомандующій, явилось запоздалым... Я убѣжден, к сожалѣнію, почти в том, что, несмотря на убѣдительность рѣчей Ник. Ва. и прямоту его, едва ли возможно будет получить опредѣленное рѣшеніе. Время безнадежно будет тянуться. Вот та тяжелая картина и та драма, которая происходит здѣсь"... "Дай Бог, чтобы ген. Рузскому удалось убѣдить Государя. В его руках теперь судьба Россіи и царской семьи", — подал заключительную реплику Лукомскій.

Понимал ли это сам Николай II? Ни личныя свойства, отмѣченныя Даниловым, ни религіозная концепція власти, традиціонно воспринятая с рожденія, выдвинутая в разговорѣ с Рузским, не могут объяснить того исключительнаго упорства, которое проявил монарх в эти, дѣйствительно, грозные для него дни. Да, здѣсь было еще "что-то", что мѣшало правдивому воспріятію происходившаго. Царь "про-

*) В область мемуарных переживаній, очевидно, надо отнести утвержденіе помощника Лукомскаго, полк. Пронина; «Будь Император в Ставке, событія приняли бы, болѣе, чѣм вѣроятно, другой оборот».

изводил впечатлѣніе челоуѣка задерганнаго, который перестал понимать, что пужно дѣлать, чтобы найти выход из положенія”, — в таких выраженіях подвел итоги того, что ему пришлось слышать, Милюков в Чр. Сл. Ком. Возможно, что такая характеристика и не так далеко была от истины. Почти аналогичное впечатлѣніе вынес Кокковцов из послѣдняго свиданія с Императором, которое происходило за пять недѣль до революціи.

Таким образом, безконечно трудная задача стояла перед тѣми, кто понимал необходимость быстрого рѣшенія вопроса. Оно диктовалось не нетерпѣніем людей, поддавшихся психозу момента и легко подчинившихся вліянію политиков — оно диктовалось прежде всего реальными требованіями фронта. Я бы боялся приписать только Алексѣеву инициативу обращенія к командующим фронтом в дѣлах побороть нерѣшительность и двойственность Царя. Эту двойственность замѣтил Рузскій; этой двойственности боялся и Алексѣев, указавшій утром 2-го, в бесѣдѣ по юзу с Брусиловым, на то, что он “не вполне” довѣряет ликвидаці Ивановской миссіи... Обращеніе к командующим фронтом было сдѣлано между 10-11 часами утра послѣ упомянутой весьма показательной бесѣды двух генералов. Сам Алексѣев говорил с Брусиловым; Клембовскій с Эвертом; Лукомскій с Сахаровым; ему же было поручено передать на Кавказ в. кн. Ник. Ник. через ген. Янушкевича. Текст передачи был выработан единообразный. Послѣ краткаго изложенія основных положеній, высказанных ночью Родзянко, шло добавленіе: “обстановка (в своей передачѣ Алексѣев прибавил “туманная”), повидимому, не допускает иного рѣшенія, и каждая минута дальнѣйших колебаній повысит только притязанія, основанныя на том, что существованіе арміи и работа жел. дорог являются фактически в руках петроградскаго временнаго правительства. Необходимо спасти дѣйствующую армію от развала, продолжать до конца борьбу с вѣнским врагом, спасти независимость Россіи и судьбу династіи нужно поставить на первом планѣ, хотя бы цѣною дорогих уступок. Если вы раздѣляете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма слѣшно свою вѣрноподданническую просьбу Е. В. через главноверха, извѣстив напшотверха? Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существованія Россіи, и что между высшими начальниками дѣйствующей арміи нужно установить единство мыслей и цѣлей. Армія должна всеми силами бороться с вѣнским врагом, а рѣшенія относительно внутренних дѣл должны избавить ее от искушенія принять участіе в переворотѣ, который болѣе безболѣзненно совершится при рѣшенія сверху”. “Колебаться нельзя. Время не терпит. Совершенно с вами согласен... тут двух мнѣній быть не может”. — отвѣтил Брусилов Алексѣеву. Ген. Эверт, соглашаясь, что “вопрос может быть разрѣшен безболѣзненно для арміи, если только он будет рѣшен сверху”, спрашивал: есть ли время стовориться с командующими. “Время не терпит, дорога каждая минута”, — отвѣчал ему Клембовскій: “никого исхода нѣтъ. Государь колеблется, единогласныя мнѣнія командующих могут побудить его принять рѣшеніе, единственно возможное для спасенія Россіи и династіи. При задержкѣ в рѣшеніи вопроса Родзянко не ручается за сохраненіе спокойствія, при чем все может кончиться гибельной анархіей”. “Повидимому, как ни грустно, а придется согласиться с этим единственноым выходом”.

— говорит Сахаров, предпочитая, однако, дать окончательный отвѣтъ послѣ полученія мнѣнія других главнокомандующих и, главное, отвѣта с Кавказа.

Нельзя не отмѣтить одной черты. В постановкѣ Родзянко еще не существовало дилеммы в качествѣ категорическаго императива: говорилось лишь, что “грозное требованіе отреченія... становится опредѣленным требованіем”^{*)}). На фронтѣ сомнѣнія были разрѣшены в пользу этого императива, ибо надлежало положить конец колебаніям — требовалась опредѣленность. Можно допустить, что это произошло почти бессознательно для верховнаго командованія: по крайней мѣрѣ Алексѣев через нѣсколько дней на представленной ему запискѣ бесѣды англійскаго ген. Вильямса с вдовствующей императрицей в Могилевѣ, гдѣ упоминалось, что Царь отрекся от престола по настояніям ген. Рузскаго, сдѣлал помѣтку: “Вопрос этот в Петербургѣ был рѣшен уже 1/III, 2-го Милоков уже говорил об этом в своей рѣчи”.

В 9½ час. утра Рузскій дѣлал доклад верховному повелителю. Запись Вильчковскаго, проводящаго опредѣленную тенденцію реабилитаціи Рузскаго в глазах эмигрантскихъ монархистов и пытающагося всю инициативу отреченія отнести за счет Алексѣева (запись явно иногда не точная и спутывающая разные моменты), дает такіа подробности: “Ген. Рузскій спокойно, “стиснувъ зубы”, как он говорил, но страшно волнуясь в душѣ, положил перед Государемъ ленту своего разговора. Государь, молча, внимательно все прочел. Встал с кресла и отошел к окну вагона... Наступили минуты ужасной тишины. Государь вернулся к столу... и стал говорить спокойно о возможности отреченія. Он опять вспомнил, что его убѣжденіе твердо, что он рожден для несчастья, что он приносит несчастье Россіи; сказал, что он ясно сознавал вчера еще вечером, что никакой манифест не поможет. “Если надо, чтобы я отошел в сторону для блага Россіи, я готов на это”, — сказал Государь: “но я опасуюсь, что народ этого не поймет. Мнѣ не простят старообрядцы, что я измѣнил своей клятвѣ в день священнаго коронованія; меня обвинят казаки, что я бросил фронт”... Рузскій высказал еще свою надежду, что манифест все успокоит, и просил обождать совѣта и мнѣнія ген. Алексѣева, хотя не скрыл, что, судя по словам ген. Луксмскаго, видимо, в Ставкѣ склоняются к мнѣнію о необходимости отреченія. В это время подали срочнo дошедшую телеграмму Алексѣева (циркулярную — обращеніе к главнокомандующимъ). Рузскій, блѣдный, прочел вслух ея содержаніе. “Что же вы думаете Н. В.?” — спросил Государь. — “Вопрос такъ важен и такъ ужасен, что я прошу разрѣшенія В. В. обдумать эту депешу раиьше, чѣмъ отвѣчать... посмотрим, что скажутъ главнокомандующіе остальныхъ фронтов. Тогда выяснится вся обстановка”. Государь..., сказав: “Да, и мнѣ надо подумать”, отпустил его до завтрака”.

По записи Андр. Вл. — “Государь внимательно читал, но ничего не отвѣчал”. Какъ будто это болѣе соответствуетъ утренней обстановкѣ послѣ длительной ночной бесѣды. “Я еще спросил, — записываетъ Андр. Вл., — откуда могла имп. Марія Фед. рассказывать знакомымъ,

^{*)} Керенскій совершенно ошибочно приписываетъ Родзянко послышку утром 2-го марта специальной телеграммы от имени Думы с требованіем отреченія.

со слов Государя, что во время разговора в Псковѣ он, Рузскій, стукнул кулаком по столу и сказал: “Ну, рѣшайтесь же, наконецъ”, — разговор шел об отреченіи. Рузскій мнѣ отвѣтил: “Я не знаю, кто мог это выдумать, ибо ничево подобнаго никогда не было. Вѣроятнѣе всего это Воейков наврал, послѣ того, что я с ним рѣзко говорил”.

Вновь был вызван Рузскій к Царю в 2 часа дня. Он просил разрѣшенія привести с собой ген. Данилова и ген. Савича (гл. нач. снаб. фронта), ибо, как он сказал “прямо” Царю: “В. В., я чувствую, что Вы мнѣ не довѣряете... Пусть они оба изложат свое личное мнѣніе” (по записи Андр. Вл.). Сначала Рузскій доложил всѣ полученныя за послѣдніе часы свѣдѣнія. “Когда очередь дошла до телеграммы ген. Алексѣева с заключеніями главнокомандующих (передана была в 2 ч. 30 м.) — рассказывает уже Данилов, — то ген. Рузскій положил телеграфныя ленты на стол перед Государем и просил прочесть их лично”. В. кн. Ник. Ник. “колѣнопреклоненно” молил спасти Россію и наслѣдника: “осѣнив себя крестным знаменіем, передайте ему Ваше наслѣдіе. Другого выхода нѣтъ”... Брусилов, исходя из своей преданности и любви к родинѣ и царскому престолу, считал, что отказ от престола “единственный исход”. Эверт, отмѣчая, что “средств прекратить революцію в столицах нѣтъ никаких” (“на армію при настоящем ея составѣ разсчитывать при подавленіи безпорядков нельзя”), умолял, как “безгранично преданный... вѣрноподанный”, принять рѣшеніе, согласованное с заявленіем предсѣдателя Думы, как “единственно, видимо, способное прекратить революцію и спасти Россію от ужасов анархіи”. Докладывая приведенныя телеграммы, Алексѣев, с своей стороны, умолял “безоглядательно принять рѣшеніе, которое Господь Бог внушит Вам... Промедленіе грозит гибелью Россіи. Пока армію удастся спасти от проникновенія болѣзни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другіе города. Не ручаться за дальнѣйшее сохраненіе военной дисциплины нельзя. Прикосновеніе же арміи к дѣлу внутренней политики будет знаменовать неизбѣжный конец войны, позор Россіи, развал ея. В. И. В. горячо любите родину и ради ея плѣлости, независимости, ради достиженія побѣды, соизволите принять рѣшеніе, которое может дать мирный и благополучный исход из создавашагося болѣе, чѣм тяжелаго, положенія... Ожидаю повелѣній”. Лишь телеграмма ген. Сахарова, пришедшая из Ясс с опозданіем на час и доложенная особо, была составлена в иных тонах. Не совсѣм соответственнo тому, что главнокомандующій румынским фронтом говорил по юзу Лукомскому, все же Сахаров приходил к тѣм же заключеніям: генерал возмущался “преступным и возмутительным отвѣтом предсѣдателя Гос. Думы на высокомилоостивое рѣшеніе Государя Императора даровать странѣ отвѣтственное министерство”. “Горячая любовь моя к Е. В. — говорил Сахаров — не допускает души моею мириться с возможностью осуществленія гнуснаго предложенія, переданнаго Вам предсѣдателем Думы. Я увѣрен, что не русскій народ, никогда не касавшійся Царя своего, задумал это злодѣйство, а разбойническая кучка людей, именуемая Гос. Думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведенія своих преступных дѣл. Я увѣрен, что арміи фронта непоколебимо стали бы за своего державнаго вождя, если бы не были призваны к защитѣ родины от врага внѣшняго и если бы не были в руках тѣх же государственных

преступников, захвативших в свои руки источники жизни армии. Таковы движения *сердца и души*. Переходя же к *логике разума* и учитывая создавшуюся безвыходность положения, я, непоколебимо верный подданный Е. В., рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболѣзненным выходом для страны и для сохранения возможности продолжать биться с вѣншим врагом является рѣшеніе пойти навстрѣчу уже высказанным условіям, дабы промедленіе не дало пищу к предъявленію дальнѣйших и еще гнуснѣйших притязаній". Гораздо позже, в 8 час. 40 мин. вечера, была получена телеграмма Нелепина: "С огромным трудом удерживаю в повиновеніи флот и вѣрныя войска... Всеподданнѣйше приседаю к ходатайствам вел. кн. Н. Н. и главнокомандующих фронтами о немедленном принятіи рѣшенія, формулированнаго предсѣдателем Думы. Если рѣшеніе не будет принято в теченіе ближайших же часов, то это повлечет за собой катастрофу с неисчислимыми бѣдствіями для нашей родины".

Затѣм Рузскій обрисовал обстановку, указав, что выход один — отреченіе. "Но я не знаю, хочет ли этого вся Россія?" — сказал Государь, по словам другого мемуариста, непосредственнаго свидѣтеля происходившаго, ген. Савича. "В. В., — возразил Рузскій, — заниматься сейчас анкетой обстановки не представляется возможным, но событія несутся с такой быстротой и так ухудшают положеніе, что всякое промедленіе грозит неисчислимыми бѣдствіями. Я Вас прошу выслушать мнѣніе моих помощников; они оба в высшей степени самостоятельны и притом прямые люди". Наступила очередь для выступленія приглашенных экспертов... "Ген. Данилов, — рассказывал Рузскій Андр. Вл., — в длинной рѣчи изложил свое мнѣніе, которое сводилось к тому, что для общаго блага Россіи Государю необходимо отречься от престола. Примѣрно то же, но короче, сказал ген. Савич". Сам Данилов в воспоминаніях представляет свою рѣчь очень кратко. Что же касается Савича, то "генерал этот, — рассказывает сам Савич о себѣ, — страшно волновался. Приступ рыданій сдвиг его горло". Чувствуя, что он "сейчас разрыдается", генерал только сказал: "Я человек прямой и поэтому вполне присоединяюсь к тому, что сказал генерал Н.", т. е. Данилов*). Наступило общее молчаніе, длившееся одну-двѣ минуты. Государь сказал: "Я рѣшился. Я отказываюсь от престола". Перекрестились генералы. Обращаясь к Рузскому, Государь сказал: "Благодарю Вас за доблестную и вѣрную службу" и поцѣловал его. Затѣм Государь ушел к себѣ в вагон".

Что побудило Царя к такому неожиданно скорому рѣшенію. "Весь

* Волненіе Савича отмѣчает и Данилов. Другой мемуарист, очень пристрастный в своих отмѣтках, нѣсколько по иному изображает настроеніе ген. Савича в этот рѣшающій день — правда, через нѣсколько часов послѣ сцены, о которой идет рѣчь. В посмертных воспоминаніях Гучкова говорится: «В вагонѣ, в котором происходила бесѣда об отреченіи Государя, кромѣ Рузскаго, Шульгина и меня, находился ген. Савич, б. командир корпуса жандармов. Помню, как меня тогда возмутило его веселое настроеніе. У нас было глубокое ощущеніе трагизма этого момента, а у него: «Ах слава Богу, кончилось все это...» Этот жандарм, ликующій во время отреченія его монарха, является символической фигурой». В Псковѣ, естественно, появилось чувство облегченія в момент, когда, по выраженію самого Гучкова в показаніях, «тяжелая операція, которая назрѣвала и должна была совершиться, наконец, закончилась».

вопрос об отречении. — записал Андр. Вл., — был рѣшен от 2 до 2 ч. 45 м. дня, т. е. в 3/4 часа времени, тогда как вопрос об отвѣтственном министерствѣ наканунѣ рѣшался от 9 час. до 12½ ночи”. Можно ли это объяснить только мистикой Николая II, считавшаго лично себя в правѣ отречься от престола, но не в правѣ ограничивать предѣлы полномочій царской власти? (объяснение Гурко). Центр тяжести, думается, надо перенести в иную плоскость. Очевидно, на монарха произвело сильное впечатлѣніе коллективное выступленіе главнокомандующих. В. кн. Александр Мих. рассказывает, что позже, в Могилевѣ, Царь ему показывал пачку телеграмм, полученных от главнокомандующих, и когда он нашел телеграмму, подписанную Ник. Ник., “впервые голос его дрогнул: “Даже он”, — сказал Никии”...

По словам Рузскаго, Царь вышел для того, чтобы написать телеграмму об отречении. Ровно в 3 часа Государь вернулся и передал двѣ телеграммы: одну в Петербург на имя предсѣдателя Думы, другую напштоверху в Ставку: “Нѣтъ той жертвы, которую Я не принес бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія родимой матушки Россіи. Посему Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына с тѣм, чтобы Он оставался при Мнѣ до совершеннолѣтія, при регентствѣ брата Моего Михаила Александровича”, — гласила телеграмма Родзянко. (По словам Савича, прибавка о регентствѣ была сдѣлана по указанію Рузскаго). “Во имя блага, спокойствія и спасенія горячо любимой Россіи Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына. Прошу всѣх служить Ему вѣрно и нелицемѣрно”, — гласила телеграмма в Ставку. Телеграммы были помѣчены: “15 часов”.

Не всѣ еще детали исковаго дѣйствія можно выяснитъ. так, напр., в болѣе поздней телеграммѣ ген. Данилова в Ставку (6 час. веч.) говорится: “одно время возникло предположеніе у Государя поѣхать через Двинск в Ставку, но вскорѣ эта мысль была оставлена в виду второй бесѣды Е. В. с ген. Рузским, о которой я уже донес напштоверху”. В опубликованных матеріалах этого донесенія нѣтъ. Очевидно, мысль о поѣздѣ в Ставку была оставлена послѣ принятаго рѣшенія об отречении.

2. — С в и т с к а я и н т р и г а .

В момент, когда заканчивался первый акт исковаго дѣйствія, пришло сообщеніе из Петербурга о предстоящем приѣздѣ в Псков с экстренным поѣздом Гучкова и Шульгина. “Я предложил Государю, — говорил Рузскій Андр. Вл., — лично сперва с ними переговорить, дабы выяснитъ, почему они ѣдут, с какими намѣреніями и полномочіями”. Таким образом, было рѣшено телеграммы не посылать до приѣзда думских делегатов, при чем, по утвержденію Вильчковскаго, телеграмму в Ставку Царь взял обратно из рук Рузскаго. “Не прошло и ½ часа послѣ моего ухода, — продолжал Рузскій по той же записи разговора, — как ко мнѣ пришел один из флигель-адъютантов и попросил вернуть Государю телеграмму. Я отвѣтил, что принесу лично и пошел в царскій поѣзд и застал Государя и гр. Фрелерикса. Я чувствовал, что Государь мнѣ не довѣряет и хочет вернуть телеграмму обратно, почему прямо заявил: “В. В. я чувствую, Вы мнѣ не довѣряете, но позвольте послѣднюю службу все же сослужить и переговорить

до Вас с Гучковым и Шульгиным и выяснить общее положение". На это Государь сказал: "Хорошо, пусть останется, как было ршено"... Я вернулся к себѣ в вагон с телеграммой в карманѣ и еще раз предупредил коменданта, чтобы, как только прѣдут Гучков и Шульгин, вести их прямо ко мнѣ в вагон". "Мнѣ хотѣлось узнать от них, — добавлял Рузскій, — в чем дѣло, и, если они вправду прѣехали с цѣлью просить Государя об отреченіи, то сказать им, что это уже сдѣлано. Хотѣлось мнѣ спасти, насколько возможно, престиж Государя, чтобы не показалось им, что под давленіем с их стороны Государь согласился на отреченіе, а принял его добровольно и до их прѣзда. Я это сказал Государю и просил разрѣшенія сперва их повидать, на что получил согласие". Болдырев записал 2-го со слов Данилова, что "Государь был особенно неприятно поражен, что это ршеніе (об отреченіи) придется выполнить в присутствіи, а, может быть, и под давленіем ненавистнаго ему А. И. Гучкова**). Вильчковскій в соотвѣтствіи со своей тенденціей приписывает Рузскому намѣреніе убѣдить, при личном свиданіи, делегатов в ненужности стреченія. Почему Рузскому надо было оставлять при таких условіях телеграмму? Рузскій, по противоположному мнѣнію Щеголева, "не хотѣл выпустить из своих рук козыря" и, желая "упредить Царя", намѣревался первым встрѣтить делегатов. Не проще ли повѣрить, мотивам Рузскаго в изложеніи Андр. Вл.: он хотѣл показать делегатам, что вопрос об отреченіи уже ршен по мимо их вмѣшательства.

Среди царскаго окруженія родилась мысль попытаться аннулировать принятое ршеніе. Что такая мысль дѣйствительно была, видно из записей, довольно противорѣчивых, дѣйствовавших лиц. Наибольшее значеніе, естественно, может имѣть современная запись Дубенскаго, помѣченная 4 час. 45 мин.: "Сейчас узнал в поѣздѣ Государя, что событія идут все страшнѣе и неожиданнѣе... Государь, дабы не дѣлать отказа от престола под давленіем Гучкова и Шульгина, неожиданно послал отвѣт телеграммой с согласіем отказаться от престола. Когда Воейков узнал это от Фредерикса, пославшаго эту телеграмму, он попросил у Государя разрѣшеніе вернуть эту телеграмму. Государь согласился. Воейков быстро вошел в вагон съиты и заявил Нарышкину (пач. воен. поход. канц.), чтобы он побѣжал скорѣе на телеграф и пріостановил телеграмму. Нарышкин пошел на телеграф, но телеграмма ушла, и пач. тел. сказал, что он попытается ее остановить. Когда Нарышкин вернулся и сообщил это, то всѣ, стоящіе здѣсь, Мордвинов, Штакельберг и я, почти в один голос сказали: "все кончено". Затѣм выражали сожалѣніе, что Государь так поспѣшил, всѣ были разстроены, насколько могут быть разстроены эти пустые, эгоистичные в большинствѣ люди". В дальнѣйшем исторіограф записал: "Оказалось, что телеграммы Рузскій не успѣл передать, она за-

*) Из писем А. Ф. хорошо извѣстно, насколько она враждебно относилась к этому политическому дѣятелю. В дневникѣ ген. Поливанова за 12 г. под 18 февраля имѣется такая анекдотическая отмѣтка: «Военный министр передал мнѣ, что Государь сгодня опять говорил с неудовольствіем о Гучковѣ и спрашивал военнаго министра, передал ли он ему, что Государь изывает его «подлецом». Сухомлинов отвѣтил, что такого случая еще не представилось». Палеолог называет в дневникѣ Гучкова «личным врагом Их Величества».

держана до приѣзда Гучкова и Шульгина. Долго разговаривали всѣ, и Воейков, по моему настоянію, пошел и сказал Государю, что он не имѣет права отказываться от престола только по желанію Временнаго Правительства и командующих фронтами.. Я доказывал, что отреченіе вызовет междоусобицу, погубит войну и затѣм Россію". Дальнѣйших записей Дубенскаго мы пока не знаем. В Чр. Сл. Ком. Дубенскій, комментируя свои записи, сказал: "всѣ эти соображенія были совершенно не признаны Государем-Императором... Насколько мнѣ извѣстно, он к этому отнесся довольно спокойно: "Раз этого желают, раз командующіе арміями написали, приѣхали представители, значит, воля Божья".

Воспоминанія фл.-ад. Мордвинова дают как бы продолженіе прерванных для нас записей Дубенскаго. Они нѣсколько по иному изображают свитскую интригу. Узнавъ от Фредерикса об отреченіи и о телеграммах, переданных Рузскому, и боясь, что Рузскій поспѣшит их отправить, между тѣм как приѣзд думских уполномоченных может измѣнить положеніе ("может Шульгин и Гучков... сумѣют отговорить и иначе повернуть дѣло... Вѣдь мы не знаем, что им поручено, и что дѣлается там у них"), чины свиты ("мы всѣ") убѣдили министра Двора пойти к Государю и добиться приказа "взять телеграммы от Рузскаго". Фредерикс пошел и через нѣсколько минут вернулся с соответствующим распоряженіем. Тогда к Рузскому был послан Нарышкин, вернувшійся, однако, с пустыми руками". Свиту рѣшеніе Рузскаго о предварительном свиданіи с думскими уполномоченными "взволновало... необычайно": "в желаніи Рузскаго настоять на отреченіи и не выпускать этого дѣла из своих рук не было уже сомнѣній". "Мы вновь пошли к Фредериксу просить настоять перед Е. В. о возвращеніи этих телеграмм, а проф. Федоров, по собственной инициативѣ, направился к Государю. Было около четырех часов дня, когда С. П. вернулъ обратно в свое кулѣ, гдѣ большинство из нас его ожидало. Он нам сказал, что вышла перемѣна, и что все равно прежних телеграмм теперь нельзя послать: "я во время разговора о поразившем всѣх событіи, — пояснил он, — спросил Государя: "Развѣ В. В. Вы полагаете, что Алексѣй Ник. оставят при Вас послѣ отреченія?" — "А отчего же нѣтъ?" — с лѣкоторым удивленіем спросил Государь: "Он еще ребенок и естественно должен оставаться в своей семьѣ, пока не станет взрослым. До тѣх пор будет регентом Михаил Александрович". "Нѣтъ, В. В., — отвѣтил Федоров, — это вряд ли будет возможно и по всему видно, что надѣяться на это Вам совершенно нельзя"*). Государь, по словам Федорова, немного задумался и спросил: "Скажите, С. П., откровенно, как Вы находите, дѣйствительно ли болѣзнь Алексѣя такая неизлѣчимая?" — "В. В., наука нам говорит, что эта болѣзнь неизлѣчима, но многіе доживают при ней до значи-

*) По воспоминаніям Дубенскаго в разговорѣ с Федоровым Царь упомянулъ, что он останется около сына, будет заниматься его воспитаніем, устраниаясь от всякой политической дѣятельности, но что ему было бы очень тяжело оставить родину. На слова Федорова, что ему «никогда не разрѣшат жить в Россіи, как бывшему императору», Ник. Ал. сказал: «Я это сознаю, но неужели могут думать, что я буду принимать когда-либо участіе в какой-либо политической дѣятельности, послѣ того, как оставлю трою».

тельного возраста, хотя здоровье Ал. Ник. и будет всегда зависеть от всяких случайностей**). “Когда так, — как бы про себя сказал Государь, — то я не могу разстаться с Алексѣем. Это было бы уже сверх моих сил... к тому же, раз его здоровье не позволяет, то я буду имѣть право оставить его при себѣ”... Кажется, на этих словах разсказа, потому что других я не запомнил, вошел... гр. Фредерикс, сходящій во время нашего разговора к Государю, и сообщил, что Е. В. приказал потребовать от Рузскаго задержанныя им объ телеграммы, не упоминая ему, для какой именно это дѣли. Нарышкин отправился вновь и на этот раз принес их обратно”.

Исторія с телеграммами остается неясной. Итоги Мордвинов знал, в концѣ концов, из вторых рук. Он сам признается: “Нас по обычаю продолжали держать в полной неизвѣстности и, вѣроятно, по привычкѣ же даже и на этот раз забыли о нашем существованіи”. Мордвинов ошибся, — телеграммы не были возвращены. О вторичной попыткѣ получить назад телеграмму об отреченіи упоминал и сам Рузскій в бесѣдѣ с Андр. Вл.**). По словам Рузскаго, это было уже в момент, когда приближался поѣзд с думскими уполномоченными. Уступил Царь настойчивым обращеніям окружающей свиты? Возможно, что у него в послѣднюю минуту блеснула надежда на нѣкоторый просвѣт. В 6 ч. 55 м. Царю была передана та телеграмма Родзянко от имени Временнаго Комитета, в которой говорилось о конструированіи совѣта министров под предсѣдательством Львова, о подчиненіи войск новому Правительству и о необходимости для установленія полного порядка командировать в Петербург ген. Корнилова. Мы видѣли, что даже Алексѣев в Ставкѣ из этой телеграммы дѣлал вывод о переимѣннѣ настроеній в Петербургѣ и, слѣдовательно, возможности измѣненія в вопросѣ об отреченіи. Так, повидимому, представлялось одно время и Рузскому. Ген. Данилов вспоминает, что Рузскій ему говорил (при вечернем свиданіи), что он посоветовал Государю задержать отправку телеграмм до бесѣды с ожидавшимися делегатами, приняв в соображеніе, что ѣдет Шульгин, “слышій всегда убѣжденным и лойальным монархистом”***), — “не повѣрнулись ли дѣла в столицѣ таким образом, что отреченіе Государя явится ненужным, и страна скажется удовлетворенной созданіем отвѣтственного министерства”. Но все-таки наиболѣе естественно предположить, что именно около 7 час. вечера, когда ожидался делегатскій поѣзд, Царь пожелал имѣть телеграмму об отреченіи, так как под влияніем разговора с лейб-медиком

*) По собственноручной записи Федорова, которой пользовался ген. Мартынов, вопрос о гемофилиі наследника Царем был поставлен так: «Григорій Ефимович все время говорил, что А. Ник. к 13 годам будет совершенно здоров. Я и Государыня привыкли вѣрить Гр. Еф., потому что все, что он предсказывал, всегда сбывалось». На это Федоров и отвѣтил: «Если вѣрить в чудо, то можно надѣяться... Современная медицина таких примѣров не знает».

***) В записи Ан. Вл. все время говорится только об одной телеграммѣ. Телеграмму Алексѣеву Царь с самаго начала оставил у себя (по записи Вильчковскаго). По существу, конечно, это второстепенный вопрос — важны перипетіи, связанная с этим фактом.

****) Въ, конечно, помнили, как Шульгин в 1906 г. от имени «одного милліона» вольнских жителей представлял Царю демонстративныя петиціи «за самодержавіе».

Федоровым рѣшил измѣнить форму отреченія и отречься за сына в пользу брата. По нѣкоторой своей скрытности он ничего не сообщил Рузскому о мотивах, оставляя того в невѣдѣніи о причинах колебаній, которыя Рузскій замѣчал в “царском поѣздѣ”. Такое объясненіе и дает ген. Данилов.

Совершенно естественно, что источник свитских закулисных дѣйствій Рузскій видѣл в дворцовом комедантѣ, хотя по утвержденію Дубенскаго (в воспоминаніях) у Царя послѣдній “едва ли имѣл в эти тревожные часы значеніе прежде всего потому, что Е. В., по моему личному мнѣнію, никогда не считал Воейкова за челоуѣка широкаго государственнаго ума и не интересовался его совѣтами и указаніями”. Возвращаясь от Царя послѣ перваго посѣщенія Нарышкина, — рассказывал Рузскій Андр. Вл., — он зашел к Воейкову и тут “у меня произошел довольно крупный разговор, даже не разговор, а я просто наговорил кучу истин, примѣрно такого содержанія: “Я почти ничѣм не обязан Государю, но вы*) ему обязаны во всем и только ему, и вы должны были знать, ...что творилось в Россіи, а теперь на вас ляжет тяжелая отвѣтственность перед Родиной, что вы допустили событія притти к такому роковому концу. Он так на меня и вытаращил глаза, не ничего не стѣвил”..

Так шли часы в императорском поѣздѣ в ожиданіи пріѣзда думских уполномоченных. “По наружности” было, “как всегда”, — вспоминает Мордвинов. Этикет соблюдался. За пятичасовым чаем “ни одного слова, ни одного намека на то, что всѣх нас мучило, не было”. Говорили о “пустяках” и думали: “когда же, наконец, кончится это сидѣніе за чаем”. Послѣ чая “опять всѣ вмѣстѣ в купѣ адм. Нилова”, — “все еще” озабоченные “попытками переимѣнить роковое рѣшеніе”. “Телеграмму об отреченіи удалось задержать и все еще может повернуться в другую сторону” в зависимости от переговоров с думскими делегатами. “Надо, во что бы то ни стало, не допустить их до предварительнаго свиданія с Рузским, а сейчас же, как пріѣдут, провести к Государю!” “Воейков, по приказанію гр. Фредерикса, поручил это мнѣ, как дежурному”...

V. Думскіе делегаты.

Поѣзд с уполномоченными Временнаго Комитета в Псковѣ ждали в 7 час. вечера; он прибыл в 9 часов. В промежуткѣ проходили обычные поѣзда. Вот поѣзд, идущій в Петербург. Мордвинов отмѣчает, что толпа, хотя и знала уже, что находится “вблизи Царя”, “держала себя отнюдь не вызывающе”... О “всеобщей ненависти к династіи” тут не было и поминка. Но вот поѣзд из Петербурга — первый “послѣ

*) Очевидно, «истины» касались не лично одного Воейкова, а всей придворной камарильи. Послѣдняя в послѣдствіи мстила Рузскому усиленным распространеніем молвы о лсковской «западнѣ», сдѣлавшей невозможным поѣзд Николая II в Ставку. Винберг уже не стѣняется в квалифікаціи сознательнаго предательства стараго генерала. В «правдивых» воспоминаніях Боткиной, гдѣ наворочена куча путаницы, «западнѣ» переносится на ст. Дно. Это здѣсь Рузскій вмѣстѣ с думскими депутатами заставил Царя отречься под угрозой ухудшенія положенія его семьи в Царском Селѣ.

революционных дней". Впереди бѣжал какой-то полковник. Дубенскій спросил его о городских настроеніях: "теперь все хорошо, город успокаивается, и народ доволен". — "Что же говорят о Государѣ, о всей перемѣнѣ?" — допрашивал генерал. — "Да, о Государѣ почти ничего не говорят, надѣются, что временное правительство с новым царем Михаилом (вѣдь его хотят на царство) лучше справится"... Эта бытовая зарисовка сама по себѣ отвѣчала на опасеніе придворнаго историографа, что отреченіе должно неминуемо вызвать междоусобицу.

Мордвинов, как и хотѣл, перехватил делегатов и провел их, минуя Рузскаго, непосредственно в салон-вагон императорскаго поѣзда. Придворный журнал отмѣтил: "от 9 час. 45 м. веч. Е. В. принимали министра Имп. Двора гр. Фредерикса, ген.-ад. Рузскаго, члена Гос. Совѣта Гучкова, чл. Гос. Думы Шульгина и свиты ген.-майора Нарышкина". В дѣйствительности Рузскій опоздал и пришел в сопровожденіи Данилова уже тогда, когда Гучков излагал ход событій в Петербургѣ*). Всѣ присутствовавшіе, за исключеніем престарѣлаго гр. Фредерикса, рассказали обстановку, в которой произошло формальное отреченіе от престола царствовавшего монарха. Ген. Нарышкин, в качествѣ нач. поход. канцеляріи, вел как бы официальную записку. Она сохранилась и была напечатана Сторожевым в 22-м году**). Трудно назвать то, что записывал Нарышкин в свою "записную книгу", протоколом, но всетаки будем исходить от этой официальной записки, оставляя в сторонѣ бытовые черты, зарисованныя мемуаристами, и лишь добавляя из воспоминаній нѣкоторые штрихи.

"Мы пріѣхали с членом Гос. Думы Шульгиным, чтобы доложить с том, что произошло за эти дни в Петроградѣ, и вмѣстѣ с тѣм посоветоваться***) о тѣх мѣрах, которыя могли бы спасти положеніе", — начал Гучков. — "Положеніе в высшей степени угрожающее"... Это не есть результат какого-нибудь заговора или заранѣе обдуманнаго переворота, а это движеніе вырвалось из самой почвы... и сразу получило анархическій отпечаток, власти ступешивались... Так как было страшно, что мятеж примет анархическій характер, мы образовали так называемый Временный Комитет Гос. Думы и начали принимать мѣры, пытаясь вернуть офицеров к командованію нижними чинами; я сам лично объѣхал многія части и убѣждал нижних чинов сохранять спокойствіе. Кромѣ нас, засѣдает в Думѣ еще Комитет рабочей партіи, и мы находимся под его властью и его цензурою. Опасность в том, что, если Петроград попадет в руки анархіи, то нас, умѣренных, сметут, так как это движеніе начинает нас уже захлестывать.

*) Шульгин говорит, что Царь спросил: «А. Ник. Вл.?» Кто-то сказал, что ген. Рузскій просил доложить, что немного опоздает. — «Тогда мы начнем без него». Колоритная деталь, если принять во вниманіе все происшедшее. Но очень уж много у Шульгина произвольных постройеній.

**) Сторожевым она была напечатана, как анонимная записка. Ген. Маргьнов засвидѣтельствовал, что, по словам б. нач. опер. отдѣла Ставки Базилевскаго, это — копія протокола, хранившася в дѣлах его отдѣленія, т. е., запись Нарышкина.

***) «Дать... тѣ совѣты, которые мы находим нужным» — в изложеніи рѣчи, данном Гучковым в показаніях Чр. Сл. Ком. 2 августа.

Их лозунг: провозглашение социалистической республики*). Это движение захватывает низы и даже солдат, которых общаюот отдать землю. Вторая опасность, что движение перекинется на фронт... Там такой же горючий материал, и пожар может перекинуться по всему фронту, так как нѣтъ ни одной воинской части, которая, попав в атмосферу движения, тотчас же не заражалась бы... **). В пародѣ глубокое сознание, что положеніе создалось ошибками власти и именно верховной власти, а потому нужен какой-нибудь акт, который подѣйствовал бы на сознание народное. Единственный путь — это передать бремя верховнаго правленія в другія руки. Можно спасти Россію, спасти монархическій принцип, спасти династію, если Вы, В. В., объявите, что передаете свою власть вашему маленькому сыну, если Вы передадите регентство в. к. Михаилу Александровичу***) и если от *вашего имени* (курсив мой) или от имени регента будет поручено образовать новое правительство, тогда, может быть, будет спасена Россія. Я говорю “может быть”, потому что событія идут так быстро, что в настоящее время Родзянко, меня и других умѣренных членов Думы крайніе элементы считают предателями; они, конечно, против этой комбинаціи, так как видят в этом возможность спасти наш исконный принцип. Вот В. В. только при этих условиях можно сдѣлать попытку водворить порядок... Прежде, чѣм на это рѣшиться, Вам, конечно, слѣдует хорошенько подумать, помолиться, но рѣшиться всетаки не позже завтрашняго дня, потому что уже завтра мы не будем в состояніи дать совѣтъ, если Вы его у нас спросите, так как можно опасаться агрессивных дѣйствій толпы”.

По мнѣнію Шульгина, Гучков говорил “негладко и глухо”, с трудом справляясь с волненіем. Наоборот, по характеристикѣ Данилова, “ровный, мягкій голос” Гучкова произносил “тихо, но отчетливо роковыя слова”. Царь смотрѣлъ “прямо перед собой, спокойно, совершенно непроницаемо”. Когда Гучков говорил об отреченіи, Рузскій обратился к своему сосѣду, Шульгину, и сказал, что “Государь уже рѣшил этот вопрос” и “передал одновременно Царю извѣстную телеграмму. Рузскій думал, что Царь развернет телеграмму (она была сложена пополам) и прочтет ее”. “Каково было мое удивленіе,— передавал Рузскій Андр. Влад., — когда Государь взяв телеграмму, спокон-

*) В показаніях Чр. Сл. Ком. Гучков, конечно, пропустил всѣ эти выпады против «комитета рабочей партіи». Вѣроятно, Гучков свою аргументацію представлял в болѣе причесанном видѣ, нежели записывал генерал-референт.

**) Возможно, что здѣсь политика причесал уже генерал, составлявшій протокол. Гучков, по его словам, говорил рѣзче: «всякая борьба с этим движеніем безнадежна... ни одна воинская часть не возьмет на себя выполненіе этой задачи»... всякая часть, «как только она соприкоснется с петроградским гарнизоном и подышет тѣм общим воздухом, которым дышет Петроград... перейдет неминуемо на сторону движения»... «Поэтому — добавлял Гучков — всякая борьба для вас бесполезна». Сообщая о присоединеніи конвоя Е. В. к новой власти, Гучков сказал: «Видите, вы ни на что рассчитывать не можете». В послѣдующих репликах своих в Чр. Сл. Ком. Гучков утверждал, что его поддерживал Рузскій, сказав, что «никаких воинских частей» он не мог бы послать в Петербург.

***) В изложеніи Гучкова сказано: «кому-нибудь из великих князей, напр., Мих. Ал.».

но сложили ее еще раз и спрятал в карман**). Ни Гучков, ни Шульгин, к удивлению, всего этого не замѣтили. В газетах того времени — по крайней мѣрѣ в “Русск. Вѣд.”, которые лежат перед моими глазами, — очень скудно сообщены были подробности отреченія, при чем свѣдѣнія проводили опредѣленную тенденцію. Рѣчь Гучкова в газетном изложеніи (4 марта) заканчивалась сообщеніем о распоряженіи правительства (?) вернуть войска, посланные с фронта. Тогда Царь “тихо” спросил: “что же мнѣ дѣлать?” “Отречься от престола”, — отвѣтил представитель новой временной правительственной власти. Царю в руки был дан для подписи заготовленный заранее акт отреченія, — заканчивало сообщеніе, — и Царь подписал его”. В таком изложеніи добровольное согласіе Царя на отреченіе, данное, как мы знаем, даже до вѣсти о пріѣздѣ петербургских делегатов, совершенно ступшевывалось. Для психологіи момента это было чрезвычайно важно и поясняет многое из того, что потом послѣдовало. Надо хорошо запомнить, эту черту. В дѣйствительности все происходило далеко не так, как описывала печать.

Вернемся к официальной записи. Вот дальнѣйшая выдержка из нея in extenso: *Его Величество*: “Раньше вашего пріѣзда и послѣ разговора по прямому проводу ген. Рузскаго с предсѣдателем Гос. Думы я думал в теченіе утра и во имя блага, спокойствія и спасенія Россіи я был готов на отреченіе от престола в пользу своего сына, но теперь, еще раз обдумав положеніе, я пришел къ заключенію, что в виду его болѣзненности мнѣ слѣдует отречься одновременно и за себя, и за него, так как разлучаться с ним я не могу***).

Член Гос. Сов. Гучков: “Мы учли, что облик маленькаго Ал. Ник. был бы смягчающим обстоятельством при передачѣ власти”.

Ген.ад. Рузскій: “Его Величество безпokoится, что, если престол будет передан наслѣднику, то Е. В. будет с ним разлучен”.

Чл. Гос. Думы Шульгин (не Гучков ли?): “Я не могу дать на это категорическаго отвѣта, так как мы ѣхали сюда, чтобы предложить то, что мы передали”.

Эту слишком лаконическую запись, не совѣм, быть может, отчетливую, необходимую поподнить. “Всѣ так были огорошены совершенно неожиданным рѣшеніем Государя”, — записал Андр. Вл. со слов Рузскаго***). “Гучков и Шульгин переглянулись удивленно между собой, и Гучков

*) В своем разсказѣ Савич подтверждал, что Рузскій телеграмму передал Царю при Гучковѣ.

**) Шульгин: послѣ взволнованнаго слова Гучкова, голос Царя звучал «спокойно, просто и точно». Только акцент был немного чужой — «гвардейскій».

***) Шульгин говорит, что Рузскій знал о перемѣнѣ уже тогда, когда к нему приходил Мордвинов (т. е., Нарышкин) за телеграммами. Оговариваясь, что «событія этого дня» (т. е., до момента пріѣзда делегатов) «должно быть» разсказаны ему Рузским, Шульгин заключал: «во всяком случаѣ эти событія можно считать «точно установленными, как я изложил. Однако, на дѣлѣ Шульгин не все точно воспринял. И в данном случаѣ версія, изложенная Ан. Вл., представляется болѣе правдоподобной, т. е. Рузскій не знал до послѣдняго момента о происшедшей перемѣнѣ в рѣшеніи Царя.

отвѣтил, что такого рѣшенія они не ожидали и просили разрѣшенія обсудить вдвоем вопрос и перешли в сосѣднее столовое отдѣленіе". Комментируя слова Царя, Гучков в Чр. Сл. Ком. говорил: "И лично ту комбинацію, на которой я, по порученію *нѣкоторых членов* (курсив мой) думскаго Комитета настаивал, находил болѣе удачной, потому что... эта комбинація малолѣтняго государя с регентом представляла для дальнѣйшаго развитія нашей политической жизни больше гарантій, но, настаивая на прежней комбинаціи, я прибавил, что, конечно, Государю не придется разсчитывать при этих условіях на то, чтобы сын остался при нем и при матери, потому что нисто, конечно, не рѣшится довѣрить судьбу и воспитаніе будущаго государя тѣм, кто довел страну до настоящаго положенія. Государь сказал, что он не может разстаться с сыном и передает престол своему брату". Со слов Рузскаго, Лукомскій передает, что Царь будто бы склонялся уже к комбинаціи отреченія в пользу сына*), но колебаніям был положен конец словами Гучкова, что Государю придется уѣхать за границу, а сын должен будет остаться в Россіи при регентѣ.

По протоколу бесѣда продолжалась. *Его Величество*: "Давая свое согласіе на отреченіе, я должен быть увѣренным, что вы подумали о том впечатлѣніи, какое оно произведет на всю остальную Россію". *Член Гос. Сов. Гучков*: "Нѣтъ, В. В., опасность не здѣсь. Мы опасаемся, что, если объявят республику, тогда возникнет междоусобіе". *Чл. Гос. Думы Шульгин*: "Позвольте мнѣ дать нѣкоторое поясненіе, в каком положеніи приходится работать Гос. Думѣ. 26-го (?) вошла толпа в Думу и вмѣстѣ с восруженными солдатами заняла всю правую сторону, лѣвая сторона занята публикой, а мы сохранили всего двѣ команты, гдѣ ютится так называемый Комитет. Сюда тащат всѣх арестованных, и еще счастье для них, что их сюда тащат, так как это избавляет их от самосуда толпы; нѣкоторых арестованных мы тотчас же освобождаем. Мы сохраняем символ управленія страной, и только благодаря этому еще нѣкоторый порядок мог сохраниться, не прерываясь движеніе жел. дорог. Вот при каких условіях мы работаем; в Думѣ это сумасшедшій дом. Нам придется вступить в рѣшительный бой с лѣвыми элементами, а для этого нужна какая-нибудь почва... Относительно Вашего проекта, разрѣшите нам подумать хотя бы четверть часа. Этот проект имѣет то преимущество, что не будет мысли о разлученіи и, с другой стороны, если Ваш брат, в. кн. Мих. Ал., как полноправный монарх, присягнет конституціи одновременно с вступленіем на престол, то это будет обстоятельством, содѣйствующим успокоенію".

Чл. Гос. Думы Гучков: "У всѣх рабочих и солдат, принимавших участіе в беспорядках, увѣренность, что водвореніе старой власти — это расправа с ними, а потому нужна полная перемѣна. Нужен на народное воображеніе такой удар хлыста, который сразу перемѣнил бы все. Я пахожу, что тот акт, на который Вы рѣшились, должен сопровождаться и назначеніем предсѣдателя Совѣта министров кн. Львова".

Его Величество: "Я хотѣл бы имѣть гарантію, что вслѣдствіе мо-

*) Указаніе, что Царь уже взял перо для подписи манифеста, во всяком случаѣ надо отнести к числу мемуарных вольностей.

его ухода и по поводу его не было бы пролито еще лишней крови". *Чл. Г. Д. Шульгин*: "Может быть, со стороны тѣх элементов, которые будут вести борьбу против поваго строя, и будут попытки, но их не слѣдует опасаться. Я знаю, напиримѣр, хорошо город Кіев, который был всегда монархическим, теперь там полная перемяна". *Его Величество*: "А вы не думаете, что в казачьих областях возникнут беспорядки?" *Чл. Г. С. Гучков*: "Нѣт, В. В., казаки все на сторонѣ поваго строя".

Здѣсь я искусственно обрываю официальную запись, ибо, очевидно, наступил момент перерыва, котораго требовали делегаты*). Вновь запись Андр. Вл. наиболѣе отчетливо рисует картину. "Вскорѣ я пошел к Гучкову и Шульгину, — рассказывает Рузскій, — и спросил их, к какому они пришли рѣшенію. Шульгин отвѣтил, что они рѣшительно не знают, как поступить. На мой вопрос, как по основным законам: может ли отрекаться за сына, они оба не знали. Я им замѣтил, как это они будут по такому важному государственному вопросу и не захватили с собой ни тома основных законов, ни даже юриста. Шульгин отвѣтил, что они вовсе не ожидали такого рѣшенія. Потолковав немного, Гучков рѣшил, что формула Государя приемлема, что теперь безразлично, имѣл ли Государь право или нѣт. С этим они вернулись к Государю". Данилов говорит, что новая комбинація власти смутила и его. Он обратил во время перерыва вниманіе Гучкова на то, что такое рѣшеніе может вызвать в будущем тяжелыя послѣдствія**). "Не думаю", — отвѣтил ему Гучков и направил его к Шульгину, который де является "спеціалистом не такого рода государственно-юридическим вопросам". Шульгину вопрос: "Алексѣй или Михаил? перед основным фактом отреченія казался "частностью"***).

"Оставалось только подчиниться". — объяснял 2-го августа Гучков. "В. В., — сказал Гучков по официальной записи, — у Вас заговорило человѣческое чувство отца, и политику тут не мѣсто, так что мы ничего против Вашего предложенія возразить не можем". "Хотите еще подумать?" — спросил Царь. — "Нѣт, я думаю, что мы можем сразу принять Ваше предложеніе". Гучков, по его словам, настоялъ на том, чтобы немедленно был составлен акт отреченія, так как он останется в Псковѣ час или полтора и должен уѣхать, имѣя акт отреченія в руках. Царю был предложен в "качествѣ матеріала" проект, составленный паканунѣ и привезенный в Псков. "Е. В., отвѣтив, что проект уже составлен, удалился к себѣ, — гласит официальная запись,

*) Запись фактического перерыва не отмѣчает. А. Шульгин говорит, вопреки утвержденіям Рузскаго и Данилова: «кажется, я просил четверть часа — посоветоваться с Гучковым... Но это почему то не вышло».

***) Судя по дневнику Болдырева, сомнѣнія Данилова заключались не только в нарушеніи закона о престолонаслѣдїи, но и в морганатическом бракѣ вел. кн. Михаила. На «совѣщанїи в вагонѣ» возник «серьезный вопрос о супружествѣ новаго государя» — записал Болдырев.

***)) Вслѣдствїи Шульгин, пытался так изобразить ход своей мысли: «пустить будет неправильность!.. Может быть, этим выиграется время. Нѣкоторое время будет править Михаил, а потом, когда все уговорится, выяснится, что он не может царствовать, и престол перейдет к Ал. Ник.». «Как будто не я думал, а кто-то другой за меня, болѣе быстро соображающій» — пишет Шульгин. Это было просто разсужденіе post factum самооправдывающагося носителя идеи легитимизма.

— гдѣ собственноручно исправил заготовленный с утра манифест об отреченіи в том смыслѣ, что престол передается в. кн. Мих. Александровичу... Е. В. подписал манифест и, войдя в вагон-салон, в 11 ч. 40 м. передал его Гучкову". Гучков прочел манифест. "Текст был написан тѣми удивительными словами, которыя теперь всѣ знают", — вспоминает Шульгин. "Каким жалким показался мнѣ набросок, который мы привезли... Государь принес и его и положил его на стол... К тексту отреченія нечего было прибавить... Во всем этом ужасѣ на мгновеніе пробился один свѣтлый луч... Я вдруг почувствовал, что с этой минуты жизнь Государя в безопасности... Половина шипов, вонзившихся в сердце Его подданных, вырвалась этим лоскутком бумаги... Так благородны были эти прощальныя слова... И так почувствовалоь, что Он так же, как и мы, а, может быть, гораздо больше любит Россію".

Очевидно, манифест был прекрасен, если производил такое впечатлѣніе на слушателей, но только к основному его тексту не приложилась рука монарха. Текст манифеста был составлен в Ставкѣ, по порученію Алексѣева, камергером Базили при непосредственном участіи самого начальника штаба и Лукомскаго*) и был послан Царю в 7 ч. 40 м. на случай, если Царь "соизволит принять рѣшеніе". Исторія нѣсколько подшутила над мемуаристом, слишком нарочито и неизмѣнно выставлявшим свои монархическія чувствованія**).

"Депутаты попросили вставить фразу о присягѣ конституціи новаго императора (продолжает официальная запись), что тут же было сдѣлано Е. В.***). Одновременно были собственноручно написаны Е. В. указы Прав. Сенату о назначеніи предсѣдателем Совѣта министров кн. Львова****) и верховным главнокомандующим вел. кн. Ник. Ник.*****). Чтобы не казалось, что акт совершен под давленіем пріѣхавших депутатов и так как самое рѣшеніе об отреченіи от престола было принято Е. В. еще днем, то по *совѣту депутатов* на манифестѣ было поставлено при подписи 3 часа дня, а на указах Прав. Сенату 2 часа*****). В заключеніе член Думы Шульгин спросил Е. В.

*) Лукомскій говорит, что к составленію проекта он и Базили приступили, вооружившись сводом законов, послѣ телеграммы Рузскаго о том, что Государь просит составить проект манифеста (т. е., около 3 час. дня).

**) На генерала Селивачева на фронтѣ манифест произвел совсѣм иное впечатлѣніе. 3 марта он записал в дневник: «По слогу манифеста совершенно ясно, что он продиктован Государю от перваго до послѣдняго слова». Данныя, нами приведенныя, по существу не оставляют мѣста для сомнѣній. Разрѣшить вопрос уже безоговорочно могло бы только недоступное нам ознакомленіе с оригиналом.

***) Шульгин — показывал 2 авг. Гучков — «сдѣлал два-три замѣчанія, нашел нужным внести нѣкоторыя второстепенныя поправки». Шульгин предложил: «принесія всенародную присягу». Царь написал: «ненарушную», что стилистически было гораздо правильнѣе — отмѣчает Шульгин.

****) В соотвѣтствіи с заявленіями депутатов.

*****) «Мы не возражали, быть может, даже подтвердили» — указывал Гучков.

*****) Этим придавалась юридическая легальность назначеніям, которую в то время хотѣли имѣть делегаты: «Повелѣваем быть Предсѣдателем Совѣта Министров» и т. д. Это дало повод Троцкому в «Исторіи русской революціи» говорить о «поддѣлкѣ историческаго акта», так как «дневное рѣшеніе» было «фактически взято обратно в расчетъ на болѣе благоприятный оборот колеса».

об его дальнѣйшихъ планахъ. Е. В. отвѣтилъ, что собирается поѣхать на нѣсколько дней в Ставку, может быть, в Кіевъ, чтобы проститься с Государыней Императрицей Мар. Фед., а затѣмъ останется в Царскомъ Селѣ до выздоровленія дѣтей. Депутаты заявили, что они *приложатъ всю усилія*, чтобы облегчить Е. В. выполненіе его дальнѣйшихъ намѣреній". Гучковъ утверждалъ, что онъ ничего не счѣтилъ за вопросъ Николая II: ѣхать ли ему в Царское, или оставаться в Ставкѣ, ибо онъ "не зналъ, что в этомъ случаѣ посоветовать"...

Еще днемъ 2-го нѣсколько упрощенно мыслившій исторіографъ занесъ в дневникъ: "Славный, безвольный, но хорошій и чистый человѣкъ, а погибъ из-за Императрицы, ея безумнаго увлеченія Григоріемъ, — Россія не могла простить этого, создавала протестъ, превратившійся в революцію". Какъ ни реаленъ былъ "распутинскій мифъ", не онъ, конечно, рѣшилъ вопросъ. Гучковъ былъ "поражен" тѣмъ, что его предложеніе отреченія не встрѣтило "никакого сопротивленія". "Повидимому", у Царя "никакого внутренняго сопротивленія не было", — утверждалъ Гучковъ в засѣданіи 2 августа. Вся сцена отреченія произвела на него "очень тяжелое впечатлѣніе". "Такой важности актъ в исторіи Россіи", — "крушеніе трехсотлѣтней династіи". "И все это прошло в такой простой, обыкновенной формѣ, и я сказалъ бы, настолько безъ глубокаго трагическаго пониманія всего событія со стороны того лица, которое являлось главнымъ дѣятелемъ на этой сценѣ, что мнѣ прямо пришло в голову, да имѣемъ ли мы дѣло съ нормальнымъ человѣкомъ... Человѣкъ этотъ просто до послѣдняго момента не отдавалъ себѣ полнаго отчета в положеніи, в томъ актѣ, который онъ совершалъ. Все-таки при самомъ желѣзномъ характерѣ, при самообладаніи, которому равнаго нельзя найти, что-нибудь в человѣкѣ дрогнуло, зашевелилось, вы почувствовали бы тяжелое переживаніе. Но ничего этого не было... Повидимому, человѣкъ съ пониженной сознательностью, я сказалъ бы — съ пониженной чувствительностью" ..

Признать, что Гучковъ, какъ считалъ Щеголевъ, далъ "совершенно правильную разгадку рѣжущей глаза выдержки" Царя нельзя. В видѣ иллюстраціи (с наивной какъ бы просьбой в журналъ не записывать) Гучковъ приводилъ отзывъ одного изъ великихъ князей, котораго онъ видѣлъ черезъ нѣсколько дней послѣ отреченія: "Господи, Господи, что за человѣкъ! Я видѣлъ Государя послѣ отреченія, и вы знаете, что онъ мнѣ сказалъ: "Ну что, какъ у тебя тамъ-то?" и назвалъ имѣніе, гдѣ в. кн. всегда жилъ. Это одинъ изъ очень старыхъ людей, передъ которымъ не приходилось комедіи играть. Мы могли подумать, что передъ нами это была комедія, что онъ взялъ всю свою твердость и мужество в руки, чтобы не показаться ослабѣвшимъ, но это человѣкъ свой..., передъ которымъ не надо было прикидываться!" И нѣкій великій князь, информировавшій Гучкова, и самъ Гучковъ проявили себя плохими психологами. Гучкову мѣшало понять переживанія момента и увидѣть нѣчто обычное, человѣческое в этихъ переживаніяхъ личное враждебное отношеніе к отречшемуся монарху.

Поражаетъ в допросѣ Гучкова утвержденіе, что ему совершенно неизвѣстна была обстановка, предшествовавшая акту отреченія 2-го.

Не только неизвестна была в момент самих переговоров, но и тогда, когда Гучков давал свои показанія в Чр. Сл. Комиссіи. “Мнѣ казалось, — говорил там Гучков, — из разговоров, которые я имѣл потом с Рузским, что даже самыя крайнія рѣшенія, которыя принимались и потом отмѣнялись, не шли дальше обновленія состава правительственной власти”. Гучков категорически заявлял, что Рузскій не знал (?) о дневной телеграммѣ с отреченіем. “Когда вы предложили акт отреченія, вам Государь не сказал, что у него есть уж свой, уже заготовленный акт”, — задал Гучкову вопрос председатель комиссіи. “Нѣтъ”, — отвѣтил Гучков. Если бы в обстановкѣ 2-го марта Гучков ничего не замѣтил, это можно было бы объяснить и волненіем, о котором говорит Шульгин, и утомленіем от предшествовавших дней и, наконец, сосредоточенностью мысли на выполненіи возложенной на него отвѣтственной миссіи или выработаннаго им плана*).

Из царскаго поѣзда делегаты перешли в вагон главнокомандующаго, гдѣ Рузскій рассказывал, как подготовлялась псковская драма, и как послѣдовательно происходили всѣ ея этапы. Позднѣе всѣ газеты обошел рассказ Шульгина, как происходило отреченіе, и в этом рассказѣ, воспроизводившем стенограмму доклада Шульгина во Временном Комитетѣ, была затрогнута и предварительная стадія отреченія, объяснявшая, почему манифест был помѣчен дневным временем. Тогда это указаніе прошло почти незамѣченным, тѣм болѣе, что в первых публикаціях манифест был помѣчен 12 часами ночи (с прибавкой в объясненіи: послѣ пріѣзда депутатов), что и запечатлѣлось в общественном сознаніи. Но как могла остаться Гучкову неизвестной предварительная стадія отреченія через пять мѣсяцев, совершенно непонятно. Допустим, что Гучкову в то время хотѣлось, быть может, безсознательно, с одной стороны, остаться инициатором попытки спасенія династіи и трона, а с другой стороны — акта, который безболѣзненно завершал в переходное время революціонную смуту**). Он при этом совершенно забывал, давая характеристику психологіи имп. Николая II, что в часы переговоров с думскими делегатами 2-го в сознаніи монарха даже не мог встать вопрос о крушеніи династіи, — был личный вопрос, к разрѣшенію котораго в отрицательном смыслѣ для себя Николай II послѣ долгих колебаній и возможно мучительных переживаній был достаточно подготовлен... “Сердце цареве в руках Божіих”, — написал Царь Столыпину еще в 1906 г. И Царь внѣшне примирился с личной катастрофой для себя. Здѣсь больше всего сказалась, повидимому, та мистическая покорность судьбѣ, в которой пѣ-которые, пытавшіеся разгадать “сфинкса” на престолѣ, видят “сущность” характера погибшаго ужасной смертью Императора. Как сви-

*) Характерно для обстановки, что ни Гучков не замѣтил имѣвшагося в царском поѣздѣ проекта отреченія, ни Рузскій проекта, привезеннаго депутатами. Но показанія Рузскаго мы знаем все же в интерпретаціи посредника, который записывал утвержденіе генерала, что он «рѣшительно никаких документов» в руках делегатов не видѣл. Гучков же сам свидѣтельствовал в Комиссіи.

**) В позднѣйших воспоминаніях Гучков говорит, что у Царя был заготовлен текст манифеста.

дѣлствуетъ запись царскаго дневника 2 марта, ея автор внутренне не примирился съ тѣмъ, что произошло. Краткое описаніе дня онъ закончилъ словами: «Въ часъ ночи уѣхалъ изъ Пскова съ тяжелымъ чувствомъ пережитаго. Кругомъ измѣна, трусость и обманъ» *). «Отчаяніе проходитъ», — писалъ отрекшійся Императоръ жень 4-го марта.

*) Въ воспоминаніяхъ Родзянко со словъ «одного изъ членовъ Думы», командированнаго на фронтъ и записавшаго рассказъ Рузскаго, передаетъ, что Царь по окончаніи тяжелой для него сцены отреченія будто бы сказалъ: «Единственный, кто честно и безпристрастно предупредилъ меня и смѣло говорилъ мнѣ правду, былъ Родзянко». Слова эти къ мюаристу попали все же черезъ третью руку.. Шульгинъ утверждаетъ, что у него вырвалось: «Ахъ, В. В. ...Если бы Вы это сдѣлали раньше...» (очевидно, согласіе на отцѣтственное министерство). «Вы думаете — обошлось бы» — сказалъ «просто» отрекшійся Императоръ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ТВОРИМЫЯ ЛЕГЕНДЫ

I. Колебания Царя.

В имѣющейсѣ исторической литературѣ в связи с актом отреченія 2-го марта имп. Николая II создались уже двѣ легенды — одна противорѣчащая другой.

Виновником происхожденія одной явился ген. А. И. Деникин, который в “Очерках русской смуты” сообщил о фактѣ имѣвшемся бы мѣсто на другой день послѣ отреченія. “Поздно ночью, — писал Деникин в книгѣ, вышедшей в 1921 г., — поѣзд уносил отрекшагося императора в Могилев... Никогда никто не узнает, какія чувства боролись в душѣ Николая II — отца, монарха и просто человѣка — когда в Могилевѣ, при свиданіи с Алексѣевым, он, глядя на него усталыми, ласковыми глазами, как-то нервѣнительно сказал: “Я передумал, прошу вас послать эту телеграмму в Петроград”. На листѣ бумаги отчетливым почерком Государь писал о своем согласіи на вступленіе на престол сына своего Алексѣя... Алексѣев унес телеграмму и... не послал. Было слишком поздно: странѣ и арміи объявили уж два манифеста. Телеграмму эту, “чтобы не смущать умы”, никому не показывал, держа в своем бумажникѣ и передал мнѣ в концѣ мая, оставляя верховное командованіе. Этот интересный для будущих биографов Николая II документ хранился затѣм в секретном пакетѣ в генерал-квартирмейстерской части Ставки”.

Таким образом осуществилось как бы предчувствіе ген. Болдырева, занесенное им в дневник: “какая-то непрочность чувствовалась в этом документѣ, когда я нес его для передачи по аппарату” — дѣло шло о манифестѣ с отреченіем в пользу Михаила.

Как ни мало вѣроятен был подобный факт, сообщеніе авторитетнаго мемуариста без критики и анализа воспринималось в позднѣйших работах, претендовавших на характер исторических изслѣдованій, хотя к этому времени уже был опубликован матеріал, который заставляя по меньшей мѣрѣ с нѣкоторой осторожностью относиться к факту, переданному в воспоминаніях Деникина. Так воспроизвел это сообщеніе в 1931 г. Троцкий в книгѣ “Исторія русской революціи”; за ним повторил в 1934 г. и Чернов в “Рожденіи революціонной Россіи”.

Желая уяснить себѣ обстановку, в которой могла родиться легенда о том, что Царь в теченіе третьяго марта (он прибыл в Ставку в 9 ч. веч.) перерѣшил вопрос, заверченный наканунѣ в 12 час. ночи, я обратился непосредственно к автору воспоминаній, указав ему на

мотивы, которые заставляют сомневаться в возможности такого факта. Ген. Деникин отвѣтил формально: “эпизод с телеграммой имп. Николая II изображен мною совершенно точно со слов покойнаго ген. Алексѣева. I т. “Очерков”, гдѣ об этом говорится, вышел при жизни ген. Юзевовича, бывш. ген.-кварт. Ставки, которому я в свое время сдал этот документ”... Мог бы разъяснить Базили, который, по порученію ген. Алексѣева, выѣзжал на встрѣчу Царя и вмѣстѣ с ним прибыл в Могилев. Вот что отвѣтил на мой вопрос Базили: ... “Сообщаемое Деникиным должно быть основано на недоразумѣніи. Я сам бесѣдовал тогда по этому поводу с Царем, выразил ему всю скорбь, которую вызвало у нас его рѣшеніе устранить сына... Может быть, Царь высказал Алексѣеву сожалѣніе, что не внял его совѣту отречься в пользу Ал. Ник.”*).

Совершенно очевидно, что ни утром, ни днем 3-го Царь не думал перерѣшать того, что установлено было в Псковѣ. В 2 часа 56 мин. им была послана со ст. Сусанино в Петербург телеграмма новому государю. Она была адресована “Его Императорскому Величеству” и гласила: “Событія послѣдних дней вынудили меня рѣшиться безповоротпо на этот крайній шаг. Прости меня, если им огорчил тебя и что не успѣл предупредить... Горячо молю Бога помочь тебѣ и нашей Родинѣ”**).. Но допустим на момент психологически невѣроятное: Царь, дѣйствительно, передумал к моменту пріѣзда в Могилев и вручил Алексѣеву ту телеграмму, которую начальник Штаба не послал — “было слишком поздно”. Что это? — мотив ген. Алексѣева или соображенія ген. Деникина? Ни арміи, ни странѣ еще ничего не было объявлено. Опубликованіе манифеста было задержано, и манифест появился в газетах на другой день одновременно с отреченіем в. кн. Мих. Ал. Задержку в освѣдомленіи фронта о положеніи дѣл Алексѣев считал столь пагубной, что, получив ранним утром сообщеніе о том, что в Петербургѣ обстановка измѣнилась, и что кандидатура Мих. Ал. признается неприемлемой, он намѣревался потребовать от председателя Думы осуществленія манифеста 2-го марта и выступил с инициативой созыва в ближайшія дни совѣщанія главнокомандующих в Могилевѣ для “установленія единства во всѣх случаях и всякой обстановкѣ”. В 2 часа Алексѣев о своем предположеніи доложил в. кн. Ник. Ник. и вмѣстѣ с тѣм освѣдомил о том же всѣх главнокомандующих. Алексѣеву положеніе представлялось настолько острым, что позже, уже получив извѣстіе об отреченіи в. кн. Мих. Ал. и разговаривая по прямому проводу в 6 час. веч. с военным министром Гучковым, он высказал опасеніе, что манифест об отреченіи Мих. Алек. может повести к нежелательным осложненіям: “трудно предусмотрѣть, как примет стоящая в окопах масса манифест 3-го марта. Развѣ не может она признать его вынужденным со стороны?” Около этого времени Алексѣев имѣл телеграмму с Кавказа от Ник. Ник. по поводу регентства Мих. Ал., в которой выражается увѣренность, что манифест о пере-

*) Базили в то еще время, через мѣсяц приблизительно, подробно рассказывал французскому послу об отреченіи и указывал на то, что Царь свой отказ за наследника объяснил в бесѣдѣ невозможностью разстаться с сыном.

**) Телеграмма была напечатана в свое время в работѣ Блока. Полк. Никитин говорит на основаніи «категорическаго заявленія» кн. Брасовой, что телеграмма Великому Князю не была передана.

дать престола Мих. Ал., “неминуемо вызовет рѣзню”. Среди отвѣтов, полученных на дневную телеграмму главнокомандующим, один отвѣт как бы предуказывал возможный выход из тупика. Командующій 10-й арміей Горбатовскій*) предлагал измѣнить вторую половину манифеста, которая “не приведет к успокоенію страны”; он считал бы “наилучшим” переход престола к наслѣднику, “к которому армія и народ присягали” и назначеніе “временно” регентом в. кн. Ник. Ник., как “болѣе популярнаго среди войск и народа”. “Новый манифест в таком видѣ, отмѣняющій ранѣе изданный, явился бы спасительным для родины, арміи и народа”, — заключал Горбатовскій.

Трудно предположить, что в такой обстановкѣ Алексѣев мог просто скрыть новое рѣшеніе Николая II для того только, чтобы “не смущать умы”. Правда, он узнал от Гучкова, что “обнародованіе обоих манифестов произойдет в теченіе предстоящей ночи”, но не так в Ставкѣ хорошо были освѣдомлены о настроеніях в Петербургѣ, чтобы признать иллюзорными предшествовавшія слова Родзянко: “с регентством великаго князя и воцареніем наслѣдника, быть может, помирись бы”.

Всякая субъективная интерпретація не может считаться вполнѣ убѣдительною. Но в данном случаѣ она находит совершенно идентичное толкованіе в документѣ, который в копіи воспроизведен в приложеніи к воспоминаніям полк. Пронина. Копія эта была засвидѣтельствована еще 2 августа 1917 г. самим Прониным — по какому случаю была сдѣлана эта копія, автор воспоминаній не говорит. Вот ея подлинный текст: “Копія телеграммы на имя Предсѣдателя Гос. Думы, собственноручно написанной Государем Императором Николаем II днем 2 марта, по извѣстной причинѣ не отправленной по назначенію и переданной ген. Алексѣеву. “Предсѣдателю Гос. Думы. Петроград: “Нѣтъ такой жертвы, которую Я не принес бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія Матушки Россіи. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына с тѣм, чтобы (он) остался при нас до совершенной дѣтвѣ при регентствѣ брата моего Вел. Кн. Михаила Александровича, Николай...” Проект телеграммы относится, повидимому, к періоду 3-4 часа 2 марта 1917 г. Написан в Псковѣ. *Передан ген. Алексѣеву 3 марта вечером в Могилевъ.* (Курсив мой. — С. М.). Ген. Алексѣев. С подлинным вѣрно: ген. шт. подполк. Пронин. 2 авг. 1917, 16 ч. 48 м. Могилев”. Это — та, именно, телеграмма, которую Рузскій вернул Царю вечером 2-го в момент, когда Гучков заканчивал свою рѣчь. Ее-то и передал Николай II в Могилевѣ Алексѣеву.

Наконец, прямым опроверженіем легенды служит запись в дневникѣ самого Царя — она сдѣлана была по обыкновенію вечером 3 марта: “Говорил со своими о вчерашнем днѣ... В 8 ч. 20 м. прибыл в Могилев... в 9 час. с половиною переѣхал в дом. Алексѣев пришел с послѣдними извѣстіями от Родзянко. Оказывается Миша отстрѣся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 мѣс. в У. С. Бог знает, кто надумил его подписать такую гадость. В Петербургѣ безпорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше”. К области досужей фантазіи надо отнести предположенія военнаго

*) Ген. Эверт запросил предварительно мнѣнія командующих отдѣльными арміями и сообщил их в Ставку.

историка Керсановскаго, что Царь взялъ назад псковское отреченіе, узнавъ от отказа брата.

Легенда, воспринятая и эмигрантской литературой, разбивается, как дым.

II. «Послѣдніе совѣты Царицы».

Источникомъ другой легенды явился П. Н. Милюковъ. Я называю Милюкова только потому, что на его «Исторію» в этомъ случаѣ ссылаются, и что онъ явился какъ бы обоснователемъ легенды. В дѣйствительности, начало легенды положили воспоминанія сыгравшаго активную роль в первые дни революціи чл. Гос. Думы Бубликова (они появились в Нью-Йоркѣ в 1918 г., первый томъ Милюкова в 1921 г.). В нихъ можно найти такой «анализъ» акта отреченія: «одной изъ основныхъ чертъ характера семьи Романовыхъ является ихъ лукавство. Этимъ лукавствомъ пропитанъ и весь акт отреченія. Во-первыхъ, онъ составленъ не по формѣ: не в видѣ манифеста, а в видѣ депеши Нач. Штаба в Ставку. При случаѣ это кассационный повод*). Во-вторыхъ, в прямое нарушеніе основныхъ законовъ Имперіи Россійской онъ содержитъ в себѣ не только отреченіе Императора за себя, но что онъ, конечно, имѣлъ право, но и за послѣдника, на что онъ опредѣленно никакихъ правъ не имѣлъ. Цѣль этого беззаконія очень проста. Права наследника этимъ нѣсколько до существу не подрывались, ибо по бездѣтному и состоящему в морганатическомъ бракѣ Михаилу, в пользу котораго отрекся Николай, все равно автоматически имѣлъ вступити на престолъ Алексѣй. Но зато на время безпорядковъ с него какъ бы снимался всякій одумъ, какъ съ отрекшагося отъ своихъ правъ». Послѣдній тезисъ изъ произвольныхъ разсужденій бывшаго думскаго депутата и заимствовалъ историкъ, придавъ ему болѣе осторожную и нѣсколько расплывчатую формулировку. В «Исторіи революціи» Милюковъ написалъ: «Ссылка на отцовскія чувства закрыла уста делегатамъ**), хотя позволено думать, что в рѣшеніи царя была и извѣстная политическая задняя мысль. Николай II не хотѣлъ рисковать сыномъ, предпочитая рисковать братомъ и Россіей в ожиданіи неизвѣстнаго будущаго. Думая, какъ всегда прежде всего о себѣ и своихъ даже в эту критическую минуту и отказываясь отъ рѣшенія, хотя и труднаго, но до извѣстной степени подготовленнаго, онъ вновь открывалъ *весь* вопросъ о монархіи в такую минуту, когда этотъ вопросъ только и могъ быть рѣшенъ отрицательно. Таковы были послѣднія услуги Николая II родинѣ».

В 1923 г. в «Красномъ Архивѣ» были напечатаны письма Алек. Феод. к мужу за дни отреченія, давшія новый матеріалъ для дальнѣйшаго толкованія, в духѣ создаваемой легенды. Выдержки изъ одного изъ этихъ писемъ (2 марта) были уже приведены.

*) Государственная жизнь, конечно, разрѣшается не в кассационныхъ судебныхъ установленіяхъ. Не могу себѣ представить, какое это могло имѣть значеніе. Фактически утвержденія мемуариста не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Но законники в Чрезв. Слѣд. Комиссіи Временнаго Правительства интересовались указаннымъ вопросомъ, путая два акта 2-го марта (дневныя телеграммы и манифестъ съ отреченіемъ). Гучковъ засвидѣтельствовалъ, что «актъ отреченія былъ безымянный», т. е. копія, которую Гучковъ получилъ на руки, была безъ обращенія. Когда актъ зашифровали, его предполагали послать по адресу Предсѣдателя Думы и главнокомандующаго фронтомъ.

**) По существу дѣло было совѣтомъ не такъ.

Эти конспиративныя “крохотныя письма”, которыя “можно легко сжечь или спрятать”, отправлены были с двумя офицерами (“юпами”, как пишет А. Ф.) Грамотиным и Соловьевым. На другой день А. Ф. пытается отправить письмо через жену одного офицера. Она писала “Солнышко благословляет, молится, держится вѣрою и — ради своего мученика. Она ни во что не вмѣшивается, *никого не видала из “тѣх” и никогда об этом не просила, так что не вѣрь, если тебѣ это скажут.* Теперь она только мать при больных дѣтях. Не может ничего сдѣлать из страха повредить, так как не имѣет никаких извѣстій от своего милаго... Такая солнечная погода, ни облачка — это значит: вѣрь и надѣйся. Все кругом черно, как ночь, но Бог над всѣм. Мы не знаем путей его, ни того, как он поможет, но услышит всѣ молитвы. Я ничего не знаю о войнѣ, живу отрѣзанная от міра. Постоянно новья, сводящія с ума извѣстія — послѣднее, что отец отказался занимать то мѣсто, которое он занимал в теченіе 23 лѣт. Можно лаяться разсудка, но мы не лишимся; она будет вѣрить в свѣтлое будущее еще здѣсь на землѣ, помни это”. Письмо, явно, писалось в нѣсколько пріемов. Дальше А. Ф. сообщает: “только что был Павел — рассказал мнѣ все. *Я вспомни* (курсив А. Ф.) понимаю твой поступок. Я знаю, что ты не мог подписать противнаго тому, о чем ты клялся на своей коронаціи. Мы в совершенствѣ знаем друг друга, *нам не нужно слов, и клянись жизнью, мы увидим тебя снова на твоём престолѣ* (курсив мой. С. М.), вознесенным обратно твоим народом и войсками во славу твоего царства. Ты спас царство своего сына и страну, и свою святую чистоту и (*Иуда Рузскій* — курсив А. Ф.) ты будешь коронован самим Богом на этой землѣ, в своей странѣ”. Еще день: жена получила возможность перекинуться с мужем нѣсколькими словами по телефону; А. Ф. пишет 4-го: “Эта дама ѣдет сегодня, вчера она не уѣхала. Таким образом я могу написать еще. Каким облегченіем и радостью было услышать твой милый голос, только слышно было очень плохо, да и подслушивают теперь всѣ разговоры!... Только этим утром я прочла манифест и потом другой Михаила... Не бойся за Солнышко, оно не движется, оно не существует, но впереди я чувствую и предвижу свѣтлое сіяніе солнца... О Боже! Конечно, Он воздаст сторицей за всѣ твои страданія. Не надо больше писать об этом, невозможно! Как унизили тебя, послав этих двух скотов! Я не знала, кто это был, до тѣх пор, пока ты не сказал сам... Я чувствую, что армія возстает”... “Только сегодня утром мы узнали, — сообщает А. Ф. в припискѣ, — что все передано М(ишѣ), и Бѣби теперь в безопасности — какое облегченіе!”. Само письмо заканчивается словами: “найди кого-нибудь, чтобы передать хоть строчку — есть у тебя какіе-нибудь планы теперь?”

Оставляю свой анализ писем пока в сторонѣ. Интересно, как проанализировали эти строки другіе в момент напечатанія писем. Перед нами передовая статья парижских “Послѣдних Новостей” от 23 февраля 24 г., озаглавленная “Послѣдніе совѣты Царицы”. Не приходится сомнѣваться в том, что статья написана Милоковым — не только потому, что послѣднія строки статьи словно воспроизводят то, что Милоков написал в “Исторіи”, но и потому, что в “Россіи на переломѣ” автор ссылается на эту статью, как на свою. “Назначеніе Михаила — заключала передовая “Посл. Нов.” — было послѣдним даром Распутина Россіи и первым ударом по мирной революціи”. Я

возьму комментарий передовика газеты почти *in extenso*, сократив только некоторые выдержки из писем. Прочитывая из письма 2-го марта слова, что Царь “ни в коем случае не обязан” выполнять уступки, к которым его “припудят”, автор переходит к письму, помеченному 3-м мартом “Страшная вѣсть” об отречении, наконец, доходит до Царицы... “Только что был Павел — рассказал мнѣ все”... “Теперь она... не может ничего сдѣлать из страха повредить”. И она *стышит* *согласть* *несдѣланным* *что-то* *уже* *предпринимаемое* (курсив мой). “Она (все время в третьем лицѣ) ни во что не вмѣшивается, никого не видѣла из “тѣх” и никогда об этом (о чем?) не просила”... Не будем догадываться, какія тайны похоронены в *этих* *стышных* *подготовлениях* *к* *возможному* *допросу*. Но то, что слѣдует за этим превосходит по важности все предыдущее. Дѣло касается смысла отречения не в пользу сына, как слѣдовало бы по закону, а в пользу брата, что было явно незаконно. Как известно, первоначально царь думал отречься в пользу наследника, но передумал за нѣсколько часов до прѣзда Гучкова и Шульгина. Видимо, в кп. Павел Ал. передал царицѣ не только о голом фактѣ отречения, но и о мотивах этой перемѣны намѣреній. Только (курсив повсюду мой) этим могут объясняться дальнѣйшія таинственные слова императрицы: “Я вполне понимаю твой поступок, о мой герой. Я знаю, что ты не мог подписать противное тому, о чем ты клялся на своей коронаціи (т. е. передать наследство сыну?)... Клянусь жизнью, мы увидим тебя снова на твоём престоле”...

Другое письмо, написанное в тот же день*), дает нѣкоторое пояснение: “только сегодня утром (это, очевидно, относится к той же бесѣдѣ с Пав. Ал.) мы узнали, что все передано М(инцѣ), и Бэби (наследник) теперь в безопасности — какое облегчение”**). Смысл этих слов в связи с предыдущим может быть *только один* (курсив мой). Отказ в пользу брата недействителен, и это есть *тот трюк*, который задуман был и осуществлен в отсутствіи императрицы, но ею всецѣло одобряется: “Мы понимаем друг друга без слов”. При условіи передачи власти Михаилу легче было впоследствии истолковать весь акт об отречении, как недействительный. Есть основаніе (?) думать, что такое толкованіе было вообще распространено среди великих князей”.

Под влияніем ли самих писем А. Ф. или толкованій комментаторов Шульгин в воспоминаніях нѣкоторыя из этих мыслей приписал себѣ — в тот момент, когда перед думскими делегатами неожиданно встал вопрос об отречении в пользу брата. Тѣм самым мемуарист поддерживая частично легенду о “трюкѣ”. Припомним. “Если Государь не может отречься в пользу брата — подсказывал тогда Шульгин “кто-то другой”, “болѣе быстро” за него соображающій, — пусть будет неправильность. Может быть, этим выиграем время... когда все уговорится... престол перейдет к Алексѣю Николаевичу”***).

*) В действительности на другой день.

**) Утром третьяго Пав. Ал. не мог сообщить об отречении Михаила.

***) В одном из своих болѣе ранних публичных выступлений (лекція в Бѣлградѣ в 22 году) Шульгин говорил (по крайней мѣрѣ по газетному отчету), что у него скользнула «езуитская» мысль при согласіи на отреченіе

Из этих слов мемуариста представитель лѣваго направленія революціонной исторіографіи Чернов слышит сдѣлать вывод: “Иными словами наследника, его отца и мать временно “выводят из игры” и вмѣсто них ставится под удар в. кн. Мих. Ал. При неудачѣ расплачиваться головой должен был он, при удачѣ — плоды ея достались бы другому. Коропа, которую везли Мих. Ал. Гучков и Шульгин, была подлинным “даром данайцев”. Из слов Шульгина не слѣдовало, конечно, заключеніе, что во имя спасенія “Баби” на закланіе “революціонному сброду” отдавался “Миша”. Но почти несомнѣнно, что как Шульгин вообще не думал в часы переговоров об отреченіи. Это видно из отвѣта, который Шульгин дал 2-го марта ген. Данилову в качествѣ “спеціалиста по такого рода государственно-юридическим вопросам”. “Несомнѣнно, здѣсь юридическая несправильность, — отвѣтил, ис словам Данилова, Шульгин: “Но с точки зрѣнія политической, которая должна сейчас превалировать, я должен высказаться в пользу принятаго рѣшенія. При воцареніи царевича Алексѣя будет весьма трудно изолировать его от вліянія отца и, главное, матери, столь ненавидимой в Россіи. При таких условіях останутся прежнія вліянія, и самый отход от власти родителей малолѣтняго императора станет фиктивным; едва ли таким рѣшеніем удовлетворится страна. Если же отстранить отца и мать совсѣм от ребенка, то этим будет косвенно еще болѣе подорвано слабое здоровье цесаревича Алексѣя, не говоря уже о том, что его воспитаніе явится ненормальным. Терновым вѣнком страданія будут увѣнчаны головы всѣх трех”.

Такой простой жизненный отвѣт, данный в тѣ дни*), в послѣдствіи покрылся таинственной пеленой историческаго тумана... Чернов все-таки проявил большую осторожность, нежели передовик “Посл. Нев.” в вопросѣ о “трюкѣ”, придуманном в царской семьѣ о престолонаслѣдованіи, и центр тяжести переносит в предвидѣнія той “неутомимой женщины”, которая хотѣла “лихорадочно” “тотчас послѣ отреченія, втянуть мужа в разговор с цѣлью реставраціи”. “Трудно судить, — замѣчает Чернов — насколько в унисон со своей политической Этеріей думал и чувствовал послѣдній русскій император. Она во всяком случаѣ в этом не сомнѣвалась и отреченіе в пользу Михаила разсматривала, как *тактическій маневр*”. Все же “надо думать, — полагал автор, — что в лабиринтѣ событій, гдѣ он (Николай) блуждал как безпомощно в это время, ему была брошена из Царскаго Села “нить Ариадны”. То были три письма Императрицы от 1-го, 2-го и 3-го марта”. Никакого письма от 1-го марта на дѣлѣ не было. Удивительно, что автор не задался даже вопросом: мог ли Царь до отреченія получить письмо своей жены. Письмо от 3-го и 4-го, посланное через “жену офицера”, было написано послѣ отреченія, и естественно, не могло повліять на рѣшеніе**).

Молодые офицеры, отправившіеся из в пользу Михаила: «если фактическія событія пойдут так, что не сможет удержаться династія, то и тут положеніе Миханла будет легче, чѣм ребенка Алексѣя» («Руль»).

*) Он показывает, однако, насколько прав чл. Думы Шидловскій в утвержденіи, что проект об отреченіи в Петербургѣ не был даже серьезно обсужден.

***) Письмо через жену кап. Головкина Николай II получил 6-го, как видно из отмѣтки в его дневникѣ.

Царскаго, прибыли в Псков в ночь с 3-го по 4-ое, как устанавливает дневник ген. Болдырева: ...“оба — приверженцы старого строя и в частности “Ея Величества”. Я спросил их, кого им надо. — “Мы ъдем к Государю, думали заставить его здѣсь; не откажите сказать, гдѣ теперь Е. В.”. Я им сказал: “В Ставкѣ. От кого же вы имѣете порученіе и к кому? Замялись сначала, а потом сообщили, что к Государю, — “хотим освѣтить ему правдивое положеніе дѣл”. Когда их принял Рузскій, они сознались, что везут по письму, кажется дубликаты, Государю от Ея Величества...” *).

Если подойти к письмам А. Ф. без кривотолков и предвзятых точек зрѣнія, то многія “тайны” перестанут быть ими. Вот таинственные “тѣ” и “это”, о которых сообщает она 3 марта, подготавливаясь к “возможному допросу” и спѣша “сдѣлать несдѣланным что-то уже предпринятое”.

Тот, кто внимательно и полностью прочтет письма А. Ф., тот легко усмотрит, что под титулом “они” у нее всегда фигурируют думскіе дѣятели. Это даже ясно из того письма, о котором идет рѣчь и в котором А. Ф. негодует на в. кн. Кирилла, который “ошалѣл, ходил в Думу с экипажем и стоим *за них*”. Подобная терминологія, как свидѣтельствовали в показаніях перед Чр. Слѣд. Комиссіей, пришла от “Друга”, которому так вѣрила Царица: “они” — это члены Государственной Думы... Попробуем подставить вмѣсто “они” — члены Гос. Думы. Тогда получится текст: “Она ни во что не вмѣшивается, никого не видѣла из членов Г. Д. и никогда об *этом* не просила, так что не вѣрь если тебѣ это скажут”. Легко дешифрируется и “это”.

**

В письмѣ 2-го марта, гдѣ А. Ф. говорила о неѣйствительности вынужденному со стороны Царя “уступок”, она упоминала, что в. кн. Павел составил “идиотскій манифест относительно конституціи послѣ войны”. Еще в первые дни послѣ переворота, 11 марта, в “Русской Волѣ” появилось интервью, данное в. кн. Павлом, в котором послѣдній разъяснил исторію этого конституціоннаго проекта. Начиналось интервью с разсказа о том, как 28 февраля Пав. Ал. был вызван во дворец к А. Ф. “Побѣжайте немедленно на фронт” — заявила она: “постарайтесь привести преданных нам людей. Надо спасти во что бы то ни стало троп. Он в опасности”. “Я отказался. — разсказывал П. А., — ссылаясь на то, что мои обязанности, как начальника гвардіи, касаются только хозяйственной части. В душѣ же я был убежден, что звать войска бесполезно. Все равно присоединятся к революціи”. Интервьюпроваанный явно подлаживался уже к революціонным настроеніям и, как многіе другіе члены великокняжеской семьи, вышине отгораживался тогда от царской семьи. Приходится усомниться в том, что в. кн. Павел был вызван 22-го специально в цѣлях побудить его

*) Раньше Чернова легенду повторил в сов. Росс. ген. Мартынов, автор, несомнѣнно, лучшей работы по исторіи февральских дней, по крайней мѣрѣ в смыслѣ подбора матеріалов, но повторил ее только, как характеристику точки зрѣнія Милюкова, без каких-либо добавленій от себя. Как связываются в сознаніи всѣх этих изслѣдователей двѣ столь протизоположныя легенды, как легенда денкинская и легенда милюковская, довольно трудно себѣ уяснить: они воспроизводят обѣ.

поѣхать на фронт, так как надо было “во что бы то ни стало” спасти трон. Такого страха еще не могли испытывать в Царском Селѣ, гдѣ все сравнительно было “благополучно”, и гдѣ знали об отправкѣ надежных войск с фронта.

Керенскій в своей книгѣ «La Verité», опираясь отчасти на показанія дочери лейб-медика Боткиной-Мельник, по существу и хронологически очень неточныя, изобразил положеніе в Царском Селѣ критическим к полудню 28 февраля, когда Царица и ея дѣти находились уже под охраной революціонных сил*). Насколько это не соответствовало дѣйствительности показываетъ разсказ того самого члена Гос. Думы Демидова, который был командирован Временным Комитетомъ вмѣстѣ с другим членом Думы Степановым в Царское Село и на котораго ссылается Керенскій. Вот какъ через 10 лѣтъ Демидов изобразил свою поѣздку в “Последнихъ Новостях”. *Вечером* 28-го Милоковъ обратился от имени Вр. Ком. к Демидову и Степанову с предложеніемъ поѣхать в Царское Село. “Есть одно серьезное дѣло”, — сказал он им: “Из Царскаго получены тревожные и противорѣчивые слухи: по однимъ царскосельскій гарнизон идет на Петербург, по другимъ — там с минуты на минуту грозитъ вспыхнуть мятеж. Необходимо попытаться предупредить и то, и другое”. “На слѣдующій день (т. е. 1 марта) — разсказываетъ Демидов — друзья проводили нас сумрачно. И у нас на душѣ было волнительно и заботливо... Царское Село — там стояли сирѣлки императорской фамилии. Невольно думалось, что слухи о походѣ на Петербургъ вѣрнѣ слухов о готовящемся взрывѣ на мѣстѣ... О нашемъ пріѣздѣ было дано знать, и нас встрѣчали. Начальникъ станціи сообщил, что при выходѣ насъ ждутъ придворный экипажъ и военный автомобиль из ратуши, гдѣ идетъ гарнизонное собраніе. Начало мало походило на походъ противъ Петербурга и на готовившійся мѣстный взрывъ... Было около 11 час. утра. В городѣ тихо. Улицы почти пусты. Послѣ Петербурга, кипѣвшаго, какъ в котлѣ, это было страніе”. Депутаты поѣхали в ратушу и были встрѣчены в собраніи долгими бурными рукоплесканіями. Они сообщили о переходѣ власти в руки Гос. Думы и закончили призывомъ к “войнѣ до побѣды”. “В отвѣтъ раздалось оглушительное ура... Нас окружили офицеры. У всѣхъ была одна просьба: ѣхать немедленно по казармамъ. Войска еще в руках... Еще сутки неизвѣстности, и дисциплина можетъ рухнуть”. Депутаты поѣхали. Небезынтересны ихъ показательныя наблюденія. В одной изъ казармъ, гдѣ солдаты отказались выйти для бесѣды с депутатами, послѣдніе наткнулись на совершенно “скотскія условія” содержанія солдат. “За два с половиной года мировой войны я объѣздилъ всѣ три фронта”, — говоритъ Демидовъ: “но такой “казармы”, какою оказалась царскосельскій манежъ, встрѣчать мнѣ не приходилось”, — “сразу почувствовалось, что слухи о взрывѣ могли имѣть под собою почву”**). По окончаніи объѣзда депутатами казармъ в ратушу пріѣхалъ дворцовый комендантъ фонъ Гроттенъ, с которымъ у Демидова произошелъ такой приблизительно раз-

*) То же утверждалъ Керенскій и в предшествующей своей книгѣ «L'Experience».

**) Отмѣчаемъ это в противѣсѣ «уличнымъ» сужденіямъ о томъ, какъ «конвой Ев» во время продовольственныхъ стѣсненій «обжирался жареными гусями и поросятами». Такихъ сужденій набрался толстолицъ Булгаковъ, бродя въ Петербургѣ перваго марта.

говор. “До прїѣзда Государя, — сказал комендант, — я ничего не могу дѣлать другого, как защищать дворец до послѣдней возможности. Я не могу ни с кѣм входить в переговоры... Мы, конечно, нападеніе отобьем, но это будет ужасно”... “Могу ручаться, — перебил генерала Демидов, — что этого не случится, если не будет какого-либо вызова со стороны дворцовой охраны”. “За это я ручаюсь, — в свою очередь сказал Гротген и попросил заѣхать во дворец и поговорить с охраной. “Подумайте, генерал, — возразил депутат, — вѣдь говорить мы можем только от лица Гос. Думы. Мы должны сказать, что сейчас власть в руках Думы..., что царскаго правительства больше нѣтъ. Каково будет ваше положеніе? Стало быть и вы признали Думу...”

Этим характерным разговором и можно закончить описаніе, данное Демидовым той миссіи, которую он выполнил. Оно стоит на дистанціи огромных размѣров от описанія, которое подсказывало Керенскому его тогдашнее революціонное чувство и позднѣйшее желаніе перед иностранцами представить мѣщій единодушный порыв февральских дней и полную изоляцію уходящей в исторію монархіи*). По словам Керенскаго члены Думы были посланы для того, чтобы выяснить, в каком положеніи находится царская семья среди мятежнаго гарнизона. Демидов будто бы установил, что Царица была немедленно оставлена всѣми служителями и вынуждена была сама ухаживать за больными дѣтьми. Гротген просил новую власть взять на себя охрану царской семьи. Позднѣйшій рассказ Демидова все это опровергает, как опровергает и занесенную в воспоминаніях Вырубовой версію о “приказаніи” Родзянко всей царской семьѣ выѣхать из дворца: “когда дом горит, все выносят”**).

Когда думскіе депутаты уѣзжали вечером из Царскаго, им передали, что “ген. Иванов с какой-то частью шел на Царское, но его поѣзд пустили по другому направленію”. Слух был невѣрси. Иванов, как мы знаем, прибыл в Ц. С., нашел здѣсь все в состояніи довольно спокойном и охрану царскосельскаго дворца надежной. Впечатлѣнія извѣстнаго инженера Ломоносова, поздно вечером прїѣхавшаго в Царское, гдѣ жила его семья, сводились к тому, что “мѣстныя войска объявили себя нейтральными...”***).

“Идет рѣдкая стрѣльба, — это солдаты от радости стрѣляют в воздух”. Нѣтъ данных, подтверждающих повѣствованіе Жильяра о том, что вечером перваго марта мятежники “стали наступать на дворец, и что столкновеніе казалось неизбѣжным”. “Императрица, — расска-

*) Отмѣтем, как реагировала на всѣ эти факты в своем дневникѣ Гиппиус, приходившаяся двоюродной сестрой Степанова. Она записала 2-го марта: «Демидов и Вася ... ѣздили в Царское от Дум. Ком. — назначить «коменданта» для охраны царской семьи. Поговорили с тамошним комендантом и как-то неожиданно глупо вернулись «вообще». Упомянувшаяся франц. журналистка Маркович проше отмѣтила, что Царица у себя во дворцѣ охранялась «двумя депутатами».

**) Пародию уже дал в своей изумительной по тенденціозности книгѣ ген. Дитерихс, ярко живописавшій расправы озвѣрѣвшей многочисленной толпы черни в Царском Селѣ 28 февраля.

***) Среди документов «военной комиссіи» можно найти сообщеніе, помѣченное 4 ч. дня 28-го, что «собств. Е. И. В. жел. (д.) полк не присоединился, им охраняется царская вѣтка», это б. в то время, когда револ. войска, по утверженію Керенскаго, заняли Царскосельскій дворец.

зывает Жильяр, — была вѣ себя от ужаса при мысли, что кровь прольется на ея глазах, и вышла с Маріей Николаевной к солдатам, чтобы побудить их сохранять спокойствіе. Она умоляла, чтобы вступили в переговоры с мятежниками". Ни перваго, ни втораго марта со стороны "мятежников" никаких активных дѣйствій против царско-сельскаго дворца не было предпринято. Думается, правдивую картину происходившаго в Александровском дворцѣ дал в своих воспоминаніях бывшій "придворный скороход" эстонскій гражданин Оамер. По его словам, командир своднаго пѣхотнаго полка, Комаров, распорядился вызвать во дворец весь полк, расположенный у павильона императорской вѣтки. Всѣ части прибыли в боевой формѣ, с ружьями и пулеметами и расположились в обширном подвалѣ дворца, принявшаго вид военного лагеря. У ворот и кругом дворца были разставлены часовые посты. Когда со стороны расквартированных в Ц. С. I. II. IV стрѣлковъ, л. гвардіи гусарскаго и кирасирскаго полков стала слышаться беспорядочная ружейная стрѣльба, Комаров распорядился поставить у ворот дворца два пулемета. А. Ф., узнавъ про это, отмѣнила распоряженіе. "Должен замѣтить, — пишет Оамер, — что А. Ф. выказала себя в эти тревожные дни и ночи женщиной с крѣпкими нервами и большой выдержкой характера. Она нѣсколько раз, раза два даже в 2-3 часа ночи, спускалась в подвал Александровскаго дворца, проходила медленно мимо стоявших солдат и, бодро смотря им в глаза, говорила: прошу ни при каких обстоятельствах не стрѣлять, быть хладнокровными, стараться уговаривать словами. Я готова все претерпѣть, только не хочу крови"... "Среди собранных для охраны дворца солдат и казаков конвоя в виду их отрѣзанности от остальнаго міра и носившихся слухов о готовящемся обстрѣлѣ из орудій и штурмѣ дворца, возникло тревожное настроеніе. Солдаты и казаки собрали общее собраніе, гдѣ при общем одобреніи выбрали депутацію из 3 офицеров и около 20 солдат и казаков. Всѣм им надѣли на рукава бѣлыя повязки и, взявъ с собой бѣлый флаг, сдѣланный из приколоченной к палькѣ скагерти, они выѣхали на грузовикѣ в казармы лейб-гвардіи I-го стрѣлковаго полка, откуда раздавалась беспорядочная ружейная стрѣльба... Встрѣтили депутацію дружелюбно, так как и там от неизвѣстности, что дѣлается среди войсковых частей, находившихся во дворцѣ, было настроеніе нервное и неспокойное. Как оказалось дѣйствительно, орудія были направлены дулами по направленію Александровскаго дворца. Согласились обоюдно охранять порядок во дворцах и на прилегающих к ним улицах сводному пѣхотному полку и казакам Конвоя Е. В., а вокзалы и остальную часть улиц Царскаго Села и Павловска стрѣлка*)... По выясненію прибывшими парламентарями, среди казаков и солдат тревожное настроеніе улеглось. Всѣ, кромѣ обычнаго наряда, были отправлены обратно в свои казармы". Между обѣими сторонами была установлена "нейтральная зона", и дворцовая охрана надѣла бѣлыя повязки. Но она не была разоружена, как отмѣтила в своих воспоминаніях бывшая замужем за кн. Іоанном Конст. сербская королева Елена Петровна, посѣтившая дворец 1 марта. (Когда корнет Марков, покинув царскосельскій лазарет 4 марта, лвился во дворец, там по прежнему на постах стояли вооруженные солдаты своднаго полка). То-

*) Кстати, в Павловскѣ до полудня 1 марта порядок не был нарушен.

гда же был послан в Петербург фл.-ад. Линевиц для переговоров с “думскими” кругами через посредство Родзянко.

Итак, ни первого, ни второго марта со стороны “мятежников” никаких активных действий против царскосельского дворца не было предпринято. Вырубова была больна, лежала с жаром и, вѣроятно, в представлении ея все достаточно перепугалось — поэтому ей казалось, что бунтующіе с пулеметами надвигались на дворец для того, чтобы его разгромить, и что охрана дворца покинула его уже 1-го марта и что по самому дворцу уже ходили кучки революціонных солдат.

Из письма А. Ф. 2-го видно, как стучается постепенно атмосфера, как изолируется понемногу дворец от внѣшняго міра, и как близкіе люди попадают на учет или оказываются арестованными. “Ты прочтешь все между строк и почувствуешь, — писала она мужу: “всего не скажешь в письмѣ”, но как все это далеко от того жуткаго “нечеловѣческаго” одиночества, о котором говорил в своих парижских докладах (уже для русской публики) в 36-м году Керенскій, когда с образностью, переходящей в фальшь, утверждал, что царская семья всѣмъ была покинута и “революціонеры бѣжали в аптеку” за лекарствами для больных дѣтей*). А. Ф., конечно, бодрилась, когда говорила о своем даже боевом настроеніи: “всѣ мы бодры, не подавлены обстоятельствами, только мучаемся за тебя”. С ночи на 3-е “тревога” должна была усиливаться, ибо был арестован поздно вечером в ратушѣ ген. Гроттен (“совершенство” аттестовала его Царица в письмѣ 2-го) и другія лица (сообщенія из Ц. С. в Ставку). Внѣшне, однако, все еще по старому: “Мы всѣ держимся по прежнему, каждый скрывает свою тревогу... вечером, — пишет А. Ф. 3-го, — я с Маріей дѣлаю свой обход по подвалам, чтобы повидать всѣх наших людей — это очень ободряет...”**).

**

Три дня, предшедшіе с 28 февраля, — время огромное для момента, когда событія текли с быстротой часовой стрѣлки. Вѣроятно, обстановка, в которой происходило первое свиданіе А. Ф. с вел. кн. Павлом, была ближе к характеристикѣ, которая дана была в письмѣ 2-го марта: “Павел, получившій от меня страшнѣйшую головомойку за то, что ничего не дѣлал с гвардіей, старается теперь работать изо всѣх сил и собирается нас всѣх спасти благородным и безумным способом”. Дѣло идет об “идіотском манифестѣ относительно конституціи послѣ войны”. Предоставим вновь слово в. кн. Павлу оно, конечно, претворено вос-

*) На воспоминанія Керенскаго, лично не бывшаго в эти дни в Ц. С., вѣроятно, оказало вліяніе свидѣтельство той же Вырубовой, утверждавшей, что из царскаго окруженія «спаслись всѣ, кто мог». Однако, она дѣлала оговорку, что «вся так называемая половина Ея Величества, всѣ до одного человѣка, начиная с камердинера и кончая низшими служащими, всѣ остались».

**) У мемуаристов разнаго ранга «удивительным образом» можно встрѣтитъ выраженіе сожалѣнія или злорадства по поводу того, что в Россіи не нашлось вѣрных ландскнехтов, погибших защищая монархію, на подобіе швейцарцев Людовика XVI. Условія осады Тюльерійскаго дворца весьма мало походили на условія пребыванія царской семьи в Александровском дворцѣ. Параллель здѣсь не уместна.

пріятіем газетнаго сотрудника*). “1-го марта, — продолжает интервью, — я вторично был вызван во дворец, но пойти туда отказался. В это время у меня на квартирѣ готовился манифест о полной конституціи русскому народу. Его должен был подписать Николай Александрович. Заручившись подписями Кирилла Вл. и Мих. Ал. и подписавшись под этим манифестом сам, я отправил манифест в Гос. Думу и вручил его под расписку Милюкову. А уже потом я отправился во дворец. Первые вопросы, заданные мнѣ тогда Алек. Фед., были такіе: — “гдѣ мой муж? жив ли он? И что нужно сдѣлать для улаженія безпорядков?” Я передал А. Ф. содержаніе заготовленнаго мною манифеста, и она его одобрила”. Далѣе передавалось содержаніе этого не очень удачнаго по формѣ выраженія “манифеста”. “В твердом намѣреніи переустроить государственное управленіе в Имперіи на началах широкаго представительства, мы предполагаем пріурочить введеніе новаго государственнаго строя къ дню окончанія войны”, — начинал манифест и перекладывал затѣм отвѣтственность на “бывшее правительство”, которое, “считая нежелательным установленіе отвѣтственности министров перед отечеством в лицѣ законодательныхъ учреждений, находило возможным отложить этот акт на неопредѣленное время. Событія послѣднихъ дней, однако, показали, что правительство, не опирающееся на большинство в законодательномъ учрежденіи, не могло предвидѣть возникшихъ волненій и ихъ властно предупредить”. Посему: “Мы представляемъ государству русскому конституціонный строй, повелѣваемъ продолжить прерванный указомъ нашимъ занятія Гос. Совѣта и Гос. Думы, поручая предсѣдателю Гос. Д. немедленно составить временный кабинет и в согласіи с ним озаботиться созывомъ Законодательнаго Собранія, необходимаго для безотлагательнаго разсмотрѣнія имѣющаго быть внесеннымъ правительствомъ проекта новыхъ основныхъ законовъ Россійской Имперіи”**).

Манифестъ еще не былъ представленъ во Временный Комитет, когда до в. кн. Павла дошло сообщеніе о том, что начались разговоры по поводу отреченія и назначенія Мих. Алек. регентомъ. Тогда, какъ мы уже знаемъ, в. кн. Павелъ написалъ своему племяннику Кириллу съ просьбой переговорить съ Родзянко. Племянникъ, уже ходившій съ краснымъ флагомъ, нѣсколько раздраженно отвѣтилъ дядѣ: ...“до меня дошли лишь слухи. Я совершенно съ тобой согласенъ, но Миша, несмотря на мои настойчивыя просьбы работать ясно и единомышленно съ нашимъ семействомъ, прячется и только сообщается секретно съ Родзянко. Я былъ всѣ эти тяжелые дни одинъ, чтобы нести свою отвѣтственность передъ Ники и родиной, спасая положеніе, признавалъ новое правительство”.

Тактика спасенія династіи, примѣненная в. кн. Кирилломъ в революціонные дни, вызвала рѣзкое отрицательное отношеніе къ себѣ не только со стороны А. Ф. Братъ легитимнаго кандидата на Россійскій

*) Кн. Палѣй утверждаетъ, что корреспондентъ пришелъ къ нему подъ видомъ «офицера», и что Великій Князь отказался съ нимъ бесѣдовать — это не помѣшало появленію длиннѣйшаго интервью. Откуда корреспондентъ могъ узнать факты, о которыхъ говорится въ интервью и которые соответствовали дѣйствительности? В. Кн. написалъ опроверженіе, которое съ большими измѣненіями воспроизвело «Новое Время».

**) Характерно, что А. Ф. уловила лишь первый абзацъ «манифеста» в то время, какъ его сущность была какъ разъ противоположной.

престол занес в дневник 9 марта такое сужденіе по этому поводу старшаго в родѣ в. кн. Ник. Ник. "Поведеніе в. кн. Кирилла глубоко возмутило всѣх". "Еще послѣ опубликованія отреченія это было бы допустимо, но до этого долг присяги и чести не допускали таких дѣйствій, т. е. переходить на сторону в то время врагов Государя, гдѣ кровь наших предков, честь и сознаніе своего достоинства".

Редакція "Краснаго Архива" не расшифровала того лица, скрытаго в письмѣ в. кн. Павла под инициалами Н. И., при посредствѣ котораго Павел Александрович был все время в контактѣ с Государственной Думой, между тѣм это нетрудно сдѣлать. Подразумѣвался здѣсь прис. пов. Иванов — тот самый, который позже играл в дни гражданской войны нѣсколько двусмысленную роль при образованіи Сѣв.-Зап. Правительства на фронтѣ ген. Юденича. Посредническая роль его недостаточно ясна*), равно как и всѣ предварительные шаги, предшествовавшіе составленію "манифеста" и охарактеризованные в кн. Павлом в интервью словами: "Я слѣдил за ходом событій и был в курсѣ всѣх дѣл".

Попытка спасти положеніе "манифестом" запоздала. В момент, когда дядя и племянник обмѣливались еще письмами, "новое теченіе" в "Думѣ" уже опредѣленно оформилось в категорическое требованіе, и Редзянко, как мы знаем, писал лицу, намѣчавшемуся в регенты: "успокоит страну только отреченіе от престола". Жена в. кн. Павла, кн. Палѣй, информируя, с своей стороны, Императрицу о настроеніях "в Думѣ" и предпринятых ею мужем шагах, на другой день писала: "весь вчерашній день он был в угнетенном состояніи, так как не было ни поѣздов, ни телефонов, вѣрный нам человек, который держал нас в контактѣ с Гос. Думой, не появился". Второго, когда писалось письмо с тайственным "они", А. Ф. даже не представляла себѣ, что поставлен вопрос о смѣнѣ верховной власти. Перед нею, как *temente moi*, стоял "идіотскій" манифест, измышленный стараніями в. кн. Павла Ал. Едва ли при такой квалификаціи манифеста можно предположить, что А. Ф. "одобрила" его содержаніе, как утверждал П. А. в интервью. Но я не рискнул бы без оговорок подтвердить и имѣющіяся свѣдѣнія, что Императрицѣ было предложено подписать проект манифеста, но она категорически отказалась**). Она могла огнестись в общих чертах сочувственно к тому политическому шагу, который дѣлал в. кн. Павел, и в котором она готова была видѣть неизбѣжную теперь уступку общественному мнѣнію, против чего с присущей страстностью и упорством она боролась послѣдніе годы. Недаром "идіотскій" манифест все же она назвала "благородным и безумным способом" спасенія. Положеніе казалось А. Ф. безнадежным. Она надѣялась не только на "чудо", но и на то, что захватившій всѣх "микроб" постепенно исчезнет. "Два теченія — Дума и революціонеры, которые, как я надѣюсь, отгрызут друг другу голову, — это спасло бы положеніе", — писала Ал. Фед. 2-го.. "Когда узнают, что тебя не выпу-

*) О нем упоминает кн. Палѣй, рассказывая, как составлялся в 4 часа дня перваго марта кн. Путятиним, причисленным к Мин. Двора, Бирюковым и Ивановым — «Манифест».

**) Это утверждает снова кн. Палѣй. Ей рассказывали, что ф. Гротген на колѣнях просил А. Ф. дать свою подпись.

стили, войска придут в неистовство и возстанут против всѣх. Они думают, что Дума хочет бычь з тобой и за тебя. Что же, пускай эти водворят порядок и покажут, что они на что-нибудь годятся, но они зажгли слишком большой пожар, и как его теперь потушить?” “Бог поможет, поможет”, — заканчивала Царица письмо, — “и твоя слава вернется. Это — вершина несчастій!. Какой ужас для союзников и радость врагам. Я не могу ничего совѣтовать, только будь, дорогой, самим собой. Если придется покориться обстоятельствам, то Бог поможет освободиться от них”^{*)}). В письмѣ, отправленном 3 марта, кн. Палѣй сообщила о новых “ужасах”, имѣвших мѣсто наканунѣ (“главное, рѣчь Милокова”) и побудивших в. кн. Павла экстренно с “вахтером” послать в 12 час. слѣдующее письмо Родзянко (“мы сообща составили”, — писала княгиня): “Как единственный оставшійся в живых сын Царя-Освободителя, обращаюсь в Вам с мольбой сдѣлать все, от Вас зависящее, дабы сохранить конституціонный престол Государю... Я бы не тревожил Вас в такую минуту, если бы не прочитал в “Извѣстіях” рѣчь мин. ин. д. Милокова и его слова о регентствѣ в. кн. Мих. Ал. Эта мысль о полном устраненіи Государя меня гнетет... Я бы сам прѣхал к Вам, но мой городской мотор реквизирован, а связи не позволяют итти пѣшком”. Слѣдовательно, 3-го в 12 час. дня в. кн. Павел не знал еще о фактическом отреченіи — письмо кн. Палѣй заканчивалось вопросом: “есть ли извѣстія от Государя? В Псковѣ ли он или уѣхал и куда, и на что рѣшился?”^{**)}). Не знала и Ал. Фел. — не знала “совершенно ничего”, когда начала писать письмо, предположенное к отправкѣ через “жепу офицера”. Она не вѣрят еще тѣм “самым гнусным сплетням”, которыя доходят до нея и могут “довести человѣка до безумія”. И она пишет мужу, что она ничего не предпринимает, никого из думских людей не видѣла и не участвовала в переговорах о “конституціи”. *Только так*, на мой взгляд, можно истолковать “тайну”, которая заключалась в инсказательных строках Императрицы.

Предпринимала ли в своем “боевом” настроеніи А. Ф. какіе-нибудь реальные шаги для противодѣйствія революціи, не удовлетворенная той мягкотѣлостью (по выраженію большевиков — Покровскій) которую проявлял Николай II? В письмѣ 3-го, мы знаем, она писала, что “не может ничего сдѣлать из страха повредить, так как не имѣет никаких извѣстій”... “теперь она только мать при больных дѣтях”. Ну, а раньше? В тѣх же “Послѣдних Новостях”, в номерѣ от 30 апрѣля 24 г. появилась нѣсколько страницая статья, автор которой скрылся под псевдонимом Z. Он расширил рамки темы о “тѣх”, которые участвовали в “этом”, и говорил о планѣ, который осуществлял “тріумвират” в лицѣ Царицы, командующаго войсками Хабалова и военнаго министра Бѣляева. Это одна из версій легендарнаго “протопоповскаго” проекта: спровоцировать революцію и подавить ее пулеметами. На основаніи каких-то матеріалов ген. Аверьянова, которые будут опубликованы, автор говорил о 500 пулеметах, остав-

^{*)} «Носи Его (т. е. Распутина) крест, если даже неудобно, ради моего спокойствія». — добавляла А. Ф. почти обычную свою просьбу.

^{**)} В воспоминаніях Палѣй сообщает, что в. кн. Павел был осведомлен ранним утром 3-го об отреченіи «вѣрным» человѣком, присланным ген. Рессином, командиром Своднаго полка в Ц. Селѣ, и уже в 4 ч. 30 м. утра читал сам Манифест.

ленных для этой дѣли в Мурманскѣ из числа присланных для фронта. “Документы” эти до сих пор не были опубликованы, и, следовательно, разсужденія Z должны быть отнесены к области исторической фантастики, для которой нѣтъ мѣста в историческом повѣствованіи*).

Реально мы знаем только о свиданіи А. Ф. с ген. Ивановым в ночь с 1-го на 2-ое марта. В передачѣ Иванова при допросѣ в Чр. Слѣд. Ком. рѣчь шла о приѣздѣ Царя, о необходимости создать правительство, пользующееся довѣріем и т. д. “Только не поручусь, — добавлял генерал, — что она сказала слово: “ответственное”. Естественно, Иванов не стал передавать то интимное, что между ними могло быть сказано. Но вот разсказ вел. кн. Николая Мих., занесенный им в дневник. Человѣкъ этот довольно страстно не терпѣл Царицу, — в его дневникѣ попадаются qualificаціи, которыя трудно в печати повторять. “Государыня, — записывал Ник. Мих., — казалась очень хорошо владѣла собой и была невозмутимо спокойна. Она увѣряла генерала, что энергичными дѣйствіями он легко может возстановить порядок в Петроградѣ... что все это возстаніе ничто иное, как недоразумѣніе, ...что мало вѣроятно, чтобы он (Император) рѣшился отречься от престола, и если бы даже он это сдѣлал, то это было бы только для того, чтобы успокоить умы и в пользу наслѣдника, а в виду несовершенности послѣдняго установить регентство под ея попеченіем. Иванов был ошеломлен всѣм этим разговором, старался показать невозможность идти на Петроград и должен был сознаться, что он может принять только единственное рѣшеніе вернуться в Могилев”. Почти не приходится сомнѣваться в том, что это позднѣйшая записка из вторых рук, — даже дата указана ошибочно: ночь с 2-го на 3-е**). Совершенно невѣроятно, чтобы А. Ф. могла с Ивановым говорить об отреченіи. Судя по письму А. Ф. 2-го, если она побуждала Иванова к активным дѣйствіям, то не в сторону Петербурга, а на освобожденіе Николая II, попавшаго в западню проесками “революціонеров”. “Милый старик Иванов сидѣл у меня от 1 до 2.30 час. ночи и только постепенно вполнѣ уразумѣл положеніе”... “Я думала, что он мог бы пробѣжать к тебѣ через Дню, но сможет ли он прорваться? Он надѣялся провести твой поѣзд за своим”.

Вся обстановка, вырисовывающаяся из приведенных данных, заставляет по иному подойти к моменту, когда А. Ф. получила сообщеніе об отреченіи Царя, и нѣсколько болѣе осторожно и по другому интерпретировать остальные “таинственные” слова в ея письмах. Этот момент, очевидно, пришлось уже на вечерніе или предвечерніе часы, а не на утренніе, и, началъ писать письмо послѣ полученной от кн. Палтій информации, центром которой был все же “идіотскій” манифест. А. Ф. заканчивала письмо послѣ разговора с в. кн. Павлом. Припомним, что по предположенію автора статьи в “Пос. Нов.”, А. Ф. должна была получить от в. кн. Пав. Ал. сообщеніе “не только о самом фактѣ отреченія, но и о мотивах этой переменѣ намѣренія” (т. е. о замѣнѣ сына бра-

*) Разговоры об этом «планѣ» должны быть сопоставлены с предсказанными слухами о сепаратном мирѣ, который будто бы подготавлился какаунѣ революціи в нѣкоторых правых политических кругах. Эта легенда разсмотрѣна в первой части моей работы.

**) Насколько в великокняжеской семьѣ неясно представляли себѣ и впослѣдствіи ход событій, показываят воспоминанія Палтій, рассказывающей, что ген. Иванов достиг Колпина, гдѣ был арестован мятежными войсками.

том). Великий Князь мог сам знать только то, что сообщили Гучков и Шульгин, — и то, вѣроятно, с чужих слов. Ничего специфическаго, поясняющаго “таинственный слова” Пав. Ал. сообщить не мог. В интервью, напечатанном в “Русской Волѣ”, со слов Великаго Князя так рассказывалось о посѣщеніи им дворца 3 марта: “У меня в руках был свѣжій номер “Извѣстій” с манифестом об отреченіи. Я прочел его А. Ф. Об отреченіи А. Ф. ничего не знала. Когда я закончил чтеніе, она воскликнула: “не вѣрю, все это — враки, газетныя выдумки. Я вѣрю в Бога и армію. Они нас еще не покинули”. Мнѣ пришлось разъяснить опальной царичѣ, что не только Бог, но и вся армія присоединилась к революціонерам. И лишь тогда б. царица повѣрила и, кажется, в первый раз поняла или постаралась понять все то, к чему она, Гришка Распутина и Протопопов привели страну и монархію”. Слишком очевидно, что конец сказан для толпы. Но интервью не документ, на который можно твердо опираться. В данном случаѣ прежде всего бросается в глаза одна несуровица — упоминаніе об “Извѣстіях”, в которых яко бы уже 3-го был напечатан манифест. Самое большое, что могло быть в руках Пав. Ал. — это “летучка”, выпущенная днем Свѣтом с кратким извѣщеніем об отреченіи, — о ней говорят Ломоносов и Шульгин*).

Гораздо важнѣе другая загадка, которую ставит приниска А. Ф. в письмѣ, помѣченном 4-м марта. В ней говорится: “Только сегодня утром мы узнали, что все передано М(ишѣ), и Баби теперь в безопасности — какое облегченіе”.

Вѣль 4-го были одновременно опубликованы оба Манифеста — и отреченіе Николая II, и отреченіе Михаила! Единственное как будто бы возможное объясненіе заключается в предположеніи, что жена и мать послѣ полученія “ужасающих” для нея свѣдѣній была в состояніи, граничащем почти с невмѣняемостью. Душевная экзальтація истерической женщины должна была дойти до крайних предѣлов, и в таком состояніи писалось письмо 3-го (конец его) и письмо 4-го. По первому впечатлѣнію она обратила вниманіе только на то, что отрекся Царь. Она пытается сказать ему слово успокоеніе... в минуту “безумнаго страданія”. Письмо преисполнено какой-то исключительно проникновенной нѣжностью любящаго существа...

“Я вистѣ понимаю твой поступок, о мой герой! Я знаю, что ты не можешь подписать противное тому, чему ты клялся на своей коронаціи”. Заѣм дѣлать искусственное предположеніе, что здѣсь имѣется в виду “передать наслѣдство сыну”? Неужели, не ясно, что дѣло касается совсем другаго — отказа от самодержавія, признанія “конституціи”, виѣ которой должен стоять “Помазанник Божій”. Еще Витте отгѣтил, что послѣ 1905 г. Николай II продолжал считать себя “неограниченным монархом”. Теократическія представленія Царя создались отнюдь не под влияніем только жены. В ранніе годы ее в придворных кругах считали даже проводительницей при Дворѣ, конституціонных настроеній. Потом... ее захватили тента мистики, и она, дѣйствительно,

* Так могло быть, если свиданіе в. кн. Павла с Императрицей произошло вечером. Кн. Палѣй говорит про 11 час. утра. В это время сам Родзянко знал подробности лишь по «слухам», как видно из его разговора со Ставкой.

стала какой-то “политической Эгерей” самодержавія. И в представлении Царя, и в представлении Царицы самодержец ответственен перед Богом. “Я несу за всё власти, мною поставленные, перед Богом страшную ответственность и во всякое время готов дать в том отчет”, — писал Царь в том же письме Столыпину 10 декабря 1906 г. Переложить ответственность за ошибки на “правительство”, как предполагал, например, великокняжеский проект манифеста 1-го марта, морально было неприемлемо для Николая II.

Мистическія представленія о власти находились в рѣзкой коллизіи с реальной жизнью. В февральскіе дни положеніе сдѣлалось безвыходным. “Ты спас царство твоего сына и свою святую чистоту”... Царь не сдѣлался клятвопреступником. Наслѣдник не связан присягой, и его царствованіе может быть конституционным. Так, мнѣ кажется, слѣдует толковать “таинственные слова”. В экзальтациі, быть может, А. Ф. и продолжала вѣрить в чудо, которое должно совершиться и которое вознесет царя “снова” на престол. Бог должен вознаградить “мученика”. Но больше всего и скорѣе всего это — слова утѣшенія.

В сгущенной атмосферѣ мистических упованій, как-то трудно предположить, что дѣло могло идти о тонко задуманном коварном планѣ сознательной “поддѣлки” историческаго акта. “Нить Ариадны” не могла идти в тѣ дни из Царскаго Села. Могла ли самостоятельно возникнуть инициатива такой политической интриги в головѣ того, кто “наивно думал, что он может отказаться от престола и остаться простым обывателем”? Сам иѣскольکو наивный придворный историограф ген. Дубенскій, сказавшій процитированныя слова в Чр. Сл. Ком., не догадывался, допустим, врожденное “лукавство” вѣнценосца, скинув тяготѣвшія на нем историческія бармы монаховаго шапки, оживал и дѣлался “человѣком”. То будет свидѣтельство Керенскаго, непосредственно наблюдавшаго послѣдняго императора в заключеніи в Царскосельском дворцѣ*).

*) Легенда о «трюкѣ» при желаніи может быть расширена. Судя по откликам русской печати революціоннаго времени, иѣкоторыя англійскія газеты в назначеніи в. кн. Н. Н. верховным главнокомандующим усмотрѣли «макиавеллистическій пріем», хитро придуманный Царем в расчетѣ «вызвать смуту».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

М И Х А И Л И

І. Ставка и Петербург.

Закончив псковскую операцию, делегаты Временного Комитета в 3 часа ночи выехали назад в Петербург. Приблизительно в то же время пошли сообщения о принятых решениях главнокомандующим на фронт и в столицу. Только обостренно тревожной обстановкой и неуверенностью можно объяснить непонятный инцидент, разыгравшийся в Петербурге с арестом по ордеру нового министра юстиции полк. Шихова, производившего в Штабе расшифровку манифеста. Окружению Бубликова казалась подозрительной медлительность работы — ясно, умышленно затягивают; звонок в Гос. Думу и решение, как выразился Ломоносов, “на всякий случай полковника с актом арестовать”. Сказано и сделано — из Думы послали не то грузовик, не то лимузин. Вероятно, этим объясняется “спешное” привлечение к делу считавшегося “специалистом по шифровальному делу” будущего командующего петербургского округа, полк. ген. штаба Половцова, которого Гучков привлек к работам военной комиссии. Он вместе с Родзянко отправился в главное управление Ген. Штаба и расшифровал ночную телеграмму Гучкова об отречении, адресованную на имя нач. гл. Штаба для передачи председателю Думы*).

Неожиданное содержание акта отречения произвело переполох в кругах Врем. Комитета — прежде всего в связи с теми антидинастическими требованиями, которые так определенно выявились в течение дня. Керенский “без всяких обиняков заявил, — по словам Родзянко, — что если воцарение Мих. Ал. состоится, то рабочие г. Петрограда и вся революционная демократия этого не допустит”. Смущал и вопрос о законности акта, поднимавший “обоснованный юридический спор” в смутное и тревожное время. Этот вопрос кратко рассматривает в воспоминаниях Набоков: “Наши основные законы, — говорит он, — не предусматривали возможности отречения царствующего императора и не устанавливали никаких правил, касающихся престолонаследия в этом случае!.. При таком молчании основных законов престол в случае отречения мог переходить только к “законному наследнику”. “Престол российский — не частная собственность, не вотчина императора, которой он может распоряжаться по своему произволу... Поэтому пе-

*) Половцов несколько по иному рассказал эту историю, вызвавшую в прошлом некоторую полемику на страницах бурцевского эмигрантского «Общего Дела».

редача престола Михаилу была актом незаконным. Никакого юридического титула для Михаила она не создавала". "Принятие Михаилом престола", следовательно, было "с самого начала порочным". Не удивительно в. кн. Михаил с мorganатической супругой и легитимистов, мнѣнія которых находили извѣстный отзвук в думской средѣ. Мы видѣли, что "интригам" кн. Брасовой готовы были приписать даже идею регентства, за которой таилась секретная мысль превратить временнаго регента в постояннаго императора. Столичная "яхи-кауская" молва давно уже приписывала кн. Брасовой подготовку в этих цѣлях чуть ли не заговора. (Запись Нарышкиной 21 авг.). Палеолог, с своей стороны, еще в февраль 16 г. записал ходячіе слухи и комментировал их. "Честолюбивая и ловкая" кн. Брасова "за послѣднее время поддерживает самыя либеральныя мнѣнія. Ея салон... часто принимает лѣвых членов Гос. Думы. В придворных кругах ее обвиняют в измѣнѣ монархическим принципам, она, впрочем, этим чрезвычайно довольна, так как это подчеркивает ея позицію и подготавливает популярность. Она все болѣе и болѣе разворачивается, она высказывает столь удивительно отважныя идеи, которыя, исходя из другого рта, могли бы повлечь за собой каторжныя работы (см. в моей книгѣ "Легенда о сепаратимъ мирѣ" еще сужденія, высказанныя на засѣданіи прогрессивнаго блока).

Так или иначе первым рѣшеніем в средѣ думскаго комитета и новаго правительства было — остановить распубликованіе манифеста. В 5 час. утра Родзянко и Львов*) вызвали к прямому проводу Рузскаго и Алексѣева**). Предсѣдатель Думы довольно ярко, чрезвычайно даже сгущая краски (может быть, в цѣлях болѣе сильнаго воздействия на главнокомандующих, а, может быть, в состояніи собственной растерянности), изобразил то, что происходило в нѣдрах новой правительственной власти. "С великим трудом — говорил Родзянко, — удалось удержать в болѣе или менѣе приличных рамках революціонное движеніе, но положеніе еще не пришло в себя и весьма возможна гражданская война. С регентством Великаго Князя и водареніем Наслѣдника Цесаревича помирились бы, может быть, но водареніе его, как императора, абсолютно неприемлемо". На сожалѣніе, выраженное Рузским, по поводу того, что "депутаты, присланные вчера, не были в достаточной степени освоены с ролью и вообще с тѣм, для чего

*) Львов, повидимому, был молчаливым свидѣтелем.

**) Датированіе разговоров в публикаціи «Кр. Арх.» расходится с датами в копіях, напечатанных в эмигрантских изданіях. В первом случаѣ разговор с Алексѣевым помѣчен 6 ч. 46 м., а с Рузским в 8 ч. 45 м.; во втором разговор с Рузским помѣчен 5 час. (у Вильчковскаго) и 6 ч. у Лукомскаго. Копія разговора с Алексѣевым вообще отсутствует в зарубежных публикаціях. Не имѣя возможности документально разъяснить разнорѣчія, считаю болѣе логическим эмигрантское датированіе; в концѣ разговора с Псковом имѣется замѣчаніе Рузскаго: «не забудьте сообщить в Ставку, ибо дальнѣйшіе переговоры должны вестись в Ставкѣ, а мнѣ надо сообщать только о ходѣ и положеніи дѣл». 8 ч. 46 мнн. вообще время слишком позднее, принимая во вниманіе растерянность, которую вызвала в Петербургѣ ночная телеграмма Гучкова. По записи ген. Болдырева тоже выходит, что Родзянко прежде говорил с Алексѣевым, но запись Болдырева явно сдѣлана позже, ибо в ней попадаютъ такія слова «как это потом оказалось».

пріѣхали". Родзянко пояснил: Опять дѣло в том, что депутатов винить нельзя. Вспыхнул неожиданно для всѣх нас такой солдатскій бунт, которому еще подобнаго я не видѣл, и которые (так в подлинникѣ), конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики, которые всѣ свои мужицкія требованія нашли полезным теперь же заявить. Только и слышно было в толпѣ: "Земли и воли", "Долой династію", "Долой Романовых", "Долой офицеров". И началось во многих частях избіеніе офицеров, к этому присоединились рабочіе, и анархія дошла до своего апогея*). В результатѣ переговоров с депутатами от рабочих(?) удалось придти к ночи сегодня къ нѣкоторому соглашенію**), которое заключалось в том, чтобы было созвано через нѣкоторое время Учред. Собраніе для того, чтобы народ мог высказать свой взгляд на форму правленія, и только тогда Петроград вздохнул свободно, и ночь прошла сравнительно спокойно. Войска мало по малу в течение ночи приводятся в порядок, но провозглашеніе императором в. кн. Мих. Ал. подольет масла в огонь, и начнется безпощадное истребленіе всего, что можно истребить. Мы потеряем и утратим из рук всякую власть и усмирить народное волненіе будет некому; при предложенной формѣ *возвращеніе династіи не исключено* и желательно, чтобы примѣрно до окончанія войны продолжал дѣйствовать Верховный Совѣт и нынѣ дѣйствующее с нами Временное Правительство***). Я вполне увѣрен, что при этих условіях возможно быстрое успокоеніе, и рѣшительная побѣда будет обезпечена, так как несомнѣнно произойдет подъем патриотическаго чувства"...****), — "Скажите, для вѣрности, так ли я вас пенял" — спросил Рузскій: "Значит, пока все остается по старому, как бы манифеста не было, а равно и о порученіи в. кн. Львову сформировать министерство. Что касается назначенія в. кн. Н. Н. главнокомандующим повелѣніем Е. В., отданным вчера... То об этом желал бы знать также ваше мнѣніе; об этих указах сообщено было вчера очень широко по просьбѣ депутатов*****), даже в Москву и, конечно, на Кавказ". — "Сегодня нами сформировано правительство с в. кн. Львовым во главѣ", — отвѣтил Родзянко: "Все остается в таком видѣ: *Верховный Совет, ответственное министерство и дѣйствія законодательных палат* до разрѣшенія вопроса о конституціи Учр. Собраніем. Против распространенія указов о назначеніи в. кн. Н. Н. верховным главнокомандующим не возражаем". — "Кто во главѣ Верховнаго Совѣта", — интересуется Рузскій. — "Я ошибся: не Верховный Совѣт, а Временный Комитет Гос. Думы под моим предсѣдательством"*****).

Соединившись со Ставкой, Родзянко просил Алексѣева "не пускать в обращеніе никакого манифеста до полученія... соображеній,

*) Объективная оцѣнка этой характеристики была сдѣлана выше.

**) В разговорѣ с Алексѣевым Родзянко говорил, что «соглашенія» достигнуть не удалось, и установлено только «перемиріе».

***)) В разговорѣ с Алексѣевым упоминались: Верховный Комитет и Совѣт министров.

****)) Алексѣеву Родзянко говорил болѣе рѣшительно о «колоссальном подъемѣ патриотических чувств», о «небывалом подъемѣ энергии», об «абсолютном спокойствіи в странѣ», которые обезпечивают «самую блестящую побѣду».

*****)) Ср. показанія Гучкова в Чр. Сл. Ком.

*****)) Эти знаменательныя «обмолвки» Родзянко будут разобраны ниже.

которые одни могут сразу прекратить революцию” и, повторил ему с небольшими вариантами то, что сказал Рузскому. “Приму всё мѣры задержать... командующих войсками... сообщенный им манифест”, — отвѣтил Алексѣев: “Сообщенное мнѣ вами далеко не радостно. Незавѣстность и Учр. Собрание двѣ опасныя игрушки в примѣненіи к дѣйствующей арміи... Петроградскій гарнизон, вкусившій от плода измѣны, повторит его с легкостью и еще, и еще раз, для родины он теперь вреден, для арміи бесполезен, для вас и всего дѣла опасен. Вот наше войсковое мнѣніе... Всѣ помыслы, всѣ стремленія начальствующих лиц дѣйствующей арміи направлены теперь к тому, чтобы дѣйствующая армія помнила об одной войнѣ и не прикоснулась к болѣзненному состоянію внутреннему, переживаемому нынѣ частью Россіи”... “Я солдат, — заканчивал Алексѣев, — и всѣ мои помыслы обращены на фронт, на запад, к сторонѣ врага”.

Начальник штаба был, дѣйствительно, смущен и больше всего оттяжкой освѣдомленія фронта, предвидя, как и всѣ главнокомандующіе, что это может имѣть трагическія послѣдствія, ибо “немыслимо удержать в секретѣ высокой важности акт, предназначенный для общаго свѣдѣнія”*). У Алексѣева явилась мысль оказать воздѣйствіе на “вѣляющее” правительство, как он выразился через нѣсколько часов в разговорѣ с Брусиловым. Он обратился в промежуток между 1—4 часами ко всѣм главнокомандующим: “Из совокупности разговоров предсѣдателя Думы с главнокомандующим и мною, — телеграфировал Алексѣев, кратко излагая суть этих разговоров, — позволительно придти к выводу: первое — в Гос. Думѣ и в ея Врем. Комитетѣ нѣтъ единодушія — лѣвыя партіи, усиленныя Совѣтом Р. Д., приобрѣли сильное вліяніе; второе — на предсѣдателя Думы и Врем. Комитета Родзянко лѣвыя партіи и рабочіе депутаты оказывают мощное давленіе, и в сообщеніях Родзянко нѣтъ откровенности и искренности; третье — цѣли господствующих над предсѣдателем партій ясно опредѣлились из вышеприведенных пожеланій Родзянко; четвертое — войска петроградскаго гарнизона окончательно распропагандированы... очерченное положеніе создает грозную опасность болѣе всего для дѣйствующей арміи, ибо неизвѣстность, колебанія, отбѣна уже объявленнаго манифеста, могут повлечь шатаніе умов в войсковых частях и тѣм разстроить способность борьбы с вѣдшим врагом”... Сообщая, что он срочной телеграммой доносит “все это” верховному главнокомандующему, Алексѣев выдвигает план “суть настоящаго заключенія сообщить предсѣдателю Думы и потребовать осуществленіе манифеста” и “для установленія единства во всѣх случаях и всякой обстановкѣ созвать совѣщаніе главнокомандующих в Могилевѣ” (Если в. кн. Н. Н. “не сочтет возможным прибыть лично, то собраться 8-го или 9-го марта). “Такое совѣщаніе тѣм болѣе необходимо, — продолжал Алексѣев, — что только что получил полуофіціальныи разговор по аппарату между чинами морского гд. штаба, суть его: обстановка в Петроградѣ 2 марта значительно спокойнѣе, постепенно все налаживается, слухи о рѣзнѣ солдатами — сплошной вздор, авторитет Врем. Прав., повидимому, силен. Слѣдовательно, основные мотивы Родзянко

*) Как фактически отразилась задержка с опубликованіем манифеста в войсках, будет рассмотрѣно ниже.

могут оказаться невѣрными и направленными к тому, чтобы побудить представителей дѣйствующей армии неминуемо присоединиться к рѣшению крайних элементов, как к факту, совершившемуся и неизобъемному. Коллективный голос высших чинов армии и их условия должны, по моему мнѣнію, стать извѣстными всѣм и оказать влияние на ход событий”.

До получения официальных отвѣтов на свой запрос Алексѣев в 1 ч. 30 м. был вызван к аппарату по инициативѣ Брусилова, указавшаго, на основаніи донесеній командиров, на необходимость отдачи “какого-либо приказа” в виду преувеличенных слухов, проникших уже на фронт; Брусилов предлагал объявить, что Николай II отрекся, что в управленіе страной вступил Врем. Ком. Гос. Думы, что войска должны “охранять свою грудь матушку Россію” и не вмѣшиваться в политику. “Вполнѣ понимаю все, вами высказанное”, — сѣвѣнил Алексѣев. — “Мое положеніе: 1. Не могу добиться, чтобы Родзянко подошел к аппарату выслушать мое рѣшительное сообщеніе о невозможности играть в их руку и замалчивать манифест. 2. Повелѣніе Вел. Кн., верховнаго главнокомандующаго, во всѣх важных случаях обращаться к нему и его извѣщеніе, что для кавказской армии манифест не существует до опубликованія его законным порядком через Сенат. Сейчас вторично доложу по аппарату Вел. Кн... заявленіе всѣх главнокомандующих, что дальѣйшее молчаніе грозит опасными послѣдствіями. При неполученіи каких-либо указаній, возьму на себя отдачу приказанія... Самое трудное — установить какое-либо согласіе с вѣяющим современным правительством”...

Трудно сказать, до каких предѣлов могла пойти инициатива ген. Алексѣева. Он не встрѣтил достаточной поддержки: Вел. Кн. отяѣтил, что он является “выразителем объединеннаго мнѣнія армии и флота”, но не как “коллегіальнаго мнѣнія главнокомандующих”, и что он спосится с правительством*). Рувскій, считая яеобходимым объявленіе манифеста, полагал, что излишне запрашивать командармов, так как им “обстановка внутри имперіи мало извѣстна”; что для “установленія единства дѣйствія” необходимо установить “полный контакт с правительством”, и что до фактическаго вступленія в главнокомандованіе Вел. Князя “сбор главнокомандующих несоотвѣтственен”. Эверт считал, что “подобно тому, как мы под давленіем обстановки коллективно вынуждены были обратиться к Государю Императору с мольбой о согласіи его на измѣненіе формы правленія, также нынѣ необходимо обратиться к Гос. Думѣ и новому правительству с заявленіем о необходимости немедленнаго объявленія высочайшаго манифеста, сѣвѣнно и законно изданнаго Сенатом, и просто во имя спасенія родины от порабощенія ея злѣйшими ея врагами немедленно успокоить всѣ волне-

*) В телеграммѣ, посланной в 9 ч. 11 мин. веч. кн. Львову, Ник. Ник. высказывал опасенія, что «отреченіе в пользу в. кн. Мих. Ал., как императора... неизбежно усилит смуту в умах народа. Опасеніе это усугубляется неясной редакціей манифеста и отсутствіем указанія в нем, кто является наследником престола». По поводу сѣвѣній о «якобы готовящемся согласіи между Правительством и Совѣтом Р. Д. по вопросу о созывѣ через полгода Учр. Собранія», Ник. Ник., как «отвѣчающій перед родиной за успѣх наших армій», «категорически» высказывался, что «заключеніе подобнаго соглашенія было бы величайшей ошибкой, грозящей гибелью Россіи».

ня, отказаться нынѣ от намѣченнаго пути избранія Учред. Собранія”. Эверт считал съезд необходимым и недопустимым откладывать его на 8-ое марта...

Алексѣев пытался установить контакт с правительством, как рекомендовал Рузскій. Не добившись “возможности говорить с председателем Гос. Думы”, он говорил в 6 час. веч., когда вопрос о манифестѣ 2-го в Петербургѣ окончательно уже был разрѣшен в отрицательном смыслѣ, с Гучковым и просил его “взять на себя передачу” Родзянко “серьезнѣйшаго для арміи вопроса”. “Выход должен быть найден путем соглашенія с лицом, долженствующим вступить на престол”, — убѣждал нач. штаба... “Полагаю вполне возможным в первом манифестѣ новаго царствованія объявить о том, что окончательное рѣшеніе вопросов государственнаго управленія будет выполнено в согласіи с народным представительством, хотя бы по окончаніи войны или наступленія успокоенія”, “пять милліонов вооруженных людей ждут объясненія совершившагося”. — напоминал еще раз Алексѣев. Военный министр информировал нач. Штаба о “соглашеніи”, достигнутом с лицом, долженствовавшим вступить на престол... Алексѣева не удовлетворило “соглашеніе”. “Ноужели нельзя было убѣдить Вел. Князя принять временно до созыва Собранія власть? Это сразу внесло бы опредѣленность в положеніе*)... Трудно предусмотрѣть, как примет стоящая в окопах масса манифест 3-го марта. Развѣ не может она признать его вынужденным со стороны? Теперешнюю дѣйствующую армію нужно беречь и беречь от всяких страстей в вопросах внутренних. Хотя бы непродолжительное вступленіе на престол Вел. Князя сразу внесло бы и уваженіе к волѣ бывшаго Государя и готовность Вел. Кн. послужить своему отечеству в тяжелые переживаемые им дни... Убѣрен, что на армію это произвело бы наилучшее бодрѣющее впечатлѣніе... Через полгода-же все выяснится болѣе, лучше и всякія измѣненія протекут не столь болѣзненно, как теперь”... Вечером в 11 часов Алексѣев еще раз говорил с Петербургом — на этот раз с претсѣдателем Думы. Ему оставалось лишь подчиниться обстоятельствам и заключить разговор полной предчувствій фразой: “Прибавить ничего не могу, кромѣ слов: Боже, спаси Россію”.

II. Отреченіе Михаила.

1. — Рѣшеніе Временнаго Комитета.

В “Исторіи революціи” Милоков говорит, что Родзянко-Львов отправились к прямому проводу в военное министерство для того, чтобы выяснить возможность “измѣненія” манифеста. Мы видѣли, что об этом не было и рѣчи со стороны председателей Врем. Комитета и Врем. Правительства. Дѣло шло об отсрочкѣ, пока политическіе архитектора не договорятся между собой... “Ночь, (вѣрнѣе предразсвѣтное время) прошла, — вспоминает Керенскій, — в рѣзких и горячих спорах, так как Милосков защищал свою позицію с настойчивостью и упорством изумительными. Его поддерживал лишь отчасти (moitié à

*) Алексѣев приводил в примѣр Ревель, гдѣ при ознакомленіи с текстом манифеста образовалось «хорошее приподнятое настроеніе».

contre cœur) Шингарев. Милоков считал, что “все потеряли голову”^{*)}). Мнѣніе Керенскаго о необходимости уѣдѣть Вел. Князя отречься возмѣло рѣшающее вліяніе. Некрасов успѣлъ уже набросать и проект отреченія. Никто не знал, насколько сам Вел. Князь был осведомлен о происходящем. Рѣшено было отправиться и коллективно представить на его усмотрѣніе двѣ точки зрѣнія, так как Милоков, — утверждает Керенскій, — заявил, что он немедленно покинет ряды Вр. Правительства, если ему не будет предоставлена возможность изложить мнѣніе меньшинства перед Мих. Алекс.

Около полудня по датировкѣ Милокова — около 10 час. по воспоминаніям Керенскаго — члены правительства кн. Львов, Милоков, Керенскій, Некрасов, Терещенко, Годнев, Львов Вл. и члены Врем. Комитета Родзянко, Ефремов и Караулов (называют еще Шидловскаго и Ржевскаго), собрались на Милліонной в квартирѣ кн. Путятинной, гдѣ временно пребывал Великій Князь. Сама хозяйка в воспоминаніях опредѣляет время собранія около 11 часов.

Не зная, на основаніи каких данных Маклаков инициативу созыва совѣщанія приписывает “новому императору”. Караулов, рассказывавшій 31 марта в кн. Андрею Влад. в Кисловодскѣ исторію отреченія Мих. Ал., говорил, что инициатива совѣщанія принадлежала исключительно думцам: Керенскій телефонировал Вел. Кн. в 5 час. утра, Мих. Ал. разбудили, и он отвѣтил, что “ничего не знает” о том, что произошло в Псковѣ. Надо ли говорить, что теоретическія разсужденія Маклакова, который понял бы собраніе на Милліонной, если бы там рѣчь шла о недостаточности конституціонных гарантій в актѣ отреченія Царя, совершенно непримѣнимы к революціонной обстановкѣ утра 3-го марта, вытекавшей, конечно, не из правомѣрных юридических предпосылок государствовѣдов. При обрисовкѣ тогдашней революціонной обстановки надлежит устранить легенду, правда совершенно второстепеннаго значенія, но очень характерную для революціонной мемуарной литературы. Суханов вспомнил, как он 2-го марта, т. е. в критическій момент, когда рѣшался вопрос о государственной власти, на запрос совѣтскаго комиссара на Царскосельском вокзалѣ (“по порученію желѣзнодорожников”): возможно ли дать Мих. Ал. поѣзд для пріѣзда из Гатчины в Петербург, “без всяких совѣщаній” отвѣтил, что поѣзда Исп. Ком. не разрѣшает “по случаю дороговизны угля” — “гр. Романов может прійти на вокзал, взять билет и ѣхать в общем поѣздѣ” Этот, воспроизводимый Черновым и др. “революціонный” отвѣт теряет свой эффект и относительное остроуміе, так как Мих. Ал., прибыв в столицу 27-го, уже не мог ѣхать назад в Гатчину и находился все время в квартирѣ кн. Путятинной. Так засвидѣтельствовала сама Путятина; это утверждает и полк. Никитин, по словам котораго Мих. Ал. в разговорѣ с ним высказывал особенное недовольство против Родзянко, вызвавшаго Великаго Князя и оставившаго его будто бы в военном министерствѣ во время вечерняго разговора со Ставкой. Однако, для переговоров со Ставкой Мих. Ал. ѣздил не с Родзянко, а с военным министром Бѣ-

*) В некрологѣ Милокова, напечатанном в «Новом Журналѣ», Керенскій говорит, что на ночном совѣщаніи первым о невозможности воцаренія в кн. Михаила высказался Родзянко.

лявым и на его автомобилѣ. Весь этот инцидент (с сухановским отвѣтом) нашел нѣкоторый отклик в тогдашнем сообщеніи “Русскаго Слова”, но отнесен он ко времени послѣ отреченія. Кто у кого заимствовал — мемуарист ли у газетнаго сотрудника или этот послѣдній у будущаго мемуариста — не знаю...

По словам Путьяиной, Мих. Ал. увѣдомил Родзянко только в 4 часа утра 2-го, гдѣ он находится (свидѣтельство болѣе, чѣм сомнительное), и тогда же ему была прислана охрана из 40 юнкеров и 8 офицеров.

2. — Возвращеніе делегатов.

Гучков и Шульгин только что (около 8 час. утра) вернулись в Петербург и тут же на Варшавском вокзалѣ натолкнулись на яркую иллюстрацію к существовавшим настроеніям. Гучков смѣло пошел объявить акт отреченія в мастерскія Сѣв.-Зап. жел. дор., но рабочіе пришли в такое возбужденіе, что, “закрыв помѣщеніе мастерских, проявили недвусмысленное намѣреніе акт уничтожить, а Гучкова личчевать”. Эпизод, повидимому, был не столь драматичен, как изобразил его в приведенных словах Бубликов, и никто не собирался уничтожать акт отреченія и убивать Гучкова...*). Образно, но нѣсколько туманно, об инцидентѣ рассказал Шульгин, бывшій одним из дѣйствовавших лиц. В кутюрьмѣ, которая цариза на вокзалѣ, когда “какіе-то люди”, “куда-то нас тащили”, “мнѣ выпало на долю объявить о происшедшем “войскам и народу”. Рота выстроилась “покоем” (четвертую сторону составляла толпа) и взяла на караул. В такой торжественной обстановкѣ Шульгин прочитал отреченіе. “Я подпя глаза от бумаги. И увидал, как дрогнули штыки... прямо против меня молодой солдат плакал.. Тогда я стал говорить”. Депутат произнес патристическую рѣчь о Россіи, о ея спасеніи, чему подал примѣр Царь. “Ура! Государю императору Михаилу... второму!” “И показалось мнѣ на короткое время, что монархія спасена”. В этот момент Шульгина позвали к телефону — Милоков слѣшил перехватить делегатов на вокзалѣ и предупредить, что они должны ѣхать на Миллѣнную 12. Милоков не одобрил послѣднюю попытку провозгласить “Михаила II”. “Настроеніе сильно ухудшилось... текст (манифеста) неудовлетворителен... необходимо упоминаніе Учредительнаго Собранія”. Шульгин направился на розыски Гучкова, но по дорогѣ передал конверт с подлинным отреченіем посланцу Бубликова и нашел Гучкова на митингѣ рабочих в желѣзнодорожных мастерских.

Шульгин застал момент, когда толпа “забурлила” под вліяніем агитаціонных рѣчей ораторов и требовала “закрыть двери”, дабы “Александра Ивановича” не выпустить, а “документы” отобрать**). Спас положеніе инженер, устыдившій толпу: “вы хуже стараго режима”. “Двери отворились. Гучков говорил какія-то успокаивающія сло-

*) Мстиславскій, повторяя ходячую версію, говорит об арестѣ Гучкова — его «чуть не поставили под разстрѣл» и пр.

**) Эти рѣчи мемуарист, конечно, сотворил в духѣ будущих большевицких графаретов — о миллионах сахарозаводчика Терещенко, «князей и графов» из Вр. м. Прав. и т. д. Терминологія выдает мемуариста — ни один из ораторов-рабочих не мог 3-го говорить о «революціонной демократіи» (позднѣйшее слѣвоупотребленіе, едва ли не введенное Церетели).

ва”, а Шульгин мотивировал необходимость немедленного отъезда, так как “сейчас в Гос. Думѣ между Комитетом Думы и Совѣтом Р. Д. идет важнѣйшее совѣщаніе, на котором... все рѣшится”. “Толпа разступилась — скорѣе дружественно”... Жельзнодорожный инспектор Некрасов, сопровождавшій делегатов во время побѣдки в Псков, дал Ломоносову другое объясненіе. Гучкова приняли за “самозванца” и хотѣли арестовать. Въмѣшался Некрасов и сказал, что они привезли “акт отреченія”. Пошли “какіе-то переговоры”. Нас “вѣжливо продержали еще минут двадцать и выпустили”*). Так и остается неизвѣстным из рассказов мемуаристов — читал ли Гучков акт отреченія рабочим. Вѣроятно же всего читал, и возбужденіе, силу котораго каждый мемуарист передал на свой лад, вызвало упоминаніе о воцареніи Михаила. Сам Гучков в воспоминаніях не упомянул об инцидентѣ: он говорит, что от начальника станціи делегаты узнали, куда они слѣшно должны ѣхать.

3. — У Великаго Князя.

“Вот Милліонная”... Вел. Князь имѣл очень взволнованный вид, — вспоминает Керенскій. Кн. Львов и Родзянко положили взгляд большинства. Что сказал Родзянко, “пространно”, по словам Милюкова, мотивировавшій необходимость отказа “новаго императора”, мы можем догадаться по его воспоминаніям. Говорил ли Родзянко о незаконности манифеста, о дефективности текста “конституціи”, мы не знаем. Очевидно, центром были соображенія тактическія, вытекавшія из учета настроенія революціонных элементов: “для нас было совершенно ясно, Вел. Кн. процарствовал бы всего нѣсколько часов и немедленно произошло бы огромное кровопролитіе в стѣнах столицы, которое бы положило начало общегражданской войнѣ. Для нас было ясно, что Вел. Кн. был бы немедленно убит и с ним всѣ сторонники его, ибо вѣрных войск уже тогда в своем распоряженіи не имѣл и поэтому на вооруженную силу опереться не мог. Вел. кн. Мих. Ал. поставил мнѣ ребром вопрос, могу ли я ему гарантировать жизнь, если он примет престол, и я должен был ему отвѣтить отрицательно... Даже увезти его тайно из Петрограда не представлялось возможным: ни один автомобиль не был бы выпущен из города, как не выпустили бы ни одного поѣзда из него”...**).

Наступила очередь Милюкова изложить позицію “меньшинства”,

*) По разсказу Родзянко делегаты были освобождены дежурной ротой. Об этой ротѣ, явившейся с пулеметом, упоминает и Шульгин. Шляпников утверждает, что потребовалось вмѣшательство Совѣта, и Гучков был освобожден только послѣ переговоров с Исп. Ком. По свидѣтельству еще одного современника (Б. Н. Б.), выступавшаго на столбцах эмигрантскаго буржуазскаго «Общаго Дѣла», «вмѣшательство Совѣта» выявилося в том, что был арестован комендант станціи полк. Т., который со взводом петроградскаго полка высвободил Гучкова.

**) Кн. Путятина, воспоминанія которой точною не отличаются, утверждает, что Родзянко на Милліонную прибыл за час до остальных и убѣждал Мих. Ал. принять власть. Вѣроятно, автор спутал с тѣм, что было наканунѣ, когда, по ея словам, Родзянко нѣсколько раз посѣтил Великаго Князя и говорил ему о регентствѣ. Вечером 2-го в тѣх же цѣлях квартиру Путятиной посѣтил и вел. кн. Ник. Мих.

т. е. свою собственную точку зрѣнія*). Вновь очень картинно изобразил Шульгин “потрясающую” рѣчь Милокова — “Головой — бѣлый, как лунь”**), лицом сизый от бессонницы, совершенно сильный от рѣчей в казармах, на митингах, он не говорил, но каркал хрипло”: если откажетесь — Россія погибла. Естественно, что именно в этом изложеніи всегда цитируется рѣчь Милокова. Но с Шульгиным, как мемуаристом, всегда происходят небольшие malentendus: депутат поѣхал на Милліонную лишь к самому концу рѣчи Милокова. Поэтому возьмем лучше ту общую характеристику ея, которую дал сам Милоков в своем уже историческом повѣствованіи: “Сильная власть, необходимая для укрѣпленія порядка, нуждается в опорѣ привычнаго для масс символа власти. Временное Правительство одно без монарха... является утлой ладьей, которая может потонуть в океанѣ народных волненій; странѣ при таких условіях может грозить потеря всякаго сознанія государственности и полная анархія, раньше, чѣм соберется Учр. Собраніе, Временное Правительство одно до него не доживет” и т. д. По словам Керенскаго, Милоков говорил болѣе часа с большим спокойствіем и хладнокровіем, явно желая, по мнѣнію мемуариста, затянуть разговор до пріѣзда псковичей, надѣясь в них найти опору. Совсѣм иное объясненіе длинной рѣчи Милокова и его состоянія — крайне возбужденнаго, а не спокойнаго — дали Алданову другіе участники совѣщанія (анонимные в статьѣ писателя): “это была как бы обструкція... Милоков точно не хотѣл, не мог, боялся окончить говорить, он обрывал возражавшаго ему, обрывал Родзянко, Керенскаго и всѣх”...***).

По пріѣздѣ псковских делегатов был объявлен перерыв для взаимной информаціи. Послѣ нѣкоторых колебаній или размышленій Гучков рѣшил, что он должен поддержать позицію Милокова, и объявил, что если Мих. Ал. присоединится к позиціи большинства, он вступит в состав правительства.

По Керенскому послѣ перерыва говорил Гучков, по Шульгину — Керенскій. В изложеніи послѣдняго Керенскій сказал приблизительно так: В. В., мои убѣжденія республиканскія. Я против монархіи...****).

*) По словам Милокова, послѣ Родзянко говорил Керенскій. Шульгин утверждает, что Керенскій выступил послѣ перерыва. В рѣчи Керенскій возражал Милокову. Так как я могу слова Керенскаго изложить только по Шульгину или дать их из третьих уже рук — в описаніи в. кн. Андрея, то откладываю их на время послѣ перерыва. Возможно, что Керенскій выступил два раза. Шульгин с Гучковым опоздали к началу бесѣды.

**) На другой день Палеолог, дѣйствительно, обратил вниманіе на то, что Милоков постарѣл «на десять лѣтъ».

***) Очерк Алданова носит в себѣ черты слишком опредѣленнаго юбилейнаго преувеличенія. Между прочим, он заключает: «Обращаясь к документам (!) того времени, историк признает, что такого яснаго, истинно вѣщаго предвидѣнія надвигающейся на Россію катастрофы не имѣя в первый час революціи ни один другой политическій дѣятель». Послѣдующее изложеніе, стилизирующее факты, устраняет эту иллюзію «предвидѣнія» в отношеніи Милокова. «Вѣщих гредсказаній» о «гибели Россіи» было много, даже слишком много — и особенно перед революціей. Все это больше словесная мишура, которую навѣивали летучія переживанія в данный, иногда изрѣккій отрывок времени.

****) В изложеніи Шульгина Керенскій сказал Мих. Ал., что он принадлежит к партіи которая запрещает соприкасаться с лицами императорской

Но я сейчас не хочу, не буду... разрешите вам сказать иначе... как русский русскому, П. Н. Милюков ошибается. Приняв престол, Вы не спасете Россию!. Наоборот. Я знаю настроение масс... Сейчас рѣзкое недовольство направлено именно против монархіи... именно этот вопрос будет причиной кроваваго разлада. Умоляю Вас, во имя Россіи, принести эту жертву. Если это жертва... Потому что, с другой стороны... я не в правѣ скрыть здѣсь, каким опасностям Вы лично подвергаетесь в случаѣ рѣшенія принять престол... Во всяком случаѣ я не ругаюсь за жизнь В. В."...*)

Слово предоставлено было Гучкову (предсѣдательствовал как бы сам Мих. Ал.). Гучков был, по словам Керенскаго, краток и ясен. Французскому послу один из участников совѣщанія говорил, что Гучков, призывая Вел. Князя к патрістическому мужеству, указывал на необходимость в переживаемый момент выступить ему в качествѣ національнаго вождя. Если Вел. Кн. отказывается принять императорскую корону, то пусть примет на себя регентство, пока трон вакантен; пусть выступит в роли "покровителя націи", как именовался Кромвель. Вел. Кн. может дать торжественное обѣщаніе передать власть Учр. Собранію по окончаніи войны.

Была очередь Шульгина. Ему кажется, что он говорил "последним" **). Шульгин обратил вниманіе на то, что тѣ. "кто должен быть... опорой" Вел. Кн. в случаѣ принятія престола, т. е. почти всѣ члены новаго правительства, "этой опоры... не оказали". "Можно ли опереться на других? Если нѣтъ, то у меня не хватает мужества при этих условіях совѣтовать... принять престол"...

Шульгин не был послѣдним — говорил еще раз Милюков, так как "вопреки соглашенію" за первыми рѣчами послѣдовали другія в "полемическом тонѣ". Милюков получил, паперекор "страстному противодѣйствію Керенскаго", слово для отвѣта. В нем он указал, что "хотя и правы утверждавшіе, что принятіе власти грозит риском для личной безопасности Вел. Князя и самих министров, но на риск этот надо идти в интересах родины, ибо только таким образом может быть снята с даннаго состава лиц отвѣтственность за будущее. К тому же рѣш Петрограда есть полная возможность собрать военную силу, необходимую для защиты Вел. Князя".

По утверженію Керенскаго, Мих. Алек. казался уже утомленным

крови (!). Еще болѣе образно представил это Андр. Владиміровичу Караулов. Керенскій заявил, что «поступился всѣми своими партійными принципами ради блага отечества и лично явился сюда», за что его «могли бы партійные товарищи растерзать»...

По отзыву Караулова Керенскій «наиболѣе ярко характеризовал момент». Он сказал, что «вчера еще бы согласился на конституционную монархію, но сегодня, послѣ того, что пулеметы с церковью разстрѣливали народ, негодованіе слишком сильное, и Миша (это запись Ал. Вл.), беря корону, становится под удар народнаго негодованія, из под котораго вышел Ники. Успокоить умы теперь нельзя, и Миша может погибнуть с ним и они всѣ». Эта передача, очевидно, может установить только смысл рѣчи оратора, а не подлинныя его слова, равно как и термины «вчера» и «сегодня» должны быть понимаемы относительно.

**) По воспоминаніям Керенскаго («Новый Журнал»), Шульгин «просто промолчал».

и начинал терять терпѣніе*). По окончанію рѣчей (в представленіи Керенскаго, это было послѣ рѣчи Гучкова). Мих. Ал. выразил желаніе переговорить наединѣ с кн. Львовым и Родзянко, прежде чѣмъ принять окончательное рѣшеніе. По словам Караулова, он мотивировал свое желаніе тѣм, что ему “крайне трудно принять рѣшеніе, раз между членами Думы нѣтъ единства**). Родзянко пытался возразить, ссылаясь на общее соглашеніе дѣйствовать коллективно. Вопрошающій взгляд в сторону Керенскаго, как бы испрашивавшій у него согласія на частные разговоры. Керенскій нашел, что отказать Вел. Кн. в его просьбѣ неудобно. Караулов говорил, что и он настаивал на предоставленіи Мих. Ал. полной “возможности принять свободное рѣшеніе”. Поэтому никто не возражал против “разговора” с двумя лицами... при условіи, что Мих. Ал. “ни с кѣмъ постороннимъ разговаривать не будет, даже по телефону***). Свообразная “свобода рѣшенія”, которая дала впоследствии повод в кругах, близких Мих. Ал., утверждать, что послѣдній был “взят мертвой хваткой”!. Указанныя лица вмѣстѣ с Вел. Княземъ вышли в другую комнату.

**
*

Какія реальныя возможности открывались передъ Михаиломъ Александровичемъ? Личныя настроенія и теоретическія выкладки пытавшихся предугадать событія политиковъ не создавали еще базы для активнаго дѣйствія. В отрывкахъ воспоминаній, напечатанныхъ в “Совр. Зап.”, Милюковъ очень опредѣленно утверждалъ, что он хотѣлъ “рисковать открытымъ конфликтомъ с революціонной демократіей” и рассчитывалъ тогда на успѣхъ, как он потомъ, нѣсколько позже, говорилъ Набокову. Набоковъ же считалъ эту возможность “чисто теоретической”. “Несомнѣнно, — разсуждаетъ в воспоминаніяхъ Набоковъ, — для укрѣпленія Михаила потребовались бы очень рѣшительныя дѣйствія, не останавливающіяся передъ кровопролитіемъ, передъ арестомъ Исп. Ком. Совѣта Р. и С. Д... Черезъ недѣлю, вѣроятно, все вошло бы в надлежащія рамки. Но для этой недѣли надо было располагать реальными силами... Такихъ силъ не было. И самъ по себѣ Михаилъ былъ человѣкомъ, “мало или совсѣмъ не подходящимъ къ той трудной, отвѣтственной и опасной роли, которую ему предстояло бы сыграть”. “Вся совокупность условій была такова, что принятіе престола было невозможно”, — заключаетъ мемуаристъ. Не могъ же Милюковъ, готовившійся “на собственный страхъ и рискъ” къ “рѣшительной” игрѣ, не учитывать всей

*) В изложеніи Милюкова, Мих. Ал. все время молчалъ. В процитированныхъ строкахъ воспоминаній Родзянко говорится о вопросахъ, поставленныхъ Мих. Ал. — вѣроятно, это было уже тогда, когда они остались наединѣ. По словамъ Керенскаго, Вел. Кн. все время проявлялъ активный интересъ, много разъ вмѣшивался, переспрашивалъ и просилъ повторить.

**) Милюковъ говоритъ, что отдѣльная бесѣда была только с Родзянко, но и Карауловъ разсказывалъ Андр. Влад. о бесѣдѣ с Родзянко и Львовымъ.

***) Информаторъ Палеолога передавалъ ему, что Керенскій попросилъ Мих. Ал. только не созѣтоваться съ женой, на что М. А. отвѣтилъ: «Успокойтесь, А. Ф., моей жены сейчасъ нѣтъ здѣсь. Она осталась в Гатчинѣ». Самъ Палеологъ занесъ в дневникъ, что Вел. Кн. не такъ легко уступилъ бы, если бы «честолюбивая и ловкая» кн. Брасова была в Петербургѣ.

той обстановки, которую рисует Набоков?*)). Адданов, опросивший “всѣх, кого только мог” о совѣщаніи в кв. кн. Пулятиной, говоривший и с Милюковым, сообщает, что Милюков “совѣтовал Великому Князю в эту же ночь оставить Петербург с его революціонным гарнизоном и, не теряя ни минуты, выѣхать в Москву, гдѣ еще была военная сила”. “Три энергичных, популярных, на все готовых человекѣ — на престолѣ, во главѣ арміи, во главѣ правительства — могли бы предотвратить развал страны”. Великій князь Михаил лично был человекѣ отважный, как свидѣтельствуяют всѣ военные, видѣвшіе его в боевой обстановкѣ**). Во главѣ арміи стоял в. кн. Ник. Ник., человекѣ достаточно энергичный и не помышлявший в эти дни о капитуляціи — он мог, к тому же, опереться на сочувствіе всего высшего команднаго состава, который видѣл в отказѣ от престола Мих. Ал. большую трагедію для фронта. Во главѣ правительства должен был неминуемо в таком случаѣ встать Милюков, ибо, как говорит он в качествѣ историка, “обѣ стороны (на совѣщаніи) заявили, что в случаѣ рѣшенія, несогласнаго с их мнѣніем, онѣ не будут оказывать препятствія и поддержат правительство, хотя участвовать в нем не будут”. Вакансія премьера освобождалась.

Надо предполагать, что дѣлая предложеніе о переѣздѣ в Москву, Милюков не считал, очевидно, столь уже безоговорочным, как передает Набоков с его слов, что “в первые дни переворота гарнизон был в руках Гос. Думы”. Не был он и всецѣло в руках Совѣта. Не было и того настроенія гражданской войны, в атмосферѣ которой могла родиться мерещившаяся Родзянко и др. опасность убійства Мих. Ал. Не думаю, чтобы и в квартирѣ кн. Пулятиной, охраняемой нѣсколькими десятками преображенцев, чувствовался тот почти паническій страх, о котором рассказывает Шульгин: “Керенскій, — передает тещущій Терещенко, — боится, чтобы не убили Великаго Князя: вот какія-то бродящія кругом “банды” могут ворваться”. Эти опасенія в большей степени зависѣли от настроенія молодого министра финансов революціоннаго правительства, бывшаго до революціи чуть ли не кандидатом на цареубійство, который, в изображеніи Шульгина, очень тяжело и непосредственно переживал сцену, разыгранную на Милліонной: “Я больше не могу... что дѣлать, что дѣлать!...” “Маленькая анекдотичная подробность”, переданная Гучковым, как будто говорит скорѣе за то, что Керенскій боялся появленія “банд” другого типа. Когда Гучков попробовал по телефону переговорить с женой и сообщить ей о своем приѣздѣ, Керенскій пожелал знать, с кѣм будет

*) Впрочем, нельзя быть увѣренным в том, что опредѣленная точка зрѣнія Набокова не установилась под влияніем позднѣйших размышленій над протекившими событіями. По крайней мѣрѣ ген. Куропаткин при свиданіи с Набоковым 1 мая (17 т.) записал в дневник: «Набоков не очень спокойно относится к происходящему. Говорит, что совѣм не то они ожидали. Что надо было, чтобы Михаил нашел в себѣ мужество принять престол. Тогда разрухи и безначалія не было бы. Теперь нѣтъ власти».

**) Проф. Платонов, преподававший Мих. Ал. исторію, дал в 1903 г. члену Гос. Сов., руководившему извѣстным «Имп. Рус. Ист. Общ.» Полторцову, такую, расходящуюся с традиціонным представленіем, характеристику Великаго Князя: «имѣет чрезвычайно сильную волю и без торопливости, с неуклонной твердостью достигает раз намѣченной цѣли. К сожалѣнію, умственно лѣнив».

говорить Гучков... У Керенскаго "было подозрѣніе, что я хочу вызвать какую-либо военную часть, которая силою заставила бы Михаила остаться на престолѣ"*)).

В Москвѣ, не пережившей "пороховых дней", внешне, как будто, было спокойнѣе. Но это спокойствіе отнюдь не означало, что московскія настроенія благоприятствовали осуществленію милоковской концепціи. Напомним, что приблизительно как раз в часы, когда шло совѣщаніе в кв. Путьяиной, в Москвѣ обсуждали вопрос о монархіи до Учр. Собр. и основное намѣтившееся теченіе Третьяков, представитель торгово-промышленнаго класса, а не будущей "революціонной демократіи", по газетному отчету выразил словами: "Не может быть рѣчи, чтобы послѣ Романова Николая вступил на престол Романов Михаил". Это было, может быть, скоро преходящее "опьянѣніе революціей", вскружившее даже наиболѣе "трезвые умы" в средѣ буржуазіи. С ним нельзя было не считаться, — оно распространилось на всю Россію: кн. Волконскій вспоминает, напримѣр, как в провинціальном Борисоглѣбскѣ "люди встрѣчались, обнимались, поздравляли", когда в связи с отреченіем пришло сообщеніе, что "старый порядок кончился". В такой общественной атмосферѣ монархическая традиція не могла быть "объединяющей и собирающей силой". В Москвѣ "опьянѣніе революціей" было, пожалуй, сильнѣе, чѣм в Петроградѣ, гдѣ, как рассказывал Караулов в Кисловодскѣ 16 марта, в "первые дни не знали, кто возьмет верх" и "боязнь контр-революціи у всѣх была большая". В Москвѣ боязни "контр-революціи" не было, и каким-то недоразумѣніем надо считать утвержденіе (историка или мемуариста — не знаю), что здѣсь "еще была военная сила", на которую мог рассчитывать "отчаянной смѣлости план", предложенный Милоковым в. кн. Михаилу. "Московскій гарнизон" еще 1 марта без всяких осложненій перешел всецѣло на сторону революціи. И сила сопротивленія возможной "контр-революціи" в Москвѣ представлялась гораздо значительнѣе, нежели в Петербургѣ. Это отчетливо видно из психологіи "крайне лѣвых", т. е. большевнцких групп; лишь крайне плохой освѣдомленностью даже в общественных кругах можно объяснить отмѣтку Гиппиус 3-го, о Москвѣ, гдѣ "никакого Совѣта Р. Д. не существует".

Отдѣльные факты, взятые сами по себѣ, почти всегда противорѣчивы и ими одними нельзя иллюстрировать положеніе. Но сопоставленіе все-таки выясняет общую конъюнктуру. Вот революція, принятая в первые дни революціи в Петербургѣ на митингѣ рабочих и солдат в Самсоніевском братствѣ (Выборгская сторона) — она требует, чтобы Совѣт "немедленно" устранил Временное Правительство и этим правительством объявил бы себя. Из 1000 человекъ только 3 высказались против. Совѣтамъ другое настроеніе на заводѣ "Галерный Остров". Отношеніе к большевикамъ было таково, что "даже не давали выступать", — вспоминает рабочий Наратов, — "о передачѣ власти совѣтамъ не хотѣли... слушать". Аналогичная картина и в революціи-

*) Впрочем, и Караулов, отмѣчавшій большое «волненіе», которое испытывали члены Совѣщанія, рассказывал Андр. Влад., что они «все время посматривали в окно, не идет ли толпа, ибо боялись, что их могут всѣх прикончить».

онном гарнизонѣ. Опасность “гнѣва революціоннаго народа”, который может обрушиться на агитаторов из большевицкаго лагеря, была столь “реальна”, что даже представители ЦК, носившіе высокое званіе членов Исп. Комит. Совѣта Р. Д., вынуждены были, как утверждает Шляпников, — “временно” воздержаться ходить в тѣ казармы, гдѣ господствовали “ура-патріоты”, и создавать опору путем “индивидуальной обработки”. Шляпников вспоминает, как ему — “большевику” — в одной из зал Гаврическаго дворца солдаты, распробандирированныя “оборонцами”, “не давали говорить”. Так было в отношеніи той партіи, которая — “единственная” среди партійныхъ организацій — принимала непосредственное участіе в боевых дѣйствіях на улицахъ столицы! Мы говорили уже, что этот большевицкій дѣятель и историкъ революціи признает, что у “Временнаго Правительства тогда оружія было куда больше, чѣм у нас”, — “соотношеніе силъ не позволяло” большевикамъ ставить вопросъ в плоскость “борьбы с оружіемъ в рукахъ”. В протоколѣ Исп. Ком. (9 марта) можно найти отмѣтку, что в Царскомъ Селѣ “войска стоятъ за конституціонную монархію”... Припомнимъ, что в Москвѣ позиція “крайнихъ” была, пожалуй, болѣе выигрышна — они открыто пытались на первыхъ порахъ требовать созданія временнаго революціоннаго правительства.

Надежды на Москву были эфемерны. Реальной опорой могъ быть только фронтъ, плохо еще освѣдомленный о происшедшемъ, не захваченный настроеніемъ уличной революціонной стихіи. Едва ли новому императору трудно было бы в петербургской обстановкѣ выгнать изъ столицы — “революціонныя рога” не такъ уже были непроницаемы. Всякое активное дѣйствіе, естественно, несетъ в себѣ долю риска, ибо случай играетъ здѣсь подчасъ слишкомъ большую роль. А ригоръ на фронтѣ можно было найти опору. Дѣло, конечно, не в тѣхъ патріотическихъ буфонадахъ, которыя имѣли мѣсто и къ которымъ надлежитъ отнести и телеграмму Рузскому ген. ад. Хана-Нахичеванскаго 3 марта: “Прошу васъ не отказать повергнуть къ стопамъ Е. В. безграничную преданность гвардейской каналеріи и готовность умереть за своего обожаемаго монарха”. Люди в тѣ дни вообще имѣли склонность безответственно говорить от имени массъ. При “нервномъ” и “недовѣрчивомъ” отношеніи солдатъ в первые дни къ совершившемуся*), поддержку на фронтѣ можно было найти, тѣмъ болѣе, что Алексѣевъ своимъ авторитетомъ могъ бы подкрѣпить петербургское начинаніе — онъ считалъ, какъ мы знаемъ, воцареніе Михаила, хотя бы временное, необходимымъ**).

Рискули ли бы главнокомандующіе на вооруженный конфликтъ, мы, конечно, не знаемъ, такъ какъ всѣ ихъ стремленія в страдные дни сводились къ стремленію избѣгнуть междоусобицы, пагубной в ихъ глазахъ для успѣха войны... Но совершенно удивительно, что *мысль снестись и предварительно переговорить с верховнымъ командованіемъ не явилась* у тѣхъ, кто призывалъ Вел. Князя идти на рискъ. Алексѣевъ тщетно пытался в теченіе всего дня найти этихъ политиковъ и добился Гучкова лишь тогда, когда вопросъ былъ разрѣшенъ. Всякое дѣйствіе запаздыва-

*) Ниже будетъ особо рассмотрѣно отношеніе фронта къ февральскому перевороту.

**) Ген. Красновъ рассказываетъ, что 5-го и 6-го в 4 кав. корпусѣ онъ объявилъ под «громкое ура» на парадѣ о воцареніи Михаила Александровича и награждалъ именемъ новаго императора георгіевскими крестами.

до и становилось, действительно, рискованным в момент, когда на улицах столицы развѣшивали уже плакаты о двойном отреченіи или раздавались листовки “Извѣстій”, а за кулисами Исп. Ком. принимал уже постановление об арестѣ “династіи Романовых”*). На квартирѣ кн. Путятиной Вел. Князю предлагались теоретическія выкладки, болѣе умѣстные въ воспоминаніях, как, напр., у Набокова**), но не предлагалось никакого конкретнаго плана дѣйствія. Вѣроятно, поэтому Мих. Ал. и проявлял признаки нетерпѣнія, о чем говорит Керенскій. Для лидера прогрессивнаго блока эта словесная скорѣе академическая постановка вопроса была естественна и до нѣкоторой степени соответствовала его характеру. Но Гучков? — человек болѣе практическаго дѣла, чѣм теоріи, человек, свыкшійся уже в предшествующіе мѣсяцы в заговорщицкой атмосферѣ подготовки дворцоваго переворота с мыслью о военном *pronunciamiento* и нащупывавшій военныя части для дѣйствія? Очевидно, вся общественная атмосфера не подходила для дѣйственных актов против “революціонной демократіи”. То, чего хотѣл теоретически Миллюков 3 марта, Гучков, как сам разсказал впоследствии, пытался в других условіях и с другим персонажем безуспѣшно осуществить через нѣсколько мѣсяцев.

4. — Р ѣ ш е н і е .

Через полчаса вышел Великій Князь. Он сообщил “довольно твердо” ожидавшим, что его “окончательный выбор склонился в сторону мнѣнія, защищавшагося предсѣдателем Гос. Думы”. Такова версія свидѣтеля-историка. Шульгин в иных тонах передает заключительную сцену. Вел. Кн. не договорил, “потому что... заплакал...”.

Почему Мих. Ал. отказался “принять престол”? Не ясно ли из всего сказаннаго? Среди мотивов могли быть и соображенія, передаваемые полк. Никитиным, со слов кн. Брасовой: в. кн. Мих. Ал. не считал себя в правѣ взойти на престол, так как Царь не имѣл права отречься за наслѣдника. Именно по мнѣнію Никитина, человека близкаго к Мих. Ал., послѣдній был взят как бы “мертвой хваткой” и чувствовал себя одиноким, считал, что “правительство, против него настроенное, не даст ему возможности работать”. Вел. Кн. не мог не знать и отрицательнаго отношенія к его кандидатурѣ в родственной великокняжеской средѣ. Все вело к одному... Керенскій “рванулся”,

*) См. мою книгу «Судьба имп. Николая II послѣ отреченія».

**) «A priori, — пишет он, — можно привesti очень сильныя доводы в пользу благоприятных послѣдствій положительнаго рѣшенія принятія Михаилом престола, несмотря на порочность с точки зрѣнія юридической с самаго начала этого акта». «Прежде всего оно сохранило бы преемственность аппарата власти... сохранены были бы основы государственнаго устройства Россіи, и имѣлись на лицо всѣ данныя для того, чтобы обезпечить монархіи характер конституціонный... Устранен был бы роковой вопрос о созывѣ Учр. Собранія во время войны. Могло бы быть создано не Временное Правительство, формально облеченное диктаторскою властью, фактически вынужденное завоевать... эту власть, а настоящее конституціонное правительство на твердых основах закона... Избѣгнуто бы было то великое потрясеніе всенародной психики, которое вызвано было крушеніем престола».

“В. В.! Вы — благородный чловѣкъ!” Он прибавил, что отнынѣ будет всегда заявлять это”*)).

“Пафос Керенскаго, — замѣтил историк, — плохо гармонировал с прзой принятаго рѣшенія. За ним не чувствовалось любви и боли за Россію, а только страх за себя”... Почему?! “Злостным вздором” называл Сухайов эту отмѣтку историка. Вѣроятно, в ней надо видѣть отзывъ тѣх слов Керенскаго, которыя в записи Ан. Вл. гласили: “Миша может погибнуть, с ним и *она всѣ*”. Странно, что и через 20 лѣтъ Милюков не нашел других слов, кромѣ “нерѣшимости” Вел. Князя и “трусости” Родзянко, помѣшавших осуществить предложенный план спасенія Россіи, для характеристики обстановки, в которой создавался “историческій акт” 3-го марта. Реалистичнѣе был тогда монархист кн. Львов, опредѣлившій в болѣе позднем разговорѣ по поводу с ген. Алексѣевым полсженіе так: “благородное рѣшеніе в. кн. Мих. Ал. привлекло к нему симпатіи громаднх масс и открывает в будущем возможность новых горизонтов и спасло его и нас от новой бури”.

Для оформленія акта отреченія на Милліонную были вызваны юристы-государствовѣды Набоков и Нольде, а в перерыв кн. Путятина “просила всѣх завтракать”. По свидѣтельству мемуаристов не остался только Милюков, сама же Путятина перечисляет лишь четырех среди завтракавших: Львов, Набоков, Шульгин и Керенскій**). Завтрак прошел в сискойной обстановкѣ. Не показывает ли это, что страх, будто бы кто-то может ежеминутно “ворваться” не был силой? Приѣхавшіе юристы соотвѣтственно передѣлали “слабый и неудачный” черновик проекта Некрасова. Мих. Ал. со своей стороны, внес нѣсколько поправок — по указанію Шульгина, двѣ: ссылку на Бога и замѣну словом “прошу” проектированнаго “повелѣваю”. Караулов рассказывал Ан. Вл., что Мих. Ал. “настоял”, чтобы акт был редактирован не в видѣ манифеста от имени императора, и всѣ выраженія “мы” замѣнил “я”. Керенскій, также участвовавшій в обработкѣ некрасовскаго текста, увѣряет, что “особенно долго спорили” о происхожденіи временнаго правительства. Керенскій требовал исключить “волю народа”. Помирились на том, чтобы было “волею народа по почину Гос. Думы”, но в окончательном текстѣ “воля народа” все-таки исчезла.

Манифест гласил: “Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшаго Мнѣ Императорскій Престол в годину безпри-

*) В текстѣ воспоминаній самого Керенскаго сказано, что он заявил Мих. Ал., что берет обязательство защищать Вел. Князя от всѣх. «Мы пожали друг другу руку. И с этого момента мы остались в добрых отношеніях. Правда, мы встрѣтились только раз в ночь отъѣзда Царя в Тобольск, но... я имѣл нѣсколько раз случай оказать услугу в. князю, облегчая ему немного жизнь в новой обстановкѣ, в которой он находился». Как характерен этот абзац для Керенскаго-мемуариста! В иностранных изданіях своих воспоминаній он не упомянул, что Мих. Ал. в августѣ был арестован по личному распоряженію тогдашняго главы правительства.

**) Бѣдный Шульгин, имѣвшій, вѣроятно, нѣсколько потрепанный вид послѣ псковских перипетій, не избѣг обвиненій в цемагогической приспособляемости ко вкусам толпы. Так кн. Брасова говорила Маргуліесу, что монархист Шульгин «наочно не брлся» и «надѣл самый грязный пиджак», «когда ѣхал к Царю, чтобы рѣзче подчеркнуть свое издѣвательство над ним».

мѣрной войны и волеи народных. Одушевленный единою со всѣм народом мысляю, что выше всего благо Родины Нашей, принял Я твердое рѣшеніе в том лишь случаѣ воспріять Верховную Власть, если таковая будет воля Великаго народа Нашего, которому надлежит всепародным голосованіем, через представителей своих в Учред. Собраніи, установить образ правленія и новые основныя законы Государства Россійскаго. Посему, призывая благословеніе Божіе, прошу всѣх граждан Державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Гос. Думы возникшему и облеченному всей полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайшій срок на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія Учредительное Собраніе своим рѣшеніем об образѣ правленія выразит волю народа”.

Послѣ подписанія актъ взялъ кн. Львов. Это было уже около 6 час. вечера. Перевернулась страница русской исторіи. Назрѣвавшій правительственный кризис благополучно разрѣшился. Набоков рассказывает, что кн. Львов, информируя прибывших на Милліонную юристов о мотивах их приглашенія, сообщил, что в результатѣ принятаго рѣшенія Милюков и Гучков выходят из состава правительства. “Что Гучков уходит, — добавил, яко-бы, Львов, — это не бѣда: вѣдь оказывается, что его в арміи терпѣть не могут, солдаты же его просто ненавидят. А вот Милюкова непременно надо уговорить остаться”. Набоков соглашался, что уход Милюкова был бы “настоящей катастрофой”, и направился в Таврической дворецъ убѣждать вождя партіи к. д. не выходить из состава Временнаго Правительства. Оказалось, что на эту тему с Милюковым говорил уже Винавер. “Текст отказа” Михаила Милюкова удовлетворил и “кажется” послужил окончательным толчком для измѣненія принятаго раньше рѣшенія. Кто убѣдил Гучкова. Набоков не зналъ. Это сдѣлал, в свою очередь, Милюков — так рассказывает Гучков на страницах воспоминаній, напечатанных в “Пос. Новостях”. Милюков, мало надѣявшійся на благополучный исход революціи, “всетаки был большим оптимистом, чѣм я”. Керенскій говорит, что Гучкова убѣдили остаться, по крайней мѣрѣ на первые дни, тут же на совѣщаніи в минуты второго перерыва, когда Мих. Ал. совѣщался с Родзянко.

Надо думать, что Гучков согласился и вновь отказался, иначе непонятен характерный для обстановки нижеприведенной разговор по прямому проводу между Алексѣевым и полк. Энгельгардтом. Алексѣев только что закончил процитированную выше бесѣду с Гучковым по поводу отреченія Мих. Ал. (это было ближе уже к 7 час. вечера) и вызвал вновь Гучкова или Родзянко. “Родзянко занят неотложным дѣлом, — отвѣтил Энгельгардт: — “Гучков подал в отставку, временно я занимаюсь военным дѣлом и явился к аппарату. Может быть, найдете возможным переговорить со мною?” — “Я сейчас только окончил разговор с Гучковым, и оп мяѣ ни одним словом не обмолвился о своей отставкѣ, указывая, напротив, что всѣ усилія свои посвятит на пользу арміи. Очень трудно рѣшать какіе бы то ни было вопросы, касающіеся дѣйствующей арміи, если отсутствует какая бы то ни было ориентировка в эти исключительныя дни со стороны правительства. Если вы можете довести до свѣдѣнія предсѣдателя Совѣта Министров,

то я прошу быть ориентирован о ходѣ дѣл, ибо отдавать распоряженія *с связанными глазами* (курсив мой) невозможно**). “Час тому назад Некрасов сообщил мнѣ, что Гучков подал в отставку. В Думѣ его не было, а потому я позволил себѣ лично прибыть к аппарату, чтобы не задерживать вас. Из Ставки трижды вызвали Родзянко и Гучкова. Если вы говорили с Гучковым послѣ 18 часов, то, возможно, он взял отставку обратно. Передам нашу бесѣду кн. Львову немедленно***).

Думается, что на рѣшеніе Милюкова и Гучкова больше всего повлияла окружающая обстановка. Становилось ясно, что историческій путь в данном отрѣзѣ времени шел не по тѣм линиям, которыя намѣчались теоретическими выкладками политиков: событія рождались “психологіей масс”, как выразился кн. Львов в дальнѣйшем разговорѣ с Алексѣевым. Эту психологію масс в революціонной столицѣ Родзянко в разговорѣ с тѣм же Алексѣевым в 10 час. вечера опредѣлил словами: “Хотя эти акты (манифесты) не опубликованы, но слух о них прошел и встрѣчен населеніем с ликованием. Произведен салют с крѣпости новому правительству в 101 выстрѣл”. В дополненіе к словам Родзянко случайный фланер в то время на улицах столицы, толстовец Булгаков, вспоминает, что извѣстіе об отреченіи “Николая” и “Михаила” вызывало восторженное “ура”. — “Всѣ были именинниками”. В “низах” — на “улицѣ”, переходящей в “демократію”, общее настроеніе “против Романовых”, — отмѣчает вновь Гиппус. На пессимистическую реплику нач. штаба предсѣдатель Думы замѣтил: “Искренне сожалѣю, что Ваше Высокопревосходительство так грустно и уныло настроены, что тоже не может служить благоприятным

*) Затрудненія, которыя испытывала военная власть на фронтѣ при быстротечном ходѣ событий и при условиях, что верховный главнокомандующій находился на Кавказѣ, Ставка в Могилевѣ, правительство в Петербургѣ, можно иллюстрировать примѣром, по существу, может быть, и второстепенным. Первый приказ верховнаго главнокомандующаго, помѣченный 3-м мартом, совпал с опубликованіем «манифеста» Михаила. В них имѣлось рѣзко бросающееся в глаза противорѣчіе. Ник. Ник. говорил, обращаясь к солдатам: «...что касается вас, чудо-богатыри, сверхдоблестные витязи земли русской, то я знаю, как много вы готовы отдать за благо Россіи и престола...». В манифестѣ 3 марта выдвигалось Учредительное Собраніе. В Псковѣ обратили вниманіе на такое «серьезное» противорѣчіе. Русскій хотѣд вычеркнуть слово «престол», но его штаб запротестовал (сообщ. Болдырева). Данилов настаивал на замедленіи выпуска приказа и вступил в переговоры со Ставкой, указывая, что «войскам трудно будет разобраться в таком сличннн времени отдачи приказа верховнаго главнокомандующаго и манифеста в. кн. Мих. Ал., ибо оба документа помѣчены третьим марта. Получается безусловное впечатлѣніе несогласованности, очень тяжелое в таких государственной важности и деликатных для совѣсти каждаго вопросах». Ставка в лицѣ Лукомскаго считала «недопустимым» задержку приказа верховнаго. Нач. штаба, как видно из слов Лукомскаго, не считал возможным какиа-либо дальнѣйшія задержки, «пока не получится все черное по блѣтому», ибо «проводочка» привела уже к тому, что «баттійскій флот окончательно взбуитовался». Мы увидим, что этот формальный вопрос послужил прелюдией довольно большнх осложненій тогда, когда приказ в. кн. Ник. Ник. дошел до Совѣта Р. Д.

**) Энгельгардт уже считал себя почти военным министром, — так рассказывает Половцов, встрѣтившій его в Главном Штабѣ послѣ разговора со Ставкой: «Гучков не будет больше военным министром — завтра я буду военным министром».

фактором для побѣды, а я вот и всѣ мы здѣсь настроены бодро и рѣшительно”.

Скептики не только уступили всеобщему оптимизму, но и сами им заразились: Милюков на другой день сдѣлался даже самоувѣренным, как отмѣчают современники. Очевидно, он думал, что опытный рулевой сумѣет всегачи направить государственный корабль, вопреки революціонной стихіи, в надлежащее русло. Таким путем ему в первые, по крайней мѣрѣ, дни все еще рисовался путь, который он отстаивал на Милліонной. Об этом опредѣленно говорит официальная телеграмма 6 марта англійскаго посла в Лондон. Бьюкенен передавал Бальфуру, на основаніи своего разговора с Милюковым от означеннаго числа: министр ин. д., выразив “большую удовлетворенность положеніем дѣл”, полагал, что “окончательным устройством вещей явится избраніе новаго императора. Единственным кандидатом он считал в. кн. Михаила. Его Высочество приобрѣл большую популярность послѣ опубликованія своего манифеста”.

Таким образом заря новой Россіи и в представленіи лидера думской общественности занималась при ауспичіях, скорѣе благоприятных. Естественно, что Карабчевскій, постигшій через нѣсколько дней новаго руководителя вѣдшей политикой в качествѣ председателя “комиссіи по разслѣдованію германских звѣрств”, нашел Милюкова в настроеніи радужном и в себѣ увѣренном: он вновь “и помолодѣл и приосанился”. И Палеолог записал 4 марта: Милюков в 24 часа от отчаянія перешел к полной увѣренности. Милюков отнюдь не был одинок: мы видѣли, в каких повышенных тонах привѣтствовал революцію через нѣсколько дней акад. Струве — тот Струве, который находился в Думѣ в первые революціонные часы и встрѣтил Набокова в “крайне скептическом” настроеніи.

5. — П о с л ѣ д н і й ш т р и х .

...Всѣ вновь собрались в Таврическом Дворцѣ для выработки формы опубликованія двух отреченій. Случайно присутствовавшій при обсужденіи проф. Ломоносов (он привез “подлинник” манифеста Николая II, полученный от Гучкова и находившійся в мин. пут. сообщ., и ждал официального текста актов отреченія, так как печатать его должна была типографія министерства), изобразил в воспоминаніях обстановку, в которой происходило обсужденіе — вѣроятно, нѣсколько карикатурно. “Как назвать эти документы? По существу это суть манифесты двух императоров”, — заявил Милюков. — “Но Николай придал своему отреченію иную форму, форму телеграммы на имя Начальника Штаба. Мы не можем мѣнять эту форму”, — возразил Набоков. — “Пожалуй. Но рѣшающее значеніе имѣет отреченіе Мих. Ал... Оно написано вашей рукой, Вл. Дм., и мы можем его вставить в любую рамку. Пишите: “Мы, милостью Божіей, Михаил II, Император и Самодержецъ Всероссійскій... объявляем вѣрным поддапным кашим”... — “Позвольте... да вѣдь он не царствовал”... Начался горячій спор... Милюков и Набоков с ивной у рта доказывали, что отреченіе Михаила только тогда имѣет юридическій смысл, если признать, что он был императором... Полночь застала нас за этим спором. На-

конец, около 2 час. ночи соглашение было достигнуто. Набоков написал на двух кусочках бумаги названия актов: 1. Акт об отречении Государя Императора Николая II от престола Государства Российскаго в пользу Великаго Князя Михаила Александровича. 2. Акт об отказѣ Вел. Кн. Мих. Ал. от *воспріятія* верховной власти и о признаніи им всей полноты власти за Временным Правительством, возникшим по почину Гос. Думы”...

“Над этими строками, — язвительно замѣчает мемуарист, — можно поставить заглавіе: “Результат первых шести часов работы первого Временнаго Правительства”*). Нѣкоторая доля истины в этой ироніи имѣется: только в 3 часа 50 мин. ночи 4-го марта из Петербурга пошло в Ставку столь нервно ожидавшееся там официальное уведомленіе об отказѣ Мих. Алек. “воспріять верховную власть впредь до «предѣленія Учредительным Собраніем формы правленія”.

Вокруг имени в. кн. Михаила в роковые дни создались уже обычныя легенды. Помѣщаемые ниже отрывки из записей А. С. Матвѣва (управляющаго дѣлами В. Кн.), опредѣляют довольно точно, по крайней мѣрѣ, даты, касающіяся пребыванія Мих. Ал. в Петербургѣ.

Вел. князь Михаил Александрович в дни переворота.

25-го февраля, в субботу, предполагался поѣзд из Гатчины в Петербург вел. кн. Михаила Александровича. В этот день был назначен за 7 час. вечера обѣд у гр. И. И. Капниста, на Сергіевской улицѣ (Капнист — член Государственной Думы), и затѣм предполагалась поѣздка в Михайловскій театр на французскій спектакль.

Проѣзжая к гр. Капнист, Великій Князь обратил вниманіе на большое скопленіе народа в направлевіи Невскаго проспекта, а потому, по приѣздѣ на Сергіевскую, поручил мнѣ справиться по телефону у Петербургскаго градоначальника (ген.-м. Балк) о положеніи в Петроградѣ. Градоначальник отвѣтил, что в городѣ тревожно, на Невском проспектѣ была стрѣльба, и что при стрѣльбѣ убит полицейскій пристав. Той доклад о событіях в Петроградѣ произвел на Вел. Князя очень тяжелое впечатленіе, и он сейчас же отказался от мысли поѣхать в театр. По окончаніи обѣда лица, принимавшія в нем участіе, поѣхали в театр, а М. А. поѣхал со мной ко мнѣ на квартиру; оставаясь у меня, М. А. писал письма своим знакомым и, между прочим, ген. Брусилову. Вел. Князь оставался у меня до 12 час. ночи; в указанное время подѣхал к дому автомобиль с Н. С. Брасовой и Н. Н. Джонсоном, возвратившимися из театра. М. А. вошел в автомобиль и уѣхал в Гатчину. На другой день, 26-го февраля, в воскресенье, вел. князь Михаил Александрович предполагал приѣхать в Петроград и, вмѣстѣ с вел. кн. Ксенией Александровной, быть в 2 часа дня в Петропавловском соборѣ на панихидѣ у гробницы имп. Александра III. В этот день, в 10 час. утра,

*) Бубликов — его воспоминанія вышли раньше воспоминаній Ломоносова — совершенно также, со слов своих помощников, изображает вечерніе споры 3-го о формѣ опубликованія актов отреченія, приписывая только кн. Львову проект традиціонной виѣшней формулировки манифестов.

я справился по телефону у градоначальника о безопасности слѣдованія Вел. Князя с Варшавскаго вокзала в Петропавловскій собор. Градоначальник сообщил, что путь слѣдованія безопасен, о чем я и доложил по телефону в Гатчину. 26-го февраля М. А. я не видѣлъ, но знаю, что он благополучно побывал у Кс. Ал. и в Петропавловском соборѣ, а затѣм возвратился в Гатчину.

27-го февраля, в понедѣльник, я отправился в обычное время в Управление дѣлами вел. кн. М. А.; на улицах было большое оживленіе, а мѣстами были замѣтны даже отдѣльныя группы; вообще же чувствовалось очень тревожное настроеніе. Из Управления дѣлами я вышел в 3½ ч. дня. Возвращаясь къ домой в автомобиль, которому мѣстами приходилось ѣхать очень медленно из-за народа, котораго особенно было много на Благовѣщенской площади. По прїѣздѣ домой я говорил по телефону с шофером Козловским, который сообщил мнѣ, что ему приказано по телефону из Гатчины подать автомобиль на Варшавскій вокзал для встрѣчи вел. кн. М. А.; сообщая об этом, Козловскій добавил: извѣстно ли Великому Князю о тревожном настроеніи в Петроградѣ. Так как о прїѣздѣ Великаго Князя в Петроград мнѣ не было извѣстно, то сейчас же послѣ разговора с Козловским я позвонил в Гатчину и узналъ, что Мих. Ал. уже выѣхал в Петроград с Н. Н. Джонсоном послѣ телефоннаго разговора из Петрограда с предсѣдателем Государственной Думы Родзянко. Около 8 час. вечера позвонил ко мнѣ Н. Н. Джонсон и сообщил, что М. А. находится в Маринском дворцѣ на свиданіи с видными членами Государственной Думы и другими, по вызову М. В. Родзянко. Н. Н. Джонсон говорил из вестибюля Маринскаго дворца.

В двѣнадцатом часу ночи позвонил ко мнѣ, по приказанію Н. Н. Джонсона, шофер Козловскій и сообщил мнѣ, что вел. князь М. А. находится у военнаго министра, в его домѣ на Мойкѣ, при чем сообщил мнѣ об этом иносказательно, видимо, опасаясь при разговорѣ по телефону открыть мѣстопребываніе Вел. Князя; вмѣстѣ с тѣм Козловскій добавил, что автомобиль Вел. Князя спрятан во дворѣ дома. В четвертом часу ночи на 28-ое февраля ко мнѣ позвонил Н. Н. Джонсон и сообщил, что Вел. Князь находится с ним в Зимнем дворцѣ, и что пришлось остаться в Петроградѣ, вслѣдствіе невозможности проѣхать из дома военнаго министра на Варшавскій вокзал, из-за большого количества народа на улицѣ. В восьмом часу утра того же дня (вторник, 28-го февраля) Н. Н. Джонсон сообщил мнѣ по телефону, что М. А. находится в квартирѣ кн. О. П. Путятиной, на Милліонной улицѣ, 12, так как оставаться в Зимнем дворцѣ оказалось невозможным: караул снялся, и двери дворца открыты; сообщая об этом, Н. Н. Джонсон пояснил, что квартира кн. О. П. Путятиной выбрана, как ближайшая къ Зимнему дворцу, и что и сюда пришлось проходить не через улицу, а по двору Эрмитажа и дворца вел. кн. Николая Михайловича.

В этот день я страдал сильной головной болью, и поэтому отправиться къ вел. князю М. А. не мог. — поддерживал связь с квартирой кн. О. П. Путятиной по телефону. В 7-м часу вечера зашел ко мнѣ Д. Н. Старынкевич: одѣтъ был Старынкевич в охотничье короткое пальто, и он объяснил мнѣ, что так он меньше похож на буржуа, и потому ближе подходит къ толпѣ. Около 7 час. вечера ко мнѣ вошли двое не-

известных людей с винтовками, из которых один был в военной форме, а другой в штатском платье и котелк; эти лица объявили мне, что выстрелом из моего окна убита на Фонтанке женщина, и требовали, чтобы я показал им все окна своей квартиры. Тщетно я доказывал этим людям, что окна моей квартиры не выходят на Фонтанку, они все же обошли мою квартиру и затѣм, благополучно для меня, удалились в соседнюю квартиру; говорю "благополучно", так как в соседней квартирѣ произвели разгром. После ухода этих лиц, я снова лег в постель; Д. Н. Старынкевич пробыл у меня весь вечер, и даже оставался почевать.

1-го марта, в среду, я рѣшил отправиться к вел. князю Михаилу Александровичу, на Милліонную улицу, 12. Вышел я из дому около 12 часов, в сопровожденіи Д. Н. Старынкевича, который проводил меня до Милліонной, 12. Шли мы с Фонтанки на Милліонную по Невскому проспекту и через площадь Зимняго дворца. По всему Невскому проходили войска к Государственной Думѣ. На углу Милліонной улицы и Мѣшкова переулка, у дома № 16, была большая толпа народу. Оказалось, что в этом домѣ только-что убили, во время обыска, проживавшаго там генерала Г. Э. Штакельберга, состоявшаго при вел. кн. Маріи Павловнѣ старшей. Это было за два дома до квартиры кн. Путятиной. Подойдя к подъѣзду дома № 12, гдѣ находился вел. князь М. А., я встрѣтил гувернантку кн. Путятиной, которая сказала, что только-что на ее глазах на набережной Невы был убит какой-то офицер. В квартиру кн. О. П. Путятиной я вошел около часу дня, к самому началу завтрака. В передней комнатѣ меня встрѣтил Н. Н. Джонсон, который сообщил мне об опасности, которой подвергнулся в это утро Вел. Князь, находясь в частной квартирѣ, так как в соседних квартирах, — между прочим, обер-прокурора Св. Синода Раева и Столыпина, — производились обыски; в квартиру кн. О. П. Путятиной лица, производившія обыск в домѣ, к счастью, не зашли; сообщая об этом, Н. Н. Джонсон добавил, что в настоящую минуту М. А. находится в большей безопасности, так как, с одной стороны, вызван для охраны Вел. Князя караул из школы прапорщиков, а, с другой, что Вел. Князь подписал один акт, привезенный ему из Государственной Думы, в котором Вел. Князь признавал необходимость конституціоннаго порядка в Россійской имперіи; этот акт, как я впоследствии узнал, был составлен в Царском Селѣ 28-го февраля Евг. Ал. Бироновым, состоявшим в то время начальником канцеляріи дворцоваго коменданта и кн. М. С. Путятиным, и подписан вел. князьями Павлом Александровичем, Кириллом Владимировичем и, кажется, Дмитрием Константиновичем. Как мне сообщил Е. А. Бировов, означенный акт предлагался к подписи имп. Александрѣ Феодоровѣ, которая должна была расписаться от имени малолѣтняго наследника, но Государыня от подписи отказалась. Вел. князь М. А. подписал этот акт послѣдним. Сдѣлав об эту подпись, вѣроятно, второпях, так как в этот же день снял эту подпись путем особаго письма на имя предѣдателя Государственной Думы, к которому этот акт был обращен.

Прибыв в квартиру кн. Путятиной в первом часу дня, в среду, 1-го марта, я оставался в пей с вел. князем М. А. до 11 час. утра субботы, 4-го марта. За завтраком, кромѣ М. А. и семьи кн. Путятиной,

были Н. Н. Джонсон и я. Муж кн. О. П. Путятиной находился на фронтѣ. Послѣ завтрака М. А. рассказал мнѣ о совѣщаніи в Маринском дворцѣ, вечером 27-го февраля, результатом котораго был разговор его с Государем, через ген.-ад. Алексѣева, по прямому проводу в Ставку. Во время завтрака прибыл караул от школы прапорщиков, в количествѣ 20 юнкеров, при пяти офицерах; офицеры помѣстились в кабинетѣ квартиры кн. Путятиной, а юнкера — в сосѣдней квартирѣ, этажем ниже. В теченіе дня к Вел. Князю пріѣзжали разные лица. Был член Гос. Думы гр. И. И. Капнист, были и другія лица, у которых Вел. Князь освѣдомлялся о происходящем в Государственной Думѣ; доставляли эти свѣдѣнія и офицеры караула, отправлявшіеся поочередно в Думу, интересуясь, с своей стороны, происходящим в ней.

В этот же день, около 9 час. вечера, пришел и вел. князь Николай Михайлович, возвратившійся в этот день в Цезароград (жил “визави” с квартирой Путятиной) из своего имѣнія “Грушевка”, гдѣ он находился по повелѣнію Государя с 1-го января. Кажется, в этот же день пріѣзжал и англійскій посланник Бьюкенен. День 2-го марта, четверг, М. А. продолжал оставаться в квартирѣ кн. Путятиной, узнавая от пріѣзжавших к нему лиц о происходящем в Государственной Думѣ. В этот день Вел. Князь написал письмо М. В. Родзянко, изъявляя готовность пріѣхать в Гос. Думу, если его пріѣзд может принести пользу при создавшемся положеніи. М. В. Родзянко отвѣтил письмом. Из этого письма Вел. Князь впервые узнал о предполагаемом отреченіи от престола Государя в пользу наслѣдника, при регентствѣ вел. князя М. А.; это письмо было получено вечером, о рѣшеніи же самого Государя М. А. извѣстно не было.

Так закончился день 2-го марта.

Утром 3-го марта (пятница), в 5 час. 55 мин. утра, я услышал телефонный звонок, и затѣм увидел стоящих у телефона; сперва Н. Н. Джонсона, а затѣм вел. князя Михаила Александровича; оказалось, что звонил министр юстиціи Керенскій и спрашивал разрѣшеніе пріѣхать составу Временнаго Правительства и Думскому Комитету. Великій Князь изъявил согласіе, и стал приготовляться к пріему.

Михаил Александрович предполагал, в соотвѣтствіи с письмом председателя Государственной Думы, что состав Временнаго Правительства и Думскій Комитет ѣдут доложить ему о регентствѣ, а потому и обдумывал соотвѣтствующій отвѣт, выражающій согласіе.

Выяснилось, что Временное Правительство и Думскій Комитет придут немедленно послѣ переговоров по телефону, но на сбор потребовалось время, и свѣзд начался в 9 час. 15 мин. утра. Одними из первых прибыли М. В. Родзянко и кн. Г. Е. Львов: послѣдними пріѣхали А. И. Гучков и В. В. Шульгин. М. В. Родзянко просил через меня вел. князя М. А. не открывать засѣданія до пріѣзда этих послѣдних, так как они возвращаются из Ставки с важными сообщеніями.

Михаил Александрович вышел к собравшимся лицам около 9 час. 15 мин.; приблизительно в это же время пріѣхали А. И. Гучков и В. В. Шульгин. При пріемѣ вышеуказанных лиц я не присутствовал, но заключительныя слова Вел. Князя слышал из сосѣдней комнаты: М. А., выслушав рѣчи съѣзжавшихся к нему лиц, объявил, что удаляется в

сосѣдную комнату для размышленія. Член Думы Керенскій заявил, что он вѣрит, что такой вопрос, предложенный на рѣшеніе Вел. Князя, М. А. рѣшит со своей совѣстью, без участія посторонних лиц, развѣ лишь по совѣщаніи с супругой. Вел. Князь объявил, что супруги его в Петроградѣ нѣтъ, и что он желает вынести ответственное рѣшеніе по обсужденіи вопроса с М. В. Родзянко и кн. Львовым. Послѣ этих слов М. А. с указанными лицами удалился в сосѣдную комнату, и через нѣкоторое время вынес рѣшеніе, объявленное в актѣ от 3-го марта.

Это было около 1 часу дня.

Послѣ сего всѣ присутствовавшіе уѣхали, остались лишь кн. Львов и Шульгин, приглашенныя кн. О. П. Путятинной к завтраку. За завтраком были: вел. князь М. А., кн. О. П. Путятинна, кн. Львов, В. В. Шульгин, Н. Н. Джонсон и я.

Послѣ завтрака М. А. предложил кн. Львову и Шульгину приступить при моем участіи к оформленію происшедшаго. Я указал, что при составленіи акта необходимо имѣть перед собою подлинное отреченіе Государя и основные законы. Рѣшено было вызвать В. Д. Набокова, у котораго находилось подлинное отреченіе Государя императора (вѣроятно, как у управляющаго дѣлами Временнаго Правительства), и бар. Нольде, профессора международнаго права. Первым пріѣхал В. Д. Набоков, представившій М. А. отреченіе Государя и доложившій проект акта, составленный, по словам Набокова, министром путей сообщенія Некрасовым. По пріѣздѣ бар. Нольде, М. А. приступил, при участіи указанных лиц (Львов, Набоков, Нольде), к обсужденію проекта акта. Я удалился. Около 4½ час. дня М. А. вышел из совѣщательной комнаты и передал мнѣ для прочтенія, уже переписанный рукой Набокова, акт о временном отказѣ от принятія верховной власти. По прочтеніи акта я предполагал высказать свои соображенія непосредственно Вел. Князю. М. А. предложил мнѣ сдѣлать их в его присутствіи членам совѣщанія.

Войдя в совѣщательную комнату, я замѣтил, кромѣ вышеупомянутых лиц, М. В. Родзянко и А. Ф. Керенскаго. Я предложил нѣкоторые измѣненія в текстѣ акта, нѣкоторыя из которых и были приняты М. А. и членами совѣщанія. Послѣ внесенных измѣненій, акт был подписан Вел. Князем и вручен кн. Львову.

На слѣдующее утро, в субботу, 4-го марта, вел. князь Михаил Александрович отбыл из Петербурга в Гатчину, в сопровожденіи Н. Н. Джонсона и встрѣтившагося по пути ген. Я. Д. Юзефовича.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ТРАГЕДІЯ ФРОНТА

I. Армія и переворот.

1. — “Обманутые” генералы.

Предсѣдатель Думы, информируя Ставку в 11 час. вечера 3-го марта, подвел итоги словами: “все приходит болѣе или менѣе в порядок”. На фронтѣ пока “благополучно”, признавал нач. штаба, но тѣм не менѣе отвѣтъ его звучал пессимистически: “главнокомандующіе в течение цѣлаго дня запрашивали о времени опубликованія акта 2 марта, ибо слухи об этом проникли в армію, в ряды войск и населенія, порождали недоумѣніе и могли закончиться нежелательными проявленіями. Безотрадно положеніе Балтійскаго флота, бунтъ почти на всѣх судах, и боевая сила флота, повидимому, исчезла... Это результат промедленія в объясненіи чинам флота сути акта 2 марта. По имѣющимся свѣдѣніям также печально и безнадежно состояніе войск петроградскаго гарнизона... Вот грустная картина с военной точки зрѣнія. Полагаю, что новое правительство должно придти на помощь арміи. призвать к порядку развращенныя части... Суровыя мѣры на первое время должны образумить забывших дисциплину”... Мы знаем, что “унылой” и “грустной” оцѣнилъ ген. Алексѣева Родзянко противопоставил петербургскія настроенія — “бодрыя” и “рѣшительныя”. Родзянко сослался на полученную телеграмму о том, что в Балтійском флотѣ “всѣ бунты ликвидированы, и флот привѣтствует новое правительство”. В отвѣтъ Алексѣев огласил новую вечернюю телеграмму адм. Непенина: “Бунтъ почти на всѣх судах”...*). “Вы видите — продолжал Алексѣев — как

*) Дѣйствительное положеніе было таково. Когда командующій Балтійским флотом утром 2-го получил из Ревеля телеграмму коменданта крѣпости вице-адм. Герасимова, гласившую, что «положеніе грозитъ чрезвычайными осложненіями, если не будет мною объявлено категорически, на какой сторонѣ стою я с гарнизоном», он отвѣтил: «Благоволите объявить всѣм частям, что Исп. Ком. Гос. Думы требует от войск полного подчиненія своему начальству, а от рабочих восстановленія усиленной работы, и что я дѣйствую в полном согласіи с этим Комитетом, который занят устройством тыла, а от арміи и флота требует только поддержанія строгой дисциплины и полной боевой готовности для войны до побѣды. Если положеніе потребует, во что бы то ни стало, категорическаго отвѣта, то объявите, что я присоединяюсь къ Временному Правительству и приказываю вам и старшему на рейдѣ сдѣлать то же». Вечером Непенин телеграфировал Рузскому о необходимости принять рѣшеніе, «формулированное предсѣдателем Думы». Сообщение о манифестѣ в Ревелѣ было объявлено «и получило широкую огласку». «Безпорядки временно прекратились» — доносил Непенин в 8 час. утра 3-го. В

быстро разворачиваются события, и как приходится быть осторожным в оцѣнкѣ событий... Конечно, я извѣщу вас о том, как будут встрѣчены войсками дѣйствующей арміи оба акта. Всѣ начальники от высших до низших приложат всѣ усилія, чтобы армія продолжала быть сильным, могущественным орудіем, стоящим на стражѣ интересов своей родины. Что касается моего настроенія, то оно истекает из того, что я никогда не позволяю себѣ вводить в заблужденіе тѣх, на коих лежит в данную минуту отвѣтственность перед родиной. Сказать вам, что все благополучно, что не нужно усиленной работы — значило бы сказать неправду”.

Можно ли из этого пессимизма Алексѣева, навѣяннаго создавшейся обстановкой, дѣлать вывод, что он признал вообще ошибочность своего поведенія в часы, предшествовавшіе отреченію Царя?

В таком смыслѣ ген. Лукомским сдѣлано пояснительное примѣчаніе к одному из документов, приведенных в его воспоминаніях. Передавая телеграмму 3-го марта с запросом мнѣній главнокомандующих, Алексѣев сказал: “никогда себѣ не прещу, что, повѣрив в искренность нѣкоторых людей, послушал их и послал телеграмму главнокомандующим по вопросу об отреченіи Государя от престола”. Аналогично утверждает и комментатор бесѣд с Рузским, изложенных в “Рус. Лѣтописи”. “Основное мнѣніе Рузскаго о днях 1-2 марта им формулировано так: Алексѣев “сгоряча повѣрил Родзянко, принял рѣшеніе посоветовать Государю отречься от престола, и увлек к тому остальных главнокомандующих”. Сам же Рузскій яко-бы признавал, что ему надлежало “вооруженной силой подавить бунт”, но что в тот момент он “старался избѣгать кровопролитія и междоусобія”. Как бы не оцѣнивали сами участники событий своей роли под влияніем послѣдующих неудач, историку приходится по иному опредѣлять патрістическія побужденія, которые ими руководили. Не участвовавшій непосредственно в событіях ген. Куропаткин (он находился на отлежѣ — в Туркестанѣ), довольно ярко выразил почти господствовавшее настроеніе своей записью в дневникѣ 8-го марта: “Чувствую себя помолодѣвшим и, любя себя на радостном настроеніи, нѣсколько смущаюсь: точно и неприлично генерал-адъютанту так радоваться революціонному движенію и перевороту. Но так плохо жилось всему русскому народу, до такой разрухи дошли правительственные слои, так стал непонятен и ненавистен Государь, что взрыв стал неизбежен. Ликую потому, что без переворота являлась большая опасность, что мы были бы разбиты, и

три часа дня, однако, положеніе в Ревелѣ вновь приняло угрожающій характер» — сообщал Непенин. «Прибытіе членов Думы не внесло достаточнаго успокоенія... Является *желательным* прибытіе деп. Керенскаго, который пользуется особым авторитетом среди рабочих... В Гельсингфорсѣ сегодня были беспорядки, прекращенные лично мною и нач. морской обороны в.-ад. Максимовым». Затѣм послѣдовала телеграмма от 7 ч. 30 м. веч., на которую ссылался Алексѣев. На другой день в 11 ч. утра Непенин телеграфировал Алексѣеву: «Собрал депутатов от команд и путем уговоров и благодаря юзо-телеграммам мин. юст. Керенскаго удалось прекратить кровопролитіе и беспорядок... Через депутатов передал командам, пролившим кровь офицерскую, что я, с своей стороны, крови не пролью, но оставить их в командах не могу — виновных же пусть разберет Временное Правительство», а в 4 часа пришло «опшеломившее» всѣх в Ставкѣ извѣстіе: «в воротах Свеаборгскаго порта ад. Непенин убит *выстрѣлом из толпы*».

тогда страшная рѣзня внутри страны стала бы неизбежна. Теперь только бы удалось восстановить всюду дисциплину в войсках, только бы политическая горячка не охватила войска дѣйствующей арміи; побѣда, глубоко увѣрен в том, нам обезпечена”.

Если придворная дама Нарышкина, послѣ бесѣды с “одним офицером”, записывает в свой позднѣйшій дневник (26 іюля): “все они единодушно утверждают то, что есть, а именно, что, если бы Государь не поторопился подписать отреченія, ничего бы не было” — то это, может быть, естественно. Также понятно и то, когда свитскій мемуарист полк. Мордвинов утверждает, что “русскій народ” думал иначе, чѣм его думскіе представители и “русскіе генералы”. Но когда военный историк ген. Головин, особо претендующій на “соціологическую” трактовку событій революціи, пытается убѣдить нас, что Николай II своим быстрым отреченіем, не сдѣлав “сколько-нибудь серьезных попыток бороться против взбунтовавшагося гарнизона столицы”, превратил “солдатскій бунт” в “удавшійся мятеж, т. е. в революцію”, то это вызывает только недоумѣніе. Неужели не ясно теперь, что даже задержка опубликованія отреченія 2-го марта, вызванная запоздалой делегаціей Врем. Комитета и несвоевременной агитаціей “защитников монархіи”, которая обострила династическій вопрос, до крайности осложнила положеніе и имѣла только отрицательные результаты? Иностранцы в свое время вѣрно опредѣлили значеніе происшедшаго: “Величайшая опасность — писал лондонскій “Times” — заключалась в том, что Царь не сумѣет опѣнить требованія момента с достаточной быстротой и вступит в борьбу с революціей. Но он обнаружил достаточно государственной мудрости и безкорыстнаго патріотизма, сложив свою власть — он, как мы думаем, спас свой народ от гражданской войны и свою столицу от анархіи”... “Мы восхищаемся — говорил в Парижѣ предсѣдатель совѣта министров Рибо — поступком Царя, который преклонился перед волею народа и принес ей в жертву прошлое гордой династіи... Ничего болѣе прекраснаго нельзя себѣ и представить”. Эти восторженныя официальные слова, быть может, и не совсѣм соответствовали индивидуальным мотивам, вызвавшим рѣшительный шаг имп. Николая II, но они вѣрно передают объективную цѣнность в тот момент совершившагося факта. Только этой объективной цѣнностью можно опредѣлять все значеніе поведенія верховнаго командованія в критическій день 1-го марта.

Тезису о генералах, “обманутых” политическими дѣятелями, посчастливилось — он попал даже, как было указано, на страницы труда проф. Нольде. Генералы повѣрили, что Дума овладѣет революціей, генералы не устояли перед настойчивой самоувѣренностью политических главарей. Вспомним характер информации, которую давал на фронт от имени Врем. Ком. Родзянко — она была противорѣчива, но временами заострена в сторону преувеличенія стихійной анархіи, господствовавшей в столицѣ (это отмѣтил Алексѣев). У верх. Командованія, как будто, не было сомнѣній в том, что “Дума не владѣет стихіей”. В этом отношеніи “генералы” не были обмануты. Командованіе, если не формсировало, то само уточнило и формулировало необходимость “требований отреченія”, о которых передавал Родзянко в ночь с 1-го на 2-ое марта. Если в руководящих кругах военнаго Командованія так легко

усвоилась идея “отречения”, то это объясняется тѣм, что с этой идеей еще до революціи освоилась общественная мысль в насыщенной атмосферѣ разговоров о неизбежности дворцоваго переворота*). Называть “измышлениями” всѣ эти разговоры в военной средѣ нѣтъ никакого основанія, если только отбрасывать гиперболы, о которых сообщали за границу даже такіе освѣдомленные во внутренних дѣлах и связанные с русской либеральной общественностью дипломаты, как англійскій посол (припомним сенсаціонную телеграмму Бьюкенена Бальфуру 16 января). Может быть, Брусилов и не говорил тѣх слов, которыя передавались у Родзянко, когда Крымов дѣлал свой доклад, а именно: “Если придется выбирать между Царем и Россіей, я пойду за Россіей” (неизвѣстно было, кому и когда это было сказано) — но эти слова вѣрно передавали основное настроеніе верховнаго Командованія.

Революція разразилась наперекор этим заговорщическим планам, цѣлью которых было желаніе избѣжать революціи во время войны и двинуть Россію на путь вѣдшей побѣды (припомним выступленіе ген. Крымова на совѣщаніи у Родзянко). Здѣсь был самообман, пагубный и для психологіи Временнаго Правительства и для психологіи верховнаго Командованія. Свыкнувшись с мыслью о неизбежности смѣны власти и необходимости осуществленія программы, выдвинутой думским прогрессивным блоком, военные люди еще меньше, чѣм политическіе дѣятели, могли вполне осознать, что в Россіи произошла революція, которая требовала коренной перемѣны и тактики и методов воздѣйствія на массу. В этой неясности и лежит одна из основных причин трагедіи фронта и военнаго командованія**).

2. — Э п о п е я в. кн. Н и к о л а я Н и к о л а е в и ч а.

Исторія назначенія в. кн. Н. Н. верховным главнокомандующим послѣ отреченія и его отставки служит лучшим доказательством непониманія того, что произошло... Судя по показаніям Гучкова в Чр. Сл. Ком., надо полагать, что среди думскаго комитета в “рѣшающую ночь” даже не задумывались над вопросом, кто же замѣнит Николая II на посту верховнаго главнокомандующаго***). Напомним, что думскіе делегаты в Псковѣ не только не возразили против назначенія Царем верховнаго главнокомандующаго в лицѣ Ник. Ник., но отнеслись к этому скорѣе сочувственно, и, по их просьбѣ, Русскій “очень широко” постарался информировать о новом назначеніи. Когда делегаты уѣзжали, антидинастическія настроенія еще не выявились во внѣ, как это произошло к вечеру 2-го. Ясно было, что назначеніе главнокоманд-

*) См. мою книгу «На путях к дворцовому перевороту».

**) Версія о «генералах-измѣнниках», доведенная до полнаго абсурда в работѣ Якобія «Le Tzar Nicolas II et la Révolution» (издана была и по русски, при чем вызвала горячій протест Деникина в «Посл. Нов.»), просто не заслуживает разсмотрѣнія по существу в историческом повѣствованіи. Не всегда разобравшись в фактах, автор так специфически их препарировал, что дошел до фантастической концепціи, по которой смерть Царя во имя торжества революціи явилась чуть-ли не результатом соглашенія лидеров думской оппозиціи и генералов.

***) Не служит ли это лишним доказательством того, что вопрос об отреченіи во Врем. Комитетѣ тогда не был еще поставлен ребром?

дующим члена царствовавшей династии психологически было невозможно и грозило вызвать осложнения. Тѣм не менѣе, когда Рузскій запросил на другой день мнѣніе по этому поводу Родзянко, тот заявил, что в Петербургѣ не возражают против “распространенія” указа о назначеніи в. кн. Н. Н. Указ на фронтѣ был опубликован, и одновременно с ним приказ новаго верховнаго вождя арміи, который своей устарѣвшей терминологіей о “волѣ монаршей” и о “чудо богатырях”, готовых отдать жизнь за “благо Россіи и престола”, должен был звучать почти дико в революціонной обстановкѣ.

Послѣдовавшее затѣм чрезвычайно показательно для позіціи и тактики Вр. Правительства. В первый момент официально Вр. Прав. как-то странно не реагировало на тот факт, что на посту верховнаго главнокомандующаго находится в. кн. Ник. Ник. Ни в совѣтских “Извѣстіях”, ни в “Извѣстіях” комитета журналистов свѣдѣній о назначеніи Вел. Князя не появлялось. Даже в № 1 “Вѣстника Вр. Пр.” (5 марта) одна из телеграмм Верховнаго Главнокомандующаго была напечатана в видѣ “приказа главнокомандующаго Кавказским фронтом”^{*)}. Столица жила слухами. Получалось впечатлѣніе, что назначеніе в. кн. Н. Н. по каким-то причинам скрывается. Петербургскія “Извѣстія” на основаніи этих слухов требовали от Правительства “немедленнаго смѣщенія с офицерских (а тѣм болѣе командных) постов всѣх членов старой династіи”. В Москвѣ слухи также приникли в печать, и по этому поводу Комитет Общ. Орг. вынес резолюцію, в которой доводилось до свѣдѣній Правительства, что “лица царской фамиліи не должны назначаться ни на какіе высшіе посты военнаго и гражданскаго вѣдомства”.

Сам Ник. Ник., ожидавшій, что он будет ориентирован Правительством, чувствовал неопредѣленность своего положенія. Он охарактеризовал ее в разговорѣ с племянником Андреем утром 7-го марта: “Что дѣлается в Петроградѣ, я не знаю, но по всѣм данным, все мѣняется и очень быстро. Утром, днем и вечером все разное, но все идет хуже, хуже и хуже”... “Никаких свѣдѣній от Врем. Пр. я не получаю, даже нѣтъ утвержденія меня на должности... Единственное, что может служить намеком о том, что новое правительство меня признает, это телеграмма кн. Львова, гдѣ он спрашивает, когда может пріѣхать в Ставку переговорить. Больше я ничего не знаю, и не знаю, пропустят ли мой поѣзд, надо полагать, что доѣду”^{**)}. Вел. Кн. телеграфировал Львову, что выѣзжает из Тифлиса и предполагает быть в Ставкѣ 10-го. “Я телеграфировал ему — сообщал Львов Алексѣеву 6-го марта веч. —

^{*)} Первое сообщеніе о Вел. Князѣ, как о «верховном главнокомандующем», появилось в № 3 «Вѣстника» — уже послѣ того, как об этом сообщили совѣтскія «Извѣстія».

^{**)} В телеграммѣ городского головы Тифлиса Хатисова, посланной Львову вечером 4-го с отчетом о состоявшемся у Вел. Кн. пріемѣ, говорится нѣсколько по-иному: «Я заявил — сообщал Хатисов — что широкія массы населенія Тифлиса привѣтствуют назначеніе Е. В. верховным главнокомандующим, но вмѣстѣ с тѣм вызывает много толкованій то обстоятельство, что приказ об этом издан Государем, а не Врем. Прав., в то время, когда Государь отрекся от престола. Верх. Главноком. на это сказал, что назначеніе послѣдовало до отреченія Государя от престола, и что вслѣд за этим Врем. Прав. санкціонировало это назначеніе, о чем предсѣдатель Совѣта министров уже увѣдомил Вел. Кн. и вошел с ним в непрерывныя сношенія».

об общем положеніи вещей, а на всё конкретные вопросы, требующіе указаній, чѣм руководствоваться в дальнѣйших дѣйствіях, общался переговорить лично в Ставкѣ. Однако, здѣсь заключается самый сложный вопрос — Вел. Кн. желает, сохраняя намѣстничество на Кавказѣ, быть одновременно главнокомандующим. Больше недѣли употребляю всё усилія, чтобы склонить теченіе в его пользу; состав Вр. Пр. в большинствѣ считает крайне важным признаніе его главнокомандующим*). Вопрос о намѣстничествѣ совершенно отпадает, вопрос главнокомандованія становится столь же рискованным, как и бывшее положеніе Мих. Ал. Остановились на общем желаніи, чтобы в. кн. Н. Н. в виду грознаго положенія учел создавшееся отношеніе к дому Романовых и сам отказался от верховнаго главнокомандованія. Общее желаніе, чтобы верховное главнокомандованіе приняли на себя вы и тѣм *отрзали возможность новых волнений*. Подозрительность по этому вопросу к новому правительству столь велика, что никакія завѣренія не принимаются. Во имя общаго положенія страны считаю такой исход неизбежным, но Великому Князю я об этом *не сообщил*, не переговоривши с вами. До сего дня вел с ним сношенія, как с верховным главнокомандующим. Что-то предсѣдатель Совѣта министров не договаривает. Эту полутайну довольно грубо расшифровал Бубликов: Вел. Князь попал в “ловушку”, разставленную ему Временным Правительством — его хотѣли вызвать из района преданной ему кавказской арміи... Может быть, страх, что Н. Н. не подчинится, дѣйствительно, смущал нѣкоторых членов Правительства.

Вел. Князь, несомнѣнно, был популярен на Кавказѣ. Ан. Вл. превеличивает, конечно, утверждая в дневникѣ, что “его войска прямо обожали”, но его рассказ о “горячих” проводах Ник. Ник. в Тифлисѣ и о “тріумфальном” почти путешествіи в предѣлах намѣстничества (“почти на всѣх остановках его встрѣчал народ, рабоче, и всё говорили ему патриотическія рѣчи”) в значительной степени соответствовал дѣйствительности. Первые революціонные дни в Тифлисѣ протекали в обстановкѣ, мало напоминающей бурную петербургскую атмосферу. Революція в Тифлисѣ, по выраженію одного из мѣстных революціонных дѣятелей, с.-р. Верещака, “не вышла на улицу”. Не было никаких выпадовъ противъ офицеров; совѣт сол. деп., не установившій связи с совѣтомъ раб. деп., ютился в “крохотной комнаткѣ” и не имѣлъ большого авторитета. Мы видѣли, что городской голова привѣтствовал 4-го марта Вел. Князя от имени “широкихъ массъ” населенія; 7-го при отъѣздѣ новаго верховнаго главнокомандующаго, котораго торжественно конвоировала “сотня казаков”, как сообщало Пет. Тел. Аг., его “восторженно привѣтствовали представители народа и солдат”. Об этих “толпахъ народа” упоминает и Верещак. Вел. Князь говорил рѣчь, в которой упомянул, что надѣется, что “послѣ войны” ему разрѣшат, как “маленькому помѣщику, вернуться в свое имѣніе” (слова эти были припаяты с тѣм же “восторгомъ”). Не измышлевы и “патриотическія рѣчи”, которыя приходилось выслушивать на дорогѣ отъѣзжаю-

*) На Правительство оказывали давленіе военные и дипломатическіе представители союзников. Бьюкененъ передает, что он всячески отстаннал Н. Н. в разговорахъ с Милоковымъ.

щему на фронт новому Верховному — так, напр., в “Вѣст. Вр. Пр.” упоминалась одна из таких рѣчей, выслушанная Вел. Князем из уст уполномоченных рабочих и служащих сучанских каменноугольных предприятий. Со слов “молодых офицеров”, сопровождавших Ник. Ник., Дубенскій утверждает, что такая же “восторженная встрѣча народом” ожидала Верховнаго Главнокомандующаго на всем пути, и что харьковский совѣтъ поднес ему даже “хлѣб-соль”. В Харьковѣ ген.-ад. Хан Гуссейн Нахичеванскій и кн. Юсупов (старшій) убѣждали Ник. Ник. — так передает тот же Дубенскій — ѣхать на фронт, минуя Ставку, которая находится под вліяніем Правительства, желающаго устранить Н. Н. от командованія. Чужая душа — потемки; что думал в дѣйствительности Ник. Ник., мы не знаем... По сообщенію Дубенскаго, послѣ бесѣды с Ханом Нахичеванским и Юсуповым Н. Н. “долго сидѣлъ один, затѣм совѣтовался с братом Пет. Ник., ген. Янушкевичем и другими лицами своей свиты и рѣшил, в концѣ концов, не мѣнять маршрута и слѣдовать в Могилев”.

Упованія многих в эти дни, несомнѣнно, обращались к Ник. Ник. Эти чаянія опредѣленно высказала, напр., в кн. Мар. Пав., находившаяся в Кисловодскѣ, в письмѣ, которое направлено было через “вѣрныя руки” в Ставку к сыну Борису: “Мы естественно должны надѣяться, что Н. Н. возьмет *все* в свои руки, так как послѣ Миши все испорчено: наша вся надежда за возможное будущее остается с ним”^{*)}). Вѣрше Н. Н. был дойялен в отношеніи Врем. Правительства, формально примирившись с неизбѣжностью обѣщанія созвать Учр. Собр., которое в письмѣ к Львову он до получения акта 3-го марта называл “величайшей ошибкой, грозящей гибелью Россіи” — мало того, мѣстная административно-полицейская власть в Тифлисѣ в объявленіи 6-го марта грозила даже преслѣдованіем тѣх, кто будет пытаться противодействовать созыву Учр. Собранія.

В цитированном выше разговорѣ с Львовым и Гучковым Алексѣев пытался убѣдить своих собесѣдников по прямому проводу в том, что Ник. Ник. не представляет опасности для новаго порядка, и что в будущем у Правительства сохранится возможность “всяких переменѣн”, а пока не надо вносить “коренной ломки в вопросах высшаго управленія арміей”. “Характер Вел. Князя таков — говорил Алексѣев, — что, если он раз сказал: признаю, становлюсь на сторону новаго порядка, то в этом отношеніи он ни на шаг не отступит в сторону и исполнит принятое на себя. Безусловно думаю, что для Вр. Прав. он явится желанным начальником и авторитетным в арміи, которая уже знает о его назначеніи, получает приказы и обращенія. В общем он пользуется большим расположеніем и довѣріем в средних и низших слоях арміи, в него вѣрили... для новаго правительства он будет помощником, а не помѣхой.. Если настроеніе среди членов Правительства таково, что переменѣна почему либо признается необходимой, то в этом случаѣ лучше выждать пріѣзда Вел. Князя сюда, и здѣсь переговорить вам лично с ним... Если полнаго единенія, согласія и искренняго подчиненія не будет, то мы получим комбинацію, при которой трудно будет разчитывать на здоровую работу нашего хрупкаго вой-

^{*)} Условія посылки этого письма изложены в моей книгѣ «Судьба имп. Николая II послѣ отреченія».

ского организма". В дополнение к разговору по юзу 6-го Алексѣев на другой день послал Львову и Гучкову еще специальную телеграмму. Он отмѣчал в пей, что "постепенно получаемыя от войск донесенія указывают на принятіе войсками вѣсти о назначеніи верховным Главнокомандующим в. кн. Н. Н. с большим удовольствіем, радостью, вѣрою в успѣх, во многих частях восторженно"...*) Алексѣев указывал и на привѣтствія от 14 крупнѣйших городов. "Вѣрую в то, что вы примете в соображеніе все высказанное" — заканчивал Нач. Штаба, усиленно настаивая на сохраненіи в силѣ назначенія Н. Н. в цѣлях оберечь армию от "излишних потрясеній". Приведенная аргументація Алексѣева опровергает слухи, что он не желал видѣть Н. Н. во главѣ армии и добивался сам этого поста — слухи, которые отбѣняла в своем письмѣ в. кн. Мар. Павл.

Разговор Алексѣева с представителями Правительства показывает, что вопрос об отставкѣ Н. Н. еще не был рѣшен, как отмѣчает и протокол засѣданія Правительства 5-го марта: "отложить рѣшеніе вопроса (дѣло идет о намѣстничествѣ на Кавказѣ) до личных переговоров в Ставкѣ... министра Предсѣдателя с Великим Князем, о чем послать В. Кн. телеграмму". Но на другой день послѣ секретных (для общества) переговоров по поводу "деликатнаго" вопроса член правительства Керенскій в Москвѣ публично говорил в засѣданіи Совѣта Р. Д.: "Ник. Ник. главнокомандующим не будет". На собраніи солдатских и офицерских делегатов в Кино-театрѣ он заявил еще опредѣленнѣе: "Я могу завѣрить вас, что не останусь в теперешнем кабинетѣ, если главнокомандующим будет Ник. Ник".

Вел. Князь прибыл в Ставку, принес присягу Врем. Правительству**) и формально вступил в отправленіе должности верховнаго главнокомандующаго***). Ни в. кн. Львов, ни Гучков в Ставку не поѣхали, предоставив Алексѣеву разрѣшить своими средствами "деликатный" вопрос. Правительство должно было в концѣ концов вынести рѣшеніе. В 3 часа дня 11-го марта Львов передал Алексѣеву: "Я только что получил телеграмму от в. кн. Н. Н., что он прибыл в Ставку и вступил в отправленіе должности верховнаго главнокомандующаго... Между тѣм послѣ переговоров с вами по этому вопросу Вр. Пр. имѣло возможность неоднократно обсуждать этот вопрос перед лицом быстро идущих событій и пришло к окончательному выводу о невозможности в. кн. Н. Н. быть верховным главнокомандующим. Получив от него из Ростова телеграмму, что он будет в Ставкѣ одиннадцатаго числа, я послал навстрѣчу офицера с письмом, с указаніем на невозможность его верховнаго командованія и с выраженіем надежды, что он во имя лю-

*) Депутаты, побывавшіе на фронтѣ, вынесли и иное впечатленіе. Солдаты говорили им: «Довольно с нас Романовых. Нам не нужно Великаго Князя. Пусть будет, кто угодно».

**) Дубенскому «очевидныя присяги» передавали, что Н. Н. был настроен «очень нервно» и что «его рука, подписывая присяжный лист, тряслась».

***) Ген. Врангель, со слов адъютанта в. кн. Н. Н. гр. Менгдена, с которым он встрѣтился на ст. Бахмач в момент проѣзда Н. Н. из Тифлиса в Могилев, изображает дѣло так, что Н. Н. был уже предупрежден о рѣшеніи Врем. Правит. и ѣхал в Могилев с принятым рѣшеніем отказаться от главнаго командованія.

Сви к родинѣ сам сложит с себя это высокое званіе. Очевидно, посланный не успѣлъ встрѣтить Вел. Князя на пути, и полученная, благодаря этому, телеграмма В. Кн. о его вступленіи в должность стала извѣстна Петрограду и вызвала большое смущеніе. Достигнутое великим трудом успокоеніе умов грозит быть нарушенным*). Врем. Прав. обязано немедленно объявить населенію, что В. Кн. не состоит верховным главнокомандующим. Прошу помочь нашему общему дѣлу и вас, и Вел. Князя. Рѣшеніе Вр. Прав. не может быть отмѣнено по существу, весь вопрос в формѣ его осуществленія: мы хотѣли бы, чтобы он сам сложил с себя званіе верховнаго главнокомандующаго, но, к сожалѣнію, по случайному развѣзду нашего посланника с Вел. Кн., это не удалось". Алексѣев отвѣтил на безпокойство Правительства: "вопрос можно считать благополучно исчерпанным. Ваше письмо получено В. Кн. сегодня утром**). Сегодня же посланы двѣ телеграммы: одна вам, что В. Кн., подчиняясь выраженному пожеланію Вр. Пр., слагает с себя званіе...***). Вторая телеграмма военному министру с просьбой уволить В. Кн. в отставку". Н. Н. просил гарантировать ему и его семейству "безпрепятственный проѣзд в Крым и свободное там прожиганіе"... "Слава Богу" — облегченно вздохнул предсѣдатель Совѣта министров...

Никакого волненія появленіе Н. Н. в Ставкѣ не вызвало — в газетах не упомянут был даже самый факт. Официальное Пет. Тел. Аг. сообщало 12-го, что Н. Н. "отрѣшен" от должности верховнаго главнокомандующаго. Очевидно, агентство сообщало "из официальных источников", что Н. Н. прибыл в Ставку "вслѣдствіе недоразумѣнія". Будучи назначен Николаем II, Вел. Кн. "немедленно" выѣхал в Ставку, не успѣвъ получить предложеніе Вр. Пр. не вступать в командованіе войсками. Курьер Вр. Пр. развѣхался с Н. Н.". Теперь Н. Н. сообщено, что назначеніе его, состоявшееся "одновременно с отреченіем Николая Романова, не дѣйствительно". Это сообщеніе — утверждала агентская информация — сдѣлано Н. Н. "в Ставкѣ (?) военным министром А. И. Гучковым в 3 часа дня 11-го". Не представит затрудненія оцѣнить правдивость официальнаго правительственнаго сообщенія, так изумительно подтасовавшаго дѣйствительность, а равно искренность той тактики, которая приводила к "отрѣшенію" от должности лица, добровольно сложившаго свои полномочія "во имя блага родины". В стремленіи найти мирный выход из конфликтнаго положенія Правительство жертвовало своим достоинством.

*) Насколько помнит Суханов, в Исп. Ком. вопрос об отставкѣ в. кн. Н. Н. спеціально не подвергался разсмотрѣнію. 6-го обсуждался лишь вопрос об отмѣнѣ его приказа по арміи.

**) В письмѣ, помѣченном 9 марта, Львов писал, что «народное мнѣніе рѣзко и настойчиво высказывается против занятія членами дома Романовыхъ какой-либо государственной должности», поэтому «Вр. Пр. не считает себя в правѣ оставаться безучастным к голосу народа, пренебреженіе которым может привести к самым серьезным послѣдствіям», и просит В. Кн. «во имя блага родины» пойти навстрѣчу этим требованіям и сложить с себя еще до проѣзда в Ставку званіе верх. главнокомандующаго».

***) «Рад вновь доказать мою любовь к родинѣ, в чем Россія до сих пор не сомнѣвалась» — отвѣчал Н. Н., указывая, что он не мог сдать верховное командованіе до проѣзда в Ставку, так как письмо Правительства получил 11-го марта, а пріѣхал в Ставку 10-го в 4 часа дня.

3. — “Центр контр-революціоннаго заговора”.

Как ни оцѣнивать дѣйствій Правительства, нельзя не признать, что описанная выше тактика в сущности весь одіум за несоотвѣтствующее духу революціонныхъ дней назначеніе Великаго Князя сѣщіяльнымъ вождемъ арміи перекладывала на верховное командованіе на фронтѣ, положеніе котораго и безъ того было исключительно трудно. Выходило такъ, что верховное командованіе безъ вѣдома Врем. Правительства, за кулисами подготовивъ назначеніе Ник. Ник., пыталось фактически передать армію в руки представителя отгекшейся династіи. Само Правительство, того, быть можетъ, не сознавая, создавало почву для демагогіи. И не приходится удивляться тому, что черезъ нѣсколько дней в связи съ другими сообщеніями, приходившими съ фронта (о нихъ скажемъ дальше) и пріемомъ в Исп. Ком. депутаціи отъ баталіона георгіевскихъ кавалеровъ, в “Извѣстіяхъ” появилась замѣтка: “Ставка — центр контр-революціи”. В ней говорилось, что Могилевъ по сообщенію георгіевскихъ кавалеровъ, посѣдившихъ 12-го марта Совѣтъ, сдѣлался “центромъ контр-рев. заговора”: “офицеры-мятежники организуютъ реакціонныя силы... утверждаютъ, что новый строй... недолговѣчен, и что скоро на престолѣ будетъ возстановленъ царь Николай... Делегація георгіевскихъ кав. сообщала в подтвержденіе своихъ словъ много фактовъ и в частности имена офицеровъ, являющихся врагами новаго режима”. “Исп. Ком. — утверждала замѣтка — призналъ такое положеніе вещей совершенно недопустимымъ и постановилъ довести до свѣдѣнія Врем. Прав. о томъ, что, по мнѣнію Исп. Ком., необходимо безотлагательно назначить Чрезвычайную Комиссію для раскрытія монархическаго заговора и примѣрнаго наказанія измѣнниковъ, враговъ русскаго народа. Правительство обѣщало принять нужныя мѣры. Будемъ надѣяться, что оно проявитъ в этомъ дѣлѣ надлежащую энергію и будетъ дѣйствовать безпощадно по отношенію къ шайкѣ черносотенныхъ заговорщиковъ. Только такимъ путемъ возможно предотвратить бурныя эксцессы со стороны солдатъ, глубоко возмущенныхъ наглостью реакціонеровъ в ихъ безнаказанностью”. Заостренность вопроса, сказавшюся в замѣткѣ совѣтскаго офиціоза, который далеко не всегда выражалъ правильно формальную позицію Исп. Ком., очевидно, слѣдуетъ пѣбликомъ отнести в область тѣхъ личныхъ домысловъ, которые Стеклова (фактическій редакторъ “Извѣстій”), какъ мы видѣли, любилъ в Контактной Комиссіи выдавать за рѣшенія отвѣтственнаго органа такъ называемой “революціонной демократіи”. В протоколѣ Исп. Ком. ничего подобнаго нѣтъ: по поводу пріема депутаціи георгіевскихъ кавалеровъ сказано лишь, что “необходимо послать депутатовъ, которые помогли бы имъ сорганизоваться и связали бы фронтъ съ Совѣтомъ”. Разпузданная демагогія Стеклова пошла дальше, и в общемъ собраніи Совѣта 14-го онъ выступилъ по собственной инициативѣ съ возмутительными комментаріями будущаго декрета объ объявленіи вѣтъ закона “генералов-мятежниковъ”, дерзающихъ не подчиняться волѣ русскаго народа и ведущихъ открытую контр-революціонную агитацію среди солдатъ: “всякій офицеръ, всякій солдатъ, всякій гражданинъ”, в толкованіи Стеклова, получитъ “право и обязанность” убить такого реакціоннаго генерала раньше, чѣмъ онъ “святотатственно подниметъ свою руку”. Впервые за дни революціи публично раздался голосъ, призывающій къ безнаказаннымъ убійствамъ, и удивительнымъ

образом непосредственно никто не реагировал на эту гнусность: только представители царскосельского гарнизона, как явствует из протокола Исп. Ком. 16-го марта, пожелаали “сбъясниться” по поводу замѣтки, появившейся в “Извѣстіях”. Общаннаго будто бы “декрета”, на чем настаивал Стеклов, Правительство, конечно, не издало, но агитація безответственных демагогов, как мы увидим, наложила свой отпечаток на соответствующіе правительственные акты.

В обстановкѣ первых недѣль революціи сообщеніе совѣтскаго офиціоза о настроеніях в Ставкѣ, поскольку рѣчь шла о высшем командованіи, весьма мало соответствовало дѣйствительности — демагогам Исп. Ком. просто не нравилось, что на фронтѣ “движеніе солдат хотя бы направить в русло Врем. Прав.”, как выразился в застѣнаніи Исп. Ком. 15-го марта представитель одной из “маршевых рот” на западном фронтѣ, и они слѣшили форсировать то, что могло выявиться в послѣдующій момент. Послѣ переворота ни о каком “монархическом заговорѣ” в Ставкѣ не думали*). Когда Алексѣев в бесѣдѣ с Гучковым по поводу устранения в. кн. Н. Н. от верховнаго командованія говорил: “мы всё с полной готовностью сдѣлаем все, чтобы помочь Правительству встать прочно в сознаніи арміи: в этом направленіи ведутся бесѣды, разъясненія и думаю, что ваши делегаты привезут вам отчеты весьма благопріятные... Помогите, чѣм можете, и вы нам, поддержите нравственно и своим словом авторитет начальников” — он говорил, повидимому, вполне искренне, и высшій командный состав, дѣйствительно, сдѣлал все, чтобы “пережить благополучно совершающійся... нѣкоторый болѣзненный процесс в организмѣ арміи”. Конечно, помогало то, что в силу отреченія Императора формально не приходилось насильствовать своей совѣсти и чловѣку монархических взглядов: “покорясь, мы слушали голос, исходящій с высоты престола” — так формулировал Лукомскій в официальном разговорѣ с Даниловым 4-го марта основную мысль людей, находившихся в Ставкѣ... С облегченіем запас Куропаткин в дневник 6-го марта: “Мнѣ, старому служацѣ, хотя и глубоко сочувствующему новому строю жизни Россіи, все же было бы непосильно измѣнить присягѣ... Нылѣ я могу со спокойной совѣстью работать на пользу родины, пока это будет соответствовать видам новаго правительства”. Вѣроятно, очень многіе — и в том числѣ прежде всего Алексѣев — могли бы присоединиться к формулировкѣ своего отношенія к “монархіи”, данной адм. Колчаком во время своего позднѣйшаго предсмертнаго допроса в Иркутскѣ: “для меня лично не было даже... вопроса — может ли Россія существовать при другом образѣ правленія”... “послѣ переворота стал на точку зрѣнія, на которой стоял всегда, что я служу не той или иной формѣ правленія, а служу родинѣ своей, которую ставлю выше всего”. “При сягу (новому правительству) — показывал Колчак — я принял по

*) Выраженіем «контр-революціонности» Ставки могло служить то обстоятельство, что в Могилевѣ по примѣру Петербурга не сшибали царских «орлов» (кстати, они сохранились вплоть до захвата Ставки в ноябрѣ большевnickими бандами). Не у всѣх, конечно, было мужество противостоять этой революціонной мишурѣ Ген. Половцов рассказывает, как он при выѣздѣ с новым военным министром на фронт, прежде всего самолично занялся вывинчиваніем в вагонѣ царских портретов, которые желѣзнодорожники забыли снять.

совѣстн". "Для меня ясно было, что восстановление прежней монархіи невозможно, а новую династію в наше время уже не выбирают". Насколько сам Алексѣев был далек от мысли о возможности восстановления монархіи, показывает знаменательный разговор, происшедшій уже в августовскіе корниловскіе дни между ним и депутатом Маклаковым. Бесѣда эта извѣстна нам в передачѣ послѣдняго, — быть может, она нѣсколько стилизована. Но суть в том, что правый к. д. Маклаков, завороченный юридической концепціей легальности власти, считал, что в случаѣ успѣха Корнилов (Маклаков был пессимистичен в этом отношеніи) должен вернуться к исходному пункту революціи — к отреченію Царя и восстановить монархическій строй. Алексѣев, в противоположность Маклакову думавшій, что Врем. Правит. джживает свои послѣдніе дни, уже разочарованный в политическом руководствѣ революціей, крайне тяжело переживавшій развал арміи (все это накладывало отпечаток на пессимистическія сужденія Алексѣева о современности, как видно из его дневника и писем послѣ отставки), признавал все же невозможным и нежелательным восстановление монархіи*).

Насколько Ставка была в первое время чужда итѣм "монархическаго заговора", показывает легкость, с которой были ликвидированы остожеенія, возникшія в связи с отставкой в. кн. Н. Н. В воспоминаніях Врангеля подчеркивается "роковое" значеніе рѣшенія Ник. Ник. подчиниться постановленію Врем. Правительства. По мнѣнію генерала, Врем. Прав. не рѣшилось бы пойти на борьбу с Вел. Князем в силу его "чрезвычайной" популярности в арміи, и только "один" Ник. Ник. мог бы оградить армію от гибели. Таково было сужденіе, высказанное Врангелем, по его словам, в тѣ дни. Неподчиненіе Врем. Правительству знаменовало бы собой попытку контр-революціоннаго демарша. Если Врангель тогда высказывался за подобный шаг, его никто не поддержал, если не считать офицеров Преображенскаго полка полк. Ознобичина и кап. Старickaго, о появленіи которых в Ставкѣ в качествѣ "делегатов" из Петербурга рассказывает довольно пристрастный свидѣтель, ген. Дубенскій**).

4. — Н а с т р о е н і я в а р м і и.

Офицеры и солдаты.

Настроенія в Ставкѣ, очевидно, были характерны и для значительнаго большинства команднаго состава на периферіи. Понятіе "контр-революціонности", конечно, весьма относительно — для всякаго рода

*) Нашумѣвашаго письма ген. Гурко, направленнаго Царю в первых числах марта, мы коснемся в другой комбинаціи фактов. Этому письму бывшаго одно время незадолго перед революціей замѣстителя Алексѣева искусственно придали иной характер, чѣм оно имѣло в дѣйствительности и увидѣли в нем выраженіе реставраціонных вождельній генералитета.

**) Кн. Путятинна — та самая, в квартирѣ которой происходила драматическая сцена с отреченіем в. кн. Михаила. — со слов своего рода знаменитаго Пеликана (отесскаго гор. головы и виднаго члена Союза Русскаго Народа — за ним была замужем сестра Путятинной), рассказывает о существованіи плана, согласно которому кавалерійскій корпус гр. Келлера должен был занять Одессу, чтобы поддержать монархическое движеніе в Поллѣ и на Волынн. Вѣроятно, это отклик тѣх позднѣйших разговоров, которых

большевизанствующих революционеров выпрямление линии в сторону безоговорочного признания Временного Правительства само по себе уже являлось в те дни признаком отрицательного отношения к советской платформе, т. е. признаком контр-революционных уклонений. В соответствии с этой демагогической тенденцией “дѣвая” революционная историография (большевицкая по преимуществу) желает представить нѣсколько иную картину на фронтѣ, поскольку дѣло касается реставрационных поползновений кадрового офицерства. Неоспоримо, в многотысячном, связанном корпоративной средой и профессиональной традицией офицерском корпусѣ (сильно, правда, избѣвившемся в период войны)* не могло быть внутреннего единства в смыслѣ принятія революціи. Но “многочисленные” факты, на которые ссылается эта литература, в концѣ концов сводятся к довольно шаблонному повторенію зарегистрированных в мартовскій период “борьбы за армию” случайных сообщений, подчас возбуждающих даже большое сомнѣніе. Оставим в сторонѣ полуанекдотическую офицерскую жену, демонстративно игравшую на фронтѣ у открытаго окна на роялѣ “Боже Царя храни” — ей и так уже слишком посчастливилось в литературѣ. Из письма, направленнаго из дѣйствующей арміи в адрес “депутата Чехидзе” и помѣченнаго 8 марта, мы узнаем, что на повѣрках в нѣкоторых частях 28 корпуса Особой Арміи (т. е. гвардіи) послѣ переворота продолжали пѣть “Боже Царя храни” и “Спаси, Господи, люди Твоя” — “очевидно” там, гдѣ “начальники являются приверженцами старого режима, и солдаты мало ознакомлены с событиями” — добавлял осведомитель. Начальник кавалерійскаго корпуса гр. Келлер, отказавшійся присягнуть новому правительству, прощался со своим полком, как свидѣтельствуем Врангель, пропуская его церемониальным маршем под звуки того же “Боже Царя храни”. Надо ли видѣть здѣсь парочитую демонстрацію или привычную при торжественной обстановкѣ традицію національнаго гимна? Он не был ни отмѣнен, ни замѣнен революціонным гимном, и Деникин нам рассказывает о сомнѣніях военнаго командованія — пѣть ли народный гимн.

Можно привести, конечно, десятки эпизодов, прямо или косвенно говорящих об отрицательном отношеніи в отдѣльных случаях высшаго и низшаго командованія к перевороту. Ген. Селивачев, командовавшій 4-ой Финл. стрѣлковой дивизіей на юго-западном фронтѣ и принадлежавшій к числу тѣх военачальников, которые желали только в “ужасное переживаемое время” справиться с “великой задачей удержать фронт”, в дневникѣ 6-го марта отмѣчает, что его командир корпуса — “глубочайшій монархист, участник “Русскаго Знамени” и юдофоб чистой воды” — отдал приказ, из коего “ясно, что, кромѣ верховнаго главнокомандующаго, он не признает никого из Временнаго Правитель-

нам придется коснуться. По выраженію ген. Половцова 3-й корпус в началѣ революціи невѣроятно «скандалил» и, слѣдовательно, не был силою, на которую мог опереться реставраціонный план, если бы он и существовал в реальности.

*) Ген. Селивачев в дневникѣ эту армию опредѣлил, как «сплошь состоящую из третьяго сословія — извозчиков, печников и т. п. Родзинко, ссылаясь на характеристику одного из военных корреспондентов, указывает, что командный состав перед революціей был проникнут «штатским духом и болѣе близок к интеллигенціи и ея понятіям».

ства". В дневникъ генерала пройдут и его собственные подчиненные, не освѣдомлявшіе солдат о происшедших событіях и не позволявшіе читать газеты, потому что эти "идіоты" все равно не поймут, и потому, что "глупая затѣя" в некультурной странѣ не может долго длиться. В результатѣ давались подчас, по выраженію Врангеля, "совершенно бессмысленныя толкованія отреченію Государя": так один из командиров пѣхотнаго полка объяснил своим солдатам, что "Государь сошел с ума". Можно допустить, что живую реальность представлял и тот гусарскій ротмистр, который свою часть ниформировал об отреченіи Царя в такой формѣ: "Е. И. В. изволил устать от трудных государственных дѣл и командованія вами и рѣшил немного отдохнуть, поэтому он отдал свою власть на время народным представителям, а сам уѣхал и будет присматривать издали. Это и есть революція, а если кто будет говорить иначе, приводите ко мнѣ, я ему набью морду. Да здравствует Государь-Император. Ура!"*).

Может быть, в архивах каких-нибудь мѣстных штабов найдутся неслухи для революціоннаго времени приказы от 15-17 марта о тѣлесных наказаніях розгами, о которых, как о фактѣ, говорил докладчик военной секціи в засѣданіи Совѣщанія Совѣтов 3-го апрѣля внѣфракціонный с.-д. Венгеров (докладчик конкретно не указал за "краткостью времени", гдѣ происходил этот "абсурд"). Отрицать наличность таких фактов нельзя. Как не повѣрить колоритному по своей безграмотности письму в Исп. Ком. — "Г.г. Депутатам государственной думы": "Братцы. Покорнѣйше просим Вас помогите нам (.) в нашем 13-м тяжелом артил. дивезіонѣ полк. Биляев, родственник бывшаго военнаго министра, который распространяет слухи, что не вертея свободе... эти люди сего дня Красный флаг, а завтра черный и зеленый... Еще командир 3 бат. того же дивезіона... кап. Ванчехизе безвсякой причины бил солдат... он изменник Государства и нашей дорогой родины... покорнѣйша просим убрать нашего внутренняго врага Ванчехазу... Не можем совершенно его требованія выполнять". Свой "Ванчихазе" — полк. Христофоров был в Слудкѣ в одном из гвардейских полков, как свидѣтельствуем офицер этой части в письмѣ к родителям 11-го марта — мы ниже его широко цитируем, — кричал по телефону: "сволочь получила свободу", вернувшись с фронта, отомстим. Думскій депутат от Литвы, Янушкевич, примыкавшій к трудовой группѣ, в докладѣ Временному Комитету 13 марта о поѣздкѣ на Сѣверный фронт рассказывал, что один из командиров дивизіи так выражался в его присутствіи, что депутат вынес впечатлѣніе, что "если он и не враг новаго правительства, то во всяком случаѣ слишком иронически на него смотрит". "Хорошо, что разговор оборвался добавлял депутат, — а то я думал, что придется его арестовать". Между прочим, он сказал: "все таки я эту сволочь съѣм и буду съѣм, и если он что-нибудь сдѣлает, то я выплюю ему 50 розог". Пока Янушкевич бесѣдовал с дивизіонным командиром, солдаты не расходились, полагая, что депутат будет арестован коман-

*) Как раз этот «факт, смахивающій на анекдот», и вызывает сомнѣніе. Этот красочный гусар заимствован из статьи полк. Парадѣлова «Комсостав, его рост и значеніе в арміи» в с.-р. сборникѣ «Народ и армія», изданном в 18 г. Парадѣлов — автор, весьма мало заслуживающій довѣрія в смыслѣ точности сообщаемых фактов и способный к прямым измышленіям.

диром — “он сторонник старого строя. Он вчера грозил разстрѣлом за снятіе портрета. Уже казаков сотня была приготовлена”...

Всѣ подобныя факты едва ли могут служить показательным барометром общих настроеній. Достаточно знаменательно, что Янушкевич и его товарищ по побѣдѣ свящ. Филоненко, посѣтившіе “почти всѣ части” 1-ой арміи, говорившіе со “многими офицерами”, равно и с “высшим офицерским составом”, и на официальных собраніях, и в индивидуальных бесѣдах, могли в своем отчетѣ в качествѣ “врага новаго строя” (и то относительно) конкретно отмѣтить лишь одного командира дивизіи, который “слишком проницательно” смотрѣлъ на революціонное правительство. “Многіе из них (т. е. офицеров) — говорилось в депутатском докладѣ Врем. Ком. — совершенно не ориентированы в положеніи и нас спрашивали: “неужели вы не могли спросить армію прежде, чѣм произвести революцію?” Мы говорили: “Так вышло. И вы сами, проснувшись, не узнали бы Петербурга”. Они не представляют себѣ, что так могло быть. Они недовольны, что это сдѣлано, как то без их спроса, наскорю, штатскими людьми, которые не считаются с ними”. В чем же “не считаются”? “Они не улавливают “суть”*) — отвѣчает отчет — и думают, что у нас разрушена вся армія, что весь дух ея упал, и что нѣтъ основаній, из которых выжидалась вся армія”. В одном собраніи школы прапорщиков, гдѣ собралось 250 человекъ, депутаты встрѣтились с особо ярким настроеніем “контр-революціонным” — “совершенно против переворота”. Характерное поясненіе дѣлают депутаты: “говорило больше зеленое офицерство, прапорщики” — “недоучки”, по их выраженію. Камнем преткновенія явилась все та же тема — опасность разрушенія арміи. Как “люди дисциплинированные”, они требовали, чтобы приказы “издавались из центра, сверху”: если “начальство потеряет свой авторитет... нельзя будет вести войска в атаку”. Стремленіе поддержать дисциплину и является основным мотивом в обвиненіях “высшаго офицерства” в контр-революціонности. Нѣкоторые командиры были “очень тактичны”: “когда произошел переворот, отреченіе и проч., они потихоньку убрали всѣ портреты, а в нѣкоторых частях портреты демонстративно висят. Когда солдаты требовали, чтобы портреты были убраны, то начальники отказывались” — отказывались (добавляли депутаты) не по тому, что “находили, что он должен висѣть... а потому, что, по их мнѣнію, дисциплина не позволяла... Этим создавались отношенія, грозившія большими послѣдствіями”... даже “ужасная атмосфера”, по словам докладчика, — могли быть “убійства”. “Нетактичность” сказывалась в срываніи “красных бантов” — этих гнѣшних атрибутов революціи**).

*) Депутаты указывали, что не только солдаты, но и офицеры «плохо представляют себѣ, что такое временное правительство, и что такое Учред. Собраніе».

**) Куропаткин в дневникѣ рассказывает, как в Нарвѣ был арестован адм. Коломейцев, собственноручно снимавшій красные банты с магросов, желая, чтобы на парадѣ 5 марта всѣ были одѣты по формѣ. Борьба с «красными бантами» продолжалась еще долго, вызывая осложненія в арміи, и высшему начальству приходилось разъяснять, что во время революціи нельзя «придираться» к красным бантам: «зачѣм лѣзть на рожон и раздражать толпу» (резолуція пом. воен. мин. Новицкаго 11 апрѣля по по-

Уполномоченные Врем. Комитета отбѣтили “подозрительное отношеніе” солдат к начальству. Этому настроенію, по их мнѣнію способствовал, с одной стороны, “приказ № 1”, с другой — “неправильное истолкованіе событий”... “Мы замѣтили, что тѣм офицерам, которые пытались объяснить солдатам происшедшій переворот, даже прощались грѣхи прошлаго, они сразу как-то выросли в их глазах; но особое недовѣріе было там, гдѣ замалчивали, гдѣ не собирали солдат, не объясняли происшедшаго или давали тенденціозное объясненіе, там создавалась почва страшнаго недовѣрія. Старое недовѣріе как то слабе, а недовѣріе послѣ переворота — новое — ужасно*). В тѣх же частях, гдѣ собирали и объясняли событія, там сразу возстановлялось довѣріе: даже в тѣх частях, гдѣ его раньше не было. Эти части могут в огонь и в воду пойти”... Депутаты дѣлали любопытное поясненіе: “знаменитый приказ № 1 и всевозможные слухи породили извѣстную дезорганизацію в “зеленых” частях, гдѣ мужики. В частях, болѣе революціонных (?), ничего подобнаго не было. Там и с офицерами уживаются очень хорошо”. Может быть, еще болѣе интересны их наблюденія по мѣрѣ приближенія к фронту: “что касается общаго настроенія войск, то вблизи позицій оно у них такое веселое, радостное и хорошее, что страдно становится. Там мы видѣли настоящіе революціонные полки с полнѣйшей дисциплиной, полное объединеніе с офицерами”**). Уполномоченные многократно во всѣх частях бесѣдовали с солдатами в отсутствіе команднаго состава. Бесѣды эти начертали цѣлую программу мѣр, которыя надлежало осуществить, и которыя соотвѣтствовали желанію солдат (о программѣ мы скажем ниже). Политическое настроеніе армейской массы характеризуется достаточно заявленіем Янушкевича Временному Комитету: “Я должен сказать откровенно, насколько я видѣл, настроеніе сплошь республиканское” — вѣроятно, правильнѣй было бы сказать: “за новый строй”***).

Приходилось уже упоминать о том энтузіазмѣ, с которым на фронтѣ были встрѣчены члены Гос. Думы солдатской массой. Их поѣздка вообще носила характер какого-то триумфальнаго шествія: их встрѣчали “вездѣ” торжественно, с музыкой: словами “невѣроятная овація”. “царскій пріем”, “носили на руках”. “склонялись знамена” нестрит их отчет... “Были полки, гдѣ нас болѣе сдержанно принимали — замѣчали депутаты — по общее впечатлѣніе в громадном большинствѣ случаев такое, что послѣ обмѣна привѣтствій, послѣ такого рода бесѣд, они нас поднимали и выносили до наших саней. Мы не могли распрощаться. Они *цѣловали нам руки и ноги*”. Могли, конечно, депутаты нѣсколько самоободьщаться****), но все же не настолько, насколько

воду столкновения на румынском фронтѣ). Эти атрибуты настолько вошли в сознаніе, что ими стали украшать даже иконы.

*) К числу «неправильных толкованій событий» относилось объясненіе акта отреченія «доброй волей» Императора.

**) «Относительно того, что надо кончать войну, что они устали, мы слышали только в одном полку. Это вновь сформированный полк, и, пока он еще не войдет в общую колею, нѣтъ сплоченности и спаянности».

***) К династіи, по наблюденіям французскаго наблюдателя Ледра, на Зап. фронтѣ большинство солдат равнодушно.

****) Керенскій говорит, что представители Думы, т. е., Временнаго Комитета, на фронтѣ не имѣли успѣха. Для марта это, очевидно, было не так.

ко это представлено в секретной телеграммѣ 18 марта, посланной в Токио японским послом. Он передавал своему дипломатическому начальству, что сообщеніе членов Врем. Ком., командированных на фронт, составлено “весьма оптимистически, но на самом дѣлѣ положеніе *диаметрально противоположное*. Я в этом убѣдился из разговоров с офицером, возвратившимся с фронта”. Пессимизм осѣдломителя виконта Уциды, дѣйствительно, не соотвѣтствовал выводу думской делегаціи, говорившей в заключеніе своего, повидимому, устнаго отчета: “У нас вообще впечатлѣніе отрадное, и если бы офицеры сумѣли перестроить свои отношенія на новых началах, а это необходимо, то дѣло было бы сдѣлано. *Теперь самый острый* вопрос, по нашему мнѣнію, как свою задачу исполнит офицерство”...

Отчет делегаціи коснулся лишь ближайшаго к столицѣ фронта. Путем сравненія можно дать, пожалуй, и лучший отвѣтъ на вопрос, как отнеслась фронтовая армія к перевороту, и как этот переворот повліял на армію. Возьмем два мѣста, гдѣ было хуже всего: гвардейскій корпус и Балтійскій флот. Относительно гвардіи это особо подчеркнул Алексѣев в разговорѣ с Гучковым 11 марта: “здѣсь событія нарушили равновѣсіе, и замѣчается нѣкоторое броженіе и недовѣріе к офицерскому составу”. Для характеристики этих отношеній у нас имѣется интересный “дневник” неизвѣстнаго офицера-интеллигента, написанный в видѣ писем к родным из Лупка*). “Дневник” имѣет нѣсколько резонерскій отбѣнок — наблюденія смѣняются разсужденіями. Автор отмѣчает сложность и трудность положенія гвардіи в силу той двойственности, которая получилась от того, что революцію совершили запасные батальоны стоящих на фронтѣ полков, и что из тѣх же полков направлялись в Петербург части для подавленія революціи. Впечатлѣніе наблюдателя до полученія извѣстія об отреченіи формулировано им 4 марта так: “сознательное меньшинство (солдат) довольно, но хочет отомстить вождам павшаго режима, большинство же относится ко всему происшедшему с полным безразличіем и хочет только одного — мира... Офицеры, понурые, избитые страхом за будущее, ходили один к другому, нервыначали, строили планы и тут же сами их опровергали. Я не знаю такого тяжелаго дня. Полумертвый я заснул”... 4-го получено было сообщеніе о назначеніи Великаго Князя главнокомандующим. “Я сообщил это солдатам. Они опять молчали”. Вечером пришла телеграмма о новом министерствѣ — “среди офицеров общее ликованіе... Всѣ увѣрены, что Николай II отрекся от престола”. Любопытным сообщеніем кончает наш своеобразный мемуарист свое письмо: “У вѣмцев — ликованіе. Выставляют плакаты, салютуют, играют оркестры**). Попытались наступать на VII корпус..., но были отбиты. Наше высшее командованіе растеряно... не знают, что им дѣлать. Надо было устроить парад, самим салютировать, выставлять побѣдные плакаты, заставить играть оркестры, воспользоваться моментом для подъема духа солдат... Но... жизнь рот течет так,

*) Как попал этот «дневник» в архив «Октябрьской революціи» не известно. Комментатор называет автора его «умным и расчетливым классовым врагом».

***) В рядѣ мѣст на фронтѣ о переворотѣ узнали из нѣмецких «плакатов». Так было 3 марта в дивизіи ген. Селивачева. Там нѣмцы бросали особыя бомбы с прокламаціями. Были мѣста, гдѣ подчас недѣлю и больше в окопах жили еще только слухами.

будто ничего не случилось. Это ужасно, но я надѣюсь, что послѣ манифеста у нас что-нибудь сдѣлают”...

11 марта письмо начинается болѣе или менѣе оптимистической оцѣнкой: Слава Богу, теперь стало проясняться, все же возможность кровавых событій не совсѣм исключена. Надо помнить, что положеніе гвардіи особенно тяжело... ея старое офицерство и генералитет имѣют опредѣленную репутацію... Вот каким представляется мнѣ положеніе. Во-первых, ни одну воинскую часть так не волновали петроградскія новости, как гвардейцев... А свѣдѣнія из Петрограда приходили запоздалыя, преувеличенныя, часто нелѣпыя. Вѣрили всему, и ничего нельзя было опровергать. Во-вторых, когда пришло извѣстіе об установленіи новаго порядка, то офицеры стали подозрѣвать солдат, а солдаты офицеров. Мы не знали, как отнесутся нижніе чины к событіям, поймут ли они происходящее, а главное — не заразятся ли они петроградским примѣром, не вздумают ли у нас смѣнять начальников и заводить собственные порядки; не знали мы также, не захотят ли они прекратить войну, не предпримут ли они какого-либо насилія для ея прекращенія; наконец, мы не знали, одинаково ли воспримут новыя вѣсти всѣ части, или полк пойдет на полк и батальон на батальон, а вѣдь у нас до нѣмцев — нѣсколько верст, случись что-нибудь, и фронт будет прорван, может быть прорван в нѣскольких мѣстах, и что тогда? И мы томилась и не знали, как лучше исполнить свой долг. А солдаты в то же время не довѣряли офицерам. Они не знали, на сторонѣ какого строя мы стоим и одинаковаго ли мы направленія; они боялись, что с нашей стороны *будут попытки сдать позиціи нѣмцам*; они были увѣрены, что от них скрываются какіе-то новые приказы; они также боялись, перейдут ли всѣ части на сторону новаго порядка: они мучились тѣм, что свободу отнимут, что отечеству изменят; они вѣрили каждому нелѣпому слуху самаго темнаго происхожденія; они постоянно хватались за винтовки, и нѣсколько раз могло случиться побоище”... “Старшіе начальники не сдѣлали ничего для вселенія к ним довѣрія, а бездѣйствіе было истолковано, как приверженность их к павшему порядку. Атмосфера получилась ужасная”... “Между нами и ими пропасть, которую нельзя перешагнуть...” “Сколько бы мы с ними ни говорили... сколько бы ни старались предотвратить столкновенія, они не вѣрят нам. Нѣкоторым офицерам они прямо говорили, что в гвардіи всѣ офицеры — дворяне, и что поэтому офицеры не могут быть сторонниками новой власти” *).

Как всетаки характерно, что всѣ инциденты, о которых рассказывает автор писем, вращаются около имен ген. Гольгоера, гр. Ротермунда, Клод-фон-Юревсбурга, бар. Штемпель и т. д. Вѣдь это они готовы “открыть фронт” **), это они составляют “нѣмецкую партію”,

*) Автор приводит, как примѣръ недовѣрія, отказ приносить присягу — подозрѣвают, что она подложная, вслѣдствіе того, что не было подписи Гучкова (в другом мѣстѣ требовали подписи Родзянко). Смущало имѣвшееся в текстѣ слово «государство», гдѣ обязательно должен быть «государь», а «государь» непременно самодержец. Один из батальонов грозил захватить пулеметы и разстрѣлять тѣ части, которыя будут присягать. (На Сѣверном фронтѣ возбуждало опасеніе требованіе подписи под присягой).

***) Полевой интендантскій склад перевозится из Несвѣжа в Блудов —

козни которой пытается раскрыть Чр. Сл. Комиссія Врем. Правительства, и о кознях которой так много говорили до революціи. Эти легенды и сплетни из среды придворной, бюрократической, военной и общественной перешли в народ. По всему фронту прокатилась волна недовѣрія — на позиціях около Риги в 80 сиб. стрѣлк. полку солдаты, как и в Особой арміи, высказывали опасенія, что офицеры сдадут позиціи нѣмцам; повсюду требуют удаленія “баронов, фонов и прочих шпионов”. Это отмѣчает позднѣйшій доклад (апрѣльскій) члена Гос. Думы Масленникова, посѣтившаго фронт... Нач. 3 пѣх. дивизіи ген. Шолц, устраивает манифестаціи, чтобы доказать, что он не нѣмец и вполне сочувствует перевороту (Селивачев)... По истинѣ, что посѣбшь, то и пожнешь*).

“В основѣ всѣх этих желѣностей, обнаружить которыя перед ними иногда все-таки удастся — пишет наш офицер родителям с просьбой довести до свѣдѣнія Гучкова о положеніи на фронтѣ — лежит одно соображеніе, которое нельзя опровергнуть. Переворот совершился в тылу, а у нас все остается по старому; высшая власть ввѣрялась при павшем правительствѣ его приверженцам, а они всѣ на мѣстах. Надо немедленно смѣстить всѣх генералов с нѣмецкими фамиліями и других, которые навлекут на себя подозрѣніе. Надо сдѣлать это скорѣе, иначе начнется солдатская самоуправа...**). Нужны немедленныя и рѣшительныя мѣры — иначе власть ускользнет из наших рук, инициатива преобразованій перейдет от нас к ним, армія начнет разлагаться, и пораженіе будет неизбежно”. Слѣдующее письмо, написанное на другой день — 12 марта — когда в ротах “уже начали смѣщать офицеров и выбирать себѣ новых”, полно пессимизма: “Конечно, надо надѣяться до самой послѣдней минуты, но я считаю солдатскій бунт вполне возможным. Еще вчера они качали Тимохина, говоря, что вѣрят ему, что ничего без его согласія не предпримут. А сегодня, когда он пришел в роту, они кричали ему “воц” и объявили затѣм, что выбрали себѣ новаго ротнаго командира. Измѣненій и колебаній их настроенія ни предугадать, ни направить нельзя. Вчера вечером положеніе казалось прояснившимся. Сегодня оно ухудшилось. Мы все время переходим из одной полосы в другую. У нѣкоторых начинают опускаться руки, до того эти волненія утомляют. Нѣкоторые говорят, хоть бы скорѣе на позиціи, там все будет лучше, поневолѣ люди сдержат себя”. “Вообще положеніе безвыходно” — заключает автор, — “руководить событіями уже нельзя, им просто надо подчиниться”. “Армія погибла” — это становится лейт-мотивом всѣх послѣдующих писем.

движеніе замѣчают нѣмцы, открывшіе артил. огонь: солдаты увѣряют, что генералы хотят уморить их голодом и нарочно устраивают склад на обстрѣливаемом германцами мѣстѣ. «Они (солдаты) повсюду выставляют свѣчи караулы, непомѣрно большіе — у винтовок, у пулеметов, у складов. Они всюду подозрѣвают измѣну и черносотенство. Их успокоить ничѣм нельзя».

*) См. в моей книгѣ «Судьба имп. Николая II послѣ отреченія» главу «Муравьевская комиссія», а также книгу «На путях к дворцовому перевороту».

**) В батальонѣ. гдѣ был автор, уже говорили, что «надо убить офицеров с нѣмецкими фамиліями».

Итог индивидуальных переживаний сгущал картину, как можно усмотреть хотя бы из позднейшего доклада депутата Масленникова, посетившего по полномочию Врем. Комитета территорию Особой Армии в апрѣль. В этом докладѣ уже не будет нѣсколько сантиментальнаго мартовскаго флера, но он все же будет очень далек от пессимизма “умнаго... классоваго врага” пролетарской революціи. Реалистическій итог для марта, пожалуй, можно охарактеризовать записью ген. Селивачева 26-го: “Вчера в газетѣ “Кіевская Мысль” было сообщено, что от Особой арміи выѣхали в Петроград делегаты в Совѣт Р. и С. Д. и в запасные гвардейскіе батальоны, чтобы заявить, что Особая армія с оружіем в руках будет защищать Временное Правительство и не потерпит ничего вмѣшательства в дѣла правленія до созыва Учредительнаго Собранія”.

**

Общее впечатлѣніе, что эксцессы на фронтѣ, имѣвшіе мѣсто далеко не повсемѣстно, в значительной степени связаны были с нѣкоторым чувством мести в отношеніи начальников, злоупотреблявших своими дисциплинарными правами*). Революція с перваго же момента, независимо от “новых законов о бытѣ воинских чинов”, конечно, должна была перестроить в бытовом порядкѣ систему отношеній между командным составом и солдатской массой. “Рукоприкладство” в арміи должно было исчезнуть, но “оно настолько вкоренилось — говорили в своем отчетѣ депутаты, посетившіе Сѣверный фронт, — что многіе не могут от него отстать. Когда солдаты спрашивали нас, можно ли бить, то мы при офицерах говорили: “нѣтъ, нельзя”, и ничего другаго, конечно, говорить не могли”. Отрицать явленіе, о котором с негодованіем говорила даже имп. А. Ф. в одном из писем к мужу (офицеры, по ея выраженію, слишком “часто” объеяняются с солдатами “при помощи кулака”) нельзя. Если для начальника одной казачьей части, который на Сѣверном фронтѣ “морду набил” в революціонное время, эта несдержанность сошла благополучно, то на Западном фронтѣ явленіе подобной же бытовой служебной привычки 8 марта стоило жизни виновнику ея, как рассказывает прикомандированный к фронту француз проф. Лейра (полковник ударил солдата за неоттаніе чести и был растерзан толпой). Едва ли к числу “лучших” военачальников принадлежал тот командир 68 сиб. стрѣл. полка, который был арестован “письменным постановленіем депутатов от офицеров и солдат этой части”, равно как и три его подчиненных, удаленных от командованія, причем к постановленію депутатов “присоединились почти всѣ офицеры полка”. Мотивом ареста и удаленія выступало: рѣзкое и грубое обращеніе, недовѣріе к боевым качествам и несочувственное отношеніе командира полка к перевороту. Этот эпизод дошел до военнаго министра в силу настойчивости, которую проявил полк. Телеграмма нач. корпуса, посланная Алексѣеву, сообщала, что “продолжительныя увѣщеванія и бесѣды с офицерскими и солдатскими депутатами 18 и 19 марта не привели к возстановленію законнаго порядка”. Командующему корпусом удалось добиться освобожденія из-под ареста командира полка, но де-

*) Этот вывод отнюдь не служит подтвержденіем правильности тенденціознаго обобщенія противоположнаго свойства, с которым мы встрѣтимся при описаніи событій в Балтійском флотѣ.

путаты продолжали настаивать на оставлении избранного ими командира полка, ссылаясь на газетное сообщение о разработкѣ комиссіей ген. Поливанова вопроса о подборѣ высшими начальниками своих помощников. Для уговора полка выѣхали два члена Гос. Думы. Алексѣев законно негодовал на самоуправство, признавая невозможным руководиться проектами, не санкціонированными к проведению в жизнь и толкуемыми солдатами “вкривь и вкось”, и требовал, чтобы в полку были восстановлены офицеры или полк был бы раскассирован: “при таких условіях работа арміи не может идти” — телеграфировал он военному министру. Но в данном случаѣ, повидимому, формальная правда входила в коллизію с бытовой правдой, и тот факт, что дѣлу 68 сиб. стр. полка придали такое значеніе, показывает, что оно не было явленіем рядовым в жизни арміи в первый період революціи. Почти несомнѣнно, что политика сама по себѣ в этих бытовых столкновеніях на фронтѣ стояла на втором планѣ.

Экцессы во флотѣ.

Если в гвардейском корпусѣ непосредственно послѣ переворота солдатская масса держалась настороженно, “что-то” ожидая, то в Балтійском флотѣ барометр, опредѣляющій силу волны взбудораженной стихіи — “психоза безпорядка”, с перваго момента “лихорадочно” колебался; были моменты, когда казалось, что “спасти” может только “чудо”. Дневник Рейнгартена, одного из тѣх молодых энтузіастов, которые сгруппировались вокруг адм. Непенина и мечтали о “новой жизни великой свободной Россіи”*), очень ярко передает атмосферу настроеній, царившую в Гельсингфорсѣ. Только тенденціозность, не желающая считаться с фактами, может привести к выводу, что “лукавая” политика Непенина стоила ему жизни (Шляпников). Мы приводили уже официальные телеграммы командующаго Балтійским флотом, опровергающія эту большевистскую легенду. 28 февраля Рейнгартен записал: “Наш пачальник и командир в общем настроен празднично и сочувствует революціи во спасеніе родины”... В смутные дни Непенин “твердо рѣшился оставаться на взятой позиціи”, т. е. поддержки Времен. Правительства. Он сказал фл.-кап. кн. Черкасскому, и. д. начальника штаба, по порученію товарищей выяснившему рѣшеніе командующаго флота, что он не выполнит противоположнаго приказанія “сверху”, если таковое послѣдует. 2 марта командующій объявил о своем рѣшеніи на собраніи флагманов: “Буду отвѣчать один, отвѣчаю головой, по рѣшил твердо. Обсужденія этого вопроса не допускаю”... В зависимости от свѣдѣній, приходивших из Петербурга, “радость” смѣнялась “тревогой” у молодых энтузіастов, окружавших Непенина. Но пришел манифест об ограниченіи, и Рейнгартен “на зарѣ новой жизни великой, свободной Россіи” записывает: “ночь без сна, но какая великая, радостная, памятная ночь счастливаго завершенія Великой Россійской революціи”. Отмѣтка в дневникѣ, сдѣланная в 7 ч. 20 м. утра, была преждевременна. В 6 ч. 35 м. веч. Рейнгартен вписывает: “в общем, кажется, мы идем к гибели”... “От Родзянко приказано задержать объявленіе манифеста... Что это опять начинается?” — с волненіем спрашивает себя автор дневника: “горю весь,

*) См. «На путях к дворцовому перевороту».

все время вскакиваю и жожу”. “Нервность растет. Отовсюду слухи о беспорядках, имѣемых быть”... “Психоз беспорядка перекинулся сюда: на “Андрей Первозванном” подняли красный флаг”. Началась “возстаніе” на линейных кораблях, арест и разоруженіе офицеров. Крики “ура” перемѣшиваются со стрѣльбой из пулеметов. “Неужели все погибнет” — вновь мучительно записывает Рейнгартен... Трагически закончилось движеніе, однако, только во второй бригадѣ линейных кораблей, которой командовал, находившійся на “Андрей Первозванном”, к. ад. Небольсин. В записи на 3 марта “флагманскаго историческаго журнала” обостреніе на адмиральском суднѣ объясняется тѣм, что Небольсин “в своих выступлениях перед матросами многое скрыл от них. С депутатами, явившимися к нему от имени команды с просьбой (или требованіем) показать официальные свѣдѣнія, Небольсин вступил в пререканія. В итогѣ был убит адмирал и еще два офицера”. На нѣкоторых судах “возстаніе” окончилось манифестаціей даже “патріотическаго” характера, по выраженію Рейнгартена — качали командиров*).

У себя на “Кречетѣ” Непенин обратился к матросам с рѣчью — сказал “все без утайки”, потом “стал говорить все сильнѣй, сильнѣй... и закончил: ...“страной управляет чорт! Я все сказал, я весь тут. Вы скажите: кто за меня, кто против — пусть выйдет! Кто-то крикнул: “адмиралу — ура!”, всё подхватили, так что я не выдержал — бросился, обнял и крѣпко поцѣловал Адриана. Это было слишком — его качали, а когда успокоились, адмирал сказал: “найдутся ли среди вас охотники, умѣющие говорить?” Вышло много. “Раздѣлитесь по пять. Когда утихнут беспорядки, я пошлю вас.. вы скажите все, что я сказал, и скажите, что потом приду я”... Адмиралу нигуда не пришлось идти — к нему на “Кречет” пришли сами — “толпа матросов с кораблей”. “Переговоры Непенина с депутатами — записывает Рейнгартен — были длительны и очень несносны. Жалко было смотрѣть на Непенина — так он устал, бѣдняга, так он травился и с таким трудом сдерживался. К концу рѣчи он воспалился, сказал, что убили офицеров сволочи, что зажгли красные огни и стрѣляли в воздух из трусости, что он презирает трусость и ничего не боится. Ему долго не давали уйти — все говорили: “позвольте еще доложить” — основной лейтмотив: говорить на вы, относиться с большим уваженіем к матросу, дать ему большую свободу на улицах, разрѣшить курить и т. д. Когда, наконец, измученный Непенин вышел, команды, прощаясь, отвѣтили дружно и вообще держали себя хорошо, стояли смирно”...

Пришла телеграмма Керенскаго, которая произвела “очень хорошее впечатлѣніе и успокоила”. Кому то это не нравилось. “5 час. 15 м. — отмѣчает дневник — провокація по радіо — “смерть тиранам”: ...“Товарищи матросы, не вѣрьте тирану... От вампиров стараго строя

*) Первая бригада вообще «за все время переворота оставалась совсѣм почти спокойной». Кое-что было лишь на «Петропавловскѣ», когда два матроса приставив дуло револьвера ко лбу командующаго Бахарева, грубо требовали оружіе офицеров, которое он от них взял и спрятал в свою каюту. Между сторонами произошел такой разговор: «Не отдам. — Тогда возьмем сами. — Ну так стрѣляйте. — Мы не хотим вашей крови проливать... — Я не отдам, потому что мнѣ же довѣрила команда. — ...Тогда, конечно... извините».

мы не получим свободы... Смерть тирану, и никакой вѣры от объединенной флотской демократической организаціи". "Какое безуміе!... Опять надо рассчитывать... на чудо"... Нѣкто в сѣром усиленно сѣял апархію в Гельсингфорсѣ. Какая-то группа, состоящая на "разнородной команды и офицеров, морских и сухопутных", избрала командующим флота нач. мѣстной обороны виц.-ад. Максимов, находившагося под арестом на посыльном суднѣ "Чайка". Непенин согласился на такой компромисс: Максимов прїѣдет на "Кречет" и будет контролировать всѣ поступки адмирала. Через два часа Непенин был убит выстрѣлом в спину из толпы. Впоследствии — утверждает Рейнгартен — матросы рѣшительно отрекались от участія в этом убійствѣ. Авторитет Непенина казался опасным тѣм, кто хотѣл разложить боевую силу Балтійскаго флота. Почти перед самым убійством адмирала Рейнгартен записал сообщеніе: "Центральный Комитет депутатов кораблей ка "Павлѣ", разобравшись в обстановкѣ, признал дѣйствія командующаго флотом правильными и приходит к повиновенію!!!".

В связи с прїѣздом Родичева и Скобелева, встрѣченных "адской оваціей", у Рейнгагартена "надежды на восстановленіе порядка повысились с 1%, примѣрно, до 60% — "всѣ постепенно возвращаются на мѣста". В настроеніи перелом. Толпа ходит по улицах с красными флагами — даже "приказано объявить желательность красных повязок и участіе в манифестах офицеров". На судах спокойно, но "нервность всюду ужасная". И вновь отмѣчается в дневникѣ за 5-ое марта: "провокація страшнѣйшая" — "по городу распространяется "манифест" Николая II с призывом к возстанію в пользу престола". "Враги родины, видимо, работают во всю и сѣют новую смуту"*).

Дневник Рейнгагартена картинно обрисовывает противорѣчіе, рождавшееся в страдные дни революціи в матросской толпѣ: "Всюду праздничное, веселое, приподнятое настроеніе; только нервность в связи с провокаціей" (6 марта). Это "праздничное" настроеніе смѣняется мрачными сценами убійства или покушенія на убійство, что заставляет автора написать: "я ошибся, что 60%, если тогда было 6%, то теперь эти проценты падают". Нельзя не отмѣтить, что во всѣх случаях, на которых останавливается Рейнгартен, почти всегда имѣется наличность той "провокаціи", на которой он настаивает. Вот примѣр. С "Петропавловска" передали на "Кречет", что желают удаленія лейтенанта Будкевича. "Пересуды были нескончаемы — команда боится "Петропавловска", откуда уже дважды звонили: взят ли Будкевич?". "Команда "Кречета" аттестовала Будкевича "самым добрым образом", но все-же велѣла Будкевичу итти в арестный дом". "С великим трудом удалось мнѣ убѣдить команду по дорогѣ завести Б. в Морское Собраніе, гдѣ обратиться к депутатам "Петропавловска". Я кричал, умолял. К счастью, еще при выводѣ Б. у трапа они столкнулись с комфлотом и Родичевым, затѣм вмѣстѣ всѣ пошли в Морское Собраніе, гдѣ долго говорили с депутатами... и оказалось, что на "Петропавловскѣ" — тихо, ничего не требовали, и все спокойно". На "Діанѣ" арестовали кап. Рыбчина и лейт. Любимова, "увели с корабля и скоро вернулись" —

*) «Манифест» этот и по стилю и по контексту явно нѣмецкаго происхожденія. Он распространялся наряду с другими аналогичными прокламаціями и в других мѣстах.

оба были убиты. Люди, уведшіе Рыбчина, “клялись” комфлоту и Родичеву, что “они не убивали”. Провокаторы прикрываются именем образовавшагося в день прїѣзда совѣтской делегаціи из Петербурга Исполнительнаго Комитета Совѣта представителей арміи, флота и рабочих Свеаборгскаго порта, который пытался наладить какой-то правопорядок: “воззванія Комитета хороши и намѣренія правильны, по видно абсолютное неумѣіе руководить исполнительной частью” — замѣчает Рейнгартен. “Постоянно посылаются вооруженные патрули всюду, гдѣ ожидается безпорядок. Так ими уничтожено нѣсколько вагонов огромных запасов спиртных напитков; они вылиты на землю и политы керосином и нефтью”^{*)}). “При мнѣ на “Петропавловскѣ” — рассказывает Рейнгартен — неизвѣстно откуда передана телеграмма, якобы от имени Исп. Ком., с приказаніем не посылать патрулей. Правда, этот обман так груб, что открывается легко”.

Рейнгартен был выбран тов. пред. Исп. Комитета. “Немыслимо рассказать — записывает он — что было за дни моей работы 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12/III. Я не замѣтил этих дней. Впечатлѣніе сплошнаго митинга, рѣчей, постановленій. Это было тяжкое испытаніе, ибо я пошел на эту Голгофу единственно ради возстановленія спокойствія, уничтоженія розни между офицерами и матросами, ради возстановленія работы для войны. Я с собой справился и к себѣ довѣріе снискал; я говорил много со всѣми, особенно с крайними элементами. Наибольшій успѣх был у Хиліани (предсѣдатель Совѣта) — это хорошій, честный, страстный человѣкъ. Он подкупал меня своей искренностью, а я, может быть, подкупал его тѣм, что отдал всю жизнь этому дѣлу, всю мою душу, всю любовь к родинѣ, которая сейчас сжигает меня. Хиліани назвал меня своим другом, просил перейти на ты. Теперь мнѣ легко говорить и работать с ним”.

В районѣ Свеаборгскаго порта, несомнѣнно, наступило успокоеніе. Уже 6-го кн. Черкасскій давал в морской ген. штаб такіа свѣдѣнія о Гельсингфорсѣ: “пастроеніе улуцшается, но по теоріи колебательнаго движенія строго научной, всегда возможны повторенія затухающих колебаній, а посему не надо удивляться, если еще будут эксцессы, но, конечно, несравненно болѣе слабые. Дѣйствіе представителей Думы безусловно громадное. Надѣюсь, что в ближайшіе дни явится возможность вернуться мнѣ к исполненію прямых моих обязанностей, т. е. подготовкѣ флота к бою, так как за эти дни я был весь поглощен заботами и стремленіями спасти флот от полной разлухи, и всѣ операціи были пущены мною по-боку. Не причисляя себя к оптимистам, думаю, что все изложенное довольно близко к истинѣ. Под влияніем петроградских депутатов Думы и работающаго здѣсь мѣстнаго комитета матросских и солдатских депутатов случаи арестованія офицеров матросами и солдатами не только прекратились, но офицеры возвращены в свои части с принесеніем им извиненія и сожалѣнія о случившемся”. Нач. штаба, адм. Григорьев, с своей стороны, сообщал: “спокойствіе возстанавливается все больше и больше. Исп. Ком. Совѣта Деп. принимает всѣ мѣры к возстановленію полного порядка, помогает все время ко-

^{*)} Совѣтская делегація, по сообщенію «Извѣстій», обвиняла в политической спекуляціи со спиртом жандармскаго генерала Фрайберга.

мандующему. В посѣщенных командующим частях и кораблях команды поклялись сохранять порядок и возстановить дисциплину**).

Дневник Рейнгартена бурную эпопею первых мартовских дней заканчивает списаніем “общаго собранія офицеров, членов Исп. Ком. и всѣх желающих”, происходившаго 11 марта в русском театрѣ под председательством переводчика Кедрина. Под крики “ура” и звуки марсельезы командующій флотом Максимов провозгласил: “Покляемся, что ничего другого, кромѣ республики, не будет”... Совѣтская делегация, вернувшись в Петербург, заявила, по отчету “Извѣстій”, что флотская семья единодушно приложит “всѣ силы к тому, чтобы война была доведена до побѣднаго конца за счастье свободной Россіи”. Успокоительную картину нарисовал и депутат Маньков (плекхановец), посѣтившій Ревель и примирившій взбунтовавшихся на броненосцѣ “Петр Великій” с командиром, которому грозили судом Линча: ...“Я взял честное слово с адмирала при всем собраніи, что он подчинится новому правительству”. В общем депутат нашел “настроение среди матросов очень сознательное” по сравненію с армейцами (в Ревелѣ, между прочим, матросы сбили у толпы раненаго коменданта крѣпости). Для Гельсингфорса на первых порах показательно враждебное отношеніе матросов к крайней пропагандѣ — это засвидѣтельствовал в воспоминаіях крупный мѣстный большевицкій дѣятель — Залежскій: большевицких агитаторов сбрасывали в воду, были и случаи ареста.

**

“В Балтійском флотѣ переход к новому строю принят восторженно” — подвел итог в официальном сообщеніи председателю Совѣта министров из Ставки 14 марта исп. должн. верховнаго главнокомандующаго. Дневник Рейнгартена показывает, как эту “восторженность” омрачала анархія, имѣвшая своим источником агитацію безответственных отечественных демагогов, коварные замыслы вѣшняго врага и неумѣлую провокацію полицейских политиков стараго режима, которые считали, что “не все потеряно, есть надежда”.

Возстаніе матросов Балтійскаго флота приняло с перваго момента в ночь на первое марта форму жестоких эксцессов в Кронштафтѣ, который, по тогдашнему выраженію большевицкаго офиціоза “Правда”, оказался “отрѣзанным от міра” и не представлял себѣ “ясно картину совершающихся событій”: формы, в которыя вылилась здѣсь “стихійная вспышка”, до нѣкоторой степени были предугазаны прежней революціонной пропагандой**). Нельзя, конечно, вполне довѣриться сообщеніям “секретной агентуры” жандармских властей, которая перед революціей сообщала о планѣ, выработанном в серединѣ 16 г. возродившимся “Главным Коллективом Кронштадтской военной организа-

*) Алексѣев на этом донесеніи сдѣлал помѣтку: «Оптимистично. Розовые очки»...

**) По вѣшности возстаніе началось болѣе стройно, чѣм в других мѣстах. К флотскому экипажу сразу присоединился крѣпостной артиллерійскій полк, «выступившій со всѣми офицерами». Так утверждал Раскольников: командир полка нес знамя, оркестр играл марсельезу...

ціи*), — поднять возстаніе (“частью убив, а частью арестовавъ командный состав”) в цѣлях прекращенія войны и сверженія правительства. По этому плану дѣйствій “петроградскій пролетаріат должен поддержать возстаніе и для того, чтобы дать знать о началѣ возстанія, флот выйдет из Кронштадта, уже покончив там с офицерами, и даст нѣсколько залпов по Петрограду. Если бы в отношеніи рабочих послѣдовали крутыя мѣры, и рабочих правительство стало бы разстрѣливать, то флот разгромит весь Петроград, не оставив тут и камня на камнѣ”. Историк коммунистической партіи Шляпников, цитирующий эти жандармскія донесенія, отрицает наличность существованія подобнаго фантастическаго заговорщическаго плана. Но, очевидно, разговоры об убійствах и арестах были в средѣ “главнаго коллектива” (вѣдь это входило органической частью в ранніе революціонныя замыслы Ленина — см. кн. “Уроки московскаго возстанія” 1905), и разбушевавшееся “пламя революціи”, нашедшее благоприятныя условия в милитаризованной “тыловой базѣ”, легко превратило теоретическую возможность в печальную дѣйствительность — в Кронштадтѣ провокаціонная работа ощущалась еще болѣе реально, чѣм в других мѣстах. Очень трудно назвать “до нѣкоторой степени сдерживающей”, как то дѣлают составители “Хроники февр. революціи”, роль “Комитета революціоннаго движенія”, избраннаго уличной толпой и возглавляемаго прибывшим из Петербурга нѣким “студентом Ханиным”: для успокоенія страстей “Комитет революціоннаго движенія” приказал арестовать всѣх офицеров и заключить в тюрьму до назначенія над ними суда. Кронштадтскія событія ярко охарактеризованы краткой записью в протоколѣ 8 марта Петроградскаго Исп. Ком.: “Избїеніе офицеров, арест их в большом количествѣ, командный состав из офицеров совсѣм отсутствует, выбраны командиры кораблей из состава самих матросов. Флот, как боевая единица, совсѣм не существует”**).

Самосуды кончились лишь тогда, когда в Кронштадт 13 марта прїѣхала от петроградскаго Исп. Ком. делегация в лицѣ с.-д. депутатов Скобелева и Муранова, которые информировали мѣстный Совѣт рабочих и военных депутатов арміи и флота о положеніи дѣл в столицѣ и о взаимоотношеніях между Временным Правительством и Совѣтом. На революціонном вѣчѣ, собиравшемся на Якорной площади, программа дѣятельности петроградскаго Совѣта была принята. Отнынѣ революціонная “твердыня” со всѣми своими “штыками, пушками и пулеметами” будет находиться в распоряженіи петроградскаго Совѣта и поддерживать Временное Правительство, поскольку оно согласуется с этим Совѣтом... Соглашеніе было запечатлѣно в духѣ того романтизма, которым до извѣстной степени обвѣян был “медовый мѣсяц” револю-

*) По сообщенію жандармских властей, на каждом кораблѣ существовали с.-д. ячейки (большевицкія), из которых и был создан «главный комитет». В концѣ 15 г. этот коллектив был ликвидирован, вѣрнѣе, по жандармскому выраженію «был парализован, но отнюдь не пресѣчен», почему нач. Крѣпост. жанд. управл. возбуждал перед комендантом крѣпости вопрос о высылкѣ на передовыя позиціи или в отдаленный военный округ неблагонадежных матросов.

**) В «Правдѣ» (центр. орган большевиков) говорилось: «весь командный состав войск был частью перебит, частью арестован. Немногіе офицеры, выпущенные на свободу, были лишены оружія и погоня».

дці, публичным поцѣлуем между посѣтившим кронштадтскій совѣтъ Керенским и прославленным Рошалею. Подчинение Кронштадта было кратковременно и очень относительно. Кронштадт в качествѣ большевицкой цитадели сдѣлается символом насилия, анархіи и разложенія в русской революціи. В этих позднѣйших обвиненіях заключалась доза тенденціозной сущности, но на первых порах ни у кого не нашлось мужества (или сознанія ошибочности тактики замалчиванія) безоговорочно осудить злодѣйствѣ и мрачные эпизоды поглощенія “пламенем революціи” ея идейной цѣнности: такіе органы, как “Виржевы Вѣдомости”, писали о “героической, но вмѣстѣ с тѣм страшной ночи в Кронштадтѣ 1 марта”).

Министръ юстиціи в засѣданіи Врем. Прав. 28 марта опредѣлилъ число офицеров, павших в Кронштадтѣ от рук убійц, цифрой 36. Ген. Лукомскій в сообщеніи из Ставки командованію на Сѣверном фронтѣ 21 марта повышал эту цифру до 60. В Гельсингфорсѣ по официальным свѣдѣніям убито было 39 офицеров и ранено 6; в Ревелѣ убито было 3; на Моозундской позиціи 2; в Петербургѣ — 1 и ранен был 1 **). Общую потерю в личном составѣ офицеров флота Лукомскій опредѣлялъ “в 200 человекъ, считая в том числѣ до 120 офицеров, которых пришлось отчислить от должности и убрать с судов в виду протеста команды”).

**
*

Событія в Балтійском флотѣ (особенно в Кронштадтѣ) представляютъ специфическую страницу в мартовскій період революціи. В Черноморском флотѣ, гдѣ командный пост занимал друг Непенина, адм. Колчак, мартовскіе дни протекали в совершенно иной обстановкѣ. 6 марта Колчак доносилъ Алексѣеву: “На кораблях и в сухопутных войсках, находящихся в Севастополѣ, ... пока не было никакихъ вѣдѣній проявленій, только на нѣкоторыхъ кораблях существуетъ движеніе противъ офицеров, носящихъ нѣмецкую фамилію. Команды и население просили меня послать от лица Черноморскаго флота привѣтствіе новому правительству, что мною и исполнено. Представители нижнихъ чинов, собравшіеся в

*) В петербургской газетѣ «День» в № от 13 апрѣля можно найти одобреніе по поводу появившихся в московском «Утрѣ Россіи» разоблаченій, которые нарушили «уговор» — не говорить о Кронштадтѣ. Опредѣленно грѣшила по соображеніямъ тактическимъ совѣтская коммиссія, утверждавшая в своем докладѣ, что «погибли люди, игравшіе двойную роль и тѣ, чья безпощадная, безсмысленная жестокость вызвала к себѣ гнѣвъ возставшаго народа». Слѣдственная коммиссія рѣшительно не подтвердила этого обобщенія.

**) Тактика умалчиванія привела к тому, что молва расцвѣтила событія ужасами до размѣров не бывших, что и отразилось в дневникахъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Так ген. Селивачев, со слов депутата Думы, записываетъ 28 марта, что в Кронштадтѣ перерѣзали до 1000 человекъ (редакція «Кр. Арх.» сочла нужнымъ сдѣлать, пожалуй, даже странную оговорку: «явно преувеличенная (?) цифра»). Кн. Палѣй (ея волненіе понятно, ибо в Гельсингфорсѣ былъ ея сын) также будетъ вспоминать с излишней реальностью тѣ сцены ужаса (она читала о них в тогдашнихъ газетах), которыя творились ольяненной «от крови и вина» солдатской толпой, а большевикъ матросъ Степанъ (фамиліи разобрать не мог), эпически будетъ описывать, как он и его товарищи убивали «офицеровъ второго Балтійскаго экипажа» — «много офицеровъ» убили. Не уменьшая картины «ужасовъ», все же надо сказать, что слухавъ обливанія керосиномъ и сжиганія офицеровъ, конечно, не было. Это фантазія мемуаристовъ, передающихъ чужіе рассказы (напр., Мельник-Боткина).

Черноморском экипажѣ, обратились ко мнѣ с просьбой имѣть постоянное собраніе изъ выборныхъ для обсужденія ихъ нужд. Я объяснилъ имъ несовмѣстимость этого съ понятіемъ о воинской чести и отказалъ. В населеніи Севастополя настроеніе возбужденно-мирное: было нѣсколько просьбъ, обращенныхъ толпою къ коменданту, кончившихся мирно... Большое смущеніе в войскахъ вызвала внезапность воззванія рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ объ общихъ гражданскихъ правахъ внѣ службы. В интересахъ спокойствія, дабы дать возможность занять войска не внутренними дѣлами, необходимо, чтобы Врем. Пр. объявило всѣмъ военнотружущимъ обязательно исполнять всѣ до сихъ поръ существующіе законы, покада не будутъ разработаны и утверждены правительствомъ новыя законы о бытѣ воинскихъ чиновъ”.

Официальная сводка настроеній.

В упомянутой выше официальной запискѣ, представленной ген. Алексѣевымъ правительству 14 марта и заключающей в себѣ сводку донесеній главнокомандующихъ о томъ, какое впечатлѣніе на войска произвели “послѣднія событія” и переходъ къ новому государственному строю, проводилась мысль, что перемѣна произошла “спокойно”. Конечно, официальные сообщенія, собиравшіяся до извѣстной степени в бюрократическомъ “секретномъ” порядкѣ главнокомандующими, не могутъ служить истиннымъ показателемъ настроеній массъ, ибо эти настроенія внѣшне отражались все же въ воспріятіи команднаго состава, и подобно тому, какъ представители революціонной демократіи слишкомъ часто склонны были безоговорочно говорить от имени народа, командный составъ съ той же безотвѣтственностью бралъ на себя право говорить от имени солдатъ. Къ тому же всякая сводка носитъ черты искусственности при всей добросовѣстности составителей ея. Нельзя отрицать и извѣстной политической тенденціи, сказавшейся въ общеніи, которое дѣлалось уже в Ставкѣ. Однако, приписывать этой запискѣ “боевой характеръ” политической программы, предлагаемой Ставкой Правительству, хотя и в “скрытой, иносказательной формѣ”, едва ли возможно*). Слишкомъ поспѣшило и легкомысленно дѣлать выводъ, что Ставка какъ бы требовала недопущенія евреевъ въ офицерскую среду, на основаніи того, что во 2 сиб. корп. 12 арміи въ соответствующемъ духѣ раздавались “нѣкоторые голоса” — изъ того, что в томъ же сибирскомъ корпусѣ было выражено мнѣніе о необходимости надѣленія крестьянъ землею при помощи Крест. Банка, еще не вытекаетъ обобщающій постулатъ о характерѣ земельной реформы, устанавливающей принципъ “выкупа”.

Сводка производилась по фронтамъ. “На Северномъ фронтѣ” — заключаетъ записка исп. долж. верховнаго главнокомандующаго — происшедшая перемѣна и отреченіе Государя ст. престола приняты сдержанно и спокойно. Многие къ отреченію имп. Николая II и къ отказу от престола в. кн. М. А. отнеслись съ грустью и сожалѣніемъ.. Многимъ солдатамъ манифесты были непонятны, и они не успѣли разобраться в наступающихъ событіяхъ. Во 2-мъ Сиб. корп. 12 арміи... были нѣкоторые голоса, что безъ царя нельзя обойтись, и надо скорѣе выбирать

*) Такъ сдѣлалъ Невскій в комментаріяхъ къ запискѣ, напечатанной в «Красномъ Архивѣ».

государя... В 5-ой армии наступавшія событія нѣкоторыми солдатами разсматривались, как конец войны, другими — как улучшение своего положения, а частью безразлично. Во всѣх арміях фронта многіе солдаты искренне возмущались заявленіем Совѣта Р. и С. Д. о республикѣ, как желаніи народа. Среди офицеров выясняется недовольство, возмущеніе и опасеніе, что какаѣ то самозванная кучка политиканов, изображающая собой Совѣт Р. и С. Д., не получившая никаких полномочій ни от народа, ни от арміи, дѣйствует захватным порядком от имени страны, мѣшается в распоряженія Врем. Пр. и даже дѣйствует и издает вопреки его распоряженіям. Особенно волнует попытка Совѣта вмѣшаться в отношенія между солдатами и офицерами и регулировать их помимо существующих не отмѣненных законов и законнаго войскового начальства. Выказываются пожеланія устранить Совѣты Р. и С. Д. от вмѣшательства в дѣло управления государством, так как это крайняя политическая партія, а не полномочные представители народа и арміи. Также замѣчается недовольство выдѣленіем петроградскаго гарнизона в какою-то привилегированную часть арміи, и высказываются пожеланія, чтобы войска этого гарнизона были отправлены также на фронт...*) По мнѣнію войск боевой линіи заслуга по образованію новаго строя принадлежит не петербургскому гарнизону, а избранникам народа — членам Гос. Думы, народу и всей арміи, которая *весьма сочувственно отнеслась ко всему происшедшему*".

На *Западном* фронтѣ акт об отреченіи был принят спокойно, серьезно, многими — с сожалѣніем и огорченіем. Наряду с этим перемены строя у многих связана с вѣрой в восстановленіе порядка... Солдатами новый порядок привѣтствуется... Выражалась увѣренность о прекращеніи нѣмецкаго засилія. В 9, 10 и сводном корпусѣ 2-ой арміи манифест встрѣчен отчасти с удивленіем и с сожалѣніем о Государѣ. Многіе, видимо, были поражены неожиданностью и той быстротой, с которой к нам подошли настоящія событія**). В сибирской каз. дивизіи своднаго корпуса манифест произвел удручающее впечатлѣніе. Нѣкоторыми выражалась надежда, что Государь не оставит своего народа и армію и вернется к ним. Для части солдат это впечатлѣніе смягчалось тѣм, ...что в Россіи еще не республика, относительно которой высказывались отрицательно. Однако самый переход к новой власти казаками Сиб. каз. дивизіи принят с полной покорностью. К допущенным в дни перелома эксцессам толпы к офицерам, имѣвшим мѣсто в Петроградѣ, Москвѣ и других городах, отношеніе отрицательное... Настроеніе войск бодрое. Преобладает сознаніе необходимости довести войну до побѣднаго конца...

На *Юго-Западном* фронтѣ объявленіе манифеста встрѣчено спокойно, с сознаніем важности переживаемаго момента и чувством удов-

*) Недовольство на фронтѣ этой петербургской революціонной новеллой, очевидно, было значительно — оно нашло себѣ отраженіе даже в протоколах Исп. Ком.

**) Небезынтересно сопоставить с этим запись 9 марта в дневникѣ Селивачева, бывшаго на другом фронтѣ (это большого значенія не имѣет) . «поинтересовался у командиров полков, как отнеслись нижшіе чины к отреченію Государя. На это *всѣ* отвѣтили, что отнеслись очень спокойно, а нѣкоторые прямо заявили: «Да мы, вѣдь, давно знали и ожидали». Только нѣкоторых смущает вопрос — «а что же будет с наслѣдником».

летворенія и вѣры в новое правительство*). Мѣстами в офицерской средѣ высказываются сомнѣнія, что новой власти не удастся сдержать крайніе революціонные элементы.

На *Румынском* фронтѣ происшедшія переменны войсками приняты спокойно. Отреченіе имп. Николая II на офицеров 9-ой арміи произвело тягостное впечатлѣніе. В 4-ой арміи большинство преклоняется перед высоким патриотизмом и самоотверженностью Государя... Здѣсь же манифест в. кн. М. А. встрѣчен с недоумѣніем и вызвал массу толков и даже тревогу за будущій образ правленія. Болѣе нервное отношеніе к событіям чувствуется в 3 Кав. корпусѣ, гдѣ передачу престола в. кн. М. А. склонны понимать, как врученіе регентства до совершеннолѣтія в. кн. Ал. Ник., котораго считают законным наслѣдником.

В *Кавказской* арміи к переменѣ строя войска отнеслись спокойно. В *Балтійском* флотѣ переход к новому строю принят восторженно.

В *Черноморском* флотѣ послѣднія событія встрѣчены спокойно и с пониманіем важности переживаемаго момента”.

Объективная цѣнность “лаконичных” и “туманных” характеристик официальной записки ген. Алексѣева заключается въ отсутствіи однотонности в освѣщеніи многообразных настроеній в арміи, которыя должны были имѣться и в офицерской средѣ, и в солдатской массѣ. Итог наблюденій почти совпадает с тѣми выводами, которые сдѣлал ген. Данилов в письмѣ к своим “близким” 8 марта: “Перевернулась страница исторіи. Первое впечатлѣніе ошеломляющее, благодаря своей полной неожиданности и грандиозности. Но в общем войска отнеслись ко всѣм событіям совершенно спокойно. Высказываются осторожно, но в настроеніи массы можно уловить совершенно опредѣленные теченія: 1. Возврат к прежнему немислим. 2. Страна получит государственное устройство, достойное великаго народа: вѣроятно конституціонную ограниченную монархію. 3. Конец нѣмецкому засилію и побѣдное продолженіе войны”.

5. — П р а в и т е л ь с т в о и С т а в к а.

При тѣх настроеніях на фронтѣ, которыя отмѣчала даже официальная сводка, Ставка в мартѣ не могла сдѣлаться “центром контрреволюціи”. Жизнь всемирно толкала ее на сближеніе с Временным Правительством. Первые дни, послѣдовавшіе за стабилизацией переворота, 4-6 марта, буквально заполнены настойчивыми призывами вышшаго командованія, обращенными к Правительству, — помочь и поддержать моральный авторитет начальников для того, чтобы “пережить

*) Из воспоминаній командира 9 Финл. Стрѣлк. полка Дашилова (человекъ откровенно монархическаго взгляда) можно привести нѣкоторый корректив. Данилов пишет: «Вѣсть об отреченіи Императора была встрѣчена офицерством мрачно, а солдатами недоувѣрчиво, и мнѣ... приходилось ходить по окопам и... разъяснять слова манифеста, указывая на волю Царя, которой слѣдует подчиниться тѣм болѣе, что в манифестѣ указывалось, что отреченіе принято для большаго и скорѣйшаго успѣха побѣды над врагом. Как ни тревожно встрѣтили мы манифест, но тѣм не менѣе, привыкшіе к повиновенію, безпрекословно ему подчинились». Данилов, между прочим, отмѣчает, что в его полку за все время революціи до октябрьскаго переворота не было эксцессов противъ команднаго состава.

благополучно совершающийся болѣзненный процесс в организмѣ арміи” и предотвратить армію от “заразы разложенія”, начавшагося в тылу. Поражает пассивность, с которой воспринимались эти призывы центром, хотя война и стояла в его сознаніи “на первом планѣ” (интервью Милукова).

Революціонная стихія, дѣйствительно, наступала на тыловую часть фронта. Дѣло, конечно, было не в тѣх самозванных вооруженных “депутациях”, якобы от “рабочей партіи”, а в сущности от разбѣжавшихся нижних чинов петербургскаго гарнизона, которые стали появляться в тыловых мѣстностях фронта, обезоруживая не только желѣзнодорожную полицію, но и офицеров, проясвоя аресты и освобождая заключенных — это были “неминуемые”, как признал Алексѣев, отголоски того, что было уже пережито в Петербургѣ. В официальной перепискѣ упоминалось лишь о двух таких эпизодах, которые были обобщены и которым придали совершенно несоотвѣтствующее значеніе. 2 марта штаб Западнаго фронта получил сообщеніе, что из Великих Лук на Полоцк ѣдет “депутация в 50 человек от новаго правительства и обезоруживает жандармов”. Главнокомандующій Эверт в связи с этим приказал просить Ставку “сношеніем с председателем Гос. Думы установить, как правило, чтобы о всяких командированіях на фронт сообщалось... дабы узнать, что прибывающіе не самозванцы, каких теперь будет много”. На другой день, на основаніи донесенія коменданта Полоцка, Алексѣев имѣл возможность сообщить Родзянко уже болѣе опредѣленные свѣдѣнія о характерѣ петербургской “делегации”. Прибыло “пятьдесят нижних чинов”, истребовавших от коменданта разоруженія жандармов от имени “офицера, который остался в вагонѣ”. В это время “показался на станціи взвод драгунов... и всѣ пріѣхавшіе солдаты разбѣжались, в вагонѣ же никакого офицера не оказалось...” Алексѣев убѣдительно просил “принять необходимыя мѣры, чтобы из Петрограда на фронт не появлялись банды солдат и какія либо странныя и самозванные депутации”. Родзянко лаконически отвѣтил, что “никакой делегации Врем. Ком. Г. Д. на фронт не посылал”. 4-го Алексѣев получил новое сообщеніе от нач. штаба Сѣвернаго фронта: “Прибывшіе сегодня днем из Петербурга в Рѣжицу (район 5-ой арміи) вооруженные делегаты рабочей партіи освободили вездѣ всѣх арестованных, обезоружили полицію, начали обезоруживать офицеров... Ходили даже для этого по квартирам. Примкнули нижніе чины гарнизона. Сожгли в управленіях начальника гарнизона, коменданта и в полицейских участках судныя и арестантскія дѣла. Кровапролитія и особых безпорядков не было”. Русскій просил о “срочном сношеніи с представителями власти по принятіи самых рѣшительных мѣр к прекращенію таких явленій, могущих деморализовать всю армію”. В отвѣтъ Алексѣев уведомил кн. Львова, что он предписал, “в случаѣ появленія таких шаек”, немедленно захватывать их и предавать на мѣстѣ военно-полевою суду.

Исп. Ком. Совѣта, вѣроятно, не имѣл никакого отношенія к делегатам “рабочей партіи”, появившимся в Рѣжицѣ — о полоцкой “делегации” нечего и говорить. Но дѣло осложнилось бы, если приказ 4 марта был бы примѣним к тѣм идейным агитаторам, которые стали просачиваться во фронтовые районы, и которые нерѣдко именовали

себя делегатами и уполномоченными советских учреждений, не имѣя на то официальных мандатов. Отсутствием формальностей и дезорганизацией большевицкіе дѣятели, как сами они признают в воспоминаніях, пользовались для того, чтобы снабжать “мандатами” агитационной комиссіи Исп. Ком. своих посланцев, отнюдь не стремившихся усилить “боеспособность” армии. Эти почти “неуловимые элементы” были для армии болѣе страшной язвой, чѣм революціонно-разнузданный “шайки”... Приказ Алексѣева, появившійся 8-го на столбцах “Извѣстій”, вызвал необычайное негодование петербургских большевизаствующих демагогов и долго служил центральным пунктом обвиненія и. д. верховнаго главнокомандующаго в “контр-революционности”, хотя никаких реальных поводов практическое примѣненіе распоряженія ген. Алексѣева не давало.

Рузскій, как главнокомандующій фронтом, наиболѣе территоріально близким к революціонному горнилу, был особенно заинтересован принятіем “незамедлительных мѣр центром для огражденія армии и сохраненія ея боеспособности”. Он обращался с рядом заявленій. Поддерживая его, Алексѣев в телеграммѣ военному министру 5 марта еще раз, с своей стороны, настаивал на том, чтобы “военным чинам в тылу, населенію и гражданским властям” опредѣленно было указано на “преступность вышеупомянутых дѣяній (аресты и избраніе солдатами новых начальников и т. д.) и на строгую законную отвѣтственность за совершеніе их”. Эта телеграмма была послана в 11 час. утра; в 5 час. посылается другая, адресованная уже не только Гучкову, но и кн. Львову и Родзянко: “Каждая минута промедленія в буквальном смыслѣ слова грозит роковой катастрофой... необходимо *правительственное объявленіе*, что никаких делегаций и депутацій им не посылалось и не посылается для переговоров с войсками... Броженіе начинает распространяться в войсках, ближайших к тылу. Эти волненія можно объяснить исключительно тѣм, что для массы... непонятно истинное отношеніе правительства к начальствующим лицам в армии и недоувѣріе, что послѣднія дѣйствуют согласно директивам и рѣшеніям новаго правительства. Ради спасенія армии, а вмѣстѣ с ней и родины, прошу не медлить ни одной минуты”. На другой день сам Рузскій непосредственно обращается к Львову, Гучкову, Керенскому: “Ежедневные публичныя аресты генеральских и офицерских чинов, несмотря на признаніе всемія новаго государственнаго строя, производимыя при этом в оскорбительной формѣ, ставят командный состав, верѣдко георгиевских кавалеров, в безвыходное положеніе... Аресты эти произведены в Псковѣ, Двинскѣ и других городах. Вмѣстѣ с арестами продолжается, особенно на желѣзнодорожных станціях, обезоруженіе офицеров, в том числѣ вѣдущих на фронт, гдѣ эти офицеры должны будут вести в бой нижних чинов, товарищами которых им было нанесено столь тяжелое и острое оскорбленіе и при том вполнѣ незаслуженно... При таких условіях представляется серьезная опасность разложенія армии, перед которой предстанет грозный вопрос о возможности успешной борьбы с нашим противником”. Рузскій настаивал на “авторитетном разъясненіи центральной власти” и на экстренном пріѣздѣ “довѣренных правительственных комиссаров” с цѣлью успокоить в том, что “всеми призванному новому строю никакой опасности не угрожа-

ет". Алексѣеву Рузскій жаловался в связи с получением из Петербурга совѣтскаго "приказа № 2" на то, что всѣ его телеграммы остаются "без отвѣта". В свою очередь в обращеніи к предсѣдателю Думы, к предсѣдателю Совѣта министров и к военному министру, сдѣланном почти ночью (в 11 ч. 50 м. веч.) 6 марта, послѣ телеграммы Рузскаго, Алексѣев "с грустью" жалуется, что его "многочисленные... представленія правительству по апологичным вопросам остаются без отвѣта, что дѣятельность учреждений, не имѣющих отношенія к арміи, развивается, подобные приказы малоуловимыми способами проникают в части дѣйствующей арміи, грозя разрушить ея нравственную силу и боевую ея пригодность, ставя начальников в невыразимо тяжелое положеніе отвѣтствовать перед родиной за сохраненіе нравственной устойчивости вооруженной силы и не имѣть способов бороться с потоком распоряженій, подобных приказу № 2. Или нам нужно оказать довѣріе или нас нужно замкнуть другими, которые будут способны вести армію даже при наличіи фактов, в корнѣ подтачивающих основы существованія благоустроеннаго войска".

Не возлагая надежды на правительственную инициативу, Рузскій обратился непосредственно к Совѣту — им была послана особая делегация, посѣтившая Исп. Ком. 6-го*). Дѣло касалось "крайне вреднаго" вліянія приказа № 1, который получил распространеніе на Сѣверном фронтѣ. Исп. Ком. отнесся с полным вниманіем к заявленію делегации ген. Рузскаго. Не надо забывать, что вліяніе большевиков в Исп. Ком. было невелико, и в "первыя недѣли" преобладало в нем, по выраженію Шляпникова, "эсэровское мѣщанство". Исп. Ком. сознательно отнюдь не склонен был поддерживать анархію на фронтѣ, понимая, что эта анархія падет на "собственную голову" — через анархію при неустойчивом еще положеніи "могла придти реставрація стараго порядка" (Суханов). В протоколѣ Исп. Ком. записано: "Делегация от ген. Рузскаго сообщает, что ...начинается полное неподчиненіе власти**). Положеніе крайне тяжелое. Необходим пріѣзд на фронт извѣстных, популярных общественных работников, чтобы внести хоть какое-нибудь спокойствіе в армію. По обсужденіи этого вопроса признано необходимым командировать одного представителя в Псков, задержать приказ № 2***) и послать телеграммы на фронт, разясняющія, что приказы

*) 3 марта к Рузскому поступил какой-то письменный запрос от имени Исп. Ком. за подписью Бонч-Бруевича (к сожалѣнію, его нѣтъ в опубликованных матеріалах), в отвѣтъ на который главком Сѣверным фронтом телеграфировал: «...Я и подчиненные мнѣ арміи и воинскіе чины вполне приняли нынѣ новое существующее правительство до рѣшенія Учр. Соб. об образѣ правленія. Прошу содѣйствія, чтобы уполномоченные и другія лица Комитета, прибывающіе в предѣлы Сѣвернаго фронта, предварительно обращенія к рабочим и войскам, обращались ко мнѣ, дабы можно было бы установить полную связь между дѣйствіями центральной и мѣстной власти». Заканчивал Рузскій словами: «желателен ваш пріѣзд сюда».

**) Естественно, делегация для воздѣйствія на членов Исп. Ком. нѣсколько муссировала критическое положеніе на фронтѣ.

***) Рузскій уже 4-го сообщал о нем Алексѣеву и отмѣчал соответствіе его 7 п. правительственной деклараціи, опубликованной 3-го. Рузскій указывал на опасность формулировки «предоставленія солдатам всѣх общественных прав без соответственных опредѣлений деталей». Необходимо «беззамедлительное разясненіе и точное установленіе особым приказом взаимоотношенія офицеров и нижних чинов». Алексѣев тотчас же телеграфировал

№№ 1-2 относятся к петроградскому гарнизону, а по отношению к армии фронта будут немедленно выработаны особые правила в соответствии с основным положением нового государственного строя*).

Гучков в воспоминаниях говорит, что он 4-го (3-го был занят отречением) телеграфировал в Ставку, прося принять мѣры против распространения “приказа № 1”. В опубликованных документах это распоряжение военного министра не нашло себѣ никакой отмѣтки, но, как мы видѣли, имѣются указанія противоположнаго свойства. Из центра на “приказ № 1” по собственной инициативѣ реагировал только Пуришкевич, пославшій главнокомандующему Западным фронтом телеграмму: ... “распространяемый агитаторами на фронтѣ приказ № 1 Совѣта Р. и С. Д. о неповиновеніи солдат офицерам и неисполненіи распоряженій новаго временнаго правительства является злостной провокаціей, что удостовѣрено особым объявленіем министра юстиціи Керенскаго и предсѣдателя Совѣта Р. и С. Д. Чхеидзе, напечатанным в № 7 “Извѣстій” комитета петроградских журналистов от 3 марта, а также в “Извѣстіях Совѣта Р. и С. Д.”. Пуришкевич рѣшительно все перепутал, ибо заявленіе, на которое он ссылался, касалось вовсе не “приказа № 1”, а той прокламаціи, которая была выпущена группой “междурайонных” и “лѣвых” с.-р. 1 марта и распространение которой, как мы говорили, пытался задержать Исп. Ком. Ген. Эверт запросил указаній Ставки: надлежит ли телеграмму члена Гос. Думы объявить в приказах арміям?

При сопоставленіи отправленной Алексѣевым поздно вечером 6-го телеграммы, в которой он говорил о неполученіи отвѣтов от правительства и необходимости или довѣрія или смѣны начальников, с вечерним же болѣе ранним разговором по юзу с Львовым и Гучковым бросается в глаза противорѣчіе — Львов опредѣленно освѣдомляя нач. верх. штаба: “сегодня ночью выѣзжают на всѣ фронты официальные депутаты Думы, вчера было напечатано объявленіе от Врем. Правит. гражданам, сегодня печатается такое-же обращеніе к войскам”. Но это противорѣчіе только кажущееся. В дѣйствительности никакого отвѣта на тѣ реальныя проблемы, которыя стали перед фронтом, командованіе не получило. Одно только — Гучков “убѣдительно” просил еще 4 марта “не принимать суровых мѣр против участников безпорядка”: “они только подольют масло в огонь и помѣшают тому успокоенію в центрѣ, которое теперь наступает. Без центра мы не успокоим и фронт”. Договориться в данном случаѣ оказалось невозможным, так как Гучков прервал бесѣду, будучи “слѣшно вызван в Совѣт министров”. Психологію момента Гучков, конечно, учитывал правильно, и всетаки остается непонятным, почему ни Правительство, ни военный министр в частности не выступили с рѣшительным протестом и формальным запретом тѣх сепаратных дѣйствій самочинных делегацій, против которых зывало фронтовое командованіе.

Внутренне Алексѣев негодовал. Значительно позже, когда Алексѣев

Гучкову, что необходимо, если «не полное уничтоженіе пункта седьмого программы (соглашеніе 2 марта), то совершенная переработка редакціи ея с точным разграниченіем прав и обязанностей солдат».

*) Приказ № 2 (о сущности его скажем ниже) не мог быть задержан, так как он был уже передан по радіо.

был отстранен от руководства армией, он писал находившемуся в отставке ген. Скугаревскому: “за этот “контр-революционный” приказ разнуданная печать... требовала в отношении меня крутых мѣр. Комѣ правительством был командирован генерал, имя котораго послѣ возрожденія нашей арміи будет записано на позорную доску, чтобы убѣдить меня в необходимости отменить приказ” (в своем дневникѣ Алексѣевъ пояснил, что здѣсь имѣется в виду Поливанов). Молчаніе правительства приводило к тому, что весь одіум борьбы с эксцессами революціи на фронтѣ во внѣ, в сознаніи широких кругов “революціонной демократіи”, вновь переносился на реакціонность Ставки. В запоздалых (сравнительно с требованіями фронта) правительственных воззваніях к арміи, появившихся 8 и 9 марта, признавалось, что перемены в армейском быту могут происходить лишь распоряженіем правительства, что повинованіе — основа арміи, что “глубоко прискорбны и совершенно неумѣстны” всякія самоуправства и оскорбительныя дѣйствія в отношеніи офицеров, героически сражавшихся за родину, и без содѣйствія которых “невозможно укрѣпленіе новаго строя”, но в этих воззваніях не было того конкретнаго, чего требовала армейская жизнь. Словъ говорилось уже достаточно. Что это безволіе, диктуемое “психозом свободы” — своего рода болѣзнь времени или боязнь раздражить лѣваго партнера, с которым представители военного министерства договорились в учрежденной уже так называемой поливановской комиссіи по реформированію армейскаго быта? Отсутствіе времени для продуманнаго дѣйствія в лихорадочной обстановкѣ общественнаго кнѣвнїя?*)).

Мы знаем, как сами члены Правительства в официальных бесѣдах с представителями высшаго военнаго командованія на фронтѣ объясняли свое поведеніе — напомним, что Львов жаловался Алексѣеву 6-го: “догнать бурное развитіе невозможно, событія несут нас, а не мы ими управляем”, а Гучков в письмѣ 9-го, помѣченном “в. секретно”, “в собственныя руки”**), пытался “установить одинаковое пониманіе современнаго положенія дѣл, считаясь в оцѣнкѣ послѣдняго лишь с жестокой дѣйствительностью, отбросив всякія иллюзіи”, давал свою знаменитую характеристику безсилія Врем. Правительства: “Врем. Пр. не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряженія осуществляются лишь в тѣх размѣрах, как допускает Совѣт Р. и С. Д., который располагает важнѣйшими элементами реальной власти, так как войска, желѣзная дорога, почта и телеграфъ в его руках. Можно прямо сказать, что Вр. Правит. существует лишь, пока это допускается Совѣтом Р. и С. Д. В частности, по военному вѣдомству нынѣ представляется возможным отдавать лишь тѣ распоряженія, которыя не идут коренным образом вразрѣзъ с постановленіями вышеназваннаго Совѣта”. Хотя военный министр и просил врем. и. д. наштоверха “вѣрить, что дѣйствительное положеніе вещей таково”, едва ли надо еще раз

*) И, однако, в засѣданіи правительства, на которое был вызван так спѣшно Гучков, что Алексѣеву пришлось прервать свой доклад, когда впервые остро был поставлен вопрос об арміи, обсуждались такіе «спѣшные» для момента вопросы, как вопрос о прекращеніи дѣла об убійствѣ Распутина, об стѣнѣ ограниченій при приѣмѣ евреев в высшія учебныя заведенія и т. д.

**) Секретный характер письма объясняется, вѣроятно, и тѣм, что в нем дается пессимистическая картина невозможности своевременно выполнить боевыя заданія, возлагаемая войной на тыл.

подчеркнуть, что Гучков безконечно преувеличивал: тѣ дефекты, которые существовали в организаци власти, и совершенно игнорировал тогда тот моральный авторитет и ту исключительную популярность, которые имѣло в странѣ в первые дни революціи, а, может быть, и недѣли, Временное Правительство. Думается, объясненіе надо искать в другом — в извѣстном гипнозѣ, порожденном событіями. Казалось, что Петербург в революціонное время — это пуп русской земли*). Надо добиться положительных результатов в центрѣ — все остальное приложится само собой; мысль эту и выразил Гучков в болѣе раннем разговорѣ с Алексѣевым.

Централистическая гипертрофія приводила к тому, что взаимоотношенія Правительства и Ставки устанавливались разговорами по юзу, командировками офицеров, «освѣдомленных... в деталях создавшейся в Петербургѣ обстановки» и т. д., и не являлась даже мысль о необходимости в первые же дни непосредственнаго свиданія для выработки однородной совмѣстной тактики. Казалось бы, что это было тѣм болѣе необходимо, что военная психологія (не кастовая, а профессиональная) неизбежно должна была расходиться с навыками общественными. Много позже, будучи временно не у дѣл в Смоленскѣ, ген. Алексѣев писал Родзянко (25 іюля): ...«Я сильно отстал и психологич дѣятелей нашей революціи постичь не могу». Дѣло не в том, что Алексѣев «отстал» — он был, конечно, органически чужд тому революціонному процессу, который происходил. Лишь присущій ему особо проникновенный патриотизм сдѣлал его «революционером» и заставил его приспособляться к чуждому міру. «Цензовая общественность» — думскій политическій круг должен был служить мостом к общественности революціонной, которая своими крайними и уродливыми подчас проявленіями должна была отталкивать честнаго военнаго дѣятеля, отдавашаго душу свою исполненію долга во время войны и боявшагося, что «соціалистическія бредни» заслѣпят собой «Россію и родину».

Необходимость контакта почувствовал и Гучков, когда писал свое конфиденціальное сообщеніе 9 марта. И тѣм не менѣе военный министр незамедлительно не выѣхал в Ставку и не вызвал к себѣ ген. Алексѣева: «подробности современнаго положенія дѣл вам доложат — писал Гучков — командиремые мною полк. Соттеруп и кн. Туманов, выполнѣ освѣдомленные... в деталях создавшейся в Петроградѣ обстановки, ибо оба названные штаб-офицера находились с первых же дней революціи в Гос. Думѣ и в близком общеніи, как с членами Врем. Правит., так и членами Совѣта Р. и С. Д.». Сам же Гучков, выѣхавшій на другой день на фронт, начал свой объѣзд с периферіи. 11 марта он был в Ригѣ — в районѣ 12 арміи Радко Дмитріева**). 13-го прибыл в Псков, гдѣ «сразу же было... совѣщаніе... но вопросам,

*) Ушедшій с исторической сцены Император назвал в одном из писем менѣ Петербург лишь «географической точкой». Он не дооцѣнивал политическаго значенія столицы, Гучков и вмѣстѣ с ним другіе — преувеличивали это значеніе.

**) Болдырев рассказывает, что распространился слух, что Гучков будет убит по постановленію «террористической» партіи, но, «конечно, никакого покушенія не было». На всякій случай «по городу предусмотрительно был установлен конный наряд».

связанным с брожением в войсках". "Гучков — записывает в дневник Болдырев — как единственное средство успокоения, рекомендует различные уступки"; "Мы не власть, а видимость власти, физическія силы у Совѣта Р. и С. Д.". "Безпомощность" Врем. Пр. — странный тезис в устах представителя власти на фронтѣ — была основной темой рѣчи военного министра и на послѣдующих совѣщаніях, и на разных фронтѣх: через двѣ недѣли почти в таких же выраженіях говорит он и в Минскѣ: "мы только власть по имени, в дѣйствительности власть принадлежит нѣскольким крайним социалистам, водителям солдатской толпы, которые завтра же нас могут арестовать и разстрѣлять (в записи Лейера, которую мы цитируем, не упоминаются Совѣты, как таковые). Что это: реалистическая опѣйка безвыходнаго положенія*), или совершенно опредѣленная тактика, подготовлявшая среди команднаго состава, пріятнаго переворот, осуществленіе плана, который намѣтил себѣ Гучков?

Только 17-го собрались поѣхать в Ставку члены Правительства. Свѣдѣнія об этой поѣздкѣ в печать проникли очень скудно. В "Рус. Вѣд." довольно глухо было сказано, что "линія общей работы найдена". Лукомскій в воспоминаніях передает лишь внѣшнія черты посѣщенія революціонными министрами Ставки, зафиксировавъ момент пріѣзда, когда министры по очереди выходили на перрон из вагона и, представляясь толпѣ, говорили рѣчи: "совсѣм как выход парей в опереткѣ" — сказал кто-то из стоявших рядом с генералом. Повидимому, декларативных рѣчей было сказано не мало**). Возможно, что декларативной стороной и ограничился главный смысл посѣщенія министрами Ставки... Как видно из "секретнаго" циркулярнаго сообщенія, разосланнаго за подписью Лукомскаго, в Ставкѣ 18-го происходило дѣловое совѣщаніе с "представителями центрального управленія" для выясненія вопросов "боеспособности арміи". Совѣщаніе пришло к выводу, что Правительство должно "опредѣленно и ясно" сообщить союзникам, что Россія не может выполнить обязательств, припѣтых на конференціях в Шантильи и Петроградѣ, т. е., не может привести в исполненіе намѣченнаго весной активнаго операціи. Деникин, со слов ген. Потапова, передает, что Правительство вынесло отрицательное впечатлѣніе от Ставки. Если не по воспоминаніям, то по частным письмам того времени — и с такой неожиданной стороны, как в. кн. Серг. Мих. — вытекает, что само правительство в Ставкѣ произвело скорѣе хорошее впечатлѣніе. 19 марта Серг. Мих. писал: "всѣ в восторгѣ, но кто покорил всѣх, так это Керенскій".

*) Припомним, что Врангель дал противоположную характеристику позиціи военного министра.

**) В моих замѣтках того времени, со слов одного из присутствовавших уже при отъѣздѣ министров, записана такая жанровая сценка: ...Поѣзд усиливает свой ход, колеса стучат — все сильнѣе и сильнѣе. С вагонной площадки министр ил. д. говорит прощальную рѣчь. За грохотом не слышно на перронѣ ни его слов, ни его охрипшаго от рѣчей голоса. Смѣняются ряды гублики, а министр с площадки говорит, говорит...

II. Революція и война.

1. — С и м п т о м ы р а з л о ж е н і я .

Временному Правительству и верховному командованію предстояло практически разрѣшить проблему исключительно трудную — сочетать стремленія революціи с задачами продолжающейся войны. В предфевральскіе дни сознаніе сложности этой проблемы при сохраненіи жизненных интересов страны, конечно, не чуждо было представителям социалистических партій — за исключеніем, быть может, упорных догматиков крайняго толка. Страха перед возможной катастрофой клал преграду революціонной пропагандѣ и мѣшал “подлым софистам” (по выраженію Ленина) приложить провозкацію, т. е. преждевременно, свою печать к грядущим событіям.

Фронт не мог быть изолированным оазисом в атмосферѣ той психологии фаталистически неизбежнаго, которая охватила накапунѣ стихійно разыгравшихся событій все круги и все слои русской общественности и обостряла до крайности напряженность ожиданій народных масс... “Недовольство в народѣ становится сильнѣе и сильнѣе... Революція неминуема” — это запись 2 февраля в дневникѣ боевого генерала на фронтѣ — Селивачева (8 марта, послѣ событій, Селивачев записал: “несомнѣнно, что послѣ войны революція была бы болѣе кровавая, а теперь — провинція просто таки присоединилась”).

Как уже указывалось, перелюстрированные солдатскія письма с фронта в значительной степени можно было бы охарактеризовать выраженіем в одном из этих писем: “Мы стоим на порогѣ великих событій”. Среди перелюстрированного департаментом полиціи матеріала имѣется документ, представляющій особый интерес, ибо он был переслан в Ставку военным министром Вѣляевым для ознакомленія войсковых начальников. Задержанное “письмо” с фронта, написанное партійным человѣком большевицкаго склада мыслей, набрасывало цѣлую программу революціоннаго выступленія *послѣ войны*, окончаніе которой “скоро или не очень скоро” несомнѣнно приближается. Все наблюденія, которыя автор вынес из своих скитаній “по запасным батальонам и по фронту”, приводили его к заключенію, что у правительства может и не оказаться силы для подавленія неизбежных рабочих и крестьянских “беспорядков”. Армія в тылу и “в особенности на фронтѣ, полна элементов, из которых одни способны стать активной силой возстанія, а другіе могут лишь отказаться от усмирительнаго дѣйствія”. Весь этот “революціонный элемент” надо спаять для того, чтобы поднять знамя солдатскаго возстанія. Ген. Клембовскій (п. д. нач. шт. верх. главнок.) разослал “совершенно секретно в собственныя руки” начальников предложение военнаго министра дать отзыв о намѣченном министерством агитаціонном планѣ “всеми зависящими средствами” парализовать в зародышѣ “преступную работу” в арміи. Мы знаем только отвѣтъ Рузскаго, высказавшагося против устройства в войсках бесѣд на политическія темы, ибо это приведет лишь к “опасности возникновенія в арміи болѣе интенсивных подпольных теченій”. “До настоящаго времени в воинском строе проводится взгляд, что армія должна стоять внѣ политики и поэтому не слѣдует “искусственно привлекать ея вниманіе к этому вопросу”. Рузскій подчеркивал, что единственным

средством борьбы с революционной пропагандой является изжитие “тяжелого кризиса внутренней жизни страны...” “нельзя упускать из виду, что современная армия... представляет собой однородную с прочим тыловым населением массу и естественно отражает в себя те настроения, помыслы и стремления, которые суммируются в другой половине ее”.

Были попытки представить революцию плодом “отрицания войны”. Эту аргументацию по соображениям больше политическим, нежели в соответствии с фактами, развил в первом и единственном заседании Учред. Собрания официальный докладчик партии с.-р. о “мире” — Тимофеев. Первое слово Учр. Собр. должно быть о “мире” — этом “чаянии измученного, истомленного войной трудового народа”. Оратор старался вырвать приоритет у большевиков своими рискованными безоговорочными утверждениями. Для Троцкого в “истории” революции главным лозунгом февральских дней остается лозунг: “долой войну”...

Отдельными иллюстрациями, взятыми из жизни — сложной и многообразной, пожалуй, почти всегда можно подтвердить любой тезис и в особенности тогда, когда речь идет о неумовимой с точки зрения статистических выкладок народной психологии. В истории не может быть фактически принят сомнительный сам по себе метод американских “институтах общественного мнения”. Обобщающие впечатления современников могут быть ошибочны и субъективны, как, напр., уверенность будущего правительственного комиссара при Верховной Ставке Станкевича — для него “несомненно”, что “переворот был вызван народным опущением тяжести войны”^{*)}; столь же “ясно” было и будущему военному министру Верховскому, что массы поняли революцию, “как немедленное прекращение войны”. “Когда пришли к нам и сказали о великом перевороте, все солдаты сказали: “славу Богу, может быть, теперь мир скоро будет заключен” — вспоминал на совещании Советов 30 марта Остроумов, солдат большевизма уже склада, явившийся “прямо из окопов”. Военной генерал Селивачев, несколько пессимистичный в записях своего дневника, скажет с своей стороны, что “совершившийся переворот притянул к себе мысли армии, которая безусловно ждала, что с новым правительством будет окончена война”. Еще определеннее было мнение Набокова, принадлежавшего к числу тех, которые полагали, что одной из причин революции было утомление от войны и нежелание ее продолжать. Но только мнение это сложилось уже в процессе революции и сильно отражало в себе слишком субъективное восприятие действительности. В сознании Набокова вырисовывался единственно разумный выход — сепаратный мир^{**}).

^{*)} Станкевич центр тяжести из области проявления «народной души», не принимавшей войны, переносит в область объективных материальных данных. Он утверждает, что после речи ген. Корнилова в Исп. Ком. «все заколебались в возможности продолжения войны»: разстройство транспорта, тиф и цинга, свирепствующие на фронте в силу чрезвычайного недостатка продуктов и т. д. Хотя поздравление Корнилова относилось к до-революционному времени, «ясно» было, что дело должно было в этом отношении «лишь ухудшиться». Вывод мемуариста, на преувеличенно-сгущенном фоне фактов, едва ли может быть признан обоснованным.

^{**}) Мемуарист вспоминает письмо, полученное им с фронта от гр. Игнатъева. Корреспондент писал, что надо отдать себе отчет в том, что война кончилась, потому что армия «стихийно не хочет воевать»: Умные люди должны придумать способ ликвидации войны безболѣзненно, иначе

Набоков высказал свое убеждение Милукову, который “рѣшительно” не согласился, однако, с этим и считал, что “без войны скорѣй бы все разсыпалось”.

Наличія таких разговоров не отрицает и официальная сводка Алексѣева — их слышали, как было упомянуто, депутаты Янушкевич и Филоненко, в *одном* полку первой арміи при объѣздѣ Сѣвернаго фронта. Командующій 5-ой арміей на Сѣверном фронтѣ Драгомиров в донесеніи Рузскому 29-го марта совершенно ясно опредѣлил эту психологию “опаснаго свойства”, которая стала замѣчаться в его арміи послѣ “нѣкотораго успокоенія” “в первые дни”, и которая свидѣтельствовала, по его мнѣнію, об упадкѣ боевого настроенія. “Первые дни подряд — писал Драгомиров — ко мнѣ приходили полки, стоявшіе в резервѣ, с заявленіем своей готовности по первому моему требованію итти, куда угодно, и сложить голову за родину”. На практикѣ “крайне неохотно отзывались на каждый приказ итти в окопы”^{*}). “Всѣ немцы слѣдуют обращены па тыл. Каждый только думает о том, скоро ли ему очередь итти в резерв, и всѣ мечты сводятся к тому, чтобы быть в Двинскѣ. За послѣдніе дни настойчиво живут мыслью, что они достаточно воевали, и пора их отвести в далекіе тыловые города, а на их мѣсто поставить войска Петроградскаго округа и других больших городов”.

Большевицкіе изслѣдователи спѣшат (не слишком ли опрометчиво!) сдѣлать вывод: мир — “таков был первый непосредственный *вывод* *каждаго* солдата”, получившаго извѣстіе о революціи. Правда, сама по себѣ это нѣсколько иная постановка вопроса, нежели та, что формулируется словами: “под знаком отрицанія войны родилась русская революція”. Подобная концепція связана с утвержденіем, принявшим, естественно, парадоксальный вид у Третьякова: “Революція обнаружилась то, что случилось до нея”... “безнадежно было нравственное состояніе. Его можно опредѣлить так: арміи, как арміи, уже не было”. Парадокс поддержал Чернов: новой властью армія “была унаследована от старой в состояніи еле сдерживаемаго разложенія. Не революція разложила армію. Противоположное мнѣніе основано на том, что только послѣ революціи это подспудное разложеніе дѣйком вышло наружу”. Тайное стало явным. “Что раньше проявлялось в ней спорадически, в видѣ отдѣльных внезапных судорожных конвульсій, то проступило ясной для всѣх наружной силой”... Этот тезис развивал и Керенскій в воспоминаніях, предназначавшихся для иностранных читателей — он утверждал, что в арміи к 17 году исчезла “всякая дисциплина”. Еще раньше, в качествѣ формальнаго главы революціонной арміи, на московском Государств. Совѣщаніи, Керенскій шел дальше и называл старую армію, связанную “ненавистными цѣпями механическаго принужденія”, “тѣлом на глиняных ногах и почти без головы”.

Конечно, отрицать наличность до революціи явленій, которыя мо-

произойдет катастрофа». Набоков показал письмо военному министру. Тот отвѣтил, что он получает такіа письма массами и приходится «надѣяться на чудо».

^{*}) Любопытно, что наиболее яркій случай отказа «итти на позиціи» в 5-ой арміи, считавшейся командным составом наименѣе «благополучной» со стороны эксцессов (арест офицеров), связан с такой бытовой деталью: полк считал несправедливым итти в окопы в пасхальную ночь, так как он стоял на позиціи в эту ночь в предшествующем году.

гут быть отнесены к числу признаков “разложения” армии на фронте, не приходится, равно, как и зарождение “солдатской вольницы” в тылу. Соответствующие примѣры могут быть многочисленны, начиная со свидѣтельства ген. Крымова, прїѣхавшаго с фронта и утверждавшаго в Петербургѣ среди общественных дѣятелей (по крайней мѣрѣ в передачѣ Родзянко — явно преувеличенной) за нѣсколько мѣсяцев до переворота, что армія “постепенно разлагается” и что “в теченіе зимы может просто покинуть окопы и поля сраженія”. “Из сказаннаго ясно — замѣчает мемуарист Родзянко — что почва для окончательнаго разложенія арміи имѣлась на лицо задолго до переворота”... Еще болѣе мрачную картину “разложенія арміи” в концѣ 16 г. набрасывала записка петербургскаго жанд. управленія в октябрѣ 16 г., передавая отчасти наблюденія кадетских парламентаріев и уполномоченных земскаго и городскаго союзов, рисующих “чудовищную картину жизни тыла и настроенія войск”, которая предвѣщает “скорый конец войны”. В этих наблюденіях, переданных через жандармских освѣдомителей, “моральное разложеніе” войск смѣшивается подчас с ростом в них настроеній революціонных... Очевидно, это не одно и то же. И записка сама совершенно парализует свой вывод, сообщая наблюденія тѣх же “уполномоченных”, что “дух арміи был бы великолѣпен, если бы был хотя нѣсколько выше состав офицеров”...

Останемся в предѣлах понятія “разложенія арміи” в прямом смыслѣ слова. Каждый лишній день войны, дававшій пищу для “пораженческой” пропаганды, должен был усиливать симптомы, грозившіе цѣлости и боеспособности арміи, как это наблюдалось на всѣх фронтах сражавшихся держав*). Но не всякая заразная бактерія, вошедшая в организм, обязательно приводит к болѣзни. Болѣзь возникает всетаки тогда, когда бактерии захватывают весь организм, т. е. то да, когда организм перестает сопротивляться. Было ли это в русской арміи наканунѣ переворота? Конечно, нѣтъ. Неужели не прав был Алексѣев, отнюдь не скрывавшій болѣзненных симптомов в жизни старой арміи и говорившій в критическій момент революціи на августовском московском Госуд. Совѣщаніи, что в “руки новой власти поступила армія, которая способна была выполнить и далѣе свой долг и вести многострадальную Россію к скорому окончанію войны”. Это была армія относительно “прочная и твердая”, сохранившая свою “внутреннюю дисциплину” и сознаніе своих “нравственных обязанностей”, несмотря на всѣ, быть может, тѣневые стороны своего быта. Опровергать это положеніе могут публицисты и политики, но не историки. “Смѣшно и нелепо”, по мнѣнію Чернова, сваливать вину за разложеніе арміи на революцію, но с еще большим правом такіе эпитеты могут быть приложены к утвержденіям противоположнаго характера. Факт слишком очевиден: если не февральскій переворот сам по себѣ, то дальнѣйшій ход революціи содѣйствовал постепенному распаду арміи — вовсе не надо быть “реакціонером”, как думает Керенскій, чтобы “поддерживать”

*) Иллюстрацію дают воспоминанія Пуанкарэ. Историк германской революціи Шребель, принадлежащій к числу «лѣвых» социалистов, так охарактеризовал в своей работѣ «развал германской арміи»: он «начался не с июльских дней 1918 года; он медленно, но неуклонно подготовлялся на протяжении нѣскольких лѣтъ. Безконечная длительность войны, позиціонная война и походная жизнь подточили боевую силу и поколебали дух арміи».

подобную версию. Однако, всё преувеличения, как в ту, так и в другую сторону, надо отнести в плоскость обостренного чувства восприятия современников или позднейшей политической полемики*). На военном совещании в Ставке 17-18 дек. шестнадцатого года, исполнявший тогда временно обязанности Алексея ген. Гурко на пессимистическую оценку Рузского исключительно неблагоприятных условий, в которых находится Сѣверный фронт, имѣющій такое распропагандированное глѣздо, как Рига, сдѣлал, как видно из официального протокола, замѣчаніе, что, если бы дѣйствительность вполне соответствовала этому пессимизму, то противник давно прорвал бы фронт**). В параллель к той трезвой оцѣнкѣ, которую давал Гурко на декабрьском совещании в Ставке, можно сказать, что вопреки многочисленным авторитетным свидетельствам военных специалистов, фронтовые арміи, несмотря на всё послѣдующіе эксперименты, которые производили над ними кентальскіе выученики, в течение восьми мѣсяцев революціи сохраняли боевыя возможности до послѣдняго дня своего существованія***), т. е. в течение всего до-большевизскаго періода революціи организм арміи противодѣйствовал заразным бактеріям.

Наиболѣе ярким проявленіем разложенія арміи должно было явиться дезертирство с фронта. Современная молва до февральской революціи доводила это явленіе в старой арміи в годы войны до колоссальной цифры в 2 милліона чел. Ген. Гурко в своих воспоминаніях называет подобное утвержденіе «легендой», — и это дѣйствительно было легендой, родившейся в дни военных неудач в 15-м году****). Припомним заявленія министра вн. д. Щербатова в исторической обстановкѣ, царившей в Совѣтѣ Министров в дни лѣтняго кризиса и описанной в протокольных записях Яхонтова, заявленія о «новальпой» сдачѣ в плѣн под вліяніем пораженческой пропаганды. Военные историки

*) Чернов спорит с Деникиным, Керенскій с Милюковым. Послѣдній «в виду опубликованія большевиками новых архивных документов» вынужден был послѣ длительной полемики внести «оговорку» в свое изложеніе, отрицающее революціонную концепцію Керенскаго. («Еще факты». «Посл. Нов.» 17 ноября 27 г.). Соответствующая поправка сдѣлана в «Россіи на переломѣ» — в грудѣ, в котором Милюков стал приближаться к традиціонной «революціонной» концепціи.

***) Обобщеніе в каждом отдѣльном случаѣ требует критическаго анализа и слѣдующей за ним оговорки. Наглядную иллюстрацію можно найти в утвержденіях, раздававшихся на декабрьском совещаніи в Ставке. Брусиллов, подтверждая замѣчанія Рузскаго, приводил в качествѣ примѣра 7 Сиб. корпус, прибывшій на юго-западный фронт из рижскаго района «совершенно распропагандированным, люди отказывались идти в атаку; были случаи возмущенія, одного ротнаго командира подняли на штычи, пришлось принять кругія мѣры, разстрѣлать нѣсколько человекъ, перемѣнить начальствующих лицъ, и теперь корпус приводится в порядок». А вот полк. Никитин в качествѣ офицера при нѣм. штаба 7 арміи, гдѣ корпус приводился в порядок, имѣвшій возможность «спеціально» и «близко» наблюдать 7 Сиб. корпус в дѣйствиці, дает совершенно иную характеристику поведенія «неадекватнаго» корпуса перед революціей в условіях позиціонной борьбы, тяжелѣе которых «трудно придумать»: под Бржезанами «полк не дрогнул» — «дух героя командира (ген. Ступина), дух старого русскаго солдата был с ними»...

****) См. мою книгу «Как большевики захватили власть».

*****) Не трудно найти и источник легенды — это записка членов Особого Совѣщанія, исчислявшая потерю «людовскаго запаса» в 2 милл. — военно-обязанных, оставшихся в занятых непріателем областях, уклонившихся, эмигрантов и пр.

старой школы присоединяются к мнѣнію ген. Гурко и склонны ограничиться признаніем лишь скромной официальной цифры дезертиров — около 200 т. Но метод измѣняется, когда дѣло касается революціи — здѣсь вѣдь всякой статистики старая ходячая цифра в 2 милл. выступает, какъ нѣчто-несомнѣнное: проф. Перс, прикомандированный к русской арміи и имѣвшій связи в общ. кругах, утверждает даже в предисловіи к книгѣ Керенскаго, что двухмилліонной цифрѣ дезертирство достигло в первые два мѣсяца революціи. Откуда заимствовалъ англійскій историк свои свѣдѣнія? Вѣроятно, он механически повторилъ ходячую цифру, ибо в основной своей работѣ он ссылается только на свои личныя воспоминанія — так, очевидно, “говорили”. 2 милліона в два мѣсяца — это чрезвычайная гипербола, которую ввел на страницы своихъ историческихъ работъ о русской революціи и ген. Голенин*). В концѣ концовъ реальныхъ данныхъ, свѣдѣтельствующихъ об увеличеніи в революціонное время дезертирства по сравнению съ тѣм, что было до переворота, нѣтъ. Если бы уже в мартѣ происходило такое массовое бѣгство с фронта, которое было облегчено отсутствіемъ надзора в тылу, то не сталъ бы Алексѣевъ в официальном рапортѣ в апрѣлѣ отмѣчать фактъ недѣльнаго дезертирства (с 1 по 7 апрѣля) с Сѣвернаго и Западнаго фронта в размѣрѣ 8 тыс. человекъ. Очевидно, эта цифра казалась выходящей изъ ряда обычныхъ. “Эпидемія дезертирства” в революціонное время носила нѣсколько специфическій характеръ — это было какъ бы дезертирство “временное”, мотивомъ котораго являлось опасеніе, что солдаты на фронтѣ при даровомъ раздѣлѣ земли останутся безъ пады. Черту эту отмѣтилъ на Сѣверномъ фронтѣ Рузскій, жаловавшійся в письмѣ в Ставку 17 марта на “значительное дезертирство” в его арміи, оговариваясь, что точныхъ свѣдѣній об этомъ явленіи пока не имѣется. Говоритъ об этомъ Перс, изображая дѣло в крайне преувеличенномъ видѣ и объясняя пропагандой большевиковъ, призывавшихъ армію расходиться для того, чтобы принять участіе в раздѣлѣ земель. В первые два мѣсяца вліяніе большевиковъ на армію было совершенно незначительно, и оставленіе фронта никогда массоваго характера не имѣло. Любопытен фактъ, отмѣченный нѣкоторыми членами Врем. Комитета, вѣдшими на фронтъ, что временные “де-

*) Для двухмилліоннаго исчисленія дезертировъ во время революціи онъ примѣнилъ такую своеобразную статистику. Взявъ общую цифру 15 милл. призванныхъ к 1 ноября 17 г. и исключивъ соотвѣтствующія цифры убитыхъ (убитыхъ, раненыхъ, пленныхъ) и наличный составъ дѣйствующей арміи и запасныхъ ея частей, онъ получилъ недочетокъ в 1½ милл. человекъ. Это и есть, по его мнѣнію, дезертиры; прибавивъ сюда официальную цифру дезертировъ в 365 т. и 400 т. укрупнившихся в разныхъ революціонныхъ военныхъ комитетахъ, онъ получилъ цифру в 2 милліона!! И нѣтъ дѣла военному историку до несовершенства официальной военной статистики, сдѣлавшейся еще болѣе случайной в бурные годы революціи. игнорируетъ онъ и фактъ, установленный всѣми правительственными войсковыми комиссарами, что в дни наступленія «дезертиры» изъ числа членовъ исполнительныхъ комитетовъ, в подавляющемъ большинствѣ случаевъ оказывались в первыхъ рядахъ активно сражавшихся. Насколько произвольна военная статистика, руководящаяся головинскимъ принципомъ исчисленія, видно изъ расчисленій другого всезнающаго историка Керсановскаго, который весь «недочетокъ» для догероическаго времени относитъ в рубрику убитыхъ.

Соотвѣтствующій матеріалъ дается в моей книгѣ «Легенда о сепаратномъ мирѣ».

зертиры”, возвращаясь в полк и узнав о продлении срока явки дезертиров, объявленном правительством, “немедленно бѣгут обратно на родину”.

Если бы “армія” не было к моменту революціи, она при стихійном напорѣ и неизбежности еще большаго паденія дисциплины, развалилась бы в нѣсколько дней или недѣль. Внутренняя сопротивляемость “хрушкаго организма” арміи свидѣтельствует о ея дореволюціонной крѣпости. Нѣмцы из окопов кричали: “Русь капут. Русь революція” — передает в своей записи 12 марта бытовую сцену на одном из участков фронта ген. Цихович. Как же реагировала на первых порах на это “Русь” — уже революціонная? Отнюдь не сочувственными возгласами: долой войну — лозунгами, запечатлѣнными будто бы в сердцахъ каждаго солдата еще до переворота. Можно привести сотни примѣров, почерпнутых из источниковъ разнаго происхожденія. Обратимся к цитированному уже “письму офицера” с гвардейскаго фронта, гдѣ так рѣзко проявилась в дни революціи сословная рознь между офицерами и солдатами, и гдѣ особенно “ликовали” нѣмцы. И вот отвѣтъ солдатской массы: ...“Сегодня ночью — пишет автор в письмѣ 11 марта — была страшная ураганная канонада правѣ нас. Оказалось, что нѣмцы наступали на семеновцев, но были отбиты. Солдаты разеказывали, что офицеры говорили, что ничего не будет, и приказывали людям спать в своих норах, что солдаты им не повѣрили, всю ночь простояли у бойниц, а к утру пошли три пѣмецких цѣпи — и паклеили же им они”... Днем под звуки марсельезы, замѣнившей національный гимн, происходит парад с красными флагами вновь награжденных георгиевских кавалеров. Автор письма подводит итог в смыслѣ боевого настроенія: “В атаку пойдем, как один человек, как ходили в началѣ войны. Но пусть нас ведет не Гольговер. Иначе солдаты опять скажут, что он хочет от них отдѣлаться... подарить пѣмцам русскіе трупы”. Это требованіе, прокатившееся, как было указано, по всему фронту*), само по себѣ представляетъ показательное явленіе и отнюдь не может служить доказательством неустойчиваго стремленія к “замиренію”. В особой арміи для характеристики настроеній может быть отмѣчено еще одно проявленіе патриотизма, навѣяннаго переворотом. Если вѣрить газетнымъ сообщеніям (эту оговорку и мы готовы сдѣлать вслѣд за авторами “Хроникъ”, откуда заимствуемъ свѣдѣнія), к лучшему коменданту с 3 по 16 марта явилось свыше 25 т. дезертировъ с просьбой отправить их на фронт. Что такое боевое настроеніе, наблюдавшееся в Особой арміи, отнюдь не было каким то явленіемъ исключительным, совершенно опредѣленно вытекает из тѣхъ официальныхъ армейскихъ сводок, которыя легли в основу записки ген. Алексѣева Правительству. В нашем распоряженіи имѣется детальная сводка о настроеніяхъ в арміях, расположенныхъ на Западномъ фронтѣ (к сожалѣнію, она напеча-

*) Оно может быть отмѣчено и на томъ рижскомъ плацдармѣ, который представлялъ распропагандированное «гнѣздо» на Сѣверномъ фронтѣ. В памятной запискѣ, поданной военному министру в 20-х числахъ марта от имени 379 офицеровъ XII арміи и подписанной в первую голову командиромъ латышскаго полка Вацетисомъ (извѣстнымъ впоследствии большевикомъ командармомъ), требовалось удаленіе с командныхъ должностей всего «нѣмецкаго элемента балтійскаго происхожденія».

тана в работѣ Шляпникова и в собраніи документов, озаглавленном “Разложеніе арміи”, лишь в значительных выдержках). В донесеніях полковых командиров, начальников дивизій и корпусов дается дѣлая гамма разнообразных и противорѣчивых настроеній: одни признают, что “революціонная волна повліяла отрицательно” на армію, другіе утверждают, что “порыв и воодушевленіе... не исчезъ”... В концѣ концов сравнительное число положительных и отрицательных оцѣнок имѣет второстепенное значеніе, если учесть возможную субъективность даваемых отзывов в зависимости от настроеній самого командного состава. Один из информаторов, ген. Киселевскій, так и объяснил “значительную долю пессимизма” в отзывах начальников отдѣльных частей корпуса, находившагося под его началом (9-й арм. корп.) — он должен быть отнесен “за счет настроенія офицеров и начальников, которые еще не имѣют реальных данных, чтобы вывести иное заключеніе”. Важна наличность характеристик (их немало), типичным образцом которых можно признать донесеніе командира 169 пѣх. полка, отмѣтившаго большой подъем духа и стремленіе довести войну до побѣднаго конца”. Возьмем лишь нѣсколько примѣров из сообщений начальников крупных войсковых частей. “Переход к новому строю вызвал подъем духа в войсках” — спидѣтельствова командующій гренадерским корпусом Парскій: “вначалѣ были довольно крупныя недоразумѣнія... постепенно все начинает успокаиваться”. Кузьмин-Караваев, командующій 31 арм. корпусом, доносил, что “протекшія событія всколыхнули всѣх, внесли нервность, возбужденность, недовѣріе в рядѣ войск” и в то же время в войсках замѣчается “громадное воодушевленіе, рвеніе в бой”. “Войска боеспособность не утратили и будут драться молодцом” — писал Сокольников, командир 38 арм. корпуса. “Войска 1-го Сибирскаго корп., по словам ген. Теплова, сохранили твердый внутренній порядок и боеспособность на должной высотѣ”. “Высокій подъем духа” (наряду “с упадком дисциплины и взаимным недовѣріем офицеров и солдат”) — отмѣчал Макѣев, нач. 1 казв. гренад. дивизіи и т. д.

Общее заключеніе в сводкѣ по Западному фронту гласило: “многія большинства начальствующих лиц сходятся на том, что дисциплина в войсках упала; довѣріе между офицерами и солдатами подорвано; нравственная упругость и боеспособность войск значительно понизились”. Однако, это “общее заключеніе” дѣлает оговорку: “многіе начальники утверждают, что послѣ переворота стремленіе войск к побѣдѣ осталось, а в нѣкоторых частях даже усилилось”. “Большинство начальствующих лиц смотрит на будущее спокойно и надѣется, что через 1-2 мѣсяца (к половинѣ мая) боеспособность войск будет восстановлена”. Такой итог в сущности дает лучший отвѣт на вопрос, как повліяли февральско-мартовскія событія на состояніе арміи и устанавливает ограничительные предѣлы, в которых должна разсматриваться проблема. Если временный главнокомандующій Западным фронтом Смирнов (Эверт вышел в отставку) был осторожен в выводах своего рапорта в Ставку, то даже в нѣсколько повышенных тонах писал свое заключеніе главнокомандующій Юго-Зап. фронтом Врусилов: “Революціонное движеніе не отразилось пока на нравственной упругости и духѣ арміи. Сейчас организм арміи прочен, дух их высок и даже по-

вышел, они полны порыва, жажды победы, в которую они вбьют**). Можно было объяснить этот оптимизм впечатлительностью "маловдумчиваго" Брусилова, рассчитывавшаго на свое "военное счастье" (такая характеристика дается ему в дневникѣ Алексѣева), или его оппортунизмом, отмѣчаемым современниками — он стремился занять пост верховнаго главнокомандующаго**). Но официально выраженное Брусиловым мнѣніе было подтверждено особой телеграммой военному министру, подписанной всѣми командующими арміями Юго-Западнаго фронта — и среди них Щербачевым и Калединым. Телеграмма говорила, что на военном совѣтѣ 18-го единогласно рѣшено, что "наступление вполне возможно" (это наша обязанность перед союзниками, перед Россіей и перед всѣм міром) и, что "арміи желают и могут наступать". Телеграмма заканчивалась словами: "мнѣніе Петрограда о ея (арміи) состояніи и духѣ не может рѣшать вопрос; мнѣніе арміи обязательно для Россіи; настоящая ея сила здѣсь па театрѣ войны, а не в тылах".

Настроение "военнаго задора", столь опредѣленно выявившееся в нѣкоторых воинских частях и нарушавшее искусственную схему всякаго рода кептальских выучеников, нельзя было просто стереть с исторических скрижалей — тѣм болѣе, что такія настроенія отнюдь не являлись минутным возбужденіем, результатом порыва от слишком сильнаго внутренняго толчка, который дал переворот. Такія настроенія были довольно длительными и упорны. Резолюціи и соотвѣтствующія требованія с фронта (не только с фронта, но и от тыловой периферіи) продолжали настойчиво поступать в центр и говорили о "шовинистическом", как выразился меньшевик-интернационалист Суханов, настроеніи арміи или "полушовинистическом", как оговаривались молодые историки из коммунистической школы Покровскаго... Суханов говорит, что послѣ опубликованія Совѣтом деклараціи 14 марта к міровой демократіи (о пей ниже) резолюціи поступали сотнями по адресу Врем. Прав. и Совѣта. Довольно типичной будет резолюція комитета офиц.-солдат. депутатов 42 пѣх. див., заявлявшаго, что лишь "побѣдный конец войны может закрѣпить свободу", и что Совѣт должен "облегчить" правительству дальнѣйшее веденіе войны. За резолюціями, присылаемыми с фронта, слѣбовали и личныя представленія через особых посланцев. Делегация 2-го моторпо-понт. бат. протестовала перед лицом Родзянко против призывов к заключенію преждевременнаго мира и заявляла, что армія будет поддерживать Правительство при условіи "доведенія войны до побѣднаго конца". Выборные от 31 части фронтовых войск докладывали военному министру, что "неясные приказы", требующіе прекращенія войны, "раздражают и должны исчезнут". Аналогичныя заявленія дѣлались не только на приѣмах у членов Пра-

*) То же утвержденіе прошло красной нитью в рѣчи Брусилова при приѣмѣ в Кіевѣ членов Гос. Думы.

**) Напр., в дневникѣ Селивачева нмѣется запись: «несомнѣнную карьеру дѣлает Брусиллов: хитрый старик, видя окружающее, первый стал заигрывать с народом». Приспособляемость к общественному мнѣнію Селивачев увидит даже в том, что в свое время Брусиллов, единственный из главнокомандующих, дал «идеальную аттестацію» земским организаціям на фронтѣ, когда хогѣли их уничтожить по причинѣ их «яко бы бесполезности», а на самом дѣлѣ считая их «революционными».

вительства, но и в самом Совѣтѣ. Вот одно из обращеній, напечатанное в: “Бирж. Вѣд.” от имени солдат и офицеров пѣхотнаго полка, находящагося на передовых позиціях: “Здѣсь на фронтѣ мы, солдаты и офицеры, спокойно и радостно приняли вѣсть о спасеніи Россіи и, если боимся, то только одного, что нам, благодаря проискам уже появившихся темных сил, не дадут закончить побѣду, начатую внутри Россіи... Безрезультатный конец войны покроет вѣчным позором имя Россіи. Наши союзники не простят нам предательства. И неужели новая Россія должна быть заклеена измѣной. Мы, солдаты и офицеры, сохраняем полное единство мнѣній... Несмотря на предательски направляющую волю стараго правительства в теченіе почти трех лѣтъ тяжелой войны, армія всетаки сумѣла сохранить свою мощь, столь необходимую для конечной побѣды... Было бы преступно разрушить это, и пусть не смущают слабых духом крики из Россіи: “долой войну”. Вы побѣдили врага внугрепнаго, дайте же нам побѣдить врага виѣшняго... Не трогайте армію, не мучите ее крайностями, надо помнить, что она может равно спасти и равно погубить Россію”.

Пріѣзжавшим с фронта делегациям “оборонческая позиція” Совѣта представлялась неприемлемой, — это засвидѣтельствовал никто иной, как один из членов Исп. Ком. Горев, которому было поручено принимать эти делегации. Слѣдовательно, не так уже был неправ докладчик о войнѣ на мартовском съѣздѣ к. д., вернувшійся с фронта Щепкин, в своем утвержденіи, что лозунги “долой войну” или “война в ничью” — эти главные лозунги февральско-мартовских дней, по словам Троцкаго — встрѣчают в арміи “страшнѣйшее негодование”. Такое сужденіе отнюдь не было только субъективным воспріятіем человека, желавшаго видѣть в дѣйствительности подтвержденіе своих личных взглядов.

Упомянутый Горев скажет, что всѣ резолюціи с фронта этого времени не отражали подлинных настроеній и желаній солдатских масс, ибо онѣ вырабатывались “почти исключительно армейской интеллигенціей” — тѣми “межеумочными” интеллигентами, которые, по характеристикѣ Суханова, шли на поводу у “буржуазіи”. Шовинистическій задор первых недѣль явился результатом планомерно организованной агитаціонной кампаніи. Резолюціи повторяли как бы хорошо “заученный урок”. Доля истины имѣется в этих одновременно преувеличенных и упрощенных заключеніях. Напр., интеллигентскій характер процитированнаго выше обращенія делегации пѣхотнаго полка в Совѣт несомнѣнен. Была и нѣкоторая директива из центра. Так, напр., Селивачев записывает 18 марта со слов пріѣхавшаго из Петербурга подп. Каминскаго, что желательно, чтобы “по организаціи комитетов тѣ выносили резолюціи о довѣрїи Врем. Правительству, подтверждая это телеграммами послѣднему, что необходимо, как противовѣе Совѣту Р. и С. Д., видимо, желающему подорвать престиж правительства”. Патріотическіе “заученные уроки” во всяком случаѣ не меньше показательны, чѣм всякіе иные митинговые трафареты, свидѣтельствующіе о настроеніях противоположных*). Молниеносных результатов пропаганда не

*) Относительную цѣнность этих резолюцій, как нельзя лучше, характеризуют строки из воспоминаній извѣстнаго московскаго большевickaго дѣятеля Сидовича, который рассказывает, как т. Кастреловская (старая

дает, если только она не падает на соответствующую почву и не находит среды, адекватной целям, которых стремится достигнуть. В первые дни после переворота организованной пропаганды на фронт не было, и тем не менее мы видели примѣры довольно яркаго проявленія “военнаго задора”.

Еще болѣе характерными надо признать “повиннистическія” проявленія в запасных частях петербургскаго гарнизона, среди котораго до переворота велась “пораженческая” пропаганда, и который в дни переворота находился в непосредственном контактѣ с рабочими кругами, естественно болѣе пропитанными крайностями Циммервальда. И пѣсколько неожиданно Шляпников признает, что “буржуазіи” и “оборонцам” и первое время на столичных митингах удалось создать “буквально погромное настроеніе против большевиков”, т. е. против послѣдоваемаго отрицанія войны. Во время первых манифестацій воинских частей у Таврическаго дворца, т. е. манифестацій, которыя не могли быть хорошо подготовлены и извнѣ инспирированы (особенно “буржуазіей”), на знаменах красовались лозунги: “война до полной побѣды”. По утверженію Суханова, депутат Скобелев, тов. пред. Совѣта, за какое то неосторожное слово о войнѣ “был чуть не поднят на штыки”; такая же судьба едва не постигла какую-то неизвѣстную большевичку, при приѣмѣ Родзянко запаснаго батальона Семеновскаго полка крикнувшую “долой войну”. Таким образом “лѣвый” мемуарист цѣликом подтверждает наблюденія “праваго” мемуариста кн. Мансырева, засвидѣтельствовавшаго, что в Петербургѣ разговоры против войны в первые дни вызывали негодованіе. Довольно знаменательно, что делегаты Московскаго Совѣта солд. деп. на собраніи, гдѣ обсуждалась организація предполагаемой 12 марта обще-совѣтской демонстраціи мпра, согласились в ней участвовать при условіи, что не будет плакатов “долой войну” (“Рус. Вѣд.”).

Сам Суханов в своих “записках” почувствовал бросающіяся в глаза натянутость и фальшь антивоенной характеристики массовых настроеній и заговорил о “мужицко-казарменной” психологіи — о той “толцѣ атавизма” и “примитивнаго націонализма”, которые должна была преодолѣть революція. Вѣдь этим все и сказано. Идеологическая платформа циммервальдцев всѣх оттѣнков была чужда психологіи масс в момент, когда произошла революція, и нужно было время и благопріятствующія внѣшнія условія для того, чтобы большевицкая пропаганда, облачившись в ленинскія формы, возмѣла надлежащее дѣйствіе. (См. “Золотой ключ”). В предѣлах марта обстановка была иная. Поэтому искусственным и рискованным представляется тезис, который пытается защитить военный историк Головин, принявшій без критики фактическую канву троцкистской схемы. Я говорю о том “психически коллективном процессѣ отказа от борьбы”, который якобы назрѣл в массах к моменту революціи, и осознать который мѣшала интеллигенціи ея оторванность от низов — попытка итти наперекор стихіи вела государство к гибели*).

С такой априорной характеристикой народных переживаній свя-
большевичка) желала в партійном органѣ печатать резолюціи «не так, как онѣ принимались».

*) См. «Россійская контр-революція». Методы и выводы ген. Головина.

зывается столь же априорное суждение о примитивности патриотических устремлений масс, не понимавших государственного смысла слова "отечество". Ген. Селивачев в дневникъ от 11 марта опредѣлил это так: "Ожидать счастливаго окончанія для нас войны невозможно... Выборный начальник "хам", не зная Россіи и не понимая ея историческихъ задач, несомнѣнно будетъ разсуждать так, как и его гражданин-солдат, который знаетъ только свою волость и ее только считаетъ своимъ отечеством". Не поддаваясь соблазну сдѣлать экскурс в область народной психологіи, ограничимся лишь замѣчаніем, что в ходячей формулѣ: "мы — пензенскіе, тамбовскіе или вятскіе", столь часто находящей себѣ мѣсто в мемуарныхъ откликах*), в сущности в гораздо большей степени проявляется фигуральное выраженіе довольно элементарной истины, что Россійская Имперія в силу своихъ географическихъ, топографическихъ и экономическихъ условій располагаетъ огромными оборонительными ресурсами, которыхъ нѣтъ в другихъ европейскихъ странахъ — ресурсами, в борьбѣ с которыми можетъ спастись самая усовершенствованная военная техника. В дни второй міровой войны фландрское поражение, предопредѣлившее судьбу Парижа, означало для Франціи катастрофу; захватъ 11 русскихъ губерній (правда, польскихъ, незначительныхъ по размѣрамъ), в эпоху перваго міроваго катаклизма, никакой государственной катастрофы Россіи не предвѣщал. Во времена Наполеона западно-европейская практика установила неизбѣжность капитуляціи страны при захватѣ неприятелемъ столицы. Военный геній французскаго полководца не ожидалъ встрѣтить интѣ в варварской Москвѣ — надежды его оказались обманчивыми и стнудь даже не в силу особаго народно-патріотическаго подъема (исторія 1812 года полна прозы). Означало ли это, что "Россія", какъ таковая, ничего не говорила крѣпостному населенію, какъ яко бы не говорила и черезъ столѣтіе народу, освобожденному отъ помѣстнаго ига? Отнюдь нѣтъ**).

Воспроизведемъ в видѣ иллюстраціи довольно яркую сцену, описанную в мартовскомъ дневникѣ 17 г. ген. Болдыревымъ. В Псковѣ 5 марта парадъ. Войска по "нелѣпому" распоряженію нач. гарнизона Ушакова выведены безъ оружія "в видѣ какой-то сборной команды". "В глазахъ рябило отъ красныхъ ленточекъ и флаговъ с надписью: "Да здравствуетъ Свободная Россія". На мѣстѣ собралась огромная толпа. Настроеніе, какъ сообщили в штабъ, "крайне тревожное". Надо было найти выходъ для скопившейся энергіи. И Болдыревъ своимъ зычнымъ голосомъ, поздравивъ войска с переходомъ къ новому государственному строю, крикнулъ: "Да здравствуетъ Россія!" "Раздалось бѣшенное "ура"... Толпа ревѣла вмѣстѣ с солдатами, чувствовалось, что... в этотъ моментъ толпу, опьяненную и взвинченную до послѣдняго предѣла, легко можно было бросить и на подвигъ, и на преступленіе"... Послѣ "нѣ-

*) Припомнимъ, что ген. Янушкевичъ в 15 г. эту формулу развнвал в официальномъ обращеніи къ Совѣту министровъ; в дни революціи она фигурируетъ в устахъ извѣстнаго издателя Сытина, в дневникѣ Гиппіусъ и т. д.

**) Эти строки пишутся в рѣшающей для Россіи моментъ. Каковы бы ни были ближайшія послѣдствія германскаго продвиженія вглубь страны, характеръ, который пріобрѣтаетъ война на обширной территоріи російской равнины в 1941-42 г.г., какъ бы подтверждаетъ законъ «евразійской» самобитности.

скольких горячих слов” Бодырев заявил, что главнокомандующий будет удивлен, видя войска на парадѣ “безоружными”, и приказал разойтись по квартирам и прибыть вновь в “положенном уставом видѣ”. Отвѣтъ — “громовое ура”. Парад состоялся. Говорил Рузскій — “тихо, тепло, по-отечески”. Его любили, и при отъездѣ ему была устроена овація и войсками, и народом, хотя “вензеля на его погонах с буквой Н как-то особенно коробили глаза среди моря революціонных знаков”...

Русская армія неразрывно связана с мужицкой Русью. Никакой подготовленностью, никаким посторонним вліяніем и воздѣйствіем нельзя объяснить тот фактъ, что во *всѣх* революціях, принимавшихся на крестьянских собраніях в мартѣ, требовалось довести войну “до побѣднаго конца” и сохранить неприкосновенность территоріи. Если вліяніе большевиков в деревнѣ было незначительно*), то связи с партией, выставившей на своем знамени “Земля и воля”, были значительны. В партиі сильно было и циммервальдское теченіе. Очевидно, не крестьяне должны были приспособляться к своим политическим руководителям, а обратно. Не приходится поэтому поддерживать тезис, получившій известную популярность в нѣкоторых русских общественных кругах и нашедшій отклик в первых обзорнѣях революціонных событій, которыя вышли из-под пера иностранцев (напр. Chessin), — тезис, согласно которому, русскій солдат на войнѣ сражался не за Россію, а за Императора и с устраненіем этого символа отпали побудительныя причины для героизма и жертвенности.

2. — Побѣдоносная война.

Официальная версія происхожденія революціи, данная партийнм оратором в Учредительном Собраніи, не может быть отнесена к числу концепцій исторических, ибо в значительной степени противорѣчит фактам. Не потому ли “вождь партиі” Чернов, вступив уже на стезю историческую и опредѣляя источники “рожденія февральской революціи”, присоединился к другому объясненію: “рѣшающую роль в наступленіи революціи сыграла военная неудача, когда перед “общественным мнѣніем и народным сознаніем” вырисовался “фактический проигрыш войны”. Тогда “страна попробовала спастись революціей”. Такая точка зрѣнія нѣсколько неожиданна, ибо коммунистическими писателями она всецѣло приписывалась “буржуазіи”, которая пыталась революціонному перевороту придать характер “возмущенія военными неудачами Царя”. В дѣйствительности это объясненіе очерпнуто из общественных переживаній болѣе ранняго времени — неудач 15 г. и первых разговоров о “дворцовом переворотѣ” — психологии, с нѣкоторым запозданіем переданной Родзянко в послѣреволюціонных воспоминаніях и реально не соответствовавшей личным его настроеніям перед революціей. Наканунѣ революціи сознанія о “фактическом проигрышѣ войны” уже не могло быть, а тѣм болѣе убѣжденія, что “военная энергія арміи была уже как бы пулею на излетѣ,

*) Не показательно ли в этом отношеніи свидѣтельство Махно, что в деревнях, прилегающих к району знаменитаго Гуляй Поля, будущей резиденціи анархическаго «батьки», в первые четыре мѣсяца революціи вообще большевиков не было.

бессильно отскакивающей от груди неприятеля". Продолжавшиеся разговоры о перспективах "сепаратного мира", как пытались мы показать, (см. мою книгу "Легенда о сепаратном мире") в значительной степени были агитационным политическим орудием. Даже компромиссная концепция, которую в худшем случае допускал в середине 16 г. в. кн. Ник. Мих. — ни победителей, ни побежденных, не ставилась уже в сознании оппозиционной общественности: "мы не хотим мира без победы" — заявлял ее лидер с кафедры Гос. Думы 15 февраля 17 г.; Миллюков, по компетентному свидетельству Набокова, до революции "глубоко вѣрил в "побѣдный конец".

В дни революции старая концепция была подновлена: переворот произошел во имя побѣдоносного окончанія войны*) (Госуд. Дума вступила в борьбу с пастыю "ради побѣды" — гласило обращение моск. гор. Думы 28 февраля) и достиженія исторических задач, лежащих перед Россійской Имперіей. Руководящая идея революции заключалась в побѣдѣ над германским империализмом — утверждал Родзянко в московском Государственном Совѣщаніи. Наиболее ярким выразителем этих империалистических чаяній передовых слоев "буржуазіи" был, как извѣстно, сам лидер этой "цензовой" общественности и первый министр ин. д. революціоннаго правительства. Его рупором на ролях народнаго трибуна был депутат Родичев, со свойственным ему пафосом зажигавшій слушателей на митингах заманчивой перспективой будущаго величія Россіи. В первый момент революции едва ли мог найтись среди политических дѣятелей такой оптимизм, который стал бы объяснять петербургскій солдатскій бунт и рабочую забастовку с призывами "долой войну!", "долой самодержавіе", осуществленіем отдаленных "національных" чаяній. Палеолог рассказывает, что 4-го Миллюков посѣтил послов (Франціи, Англій и Италіи). Прежде чѣм начать формальный разговор, французскій посол попросил официалнаго гостя высказать свое откровенное сужденіе о положеніи вещей. В порывѣ искренности (так казалось послу) Миллюков отвѣтил: "в теченіе 24 часов я переходил от полнаго отчаянія почти к полной увѣренности. Мы не хотѣли этой революции перед лицом врага**). Я даже ее не предвидѣл: она совершилась помимо нас... Теперь дѣло идет о спасеніи Россіи, ведя войну до побѣды". Но Миллюков ничего реальнаго не мог еще сказать послам — вѣдь в соглашательную почву вопрос о войнѣ остался открытым. Палеолог был неудовлетворен: люди, которые пришли к власти, по его мнѣнію, не имѣли ни опредѣленной точки зрѣнія, ни необходимой смѣлости в такой тревожный момент; пало в рядах Совѣта искать энергичных людей с инициативой. Первый "манифест" новаго правительства по своему

*) Керенскій в «Ехрѣгіенсе» говорит, что революція отчасти родилась, как протест против перспектив сепаратнаго мира. Он лишь повторил слова Церетелли в Гос. Совѣщаніи 17 г. «всѣ знают, что, если бы не было русской великой революции, мы в настоящій момент имѣли бы сепаратный мир».

***) В противорѣчье с послѣдующей схемой 17 г. Миллюков 3 марта 16 г. говорил в Гос. Думѣ: «революція в Россіи непременно приведет нас к пораженію». Шингарев на VI кадетском съѣздѣ в февралѣ 16 г., по утвержденію сыскных информаторов, утверждал, что взрыв народнаго отчаянія похоронит побѣду над Германіей. Как мы видѣли, по свидетельству современников, так и воспринял Шингарев революцію 27 февраля.

сдержанному тону с войнѣ привел посла даже в негодование: хотя и была упомянута вѣрность союзным обязательствам и общана война до побѣды, но ничего не было сказано о прусском милитаризмѣ и о цѣлях союзников. Дантоп и Гамбетта говорили по другому. Свое недовольство Палеолог тотчас же выразил министру ин. д., на что послѣдовал отвѣтъ: “предоставьте мнѣ время”, причем министр общал найти в ближайшій срок повод удовлетворить дипломатических представителей союзных держав.

Повод представился 11 марта, когда послы вручали в Маринском дворцѣ новому, признанному державами, правительству свои довѣрительныя грамоты. В отвѣтной рѣчи русскій министр сказал: “Временное Правительство, одушевленное тѣми же намѣреніями и проникнутое тѣм же пониманіем задач войны, как и союзные с нами народы, нынѣ приносят для осуществленія этой задачи новыя силы. Великія идеи освобожденія народностей и созданія прочных международных отношеній — идеи, осуществленіе которых невозможно без рѣшительной борьбы, нынѣ получают новую и твердую опору в идеалах русской демократіи. Два новых препятствія стоят на пути осуществленія этих идеалов. Одно заключается в тѣх стремленіях наших противников достигнуть мирового преобладанія за счет других народов, которые явились главной причиной мирового конфликта. Мы всѣ сознаем громадную опасность этих стремленій и мы твердо рѣшились вмѣстѣ с вами употребить всѣ силы и принести всѣ жертвы для окончательнаго устранения их и для созданія условий прочнаго мира путем рѣшительной побѣды. Но было и другое препятствіе: это наш старый порядок, нынѣ разрушенный. Государственная Дума и вся страна убѣдились, что при этом порядкѣ, лишившем нас всякой возможности организовать страну для рѣшительнаго національнаго успія, побѣда нами достигнута быть не может. *Это убѣжденіе сдѣлалось даже первым источником совершеннаго народом переворота.* Могу вас увѣрить, что исход этого переворота не может противорѣчить его причинѣ. Взгляните кругом — и вы увидите, что желанія ваши уже осуществились*). Рабочіе уже стоят у стаяков, порядок уже господствует на улицах — дисциплина возстановливается в войсках. И по мѣрѣ того, как сглаживаются эти второстепенныя черты, сопровождающія всякую насильственную перемѣну, все ярче вырисовывается перед нами ея основная сущность. Вмѣсто старой власти сам народ стоит пред вами во всеоружіи своей силы. И эту силу он приносит для скорѣйшаго осуществленія тѣх великих задач, за которыя в теченіе двух с половиной лѣтъ мы вмѣстѣ с вами боремся и несем несчетныя жертвы. Мы рады встрѣтить с вашей стороны правильную оцѣнку нашей силы, *удвоенной* переворотом”... В тот же день на приѣмѣ иностранных журналистов Милюков высказался еще опредѣленнѣе: “русская революція произведена была для того, чтобы устранить препятствія на пути Россіи к побѣдѣ”.

Такая версія происхожденія революціи могла быть дана только

*) От имени союзников на правах старѣйшины дипломатическаго корпуса правительство пріѣхавшаго англійскій посол, выразившій надежду, что Правительство сдѣлает «все возможное, чтобы довести войну до побѣднаго конца, оставаясь на стражѣ порядка и національнаго единства и стремясь к возобновленію нормальной работы на заводах и к обученію войск и поддержкѣ дисциплины в арміи».

потому, что в настроениях, проявившихся в массах в первые дни, раздалась, как бы, созвучная ей нота. Но, конечно, это созвучие было только внешним, поскольку речь идет о той формулировке национальных задач, какую через 10 дней дал министр ин. д. Наканунѣ партійнаго съѣзда, 22 марта, в бесѣдѣ с журналистами по поводу вступленія Соед. Штатов в войну, Милюков разъяснил смысл “побѣднаго конца” — тогда было сказано о жизненном значеніи для Россіи пріобрѣтенія Константинополя и проливов, при чем министр отмѣтил, что этими претензіями русскіе “ничуть” не посягают на національные права Турціи, и что никто не в правѣ бросить Россіи упрек в “захватных тенденціях” — обладаніе Царьградом всегда считалось національной задачей Россіи*).

Интеллигентскія построенія, рожденныя в умах кабинетных теоретиков внѣ реальных условий жизни, всегда будут чужды психологіи народных масс. Трудно себѣ представить, что через 2½ года изнурительной войны, всей своей тяжестью легшей на хребет трудового народа, могли бы найти хоть какой-либо отклик призывы к осуществленію таких весьма проблематичных и спорных “исконных національных задач”, к числу которых слѣдует отнести “византійскую мечту”**). Народ, “несмотря на то, что сѣр, отлично понимает основы государственной мудрости” — утверждал на съѣздѣ к. д. Н. Н. Щепкин, характеризуя настроенія солдат на Западном фронтѣ. Вѣроятно, этот “народ” мог бы только присоединиться к словам Короленко, написанным в письмѣ к другу 18 июня 16 г.: “Я не вижу в войнѣ ничего кромѣ печальнѣйшей необходимости”. Никакая идеологическая война никогда не будет воспринята и осознана в массах независимо от их культурнаго состоянія. Это значит, что побѣдный конец реалистично мог мыслиться в народном сознаніи только, как “замиреніе”***), при условіи, что нѣмец будет прогнан с русской территоріи. Идеологическая война в тѣ годы вообще была чужда психологіи демократіи — ея квалифицированным представителям из интеллигенціи. Отвлеченная концепція, вдохновлявшая, напр., старых народников Кралоткина и Чайковского, которые видѣли оправданіе міровому катаклизму в борьбѣ

*) Аргументація Милюкова рѣшительно ничѣм не отличалась от исторической необходимости, которую давали нѣмецкія адепты «соціал-империализма». Различіе было лишь в субъектах, в сторону которых должны были направляться міровыя событія (см. кн. ген. Штрედель «Германская революція»). Станюкович выкопал в писаніях Милюкова в началѣ войны даже такой пассаж: *историк и политик* (см. книгу «Легенда о сепаратном мирѣ»), полагал, что вся Восточная Пруссія должна быть превращена в новую остзейскую губернію.

**) Ей мы посвятили достаточное вниманіе. (См. книгу «Легенда о сепаратном мирѣ»). В предреволюціонное время вопрос о проливах продолжал занимать вниманіе морских общественных кругов, как видно из дневника Рейнгартена. Ему посвящена «бесѣда вторая» по текущим вопросам — 4 февраля. Но формулируется «византійская мечта» только, как экономическая проблема: «Владѣніе проливами представляет для нас не цѣль империалистических стремленій, а характер необходимости... «Требую проливы, мы должны дать обязательство дальше не идти... «Мы должны требовать минимум территорій при проливах. Этот минимум опредѣлился из стратегических соображеній»..

***)) Так в массах до революціи воспринималась даже пораженческая проповѣдь. См. воспомнанія анархиста Максимова.

двух культур — латинской, несущей мировой прогресс, и германской, знаменующей собой реакцию в Европѣ, не имѣла корней в революціонной средѣ. Среди видныхъ представителей демократіи было немало такихъ, которые, будучи одинаково чуждыми циммервальдскимъ настроеніямъ и толстовскому пацифизму и примыкая къ позиціи “оборончества”, стояли в сторонѣ от психоза войны съ его нездоровой атмосферой націоналистическаго задора — в ихъ представленіи національные интересы Россіи властно требовали конца войны, поэтому Плехановъ въ концепцію идеологической платформы вносилъ поправку — прекращенія “кровопрлитной” войны и соглашенія съ Германіей съ момента, какъ тамъ произойдетъ революція. Такимъ образомъ лозунгъ “до побѣднаго конца” самъ по себѣ в средѣ демократіи получалъ ограниченное толкованіе.

3. — Вокругъ совѣтскаго “манифеста”.

“Безумнымъ и преступнымъ ребячествомъ звучитъ эта корявая прокламація: “...немедленное прекращеніе кровавой бойни”, — записываетъ Гипсіусъ в дневникѣ 9 марта по поводу одного выступленія большевиковъ... “Въ этомъ “немедля” только можетъ быть или извращенное толстовство или неприкрытое преступленіе. Но вотъ что нужно и можно “немедля”. Нужно, не медля ни дня, объявить именно отъ новаго русскаго нашего правительства русское новое военное “во имя”... Конкретно: необходима абсолютно ясная и твердая декларація насчетъ нашихъ цѣлей войны”. Что же надо сказать русскому народу? На это пытался отвѣтить такой психологъ народной души и знатокъ народнаго быта, какъ Короленко, в статьѣ “Отечество в опасности”, напечатанной в газетахъ 15 марта.

Обращеніе писателя вызвано было воззваніемъ Времен. Правительства, написаннымъ Набоковымъ, в которомъ недвусмысленно говорилось о “надвигающейся и уже близкой” опасности со стороны внѣшняго врага: ...“прислушайтесь! Назрѣваютъ и вскорѣ могутъ наступить грозныя событія. Не дремлющій, еще сильный врагъ уже понялъ, что великій переворотъ, разрушившій старые порядки, внесъ временное замѣшательство в жизнь нашей родины. Онъ напрягаетъ послѣднее усиліе, чтобы воспользоваться положеніемъ и нанести намъ тяжкій удар. Онъ стягиваетъ, что можетъ, къ нашему фронту. С наступленіемъ весны его многочисленный флотъ получитъ свободу дѣйствій и станетъ угрожать столицѣ. Врагъ вложитъ всѣ силы свои в этотъ напоръ. Если бы ему удалось сломить сопротивленіе наше и одержать побѣду, это будетъ побѣда надъ новымъ строемъ, надъ освободившейся Россіей. Все, достигнутое народомъ, будетъ отнято этимъ ударомъ. Прусскій фельдфебель примется хозяйничать у насъ и наведетъ свой порядокъ. И первымъ дѣломъ его будетъ возстановленіе власти Императора, поработеніе народа”. В обращеніи военнаго министра еще опредѣленнѣе говорилось, что по полученнымъ свѣдѣніямъ “нѣмцы, узнавъ о происшедшихъ в Россіи событіяхъ, спѣшно стягиваютъ силы къ Сѣверному фронту, рѣшивъ нанести ударъ Петрограду”.

Многимъ впоследствии казалось, что Правительство сознательно нѣсколько форсировало, по тактическимъ соображеніямъ, положеніе, но, повидимому, нависшая угроза в тѣ дни казалась реальной под вліяніемъ телеграммы Алексѣева 9 марта о подготовкѣ нѣмцами “сильнаго удара в направленіи на Петроградъ”... Исполнявшій фактически обязан-

ности верховнаго главнокомандующаго, настаивая на принятіи “самых рѣшительныхъ и энергичныхъ мѣр къ уничтоженію поводовъ разложенія арміи”, указывал, что операціи нѣмцев могутъ “заставить насъ совершенно очистить направление на Петроград”, и что нѣмцы “в іюль мѣсяцѣ могутъ при удачѣ достигнуть столицы. Потеря же столицы, в которой сосредоточено главнѣйшее производство боевыхъ припасовъ, знаменуетъ собой наше пораженіе, конецъ войны, кровопролитную междоусобную войну и ярмо Германіи. Надо твердо и опредѣленно помнить, что нынѣ *всѣ безъ различія партій* не только вполнѣ примирятся с происшедшимъ переворотомъ, но и будутъ привѣтствовать свободу Россіи лишь при условіи доведенія войны до побѣдоноснаго конца*). В противномъ случаѣ вѣтъ всякаго сомнѣнія значительная часть населенія припишетъ неудачи тому, что переворотъ произведенъ в настоящее время, будутъ искать виновниковъ, будутъ мстить и междоусобица неизбежна”. Позже Алексѣевъ призналъ ошибочность своихъ предположеній и 30-го писалъ Гучкову, что “нѣтъ никакихъ реальныхъ данныхъ, указывающихъ на продвиженіе нѣмцев”.

По поводу этой надвигающейся опасности и написалъ Короленко. Позиція его столь показательна, что приведемъ изъ нѣсколько позабытой статьи большую цитату: “Телеграммы военнаго министра и Временнаго Правительства быютъ тревогу. Опасность надвигается. Будьте готовы. Къ чему? Къ торжеству свободы? Къ ликованію? Къ скорѣйшему устройству будущаго? Нѣтъ, къ сраженіямъ, къ битвамъ, къ пролитію своей и чужой крови. Это не только грозно, но и ужасно. Ужасно, что эти призывы приходится слышать не отъ однихъ военныхъ, чья профессія — кровавое дѣло войны на защиту родины, но и отъ насъ, 70 писателей, чей голосъ звучитъ естественнѣе в призывахъ къ любви и миру, къ обществу братству и солидарности, кто всегда будилъ благородную мечту о томъ времени, когда народы, распри позабывъ, в великую семью соединятся... Тревога звучитъ, ширится, облекаетъ страну. Я желалъ бы, чтобы голосъ печати звучалъ, какъ труба на зарѣ, чтобы подхватить его, передать дальше, разнести всюду до самыхъ дальнихъ угловъ, заронить в наименѣе чуткія сердца, в самыя безпечныя души. Тревога. Тревога. Смотрите в одну сторону. Дѣлайте в эти дни одно дѣло, имъ долѣе. С запада идетъ туча, какая когда-то надвигалась на Русь с востока. И она готова опять покрыть тѣнью родную землю, над которой только что засіяло солнце свободы. До сихъ поръ я не написалъ еще ни одного слова с такимъ призывомъ, но не потому, чтобы я и прежде не считалъ обязательной защитой родины. Правда, я считаю безумной свалку народовъ, озарившую кровавымъ пожаромъ европейскій міръ и грозящую перекинуться в другія части свѣта, великимъ преступленіемъ, отъ ответственности за которое не свободно ни одно правительство, ни одно государство. И когда наступитъ время мирныхъ переговоровъ, то, по моему глубокому убѣжденію, эта истина должна лечь в основу для того, чтобы этотъ ужасъ не повторился. Нужно быть на стражѣ великаго сокровища — мира, которое не сумѣли оберечь для насъ правительства коро-

*) Ген. Селивачевъ записалъ в дневникъ 4 марта: «Все министерство из числа октябристовъ, лѣвыхъ и трудовиковъ — это явная гарантія за то, что ни о какомъ сепаратномъ мирѣ в Германіи и мечтать не будутъ... Не это ли начало конца Германіи?».

лей(?) и дипломаты. Когда это несчастье готово было разразиться (я говорю это искренне и с сознанием всего значенія слова), я не пожалѣлъ бы отдать остаток жизни тѣм, кто мог бы с каким-нибудь вѣроятіем успѣха прогнать и дѣйствовать этому безумію дѣятельною идеею чело-вѣческаго братства. Она давно зародилась в благороднѣйших умах и пускала уже ростки в чело-вѣчествѣ. Да, за это дѣло стоило бы отдать жизнь, если бы была малѣйшая надежда удержать море вражды и крови. Но ростки международного братства еще безсильны, как игрушечныя плотины перед порывом моря, и ничего удержать не могли. Это не упрек идеѣ международного братства. Слабая вначалѣ идея часто со временем завоевывает мір. Но теперь, пока она слаба, в дѣйствительности она может служить опорой благородной мечтѣ, утѣшеніем, но не средством защиты. Это дальній огонь, но не указаніе ближайших путей в виду страшной опасности. А рѣчь идет именно о том, что надвигается, что уже близко, что закрывает нам свѣтъ, требует немедленнаго отвѣта. Оно может на столѣтіе положить тяжелый гнет на жизнь поколѣній. Вот почему я чувствую повелительную обязанность заговорить о предметѣ, мнѣ не свойственном в обычные дни, чтобы передать моим согражданам свою тревогу. Россія только что совершила великое дѣло, свергла вѣковое иго... Если бы теперь пѣмецкое знамя развернулось над нашей землей, то всюду рядом с ним развернулось бы также мрачное знамя реставраціи, знамя возстановленія деспотическаго строя... Для отраженія этой опасности Россія должна стоять у своего порога с удвоенной, с удесятеренной энергіей. Перед этой грозой забудем распри, отложим споры о будущем. Долой партійное мѣстничество. Долой — призыв к раздорам. Пусть историческая роковая минута застанет Россію готовой. Пусть всѣ смотрят в одну сторону, откуда раздастся тяжелый топот германца и грохот его орудій. Задача ближайшаго дня — отразить нашествіе, оградить родину и ея свободу... Оставим же будущему дню его злобу и его вопросы. Теперь одно вниманіе, вниманіе в этот великій рѣшительный час. Нужно не только радоваться и пользоваться свободой, но и заслужить ее до конца. А заслужить можно одним — послѣдним усиленіем для отраженія противника. Работа на фронтѣ и в тылу, на всяком мѣстѣ, до отраженія опасности, до конца великой войны. Может быть, это время уже близко; близок день, когда на великое совѣщаніе мира явятся в семью европейскіх народов делегаты Россіи и скажут: мы вошли в войну рабами, но к концу ея приходим свободными. Выслушайте же голос свободной Россіи. Она скажет теперь не то слово, которое сказали бы царскіе дипломаты. У Свободной Россіи есть, что сказать на великом совѣщаніи народов, которое должно положить основы долгаго прочнаго мира”.

Хотя “циммервальдцы” из Исп. Ком. возмущались тѣм, что статья знаменитаго писателя появилась в “Извѣстіях” без всяких комментариев, она в основном, которое опредѣляло *реальную* политику дня в отношеніи войны, звучала почти в унисон с напечатанным в тот же день обращеніем к “народам всего міра”, принятым Совѣтом. Это было в сущности обращеніе к “пролетаріату”, даже с привычным с. д. лозунгом “пролетаріи всѣх стран соединяйтесь”. “Наша побѣда, — гласило воззваніе, — есть великая побѣда всемірной свободы и демо-

кратіи. Нѣтъ больше главнаго устоя міровой реакціи и “жандарма Европы”... Русскій народ обладаетъ полной политической свободой. Онъ можетъ нынѣ сказать свое властное слово во внутреннемъ самоопредѣленіи страны и во внѣшней ея политикѣ. И обращаясь ко всѣмъ народамъ, истребляемымъ и разоряемымъ в чудовищной войнѣ, мы заявляемъ, что наступила пора начать рѣшительную борьбу с захватными стремленіями правительствъ всѣхъ стран, наступила пора народамъ взять в свои руки рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ. И мы обращаемся къ нашимъ братьямъ пролетаріямъ австро-германской коалиціи и прежде всего къ германскому пролетаріату. С первыхъ дней войны васъ убѣждали в томъ, что, подымая оружіе противъ самодержавной Россіи, вы защищаете культуру Европы отъ азіатскаго деспотизма. Многие изъ васъ видѣли в этомъ оправданіе той поддержки, которую вы оказали войнѣ*). Нынѣ не стало и этого оправданія: демократическая Россія не можетъ быть угрозой свободѣ и цивилизаціи. Мы будемъ стойко защищать нашу собственную свободу отъ всякихъ реакціонныхъ посягательствъ — какъ изнутри, такъ извнѣ... Русская революція не отступитъ передъ штыками завоевателей и не позволитъ раздавить себя внѣшней военной силой. Но мы призываемъ васъ: сбросьте с себя иго вашего самодержавнаго порядка подобно тому, какъ русскій народъ стянулъ с себя царское самовластіе; откажитесь служить орудіемъ захвата и насилія в рукахъ королей, помѣщиковъ и банкировъ, и дружескими объединенными усиліями мы прекратимъ страшную бойню, позорящую человѣчество и омрачающую великіе дни рожденія русской свободы”...

Прочитавъ совѣтское воззваніе 14 марта, Гиппиусъ записала: “не плохо, несмотря на нѣкоторыя мѣста... Сущность мнѣ близка... Общій тонъ отнюдь не “долой войну” немедленно, а наоборотъ “защищать свободу своей земли до послѣдней капли крови”. “Манифестъ” 14 марта былъ первымъ официальнымъ выраженіемъ отношенія Совѣта къ войнѣ. “Очень хорошо, — замѣчала Гиппиусъ в дневникѣ, — что Совѣтъ РД по поводу войны, наконецъ, высказался. Очень нехорошо, что молчитъ Вр. Пр. Ему надо бы тутъ перескакать Совѣтъ, а оно молчитъ, и дни идутъ и даже неизвѣстно, что и когда оно скажетъ. Непростительная ошибка. Теперь, если и надумаютъ что-нибудь, все будетъ с опозданіемъ, в хвостѣ”.

Совѣтскій документъ явился результатомъ компромисса. Проектъ “манифеста” первоначально составленъ былъ Горькимъ, но онъ не удовлетворилъ членовъ Исп. Ком. Взаясь его передѣлать Сухановъ. “Тутъ были двѣ Сциллы и двѣ Харибды”, — вспоминаетъ онъ в своихъ позднѣйшихъ “Запискахъ”: “надо было, с одной стороны, соблюсти “циммервальдъ”, тщательно избѣжать всякаго “оборончества”, а с другой стороны надо было “подойти къ солдату”, мыслящему о нѣмцѣ по старому, и надо было парализовать всякую игру на “открытіе фронта” Совѣтомъ, на Вильгельма, который “слопаетъ революцію”. Эта противорѣчивость требованій заставила танцовать на лезвіи под страхомъ скувырнуться в ту, либо в

*) Соціал-демократическая печать нѣмецкая (печать большинства) опредѣляла позицію приблизительно такъ: ...«Пока Московія не связана по рукамъ и по ногамъ и не повержена в прахъ, не должна быть закончена война, призванная освободить Европу отъ Азіи, исключить Россію изъ европейской политикѣ» (Rheinische Zeitung).

другую сторону. И, конечно, это не могло не отразиться роковым образом на содержании манифеста. Во-вторых, Сцилла и Харибда были в самых условиях прохождения манифеста через Исп. Ком.: правые тянули к прямому и откровенному оборончеству, социал-патриотизму, совпадавшему... с солдатско-обывательским настроением. Лѣвые, напротив, как огня, боялись “шовинизма”... Именно всѣм этим, в огромной степени, объясняется слабость этого важнаго документа революціи**).

Обстановка засѣданія Совѣта 14-го при обсужденіи “манифеста” подчеркнула очень ярко, вопреки намѣреніям Суханова и других, как раз ту именно “сущность”, которую отмѣтил процитированный выше дневник не “совѣтскаго” общественнаго дѣятеля. Это сдѣлали, прежде всего, “незаконные комментаріи” самого предсѣдателя Совѣта. Чхеидзе сказал: “Наше предложеніе не прекраснодушіе, не мечта. Вѣдь, обращаясь к нѣмцам, мы не выпускаем из рук винтовки. И прежде, чѣм говорить о мирѣ, мы предлагаем нѣмцам подражать нам и свергнуть Вильгельма, ввергшаго народ в войну, точно так же, как мы свергли наше самодержавіе. Если нѣмцы не обратят на наш призыв вниманія, то мы будем бороться за нашу свободу до послѣдней капли крови. Предложеніе мы дѣлаем с оружіем в руках. Лозунг возванія — “долой Вильгельма!” Тут же “выборный командир” Измайловскаго полка обратился к собранію с горячей рѣчью: “я — старый солдат... Сейчас... рѣшается вопрос, быть или не быть Россіи и завоеванной ею свободѣ... Единодушными усилиями мы вмѣстѣ должны создать порядок, чтобы тѣсными рядами отстоять Россію и русскую свободу”. В повышенной атмосферѣ собранія потонули инсинуаціи Стеклова о контр-революціонной Ставкѣ, с которыми так неумѣстно выступил этот дѣятель перед обсужденіем возванія к народам всего міра на торжественном декларативном засѣданіи. Естественно, что Суханову происшедшія манифестаціи представлялись “свадебными пѣснями на похоронах”.

Не только Королепко и Гиппиус нашли созвучныя ноты с совѣтским “манифестом” 14 марта — “вдохновенная” рѣчь Родичева через двѣ недѣли, на съѣздѣ партіи к. д., вызвавшая, по отзыву отчета “Рус. Вѣд.”, энтузіазм в собраніи, в сущности говорила о той же борьбѣ “за свободу всѣх народов” и опредѣляла дѣль войны для Россіи, как защиту ея свободы и самостоятельности. Кадетскій бард говорил только о “любви к отечеству”, не упомянув даже о выполненіи тѣх исконных “національных задач”, которыми министр ин. д. революціоннаго правительства опредѣлял свою политику. Константинополь и проливы на съѣздѣ проскользнули лишь в повторных репликах во время преній**).

*) Как видно из воспоминаній Станкевича, представителя «трудовой группы» в Исп. Ком., «правые» считали рискованным выступленіе Совѣта со словом «мир». «Дойдет ли оно до народов міра и какое произведет там впечатлѣніе — неизвѣстно. Но ясно, что до нашего фронта оно дойдет немедленно и поставит перед арміей слишком осязательно и практически представленіе о мирѣ, что может только ослабить и так небольшіе остатки боеспособности фронта... «Послѣ дискуссіи в Комитетѣ и послѣ принятія оговорок о готовности русской демократіи бороться дальше за справедливый мир», трудовики голосовали за возваніе.

**) Любопытно, как видный дѣятель партіи, извѣстный государствовѣд Кокошкин, фактически входившій в состав правительства, мотивировал в

Таким образом общій язык мог бытъ найден. Станкевич увѣряет, что в Исп. Ком. “со слов делегации, сносящейся с Правительством, была полная увѣренность, что Правительство не только не возражает, но даже солидарно с манифестом”... Перед Таврическим дворцом проходили вновь манифестирующія толпы — проходили онѣ под окнами квартиры Мережковских, и писательница записывала: “Надписи на флагах... “война до побѣднаго”, “товарищи, дѣлайте снаряды”, “берегите завоеванную свободу”. Продефилировали и “первый революціонный Павловскій полкъ”, и волынцы, и семеновцы, и литовцы. Гремѣла марсельеза и раскатывалось могучее “ура”. “К полкам выходили и привѣтствовали их — и думскіе и совѣтскіе люди. Из праваго крыла на-лицо был неотлучно Родзянко. Он имѣл неизмѣнный успѣх” — вспоминает Суханов. “Было красиво, пышно, торжественно. Был подъем, было видно, как по новому бьется сердце”, — должен признать мемуарист, как и то, что “внутренніе” лозунги (“земля и воля”, “8-час. раб. день”), проходили среди “вѣшних”. Вѣшними были: “война до побѣднаго конца”, “солдаты в окопы, рабочіе к станкам”, “товарищи, готовьте снаряды”*). Из Таврическаго дворца нѣкоторые полки шли в Ген. Штаб, гдѣ говорил Корнилов, и гдѣ повторялись приблизительно тѣ же сцены. С криками “ура”. Корнилова носили на руках.

Дѣло не ограничивалось резолюціями и плакатами: “рабочіе к станкам”. Солдатскія письма с фронтов предъявляют требованіе работать усиленно на оборону, не считаясь с “восьмичасовым рабочим днем” — теперь “не время” праздновать; представители фронтовых организацій, прибывающіе в столицу, начинают ходить “по заводам в боевом вооруженіи” и контролировать. В ближайшія двѣ недѣли в Петербургѣ создалось очень острое положеніе: “отношенія между солдатами и рабочими достигли крайняго напряженія”, — так характеризует обстановку Суханов. “С часа на час можно было ожидать эксцессов... Разсвирѣпѣвшій воин-мужик мог... пустить в ход винтовку против... внутренняго врага”, по выраженію мемуариста. “Минутами чувствовалось, что должна разразиться гроза”, — говорит другой современник, принадлежавшій к большевицкой фалангѣ, провинціал, попавшій в эти дни в Петербург, (предсѣдатель нижегородскаго Совѣта, Штерн). По мнѣнію этого делегата Совѣщанія Совѣтов, собравшагося в концѣ мѣсяца, между фронтовыми делегатами и представителями рабочих столь велико было “недовѣріе”, что казалась невозможной “никакая совмѣстная работа”. Столичныя настроенія или вѣрнѣе настроенія фронтовых передавались в провинцію, гдѣ также можно зарегистрировать столкновенія солдат и рабочих.

Слишком было бы упрощено объяснить создавшееся напряженіе

соотвѣтствии с упомянутым интервью Милюкова необходимость для Россіи пріобрѣтенія проливов: они давно принадлежат не Турціи, а Германіи. И проливы будут или германскими, или русскими. Провидцем Кокочкина оказался плохим.

*) Можно было наблюдать и столь неподходящую для революціи надпись на знамени одной казачьей части: «выкупаем в германской крови наших лошадей». «Извѣстіям» не нравился популярный среди солдат лозунг: «война до побѣды», и они предлагали замѣнить его словами «война за свободу».

только агитаціей злокозненной “буржуазіи”, пытавшейся “вбить клин между арміей и городом”. Безспорно эта агитація была и принимала подчас организованныя формы, вызывая столь же страстное противо-дѣйствіе со стороны революціонной демократіи. Описанное возбужденіе совпало со “стоходовской панамой”, как назвал в дневникѣ ген. Селивачев прорыв иѣмцев “червищенскаго плацдарма” на берегу Стохода (21 марта). Русская военная неудача — первая послѣ переворота — произвела сильное впечатлѣніе и была непосредственно связана с событиями внутри страны — “первым предостереженіем” назвала ее “Рѣчь”^{*}). Эту неудачу постарались использовать в дѣлях агитаціонных, хотя, по существу, стоходовскій прорыв в районѣ 3 арміи на Юго-Западном фронтѣ, как опредѣленно устанавливал тактическій анализ хода боя, сдѣланный Алексѣевым в циркулярной телеграммѣ главнокомандующим фронтами 25 марта, в значительной степени объяснялся ошибками командованія (ген. Леш был отстранен), и войска оказали наступающему врагу мужественное сопротивленіе (“бой продолжался дѣлый день”, при чем войска понесли потери в 12-15 тысяч). Итог искусственнаго взвинчиванія настроенія получился не в пользу здороваго естественнаго роста патриотизма, ибо агитаціонная кампанія “обузданія” рабочих превращалась при содѣйствіи уличной печати в “гнусную клевету” на рабочій класс, как выразился Церетелли в Совѣщаніи Совѣтов. Демократическій “День” давал тогда мудрый совѣтъ: “Не дергайте дѣйствительность за фалды, не взнуздывайте ни армію, ни рабочій класс уколами отравленных перьев”... Мудрые совѣты в дни революціоннаго возбужденія рѣдко выслушиваются.

Не имѣем ли мы права сдѣлать, как будто бы, довольно обоснованное предположеніе, что, если бы осуществились опасенія ген. Алексѣева, и иѣмцы начали наступленіе, волна намѣчавшагося патриотическаго возбужденія поднялась бы на еще большую высоту и потопила бы всѣ ба-циллы циммервальдской заразы. Щепкин на съѣздѣ к. д., конечно, преувеличивал, когда говорил, что “народ требует, чтобы каждый из нас, способный носить оружіе, шел бы в армію”^{**}). Но из искры могло разгорѣться пламя. Иѣмцы пошли, однако, по другому пути — Стоход был явленіем единичным^{***}). Революціонная армія сохраняла свою упругость сопротивленія, и всѣ слухи, что иѣмцы “с востока убрали все, без чего мало-мальски можно было там обойтись”, не соотвѣт-

^{*}) На кадетском съѣздѣ Щепкин связал «стоходовскую панаму» с обращеніем Совѣта к демократіи всего міра — иѣмцы в отвѣтъ пустили волну газа, от которой погибла масса народа (по свѣдѣніям Алексѣева отравленных газами насчитывалось около 800 человек).

^{**}) Подмѣченное наблюдательным общественным дѣятелем «требованіе» народа в большей степени относилось к тѣм представителям боеваго патриотизма, которые прочно окопались в революціонном тылу и из своего беста пронесли патетическія и обличительныя рѣчи. Их слова на тему: «хоть рубашку с нас снимите, но Россію спасите», опредѣленно звучали фальшиво.

^{***}) Из телеграммы Славки о Стоходѣ явствует, что эта операція была задумана еще до начала русской революціи. Алексѣев говорит: «в теченіе послѣдних пяти недѣль по свѣдѣніям, получаемым, как от плѣнных, так и путем воздушной развѣдки, совершенно опредѣленно намѣчалось стремленіе противника произвести атаку против нашего плацдарма на лѣвом берегу Стохода... Представлялось вполне опредѣленным, что противник попытается произвести наступленіе с наступленіем оттели». »

ствовали действительности. К моменту революции Ставка определяла количество неприятельских дивизий на русском фронте в 127; в конце апреля число дивизий почти не изменилось — 128. Немцы сдѣлали ставку на разложение армий и наступлением, по признанию Людендорфа, боялись задержать разложение России. В наступивших революционных буднях “циммервальдский блок”, колебавшийся в своей компромиссной политикѣ и шедший под влиянием жизни на уступки, не только получил мощную опору, но и руководство в лицѣ путешественника из “пломбированнаго” вагона (см. “Золотой Ключ”). Это уже исторія послѣдующаго. В период, определяемый хронологическими датами нашего изложенія, дилемма, поставленная Лениным в “апрѣльских тезисах”, еще не могла возникнуть. Характерно, что большевицкій офицер “Правда” 28-го марта писал, что лозунгом партіи является не дезорганизация армий, не безсодержательное “долой войну”, а давление на Вр. Пр. с цѣлью заставить его открыто перед всей міровой демократіей выступить с попыткой склонить всѣ воюющія страны к немедленным переговорам о способах прекращения войны*).

Могла ли общественная эмоція, искусственно нѣсколько взвинченная, направить патриотизм масс в сторону внутренней перелицовки войны — сдѣлать ея сущность “совсѣм другой”? Могла ли война, “затѣянная царем”, и полученная “революціей” в наслѣдіе от стараго режима, превратиться в войну “революционную”, т. е., в соответствии с завѣтами XVIII вѣка, на солдатских штыках нести в другія страны идеи освобожденія? Как будто бы, в мартовскіе дни такая мысль никого не вдохновляла — такіе мотивы, пожалуй, зазвучали позднѣе в нѣкоторых рѣчах Керенскаго**). Но эта мысль высказывается в исторической работѣ одного из главных дѣятелей революціи, правда, в мартѣ находившагося еще в эмиграціи и непосредственных ощущеній от начала революціи не имѣвшаго. По мнѣнію Чернова, “измѣнить лик войны” можно было бы “попытаться”, если бы поперек дороги этой попытки не стоял тот факт, что к моменту революціи “военная энергія армий была уже как бы пулею на излетѣ, бессильно отскакивающей от груди неприятеля”. Тот же автор исторіи “рожденія революціонной Россіи” очень отчетливо показал всю рискованность историческаго метода “маскараднаго офранцуживанія русской революціи”: там война родилась из революціи, и в силу этого первая же война новой Франціи против наступающей монархической коалиціи приняла “естественно и спонтанейно характер революціонных войн”. Использовать патриотизм в таких цѣлях в Россіи без сильнаго толчка извнѣ было невозможно: едва ли ошибалось петербургское охранное отдѣленіе, когда в запискѣ конца 16 г., характеризуя основное настроеніе масс, писало: “всѣ ждут не дождутся, когда кончится эта проклятая война”. Может быть, именно поэтому так трудно было отыскать

*) За статью в «Правдѣ» о «манифестѣ 14 марта Суханов упрекалъ Каменева в «оборончествѣ». 25-го марта, по поводу агитации в Кронштадтѣ «побросать оружіе, закленать пушки, испортить поставленныя мины», «Правда» помѣстила особое воззваніе к гарнизону, пригласившее не вѣрять подобнаго рода провокаціонным призывам.

***) Мы говорим, конечно, не о ленинской концепціи превращенія мировой войны во всемірную гражданскую бойню под пролетарским стягом.

“правду” в подлинном настроені солдат, когда дѣло касалось наступленія: “правды не сыщешь”, — записал Селивачев 19 го марта.

4. — Ф а т а л ь н а я н е д о г о в о р е н н о с т ь .

Военное командованіе думало о наступленіи не в смыслѣ, конечно, измѣненія характера войны*) и даже не в смыслѣ отвлеченія арміи от внутреннихъ вопросов, а в смыслѣ выполненія принятыхъ Россіей на себя обязательствъ передъ союзниками. По первому впечатлѣнію от революціи Алексѣев, какъ было уже указано, рѣшительно отказался от немедленнаго выполненія дореволюціонныхъ обязательствъ и переносилъ возможный срокъ для “рѣшительныхъ операцій” на июнь-июль, считая необходимымъ до этого времени держаться “строго оборонительнаго плана дѣйствій” (отвѣтное письмо Гучкову 12-го марта). 18-го марта начальникъ французской военной миссіи Жаненъ переслалъ Алексѣеву телеграмму ген. Нивеля о невозможности измѣнить план, выработанный совмѣстнымъ совѣщаніемъ в Шантильи — союзники настаивали на томъ, чтобы, “не взирая на важныя внутреннія событія”, обязательства были выполнены, и чтобы русская армія оказала “возможно полное содѣйствіе англо-французскимъ арміямъ”. Къ этому времени стали поступать отвѣты со стороны фронтовыхъ главнокомандующихъ — они заставили Алексѣева измѣнить свою точку зрѣнія. 30 марта онъ телеграфировалъ военному министру: “...Только ген. Рузскій, указывая на то, что внутреннія событія отозвались на арміяхъ вѣреннаго ему фронта “весьма болѣзненно”, ссылаясь на разстройство продовольственныхъ, вещевыхъ и артиллерійскихъ запасовъ, на ненадежность укомплектованій, приходитъ къ опредѣленному заключенію о необходимости отказаться в ближайшіе мѣсяцы отъ выполненія наступательныхъ операцій и сосредоточить всѣ усилія на подготовкѣ къ упорной оборонѣ. Совершенно иначе отнеслись къ этому острому большой важности вопросу главнокомандующіе Западнымъ и Юго-Западнымъ фронтами. Оба высказали, что рѣшительныя дѣйствія наступающимъ лѣтомъ неизбежны. Если не откроемъ ихъ мы, то это сдѣлаетъ противникъ тогда, когда это будетъ выгодно и удобно ему. Отказъ отъ содѣйствія нашимъ союзникамъ, поставя ихъ в трудное положеніе, не избавитъ насъ отъ необходимости втянуться в упорныя, длительныя бои, но тогда, когда в свою очередь, мы не будемъ в состояніи рассчитывать на помощь нашихъ союзниковъ, в случаѣ, ихъ частичной или общей неудачи. Какъ бы ни были мы бѣдны в настоящее время средствами, все-же выгоднѣе наступать, даже безъ полной увѣренности в успѣхъ, чѣмъ перейти къ опасной оборонѣ и обречь себя на необходимость подчиниться рѣшеніямъ противника. Разстройство арміи и ея снабженія окажетъ свое вредное вліяніе, нисколько не в меньшей мѣрѣ при оборонѣ, чѣмъ при активной операціи”**). Алексѣевъ при-

*) Любопытно, что побѣдоносную Францію эпохи «великой революціи» — «сильную духомъ и вѣрой в свѣтлое будущее родины», вспомнилъ в приказѣ 5 марта командующій 10-й арміей ген. Горбатовскій, отставленный новой властью.

***) Интересно, принимая во вниманіе послѣдующую судьбу в дни революціи ген. Гурко, отмѣтить, что новый главнокомандующій Западнымъ фронтомъ, в своей телеграммѣ военному министру 24-го марта, выражалъ твердую увѣренность, что народъ, который сумѣлъ добиться политической сво-

соединился к мнѣнію Брусилова, что при слабой устойчивости войск оборона труднѣе, и что надо “начать весеннюю кампанію наступленіем”^{*)}). Свое письмо в Ставку Брусилев заканчивал таким характерным абзацем: ...“Несомнѣнно, 1917 год — послѣдній год войны и совершенно невѣроятно, чтобы война продолжалась и в 1918 г.; таким образом, обращаясь в этом году к пассивному образу дѣйствій, мы закончили бы войну безславно... Такой образ дѣйствій возстанвит против нынѣшняго Врем. Правит. не только всѣх наших союзников, но и всю Россію, и может свергнуть нас в анархію и возбудить негодование всѣх против своего высшаго командованія, и всякая дисциплина исчезнет, а демобилизація будет представлять собой еще болѣе трудное дѣло, чѣм это предполагается теперь”.

Свѣдѣній о том, как реагировало Правительство на доклад Ставки, в опубликованных матеріалах нѣтъ^{**)}). Оно цѣликом находилось под гипнозом настроеній центра — смѣлости дерзанія у него не было. Возможное единство настроеній еще раз было нарушено тѣм же министром ин. д. в упомянутом интервью с журналистами, 22-го марта. Гиппиус записала 25-го: “Правительство о войнѣ (о цѣлях войны) — молчит. А Милоков на днях всѣм корреспондентам заявил опять *прежним голосом* (курсив автора), что Россіи нужны проливы и Константинополь. “Правдисты”, естественно, взбѣсались. Я и секунды не остаиваляюсь на том, нужны ли эти чертовы проливы нам или не нужны. Если они во сто раз нужнѣе, чѣм это кажется Милокову — во сто раз непростимѣе его фатальная *безтактность*. Почти хочется разорвать на себѣ одежду. Рокоевое непониманіе момента на свою же голову!.. Керенскій должен был официально заявить, что это личное мнѣніе Милокова, а не пр-ва”. То же заявил и Некрасов... Хорошая дорога к “укрѣпленію пр-ва, к поднятію престижа власти...”^{***)}).

Трудно предположить, что со стороны Милокова проявилась только “фатальная безтактность”, скорѣе надо здѣсь, как и в фатальной рѣчи 2-го, видѣть задуманный политическій маневр, плохо рассчитанный, без учета настроеній и того резонанса, который может дать выпущенный пробный шар для оправданія внѣшней политики революціоннаго министра ин. д. Совѣтская демократія, дѣйствительно, взволновалась и не только “правдисты”^{****)}). “Циммервальдскій блок”, т. е.

боды, «должен сумѣть завоевать себѣ и политическую свободу внѣшнюю»... «Армія вполнѣ проникнута сознаніем тѣсной связи того и другого; нужно, чтобы и весь народ в тѣму и его руководители прониклись тѣм же, и тогда побѣда обезпечена, но ее нужно вырвать у врага, а не надѣяться, что она сама к нам придет вслѣдствіе неумѣлых и нерѣшительных дѣйствій противника».

*) Измѣнившееся настроеніе настолько затемнило память Алексѣева, что в своем послѣдующем дневникѣ по поводу іюньскаго наступленія он записал: «в началѣ апрѣля высшіе начальники высказали мнѣніе, что о наступательных операціях немыслимо думать».

**) Проф. Легра в свой апрѣльскій дневник записал объясненіе Милокова, что серьезному наступленію препятствует лишь продовольственное дѣло, которое было неосуществимо в тогдашних условіях.

***) Выступленіе Милокова было сугубо «безтактно», ибо как раз в этот момент остро стоял вопрос о «займѣ свободы». Интервью в газетах появилось в день похорон жертв революціи.

****) Происходившая в эти дни в Москвѣ конференція народных социалистов, которые были как бы внѣ совѣтской общественности и ея «интер-

“дѣвые” Исп. Ком. потребовали от Совѣта организаці широкой кампаніи в пользу мира — “мобилизовать, под лозунгом мира, пролетаріат и гарнизон столицы”, так как “сложившаяся конъюнктура угрожает революціи величайшей опасностью, увлекая ее в войну без конца”. “Правые” рѣшительно возражали, считая опасным для фронта “борьбу за мир внутри революціонной Россіи”. Начались долгія, бурныя пренія. Протоколов засѣданій Исп. Ком. (вѣрнѣе лишь “черновых” набросков) за эти дни мы не имѣем — приходится полагаться на тенденціозную временамя память Суханова. Значительное большинство высказалось за компромиссное предложеніе Церетели (впервые присутствовавшего на засѣданіи), через Контактную Комиссію потребовать от Правительства “официальнаго заявленія” об отказѣ от завоеваній.

Представители социалистических партій в Совѣтѣ, — пишет Милюков в своей “Исторіи”, — требовали от Правительства немедленнаго публичнаго заявленія о цѣлях войны, в соответствии с формулой: “мир без анексіи и контрибуцій”. Тщетно П. Н. Милюков убеждал их, что самая основа их расчета — возможность, стговориться с социалистами всѣх стран на почвѣ циммервальдской формулы, — не существует, ибо подавляющее большинство социалистов обѣих воюющих сторон стали на точку зрѣнія національную и с нея не сойдут. Отчасти незнакомство с европейскими отношеніями, отчасти вѣра в творческую силу русской революціи*), наконец, и прямая зависимость от большевицкой (?) идеологіи, не позволили социалистам согласиться с П. Н. Милюковым в этом коренном вопросѣ интернаціональнаго міросозерцанія**). Но не поддержали его и его товарищи — не-социалисты... П. Н. Милюков, уступая большинству, согласился на опубликованіе заявленія о цѣлях войны, но не в видѣ дипломатической ноты, а в видѣ воззванія к гражданам и при том в таких выраженіях, которыя

національнаго міросозерцанія», «оборонческіе» взгляды которых сомнѣнію не подлежали, очень опредѣленно высказалась против каких либо «завоеваній». Формула эта была популярна, — она повторялась и в обращеніи к Совѣту Пироговскаго Съѣзда 8-го апрѣля и Учительстваго Съѣзда 10-го.

*) Керенскій в Совѣщаніи Совѣтов увѣренно говорил, что измѣненіе цѣлей войны в Россіи вызовет измѣненіе этих цѣлей у всѣх держав — это «несомнѣнно», это «ясно, как день».

**) «Революціонная демократія» несомнѣнно возлагала большія надежды на свой проект созыва в Стокгольмѣ, в концѣ іюня, международной социалистической конференціи, главной задачей которой представлялась выработка «путей и средств» для «борьбы за мир». По отношенію ко времени, о котором у нас идет рѣчь, это было — будущее, ибо постановленіе Исп. Ком., относительно обращенія к социалистическим партіям и центральным профессиональным организаціям «всего міра» по поводу созыва такой конференціи, было сдѣлано лишь 20-го мая. Была ли это только «утопія»? Отмѣтим, что представитель русскаго дипломатическаго вѣдомства в Лондонѣ, К. Д. Набоков, был увѣрен, что осуществленіе этого проекта привело бы к компромиссному миру. Идея созыва стокгольмской конференціи отнюдь не принадлежала большевикам, как предполагает, напр., проф. Перс (очевидно, и Милюков). Перс, бывшій в то время в Россіи и прикомандированный к англійской военной миссии, утверждает, что он сам слышал агитацію большевиков на фронтѣ за заключеніе мира в Стокгольмѣ. Очевидно, англійскій историк не слишком глубоко проник в отношенія социалистических партій — подлинными большевиками являлись опредѣленными противниками стокгольмской затѣи.

не исключали возможности его прежнего пониманія задач внѣшней политики и не требовали от него никакой перемѣны в курсѣ этой политики. “Заявленіе Врем. Правит. о цѣлях войны” было, дѣйствительно, опубликовано 28 марта и вставлено в обращеніе к гражданам с указаніем, что “государство в опасности”, и что “нужно напречь всѣ силы для его спасенія”: такая форма была придана документу А. Ф. Керенским. Основное мѣсто выражено слѣдующим образом: “предоставляя волю народа (т. е. Учр. Собор.) в тѣсном единеніи с союзниками окончательно разрѣшить всѣ вопросы, связанные с міровой войной и ея окончаніем, Вр. Пр. считает своим правом и долгом нынѣ же заявить, что цѣль свободной Россіи — не господство над другими народами, не отнятіе у них их національнаго достоянія, *не насильственный захват чужих территорий*, но утвержденіе прочнаго мира на основѣ самоопредѣленія народов. Русскій народ не добивается усиленія внѣшней мощи своей за счет других народов, как не ставит своей цѣлью ничьего порабощенія и униженія. Во имя высших начал справедливости им сняты оковы, лежавшія на польском народѣ, и русскій народ не допустит, чтобы родина его вышла из великой борьбы униженной, подорванной в житейских своих силах. Эти начала будут положены в основаніе внѣшней политики Вр. Пр., неизмѣнно проводящаго волю народную и ограждающаго права нашей родины при полном соблюденіи обязательств, принятых в отношеніи наших союзников”.

Поистинѣ изумительное поясненіе дает дальше Милоков: “Естественно” представители Совѣта не удовлетворились “двусмысленными и уклончивыми” выраженіями правительственнаго акта. Тогда Некрасов — это было уже на слѣдующій день — указал им, что для них выгоднѣе истолковать уклончивыя выраженія акта в своем смыслѣ, как уступку Правительства, и на этом основаніи поддержать “заявленіе”. Эта тактика и была принята социалистической печатью. П. Н. Милоков заранѣе выговорил себѣ право, в случаѣ, если заключенный компромисс будет толковаться односторонне, толковать его в своем смыслѣ и раскрывать неопредѣленные выраженія в направленіи прежней своей политики, “согласной с политикой союзников и с національными интересами Россіи”...

Подобно тому, как в знаменательную ночь, с 1-го на 2-ое, соглашавшіяся предпочли форму умолчанія, как начало примиряющее, так и теперь формально предпочли “уклончивыя выраженія”, которыя каждая из договаривающихся сторон будет толковать в “своем смыслѣ”. Милоков в “Исторіи”, однако, забыл добавить, что под вліяніем критики совѣтских представителей в правительственный документ были введены такія, напр., уточненія, как отказ от “насильственнаго захвата чужих территорий”, чѣм в корнѣ измѣнялась “прежняя министерская программа*), и что дало повод “Русским Вѣдомостям” замѣтить, что в правительственной деклараціи 28-го нѣтъ и намека на “империализм”. По существу в правительственном актѣ ничего уклон-

*) В составленіи самого документа Милоков непосредственнаго участія не принял. Составлен был проект заявленія тѣми членами Правительства, которые были в оппозиціи к внѣшней политикѣ министра ин. дѣл. Это была все та же оппозиціонная «семерка».

чиваго не было, уклончивость была только во взаимных обязательствах и во введеніи в нѣкоторый обман союзнических дипломатов, так как документ, странным образом, предназначался только для внутреннего употребленія. В эти дни, конечно, это стояло на первом планѣ. Однако, гутаперчивая политика неизбѣжно должна была привести к острому конфликту, что и произошло через мѣсяц и завершилось запоздалым уходом лидера “цензурной общественности” из состава революціоннаго правительства. Межсоюзническая дипломатія вовсе не была склонна считаться с “домашними затрудненіями” Россіи и рассматривать декларацію 28-го марта, как документ, не предназначенный для “экспорта”. Кон. Набоков доносил в Петербург (4 апрѣля), что в Лондонѣ правительственное заявленіе рассматривают, как отказ Россіи от “права на Константинополь и иныя территоріальныя приобрѣтенія”, выговоренныя предшествующими соглашениями. Набоков настаивал на необходимости официально “разяснить”, что принцип “мира без анексій” принимается революціонной Россіей “не безусловно”, а постольку, поскольку он не противорѣчит “жизненным интересам” страны. Милюков, считавшій только свою позицію в международных вопросах реалистической, а всѣ остальные разговоры о войнѣ “младенческими бреднями”, как откровенно выразился он послѣ своего ухода из правительства на казачьем съѣздѣ 9-го іюля, попытался истолковать в “своем смислѣ” мартовскую декларацію в той “разъяснительной” нотѣ 18-го апрѣля, которая и положила начало правительственному кризису, ибо она была сдѣлана наперекор явно выраженным пожеланіям со стороны демократіи.

**
*

На другой день послѣ опубликованія правительственной деклараціи собралось “всероссійское” Совѣщаніе представителей Совѣтов. На очереди в порядкѣ дня первым был поставлен злободневный вопрос об отношеніи к войнѣ. Докладчиком выступил Церетели, привѣтствовавшій рѣшеніе “отвѣтственнаго правительства буржуазіи” — Временнаго Правительства — “торжественно возвѣстять во имя “единенія сил” о разрывѣ своей внѣшней политики с господствовавшей до переворота “имперіалистической”, “узко-классовой” точкой зрѣнія. Это заявленіе есть “огромная побѣда всей демократіи”. Поворотный момент внѣшней политики, по представленію докладчика, является “поворотным моментом не только для одной Россіи” — это “факел, брошенный в Европу”, и тѣ “идеалы, которые в настоящее время там еле морщали”, “засвѣтятся так же ярко, как засвѣтились и озарили они всю нашу внутреннюю политику”. Заявленіе Правительства не дало еще полного удовлетворенія того, что желает демократія. Необходимо, чтобы Врем. Прав. вступило в переговоры с союзными правительствами для выработки общей платформы на основаніи отказа от анексій и контрибуцій.

Вѣроятно, оратор искренно вѣрил в свою “утопію”. В сложившейся конъюнктурѣ важна была не декларативная формулировка будущих международных отношеній, а опредѣленіе той реалистической позиціи, которую “революціонный народ” должен занять в отношеніи войны, шедшей на его собственной территоріи. “Революціонный народ

Россіи, — говорилось в проектѣ резолюціи Исп. Ком., прочитанной Черетелли, — будетъ продолжать свои усилія для приближенія мира на началахъ братства и равенства свободныхъ народовъ. Официальный отказъ всѣхъ правительствъ отъ завоевательныхъ программъ — могучее средство для прекращенія войны на такихъ условіяхъ. Пока эти условія не осуществлены, пока продолжается война, россійская демократія признаетъ, что крушеніе арміи, ослабленіе ея устойчивости, крѣпости и способности къ активнымъ операціямъ были бы величайшимъ ударомъ для дѣла свободы и для жизненныхъ интересовъ страны. Въ дѣлахъ самой энергичной защиты революціонной Россіи отъ всякихъ посягательствъ на нее извнѣ, въ видахъ самаго рѣшительнаго отпора всѣмъ попыткамъ помѣшать дальнѣйшимъ успѣхамъ революціи, Совѣщаніе Совѣтовъ Р. и С. Д. призываетъ демократію Россіи мобилизовать всѣ живыя силы страны во всѣхъ отрасляхъ народной жизни для укрѣпленія фронта и тыла. Этому повелительно требуетъ переживаемый Россіей моментъ, это необходимо для успѣха великой революціи”.

Официальной деклараціи Исп. Ком. большевицкая фракція противопоставила свою, придавъ ей отвлеченную формулировку: “Есть одинъ способъ создать тотъ миръ, къ которому стремится вся вселенная”, — говоритъ отъ имени большевиковъ Каменевъ: “этотъ способъ — превратить русскую національную революцію въ прологъ возстанія народовъ всѣхъ воюющихъ странъ противъ молоха имперіализма, противъ молоха войны... Слишкомъ много благородныхъ словъ прикрывало разбойную политику, восторжествовавшую и приведшую къ войнѣ... Не благородныхъ словъ, не прикрытія для имперіалистической войны, а правды, голой правды о томъ, что такое эта война, требуютъ всѣ народы, и мы одни здѣсь — побѣдившая революція — можемъ сказать и должны сказать... что это не народная война, что это война не народами затѣяна, на эту войну обрекли насъ имперіалистическіе классы всѣхъ странъ. Собравшись сюда, какъ полномочные(?) представители народовъ Россіи, вы должны сказать: “Мы не только зовемъ всѣхъ угнетенныхъ, всѣхъ поработенныхъ, всѣ жертвы міроваго имперіализма къ возстанію противъ рабства, противъ имперіалистическихъ классовъ, но мы отъ имени русскаго революціоннаго народа говоримъ: ни одной лишней капли крови за интересы своей или чужой буржуазіи пролиться мы не дадимъ”... “Мѣсяцъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ революціонный пролетаріатъ и революціонная армія въ Петроградѣ поставили здѣсь Временное Правительство, и мѣсяцъ нуженъ былъ на то, чтобы это Правительство, вышедшее изъ революціи, осмѣлилось сказать дипломатично и осторожно, что оно не считаетъ задачей русскаго свободнаго народа закабалить чужія земли”... “Мы должны сказать: революціонная Россія требуетъ, чтобы Врем. Правит. формулировало волю ея къ миру и надѣется, что только возстаніе угнетенныхъ народовъ другихъ странъ поддержитъ русскую революцію и создастъ тотъ миръ, который хотя бы въ малой степени возвратитъ намъ тѣ великія затраты народной крови, которыя вышилъ уже изъ міра вампиръ милитаризма”*)).

*) Резолюція, предложенная Каменевымъ, была выработана на большевицкой конференціи, собравшейся наканунѣ Совѣщанія. Конференція не нашла отклика въ тогдашней столичной печати. Шляпниковъ приводитъ свѣдѣнія изъ отчета, составленнаго Милотиннымъ, который принадлежалъ къ «лѣвой» груп-

В развернувшихся прениях голоса представителей армии (напомним, что на Совѣщаніи были представлены 6 армій и 40 отдѣльных воинских частей) прозвучали довольно однотонно. Вовсе не представляя исключенія солдат Новицкій, выступившій от имени Особой арміи и предложившій, как крикнули ему с мѣста, “кадетскую резолюцію”. Отмѣчая довѣріе к Правительству, созданному революціей, Новицкій говорил о нѣкоторой неясности обсуждаемой резолюціи: ...“Я хочу мира, душа жаждет мира, но не позорнаго мира... Мы тогда только можем спокойно вернуться с поля сраженія, когда мир будет подписан не позорный (“пока всѣ пѣмцы не признают, что надо заключить мир именно на правах равенства, братства и свободы”), и вот я призываю от имени Особой арміи стать всѣм на работу и дать помощь арміи, чтобы она могла выйти из этой войны с побѣдой”. Не странно ли, — говорил представитель 12-ой арміи с. д. мещеник Ромм, — что “вопрос о немедленном заключеніи мира поднимается только со стороны тыла, и ни один солдат с фронта, который в тяжелых условиях 33 мѣсяца воюет, ни один из них не говорил о немедленном заключеніи мира”. Ромм удовлетворялся объединяющей “всѣх” резолюціей Церетелли и хотѣл бы только внести поправку, в том смыслѣ, что “под обороной страны подразумевается не только сидѣніе в окопах, но, если того потребуют обстоятельства, — “наступленіе”. И другіе представители фронта настаивали на том, что в резолюціи надо не столько подчеркивать “защиту”, сколько сдѣлать удареніе на “борьбу”. Резолюція бердичевского гарнизона призывала не “чуждаться исторических задач нашей родины” и стать “дружно на защиту свободной родной земли и ея историческаго права”. Прочитавшій резолюцію с. р. Усов, позднѣе, при обсужденіи отношенія к Правительству, от себя мотивировал так: “Моя личная точка зрѣнія такова: я прежде всего отношусь к Врем. Правит. не только с точки зрѣнія революціи и ея достиженій, но и с точки зрѣнія обороны страны. “Отечество в опасности”. Это не фраза, это крик, может быть, больной души и отчаянія. Я нахожусь близко к дѣйствующей арміи, и пока я ѣхал сюда, то видѣл дезертиров на крышах и подвожках — это была общая картина... Половина дезертиров, направившихся в Петроград, это — тѣ, которые потеряли дисциплину... Нужно создать правительство, которое пользовалось бы довѣріем всѣх классов населенія... Нужно правительство, которое будет авторитетно и обеспечит защиту страны, иначе через 2-3 мѣсяца страна сметет достиженія революціи... Меня больше всего возмущает то, что здѣсь слишком мало говорится об оборонѣ страны и слишком много об узкопартийных интересах”...

Собраніем, подавляющим большинством голосов, была принята

пѣ, и напечатаннаго в провинціальном (саратовском) партійном органѣ «Соціал-Демократ». Вопрос о войнѣ вызвал на конференціи «горячія пренія». «Одна часть конференціи твердо стояла на почвѣ рѣшеній, принятых в Циммервальдѣ и Кинталѣ; другая часть не менѣе рѣшительно стала на ту позицію, которую до сих пор горячо отстаивали на Западѣ Гэд и Самба, а у нас Маслов, Потресов, иначе говоря «оборонцы». «Правое» крыло считало неприемлемой резолюцію, предложенную бюро, в силу лозунга о «превращеніи империалистической войны в гражданскую» и отсутствія пункта о недопустимости «дезорганизаціи арміи». Принята была компромиссная резолюція в цѣлях «единства большевѣцких сил» (50 голосов против 14).

поправка Ромма и в резолюцію Церетелли были введены слова о "способности" армии к "активным операциям**"). Компромиссная, в сущности, резолюція Совѣщанія была, конечно, далека от того пафоса, который нужен был армии и который один только мог подвинуть ее на подвиг.

Какая-то струна лопнула в эти дни. Кто из настройщиков перетянул ее? Во все не надо принадлежать к числу "львых пошляков", для которых "Дарданеллы служили мишенью" (утверждение Ганфмана в юбилейном сборникѣ в честь Милюкова), для того, чтобы признать, что дарыградскія мечтанія, как бы воскрешавшія не ко времени традиціи ушедшаго и возбуждавшія подозрѣнія, сыграли значительную роль в этом дѣлѣ. Дарданельская химера, дѣйствительно, стала жу-пелом, который широко использовала демагогія**). Революціонное пра-

*) Резолюція собрала 325 голосов при 20 воздержавшихся и 57 за резолюцію большевиков, которая, отвергая «деорганизацию армии», считала необходимым сохранить ее мощь, как оплот против «контр-революцій». С большевниками голосовали с. р. и с. д. «интернационалисты». Таким образом, количество чисто большевических голосов на собраніи оказалось ничтожным. Группа большевиков от 13 городов голосовала за резолюцію Исп. Комитета.

**) Вопрос о проливах был не только «руководящей нитью» в дипломатической политикѣ министерства ин. д., как о том заявил на майском партійном съѣздѣ ушедшій из правительства Милюков. Намѣчавшуюся еще осенью 16 г. десантную операцію (см. «Легенду о сепаратном мирѣ») сторонники ее в первые два мѣсяца революціи довольно интенсивно пытались форсировать. В дни посѣщенія Ставки членами Правительства, министр ин. д. был подробно освѣдомлен о предположеніях, касающихся «босфорской операціи» помощи, иач. воен.-морск. отдѣла при Штабѣ верх. главноком. кап. 1 ранга Бубновым и представителем мин. ин. д. Базили, (босфорскую операцію, по словам Колчака, готовили к моменту, когда в Черном морѣ наступит «совершенно спокойное положеніе»). Намѣчавшійся план, до известной степени, разрушался намѣреніем военного министра приостановить подготовительныя работы по оборудованію транспортных средств в Черном морѣ для десанта и использовать в виду кризиса желѣзнодорожных перевозок освободившіяся транспорты для грузовых перевозок минерального топлива для фронта. Базили в письмѣ 23-го марта Милюкову жаловался на эту «весьма прискорбную» мѣру с точки зрѣнія «осуществленія наших цѣлей на проливы», так как для выполненія десантной операціи остался «весьма ограниченный срок: от 1 июля до 1 августа», и «по поступающим свѣдѣніям, обстановка для удара по Константинополю рисуется в благоприятном свѣтѣ». (Предполагалось, не останавливая работ по оборудованію 90 десантных транспортов, для усиленія грузовых перевозок использовать румынскія рѣчные пловучія средства, стоявшія на Дунаѣ «без всякаго дѣла». Но Румынія отказывала в этом. От мин. ин. д. требовалось воздѣйствіе «дипломатическим путем»). Письмо Базили совпало с шумѣвшим интересью Милюкова. Но и послѣ правительственной деклараціи 28-го марта, положившей veto на завоевательные планы, разговоры и даже конкретныя мѣры к подготовкѣ «босфорской операціи» не прекращались. Деникин, занявшій 5-го апрѣля пост начальника штаба в Ставкѣ, говорит, что в апрѣлѣ Милюков, «вдохновленный молодыми пылкими моряками» (в дѣйствительности дѣло было, как мы только что видѣли, не совсем так), вел «многочисленно» переговоры с ген. Алексѣевым, убѣждая его предпринять эту операцію, которая, по его мнѣнію, могла увѣнчаться успѣхом и поставить протестующую против анексий революціонную демократію перед совершившимся фактом. Ставка отнеслась совершенно отрицательно к этой затѣѣ, так не соотвѣтствовавшей состоянію наших войск (Алексѣев, как мы знаем, и раньше был противником «босфорской операціи»). Просьбы министра становились, однако, так настойчивы, что ген. Алексѣев счел себя вынужденным дать ему

вительство, таким образом, не сумѣло воспользоваться тѣм активом, который, казалось, давался ему в руки, и который кн. Львов, в письмѣ къ Алексѣеву 11-го марта выразил словами: "подъем покроет недоимки, вызванныя пароксизмом революціи". Какая трагедія для арміи! Как раз в эти же дни французскій посол отмѣтил в дневникѣ ухудшеніе положенія в смыслѣ войны. Ею мало кто интересуется — все вниманіе сосредоточено на внутренних вопросах. Такое впечатлѣніе можно было вынести не только в салонах, которые посѣщал Палеолог. Не показательно ли, что в первом вскорѣ послѣдовавшем публичном выступленіи лидера народных социалистов Мякотина войнѣ в докладѣ было отведено послѣднее мѣсто. Страна жила не войной, а революціей. Взгляд современников обращался "внутрь", как это наблюдали члены Думы при посѣщеніи деревни, гдѣ война, по их впечатлѣнію, отходила "на задній план".

III. Демократизація арміи.

1. — П о л и т и к а в а р м і и.

Можно было бы согласиться с утвержденіем нѣкоторых мемуаристов, что "сколько нибудь усѣбное веденіе войны было просто несовмѣстимо с тѣми задачами, которыя революція поставила внутри страны, и с тѣми условіями, в которых эти задачи приходилось осу-

показательный урок: предположена была экспедиція в небольших размѣрах к малоазіатскому берегу Турціи». Сформированіе отряда было возложено на румынскій фронт. «Прошло нѣкоторое время и скоифуженный штаб фронта отвѣтил, что сформировать отряд не удалось, так как войска... не желают идти в десантъ»... (Слѣдовательно солдаты инстинктивно чувствовали безсмысленность «показательнаго урока»). Насколько назойливо вкопелась в нѣкоторых кругах мысль о «проливах», показывает слѣдующее письмо Базили из Ставки, помѣченное 11 апрѣля: ...«Приходится все болѣе серьезно считаться, — информировал Базилъ Милокова, — с тѣм, что нам, быть может, не удастся по обстоятельствам внутренним, так и в особенности по причинам техническим до конца войны фактически завладѣть проливами... Послѣдній срок принятія рѣшенія — середина мая мѣсяца или в самом крайнем случаѣ, начало іюня мѣсяца («Свѣдѣнія эти сообщая вам на основаніи слов ген. Деникина», — добавлял Базилъ). ...Если же мы не завладѣем проливами в теченіе предстоящих мѣсяцев, то есть всѣ основанія предполагать, что война кончится без того, чтобы мы их приобрѣли. Все это невольно приводит меня к мысли, не слѣдует ли — отнюдь не отказываясь от намѣренія осуществить босфорскую операцію и наоборот, продолжая всячески настаивать на ея необходимости — все же имѣть в виду и иное рѣшеніе вопроса о проливах... Единственным же, как мнѣ кажется, сколько-нибудь пріемлемым для нас способом рѣшить вопрос о проливах для завладѣнія ими, должно быть признано соглашеніе с Турціей на условіях оставленія за ней суверенности над Константинополем и его районом, но с предоставленіем нам необходимых фактических гарантій — «военнаго контроля» в отношеніи проливов, т. е. «всемѣрно стремиться к достиженію сепаратнаго мира с Турціей»..., чтобы «до мирной конференціи создать совершившійся фактъ». Подобное рѣшеніе, по мнѣнію Базили, «неизмѣримо выгоднѣе «нейтрализаци» проливов, к которой имѣют такую неосновательную склонность наши крайне(?) лѣвые круги. (Такою мыслью, между прочим, выказал в мартѣ в бесѣдѣ с великобританским военным агентом ген. Ноксом Керенскій и Терещенко в разговорѣ с Бьюкененом).

пеществлять***) — согласиться только с одной оговоркой, что задачи ставила “стихія”, а условия во многом опредѣляли люди. От этих “условій” зависѣла дальнѣйшая судьба революціи. Втуге было требовать, чтобы солдаты не занимались “политиканством”, как выражался 4 марта в приказѣ главнокомандующій арміями Западнаго фронта Эверт, — требовать, чтобы они не тратили “зря” время и нервы на “безцѣльное обсужденіе” того, “что происходит в тылу и во внутреннем управленіи Россіи”. “Войска должны смотрѣть вперед — писал Эверт — в глаза врагу, а не оглядываться назад на то, что дѣлается в тылу, внутри Россіи... О порядкѣ в тылу предстоит заботиться тѣм, на кого эти заботы возложены довѣріем народным, с вѣрою в то, что они выполнятъ свой долг перед родиной так же честно, как и мы должны исполнить до конца свой”. Теоретически возможно было отстаивать “единственно правильный принцип — невмѣшательство арміи в политику”, как это на первых порах сдѣлал Алексѣев (письмо Гучкову 7 марта), или как это дѣлали “Русскія Вѣдомости”, ссылаясь на “азбучную истину” конституціонных государств (11 марта). Но такіе лозунги тогда были внѣ жизни**) и, слѣдовательно, неосуществимы, ибо революція не была “дворцовым переворотом”, которому наступаетъ конец, раз цѣль его достигнута. Был, конечно, совершенно прав выступавшій от фронтовой группы на Госуд. Совѣщаніи в Москвѣ Кучин, говорившій “так наивно представлять себѣ, что армія, которая силою вещей, ходом всѣх событій приняла активную роль в развитіи этих событій, чтобы эта армія могла не жить политической жизнью”. Военное командованіе в своихъ разсужденіяхъ с профессиональной точки зрѣнія было логично, но не совсѣм послѣдовательно было Правительством, которое в приказѣ военнаго министра от 9 марта говорило арміи и флоту — бдите! “опасность не миновала, и врагъ еще можетъ бороться... В переходные дни онъ возлагаетъ надежду на вашу неподготовленность и слабость. Отвѣтите ему единеніем”. Военному министру иторили воззванія Временнаго Комитета Гос. Думы — “Мы окружены страшною опасностью возстановленія стараго строя”. Срок, когда надо перестать бояться “контр-революціи”, каждый опредѣлялъ слишкомъ субъективно, равно как и то, в чемъ олицетворялась эта контр-революція в странѣ.

Событія всколыхнули армію сверху до низа. В крестьянской в своемъ большинствѣ арміи земельный вопросъ дѣлается центромъ вниманія. Стрѣлки в корпусѣ Селивачева “далеко не всѣ сочувствуютъ введеннымъ новшествамъ” — записываетъ авторъ дневника 13 марта: “больше всего хлопочутъ они — будетъ ли имъ прирѣзана земля за счетъ помѣщиков, удѣлов и монастырей — вотъ ихъ главнѣйшее желаніе”. Членъ Гос. Думы Демидовъ, посѣтившій фронтъ, передавалъ в “Письмахъ

*) Таково было мнѣніе В. Д. Набокова, принадлежавшаго къ числу тѣхъ, которые полагали, что одной изъ причинъ революціи было утомленіе отъ войны и нежеланіе ее продолжать.

**) Эту истину для всякой эпохи, выходявшей изъ предѣловъ обыденной государственной жизни (такой эпохой была, конечно, «великая европейская война»), понялъ даже престарѣлый бѣрдъ неограниченной монархіи Горемыкинъ, заявившій в 15 г. в Совѣтѣ министровъ: «Политика в условияхъ настоящей войны неотдѣлима отъ военныхъ дѣл. Семь военныхъ говорятъ, что воюетъ не регулярная армія, а вооруженный народъ».

из арміи” (“Рус. Вѣд.”), как аудиторія “замирала” при упоминаніи о землѣ. Неужели можно было каким либо революціонным приказом заставить ее быть внѣ “соціальной политики”? Может быть, Н. Н. Щепкин был прав, когда утверждал на съѣздѣ к.-д., что никакого (это слишком, конечно, сильно) сочувствія на фронтѣ не встрѣчает попытка разрешить сейчас соціальные вопросы. Сознаніе, что немедленное рѣшеніе земельного вопроса может сорвать фронт, было и потому так естественно, что во многих солдатских письмах того времени, идущих с фронта, сдерживаются порывы односельчан к дѣлежу земли. Но у стоящей в бездѣйствіи в окопах арміи неудержимое вестачи стремленіе к тылу. Припомним: “всѣ помыслы солдат обращены в тыл” — писал Русскому 29 марта Драгомиров, командовавший наибольше близкой к центру 5-ой арміей.

“Коллектив” в жизни арміи становится органической потребностью революціоннаго времени и не только в силу естественнаго стремленія к взаимному политическому общенію. “Коллектив — как отмѣтил И. П. Демидов в одном из своих ранних “писем” — является тѣм горнилом, гдѣ сплачивалась различная психологія в одну”. Только через этот коллектив могла притупиться роковая, ослабленная во время войны совмѣстной окопной жизнью, рознь между офицером и солдатом — всѣ стояли “перед лицом смерти”^{*}). Демократизація арміи требовала не только революціонная психологія, но и вся конкретная обстановка того времени.

2. — Р е в о л ю ц і о н н а я ч и с т к а .

Многіе дѣятели эпохи находились под вліяніем все того же призрака XVIII вѣка — французской арміи эпохи революціи. Вопрос “жизни или смерти” арміи в их представленіи лежал в плоскости “двухэтажнаго” построения новаго военнаго организма. Распад арміи могло удержать лишь “пересозданіе всей системы управленія и командованія арміи”. Основная причина всѣх бѣд коренилась в существованіи корпуса Генеральнаго Штаба. Долой генштабистов! — дорога строевому офицерству. Так характеризует “рецепт эсеровской партіи” в дни революціи большевицкій изслѣдователь состоянія арміи в этот період Рабинович, пользуясь специальным сборником, который был выпущен в сентябрѣ 17 г. и излагал военную программу партіи. Основная причина неудачи 17 г. лежит таким образом в том, что на командных постах остались 800 старших офицеров, пропитанных “кастовым духом”. Вождь партіи поддержал эту позицію и в своей исторической работѣ. “Армія может существовать только, как монолит” — разсуждает Чернов. “Старый режим создавал эту монолитность сверху, новому приходилось создавать ее снизу. Старый режим заставлял строевое офицерство и солдат равняться в умонастроеніи своем по командному составу; революція неизбежно перемѣнила ро-

^{*}) Тема о «друзьях-братьях» в окопах, которая популяризировалась в войсковых обращениях первых дней революціи, может быть, и звучала извѣстной фальшью в силу чрезмѣрной своей сентиментальности, но и большевики, склонные утверждать, что повиненіе на фронтѣ до революціи держалось только «палкой», должны признать, что окопное сидѣніе нивелировало солдат и офицеров.

ли: командный состав должен был равняться по армейской демократии и очистить место новому командному составу, ею выдвинутому". "Смелое и широкое черпанье" из среды рядового офицерства "для продвижения вверх, выбор из него подлинных вождей революционной армии. Таков был бы рецепт настоящей революционной власти. С этим лозунгом когда то переорганизовали королевскую армию вожди великой французской революции. Но правительство из людей цензовой демократии... не могло пойти этим путем". "Его рецептура была компромисс"... Но *tertium non datur* — догматически провозглашает автор. "Все "третье" было лишь пустым топтанием на одном месте, тщетной попыткой примирить непримиримое. На такой попытке и вышли в тираж люди новой власти". Чернов вспоминает, что французская революция разрубил гордиев узел очень просто — "святой гильотинной". Пережила кризис — "отсутствие способных командовать" и "все же не погибла от него, но воскресла"; "равным образом впоследствии не только не погибла, но и поблдила... красная армия большевиков со своими новоиспеченными "краскомами" и со старыми военспецами, низведенными почти до роли экспертов при большевических политиках. Ибо и в армиях французской революции и в красной армии большевиков было преодолено то, с чем существование армии совершенно несовместимо: разлагающий ее дуализм и стихийная реакция на него в виде революционного самоуправства".

Мы привели эти большие выдержки не потому, что утопические построения, в них данные, заслуживали бы особого внимания. Гораздо существенней то, что они изображают символ ввры тех, кто судьбою были вознесены в дни революции на командные политические посты — от них зависело в значительной степени правильное разрешение вопросов, выдвигаемых жизнью. На революционную утопию в свое время отвѣтил ген. Алексѣев — "нѣмцев не обманешь". Гинденбург не стал бы ждать того времени, когда неспособные "командовать" научатся военному дѣлу. Отвѣтил Алексѣев и другое — ссылки на революціонныя войны XVIII столѣтія уже потому неубѣдительны, что несравнимы техническія средства и приемы борьбы. Столь же неубѣдительны будут и эксперименты эпохи гражданской войны, от которых послѣдствовали отказаться творцы русскаго междоусобія, как только прочно захватили власть. Только отвлеченная мысль, витающая в области предвзятых схем, могла строить проект реорганизации армии в дни мировой войны по "рецепту есеровской партіи**). Надо сказать, что в солдатских "мозгах", в той некультурной сѣрой массѣ, которая волновалась, повидимому, не возникла такая мысль. Вот бытовая сцена, зарегистрированная дневником ген. Селивачева. 15 марта в 14-м Финл. стрѣлковом полку произошли волнения из-за нежелания двух рот идти на работы. Начальник дивизіи рѣшил сам переговорить с упорствующими. В *дневник* он записал: ... "поздоровался с ними, поздравил с принятием присяги и... предложил рассказать миф, как они понимают присягу. Вышел унт. оф., который весьма разумно доложил, что раньше они не знали, за что дерутся, так как дрались за нѣмцев и предателей родины, теперь же им ясно, что они дерутся

*) Это не помѣшало Струве в позднѣйших «размышлениях о революціи» сказать, что «русская революція подстроена и задумана Германіей».

за счастье свободной России, и что долг каждого — добиться победы. И обратился к ротам и спросил, согласны ли они с объяснением унт. оф., всё ответили, что согласны. Тогда я сам разъяснил им, что такое долг, повелевающий им драться при всех условиях, и они обещали мне работать безропотно. Затем я спросил их, слышали ли они, что некоторые мутят слухами о выборе себя нач-ков. Так вот, чтобы объяснить им, в чем дело, я предлагаю вместо себя выбрать нач-ка дивизии, на что даю им 1/4 часа. Сам отъехал в сторону переговорить с офицерами. Стали что-то говорить между собою. Через 15 минут, спросив, готово ли, подъехал к ним и спросил, кого-же они выбрали себя нач-ком. Всё в один голос ответили: “Вас, только вас”. Я ответил: “Спасибо вам, но за что же вы меня выбрали — ведь я и ругал нервно кривко и строг был”. Тогда они ответили, что я всегда с ними, что они могут говорить со мной, что я все знаю, и что скажу, то так и надо делать, что они вёрят мне. Тогда я разобрал им по очереди всё эти свои достоинства и доказал, что для этого надо учиться, много работать и жить с ними, а посему им и трудно будет выбрать себя нач-ка.. Люди успокоились, я поблагодарил за работу и любовь ко мне и ушёл... Единственный пример, как ни характерен и ни красочен он был для революционной обстановки по своей наивной простоте, ничего не говорит, но всетаки он проткрывает крайшек заставши, отделяющей исследователя от быта и психологий современников. Впрочем, не трудно было бы привести и другие аналогичные иллюстрации, почерпнутые из мемуарной литературы.

В условиях времени не риторическое *tertium non datur*, а “компромисс” был единственным путем разрешения болезненных вопросов, связанных с реорганизацией армии. Но компромисс, договоренный с высшим командованием, компромисс плановый, а не в виде какой-то вышней уступки бунтующей стихии. Отсутствие договоренности и продуманности, как всегда, было величайшим злом. Первый военный министр революционного правительства сознавал необходимость произвести известные перемены в высшем командовании — не в том катастрофическом масштабе и не по тому, конечно, идеологическому рецепту, о которых говорили социалистические экспериментаторы. Неоперившийся еще Гучков пытается убедить уже 6-III Алексева в необходимости такого мероприятия. Указав Алексеву, что он единственный кандидат на пост верховного главнокомандующего, Гучков продолжал по юзу: “Вы пользуетесь доверием Правительства и популярностью в армии и народѣ. И то и другое вы можете в один миг удесятерить, приняв ряд решений, которые будут встречены с полным одобрением и горячим сочувствием страны и армии... Но эти решения должны быть приняты *безотлагательно*”. К таким решениям и относилась “мера устранения заведомо неспособных генералов”. Лучше сделать это “добровольно, чем под принуждением”. На возражение Алексева, что он, как нач. Штаба, таких мер принимать не может, ибо ему этого не предоставлено по закону, и что подобные меры встретятся с недостатком подходящих людей, а “замѣнить одного слабого таким же слабым — пользы мало”, Гучков пояснил, что Правительству надо только знать “внутреннее решение” генерала, и что он, Гучков, не согласен относительно “затруднительности найти

даровитых генералов для замѣны ряда бездарностей". "Такія новыя назначенія, — повторял министр, — произведенныя с одного маха, вызовут величайшій энтузіазм, как в арміи, так и в странѣ, и завоюют вам и повому правительству громадное довѣріе". Несочувствіе Алексѣева массовой генеральной чисткѣ командованія "с одного маха" и служило, очевидно, одной из причин колебаній, которыя были у Правительства при назначеніи его верховным главнокомандующим*). Алексѣев был назначен только 2 апрѣля.

*) У Правительства, очевидно, было три кандидата: Алексѣев, Брусиллов и Рузскій. Прогив Алексѣева прежде всего возражала «революціонная» или «совѣтская» демократія, и сам Алексѣев впоследствии в дневникѣ правильно опредѣлял причины этой оппозиціи — его приказ 3 марта и неуступчивость, им проявленная. На первом же засѣданіи Контактной Комиссіи поднялся вопрос о кандидатѣ, который замѣнит «отрѣщенного» от должности в. кн. Ник. Ник. Представители Совѣта стали возражать даже против «временнаго» замѣщенія этого поста Алексѣевым. «Разумѣется, это было неудовлетворительно — пишет в воспоминаніях Суханов — и мы категорически возражали. Но по этому серьезному вопросу мы не имѣли никаких директив и ограничились бесплодными препирательствами, главным образом, со Львовым, доказывавшим, что Алексѣева рѣшительно некъм замѣнить». По утвержденію Половцова, кандидатом лѣвых тогда был Брусиллов — эту кандидатуру поддерживал Керенскій. Против Алексѣева возстали и правые, — Родзянко обратился к Львову 18-го с особым письмом по поводу сообщеннаго ему извѣстія, что Правительство склонно поставить во главѣ дѣйствующей арміи Алексѣева. «Это назначеніе не приведет к благополучному окончанію войны» — писал Родзянко: «Я сильно сомнѣваюсь, чтобы ген. Алексѣев сосредоточил в себѣ сумму достаточнаго таланта, и способности, и силы воли, чтобы широко охватить то политическое настроеніе, которое теперь захватило Россію и армію. Вспомните, что ген. Алексѣев являлся постоянным противником мѣропріятій, которыя ему неоднократно предлагались из тыла, как неотложныя, дайте себѣ отчет в том, что ген. Алексѣев всегда считал, что армія должна командовать над тылом, что армія должна командовать над волею народа, и что армія должна как бы возглавить собой и правительство и всё его мѣропріятія; вспомните обвиненіе ген. Алексѣева, направленное против народнаго представительства, в котором он опредѣленно указывал, что одним из главнѣйших виновников надвигающейся катастрофы является сам русскій народ в лицѣ своих народных представителей. Не забудьте, что ген. Алексѣев настаивал опредѣленно на немедленном введеніи военной диктатуры». Родзянко доказывал, что имя Алексѣева «мало извѣстно» и «непопулярно», так как с этим именем связана сдача «всѣх крѣпостей, Варшавы и Царства Польскаго». Из обзора, представленнаго Алексѣевым об отношеніи фронта к перевороту, Родзянко было «совершенно ясно, что только Юго-Западный фронт оказался на высотѣ положенія. Там, очевидно, царит дисциплина, чувствуется голова широкаго полета мысли и яснаго пониманія дѣла, которая руководит всѣм этим движеніем. Я имѣю в виду ген. Брусилова, и я дѣлаю из наблюденій моих при своих поѣздках по фронту тот вывод, что единственный генерал, совмѣщающій в себѣ, как блестящія стратегическія дарованія, так и широкое пониманіе политических задач Россіи и способный быстро одѣлать создавшееся положеніе, это именно ген. Брусиллов». «Другим лицом широкаго государственнаго ума» Родзянко считал Поливанова. Письмо Родзянко не носило личнаго характера по своему существу и подкрѣплялось выпиской из протокола засѣданія Врем. Комитета, отставившаго кандидатуру Брусилова и признававшего, что «в интересах успешнаго веденія войны представляется мѣрою неотложною освобожденіе ген. Алексѣева от обязанностей Верх. Главнокомандующаго»... Кандидатура Рузскаго отпадала, потому что военный министр, по словам ген. Половцова, сопровождавшаго военнаго министра во время поѣздки его на фронт, «кѣтил негодованіем на пассивность Рузскаго» — дѣло было е в

Военный министр начал чистку за свой страх и риск. Вопрос этот сразу возник на первом заседании Особой Комиссии под председательством ген. Поливанова, созданной военным министром для преобразования армейского и флотского быта. И поднят он был, по словам Половцова, Энгельгардтом, заявившим, что “никакая реформа невозможна, пока не будут смѣнены нѣкоторые начальники”. Очевидно, под влиянием этих рѣчей, Гучков и поспѣшил поставить перед Алексѣевым дилемму о массовом увольнении генералов. Быть может, и рѣчи были инспирированы самим военным министром, ибо презумпція этой операціи, получившей в военной средѣ трагикомичное наименование “избіеніе младенцев”, установлена была в общественной думской средѣ еще до революціи — в дни военных неудач в началѣ войны. В рѣчи на съѣздѣ делегатов фронта, накануне своего ухода из Правительства, Гучков вспоминал, что он “еще задолго до войны” указывал на неизбежную неудачу, если не будет измѣнен командный состав, подобранный по принципу “протекціонизма и угодничества”. “Когда произошла катастрофа на Карпатах, я снова сдѣлал попытку убѣдить власть... но вмѣсто этого меня взяли под подозрѣніе”. На августовском совѣщаніи (15 г.) прогрессивнаго блока, гдѣ изыскивались “способы побѣды”, представитель правой части блока член Гос. Сов. Гурко говорил о необходимости “колоссальной перетряски” в командном составѣ — “нужно влить новые принципы” (запись Милюкова). О чисткѣ офицерскаго состава говорил и Шингарев в Гос. Думѣ — надо дать “и лучших учителей, и лучших командиров, и лучших вождей”. Наконец, записка председателя Гос. Думы 16 г. представляла собой сплошное обвиненіе высшаго командованія... Таким образом “революціонная” чистка имѣла свои далекіе корни — революціонные круги, даже в крайнем теченіи, ограничивали тогда свои требованія устраненіем “безнадежно неисправимых” и “злостных реакціонеров” (“Правда”).

Гучков пошел по проторенному пути 1905 г. Как утверждает Деникин, дежурному генералу при Ставкѣ Кондзеровскому военным министром поручено было составить список старших начальников с краткой аттестаціонной отмѣткой по имѣвшимся матеріалам. Так создавался тот проскрипціонный список, который в Петербургѣ среди военных получил хлесткое названіе — “мерзавки”. Половцов, при-

пассивности, а в том оппозиціонном настроеніи («опредѣленная враждебность», по характеристикѣ Половцова), которое встрѣтил Гучков при посѣщеніи Пскова. Деникин колебанія относительно Алексѣева объясняет тѣм, что «сильный Гучков» боялся «кустучивости Алексѣева» (и потому послѣ назначенія Алексѣева поспѣшил назначить без сношенія с послѣдним ему в помощники «боевого генерала», т. е. Деникина). В дѣйствительности и здѣсь причиной была не «мягкость характера», а твердость и неодобрительное отношеніе Алексѣева к первым реформаторским шагам Поливановской комиссіи (близкій Гучкову Пальчинскій, по словам Половцова, открыто высказывался в комиссіи, что Алексѣев «не подходит в главнокомандующіе»). Можно придти к заключенію, что Алексѣева настойчиво поддержал глава Правительства, наиболѣе связанный с генералом своими прежними сношеніями. Чашу вѣсов перетянула в сторону Алексѣева именно его большая популярность в страиѣ и та роль, которую Алексѣев играл в выработкѣ и руководствѣ военными дѣйствіями послѣ кризиса 15 г.

вадлежавшій к числу “младотурок”*), близко стоявших к военному министру, описал “систему мерзавки”: выписаны были фамилии корпусных командиров и начальников дивизій с шестью графами; перья пять заполнялись оцѣнками, которыя давались различными гучковскими собесѣдниками, пользовавшимися довѣріем, а в послѣдней графѣ дѣлался общій вывод по большинству голосов: “достоен выдвигенія”, “может остаться”, “подлежит изгнанію”. Деникин рассказывает, что, когда он посѣтил военного министра 23 марта, тот предложил сдѣлать соответствующія отмѣтки против фамилій извѣстных ему генералов. “А поздѣе — добавляет мемуарист — послѣ объѣзда Гучковым фронта, я видѣл эти списки, превратившимся в вырокія простыни с 10-12 графами”. При такой системѣ оцѣнки генеральской благонадежности — и политической и военной, терялся, конечно, какой-либо объективный критерій. Хорошо, когда “политическія обвиненія” совпадали с отрицательными “босвыми качествами”. Но могло быть и другое.

Совершенно очевидно, что Алексѣев никакого активнаго участія в этой чисткѣ не принимал, хотя официальное Телегр. Аг. сообщало 21 марта, что вр. исп. долж. верх. главнок. даны широкія полномочія “для омоложенія и освѣженія высшаго командованія в арміи”. Поздѣе в юнѣ в письмѣ к ген. Скугаревскому сам Алексѣев так оцѣнивал пресловутую “мерзавку”: “рука великаго “реформатора” арміи Гучкова вымела из наших рядов в наиболѣе острую и критическую минуту около 120 генералов (Деникин и Врангель эту цифру доводят до 150) на основаніи болѣе, чѣм сомнительных, аттестацій анонимных “талантливых полковников и подполковников”. “Реформатор” мечтал освѣжить командный состав и вызвать “небывалый подъем духа в арміи”. Послѣдняго не случилось, к несчастью, а вреда сдѣлано не мало”. В извѣстном письмѣ к Родзянко 25 іюля, перечисляя необходимыя мѣры для возстановленія дисциплины. Алексѣев добавлял: “не мѣнять, как капризная и богатая женщина бросает перчатки, начальников, гоните слабых, не оказавшихся на высотѣ своего назначенія в бою, но не гоните по тайным, мутным аттестациям, как сдѣлал это Гучков. Он подломил состав начальников, мечтая вызвать в арміи взрыв энтузіазма массовым изгнаніем”.

В концѣ концов, достигла ли эта чистка своей цѣли? Позднѣйшій отзыв Алексѣева, находившагося в то время в довольно рѣзкой оппозиціи к Правительству, может быть заподозрѣн в своем безпристрастіи. В общем, по мнѣнію Половцова, картина по проскрипціонному списку получилась “довольно правильная”. Но кто сможет это подтвердить без предварительнаго разбора каждаго отдѣльнаго случая? Вот примѣр. Оговариваюсь, что у меня нѣтъ данных для сужденія о военных дарованіях ген. Литвинова, командовавшаго 1-ой арміей. Внѣшнія обстоятельства, как будто говорили за него. Армія его спокойно встрѣтила переворот, что часто во многом зависѣло от командующаго. Поверхностный мемуарист Половцов объяснил — это по-

*) Термин, примѣнявшійся еще перед войной к нѣкоторым молодым офицерам Ген. Штаба, проповѣдывавшим необходимость реформы арміи и примкнувшим к окруженію Гучкова.

тому, что армия Литвинова в “таких болотах, что до них революция не дошла, а вот у “бѣднаго Драгомирова” в Двинскѣ “плохо”. Картина представляется иной, если обратиться к коллективному заявлению офицеров 1-ой арміи в петроградскій Совѣт (опубликовано было в газетах 25 марта), в котором, между прочим, говорилось: “Мы присягнули Врем. Правительству... Братья — рабочіе и солдаты — петроградскаго Совѣта... Просим, не мѣшайте нам исполнять свой долг и помогайте нам снарядами.. Не создавайте двоевластія”... Очевидно, в Пинскія болота революція докатилась и была, как будто бы, правильно воспринята. А вот ген. Литвинов при свиданіи с военным министром в Псковѣ 11-го “брюзжал, фрондировал и производил крайне невыгодное впечатлѣніе” по характеристикѣ Болдырева. Литвинов предложил Болдыреву пост нач. штаба арміи. Болдырев воздержался от “окончательнаго отвѣта, предчувствуя отчисленіе самого Литвинова”. Он не ошибся — оно было опубликовано в газетах уже 14-го.

Сам Гучков в указанной рѣчи 29 апрѣля оцѣнил итоги “чистки” весьма положительно: ...“Я сознавал, — говорил он, — что в данном случаѣ милосердія быть не может, и я был безжалостен по отношенію к тѣм, которых я считал не подходящими. Конечно, я мог ошибаться. Ошибок, может быть, были даже десятки, но я совѣтовался с людьми знающими и принимал рѣшенія лишь тогда, когда чувствовал, что они совпадают с общим настроеніем”. Гучков был увѣрен, что провозглашеніе лозунга: “дорога талантам”, не считаясь с іерархіей, “вселило в души всѣх радостное чувство, заставило людей работать с порывом вдохновенія”... Деникин признает, что Гучков был прав в том отношеніи, что армия страдала и “протекціонизмом и угодничеством”, и что “командный состав не всегда был на высотѣ своего положенія”, отмѣчает и Врангель, что среди уволенных было “много людей недостойных и малоспособных”, “сплошь и рядом державшихся лишь от того, что имѣли гдѣ-то руку”. Однако, в данном случаѣ легко впасть в гиперболу, что и случилось, напр., с Черновым, как историком революціи. Он увѣряет уже, что “нѣтъ ни одного серьезнаго военнаго писателя, который не рисовал бы состояніе русскаго команднаго состава, иначе, как в видѣ каких-то авгіевых конюшен, для очистки которых нужны были не гучковскія, а геркулесовскія силы”. С предосторожностью автор не назвал военных писателей, из трудов которых он позаимствовал свои слишком категорическіе выводы. В другом мѣстѣ он ссылается на в. кн. Ник. Мих., на Верховскаго и Головина. Надо признать, что отмѣтки вел. князя-историка в дневникѣ вообще поразительно скоропалительны и тенденціозны. Верховскій в “Россія на Голгофѣ” слишком приспособляется к своей революціонной позиціи, а Головин чрезмерно субъективен в личных характеристиках. Работа Чернова выпущена в 34-м году; через нѣсколько лѣтъ у того же Головина он мог бы найти нѣсколько другую оцѣнку: “Три года тяжелой войны способствовали подбору в русской арміи к 1917 г. вопліи удовлетворительнаго команднаго состава”. (Вѣроятно, командный состав русской арміи был приблизительно такой, как

вездѣ во всем мірѣ, не исключая и стран с демократическим политическим строем).*)

Необходимость переменъ в командованіи ощущалась очень остро с перваго дня революціи. На необходимость эту указывали в своих отчетах, как мы видѣли, всѣ посланцы думскаго Комитета на фронт. То была, дѣйствительно, очередная задача. «Чистка являлась необходимой и по мотивамъ принципиальнымъ и по практическимъ соображеніямъ» — признаетъ Деникин. Но дѣло было в методахъ, примененныхъ военнымъ министромъ (отчасти, вѣроятно, в силу личныхъ свойствъ: Гучковъ склоненъ былъ къ закулиснымъ приемамъ дѣйствія) и в томъ масштабѣ, в какомъ осуществлялась «чистка». С чувствомъ какой-то гордости или непонятнаго самодовольства Гучковъ подчеркнул в апрѣльской рѣчи, что «в течение короткаго времени в командномъ составѣ арміи было произведено столько переменъ, какихъ не было, кажется, никогда ни в одной арміи»***). Чистка «с одного маха» могла имѣть политическое показательное значеніе лишь по тому психологическому впечатлѣнію, которое она произведетъ на массу. В дѣлахъ стратегическихъ демонстрацій сама по себѣ она была, конечно, не нужна — здѣсь проще безъ осложненийъ могла бы достигнута большаго непо-

*) Отрицательная оцѣнка команднаго состава создавалась подъ вліяніемъ все той же повышенной общественной психологіи періода военныхъ неудач, нѣсколько переоцѣнивавшей таланты нѣмецкихъ стратеговъ. Мысль эту высказывалъ в началѣ еще войны представитель мин. ин. д. в Ставкѣ Кудашевъ. Онъ писалъ своему шефу: «Я убѣжденъ, что наши генералы — прекрасно знаютъ дѣло.. но творческой искры у нихъ нѣтъ. Они годятся въ члены «гофкрингерихтъ», осмѣянаго Суворовымъ, но не в Суворовы, а с такими противниками, какъ нѣмцы, одинъ только Суворовъ можетъ побѣдить». (17 дек. 14 г.). Почти черезъ годъ Кудашевъ вновь возвращается къ этой темѣ с болѣе отрицательнымъ отношеніемъ къ русскимъ полководцамъ: «Война за цѣлый годъ не выдвинула ни одного Суворова. А такъ какъ большинство генераловъ берется изъ офицеровъ ген. штаба, то приходится вывести заключеніе, что Академія, ихъ порождающая, не на высотѣ своего призванія. Этотъ выводъ подтверждается наблюденіемъ надъ нѣкоторыми офицерами ген. штаба, у которыхъ превеличественное самоувѣреніе и ничѣмъ не оправдываемая самоувѣренность прикрываютъ рѣдкое умственное убожество и полную безличность». Кудашевъ, очевидно, не склонялся къ «эсеровскому рецепту» революціоннаго времени. Но этотъ рецептъ устраненія генштабистовъ былъ очень по душѣ имп. Ал. Фед. Она не разъ убѣждала мужа в своихъ интимныхъ письмахъ (напр., іюль 16 г.): «выгони генераловъ и выдвини какихъ-нибудь молодыхъ энергичныхъ людей. Во время войны нужны способные, а не по чину». «Многіе изъ нашихъ генераловъ — писала она в другомъ письмѣ — глупые идиоты, которые даже послѣ двухъ лѣтъ войны не могутъ научиться первой и наипростейшей азбукѣ военнаго искусства». Царица была убѣждена, что «простые офицеры, не хуже офицеровъ Ген. Штаба, могутъ разбираться» в сложныхъ стратегическихъ вопросахъ, Исторіку, пожалуй, и не совсѣмъ умѣсто итти по стопамъ довольно импульсивной и даже истерической женщины. Чрезмѣрныя обобщенія всегда рискованы. Достаточно назвать имена хотя бы нѣкоторыхъ изъ тѣхъ военныхъ вождей, кто фигурировалъ на командныхъ постахъ в дни революціи и гражданской войны для того, чтобы показать несуразность парадоксальнаго утвержденія об «авгіевыхъ конюшняхъ». Кто назоветъ бездарностью — Алексѣева, Рузскаго, Брусилова, Корнилова, Колчака, Непенина, Каледина, Деникина, Юденича, Врангеля и др? А вѣдь ихъ выдвинулъ на командные посты еще «старый режимъ».

**) Черновъ спѣшилъ сдѣлать поправку: гучковскія мѣры выглядятъ дѣтской игрушкой сравнительно с тѣмъ, что было продѣлано надъ своей арміей великой французской революціей. Подсчитано, что только до іюля 1793 г. в ней было отставлено 593 генерала.

средственно Ставка соответствующими переѣнами в командном составѣ. В имѣющихся публикаціях нѣтъ достаточнаго конкретнаго матеріала для опредѣленія того, как реагировало строевое офицерство на гучковскую “мерзавку”, открывавшую путь “талантам”, минуя іерархическую лѣстницу. Для рядовой солдатской массы, вѣроятно, важнѣе всего были взаимоотношенія с непосредственным начальством, и поэтому большого значенія не могли имѣть тѣ отдѣльныя письменныя и устныя заявленія, которыя доходили до военнаго министра и Исп. Комитета и требовали устранения представителей высшаго командованія*). Таким образом *условія*, при которых было осуществлено революціонное *заданіе*, в конечном результатѣ могли имѣть только отрицательное вліяніе**). Они нарушили атмосферу единенія между Правительством и верховным военным командованіем, столь необходимаго в эпоху реформированія “армейскаго и флотскаго быта”.

3. — Поливановская Комиссія.

Приказ № 114.

Нѣтъ, кажется, мемуариста из числа видных военных, который не помянул бы дурным словом “недоброй памяти” (слова Алексѣева на Гос. Сов.) Поливановскую Комиссію и ея дѣятельность. Она содѣйствовала разложению арміи своим потворством демагогіи людей, которые или не понимали “психологию арміи” или сознательно стремились к ея уничтоженію. Она шла на поводу совѣтских демагогов. Она “холопски” ухаживала за солдатами, по выраженію дневника Куропаткина. Однако, в оцѣнку ея разработанных мѣропріятій по “демократизаціи арміи”, осуществленіе которых началось в министерство Гучкова, привносится слишком много из позднѣйших переживаній и многое из того, что было, рѣшительно забывается. Касаясь *мартовскаго* періода революціи, приходится внести много поправок к утвержденіям мемуаристов и историков — о “пресловутой комиссіи” Поливанова и о “недѣльных реформах” Гучкова (Керенскій в “Дѣлѣ Корнилова”). Надо прежде всего отказаться от тенденціи, к которой излишне склонен Деникин, всѣх сторонников демократизаціи арміи относить к числу демагогов и оппортунистов***). Возражая на посмертныя воспоминанія Гучкова, Деникин особенно опредѣленно высказался: в арміи были

*) Врангель считает, что гучковская «чистка» была «глубоко ошибочна», потому что замѣнила устраняемых людей «чуждыми» тѣм частям, которыми тѣ командовали, что должно было отразиться на «боеспособности» арміи. Между тѣм, в острых случаях, когда смѣна была необходима в силу взаимоотношеній между военачальниками и подчиненными, простое территориальное перемѣщеніе, которое легко могла устроить Ставка, способно было внести успокоеніе.

**) Деникин болѣе осторожно говорит: «Думаю, цѣль эта (улучшеніе команднаго состава) достигнута не была. «Новые люди» были подчас людьми «случая, а не знанія и энергіи».

***) В «Очерках русской смуты» имѣется даже сравнительная таблица, правда, не именная, гдѣ командующіе арміями и их начальники штаба распределены по группам: поощряющіе демократизацію, не боровшіеся против нея и боровшіеся. Автор пытается — едва ли основательно — сдѣлать вывод о послѣдующем антибольшевизмѣ лиц, занесенных в произвольныя статистическія таблицы общественной морали.

“люди долга и приспѣшники революціи” — сам Гучков дал повод для такого высказыванія, характеризуя генералов, пытавшихся итти с правительством, “революціонными карьеристами”.

Психологія отношенія к революціонным событіям болѣе сложна, чѣм это хотят изобразить юристы мысли. Она не может быть разложена в отношенія военных по элементарному масштабу монархических симпатій Шульгина: на “лучших”, которые гибнут, и “худших”, которые приспосаблиются. Можно преклониться перед людьми, гибнущими за свои идеи, хотя бы и чуждыя эпохѣ; можно с уваженіем отнестись к цѣлности натуры гр. Келлера, не пріявшаго революціи и ушедшаго в отставку; можно проникнуться величайшей симпатіей к прямолинейности людей, не способных итти на компромиссы — к таким, несомнѣнно, принадлежал один из наиболѣе грозных, ярких и послѣдовательных обличителей “демагогов” и “оппортунистов” ген. Деникин. Но сочувственная персональная оцѣнка далеко не равнозначуща признанію объективнаго факта цѣлесообразности поведенія тѣх, которые во имя “долга” безнадежно оставались на старом берегу. Ген. Деникин лично к числу такихъ, конечно, не относится. “Да, революціи отмѣнить нельзя было” — пишет он в своих “Очерках”. “Я скажу болѣе: то многочисленное русское офицерство, с которым я был единомышлен, и не хотѣло отмѣны революціи. Оно желало, просто требовало одного: прекратить революціонизированіе арміи сверху. Другого совѣта никто из нас дать не мог”.

Здѣсь нѣкоторая певольная игра словами, ибо “революція” неизбежно требовала и “революціонизированія арміи” — именно “сверху”. Без этого темный, некультурный народъ стал бы, несомнѣнно, добычей демагогіи, но демагогіи уже правой. Тот, кто хотѣл избѣжать кровавой реставраціи, тот, кто считал происшедшій переворот исторической необходимостью, должен был “революціонизировать” народ. И каждый приказъ высшаго начальства, говорившій в тѣ дни о свободѣ, с задачахъ и цѣляхъ понаго политическаго строя, фактически революціонизировал армію. Ген. Деникин, как и вся либеральная (или вѣрнѣе консервативно--либеральная) общественность, под революціей понимал лишь политическій переворот. В дѣйствительности, как не раз уже подчеркивалось выше, происходило нѣчто болѣе глубокое, захватившее всѣ стороны социальнаго и культурнаго быта народа. С этимъ нельзя было не считаться, и это должно было опредѣлять линію поведенія всякаго сознательнаго русскаго гражданина, способнаго свои социальныя или иныя привилегіи принести в жертву интересамъ Россіи и народа. Чувство отвѣтственности — ея, к сожалѣнію, было, дѣйствительно, слишкомъ мало — должно было заставить и революціонную идеологію в точномъ смыслѣ слова приспособляться к реальнымъ національнымъ и государственнымъ интересамъ. Имѣются предѣлы осуществимаго для каждаго отрѣзка времени. Они опредѣляются потребностями и сознаніемъ народа. Когда искусственное “революціонизированіе сверху” не считается с этимъ сознаніемъ, оно становится своего рода общественнымъ преступленіемъ.

Приведенныя сентенціи, быть может, нѣсколько элементарны: онѣ имѣютъ цѣлью вновь и вновь отмѣнить, что в реальной жизни всегда методъ стоитъ на первомъ планѣ. Все дѣло в томъ, какъ люди инакомыслив-

шіе приспособлялись к революціи. Люди всегда останутся людьми, со всіми своими достоинствами и недостатками — во всіх профессіях, сословіях и классах: офицерскіе кадры не представляли вовсе собой какую-то “обособленную соціально-психическую группу”. Ген. Рузскій, как мы видѣли, явился на парадъ в Псковѣ 5 марта с императорскими вензелями на погонах, и один выдѣлялся среди всей толпы — его сопровождали оваціей; полк. Цабель из императорской свиты по собственной инициативѣ спорол вензеля и оказался одиноким даже среди своих собственных солдат на аналогичном парадѣ в Ставкѣ. “Общей трусостью, малодушіем и рабобніем перед новыми властелинами многіе перестарались”, — утверждает Врангель, рассказывающій, припомним, как он в Петербургѣ “постоянно ходил по городу пѣшком в генеральской формѣ с вензелями Наслѣдника Цесаревича на погонах... и за все время не имѣл ни одного столкновения”. Возможно, что и “перестарались”. Но не всегда это только “малодушіе” и даже не инстинкт, заставлявшій индивидуума сливаться с массовым настроеніем и, быть может, нацѣплять “красный бант”. Среди возбужденной толпы эмоціи приходилось подчинять доводам разума для того, чтобы избѣжать эксцессов — всегда вредных, всегда опасных. Врангель рассказывает, как он 17 марта в день полкового праздника Амурскаго казачьяго полка, когда на парадѣ вмѣсто привычных боевых сотенных значков увидѣл красные флаги и был встрѣчен марсельезой вмѣсто полкового марша, демонстративно реагировал на “маскарад”, заявив, что не желает сидѣть под “красной юбкой”*) и пить традиционную чарку во славу Амурскаго войска. “Недовольство” в полку не привело в данном случаѣ к осложненіям — это вѣтаки было среди казаков, болѣе консервативно настроенных. Сколько раз игнорированіе со стороны команднаго состава на фронтѣ “красной тряпки”, так или иначе сдѣлавшейся символом революціи, приводило к серьезным столкновениям и ставило перед начальством опасныя испытанія сохраненія дисциплины в частях. Может быть, ген. Шолы, упоминавшійся в записи Селивачева, вынужден был нѣсколько демонстративно устраивать манифестаціи сочувствія перевороту для того, чтобы доказать, что он “не нѣмец”. “С этим обстоятельством (т. е. с подозрительным отношеніем к внутреннему “нѣмцу”) приходилось сильно считаться в виду настроенія солдат”. — должен признать строгій Деинкин, рассказывая, как Алексѣев и он вынуждены были отказаться от полученнаго заданія, так как у единственнаго подходящаго кандидата для выполненія отвѣтственнаго порученія фамилія была нѣмецкая. Приспособленіе очень часто являлось тѣм “тяжелым долгом”, тѣм “крестом, который каждый должен (был) взять на себя и нести его безропотно”. Генерал, внесшій только что приведенныя слова в дневник от 13 марта (большой противник “демократизаціи” арміи, скорбѣвшій о том, что “хам”**) идет в армію), с горестью должен был через 5 мѣсяцев записать: “до чего исподлились, до чего исхамились мы, старшіе начальники, при новом революціонном режимѣ”. Компромисса с совѣстью властно требовала жизнь — в этом было и оправданіе его.

*) Для флагов был использован «подручный матеріал» и на флаги одной из сотен, очевидно, пошли юбки из краснаго ситца с крапинками.

**) Слово взято в кавычки самим Селивачевым, отнюдь не придававшим этому слову смысл соціальный.

С такими оговорками и подойдем к краткому обзору тѣх мѣропріятій по реформѣ военного быта, которыя были осуществлены в мартѣ. Окончательный итог дѣятельности того “рокового учрежденія”, печать котораго, но мнѣнію Деникина, — лежит рѣшительно на всѣх мѣропріятіях, погубивших армию*), т. е. Особой Комиссіи под предсѣдательством Поливанова, может быть подведен только при разсмотрѣніи всѣх послѣдующих явленій в жизни арміи, связанных с общим ходом революціи.

5 марта был опубликован приказ (№ 114) по военному вѣдомству, включавшій в себя четыре пункта: 1) Отмѣнялось наименованіе “нижній чин” и замѣнялось названіем “солдат”; 2) Отмѣнялось титулованіе и замѣнялось формой обращенія: г-н генерал и т. д.; 3) Предписывалось всѣм солдатам, как на службѣ, так и внѣ ея, говорить “вы”; 4) Отмѣнялись всѣ ограниченія, установленныя для воинских чинов и воспрещавшія куреніе на улицах и в общественных мѣстах, посѣщеніе клубов и собраній, ѣзду внутри трамваев, участіе в различных союзах и обществах, образуемых с политическими цѣлями. Содержаніе приказа военного министра было выработано в первом же засѣданіи Поливановской комиссіи, официально сконструировавшейся лишь на другой день (Половцов утверждает, что и самый текст, написанный Пальчинским, был принят Комиссіей). Комиссія “демагогов” состояла не только из “младотурок” (“талантливых полковников и подполковников” — Якубовича, Туманова, Туган-Барановскаго и близких им Белабина, Лебедева, Андоскаго и др.), но и заслуженных генералов — Поливанова, Мышлаевскаго, ак. Стеценко, Аверьянова, Архангельскаго, Михневича (послѣдній присутствовал, во всяком случаѣ, в засѣданіи 4-го), болѣе молодых генералов — Аносова, Каменскаго, Потанова, Рубец-Масальскаго, членов военной комиссіи Врем. Комитета Савича и Энгельгардта, инж. Пальчинскаго, кап. I ранга Капниста (из “кружка” Рейнгартена). В Комиссіи был поднят, но не разрѣшен еще вопрос об отдачѣ чести и взаимном привѣтствіи чинов арміи.

Приказ № 114, в дѣйствительности довольно “скромный” по своему внутреннему содержанію, через Ставку был для отзыва сообщен командующим арміями. Это было сдѣлано по инициативѣ самой Ставки, при чем предлагалось командующим запросить мнѣніе начальников отдѣльных частей (вплоть до командиров полков) и направить отзывы непосредственно в министерство, “дабы военный министр, а с ним и Правительство услышали голос всего офицерскаго состава арміи”. Шляпников, имѣвшій возможность пользоваться недоступным нам архивным матеріалом, приводит нѣкоторые из этих отзывов. Главком Сѣвернаго фронта высказался сам очень опредѣленно: приказ “возраженій не вызывает. Считаю невозможным теперь внесеніе в него каких-либо измѣненій в сторону отнятія или ограниченія уже *предо-*

*) «С невѣроятным цинизмом, граничащим с измѣной Родинѣ — писал в 21 году с неостывшей запальчивостью уже историк-мемуарист — это учрежденіе, в состав котораго входило много генералов и офицеров, назначенных военным министром, шаг за шагом, день за днем проводило глетьворныя идеи и разрушало разумные устои воинскаго строя».

ставленных прав, так как это может вызвать нежелательные последствия и потерю налаживающегося доверия. По вопросу об отдаче чести присоединяюсь ко второму решению Комиссии ген. Поливанова, т. е. полагаю желательным сохранить взаимное приветствие ввѣ службы между всеми военнослужащими в военной формѣ". Бруслов полагал, что в вопросѣ об отдаче чести возможно отмѣнить "становку по фронт", но безусловно необходимо сохранить прикладывание руки к лозырьку, как общій порядок отдаче чести во всех случаях, как взаимное приветствие военнослужащих. Признавал главком Юго-Зап. фронта "безусловно вредным" участие нижних чинов в союзах "с политической цѣлью" — "вмѣшательство арміи в политику, помимо разлагающаго вліянія на необходимую ей дисциплину... всегда будет одной из угроз твердости государственной власти". Командиры отдѣльных частей в общем отвѣтили, как и главнокомандующіе. Любопытно, что сводка мнѣній команднаго состава Особой арміи (т. е. гвардейской преимущественно), переданная военному министру 21-го, признавала желательной отмѣну всех бытовых ограничений, производимую приказом № 114. Возраженіе касалось лишь политической жизни арміи, при чем командный состав двух корпусов высказался положительно и в этом отношеніи, при условіи недопустимости собраний на фронтѣ в предѣлах расположенія частей. Однако все дѣлало одно изъятіе: "исключительность переживаемаго момента требует, в видѣ изъятія из правил участія арміи в выборах в Учр. Собрание и в опредѣленіи через своих представителей образа правленія, но на этом и должна закончиться политическая жизнь арміи". Довольно характерен по своей мотивировкѣ отзыв ген. Крейнс, начальника сводной пограничной пѣхотной дивизіи, находившаго, что отмѣна ограничений, связанных с политической жизнью арміи, "невыгодна даже для демократической республики". "При полной демократической республикѣ, — писал Крейнс, — нельзя запрещать даже реакціонных политических кружков, желающих возвращенія самодержавія, иначе полной свободы не будет, а измѣнится форма, а не суть. Нельзя тогда запрещать и пропаганду пацифистов, ...а их у нас немало. Если же запретить крайнія теченія, т. е. пропаганду пацифистов, авторитарческаго правленія и анархизма, то для наблюденія за выполненіем сего, необходимо опять, хотя бы в иной формѣ, ввести Охранное Отдѣленіе жандармеріи, столь ненавистной всем — тогда опять будет измѣненіе формы, а не сущности в нашем стрѣбѣ. Если полная политическая свобода, то ею пользоваться должны все граждане страны, а армія, гдѣ граждане находятся временно, должна быть ввѣ политики, она обязана принять ту форму правленія и поддерживать ее в крайности силою оружія, которую установил народ, будь то конституціонно-монархическое правленіе или республиканско-демократическое — безразлично". "Неужели все забыли или не знают психологію массы, — как легко ее повести в какую угодно сторону под впечатлѣніем минуты, конечно, галантливому вождю, военному или народному — безразлично. Солдаты сознают и хорошо сознают, к чему направлены все эти льготы. Они знают, что этим хотят привлечь их великую силу для борьбы с опасностью реакціи, к которой они не пожелают вернуться без этого"...

Сама Ставка, не дожидаясь отвѣтов из арміи, немедленно же реагировала на приказ военного министра. 7-го была послана официальная телеграмма за подписью Лукомскаго, от имени нач. Штаба перховнаго главнокомандующаго. Ставка присоединилась относительно отдаѣи чести к установленію взаимнаго привѣтствія при условіи, что первымъ привѣтствовать долженъ обязательно младшій*). В Ставкѣ также считали “совершенно недопустимымъ” участіе солдатъ в политической жизни. “В настоящее время, — говорила телеграмма Ставки, — армія признала государственный переворотъ за совершившійся фактъ, признала новое правительство, и надо, чтобы она оставалась спокойной, пока не будетъ налажено новое государственное строеніе, и ея мысли (курсив мой) не были заняты политическими вопросами. Мы, геѣ начальники, с своей стороны приложимъ все силы к тому, чтобы армія свято выполнила свой долгъ передъ родиной в борьбѣ с врагомъ, но необходимо не забывать, что в противномъ случаѣ, голосъ арміи можетъ быть грозенъ, и в какую сторону выльется движеніе в арміи — предвидѣть трудно. Во всякомъ случаѣ, втягиваніе арміи в политику приведетъ к тому, что будетъ невозможно продолжать войну”...

Раздѣляя ли лично Алексѣевъ такой нежизненный въ обстоятельствахъ момента военный ригоризмъ в отношеніи “политики”, который проявился в официальной телеграммѣ Ставки от имени нач. Штаба? В дневникѣ полк. Пронина говорится, что Алексѣевъ “непосредственно” послалъ военному министру тот отзывъ, который в дѣйствительности являлся официальнымъ отвѣтомъ Ставки — поэтому и отправленъ былъ за подписью Лукомскаго. И хотя телеграмма говорила подчасъ уже извѣстными намъ словами Алексѣева (была ссылка, напр., на французскую революцію и пр.), тѣмъ не менѣе приходится заключить, что личное мнѣніе Алексѣева пѣликомъ не совпадало с официально выраженнымъ риторизмомъ. По крайней мѣрѣ черезъ четыре дня в разговорѣ с председателемъ Совѣта Министровъ Алексѣевъ говорилъ: “В боевыхъ линіяхъ, в громадномъ большинствѣ частей совершенно спокойно, настроеніе хорошее... Далекое не в такомъ положеніи находятся войсковыя части и запасныя полки войскового тыла: бѣдность в офицерскомъ составѣ, энергичная агитація дѣлаютъ свое дѣло... Веду переговоры с главнокомандующими об организаціи особыхъ комитетовъ с участіемъ в ихъ составѣ наиболѣе надежныхъ и умѣренныхъ представителей Совѣта Р. Д., работниковъ Земгора и офицеровъ. Желательно, чтобы эти комитеты обѣхали войсковыя части, установили связь между войсками и Совѣтомъ

*) Вопросъ об «отдаѣи чести» былъ выдвинутъ на первый планъ во всехъ армейскихъ отзывахъ потому, что именно по этому вопросу (и в сущности только по поводу него) запрашивалъ министръ срочное заключеніе» нач. штаба. Вопросъ остался неразрѣшеннымъ в Поливановской Комиссіи. «Предложено было три рѣшенія» — телеграфировалъ Гучковъ: «1. Совершенно умолчать об отдаѣи чести, что и сдѣлано в выпущенномъ приказѣ. 2. Сохранить видъ службы взаимное привѣтствіе, какъ символъ принадлежности к одной семьѣ... Рѣшеніе этого вопроса, такимъ образомъ, несомнѣнно, вызвало бы протестъ Совѣта Р. Д., усмотрѣвшаго бы в этомъ стѣсненіи свободы видъ службы. 3. Полное согласіе с Совѣтомъ Р. Д. и принятіе ихъ резолюціи, т. е. регламентація согласно «приказу № 1» — отмена обязательнаго отдаѣи чести «видъ службы». Считаю, что в этомъ вопросѣ необходима «солидарность» с высшими представителями дѣйствующей арміи, Гучковъ сообщилъ, что окончательное рѣшеніе отложено до полученія срочнаго заключенія ген. Алексѣева.

Депутатов и были готовы, при возникновении где-либо брожения командировать своих членов для разъяснения и бесѣд с солдатами. Лично у меня такая организациа сложилась... Как только получу все отвѣты, войду к вам с представлением в надеждѣ, что вы поддержите эту мысль. Равным образом я просил бы назначить комиссара Врем. Правительства для пребыванія в Ставкѣ и для установленія нравственной и дѣловой связи между Штабом и Правительством". Интересно отмѣтить, как этот призыв Алексѣева к главнокомандующимъ фронтов преломился в воспоминаніяхъ современника, сдѣлавшагося вскорѣ ближайшимъ помощникомъ Алексѣева. "В половинѣ марта — нишегъ Деникин — я былъ вызванъ на совѣщаніе къ командующему 4-й арміей, ген. Рагозѣ... Намъ прочли длинную телеграмму ген. Алексѣева, полную безпросвѣтнаго пессимизма о начинающейся дезорганизациа правительственнаго аппарата и развалѣ арміи; демагогическая дѣятельность Совѣта Р. и С. Д., тяготѣвшая надъ волей и совѣстью Врем. Правит., полное безсиліе послѣдняго; вмѣшательство обоихъ органовъ въ управленіе арміей. Въ качествѣ противодѣйствующаго средства противъ развала арміи, намѣчалась... посылка государственно-мыслящихъ делегатовъ изъ состава Думы и Совѣта Р. и С. Д. на фронтъ для убѣжденія... На всехъ телеграммахъ произвела одинаковое впечатлѣніе: Ставка выпустила изъ своихъ рукъ управленіе арміей".

Какъ в дѣйствительности представляли себѣ дѣло подлинныя противники "политики" в арміи, видно изъ рапорта старшихъ офицеровъ 32-й пѣх. дивизиі, поданнаго 9 марта за подписью 17 начальниковъ командующему 8-ой арміей, т. е. ген. Каледину. Для нихъ революціи вообще нѣтъ, есть только высочайшій манифестъ 3-го марта, по которому верховная власть передана Временному Правительству. Ихъ рапортъ — протестъ противъ единоличныхъ дѣйствій военнаго министра изъ штатскихъ, которому чужды потребности моральныхъ свойствъ арміи и который подъ давленіемъ Совѣта реформируетъ армію в "духѣ соц.-дем. партіи", цѣль которой уничтожить армію и, слѣдовательно, возможность самостоятельнаго существованія русскаго народа. Приказъ Гучкова — это "раскрѣпощеніе нижнихъ чинов", что должно породить "чувство озлобленія и ненависти" къ офицерскому составу. Рапортъ полагалъ "безотлагательными", между прочимъ, слѣдующія мѣропріятія: внутренній укладъ арміи оставить неприкосновеннымъ, не допуская в ней политики, агитаціи политическихъ партій... (передъ лицомъ смерти в окопахъ и в полѣ бокъ о бокъ другъ с другомъ офицеры и солдаты давно друзья и братья, и не понимающія этого лица, стоящаго во главѣ управленія, но далекаго от дѣйствительной жизни арміи, вносятъ своими приказами и воззваніями нежелательную и пагубную рознь в военную семью); потвердить от лица Правительства смертную казнь по возвращеніи послѣ заключенія мира всѣмъ тѣмъ, кто отдается добровольно в плѣн; дезертировъ карать за первый побѣгъ физическимъ наказаніемъ, за второй — смертною казнью; усиленіе наказаній для нарушителей дисциплины... Самое удивительное то, что рапортъ требовалъ "возстановленія порядка в странѣ безъ всякаго кровопролитія".

Рапортъ, очевидно, былъ пересланъ в Ставку, и его составителямъ былъ преподанъ политическій урокъ в видѣ письма ген. кварт. Лукомскаго 20 марта на имя ген. Каледина. "Вполнѣ присоединяясь къ принци-

пiальной точкѣ зрѣнія и мѣязю, выраженному старшими офицерами 32-ой пѣх. дивизіи”, — начиналось письмо, — “должен сообщить, что, повидимому, они не совсѣм правильно рисуют себѣ обстановку, при каких условіях возникло и принуждено в настоящее время работать Врем. Правительство”. Затѣм Лукомскій, дав краткое и ясное изложеніе политических причин, приведших к перевороту, и условій, при которых возникло правительство, продолжал: “И в настоящее время встать в явную оппозицію и принять какія-либо рѣшительныя мѣры против Совѣта Р. и С. Д. было бы крайним абсурдом со стороны Врем. Прав. и послѣднему необходимо *согласовать свои распоряженія с требованіями момента*. Безспорно, что мѣропріятія Врем. Прав., касающіяся взаимоотношеній между офицерами и солдатами, так рѣзко нарушающія вѣковой уклад внутренней жизни арміи, не могут безболѣзненно не отразиться на послѣдней. Задача переживаемаго момента настоятельно требует, чтобы этот болѣзненный процесс арміи прошел постепенно, без сильных потрясеній и в соответствии с новым государственным строем. Чрезвычайно полезно в дѣлѣ правильнаго пониманія и объясненія событій текущаго момента государственной жизни организовать *особыя комитеты* из выборных офицеров и солдат, в коих офицеры, входя в нужный контакт с солдатскою массою в лицѣ ея довѣренных представителей, не стѣсняемых в эти моменты совмѣстнаго обсужденія дисциплиною, могли бы нравственно на них воздѣйствовать и в полной мѣрѣ проявить силу своего моральнаго, умственнаго и чисто военнаго авторитета. Выдвигать же, в настоящій переходный момент, в виду предстоящих операцій и неспокойнаго положенія тыла, какіе либо лозунги, идущіе вразрѣз с политикой Врем. Прав., было бы актом политическаго безумія, свидѣтельствующаго лишь о том, что обстановка, нынѣ создававшаяся в странѣ, не ясна. Всякія рѣзкія мѣры и требованія в настоящее время могут погубить все и создать лишь кошмарное кровавое междоусобіе и, как слѣдствіе, подчиненіе Германіи.... Когда угар пройдет, то, естественно, можно будет принять ряд мѣр для укрѣпленія в арміи дисциплины, но пока надо напрягать всѣ силы к тому, чтобы армія перенесла тяжелую болѣзнь и окончательно не развалилась. Временное Правительство и, в частности, военный министр, отлично понимают положеніе и, дѣлая уступки в измѣненіях уклада внутренней жизни арміи, дѣлают лишь то, *чего избѣжать теперь нельзя*”.

“Рапорт” начальников 32 пѣх. див., конечно, не был одиноким. В матеріалах, напечатанных Шляпниковым, имѣется еще обращеніе офицеров 3-го сиб. горно-артил. дивизиона, примыкавшее к лозунгу: “арміи внѣ политики”. “Первый приказ министра” — утверждало это обращеніе — “роет пропасть между солдатами и офицерами, которой не было, ибо вопрос о взаимоотношеніях строго регламентировался уставом”. Теперь “в сознаніи полуграмотнаго, а подчас и совсѣм неграмотнаго солдата полный сумбур”. “Мы, офицеры, с самаго начала великих событій для Россіи, сумѣли сплотить вокруг себя солдат, но уже сейчас наша работа сведена к нулю. “Вы” или “ты”, это — первое яблоко раздора, которое брошено в нашу тѣсную и дружную военную семью, этим самым нашему единенію с солдатами положен конец. Солдаты поняли это, как ограниченіе власти офицера, — офи-

цера, который в бою имѣет право жизни и смерти. Его авторитет подорван... Не станем скрывать, что не одни германскіе и австрійскіе офицеры идут с револьверами сзади атакующих дѣлѣй, прикалывая слабых духом — каждый наш ротный, и батальонный, и полковой командир имѣет на своей совѣсти не одну жизнь... Мы, близко стоящіе к бою, считаем это явленіе нормальным... Судите же сами, какой пустяк “ты” или “вы” по сравненію с ужасом войны”... “Ваш второй приказ нарушает давнишнюю традицію корпуса офицеров русской арміи. До сих пор в своей средѣ мы не имѣли офицеров-евреев. Нація, заклеившая в эту войну себя на наших глазах клеймом позора!.. Если вы не видѣли, как каждый еврей старался сдаться в плѣн и передать противнику наши военныя тайны, то мы знаем достаточное количество таких примѣров... Эти мѣры — второе яблоко раздора, брошенное вами в нашу среду”. “Вы” и “евреи” единственно конкретный матеріал, на котором останавливается “обращеніе”, повторяющее слова, нѣкогда направленные Милоковым в адрес стараго правительства: “Что это — глупость или измѣна?” Авторы “обращенія” отвѣчают, что это “недостаточное знаніе русской арміи” и ставят своей задачей открыть министру “глаза на суть дѣла”.

Тему о безграмотных поднимает и “памятная записка” ген. лейт. Циховича (XII армія), помѣченная 12 марта. Она проникнута другим настроеніем. Автор, повидимому, был искренним сторонником пропавшей перемѣны, окончившей с “кошмаром распутинских и протоповских вакханалій”, подавшей надежду, что “теперь всѣ силы страны будут обращены на борьбу с вѣдшим врагом”. Мало того, он сумѣл сохранить в своей частн “дух и дисциплину” (отзыв Куропаткина). “Увѣренно скажу, — писал Цихович, — что арміи, равной нашей, не было в мірѣ... Армія паша была и есть несравненной... Введеніе в армію политики на глазах наших ее разтѣдает... Политика поглотила теперь все... Роковая ошибка та, что началась слѣпная ломка арміи, сильной до того, — ломка исключительно в угоду политикѣ и на основаніи теорій, пригодных, может быть, для Швейцаріи, но вредных для такого государства, как наше, и при сложной политической обстановкѣ, его окружающей... То, что нам прививают, было бы хорошо, если бы армія состояла сплошь из интеллигентов, окончивших университет. Но вѣдь у нас 75% крестьян, и почти половина в ротѣ неграмотные. Всѣ новыя реформы непонятны и даже такая невинная, как переход с отеческаго “ты” на чуждое нашему крестьянству иностранное “вы”, вызывает улыбки и взаимную неловкость”. Мотив этот в рѣшеніи вопроса о переходѣ на обращеніе на “вы” повторяется очень часто. Врангель излагал его Милокову при посѣщеніи Петербурга, когда военный министр был в отсутствіи: “русскій простолюдин сызмальства привык к обращенію на “ты” и в таком обращеніи не видит для себя обиды”. Всегда однако забывали при этом прибавить, что в деревенском быту и барин именовался на “ты”.

Вліяніе Алексѣева на отвѣт, посланный 32 пѣх. дивизіи, очевидно. Позиція, обрисованная в этом документѣ, находится в явном противорѣчій с официальным заключеніем, которое 7-го Ставка послала в военное министерство по поводу приказа № 114. Противорѣчіе можно объяснить тѣм, что корректный и шепетильный Алексѣев, занимая

формально пост лич. нач. штаба при руководящем направленіи в. кн. Ник. Ник.*), не считал себя в правѣ в официальном документѣ, отправленном в центр, проводить личный взгляд и в отвѣтъ пытался дать объективную сводку главенствовавших в арміи или в Ставкѣ мнѣній.

Ранорт старших офицеров 32 пѣх. дивизіи требовал от военного министра проведенія законов о реформѣ арміи только с одобренія Военнаго Совѣта и санкціи Гос. Думы. Послѣднее требованіе являлось послѣдствіем той путаницы в умах, которую породила (см. ниже) неясная конструкція Врем. Правительства; первое же требованіе было выполнено. Военный Совѣтъ в Петербургѣ из старших генералов — “якобы хранитель опыта и традицій арміи”, по выраженію Деникина — в засѣданіи 10 марта, выразил “полную свою солидарность с тѣми энергичными мѣрами, которыя Врем. Пр. принимает в отношеніи реформы наших вооруженных сил, соотвѣтственно новому укладу жизни в госуларствѣ и арміи, в убѣжденіи, что эти реформы наилучшим образом будут способствовать скорѣйшей побѣдѣ нашего оружія и освобожденію Европы от гнета прусскаго милитаризма”...

Приказ № 2.

Итак, в военной средѣ Гучкова упрекали за то, что он дѣйствует под вліяніем Совѣта, а в протоколах Исп. Ком. 6 марта записано: “военный министр всячески уклоняется от прямых сношеній с Исп. Ком. и, повидимому, не склонен подчиняться рѣшеніям Совѣта”. Было постановлено “отправить к военному министру делегацію”... для переговоров об изданіи приказа № 2 и настаивать на необходимости выборнаго начала офицерскаго состава и созданія третейскаго суда, который регулировал бы “отношенія между офицерами и солдатами”. (О результатах переговоров делегація должна доложить Исп. Ком. для окончательнаго рѣшенія вопроса о приказѣ № 2).

Жизнь, дѣйствительно, была ключем в Совѣтѣ, хотя дѣятельность его комиссій и носила довольно апархическій характер. Не успѣлъ Исп. Ком. принять “разъясняющій” приказ № 2 и отправить делегацію к военному министру, как прибыла упоминавшаяся уже депутація от Русскаго, под вліяніем которой Исп. Ком. рѣшил задержать выпуск “приказа № 2”, но было уже поздно — приказ денешей по радио-телеграфу с наркосельской станціей был сообщен на фронт “для точнаго исполненія”, хотя формально он относился только к Петербургу. Текст этого документа, весьма мало напоминающій по своей формѣ “приказ”, гласил: 1. Приказ № 1 Совѣта Р. и С. Д. предложилъ всѣм. военским частям избрать соотвѣтственные... комитеты, но приказ не устанавливал, чтобы эти комитеты избирали офицеров... Комитеты эти должны быть избраны для того, чтобы солдаты Петроградскаго гарнизона... могли через представителей комитетов, участвовать в общеполитической жизни страны и в частности заявлять в Совѣтъ Р. и С. Д. о своих взглядах на необходимость принятія тѣх или иных мѣропріятій. Комитеты должны также вѣдать общественныя нужды каждой части. Вопрос же о том, в каких предѣлах интересы военной организаціи

*) Запрос Гучкова был переслан немедленно Великому Князю.

могут быть совмещены с правом солдат выбирать себя начальников, передан на рассмотрение в разработку специальной комиссии. Все произведенные до настоящего времени выборы офицеров, утвержденные и поступившие на утверждение военного начальства, должны остаться в силе... 2. До того времени, когда вопрос о выборных начальниках будет разрешен вполне точно, Совет признает за комитетами... право возражать против назначения того или иного офицера. Возражения эти должны быть направлены в Испол. Ком. С. Р. Д., откуда они будут представляться в военную комиссию, где наряду с другими общественными организациями участвуют и представители Совета Р. и С. Д., как учреждения, руководящего всеми политическими выступлениями петроградских солдат. Этому своему выборному органу солдаты обязаны подчиняться в своей общественной и политической жизни. Что же касается до военных властей, то солдаты обязаны подчиняться всем их распоряжениям, относящимся до военной службы... 4. Для того, чтобы устранить опасность вооруженной контр-революции, Совет Р. и С. Д. выставил требование о неразоружении Петроградского гарнизона, завоеванного Россией ее политическую свободу, а Врем. Прав. приняло на себя обязательство не допускать такого разоружения, о чем и объявило в своей правительственной декларации. В согласии с этой декларацией... комитеты обязаны наблюдать за тем, чтобы оружие петроградских солдат от них не отбиралось, что и было указано в приказе № 1. 5. Подтверждая требования, изложенные в §§ 1-7 приказа № 1, Испол. Ком. отмечает, что некоторые из них уже приводятся в исполнение Врем. Правительством.

“Приказ № 2” вместо того, чтобы разъяснить, всем своим контекстом запутывал еще больше. Разъяснение о том, что “приказ № 1” не предлагал производить выборов командного состава, действительно, “надумал”, как предполагает один из исследователей вопроса (Рабинович), в некоторых местах этот выбор произвести... Вечером 6-го к военному министру явилась советская делегация — контактная комиссия, как называет ее Гучков в воспоминаниях, приписывая себе инициативу ее вызова. На основании рассказа ген. Потапова, который цитирует Деникин, не указывая происхождения документа, “заседание было очень бурным. Требование делегации Гучков признал для себя невозможным и несколько раз выходил, заявляя о сложении с себя звания министра”. “С его уходом, — сообщает Потапов, — я принимал председательствование, выработывалось соглашение, снова приглашался Гучков, и заседание закончилось воззванием, которое было подписано от Совдепа Скобелевым, от Комитета Гос. Думы мною и от правительства Гучковым... Воззвание аннулировало приказы № 1 и № 2, но военный министр дал обещание проведения в армии больше реальных, чем он предполагал, реформ по введению новых правил взаимоотношений командного состава и солдат”. Сам Гучков изображает отмеченные перипетии в виде прелюдии к “приказу № 2”. Здесь сказались не только забывчивость, но и стилизация воспоминаний в определенном направлении. “Чтобы парализовать распространение приказа № 1, — пишет Гучков, — мне пришлось созвать контактную Комиссию при военно-морском министерстве, чтобы попытаться ее убедить во вред приказа для боеспособности армии. Я, конечно, мог

отменить приказ властью министра, но такая отмена не имела бы никаких практических последствий... Открывая созванное мною совещание, я старался убедить присутствовавших членов Совета Р. и С. Д. в необходимости отмены приказа № 1". В изображении Гучкова заседание вовсе не носило такого бурного характера, как в повествовании Потапова. "По тем замечаниям, какие делала члена комиссии, я видел, что они почти убедились моими выводами и готовы стать на мою точку зрения. Тогда я вышел в соседнюю комнату и просил их обсудить мои возражения, затем сообщить мне, к какому решению они пришли". Ген. Потапов потом сообщил Гучкову, что "большинство определенно склонялось к отмене приказа в какой-либо форме, которая не была конфиденциальна для Совета р. и с. д., но Стеклов-Нахамкес был непреклонен" (Гучков, понятно, объясняет это связью с "нѣмецким штабом"). Компромиссное решение не удовлетворило министра, но, с другой стороны, министр понимал, что, если он откажется от предложенного соглашения, "положение будет еще хуже". "Я вызвал к себе тов. мни. ген. Поливанова — продолжает Гучков — и предложил ему срочно образовать под его председательством Комиссию из членов Ген. Штаба(?) для рассмотрения предложенной Советом р. и с. деп. Я надеялся этим выиграть время и как-нибудь частным образом повлиять на руководителей Совета. Комиссия ген. Поливанова рассмотрела вопрос и единогласно постановила, что нужно согласиться с предлагаемым компромиссом, как на меньшее зло. *После* этого Совет издал приказ № 2"... Хронологическая неточность сама по себе выдает Гучкова. История издания "приказа № 2" достаточно запутана и другими мемуаристами. Наиболее правдивую версию дал Шляпников, но и его версия требует некоторых поправок. Инициатором "приказа № 2" был сам Исп. Ком. В этом нет никаких сомнений, так как в протокол заседания Исп. Ком. 3-го значится: "в виду возникших недоразумений, в связи с приказом № 1 по петроградскому гарнизону, поручено военной комиссии *разъяснить* этот приказ". Решение это, очевидно, было принято под влиянием протестов, раздавшихся в образовавшейся "солдатской секции" Совета, имевшей на первых порах свой исполнительный комитет, и в частном совещании членов Исп. Ком. с группой офицеров. Так надо понимать упоминание Станкевича, что "военные" разъяснили вред "приказа № 1". Объединенная военная комиссия, функционировавшая под председательством Потапова — этот "штаб революции" продолжал формально состоять при Врем. Комитет — и разработала проект "приказа № 2" (текст приказа написан рукою все того же Соколова). Он подвергся обсуждению в первом неофициальном заседании не оформившейся еще Поливановской комиссии, т. е. накануне того дня, когда советская делегация с представителем Военной Комиссии имела беседу с военным министром. Приказ помечен был 5-м марта, но в Исп. Ком. он поступил лишь 6-го. Трудно представить себе, что содержание его не дошло своевременно до Гучкова. Приказ передавался по радио Военной Комиссией, которая упрощенно называла себя Комиссией Врем. Правительства: Потапов присутствовал на заседании 6-го у Гучкова в качестве представителя этой Комиссии (Гучков в воспоминаниях говорит: "я пригласил также участвовать в *моем* совещании... Потапова, который, как было известно.

был близок к социалистическим кругам и мог, следовательно, больше меня импонировать членам комиссии”). В официальном отчете о деятельности Военной Комиссии среди выполненных работ упомянуто “распространение приказа № 2”...

Точный текст того воззвания, которое было принято на заседании у Гучкова и которое названо в протоколе Исп. Ком. от 7-го “приказом № 3”, гласил: “Исп. Ком. сообщает войскам фронта о решительной победе над старым режимом. Мы уверены, что войска фронта с нами и не позволят осуществиться попыткам вернуть старый режим. Мы же, представители петроградских рабочих и солдат, общаем стоять здесь на страже свободы. Ея укреплению может помешать внутренняя вражда среди армии, рознь между офицерством и солдатами, и на всех гражданах лежит сейчас обязанность содействовать налаживанию отношений между солдатами и офицерами, признавшими новый строй России. И мы обращаемся к офицерам с призывом — проявить в своих служебных и неслужебных отношениях уважение к личности солдата-гражданина. В расчете на то, что офицеры услышат наш призыв, приглашаем солдат в строю и при несении военной службы *строго выполнять воинские обязанности*. Вместе с тем Комитет сообщает армиям фронта, что приказы 1 и 2 относятся только к войскам петроградского округа, как и сказано в заголовке этих приказов. Что же касается армий фронта, то военный министр общал немедленно выработать в согласении с Исп. Ком. Совета Р. и С. Д. новые правила относительно солдат и командного состава”. Подписи Гучкова под этим документом не стояло, но было сказано, что “воззвание составлено по соглашению с военным министром”. К “приказу № 3” и должны быть отнесены слова Гучкова в воспоминаниях: “Я своей подписи под этим приказом не поставил, но согласие на него дал после одобрения его Комиссией Генерального Штаба”*)).

Декларация прав солдата.

В осуществление достигнутого соглашения Поливановской комиссии и надлежало разработать законодательные нормы, в которых должна была вылиться реформа военного министерства. Кодификация требовала продуманности. Но дело было не только в неизбежной “бюрократической” волокитке, сам Гучков, говоривший на фронтовых совещаниях, что он “больной сторонник демократизации армии”, признается, что им давалась инструкция затягивать — “не торопиться” для того, чтобы “выиграть время” (по свидетельству Куропаткина, ном. воен. министра ген. Новицкий возмущался деятельностью Поливановской комиссии, которая “работает на разложение армии”).

Медлительность военного министерства мало соответствовала настроению и темпу работ революционного Совета. Уже 9-го не только был разработан проект “общих прав солдата”, получивший впоследствии более пышное неофициальное наименование “декларации”, но и

*) Вместо Чхендзе от Совета подписал Скобелев, так как первый, по словам Станкевича, не возражая против решения, отказался дать подпись, мотивировав будто бы так свой отказ: «Мы все время говорили против войны, как же я могу теперь призывать солдат к продолжению войны» (?!).

принят общим собраніем солдатской секціи Совѣта и опубликован 15 марта в "Извѣстіях". Между Поливановской комиссіей и совѣтской комиссіей существовал постоянный контакт, и нѣтъ ничего удивительнаго в том, что "декларация" была выработана при непосредственном участіи как бы представителя военнаго министра полк. Якубовича. По существу она принципиально ничего новаго не устанавливала по сравненію с приказом № 114 — только болѣе выпукло формулировала "права" и болѣе демонстративно подчеркивала отмѣняемое, как уничтоженіе тѣлесных наказаній, сохраненіе института деньщиков только в дѣйствующей арміи на добровольном началѣ. Она отвѣчала и на вопрос, оставшійся открытым в приказѣ № 114, и разъясняла его в смыслѣ отмѣны "всякаго отданія чести". Самый скользкій вопрос о выборности команднаго состава не был затронут — солдатская секція по выраженію Суханова, о *выборном начальствѣ "забыла"*. У авторов приказа № 114 не было логических основаній отвергать "декларацию". Вопрос мог идти только о иной формулировкѣ и переработкѣ нѣкоторых пунктов, как, напр., вопрос об отданіи "чести". Совершенно поэтому естественно, что Поливановская комиссія санкціонировала "декларацию" к удивленію военнаго министра, как он рассказывает в позднѣйших воспоминаніях — одобрила к тому же "единогласно, без поправок". Это не так — "поправки" были. Так, напр., в том же вопросѣ об "отдачѣ чести" было прибавлено, что "устанавливается взаимное добровольное привѣтствіе". Были и болѣе существенныя поправки: к пункту, что "солдат не может быть подвергнут наказанію или взысканію без суда", было добавлено: "в боевой обстановкѣ начальник имѣет право под своей личной отвѣтственностью принимать мѣры, до примѣненія вооруженной силы включительно, против не исполняющих его приказаній подчиненных".

Для психологій солдата в революціонную эпоху тѣ пункты, которые особенно отмѣчали составители "деклараций", были вопросами большими в силу характера дисциплины старой арміи. Возьмем вопрос об "отдачѣ чести". Достаточно привести одну только бытовую иллюстрацію. Ген. Верцинскій, командовавшій гвардейской стрѣлковой дивизіей, рассказывает на основаніи данных, имѣвшихсѣ в штабѣ 8-й арміи, во главѣ которой в началѣ войны стоял Брусиллов, что послѣдній "приводил встрѣченных им во время своих прогулок солдат и приказывал их пороть за неотданіе ему чести". Какая разница с Алексѣевым, который, по словам в. кн. Ан. Вл., "конфузился", когда ему становились во фронт! Однако, факты свидѣтельствуют, что этот вопрос отнюдь все же не захватывал "революціонной психологій" солдатской массы и что он, вѣроятно, в бытовом порядкѣ разъяснился бы сам собой. Суханов пытается утверждать, что в серединѣ марта в Петербургѣ, кромѣ юнкеров, давно никто не отдавал чести. Это крайне преувеличено относительно Петербурга, как мы могли удостовѣриться при характеристикѣ настроеній первых мартовских дней. 25 апрѣля пріѣхавшій из Туркестана Куропаткин записал: "На улицах честь отдают лучше и чаще, чѣм дѣй недѣли назад". Так было и в других мѣстах. Тот же Верцинскій, проѣзжая Киев по дорогѣ на Кавказ в серединѣ марта, отмѣчает отданіе чести встрѣчным офицерам "почти всѣми". Еще рѣзче, конечно, ставился вопрос о тѣлесных наказаніях,

не говоря уже о том непредусмотрѣнном законом бытовом явленіи, которое в общезнѣтн образно именовалось “мордобитіем”. И здѣсь приведем одну только иллюстрацію. Головин разсказывает о приказѣ все того же Брусилова — главнокомандующаго Юго-Западнаго фронта — о поркѣ 50 ударами розог всѣх нижних чинов маршевых рот, которые приходили в части с недостатком выданнаго им вещевого довольствія. Наконец, о деньщиках — этот институт еще в 10 г. в Думѣ казацким депутатом был назван “рабским”... “Забитый солдат, в котором при старом режимѣ не видѣли человѣка”, как чрезмѣрно преувеличенно сказал на московском Госуд. Совѣщаніи человѣкъ весьма умѣренных политических взглядов проф. Озеров, не мог не реагировать остро на свою прежнюю приниженность послѣ революціоннаго переворота.

Задержка в распубликованіи новых проектированных правил приводила лишь к инцидентам — на них, со слов Русскаго, указывали, напр., в своем отчетѣ члены Врем. Комитета, посѣтившіе Сѣверный фронт. В войсках извѣстен уже был проект Поливановской коммисіи, и мѣстное военное начальство, стоя на формальной точкѣ зрѣнія, требовало во имя поддержанія дисциплины обязательное выполнение старых правил и грозило преданіем военно-полевому суду (приказ Радко-Дмитріева). Ставка подтверждала это требованіе. В концѣ концов Русскому пришлось “прислать объявленіе распоряженія Ставки” по арміям Сѣвернаго фронта.

Военный министр отказался утвердить “декларацию прав солдата” (Гучков ошибочно относит в воспоминаніях к “концу апрѣля” документ, якобы полученный им от Совѣта с предложеніем разослать его в приказѣ по арміи). “Декларация” была опубликована 9-го мая при новом военном министрѣ. Таким образом, между принятіем Совѣтом проекта и официальным распубликованіем прошло ровно *два мѣсяца*. “Декларация” в арміи была извѣстна. Она соответствовала тому всеобщему напряженному ожиданію, что дисциплина будет организована на “новых началах”, о котором говорили в своих отчетах думскіе депутаты на основаніи непосредственных бесѣд с солдатами. Мало того, по нескладницѣ тогдашней постановленіе Совѣта 9 марта могло быть принято, как новый “приказ” от Совѣта типа приказов № 1 и № 2. Нѣтъ сомнѣній, что совѣтскіе дирижеры рассматривали постановление 9 марта, как утвержденіе принципов, установленных солдатской секціей, а самый текст лишь, как проект будущаго приказа. В черновых записях протоколов Исп. Ком. указанія на обсужденіе проекта в самом Исп. Ком. мы не встрѣчаем — в протоколѣ 10 марта говорится только о требованіи “лѣвых” настаивать на “реализации общаго пересмотрѣть порядки в дѣйствующей арміи”. Но в публикаціи 15 марта был один термин, вносившій путаницу: сказано было, что отмѣняются статьи устава, противорѣчащія положеніям “настоящаго приказа”, т. е. приказа предполагаемаго. В этой преждевременной публикаціи нельзя видѣть закулисной махинаціи “большевиков”, как это дѣлает Милюков в “Россіи на переломѣ”. Большевики к “декларации”, выработанной в солдатской секціи Совѣта, относились отрицательно и видѣли в пей проявленіе реакціонных влѣній.

Совѣтъ обсудил не только “права солдат”, но и согласно устанавливаемым им положеніям, что “солдаты имѣют право внутренней организаціи”, солдатская секція, под руководством с.-р. прап. Утгофа, разработала и “положеніе о войсковых комитетах” (районных и полковых), учреждаемых для рѣшенія различныхъ вопросовъ, касающихся “внутренняго быта” войсковыхъ частей. Проект *отвергалъ* *выборное начало* команднаго состава и оговаривалъ, что вопросъ “боевой подготовки и боевыхъ сторонъ” дѣятельности части обсужденію в комитетахъ не подлежит. Проект “положенія” былъ опубликованъ в “Извѣстіяхъ” 24 марта. Обсуждала всѣ эти вопросы и “комиссія о реформахъ” ген. Поливанова. Уже на третьемъ своемъ засѣданіи 9 марта она поручила Ген. Штабу разработать положеніе о ротныхъ комитетахъ, признавая желательнымъ согласовать министерскій проектъ с предложеніями солдатской секціи Совѣта и военной комиссіи Временнаго Комитета Гос. Думы.

Пока же на фронтѣ происходили “самочинныя” дѣйствія и самопроизвольно зарождались организаціи, существованіе которыхъ мѣстнымъ военнымъ властямъ приходилось неизбѣжно санкціонировать. Такъ сложилось “армейское самоуправленіе” в XII арміи — сложилось “самостоятельно, почти безъ всякаго вліянія со стороны Петрограда”, какъ отмѣчала “памятная записка” Совѣта офиц. деп. названной арміи, поданная Временному Правительству*), и получило свою собственную организаціонную форму примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ: изъ полковыхъ комитетовъ — солдатскихъ и офицерскихъ, а иногда и смѣшанныхъ — выдѣлялись комитеты дивизионные и корпусные, завершая пирамиду Совѣта солдатскихъ и офицерскихъ депутатовъ при штабѣ арміи**). “Памятная записка” подчеркивала, что армейская организація, существованіе которой можно начать с 9 марта, возникла “при полномъ сочувствіи командующаго арміей” (Радко-Дмитріева), сдерживавшаго “несочувствіе” къ самоуправленію армейскому “пизнаго команднаго состава”. По мнѣнію составителей “памятной записки” протекшія двѣ недѣли позволяютъ положительно оцѣнить полученные результаты: “Боевая служба несется образцово”... “Неорганизованныя выступленія и случаи самосуда надъ нелюбимыми начальниками прекратились совершенно. Исчезли жалобы на недостаточное довольствіе... И даже дезертирство, такое доступное и легкое в виду отсутствія надзора в тылу, не повысилось, а наоборотъ значительно сократилось. Конечно, такая картина, могущая показаться слишкомъ идиллической, наблюдается только в частях, гдѣ начальство шло навстрѣчу новому порядку... В другихъ частях, гдѣ самоуправленіе не встрѣчало сочувствія начальства, до сихъ поръ чувствуется неувѣренность, напряженіе, разобщенность между солдатами и офицерами и, какъ слѣдствіе, ослабленіе единства и боевой силы части. Очень многіе войсковые начальники, препятствующіе введенію новаго порядка, вовсе не являются принципиальными противниками самоуправленія в арміи, но... протестуютъ противъ введенія само-

*) Делегаты были направлены къ военному министру общимъ собраніемъ представителей всѣхъ частей арміи 21-22 марта (присутствовало 379 чел.).

**) Отмѣтимъ заодно, что «Совѣтъ военныхъ делегатовъ кіевскаго военнаго округа» с самаго начала состоялъ изъ офицеровъ и солдатъ.

управления только потому, что оно не подтверждено приказом по военному ведомству и представляется им преступлением, самовольством. В виду этого необходимо скорѣйшее проведение приказа по военному ведомству обязательных и общих для всей армии форм воинскаго самоуправления". Инициаторы шли дальше и предлагали военному министру сконструировать Всероссийскій Общеармейскій Совѣт военных депутатов, как орган постоянного представительства дѣйствующей армии, который создаст бы живую связь между правительством и арміей и дал бы правительству "возможность в своих дѣйствіях опереться на 8 милштыков и дѣйствовать твердо и увѣренно, не считаясь ни с какой оппозиціей, откуда бы она ни шла". Всѣ тыловые совѣты — "случайные совѣты" — подлежали, по этому плану, роспуску и замѣнѣ правильным представительством.

Тактика Радко-Дмитріева*) не была единичной на фронтѣ. Деникин упоминает о ген. Суриковѣ, командовавшем VI арміей на Румынском фронтѣ, который с первых же дней согласился на введеніе комитетов и послал даже телеграмму командирам корпусов сосѣдней армии с доказательством пользы нововведенія. Также Деникин упоминает, что главнокомандующій Кавказским фронтом "еще до узаконенія военных организацій приказал, чтобы "распоряженія, касающіяся устройства и быта армии, проходили через Совѣт солдатских депутатов". В военное министерство с разных сторон шло немало донесеній о пользѣ, которую приносили дѣлу "самозванные" комитеты — они "вносили успокоеніе, постепенно связывая офицеров с солдатами". (См., напр., телеграммы с Зап. фронта). Мы видѣли, сколь значительны должны быть поправки к утвержденію Деникина ("Об исправленіях исторіи"), что Гучков услышал из армии по вопросу об ея демократизаціи "воплъ осужденія". Этого не было.

При таких условіях верховной власти не оставалось ничего дру-

*) Половцов, сопровождавшій Гучкова в его поѣздкѣ по фронту, так охарактеризовал «самоуправленіе» в XII армии: «Радко... устроил себѣ парламент, засѣдающій в театрѣ. Это совѣщаніе вполне благонадежно, а Радко с ним хорошо справляется». Через нѣсколько мѣсяцев Алексѣев в дневникѣ даст совершенно иную характеристику, опираясь на данныя, изложенныя им знаменитом совѣщаніи 16 іюля в Ставкѣ в заявленіи ген. Клембовскаго, замѣнившаго при Брусиловѣ ген. Драгомирова в качествѣ главнокомандующаго Сѣверным фронтом: «В XII армии развал достиг крайней степени. Браганіе идет во всю и остановить его нѣтъ возможности... Вредным элементом стали латыши, геройски дравшіеся в декабрѣ и январѣ мѣсяцах. Произошел нравственный перелом: 2/3 Латвіи в руках нѣмцев... Естественно, нужно скорѣе ждать свободы от нѣмцев... Командующій XII арміей не сумѣл поставить себя в отношеніи армейских комитетов и упустил из своих рук управление арміей. Правит арміей фактически не Радко-Дмитріев, а предсѣдатель совѣтскаго комитета солдат Ромм. Комитеты творят, что хотят. Комитеты латышских бригад состоят сплошь из большевиков». Исторія эволюціи армии в послѣдующіе мѣсяцы выходит за предѣлы данной работы. Здѣсь нужны очень существенныя поправки. Состояніе XII армии в дни октябрьскаго переворота цѣликом не подтверждает пессимистическую оцѣнку Алексѣева. (См. мою книгу «Как большевики захватили власть»). Во всяком случаѣ послѣдующее далеко не было логическим развитіем того, что закладывалось в эпоху мартовскаго реформирования армии. Но для марта подлинное настроеніе армии очень ярко выразилось в выступленіи Ромма на Совѣщаніи Совѣтов. (См. ниже).

гого, как пытаться легализировать комитеты — “прибрать их к рукам”. “Так мы и поступили”, — заключает Гучков в воспоминаниях. 28-го в Ставкѣ состоялось совѣщаніе, на котором побѣдила компромиссная позиція, и 30-го Алексѣевым, не принадлежавшим к числу людей, для которых недоступна чужая аргументація*), было издано “временное положеніе об организаціи чинов дѣйствующей арміи и флота”. В основу этого “положенія” лег проект, разработанный под руководством Колчака для Черноморскаго флота и сообщенный, очевидно, в Ставкѣ — Верховским.

Может ли возникнуть хоть какое-нибудь сомнѣніе, что авторитет Правительства и верховнаго командованія безконечно выиграл бы, если бы инициатива и новая организація арміи всецѣло находились в их руках? Они достигли бы большаго, если бы “временное положеніе” 30-го, замѣненное через двѣ недѣли статутом Поливановской комиссіи**), было бы издано 9 марта, когда все еще было в броженіи и когда еще не пришлось бы закрѣплять существующее, как стало это неизбежно поздиѣе. Дезорганизующее вліяніе бесспорно оказало то обстоятельство, что в связи с измѣненіями “положеній” приходилось переизбирать войсковые комитеты — в нѣкоторых мѣстах “до четырех раз” в теченіе одного мѣсяца (жалоба, которую записал в свой путевой дневник ден. Маслеников при посѣщеніи Особой арміи 18 апрѣля). Почти столь же неизбежно было и то пагубное явленіе, которое родилось из факта образованія комитетов явочным порядком — они в сущности, нѣрѣдко продолжали дѣйствовать уже в порядкѣ “обычнаго права” и придавали новой “наибольѣ свободной в мірѣ” арміи подчас характер уродливаго своеобразія: протоколы Исп. Ком. зафиксировали такую достаточно яркую бытовую черту — представитель тылового лужскаго комитета докладывал 11 марта: “хорошій гарнизон. Во главѣ комитета капитан, с ним вмѣстѣ засѣдают представители населенія, даже женщины”... Едва ли нормальным можно признать тот факт, что в 80 сиб. полку первым предсѣдателем солдатскаго комитета был священник.

Каких результатов могла бы достигнуть на первых порах инициатива военной власти, показывает дѣятельность “иниціатора захвата солдатскаго движенія в руки команднаго состава”, адм. Колчака в Черноморском флотѣ. Наибольѣ серьезные большевицкіе историки должны признать, что Колчаку “дѣйствительно удалось добиться огромных успѣхов — в теченіе почти двух мѣсяцев на севастопольских сулах, в гарнизонах и среди рабочих царил... идеи побѣдоносной войны. Севастопольскія военная организація создает проект устава, основной мыслью котораго является усиленіе мощи флота и арміи”... Колчак считал необходимыми комитеты, которые вносили “порядок и спокойствіе”, и он мог на митингах открыто заявлять, что “приказ № 1” для него не обязателен — его выслушивали спокойно.

*) Двѣ крайнія позиціи, діаметрально противоположныя, были представлены «демагогом» Верховским и человѣком «долга» Деникиным.

**) «Положеніе» Поливановской комиссіи, стоявшее ближе к совѣтскому проекту, было опубликовано послѣ утвержденія его Гучковым 10 апрѣля.

Адм. Кольчак принадлежал, несомненно, к числу крупных индивидуальностей*). Можно думать, что инициатива Ставки была бы поддержана не за страх, а за совесть большинством командного состава и по внутреннему убеждению и по выработанной традиции дисциплины — этому чувству чести военной среды. Так ярко последнее выразил ген. Селивачев записью в дневник по поводу “запроса” военного министра об отношении к приказу № 114: “не знаю, как отвѣтят мои командиры полков... Я же лично дам такой отвѣт: “для меня, как человека военного, всякій приказ военного министра непреложен к исполнению; обсуждать затронутые вопросы я считаю возможным лишь до тѣх пор, пока они не вылились в форму приказа. Тѣм болѣе вопросы внутренней жизни войск, которые должны основываться на принципах, а не на разнообразной обстановкѣ, повелѣвающей в бою; как печальникъ, я не мог бы довѣрять своему подчиненному, позволяющему себѣ критиковать отданный мною приказ”...**). Показательным примѣром может служить и ген. Марков, дневник котораго цитирует Деникин. Первые дни в X арміи на Зап. фронтѣ — время колебаній и сомнѣній. “Всѣ ходят с одной лишь думой — что-то будет? Минувшее всѣ порицали, а настоящего не ожидали. Россія лежит над пропастью, и вопрос еще очень большой — хватит ли сил достигнуть противоположнаго берега” (запись 6 марта). “Все то же. Руки опускаются работать. Исторія идет логически послѣдовательно. Многое подлое ушло, но и всплыло много накали”. Прочитав какое то “постановленіе” в “Извѣстіях” за “немедленное окончаніе войны”, экспансивный автор дневника запишет: “погубят армію эти депутаты и Совѣты, а вмѣстѣ с ней и Россію” (9-го). Проходит нѣсколько дней и Марков уходит с головой в “совѣты” и “комитеты”. 30 марта он вносит в дневник: “Спокойное, плодотворное засѣданіе армейскаго съѣзда до глубокой ночи”. И позже: “Я вѣрю, что все будет хорошо, но боюсь — какой цѣной”... В записях современников из числа военных часто раздаются жалобы на непригодность кадровых офицеров для выпавшей им роли политических воспитателей солдат, что препятствует развитію инициативы командованія. Но не боги горшки обжигают, и эта “удручающая” политическая “незрѣлость” все же, как свиѣтельствуют многочисленные примѣры, очень скоро приспособилась к революціонной обстановкѣ.

Ген. Деникин, склонный с нѣкоторым излишеством примѣнять статистическій метод, опредѣлил, что 65% начальников арміи не оказали достаточно сильнаго протеста против “демократизаціи” (т. е. “разложенія” арміи). Подобное утвержденіе по существу является лучшим отвѣтом на обвиненіе в “демагогіи”. На эти 65% возлагает отвѣтственность и Гучков в воспоминаніях, написанных в эмиграціи

*) В дневникѣ Верховскаго («Россія на Голгофѣ»), 3 марта ему давалась такая характеристика: «Мы всѣ здѣсь очень любим нашего адмирала. Это настоящий солдат, смѣлый и рѣшительный, горячій, неутомимый боец, любимый своими командами».

***) И эту записку сдѣлал человекъ, перед тѣм записавшій свой спор с подчиненным («большим приверженцем новаго правительства») и доказывавшій, что Гучков дѣйствует под напором Совѣта, распоряженія котораго будут приняты военным министром «для введенія в армію, хотя и пройдут через комиссію ген. Поливанова».

уже тогда, когда вынужденная обстоятельствами демократическая тога 17-го года, мало соответствовавшая самым основам политического мироощущения первого военного министра революционного правительства, была сброшена. Всѣх своих ближайших помощников по проведению реформы он обвинял в демагогии — они потакали революціи по соображеніям карьеры*). Свидѣтельство самооправдывающагося мемуариста, вспоминающаго былые дни в ином настроеніи, чѣм они им переживались, не может быть убѣдительным в силу своей тенденциозности.

IV. В предверіи кризиса

Было бы наивно предположить, что военное командованіе при самых благоприятных условиях могло бы своей энергичной инициативой устранить то основное роковое противорѣчіе, которое вытекало из самой дилеммы, вставшей перед обществом и пародом: революція и война. Так, может быть, могли думать немногіе энтузиасты, раздѣлявшіе почти мистическіе взгляды адм. Колчака на благотворное влияніе войны на человѣческой организм и готовые повторять за ним, что революція открывала в этом отношеніи новыя перспективы**). Жизнь была прозаичнѣй, и всей совокупностью условий, которыя были очерчены выше, властно намѣчался как будто бы один путь, опредѣленный в дневникѣ писательницы, не раз цитированной (Гиппиус), словами: «надо дѣйствовать обѣими руками (одной — за мир, другой — за утверженіе защитной силы)»).

Еще опредѣленнѣе было мнѣніе В. Д. Набокова, принадлежавшаго к числу тѣх, которые полагали, что одной из причин революціи было утомленіе от войны и нежеланіе ее продолжать... Но только мнѣніе это сложилось уже в процессѣ революціи и сильно отражало в себѣ слишком субъективное воспріятіе дѣйствительности. В сознаніи Набокова вырисовывался единственно разумный выход — сепаратный мир***). «Душа арміи», конечно, улетѣла с фронта,

*) Гучков сослался на авторитет Корнилова, который будто бы сказал ему при оставленіи поста командующаго войсками петербургскаго округа, что в разложениі арміи виновен, главным образом, командный состав, потакавшій солдатской анархіи. И что было не столько проявленія слабости, сколько революціоннаго карьеризма. Ссылка на Корнилова вызвала большое негодованіе Деникина, хотя по существу вопроса подобный взгляд вполне соответствовал точкѣ зрѣнія, изложенной Деникиным в «Очерках Русской Смуты». Во всяком случаѣ в мартѣ Корнилова также надлежало отнести в сонм «демагогов». Он по собственной инициативѣ посѣтил Исп. Ком. и заявил о своем желаніи дѣйствовать в полном контактѣ с Совѣтом, не возразил против прикомандированія к Штабу совѣтскаго представителя и даже на «лѣвых» произвел «выгодное впечатлѣніе» (Шляпников). Лишь 16-го кѣм то сдѣлано было в Испол. Ком. запротоколированное сообщеніе, что с Корниловым надо быть «осторожным» — он генерал «старой закваски, который хочет закончить революцію».

**) См. характеристику Колчака в III-м т. «Трагедія адм. Колчака», гдѣ использован его неопубликованный дневник.

***) Мемуарист вспоминает письмо, полученное им с фронта от гр. Игнатъева. Корреспондент писал, что надо отдать себѣ отчет в том, что война кончилась, потому что армія «стихийно не хочет воевать»: «Умные люди должны придумать способ ликвидаціи войны безболѣзненно, иначе произойдет катастрофа». Набоков показал письмо военному министру.

как выразился позже замѣнивший Радко-Дмитріева ген. Парскій. “Вернуть эту душу” не в силах были революціонныя организаціи, ибо онѣ не могли “имперіалистическую” войну превратить в войну “революціонную” и обречены были на противорѣчивое балансированіе в предѣлах формулы “революціоннаго оборончества”, сдѣлавшейся официальным знаменем совѣтской демократіи. Эта формула, стремившаяся сочетать старые взгляды Циммервальда с новыми патріотическими задачами, которыя ставила революція, не могла устранить причин упада арміи.

Для продолженія войны нужен был пафос, то есть активное дѣйствіе, — защитная сила была формулой пассивной, которая могла получить дѣйственное значеніе лишь при нѣкоторых опредѣленных внѣшних условіях. Раз их не было, формула теряла свою политическую обостренность. Многие из находившихся непосредственно на фронтѣ сознавали рождавшуюся опасность. Так ген. Селивачев, знакомясь с планом проектировавшагося прорыва с участка 6 арм. корпуса, записал 11 марта: “Предстоящая операція, говоря откровенно, крайне пугает меня: подъема в войсках нѣтъ, совершившійся переворот притянул к себѣ мысли арміи, которая безусловно ждала, что с новым правительством будет окончена война, и каждый, вернувшись домой, займется своим дѣлом. А тут опять бои... Какія бы громкія фразы ни говорили от “Совѣта Р. и С. Д.”, уставшій от войны и ея ужасных лишеній солдат не подымется духом больше, нежели он подымался при царѣ, а со стороны офицеров едва ли что можно ожидать крѣпкаго: старые — оскорблены, а молодые — неопытны”... Вѣроятно, внутренне сознавали то же и руководящіе круги революціонной демократіи. И не только соображенія отвлеченныя, идеологическія, но и психологическія настроенія — реалистическія, толкали демократію на путь поисков всеобщаго мира через Стокгольмскія совѣщанія и путем нацифистских декларацій.

Другая точка зрѣнія совпадала с официальной позиціей правительств зап.-европейской демократіи и гласила, что “мир может быть достигнут только путем побѣды”. Через 25 лѣтъ, когда мір переживает вновь катастрофу, кто скажет опредѣленно, на чьей сторонѣ было больше утопій, и какой путь тогда для культуры и человѣчества был болѣе цѣлесообразен?*)

Массѣ, естественно, чужда была отвлеченная постановка вопроса. Отсюда возникала та драма в душѣ “простого человѣка”, о которой говорил в августовском московском совѣщаніи с. р. Вркосек, выступавшій от имени петроградскаго Совѣта офицерских депутатов: “с одной стороны, мы говорим: боритесь до полнаго конца, вы должны побѣдить во имя свободной родины, а с другой стороны, мы нашему пролетариату, нашей арміи, странѣ, наиболѣе бѣдной духовными и матеріальными силами, задаем такую колоссальную задачу, которую не может взять на себя ни один пролетариат міра. И если вы, с одной стороны, говорите: “боритесь”, с другой стороны, указываете ва Стокгольм и гово-

Тот отвѣтил, что он получает такія письма массами, и приходится «надѣяться на чудо». Набоков высказал свое убѣжденіе Милюкову, который «рѣшительно» не согласился, однако, с этим и считал, что «без войны скорѣй бы все разсыпалось».

*) Эти строки писались во вторую мировую войну.

рите: “ждите оттуда мира”, развѣ вы не понимаете, какую драму создаете вы в душѣ челоуѣка, как вы разрываете ее на двѣ части. Мы — теоретики, мы — люди пародной мысли, конечно, сумѣем примирить противорѣчія и в этих изгибах не потеряемся. Но неужели вы думаете, что широкія пародныя массы не ждуг дѣтски-просто вѣстей мира, как совершенно опредѣленнаго указанія оттуда. И развѣ вы думаете, что так легко стоять перед смертью?... Нечеловѣческим ужасом наполняется душа — так развѣ можно в то же самое время его смущать мыслью о мирѣ и говорить: ты должеи думать одновременно и о борьбѣ, и о мирѣ”**).

Вот почва, на которой развивалась в арміи бацилла, порожденная эксхатологіей фанатичнаго вождя большевиков. В силу своего собственного внутренняго противорѣчія революціонная демократія не сумѣла, как не сумѣло этого по другим причинам и Временное Правительство, оказать должное противодѣйствіе разлагающей, упрощенной по своей прямолинейности, пропагандѣ послѣдователей ленинской политики**).

Вовсе не надо принадлежать по своимъ политическимъ взглядамъ к числу “реакціонеровъ”, как полагает в своихъ воспоминаніяхъ Керенскій, для того, чтобы признать полную правоту Алексѣева, писавшаго 16 апрѣля Гучкову: “положеніе в арміи с каждымъ днемъ ухудшается... армія идетъ к постепенному разложенію”. Верховный главнокомандующій лишь удивлялся безотвѣтственности людей, писавшихъ и говорившихъ о “прекрасномъ” настроеніи арміи. Количество мрачныхъ сужденій о состояніи арміи возрастаетъ. Извѣстный намъ прапорщикъ-интеллигент из Особой арміи, бывшій скорѣе в первые педѣли послѣ революціи оптимистомъ, употребляетъ уже слова: “армія погибаетъ” (5 мая). И все же положеніе было вовсе не такъ безнадежно, какъ оно казалось пессимистамъ. Спасалъ, вѣроятно, тотъ “здравый смыслъ русскаго народа”, о которомъ в первые дни революціи кн. Львовъ говорилъ Алексѣеву. Надо было не надѣяться на “чудо” (такъ Набоковъ опредѣляетъ апрѣльскія настроенія военнаго министра), а только ближе присмотрѣться к жизни.

Большевицкіе историкъ вполнѣтвѣтвіи должны были признать, что процессъ разложенія арміи “шелъ гораздо медленнѣе, чѣмъ можно было ожидать”, и что этому замедленію содѣйствовали органы армейскаго самоуправленія. Трудно во многомъ не согласиться с тѣмъ, что говорилъ на московскомъ совѣщаніи “представитель армейскихъ и фронтовыхъ комитетовъ” Кучинъ, хотя отдѣльныя мѣста его рѣчи, не безъ основанія, вызывали довольно шумные протесты части собранія. Вотъ что онъ говорилъ о роли, которую сыграло в арміи новое “самоуправленіе”. “Что сдѣлали комитеты? — спрашиваютъ здѣсь. Здѣсь указываютъ на цѣлый рядъ явленій разложенія. Указываютъ, что моральнаго подъема нѣтъ, что дисциплина пала и т. д. и т. д., и что в этомъ

*) См. «Золотой ключъ».

**) Сухановъ говоритъ, что в засѣданіи Контактной Комиссіи, собравшейся еще в серединѣ апрѣля в силу болѣзни военнаго министра на его квартирѣ, Гучковъ пытался убѣдить совѣтскихъ представителей о невозможности «говорить вслухъ о мирѣ», ибо при словѣ «миръ» в арміи наступаетъ «параличъ», и она разлагается.

виноваты комитеты. Нѣтъ, мы утверждаем, что если бы в первые дни революціи в арміи не были созданы эти организациі солдатской массы*), эти организациі, объединившія солдат и офицеров, то мы не знаем, что было бы в арміи, которая в страшно трудной обстановкѣ освободилась под выстрѣлами врагов от рокового гнета... Что сдѣлали комитеты с перваго дня революціи? Они произвели огромную работу организациі массы... (я дальше мѣстами дѣлаю нѣкоторую перестановку в послѣдовательности нѣсколько необработанной и разбросанной рѣчи). Мы знаем, если бы видѣли солдата в первые дни революціи, ...с какой стихійной потребностью он шел и чувствовал, что ему нужно говорить, нужно организовываться. У него ничего не было. Ему нужно было давать то, чего он не знал. Это давали комитеты... Кто же первый... стал на защиту необходимости нормальных отношеній солдат с офицерами? Комитеты. Я утверждаю это про XII армію, представителем которой я являюсь... Революція... не игрушка. Если она была мучительной в арміи, если цѣлый ряд конфликтов был в арміи, то это потому, что это — революція... огромная масса освободилась от рокового гнета... Она во многих случаях проявила незаконно, может быть, позорно свой гнѣвъ... Но что, если бы не было комитетов?... Если сейчас в отдѣльных арміях мы переживаем період отсутствія антагонизма между солдатами и офицерами... в этом по существу закономѣрном и стихійном процессѣ главное мѣсто занимает работа армейских комитетов... Затѣм возникал цѣлый ряд чрезвычайно важных вопросов... Мы знаем, что не было ни одного комитета из отвѣтственных представителей солдатских и офицерских масс, который... не принялъ бы участія в борьбѣ с разлагающим братаніем. Если сейчас нѣтъ братанія в арміи, то эту роль, несомнѣнно, сыграли армейскіе комитеты”...

Рѣчь фронтובהго представителя социалистической демократіи была произнесена в момент, отдаленный от мартовских переживаній уже цѣлой полосой революціи, которую в отношеніи арміи он сам охарактеризовал “періодом разложенія и дезорганизациі”. Этот “второй період” жизни арміи оратор пытался односторонне представить неизбежным “стихійным процессом революціи” — “это вина всего, что произошло, это вина не людей и организациі, это бѣда россійской революціи, которая произошла в момент міровой войны и задыхалась в этой ужасной войнѣ”. Первый період революціи — говорил Кучин — прошел, как сознательная дѣятельность нѣкоторых элементов солдатской массы, за которыми слѣпо и радостно шла солдатская масса, выходившая на сцену сознательной жизни. Во второй період... прошел мучительный процесс в глубинах народной жизни”. “Солдатская масса обрадовалась ре-

*) Кучин слишком рѣшительно отрицал вліяніе «приказа № 1» — «он никакого значенія не играл в арміи». «Я утверждаю, — говорил представитель фронтובהй группы, — что Кавказской арміи он не был извѣстен в тот момент, когда начали создаваться там комитеты... Комитеты явились стихійным процессом в тот момент когда старый порядок в арміи рушился, и не было ничего новаго. Комитеты явились проявленіем инстинкта самосохраненія массы, мудраго инстинкта сознанія представителей масс, которые знали, что им придется в чрезвычайно трудных условіях создавать новый бытъ арміи... так как перед ними была масса, только что вырвавшаяся из состоянія рабства».

волюціи, как скорому приходу мира". "Стихийную потребность мира" армейскіе комитеты пыгались влиять в "русско международнои борьбѣ за мир" и "энергичнои обороны страны". "Не всегда удавалось эту идею воплотить в сознаніи широких масс", которыя разочаровались в революціи, не давшей "всего, что онѣ хотѣли" и которыя начали "самостоятельно переѣваривать всю ту огромную массу вопросов, которыя в их мозг, в их жизнь выкинула революція". Естественно, онѣ не могли справиться с такой задачей — на этой почвѣ рождались дезорганизаторскія настроенія, которыя, как в определенном кристаллѣ, собирались вокруг "большевизма". "Не большевизм самостоятельно родил то ужасное, что было в арміи, не большевизм безответственный, но большевизм жандармскій, потому что жандармы и городовые вступали в армію под лозунгом большевизма и были тѣм ферментом, который разлагал тѣ настроенія, которыя создались в арміи".

В данном случаѣ Кучин слѣдовал роковому *usus'у*, установившемуся в значительном большинствѣ революціонной демократіи под влияніем роста, как казалось, реставраціонных настроеній послѣ іюльских дней, реабилитировать идейный большевизм и дезорганизаторскую работу объяснить происками "контр-революціонеров", которые дѣйствуют "под флагом большевизма" (см. "Золотой ключ"). Это было тактически ошибочно и неправильно по существу. Объективное установление факта о зловредной роли, которую сыграли отправляемые на фронт жандармы, несомнѣнно правильно*).

Нѣсколько отвлеченное построеніе, представителя фронтowej демократіи, соціологически, вѣроятно, правильное (поправка должна быть сдѣлана, может быть, в сторону примата пропаганды "безответственных" элементов) противопоставлялось той системѣ оздоровленія арміи, которая, по его выраженію, сводилась к репрессивным "мѣрам желѣза и крови" и которой аплодировало на Гос. Совѣщаніи так называемое "правое" крыло. Кучин, болѣя "ужасами в арміи", указывая, что "эту тоскующую, ищущую безплодно пути к своему возрожденію массу темных людей, нельзя представлять себѣ взбунтовавшимися рабами, которых "покорностью можно заставить жить так, как надо**). Спор этот вводит

*) Лозунг «полицію на фронт» был популярен в революціонное время, и как-то никто на первых порах не задумывался о послѣдствіях его осуществленія. Так первый армейскій фронтowej съезд в Миискѣ вынес спеціальное о том постановленіе. Результаты оказались очень скоро. Революціонный командующій войсками Кіевского округа Оберучев утверждает, что «каждое сообщеніе об отказѣ под влияніем большевицкой пропаганды заканчивалось обыкновенно так: «предсѣдателем полкового совѣта был бывший жандарм» и т. д. В позднѣйшем отчетѣ комиссара XI арміи на юго-запад. фронтѣ Кириенко также отмѣчалось пагубное влияние пополненія частей, стоявших на фронтѣ, городовыми и жандармами, присылаемыми из тыла: многіе из них стали «большевиками» и вносили деморализацію в боеспособных частях (как примѣр, отчет приводит Московскій полк 2 дивизіи гвардейскаго корпуса, гдѣ таких «бывших» оказалось около 150 человек). Думскіе депутаты в свою очередь зарегистрировали случаи, когда части выносили недовѣріе офицерам под руководством бывших агентов Охранных отдѣленій.

***) «Мы знаем, кто жил близко к солдатской массѣ, — говорил оратор, — что глухое и темное броженіе шло в широких глубинах и нѣдрах арміи дореволюціоннаго періода... Из теплушек, из трамвайных вагонов, из тем-

нас непосредственно во “второй период” жизни армии, лишь началом своим захватывающей эпоху первого Временного Правительства. В сущности основное положение фронтового делегата, говорившего от имени революционной демократии, косвенно подтвердил в своей рѣчи и первый верховный главнокомандующий революционного времени. В своем словѣ, полном заостренной горечи за пережитое и страданіем за судьбы армии, Алексѣев объективно не мог оцѣнить того нечаянного прошлаго, которое тогда было еще живым настоящим и, в добром помянув выборные коллективы, все же подлинный вождь армии признал, что в нѣдрах своего здорового организма армия могла переварить “ядовитую пилюлю” в видѣ “приказа № 1”, но ее разрушала не встрѣчавшая должнаго противодѣйствія пораженческая (употребим для простоты и отчетливости термин из языка дореволюціоннаго — его употребили Каледин и Маклаков в своих рѣчах на Гос. Сов.) агитация — “с этим труднѣе было бороться”.

В апрѣлѣ, повторяем, еще рано было говорить о “чудѣ”, которое одно только могло спасти армию. Вслушаемся в отчеты уполномоченных Врем. Комитета, посѣтивших фронт в апрѣлѣ. Мы не имѣем официального отчета депутатов Мансырева и Филоненко, командированных 5 апрѣля на Юго-Западный фронт и вернувшихся 21-го. Но Мансыров в воспоминаніях рассказал о своих впечатлѣніях. Воспоминанія Мансырева, правда, очень далеки от воспроизведенія былой дѣйствительности с точностью, доступной мемуаристу, но едва ли он сильно погрѣшил против общаго впечатлѣнія вынесеннаго из побѣдки: “Юго-Западный фронт производил впечатлѣніе хорошее”. Такое же заключеніе, по его словам, вынесли и два других думца — Шаховской и Кузьмин, которые одновременно были на фронтѣ. “Мы посѣтили — вспоминает Мансырев — свыше 25 полков, не считая отдѣльных небольших отрядов, а также разных митингов, составлявшихся по пути из солдат и мѣстных жителей... Настроеніе патриотическое, полное готовности к наступленію, недурная дисциплина и даже отсутствіе рѣзкаго антагонизма между солдатами и офицерами; бывали кое какія недоразумѣнія, но мы их сравнительно легко ликвидировали” — депутат ѣздил с совѣтскими делегатами (“нѣсколько хуже” было настроеніе в VIII Калединской армии).

Об апрѣльских настроеніях в Особой армии мы имѣем опубликованныя выдержки из официального отчета членов Думы Масленникова и Шакова о побѣдѣ на фронтѣ в серединѣ мѣсяца. Резюме их доклада довольно пессимистично: “сравнивая дух армии в настоящее время и в первые дни революціи при посѣщеніи Сѣвернаго фронта, к сожалѣнію, приходится констатировать, что та пропаганда, которую вела Германія у нас в тылу через своих вольных и невольных провокаторов и шпионов, а также пропаганда на фронтѣ под

ных землянок часто раздавались слова, указывающія на озлобленное настроеніе... Мы знаем, как в послѣднее время до революціи увеличивались репрессіи вмѣстѣ с ростом разложенія армии... Мы слышали во время сраженій далекіе выстрѣлы тогда. Это были выстрѣлы разстрѣлов. И мы знаем, как часто примѣнялись плети и розги, но многіе не знают, какую бурю негодованія вызывали онѣ в солдатской массѣ, которая... тайно переживала чувство озлобленія... Это чувство озлобленія было принесено солдатами в первые же дни революціоннаго періода...

видом перемирія и братанія сдѣлали свое губительное дѣло... Уснѣхъ нежелательной пропаганды в нѣкоторых частях лежит в том, что он бьет по самому большому мѣсту. Всѣ устали воевать — большевицкая пропаганда проповѣдует скорѣйшее прекращеніе активных военных дѣйствій (оборонительная война и мирный конгресс)... Вот почему так крѣпка укоренилось неправильное пониманіе мира без анексій, как отказ от всякой наступательной войны... Огромная масса солдат рада вѣрить в то, что нѣмцы пойдут на всѣ требованія, выставленныя русской демократіей. Нѣмцы, отлично учтя это настроеніе, всячески стараются его поддержать и развивать, прекратив обстрѣл наших позицій и проповѣдуя свое миролюбіе организованным и планомерно проводимым братаніем. Зараза, идущая из тыла, одинаковая с пропагандой нѣмцев, убѣждает менѣ сознательную часть солдат в возможности их мыслей и чаяній”.

Подводя итоги, депутаты проявили склонность обобщить наблюденія, ими сдѣланныя в отдѣльных случаях. Это опредѣленно вытекает из отчета, представленнаго в видѣ подневных записей от 11 до 19 апрѣля. Прослѣдим их вкратцѣ. 11-го депутаты в Луцкѣ, гдѣ пребывал штаб Особой арміи. Ген. Балувъ с “большой похвалой” отзывался о дѣятельности комитета арміи, председателем котораго по избранію состоял иниціатор и организатор съѣзда арміи полк. Малыхин. При нем продуктивно работает “согласительная коммиссія”, вѣдающая разбором конфликтов, которые возникают на почвѣ отношеній между солдатами и офицерами. (Депутаты приводят примѣр, как солдатами был смѣщен командир полка и выбран другой — коммиссія “быстро” добилась подчиненія новому командиру, назначенному Балувым). Описывают депутаты посѣщеніе Полоцкаго полка. Кричат “ура”, качают и несут до экипажей... В рѣчах “вѣрное пониманіе смысла девиза “без анексій и контрибуцій”, отсутствуют рѣчи большевицкаго направленія”. То же в Тобольском полку, который в образцовом порядкѣ в церемониальном маршѣ под звуки марсельезы проходит перед депутатами. По заявленію командира, девиз полка: “война до побѣднаго конца без анексій и контрибуцій”... 13-го заканчивается объѣзд 5-го корпуса — впечатлѣніе “благопріятное”. “Всюду налажена дѣятельность комитетов, не вызывающая столкновеній с начальством... В смыслѣ боепособности солдат... несомнѣнно в наступленіе пойдут. Объясняется это интенсивной *борьбой комитетов* с пропагандой большевиков. Отношеніе к Думѣ и Временному Правительству (подчеркивается иногда необходимость единенія послѣдняго с Совѣтом С. и Р. Д.) *крайне благожелательное*. Отношеніе к депутатам *восторженное*... Замѣчаніе депутата (Масленникова), что Совѣт не должен стремиться к законодательной власти и тѣм болѣе управленію страной, в виду опасности двоевластія, — не вызывает протеста, наоборот одобряется. Солдаты всюду выставляют своим левизом демократическую республику”. 15-го депутаты посѣщают Временец — штаб XI арміи ген. Гутора. Здѣсь на армейском съѣздѣ депутаты впервые услышали рѣчь большевицкую — председатель съѣзда прап. 11 финл. полка, бывший секретарь “лѣвых фракцій Гос. Думы” заявил, что армія будет “драться до конца” (“мы будем голы, босы, но будем драться за свободу пролетаріата”) только

в случаѣ выясненія истинных намѣреній наших союзников, дабы Россіи была дана гарантія, что борьба идет не за капиталистическія цѣли союзников". Отвѣтъ Масленникова "все же удовлетворил" съѣзд, на засѣданіях котораго чувствовалась "дѣятельная пропаганда большевиков". Под крики "ура" депутатов "выносят на руках". 16-го посѣщеніе штаба 2 гвард. корпуса — депутатам устраивается "восторженный пріем в Волинском, Кегсгольмском и Петроградском полках"... 17-го солдаты гвардіи 1 и 4 стрѣлковых полков требовали удаленія "всѣх баропов, фоном и прочих шпіонов", а также офицеров, которым было выражено недоувѣріе запасным батальоном в Царском Селѣ*). В засѣданіи корпуснаго комитета поднимался вопрос о созывѣ Учр. Собранія. Рабочій солдат (большевицкаго направленія) настаивал на скорѣйшем его созывѣ; большинство же (крестьяне) просили ходатайствовать об отложеніи созыва "до окончанія войны" в виду невозможности провести посредством "правильной агитаціи" "элементы, которые представляли бы дѣйствительный голос крестьянства. Депутаты отмѣчали "крайне благожелательное настроеніе всего собранія". 19-го посѣщеніе Гренадерскаго полка — того самаго, в котором дѣйствовал прославившійся потом поручик большевик Дзевалтовскій. Вновь крики "ура", "оваціи". Но среди рѣчей солдат стмѣчают фразы: "штык против пѣмиев, приклад против внутренняго врага". Были произнесены двѣ "крайнія рѣчи" — угроза удалить "вон" правительство, если оно не пойдет об руку с Свѣтлом, и требованіе заключенія бывш. императора в Петропавловскую крѣпость. Однако, возраженіе Масленникова встрѣчает "полное сочувствіе" собранія. Вновь "оваціи и ура". При посѣщеніи гвардейских сапер в Несвѣжѣ впервые за всю поѣздку был очень остро затронут вопрос о мирѣ одним из членов президіума комитета, утвержденным штабом "редактором латышской газеты", который указывал на "мирную конференцію, как на скорѣйшій способ ликвидировать войну". В рѣчах не было "ни одного слова, враждебнаго к Германіи", тѣм не менѣе в концѣ собранія крики "ура" и т. д. В связи с обнаружившимся "крайним направленіем" солдат в штабѣ I корпуса, депутаты отмѣчают рассказы "очевидцев", как мѣхота пріятствовала артиллеріи прекращать "братанія", возникавшія по инициативѣ "германцев" и принимавшія в нѣкоторых частях корпуса "прямо уродливыя формы" на Пасху*).

*) Депутаты объясняли это требованіе «замѣтным желаніем солдат сохранить добрыя отношенія с запасным батальоном, в который, в цѣль отдыха, всѣ стрѣлки стремятся попасть». В документѣ, воспроизводящем отчет депутатов, дано такое еще поясненіе: «В числѣ офицеров, коим выражено недоувѣріе в зап. бат., находятся два георгіевских кавалера (пять командиров полков)... Нужно замѣтить, что предсѣдатель зап. бат., вынесшаго недоувѣріе, был въслѣдствіи арестован, как чин Охр. Отд. В арестѣ вышеназванных офицеров, в первые дни революціи бывших популярными среди солдат, сыграли немалую роль прикомандированные к зап. бат. офицеры, сводившіе личные счеты на почвѣ оскорбленнаго самолюбія» (выбачное начало и пр.).

**) Из официальной сводки свѣдѣній о братаніях на фронтѣ с 1 марта по 1 мая можно вообще заключить, что в апрѣлѣ, не говоря уже о мартѣ, явленіе это на всѣх фронтах было довольно случайное и сравнительно рѣдкое, едва ли выходявшее значительно за предѣлы, наблюдавшіеся до революціи — оно легко прекращалось пулеметным или артиллерійским огнем.

Вот главнѣйшее, как думается, что можно извлечь из записей, сдѣланных уполномоченными Врем. Комитета (отчет напечатан, к сожалѣнію, с купюрами). Какое можно сдѣлать заключеніе о настроеніях на других фронтах? Показательным явленіем был многолюдный армейскій съѣзд, собравшійся в Минскѣ и засѣдавшій с 7 по 17 апрѣля. Это был съѣзд “военных и рабочих депутатов арміи и тыла Западнаго фронта” (присутствовало около 1200 делегатов). Первый армейскій съѣзд привѣтствовали думскіе депутаты Родзянко и Родичев. От Исп. Ком. прибыла делегация, в состав которой входили Чхеидзе и Церетелли. Суханов в воспоминаніях бьет в литавры по поводу успѣха совѣтской делегации — съѣзд имѣл “огромное значеніе для завоеванія арміи Совѣтом”: съѣздом всецѣло овладѣли совѣтскіе люди, совѣтскія настроенія и лозунги, вся вообще совѣтская атмосфера. Резолюціи съѣзда повторяли без всяких поправок и дополненій резолюціи всероссійскаго совѣтскаго “Совѣщанія”. “Минскій фронтовой съѣзд знаменовал собой радикальный перелом всей революціонной конъюнктуры и завершеніе совѣтской побѣды над арміей”. Мемуарист *post factum* придал минскому съѣзду совершенно не то значеніе, которое он имѣл.

Съѣзд проходил в конечных чертах в атмосферѣ взаимнаго довѣрія. “Демосфены от плутократіи”, как выражается мемуарист, появились в Минскѣ вовсе не для того, чтобы противопоставить какую то особую политику “думско-правительственных сфер” политикѣ революціонной демократіи послѣ правительственной деклараціи по внѣшней политикѣ. Формально позиціи обоих политических центров не расходились. “Именитые столичные делегаты от Совѣта держали себя также с тактом. Чхеидзе говорил о необходимости единенія фронта и тыла для того, чтобы свобода стала, дѣйствительно, “величайшим праздником”. Защитѣ свободы посвятил свою рѣчь Церетелли, указывавшій, что сепаратный мир был бы гибелью для Россіи. Скобелев высказывал увѣренность, что армія не допустит удушливых газов с гапада и установит единеніе солдат и офицеров и т. д. Их выступленія были “сплошным триумфом”, но также “восторженно рукоплескала” аудиторія и “революціонно-патріотическим” фразам думских делегатов. При открытіи съѣзда выступили представители французской и англійской военных миссій. С энтузіазмом воспринята была и рѣчь новаго главнокомандующаго ген. Гурко, этого подлиннаго военнаго вождя и хорошаго оратора, но характеристикѣ иностраннаго наблюдателя проф. Легра*). Такое одинаковое отношеніе ко всѣм ораторам возбуждает да-

Только 16 апрѣля в «Правдѣ» появилась статья Ленна, призывавшая содѣйствовать «братанію». Он писал: ...«войну невозможно кончить ни простым втыканіем штыков в землю, ни вообще односторонним отказом одной из воюющих стран. Практическое немедленное средство для того, чтобы ускорить войну, есть и может бѣть только одно (кромѣ побѣды рабочей революціи над капиталистами), именно: братанье солдат на фронтѣ — немедленная, энергичнѣйшая, всесторонняя, безусловная помощь с нашей стороны братанью солдат обѣих воюющих групп на фронтѣ. Такое братанье уже началось. «Давайте помогать ему» (статья Ленна была «отвѣтом на отрицательную резолюцію Совѣта Солд. Деп. по поводу пропаганды большевиков).

*) Какое впечатлѣніе производил Гурко показывает довольно необычный факт, о котором рассказывает Легра, как непосредственный очеви-

же возмущение со стороны Легра: «с'est éccœurant» записывает он в дневник. В действительности это свидетельствует лишь о настроении аудитории*). Никаких общих политических резолюций, кроме резолюций всероссийского Съезда Советов, никѣм не было предложено — естественно, что они и были приняты без поправок и дополнений.

Но важно, что резолюция о войнѣ, хотя председателем съезда был избран большевик Позерн, глава мѣстного совѣта, заявивший себя, однако, перед открытiем отъезда соц. демократом, стоящим на платформѣ совѣтскаго “Совѣщанiя”, была принята 610 голосами против 8 при 46 воздержавшихся. “Пораженцы” всѣх мастей должны были ступешаться перед настроением делегатов, в большом количествѣ прибывших из “окопов”. Ленинские выученики, появившіеся на авансценѣ, не торжествовали и в секціонных засѣданiях съезда, гдѣ обсуждались дѣловые вопросы: так в секціи по организации арміи, разрабатывавшей проект обвѣщения команднаго состава, подавляющим большинством было отвергнуто выборное начало. Съезд объявил дезертирство из арміи “позором и измѣной дѣлу революции” и требовал добровольнаго немедленнаго возвращенiя в свои части покинувших фронт. В состав фронтнаго комитета на съездѣ было выбраной 27 офицеров, 35 солдат, 10 рабочих и 3 врача. В состав этого комитета съезд включил свящ. Еладинцова, который привѣтствовал съезд от имени “горсточка революціоннаго духовенства”. Перед закрытiем съезда ген. Гурко выступил с рѣчью, предостерегавшей от междуокопных переговоров с нѣмцами, которые скрывали таким путем свои продвиженiя на фронтѣ. “Война — говорил главнокомандующій — кончится не отказом от анексий и контрибуцій, а тогда, когда одна воля будет подавлена другой. Мы должны сломить волю врага, и тогда провозглашенныя идеи самоопредѣленiя будут проведены в жизнь. Разрушив германскій милитаризм, мы скажем: “не смѣйте держать столько войск, быть постояннаю угрозой міру”...

Приблизительно в это время англійскій посол посѣтил председателя кабинета министров, котораго он застал в “очень оптимистическом настроенiи”. Бьюкенен на основанiи данных, доставленных англійскими (военными) атташе, которые вернулись с фронта, обращал вниманiе Правительства на состоянiе арміи и настаивал на запрещенiи социалистическим агитаторам посѣщать фронт. Львов совершенно не раздѣлял пессимизма посла. Львов — записывает послѣдній — успокоил меня, сказав, что на фронтѣ есть только два слабые пункта: Двинск и Рига (т. е. Сѣверный фронт). Армія, как цѣлое, крѣпка, и всѣ попытки агитаторов уничтожить дисциплину не будут имѣть успѣха: “Правительство может рассчитывать на поддержку арміи и даже петроградскій гарнизон, не говоря уже о войсках на фронтѣ, которыя предложили уничто-

дец: послѣ одного из горячих призывов, обращенных главнокомандующим к толпѣ, выступившій из рядов солдат «большевик» поцѣловал Гурко руку.

*) Легра рассказывает, что с Родичевым случился неприятный для оратора инцидент — у него выскочила вставная челюсть и упала на пол. Легко представить себѣ, как разсмѣшил бы подобный случай французскую аудиторию — пишет Легра, — здѣсь, наоборот, это не вызвало даже улыбки, и Легра должен признать, что это достаточно характеризует психологию слушателей.

жить Совет рабочих” (Бьюкенен был “весьма озабочен”, что Правительство “бессильно освободиться от контроля Исп. К.м.”). “Правительство — прибавил Львов — не может приять подобных предложений, не подвергая себя нападкам в том, что оно замышляет контр-революцию”.

Что же это был только самообман, присущий идиллистически настроенному премьеру, или выражение официального оптимизма, вынужденного вниманием иностранного посла? Допустим и то, и другое, и всетаки открывшиеся возможности вовсе не были проблематичны, ибо действительность не была так безнадежна, как она впоследствии рисовалась некоторым мемуаристам. В апреле армия сохраняла свою силу, и подаром министр ин. дѣл, связанный с прѣф. Лейба старыми дружественными личными отношениями, говорил ему 17 апреля, что серьезное наступление задерживается только вопросом о удовольствии армии, затрудненным дезорганизацией транспорта, а Ставка на запрос великобританского ген. штаба от имени союзников о сроках наступления довольно категорически сообщила, что наступление *назначено* на середину мая*).

**

Если мы вернемся к мартовским дням, то должны будем признать, что перспективы возможностей открывались еще больше. Этими возможностями не сумели воспользоваться. Слова приведенного выше согласительного воззвания (“приказа № 3”) довольно наглядно передают нам первую обстановку еще не улегшегося возбуждения первых революционных дней — дней “светлых, но еще тревожных”, по характеристике одновременно изданного приказа по Преображенскому полку (“светлыми, ясными” назвал их даже Алексѣев — быть может, больше по тактическим соображениям — на Государ. Совѣщаніи в Москвѣ). Закрепить “свободу”, в которой нѣт еще полной увѣренности, провозглашеніем *ubi et ubi* неваго правительственного принципа, именовавшегося “завоеваніями революціи”; увлечь колеблющихся и сомнѣвающихся души красивыми лозунгами-декларациями, дать внѣшнюю коллективную форму выраженія накопленному индивидуальному энтузиазму — вот могучій стимул момента, заглушавшій подчас всѣ партійныя или иныя соображенія.

Революционная фразеология всегда, конечно, на грани демагогии, ибо она забывает “милліоны моментов’ будущаго”, которые предстоит пережить (слова ген. Алексѣева на Гос. Сов.). Но каждый отдѣльный момент запечатлѣвается волнующими сценами искренняго пафоса. Прислушаемся к голосу современника — он достаточно знаменателен. В газетѣ “Рѣчь” — в той газетѣ, позицію которой через короткій промежуток времени дневник Гиппиус будет опредѣлять словами “круглый враг всего, что касается революціи” — рассказывалось о повмщенном пастросшіи, царившем 13 марта на первом объединенном засѣданіи

*) В момент же развала Черноморскаго флота (май), когда иужно было произвести рискованную операцію, Колчак вызвал охотников: число послѣдних — показывал он в дни сибирскаго допроса — значительно превысило нужное количество.

представителей образовывался Совет офицерских депутатов петроградского гарнизона и Исполнительного Комитета, на котором обсуждался проект “декларации” прав солдата (присутствовали и иностранные офицеры). Это была торжественная манифестация единения солдат и офицеров. В “общем энтузиазме, поцѣлуях и слезах” принимается резолюция, призывающая в основу “прочного братского единения” положить чувство “взаимного уважения... чести и общее стремление стоять на страже свободы”. Мрачно настроенный Деникин, чуждый “иллюзиям”, во всех этих манифестациях усмотрит (по крайней мере в воспоминаниях) лишь “лживый пафос” (генерал попал в Петербург уже тогда, когда очередные будни стали стирать флер первых дней). Скептики скажут (с известной правдивостью), что действительность была далека от таких идиллий и дадут примеры разительного противоречия. И тем не менее забыть об этих (пусть даже поверхностных) настроениях — значит нарушить историческую перспективу. Нельзя усмотреть только “ложный пафос” в грандиозной и торжественной манифестации, которую явили собой похороны “жертв революции” на Марсовом поле 23 марта*, или в аналогичных, сентиментальных сценах на фронте (вспомогательные Врем. Ком. отмѣчали “братаніе” офицеров и солдат 23-го в Двинскѣ, когда присутствовавшие плакали); не только “ложный пафос” заставлял рыдать “буржуазную” и “пролетарскую” толпу, собравшуюся на концерт-митинг 25 марта в Маринском театре, который был организован в пользу “жертв революции” комитетом Волынского полка и на котором присутствовали члены иностранного дипломатического корпуса и активно участвовали представители Правительства и Совета (выступали Керенский и Чхеидзе). Палеолог вспоминает, что, когда Фигнер развертывала перед аудиторией скорбный мартиролог погибших за дело свободы и похоронный марш в оркестровом исполнении придавал политической рѣчи патетический характер религиозных поминок, *большинство* присутствовавших плакало**). Только славянская душа (а не slave) способна, по мнению француза-реалиста, так реагировать на слово. Но это было и это захватило всех. Керенский обмѣнивался в Кронштадте поцѣлуем с Рощалем (!)... “слезы” и “объятия” отмѣчает Бубликов на первом заседании съезда промышленников, собравшегося в Москвѣ 19-го и “сидноушно” приветствовавшего “свержение презрѣнной царской власти” (выражение Рябушинского на Гос. Сов. в Москвѣ). “Всемирным торжеством — вспоминает Гольденвейзер — был “Праздник революции”, организованный в Киевѣ 16 марта: это было высшее выражение того подъема, тех приподнятых радостных настроений, того “почти” полного единства мыслей и чувств, с которыми переживал Киев “медовый мѣсяц” революции.

Подобное настроение не могло не отражаться и на отношении к

*) Русский современник мог бы повторить метафору Мишле о парижском празднике Федерации 14 июля 1790 г. — Это был день «всеобщего братства, когда Бог явил свой лик. Бог согласия и мира, а не Бог насилия».

***) Суханов говорил, что это был восторг «буржуазной» толпы, которая жила «новым подъемом» и дышала «радостью великодушной революции». Это, конечно, неверно.

войнѣ. Даже самые “непримиримые противники войны” — большевики, еще не шли дальше лозунга “войны без побѣдителей и побѣжденных”. Карикатурой на дѣйствительность являются утверждения, подобныя тѣм, какія можно найти в исторических изысканіях военного историка Головина, не усомнивагося написать без всяких оговорок про “начало революціи”, что “крайнія социалистическія партіи с большевиками во главѣ” в цѣлях “углубленія революціи” толкали солдатскія массы к бунту и убійству офицеров, не останавливаясь перед полным разрушеніем самого организма арміи”. Дезорганизаторская работа большевиков, не могших по своей численности оказывать большого вліянія на рѣшенія Исп. Ком., была в сущности далека в то время от такой проповѣди. Оберучев рассказывает, как неистовый и истерическій будущій главковерх Крыленко, занимавшійся в эмиграціи перефразировкой ленинских призывов против войны, на фронтном съѣздѣ в Кіевѣ в апрѣлѣ высказался за наступленіе. Позиція “защиты революціоннаго отечества”, которой держалось без колебаній большинство Исп. Ком., и которая может быть выражена позднѣйшим заявленіем Церетелли на московском Гос. Совѣщаніи: “сторонники сепаратнаго мира придут, только перешагнув через труп революціи”, не могла вести к сознательному разрушенію арміи. Цѣлью реформ, разработывавшихся солдатской секціей Совѣта, являлось укрѣпленіе — может быть эфемерное — военнаго организма...

По мнѣнію ген. Врангеля, в “рѣшительныя минуты” послѣ переворота не было сдѣлано со стороны старших военных руководителей “никакой попытки овладѣть сверху психологіей арміи”... Мы видѣли, что это было не совсѣм так. Но, повидимому, Врангель раздѣлял в то время позицію Деникина, первое впечатлѣніе котораго при полученіи циркулярной телеграммы Алексѣева было, как мы знаем, формулировалось словами: “Ставка выпустила из своих рук управленіе арміей”. Ставка упустила момент не в смыслѣ захвата армейскаго революціоннаго движенія в свои руки. Нѣтъ! “Грозный окрик верховнаго командованія, поддержанный сохранившей в первыя двѣ недѣли дисциплину и повиновеніе арміей, быть может, мог поставить на мѣсто переоцѣнившій свое значеніе Совѣт, не допустить “демократизаціи” арміи и оказать соотвѣтствующее давленіе на весь ход политических событій, не нося характера ни контр-революціи, ни военной диктатуры” — пишет автор “Очерков русской смуты”, передавая не то вывод современника, не то заключеніе историка. “Лояльность команднаго состава и полное отсутствіе с его стороны активнаго противоудѣйствія разрушительной политикѣ Петрограда — по словам Деникина — превзошли всѣ ожиданія революціонной демократіи”...

Сам Деникин совершенно не склонен был итти на уступки — по собственным словам, он, в качествѣ главкома фронтон, подчеркнуто с самаго начала держался системы полного игнорированія комитетов. Період разработки новых реформ застал Деникина на посту нач. штаба верх. главкома фронтон, что не могло не оказывать несомнѣннаго вліянія на позицію Ставки. Ссылаясь на знаніе “солдатской психологіи”, Деникин говорит, что строевые начальники не желали придавать армейским реформам (признавая цѣлесообразность

нѣкоторых из них — устраненіе “нѣкоторых отживших” форм) характер “завоеваній революціи”: надо было дѣйствовать “исподволь, осторожно”. Рецепт довольно утопичный в обстановкѣ революціоннаго дѣйствія. Какими силами можно было удержать армію в предѣлах стараго дисциплинарнаго устава? Здѣсь между “генералитетом”, принявшим переворот, и “революціонной демократіей”, активно участвовавшей в переворотѣ, лежала непроходимая пропасть, отчетливо опредѣленная в рѣчи Кучина на Гос. Совѣщаніи и в деклараціи, прочитанной Чхеидзе от имени революціонной демократіи: “солдаты будут уходить от революціи и в ней разочаровываться”...*)).

Алексѣев, как много раз мы могли усмотрѣть, отнюдь не держался такой непримиримой позиціи. В мартѣ у него не было того раздраженнаго чувства разочарованія, которое так отчетливо проявилось в позднѣйших письмах и записях дневника. Верховный главнокомандующій умѣл тактично сглаживать шероховатости Ставки, куда “хлынули”, по выраженію Деникина, смѣщаемые, увольняемые и недовольные генералы.

“Лойяльная борьба”, напоминающая весьма отвлеченныя директивы командиров 32 пѣх. див. о водвореніи порядка во время революціи “без кровопролитія”, привела бы не только к преждевременному конфликту с Правительством, но роковым образом превратила бы Ставку, дѣйствительно, в центр контр-революціи. Не трудно допустить возможность появленія на фронтѣ рѣшительнаго генерала, не поддавашагося “иллюзіям” и с тенденціей “водворить порядок”. Экспансивный Крымов, участник “дворцоваго переворота”, подготовляшагося до революціи Гучковым и др., встрѣтив в 20-х числах марта вызваннаго в Петербург Деникина, говорил ему: “Я предлагал им (правительству) в два дня расчистить Петроград одной дивизіей — конечно, *не без кровопролитія*... Ни за что! Гучков не согласен. Львов за голову хватается: “помилюйте, это вызвало бы такія потрясенія! Будет хуже”. На днях уѣзжаю к своему корпусу: не стоит терять связи с войсками, только на них и надежда”. Надо думать, что подобный разговор Крымова с нѣкоторыми членами Правительства имѣл мѣсто — иначе не мог бы записать нѣчто совсѣм аналогичное Бьюкенен со слов кн. Львова. Врангель на основаніи бесѣды с Крымовым послѣ его возвращенія в 3-й конный корпус, начальником котораго он был назначен вмѣсто гр. Келлера, придает нѣсколько иной характер крымским планам. “Ген. Крымов, повидавши Гучкова, Родзянко, Терещенко и других своих политических друзей, вернулся значительно подбодренным” — пишет Врангель**): “По его словам,

*) В. Маклаков отсюда дѣлал в своей рѣчи вывод, что демократія отстывает институты комитетов и комиссаров», которые были «естественным явленіем дней революціи», когда «заполнили пустоту», только потому, что это «проводники революціонной политики». Между тѣм «политическій путь» и «дисциплина» в революціонное время в сознаніи демократіи были неразрывно связаны. Маклакову, склонному к отрѣшенію от жизни и отвлеченным построеніям, дилемма казалась легко разрѣшимой простым механическим устраненіем переживших свое время «суррогатом команднаго состава».

**) Крымов перед своей поѣздкой в Петербург был крайне разстроен газетными свѣдѣніями о дѣятельности военнаго министра и послал в Петербург предварительно Врангеля с предостерегающим письмом о той

Врем. Пр., несмотря на кажущуюся слабость, было достаточно сильно, чтобы взять движение в свои руки. Необходимость этого яко-бы в полной мѣрѣ учитывалась членами Врем. Правительства". Крымов заявлял, что "надо дѣлать ставку на казаков"... Если не Крымов, мог быть и другой — по сговору или без вѣдома правительства. В нѣкоторых военных кругах мысль о "расчисткѣ" революціоннаго Петербурга была популярна. Напримѣр, в записях Куропаткина, относящихся к началу мая, попадаетея имя командующаго VI арміей ген. Горбатовскаго, который предлагал средство для борьбы с развалом арміи "невѣроятное": "сформировать корпус или полкорупуса из офицеров и силою уничтожить петроградскій Совѣтъ С. и Р. Д." (*). Врангель утверждает, ссылаясь, между прочим, на заявленія "всѣх полков" Уссурийской дивизіи, которой он командовал, что "ряд войсковых частей обращался с заявленіями к предсѣдателю Правительства, в коих указывалось на готовность поддержать новую власть и бороться со всѣми попытками внести анархію в страну". Но Правительство "не рѣшалось опереться на предлагаемую ему самими войсками помощь". Гучков при поѣздках на фронт "неизмѣнно громко заявлял", принимая депутаціи от разнаго рода частей, что Правительство "ни в какой помощи не нуждается, что никакого двоевластія нѣтъ, что работа Правительства и Совѣта С. и Р. Д. происходит в полном единеніи". Дневники Бодырева, Селивачева, Тегра вносят существенную поправку: в неофициальных, полуоинтимных бесѣдах, на которых рождаются конспиративныя затѣи, военный министр говорил нѣчто другое. На Госуд. Совѣщаніи и Милюков вспоминал "длинную вереницу депутацій от арміи, тогда еще не разложившейся, проходивших перед нами в Маринском дворцѣ и тревожно спрашивавших нас, Временное Правительство перваго состава: "Правда-ли, что в Петроградѣ двоевластіе, правда ли, что вам мѣшают самочинныя организаціи? Скажите нам, и мы вас освободим от них". Я помню и наши смущенные отвѣты: "Нѣтъ, нѣтъ, это преувеличено... Были, правда, попытки, но теперь все приходит в равновѣсіе, в порядок"...

Бездѣйствіе Правительства толкнуло ген. Врангеля на прямой путь конспираціи — созданія в центрѣ тайной военной организаціи. В дни апрѣльскаго правительственнаго кризиса не только были намѣчены зачатки этой организаціи (образован был "небольшой штаб", куда бар. Врангель привлек своих однополчан гр. Палена и гр. Шувалова, раздобывши "кое какія средства"), но, если повѣрить словам мемуариста, "прочно" налажена была связь со "всѣми военными училищами и нѣкоторыми воинскими частями", "отлично" была

опасности, которая грозит Россіи, если армія будет втянута в полнтыку. Крымов был так взволнован, что при чтеніи Врангелем письма «разрыдался». В изображеніи Полобцова, Крымов пріѣхал в столицу в боевом настроеніи: «сразу на меня набрасывается со свойственным ему ругательным настроеніем — «как тебѣ не стыдно, вы всѣ тут мямли, нюни распустили; первая солдатская денутація, которая ко мнѣ придет, я ее нагайкой встрѣчу».

*) В одном из опубликованных «солдатских писем» упоминается об откровенных разговорах на эту тему офицеров с солдатами 241 пѣх. полка: «у нас в тылу есть двѣ азіатскія дивизіи и нам нужно присоединиться к ним и ѣхать в Петроград и уничтожить всю эту сволочь».

поставлена развѣдка — был уже “разработан подробный план за-
нятія главнѣйших центров города и захвата всѣх тѣх лиц, ко-
торые могли бы оказаться опасными”... Надо было отыскать имя.
“Ни в составѣ Правительства, ни среди окружающих его общест-
венных дѣятелей” не было человѣка, способного “твердой и непреклон-
ной рѣшимостью” положить “предѣл дальнѣйшему развалу страны”.
“Его надо было искать в арміи среди немногих популярных вождей. К
голосу такого вождя, опирающагося на армію, не могла не прислухать-
ся страна, и достаточно рѣшительно заявленное требованіе, опираю-
щееся на штыки, было бы выполнено. Считаюсь с условіями времени,
имя такого вождя должно было быть достаточно “демократичным”. Та-
ких имен Врангель знал “только два” — ген. Лещицкаго и ген. Кор-
нилова. С упомянутыми генералами начались переговоры...

К чему могла бы привести гражданская междоусобица, которой так
старалось в первые рѣшающіе дни революціи избѣгнуть верховное ко-
мандованіе? Гадальниа карты о судьбах Россіи каждый будет раскла-
дывать по своему разуму и предвидѣнію. Позорный конец войны? Се-
паратный мир? Преждевременный развал Россіи? Реставрація при
содѣйствіи нѣмцев? “Не каждому дано видѣть, что можно” — резонер-
ствовал Маклаков на Государственном Совѣщаніи. “Политическая
программа момента диктуется не волею партій, а волею исторіи”
— говорил он, полагая, что эту “волю” познает “своим инстинк-
том” “глубинная темная масса народа”. — “Россія за революцію
себя не продаст”. Сколько иллюзій семнадцатаго года разбила жизнь,
...историк имѣет право установить лишь факт, что всѣ тѣ предначер-
танія, которые рождались в средѣ военнаго командованія, были чужды
психологиче момента и в силу этого неосуществимы. “Покуда вѣрят и
хотят этой революціи, покуда революціонная власть исполняет свой
долг, защищает Россію и ведет Россію, до тѣх пор смѣшны какіе бы
то ни было заговоры” — констатировал Маклаков на Государственном
Совѣщаніи. То, что могло быть еще сомнительным в августѣ, было без-
спорной истиной для марта и апрѣля. Непродуманныя политическія
авантюры (план ген. Врангеля оказался в точном смыслѣ слова
пуфом, встрѣтив весьма небольшіе отклики в “правых” кругах)
творили лишь злое дѣло для Россіи. “Достаточная скрытность”
никогда не является гарантіей и особенно в той средѣ, кото-
рой не свойственны конспиративные замыслы. Тайнственные слу-
хи ползли, сѣяли разлад, создавали напряженную общественную атмо-
сферу и расширяли плацдарм, на котором могли возрастать пло-
ды демагогіи крайняго сектора революціонной демократіи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

I. Концентрація власти.

1. — Идея преемственности.

В. Д. Набоков в воспоминаніях удѣляетъ серьезное вниманіе разсмотрѣнію тѣх “преюдиціальныхъ вопросовъ”, выражаясь ученой терминологіей мемуариста, которые безпокоили юристовъ при поискахъ правильной внѣшней формы для выраженія акта 3-го марта. Можно ли было въ дѣйствительности считать Мих. Ал. с формальной стороны въ моментъ подписанія отреченія императоромъ? Въ случаѣ, рѣшенія вопроса въ подсказательномъ смыслѣ, отреченіе мимолетнаго кандидата на **россійскій** престолъ могло бы вызвать сомнѣніе “относительно правъ другихъ членовъ императорской фамилии” и санкціонировало бы незаконіе с точки зрѣнія существовавшихъ Основныхъ Законовъ, которое совершилъ имп. Николай II, отрѣкшійся въ пользу брата. Легисты изъ этого лабиринта “юридическихъ тонкостей” вышли (или думали выйти), выработавъ эластичную формулу, гласившую, что “Михаилъ отказывается отъ принятія верховной власти”. Къ этому, по мнѣнію Набокова, собственно и должно было свестись “юридически цѣнное содержаніе акта”. Но “по условіямъ момента казалось необходимымъ... воспользоваться этимъ актомъ для того, чтобы въ глазахъ той части населенія, для которой онъ могъ имѣть серьезное нравственное значеніе — торжественно *подкрѣпить полноту* власти Врем. Правит. и преемственную связь его съ Гос. Думой**). Въ первой деклараціи Врем. Правит. — подчеркиваетъ Набоковъ — “оно говорило о себѣ, какъ о кабинетѣ”, и образованіе этого кабинета разсматривалось, какъ “болѣе прочное устройство исполнительн. власти”. Очевидно, при составленіи этой деклараціи было еще неясно, какія очертанія приметъ временныйъ государственный строй**). Актъ, подписанный

*) Жизненной иллюстраціей къ положенію Набокова можетъ служить письмо на имя кн. Львова извѣстнаго Маркова II, заявлявшаго, что онъ признаетъ и подчиняется «всѣмъ законнымъ дѣйствіямъ» возглавляемаго Львовымъ правительства. Свое рѣшеніе думскій лидеръ «Союза Русскаго Народа» мотивировалъ такъ: «печальный актъ сомоупраздненія верховной въ Государствѣ Россійскомъ власти состоялся послѣ законнаго назначенія васъ предсѣдателемъ Совѣта министровъ. Такимъ образомъ возглавляемое вами правительство является единственной законной властью въ государствѣ».

**) Набоковъ, со словъ бар. Нольде (?) сообщаетъ, что 2-го въ средѣ революціоннаго правительства поднимался вопросъ объ изданіи законовъ и принятіи финансовыхъ мѣръ въ порядкѣ старой ст. 87. Фактъ былъ бы очень показателенъ, если бы не приключилось его сопровождать очень существенной ого-

В. Кн. Михаилом, таким образом, являлся “единственным актом, определявшим объем власти революционного временного правительства и устанавливавшим за ним “в полном объеме и законодательную власть”.

Трудна была задача, которая в дни революции юридически разрешалась на Миллионной. Юридическое сознание Маклакова и через 10 лет не могло примириться со “странным и преступным” манифестом 3-го марта, которого Вел. Князь не имел права подписывать даже в том случае, если бы он был монархом, ибо манифест вопреки существующей конституции, без согласия Думы, объявлял трон вакантным до созыва Учред. Собрания, устанавливал систему выборов этого Учред. Собр. и передавал до его созыва Временному Правительству абсолютную власть, которой не имел сам подписавший акт. Отвлеченная мысль, парящая в теоретических высотах юридической конструкции и далекая от жизненной конкретной обстановки, приобретает у Маклакова кажущиеся реальными очертания только потому, что он уже в качестве историка-теоретика, как мы видели, в сущности отрицал валидность происшедшей в стране в февральские дни *революции*. Новое правительство, — по его мнению — имело все шансы (личный престиж, административный аппарат, армию, авторитет преемственности от старой власти), опираясь на поддержку массы, не сочувствующей безпорядкам, одержать верх в конфликте с восстанием. “Преступным актом” 3-го марта все было скомпрометировано — манифест явился сигналом (?) восстания во всей России*). Большинство населения — “спокойное и мирное”, перестало, что-либо понимать, когда увидало, что представители Думы, которым оно доверяло, идут рука в руку с революционерами. Неужели такая картина хоть сколько-нибудь отвѣчает тому, что происходило в действительности? В февраль-март произошло нечто социально гораздо более сложное, чем бунт, — это социально более сложное мы и называем “революцией”.

Всякая юридическая формула не будет мертворожденной доктриной в том лишь случае, если она соответствует реальным условиям момента и осознана людьми, выражающими психологию этого момента. Миллюков в своем историческом повествовании должен был признать, что в “сознании современников этого первого момента новая власть, созданная революцией, веда свое преемство не от актов 2 и 3 марта, а от событий 27 февраля. В этом была ее сила, чувствовавшаяся тогда — и ее слабость, обнаружившаяся впоследствии”. По мнению историка, все последующие “ошибки революции” неизбежно вытекали (“должны были развиться” — говорит Миллюков) из положения “дефективности в самом источнике, созданном актом 3 марта**), когда пред-

коркой. Набоков забыл, что в его руках был черновик первого заседания правительства. Из этого «никуда не годного», по признанию Набокова, протокола (см. ниже), однако, определенно вытекает: было признано, что основные законы после переворота не действительны, и что необходимо установить новые нормы законодательства. А главное, первое заседание правительства не могло быть 2-го. Оно происходило 4-го.

*) Маклаков отнюдь не оригинален — у него есть предшественник в лице Гакебуша (Горблова), развивавшего еще в 21-м году в «Записках бѣженца» такое своеобразное представление о февральских днях.

**) Непонятно, почему внимание политика-юриста сосредоточивается исключительно на акте 3 марта. Логичнее было бы всю дефективность отнести к акту 2 марта. В практической своей деятельности в 17 г. Маклаков

ставители “Думы третьего іюня” в сущности рѣшили вопрос о монархіи. Нельзя отрицать величайших затрудненій, которыя возникли и тяжело отзывались на ходъ революціи, но причины их лежали не в отсутствіи монархіи в переходное время, а в том, что ни идеологи “цензурной общественности”, ни формально представленное ими временное правительство не сумѣли занять опредѣленной позиціи. Здѣсь, дѣйствительно сказалась “дефективность” происхожденія революціонной власти. Она родилась из революціи — сказал Милюков на митингъ 2-го марта в Екатерининском залѣ Таврическаго дворца. Безспорно это так, но вышла она из горнила революціи в формах, несоотвѣтственных с самого зарожденія своего этой революціи, что и дѣлало ее “внутренне неустойчивой”. Как рассказывают, самоарестовавшійся в первые дни в министерствѣ пут. сообщ. Кривошеин, узнавъ о составѣ Временнаго Правительства, воскликнул: “Это правительство имѣет один... очень серьезный недостаток. Оно слишком правое... Мѣсяца два тому назад оно удовлетворило бы всѣх. Оно спасло бы положеніе. Теперь же оно слишком умѣрено. Это его слабость. А сейчас нужна сила... И этим, господа, вы губите не только ваше дѣтище — революцію, но и наше общее отечество Россію” (Ломоносов). Участіе представителя совѣтских кругов, Керенскаго, в правительствѣ в качествѣ “единственнаго представителя демократіи” и как бы контроля власти в смыслѣ ея демократичности*), давая нѣкоторую иллюзію классоваго сотрудничества и авторитет революціонности, вмѣстѣ с тѣм еще рѣзче подчеркивало несоотвѣтствіе, которое отмѣчал испытанный дѣятель стараго режима, представитель либеральнаго направленія в бюрократіи. Только недоразумѣніем можно объяснить утвержденіе Маклакова, что революція привела к власти “умѣренных”. В жизни фактически было совсѣм другое. Такое несоотвѣтствіе неизбѣжно должно было породить острый конфликт между реальной дѣйствительностью и идеологической фикціей.

Никак нельзя сказать, что правительство попыталось отчетливо провести в жизнь формулу, выработанную государствомъдами 3-го марта и предоставлявшую ему “всю полноту власти”. Очевидно, эта формула была не ясна в первые дни и самим политическим руководителям. Получилось довольно путанное положеніе, совершенно затемнявшее ясную, как будто бы, формулу. Юридическая концепція преемственности власти от старых источников мало подходила к революціонной психологіи, с которой с каждым днем приходилось все больше и

не держался такой точки зрѣнія. В Особом Совѣщаніи по выработкѣ положенія о выборах в У. С. Маклаков при обсужденіи вопроса об избирательном правѣ представителей династіи Романовых (он высказывался положительно в виду добровольнаго отреченія) развивал теорію «легальнаго» происхожденія власти Временнаго Правительства из актов отреченія. Так, по крайней мѣрѣ, сообщил газетный отчет «Новой Жизни».

*) Конференція петербургских соц.-рев. 2-го, пріивѣтствуя вступленіе Керенскаго в правительство в качествѣ «защитника интересов народа и свободы», мотивировала свою резолюцію «необходимостью контроля над дѣятельностью Временнаго Правительства со стороны трудящихся масс». Московская конференція той-же партіи 3-го призвала «трудовой народ» оказывать «организованное давленіе на Временное Правительство, дабы оно твердо и послѣдовательно осуществляло всѣ политическія свободы и созвало, согласно своему обѣщанію, Учред. Собраніе».

больше считаться. Наслѣдіе от “старого режима” отнюдь не могло придать моральной силы и авторитета новому правительству. И мы видим, как об *этой преемственности внешне стараются забыть*. Яркую иллюстрацію даёт исторія текста первого воззванія Правительства к странѣ, которое в дополненіе к деклараціи, сопровождавшей созданіе власти, должно было разъяснить народу смысл происшедших историческихъ событій. Порученіе составить проект было дано Некрасову, который пригласил к выполненію его “государствовѣдов” Набокова и Лазаревского. Проект был выработан при участіи еще члена Думы Добровольскаго, доложенъ 5 марта Правительству, встрѣтилъ “нѣкоторыя частныя возраженія”, как потомъ узналъ Набоков, и переданъ былъ для “передѣлки” Кокошкину. Послѣдній представилъ текст, “заново” передѣланный Винавером, и в такомъ видѣ воззваніе было санкціонировано Правительствомъ и опубликовано 6 марта. Такъ какъ воззваніе печаталось опять в типографіи мин. пут. сообщ., то неожиданно у Ломоносова оказался и первоначальный проект, который, по его словамъ, былъ переданъ ему для напечатанія Некрасовымъ. Мы имѣемъ возможность такимъ образомъ сравнить два текста. Напечатанное нельзя назвать “цѣликомъ написаннымъ” Винаверомъ — это лишь передѣлка набоковского текста. Воззваніе вышло компактиѣе и болѣе яркимъ: “Совершилось великое! Могучимъ порывомъ русскаго народа низвергнутъ старый порядок. Родилась новая свободная Россія... Единодушный революціонный порывъ народа и рѣшимость Гос. Думы создали Временное Правительство, которое и считаетъ своимъ священнымъ и отвѣтственнымъ долгомъ осуществить чаянія народныя и вывести страну на свѣтлый путь свободнаго гражданскаго устроенія... Учредительное Собраніе издаст... основные законы, обезпечивающіе странѣ незыблемыя основы права, равенства и свободы” и т. д. Что же было устранено? — вся историческая часть*) и слѣдовательно отпалъ разсказъ о томъ, какъ отрекся Царь, какъ передалъ онъ “наслѣдіе” брату, и какъ “отказался воспріять власть” Великій Князь.

Нельзя не усмотрѣть здѣсь устраненія, сдѣланнаго сознательно в опредѣленныхъ политическихъ видахъ. Это такъ ясно уже изъ того, что тогдашній политическій вождь “цензурной общественности”, в корнѣ измѣнившій в эмиграціи свои политическіе взгляды и в силу этого давшій в позднѣйшей своей книгѣ “Россія на переломѣ” иную концепцію революціи, могъ написать черезъ 10 лѣтъ, наперекоръ тексту, помѣщенному в “Исторіи”: “Уходившая в исторію власть в лицѣ отказавшагося в. кн. Мих. Ал. пробовала (?!) дать правительству санкцію преемственности, но в глазахъ революціи этотъ титулъ былъ настолько споренъ и такъ слабо формулированъ самимъ (?!) в. кн. Мих. Ал., что на него никогда впоследствии не ссылались”**).

*) Для характеристики психологіи современника и психологіи мемуариста интересно сравнить тонъ воспоминаній Набокова съ тономъ воззванія, описывавшаго расправы и кровавыя казни ничтожнаго, стараго правительства, окруженнаго безотвѣтственной силой темныхъ проходимцевъ, распутныхъ и преступныхъ, что легло «позоромъ на имя русскаго императора» и отвратило отъ него «всѣхъ честныхъ сыновъ родины».

**) Официально не ссылались, но не официально это подчеркивалось в первые дни при сношеніяхъ съ иностранными послами, какъ видно изъ отѣтокъ Палеолога, 4 марта послѣ свиданія съ министромъ ин. д. (ср. выше телеграмму

Совершенно естественно, что в Петербургѣ скрывали о назначеніи кн. Львова указом отрешагося Царя, которое было сдѣлано по инициативѣ думских уполномоченных согласно предварительному плану. Шульгин вспоминает, что, когда он “при удобном случаѣ попробовал об этом напомнить на Милліонной (вѣрнѣе всего на вечернем засѣданіи в Таврическом дворцѣ), ему сказали, что надо “тщательно скрывать”, чтобы не подорвать положенія премьера... Но указ был опубликован на фронтѣ 4-го. О нем, конечно, узнали в Петербургѣ, как и о назначеніи в. кн. Ник. Ник. Это вызвало волненіе, и “Извѣстія” 6 марта писали: “Указ Николая II превратил кн. Львова из министра революціи в министра, назначеннаго царем, хотя и бывшим”... и “демократія должна требовать от Врем. Правительства, чтобы оно прямо и недвусмысленно заявило, что, признает указ Николая II о назначеніи кн. Львова недѣйствительным. Если правительство откажется выполнить это требованіе, оно тѣм самым признается в своих монархических симпатіях и обнаружит, что недостойно званія Временнаго Правительства возставшаго народа. Революція не нуждается в одобреніи бывшаго монарха”.

Умалчивая о преемственности своей от акта 3 марта, Правительство тѣм самым уничтожало то “юридическое значеніе”, которое государство въды находило в содержаніи этого акта. Преемственная связь правительства с конституціей низвергнутаго революціей политическаго строя, выраженная по замыслу легистов в формулѣ “по почину Гос. Думы возникшему”, была сама по себѣ весьма относительна. Во имя логики юридическая мысль дѣлала нѣкоторый подлог, который совершала и политическая мысль во имя тактики. Еще 1 марта в воззваніи Трудовой группы массы призывались “итти на штурм послѣдней твердыни власти, самоотверженно подчиняясь временному правительству, организованному Гос. Думой”. Под временным правительством здѣсь подразумевался Временный Комитет Гос. Думы. Но при чем в сущности была Гос. Дума, как таковая? Временный Комитет был избран частным совѣщаніем членов Думы и сдѣлался “фактором революціи”. Далѣе произошло соглашеніе Временнаго Комитета с Исп. Ком. столь же самочинно собравшагося Совѣта Р. Д. т. е. соглашеніе “двух революціонных сил”. По этому соглашенію Временный Комитет назначил

Бьюкенена) французскій посол поинтересовался официальным «титолом» новаго правительства. Он еще окончательно не зафиксирован — отвѣтил Милоков в записи дневника Палеолога: пока называемся «временным правительством», но под этим названіем сосредотачивается вся полнота власти и неотвѣтственность перед Думой... Слѣдовательно, источником власти является революція — спросил Палеолог. «Нѣт, — отвѣтил Милоков, — Мы ее унаслѣдовали от в. кн. Михаила, который передал ее нам актом отреченія». Как неожиданный куръез можно зарегистрировать, что на акт 3 марта в 18-ом году в Уфѣ при организаціи власти ссылались представители партіи с-р. От имени Комитета членов Учр. Собр. Вольскій обосновал переход власти формулой юридической преемственности: Вел. Кн. в актѣ отреченія поручил Врем. Правит. созыв Учред. Собранія... «Ясно, что и той власти, которая должна создаться теперь, должна предшествовать государственная преемственность. Разрыв преемственности будет актом, который ослабит самую силу государственной власти».

министров — в сущности с молчаливаго одобренія Исп. Комитета. Тут и происходит подлог, когда Врем. Комитет замѣняется термином даже не частнаго совѣщанія Думы, которое больше не собралось в дни переворота, а старым законодательным учрежденіем, именовавшимся “Государственной Думой”. Сурогат учрежденія становится синонимом самого учрежденія. И такое словоупотребленіе дѣлается общим мѣстом — и в официальных актах (начиная с перваго “манифеста” Временнаго Правительства), и в официальных воззваніях, и в агитаціонной литературѣ.

До манифеста 3-яго марта московская печать (петербургская не выходила) рисует организацію власти приблизительно так, как охарактеризовал положеніе Родзянко в разговорѣ с Рузским: “Верховная власть временно перешла к народному представительству в видѣ Государственной Думы” — писало “Утро Россіи”. Эта “третьеиюньская Дума”, пройдя через закаляющее горнило испытаній военных лѣтъ с их мрачными переживаніями и ужаснувшими всѣх разоблаченіями... предстоит перед страной совѣм в ином образѣ, чѣм пять лѣтъ назад. Сейчас эта Дума с честью выполнила свой долг перед народом, с патриотической рѣшительностью вырывая верховную власть из недостойных рук, и стала естественно организующим центром, вокруг котораго спланивается отнынѣ новая, свободная Россія.. И, как организующій страну центр, мы признаем Гос. Думу, мы привѣтствуем ее, мы ей повинемся”. “Государственная Дума — вот наш національный вождь в великой борьбѣ, всколыхнувшей всю страну” — говорило “Русское Слово”. И только “Рус. Вѣд.” выражались болѣе осторожно: “Думскій Комитет есть зародыш и первая временная форма исполнительной власти, признающей свою отвѣтственность перед страной и пользующейся ея довѣріем”. Московская печать была всецѣло во власти зарождавшейся легенды о том, что Гос. Дума “революціонно воспротивилась роспуску”.

В связи с организаціей новой исполнительной власти (уже не Думскаго Комитета, а Временнаго Правительства) воззваніе партіи народной свободы от 3 марта обращалось к гражданам: “Дайте созданному Гос. Думой правительству сдѣлать великое дѣло освобожденія Россіи”. В письмѣ 3 марта к новому премьеру, в. кн. Ник. Ник., высказываясь “категорически против соглашенія с Совѣтом Р. Д. по вопросу о созывѣ Учр. Собранія”, писал: “Я ни одной минуты не сомнѣвался, что Временное Правительство, сильное авторитетом Гос. Думы и общественным довѣріем, объединит вокруг себя всѣх патриотически мыслящих русских людей”. Послѣ акта отреченія Мих. Ал. верховный главнокомандующій, обращаясь к населенію Кавказа, говорил о Гос. Думѣ, представляющей из себя “весь русскій народ” и назначившей временное правительство до тѣх пор, пока “народ русскій, благословляемый Богом, скажет на Всенародном Учред. Собраніи, какой строй государственнаго правленія он считает наилучшим для Россіи”. В “Вѣстникѣ Врем. Правит.” 8 марта опубликованы были воззванія к “братьям офицерам и солдатам” и жителям деревни от имени Государственной Думы, подписанныя ея предсѣдателем... В специальном воззваніи Родзянко к “офицерам, матросам и рабочим” судостроительных заводов в Николаевѣ, подписанном в видѣ исключенія “предсѣдателем Врем. Комитета”, подчеркивалось, что новое правительство избрано “из членов Госуд. Думы, извѣстных своей преданностью народной

свободѣ”*)). Эта терминологія перешла и в позднѣйшія изысканія: Маклаков, напр., прямо говорит о назначеніи Царем кн. Львова, избраннаго Думой; Милоков в “Исторіи” и равно Керенскій в своих историко-мемуарных повѣствованіях очень часто употребляют термин “Государственная Дума” вмѣсто “Временнаго Комитета”.

Отмѣченная тенденція не может быть случайной — слишком опредѣленно проходит она в первые дни послѣ стабилизациі положенія. Она имѣет цѣлью нѣсколько затушевать в общественном сознаніи активную роль, которую пришлось играть петроградскому Совѣту в организаціи временной государственной власти. Надо думать, что Цент. Ком. партіи к. д. сознательно не упомянул в своем воззваніи 3 марта об участіи Совѣта, равно как и в официальной освѣдомительной радіо-телеграммѣ, составленной Милоковым и отправленной в тот же день правительством за границу, функции Совѣта (одной из “наиболѣе вліятельных” лѣвых политических организацій) сводились к “политическому благоразумію”, а все организующее дѣйствіе приписывалось Временному Комитету Гос. Думы, солдатскими демонстраціями в пользу которой началась революція 27 февраля. Это не была “карикатура на революцію”, как утверждают лѣвые мемуаристы, но это была стилизація революціи (сдѣланная в мягких тонах) под вкус руководителей тогдашней “цензурной общественности”***). “Манифест” 6 марта совсѣм умалчивал о Совѣтѣ, говоря только о рѣшимости Гос. Думы и революціонных порывах народа.

Безспорно авторитет Гос. Думы чрезвычайно вырос в сознаніи масс в первое время революціи. Дума, по признанію Керенскаго, явилась как-бы “символом народа и государства в первые мартовскіе дни”... Правительство не отдѣлялось от Думы — свидѣтельствовал вполнѣ отчет уполномоченной Врем. Комитетом Комиссіи, которая была послана на фронт и в провинцію. Их престиж “вездѣ” стоял “очень высоко” — даже такіе большевицкіе дѣятели, как Крыленко, признавали, что на фронтѣ нельзя было “рѣзко” ставить вопрос о том, чье правительство не может защищать интересы народа. Но обыватель не слишком разбирался в терминологіи, и поэтому не приходится обманываться — это был авторитет не стараго законодательнаго учрежденія, символизировавшаго народное представительство, о котором говорила радіо-телеграмма за границу, а учрежденія, явившагоса истоком Временнаго Комитета, на котором почилла благодать революціи***)... Сама по себѣ Государственная Дума, исчезающая в часы переворота (*brusquement* — по выраженію Керенскаго), была уже фикціей, которую едва ли возможно было воплотить в конкретном образѣ. Родзянко

*) Перелистывая газеты того времени, можно попасть на таковой, напр., малограмотный курьез: огромное объявленіе одной из кинематографических фирм о пожертвованіи 3000 руб. в пользу Совѣта Р. и С. Д. *при* Гос. Думѣ!

**) Официальная радіо-телеграмма была составлена на-спѣх и весьма небрежно. Так она начиналась словами: «28 февраля вечером предсѣдатель Гос. Думы получил высочайшій указ об отсрочкѣ засѣданій до апрѣля. В тот же день утром»... 28-ое — это явная ошибка, но остается «в тот же день утром». Удивительно, что во всѣх почти послѣдующих изданіях телеграмма перепечатывается в своем первоначальном видѣ без оговорок.

***) Так, очевидно, слѣдует понимать, напр., постановленія о поддержкѣ Думы, которая выносились на волостных сходах Клинскаго у., Московскій губ. в первой половинѣ марта.

говорит, что он настаивал на том, что акты отречения Николая II и Михаила должны “состояться в публичном засѣданіи Гос. Думы”. Дума таким образом “явилась бы носительницей Верховной власти и органом, перед которым Временное Правительство было бы отвѣтственным... Но этому проекту рѣшительно воспротивились”... Надо было признать, что дѣйствовавшая до переворота конституція осталась в силѣ и послѣ манифеста 3 марта, по “юристы кадетской партіи рѣзко возражали, считая невозможным подвести под такое толкованіе юридическій фундамент”.

Идею созыва Думы раздѣлял и Гучков. Он считал, что Временное Правительство оказалось висящим в воздухѣ. Наверху — пустота, внизу — бездна. Единственным выходом из положенія какого-то “захватчика власти — самозванца” мог явиться созыв законодательных учреждений, имѣвших, как никак, “санкцію народнаго избранія”. Гучков допускал нѣкоторую перелицовку в их составѣ, примѣрно в духѣ той, которая производилась тогда в земских и городских самоуправленіях. “В бесѣдах со своими коллегами по Врем. Правительству — рассказывает Гучков в воспоминаніях — я нѣсколько раз поднимал вопрос о созывѣ Думы, но не нашел среди них ни одного сочувствующаго этой идеѣ... А. И. Шингарев, объясняя свое отрицательное отношеніе к моему предложенію возстановить права Гос. Думы, сказал мнѣ: “Вы предлагаете созвать Думу, потому что недостаточно знаете ея состав. Если бы надо было отслужить молебен или панихиду, то для этого ее можно было бы созвать, но на законодательную работу она не способна”. Разговор с Шингаревым, передаваемый Гучковым, подтверждает указаніе на то, что юридическая концепція, установленная толкованіем акта 3-го марта со стороны государствовѣдов, не была ясна и лидерам партій. Ими руководила политическая цѣлесообразность, т. е., юридически пѣчто весьма расплывчатое. Родзянко считал, что отрицательное отношеніе к идеѣ созыва Гос. Думы вытекало из стремленій дѣятелей кадетской партіи, желавших “пользоваться во всей полнотѣ своей властью”. Такое же приблизительно толкованіе дает и Гучков, не нашедшій сочувствія своей идеѣ и внѣ Временнаго Правительства: “даже среди членов Комитета Гос. Думы я нашел только двух членов, готовых поддержать мою идею”*)).

“Кадетскіе юристы” стояли на почвѣ концепціи, установленной их толкованіем акта 3 марта и иллюстрирующей существовавшую до отречения “конституцію”. Политическая логика была на их сторонѣ. Вопрос о взаимоотношеніях Временнаго Правительства и Временнаго Комитета Гос. Думы возник в первом же засѣданіи Правительства 4 марта, когда кн. Львов предложил “точно опредѣлить объем власти,

*) Среди них был Бубликов, как видно из воспоминаній послѣдняго — он был сторонник созыва демократизированной Гос. Думы. Милюков на страницах своей «Исторіи» добавляет, что «сама Дума (?), за исключеніем предсѣдателя и немногих членов, не вела свои полномочія от избранія 1912 г., а только от своей роли во время революціи». Что касается «самой Думы», то о ней не приходится говорить, ибо ея не было, но в отношеніи «частных совѣщаній» нѣкоторых членов Думы утвержденіе историка правильно лишь для характеристики положенія первых дней. Дальше познція, как мы увидим, существенно видоизмѣнилась, включая и позицію самого Милюкова.

которым должно пользоваться Вр. Пр. до установления Учред. Собр. формы правления". Из сохранившегося наброска протокола этого заседания видно, что министрами было высказано мнение, что "вся полнота власти должна считаться переданной не Государственной Думѣ, а Временному Правительству". Отсюда возникал вопрос о "дальнейшем существовании Комитета Гос. Думы и казалась сомнительной возможность восстановления заятій Гос. Думы*). Временный Комитет, выполнивший легшія на него функции, формально подлежал ликвидации. В "Рус. Вѣд." можно было прочитать сообщеніе, что участники совѣщанія членов Гос. Думы 5-го также склонялись к тому, что "Члены Думы не должны настаивать на сохраненіи Временнаго Комитета". Между тѣм устраненіе этой фикціи отнюдь не было в интересах "цензовой общественности", ибо устраненіе Временнаго Комитета означало и устраненіе авторитета не существовавшего уже государственно-правового учрежденія — "Думы". Популярность слов "Государственная Дума" в первые недѣли революціи являлась столь сильным притягивающим магнитом, что почти естественно представитель Временнаго Правительства и в то же время "совѣтскій" дѣятель, прибыв в Ставку, привѣтствовал Алексѣева именно от Государственной Думы: "Позвольте мнѣ — сказал Керенскій — в знак братскаго привѣтствія арміи поцѣловать вас, как верховнаго ея представителя и передать родной арміи привѣт от Государственной Думы". Член Думы Янушкевич в своем отчетѣ Временному Комитету о поѣздкѣ на Сѣверный фронт в первых числах марта рассказывал, какой по истинѣ "царскій прием" был ему оказан: повсюду толпы народа встрѣчали его с музыкой, "носили на руках", перед ним "склонялись знамена". И очень скоро тѣ же члены частнаго совѣщанія Гос. Думы выносят постановленіе (14 марта) о том, что до созыва Учред. Собранія Государственная Дума является "выразительницей мнѣнія страны".

Не совѣм прав Родзянко в своем утвержденіи, что Правительство не пошло рука об руку с народным представительством — об этом бывший предсѣдатель IV Думы говорил в московском государственном совѣщаніи, называя "третьейюнскую" Думу "всенародным представитель-

*) История этого документа, опубликованнаго Сторожевым, такова. Черновик «Журнала Совѣта Министров 2-го» был найден в портфель б. мин. ин. д. (т. е. Милюкова) с помѣткой «В. Н.» (конечно, Набокова, приглашеннаго на пост управляющаго дѣлами правительства и с 5-го марта присутствовавшего уже на заседаниях): «Мнѣ представлен предлагаемый первый журнал засѣданія Вр. Пр., составленный секретарем Гос. Думы. Он, по моему, никуда не годится, но так как я не присутствовал, то могу его исправить только, если мнѣ указана будет канва и сущность мнѣній». В воспоминаніях Набоков рассказывает, что с Милюковым было условлено, что он возьмет эту записку и возстановит по памяти ход и рѣшенія перваго «чрезвычайно важнаго» засѣданія Врем. Прав., в котором оно устанавливало основныя начала своей власти и своей полнотики. За два мѣсяца своего пребывания в составѣ Врем. Прав. работы этой Милюков не выполнил — указывает Набоков: «Так и осталась записку неиспользованной — кажется, он и не вернул ея. Этим объясняется, что журналы (печатные) засѣданій Врем. Прав. начинаются с № 2». Сторожев почему-то называет этот черновик «апокрифическим». Апокрифична лишь дата, указывающая, вѣроятно, на то, что это не протокол в точном смыслѣ слова, а позднѣйшая записку, воспроизведенная по памяти временно завѣдующим канцеляріей Врем. Прав. Глиной. В связи с обсужденіем роли Гос. Думы на засѣданіи «Совѣта Министров» 4-го и говорили о непримѣнности, ст. 87.

ством**). На практикѣ Правительство всемѣрно покровительствовало Временному Комитету — его агитаціонной дѣятельности на фронтѣ и в провинціи. Для этой агитаціи были предоставлены всѣ возможности**). И надо признать, что, если “ломка” стараго строя все же прошла благополучно, если “взбаламученное море” народных страстей к концу третьяго мѣсяца революціи не затопило страну, то в этом не малая заслуга принадлежит созданному 10 марта “отдѣлу сношеній Временнаго Комитета с провинціей”. Как свидѣтельствует его отчет, члены Думы разных партій, объѣзжая провинціи в сопровожденіи делегатов Совѣта, несли вглубь Россіи идею единства политическаго фронта — всѣ они тогда были охвачены революціонным пылом неофитов и никаких реакціонных заданій себѣ не ставили... Через посредство Временнаго Комитета из членов Думы назначались особые уполномоченные — комиссары правительства.

Бытовое значеніе Временнаго Комитета лежало в иной плоскости, нежели его государственное-правовое положеніе. В первое время это разграниченіе не только не было проведено отчетливо, но скорѣе затемнѣно — быть может, из нежеланія разрубать гердѣев узел, который представляла собой проблема формальнаго упраздненія Государственной Думы. Состояніе балансированія приводило к вредной сумятицѣ в умах. Вот показательный разговор Рузскаго с Родзянко, послѣдовавшій 18 марта... “В различных газетах — говорил Рузскій — упоминается о Временном Правительствѣ, сочетаемом с Совѣтом Министров. В “Утрѣ Россіи” от 16 марта даже прямо сказано дословно: опубликовано постановление Верховнаго Правительства именовать впредь до установленія постояннаго правительства Совѣт министров — Временным Правительством. У граждан тоже замѣтно шатаніе в пониманіи того, что слѣдует считать Временным Правительством. По моему представленію вопрос является ясным, что правительство составляет Временный Комитет из состава членов Думы, являющихся избранными народом, а Совѣт Министров с министром-президентом кн. Львовым во главѣ есть исполнительный орган”... “Под понятіем Временное Правительство — авторитетно разъясняет Родзянко — надо понимать Совѣт Министров, который и есть исполнительный орган и которому Временный Комитет Г. Д. делегировал от имени народнаго представительства полноту вла-

*) Реньше, на частном совѣщаніи членов Думы 18 іюня, то же самое говорил Родичев: «правительство нас игнорировало».

***) Не знаю, была ли какая-нибудь официальная ассигновка со стороны Правительства. Это вѣроятно, ибо в вѣдѣніи «Государственной Думы», т. е., Временнаго Комитета были переданы, напр., организаци «Краснаго Креста». Временный Комитет получал достаточныя пожертвованія для своей дѣятельности от «буржуазии» (напр., в мартѣ один Совѣт Сиб. Ком. Банка предоставил в распоряженіе председателя Гос. Думы милліон рублей, такую же сумму отпустил и «Московский Банк» — может быть, в газетных свѣдѣніях была неточность, и дѣло шло об ассигновках «совѣтом банковских съѣздов»). Но привилегированное положеніе Времен. Комитета заключалось уже в том, что в его распоряженіи была государственная типографія, что впоследствии вызывало горячія нападкы со стороны «революціонной демократіи». Напр., в «Дѣлѣ Народа» (1 сентября) Зензинов негодовал на то, что «на государственный счет печатаются «в сотнях тысяч экземпляров стенографическіе отчеты частных совѣщаній» членов Гос. Думы с «подробными черносотенными и погромными рѣчамн Масленникова и Пуршищевича, гдѣ Николай Романов именуется «законным претидентом на русскій престол»...

сти. Временный Комитет Г. Д. является *органом высшего контроля* над дѣйствіями исполнительной власти и в случаѣ удаленія от власти ко-го-либо из господ министров — замѣняет таковых”... Сославшись на акт отреченія Мих. Ал., подтверждающій его толкованіе, Родзянко прибавлял: “таким образом никакой неустойчивости нѣтъ. Временное Правительство носит в себѣ исполнительную и отчасти законодательную власть по соглашенію с Временным Комитетом Г. Д.”. “Во всяком случаѣ должен Вам сказать — возражает Рузскій — что неустойчивость существует, и мнѣ приходилось говорить с лицами вполне солидными и уравновѣшенными, которые категорически высказывались, что по их пониманію высшим нынѣшним правительством является Комитет Гос. Думы. С этим вопросом связана также присяга. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы каким-либо актом разъяснить, чтобы не было поводов для каких-либо кривотолков”. — “Я переговорю о ваших сомнѣніях с кн. Львовым, но на-днях выйдет в печати журнал о наших засѣданіях перед образованіем Временнаго Правительства или Совѣта Министров, и тогда все разъяснится. Я прошу вас, однако, *придерживаться вышеизложеннаго мною толкованія* о распределеніи власти”...

Сомнѣнія, связанныя с присягой, были не только на Сѣверном фронтѣ. Деникин вспоминает, что к нему от частей корпуса (в Румыніи) стало поступать “множество” недоумѣнных вопросов, среди них был и вопрос: “Кто же у нас представляет верховную власть — Временный Комитет, создавшій Временное Правительство, или это послѣднее?”. Деникин “запросил”, но “не получил отвѣта”. “Само Временное Правительство, повидимому, не отдавало себѣ яснаго отчета о существѣ своей власти” — замѣчает будущій начальник Штаба Верховнаго Главнокомандующаго революціоннаго правительства. Аналогичныя сомнѣнія возникали во всѣх кругах. Вот донскіе шахтеры, представитель которых специально прибыл в Петербург для разъясненія недоумѣнных вопросов и ставил их в засѣданіи Исп. Ком. 19 марта. Эти вопросы обращены и к Совѣту и к Комитету Гос. Думы, который донецкіе шахтеры склонны разсматривать, как высшую государственную власть: Совѣтъ запрашивался об отношеніи его к “временному правительству”, о директивах “проведенія в жизнь классовых интересов”, о лозунгѣ — “долой войну”; Комитет Г. Д. просили разъяснить: “какую форму правленія предполагает Комитет”, как будут связаны “мѣстныя выборныя организации самоуправленія с центральной властью”, “оборонительная или наступательная война”. Наконец, шахтеры интересовались “мнѣніем всѣх” о времени созыва “Учр. Собранія” и вопросом, “как дѣйствовать против отдѣльных групп, самостоятельно выступающих по вопросам, которые имѣют общегосударственное значеніе”. Что отвѣтил шахтерам Исп. Ком., мы не знаем. Но мы знаем, что всѣ вопросы, касающіеся структуры власти, по существу оставались без отвѣта, хотя уже в первые дни при Правительствѣ была во главѣ с Кокоскиным особая “государственно-правовая комиссія” для разсмотрѣнія юридических вопросов, связанных с измѣненіем политическаго строя... Выхода из заколдованнаго круга недоумѣній и противорѣчій не было указано или не было найдено. Ген. Радко-Дмитріев в приказѣ по арміи Западнаго фронта на мѣстѣ по собственному разумнію разъяснил “недоумѣнные” вопросы: отмѣнять су-

ществующіе законы может лишь “законно установленная власть, олицетворяемая Исп. Ком. Гос. Думы и новопоставленным правительством” (“Изв.”, 10 марта). В армии среди командного состава, как указывают даже официальные рапорты, на первых порах, очевидно, прочно укоренилось представление, что послѣ переворота высшим законодательным учрежденіем остается Государственная Дума, перед которой отвѣтственно новое министерство, составленное из членов Думы*).

II. Двоевластіе.

Правительство “упорно”, по выраженію Родзянко, не хотѣло созывать Государственную Думу в видѣ антитезы Совѣтам. Эта “антитеза” поставлена была с первого дня революціи: в глазах одних в видѣ двух враждебных сил, в глазах других — в видѣ сил параллельных. Соглашеніе, достигнутое в Петербургѣ, привѣтствовалось в самых широких кругах. Так Комитет Общ. Организаций в Москвѣ, представлявший общественность в точном смыслѣ слова, т. е., класс буржуазіи, интеллигенцію и профессіи физическаго труда, 3 марта привѣтствовал “Правительство Гос. Думы” и “Совѣт” за постановленіе об Учредит. Собраніи. В сознаніи демократической общественности укрѣпилось представленіе (которое пытались вытравить идеологи “цензовой общестственности”), что Временное Правительство в своем происхожденіи связано с волеизъявленіем двух организаций, представлявших интересы противоположных слоев населенія — и капиталистических, и трудовых. Это представленіе цѣликом не укладывалось в формулу, которая позднѣе в дни первого правительственнаго кризиса включена в апрѣльскую (26-го) декларацию Временнаго Комитета Гос. Думы: Временное Правительство было создано Гос. Думой при содѣйствіи Петроградскаго Совѣта.

В низах, вопреки всякой социалистической талмудистикѣ, наиболѣе была популярна формула, гласившая, что “новое народное правительство, во главѣ с кн. Львовым, избрано было Исполн. Ком. Гос. Думы и Исп. Ком. Совѣта Р. и С. Д.” — так опредѣлил итог революціоннаго дѣйствія выборный командир зап. бат. лейб-гвардіи Преображенскаго полка в обращеніи к своим солдатам 3 марта. Поэтому, когда Временному Комитету приходилось обращаться с воззваніями к рабочим, он должен был указывать, что Временное Правительство избрано “*по соглашенію с Совѣтом*”***).

“Государственная Дума” и Совѣт — руководили революціонной борьбой, закончившейся низверженіем стараго режима. Государственная Дума не могла, конечно, служить как бы юридической антитезой для Совѣтов, ибо учрежденія эти были разнаго порядка. Автор “Рожденія революціонной Россіи”, принадлежавшій к составу “совѣтской де-

*) См., напр., рапорт командиров 32 дивизіи 9 марта командующему 8 арміей (этот рапорт, напечатанный в приложеніи к работѣ Шляпникова, мы подробно изложили в отдѣлѣ «Трагедія фронта») и письмо офицеров Ссобой Арміи, помѣщенное в «Красном Архивѣ».

**) «Заложник демократіи» в Правительствѣ, представитель Совѣта при посѣщеніи Москвы 7 марта предпочел употребить болѣе широкую и неопредѣленную формулу: «по почину народа и Гос. Думы», употребленную в заверском текстѣ «манифеста» 6 марта.

мократіи” в общем, думается, довольно вѣрно в своем историческом трудѣ опредѣлил происхождение и роль совѣтов в мартовскіе дни. Это “просто былъ центр революціоннаго кипѣнія”, “временный эрзац профессиональной и политической организациі рабочаго класса”, “наско-ро сколоченные дѣла вокруг постройки, которые убираются прочь, как только кончается постройка” (Метафору свою автор в сущности заимствовал из рѣчи Церетелли в августовском Госуд. Совѣщаніи). “Система совѣтов, как формальный остов государства — русская передѣлка анархо-синдикализма”, была мыслью чужеродною, которая при “за-рожденіи совѣтов совершенно отсутствовала”.

Близко подходил к толкованію Чернова (или, конечно, вѣрнѣе обратно) и докладчик по организационному вопросу на первом всерос-сійском совѣщаніи совѣтов меньшевик Богданов: “совершенно есте-ственно — говорил он, — что ничего не имѣя, мы, (т. е. элементы демократическіе) в процессѣ революціи, в первые дни революціи, 27 февраля попытались устроить первую организацию — стихійно возникшій Совѣт Р. и С. Д. Будь у нас сильная организациа, мы, быть может, имѣли бы политическія партіи, профессиональные союзы и т. д. То обстоятельство, что у нас их нѣтъ, заставило революціонную демократію в процессѣ революціи, в горнилѣ революціи создать такіе революціон-ные органы, и это обстоятельство — отсутствіе организациі — оче-видно, увлекло наиболѣе дѣйственные революціонные элементы демо-кратіи на путь созданія Совѣтов. (Добавим, что в “увлеченіи” этой ор-ганизационной идеей сказалось в значительной степени механическое воспроизведеніе рабочей традиціи 1905-6 гг.).

Как же характеризовал роль совѣтов докладчик? “Это прежде все-го органы *не классовые*, органы не классовой политики и классовой борьбы в опредѣленном смыслѣ этого слова — это органы революціон-ной борьбы, это — органы демократическіе, это — органы, созданные специально с цѣлью отстаиванія и защиты дѣла революціи и подталки-ванія и углубленія этого дѣла”. Богданов указывал, что “революціон-ная демократіа” состоит не только из рабочих, не только из солдат и крестьян — “к той же демократіи относятся и другіе элементы демо-кратіи, не представленные в этих трех группах, слѣдовательно, форму-ла, что совѣты являются органами революціонной демократіи, должна расширяться в процессѣ работы путем привлеченія других обществен-ных и демократических элементов”*). Вмѣстѣ с тѣм докладчик отмѣчал, что в данный момент перед всѣми революціонными силами (“револю-цію сдѣлали не только демократическіе элементы, — утверждал Богданов, — революцію сдѣлали в достаточной степени и элементы цензо-вые”) стоит одна задача, и потому нельзя отдѣлять революціонную де-мократію от остальных революціонных сил Россіи.

Какой же вывод можно сдѣлать из оцѣнки “страннаго”, по выра-женію дневника Гиппиус, факта существованія “рядом с Временным Правительством двухтысячной толпы властнаго и буйнаго перманентна-го митинга”, именуемаго Совѣтом Р. и С. Д. (численность его к концу марта дошла почти до 3 тыс.)? Только тот, что “никакого замѣ-

*) Впослѣдствіи в общей деклараціи от демократіи, прочитанной Чхе-идзе в Гос. Совѣщаніи в Москвѣ, также говорилось, что совѣты с самаго начала ставили себѣ цѣлью объединить *все* живыя силы страны.

чательнаго своеобразія нашей революціи”, создавшей принципиальное “двоевластіе” в сущности не было. Пусть на практикѣ было даже “двое безвластіе”, как иронически охарактеризовал положеніе Троцкій в петроградском совѣтѣ 21 мая при обсужденіи дилеммы “отложенія” Кронштадта от Россіи. Рѣчь идет о “конституціонном механизмѣ”, о принципиальном захватѣ государственных функцій в цѣлях построенія “новаго государства”, теоретиком котораго явился Ленин. Для него было почти естественно выхватить из жизни одно явленіе и представить его в видѣ предпосылки к своим позаимствованным из чужого арсенала схемам*). Своеобразіе русской революціи заключалось в том, что рядом с “правительством буржуазіи” с самых первых дней имѣлось “еще слабое, зачаточное, но всетаки несомнѣнно существующее на дѣлѣ и растущее другое правительство” (статья о двоевластіи в “Правдѣ” 9 апрѣля).

**

Исторія совѣтов в процессѣ революціи пошла не совсѣм по тому пути, который ей предсказывал организационный доклад на Совѣщаніи Совѣтов еще до пріѣзда вождя большевизма в Россію. “Лѣвые интеллигенты”, “всунувшіеся” в революционную атмосферу “митинга-совѣта” и, по записи Гиппиус, могшіе только “смягчить”, но не “вести”, в дѣйствительности планомерно, систематически и демагогически прививали (нельзя забывать, что Совѣт на 2/3 своего состава был солдатскій) политически еще аморфной толпѣ**) идеологію классовой борьбы под флагом совѣтов за политическій пріоритет, за переустройство общественнаго уклада на новых социальных началах в духѣ традиціонной программы “рабочей партіи”. Логичность богдановскаго построенія грубо была нарушена тѣм, что на знамени Исп. Ком. в Петербургѣ в день празднованія “1 мая” был начерчен только лозунг: “Пролетаріи всѣх стран соединяйтесь” (рѣшеніе было принято 18 голосами против 14).

То, что намѣчалось и выявлялось позднѣе в сознаніи современников, переносилось в первоначальный період революціи — его Милюков в “Россіи на переломѣ” назвал “переходным” и отрицал в нем наличіе тѣх признаков, которыми опредѣляется двоевластіе: “в первое время

*) Лишь иностранец мог связать «совѣтскую систему» с традиционным «русским міром» и «общиной», как это сдѣлал, напримѣр, в своих показаніях перед «Оверманской комиссіей» Сената Соед. Шт. (1919 г.) большевизанствующій бывший в Россіи в дни революціи представитель американской краснокрестной организаціи Робинс. Болѣе удивительно, что такую параллель провел серьезный политическій дѣлатель и знающій Россію проф. Масарик. И еще болѣе удивительно, что к ней присоединился русскій военный историк Головин, не представляющій себѣ в сущности иностранное (синдикалистическое) происхожденіе большевицкой концепціи. Можно найти при желаніи нѣчто от «Руссо» в совѣтской системѣ, как это сдѣлал Бенеш, преемник Масарика на президентском посту (статья в «Волѣ Россія», ном. 18, 1924), но очень уже трудно будет установить преемственность между мыслями, которыя внушал Распутин имп. А. Ф. о непосредственной связи власти и народа и теоріей, осуществленной «в первые дни революціи», — эту преемственность нашел извѣстный англійскій журналист Вильтон.

***) Совѣт на первых порах был несомнѣнно «правѣе» Исполн. Комитета и, по признанію Станкевича, от него «всего можно было добиться, если только упорно настаивать».

этого двоевластия еще не было". То же утверждал Милюков-политик и в 17 году на партийном собрании в Москвѣ 8 апрѣля. В унисон с ним звучал тогда голос его антагониста во Врем. Правительствѣ Керенскаго. Послѣдній говорил 12 апрѣля делегатам арміи, что между правительством и - Совѣтом полное единеніе в задачах и цѣлях и имѣется лишь нѣкоторое расхожденіе в тактических вопросах*). Даже антипод "революціонной демократіи" подлинный представитель "цѣнзовой общественности" Гучков, и тот, объѣзжая в серединѣ марта, в качествѣ военнаго министра, фронт, принимая депутаціи от разнаго рода воинских частей, "неизмѣнно громко заявлял — как утверждает ген. Врангель — что правительство ни в какой помощи не нуждается, что никакого двоевластия нѣтъ, что работа Правительства и Совѣта Р. и С. Д. происходит в полном единеніи**).

Можно, конечно, предположить, что подобныя заявленія современников во вѣдѣ слѣдует отнести в большей степени к вынужденной обстоятельствомъ тактикѣ. Вѣдь тот же Гучков почти одновременно писал Алексѣеву (9 марта), характеризуя "дѣйствительное положеніе дѣл"; "Временное Правительство *не* располагает никакой реальной властью и его распоряженія осуществляются лишь в тѣх размѣрах, как допускает Совѣт Р. и С. Д., который располагает важнѣйшими элементами реальной власти, так как войска, желѣзныя дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что *Врем. Правительство существует, лишь пока это допускает Совѣт Р. и С. Д.*". Письмо это часто цитируется, хотя гипербола, в нем заключающаяся, выступает со слишком большой очевидностью, если принять во вниманіе дату письма. Можно было бы допустить большую или меньшую объективность такой оцѣнки со стороны раздраженнаго пессимизма военнаго министра, вынужденнаго выйти из состава правительства в концѣ апрѣля. Но через шесть дней послѣ акта 3 марта, в момент, когда военное вѣдомство приступило к радикальной чисткѣ команднаго состава и реформѣ арміи?! Наканунѣ Гучков, в качествѣ политическаго дѣятеля, на торжественном засѣданіи центральных торгово-промышленных организацій, гдѣ чествовали министров из промышленной среды, славословил до извѣстной степени революцію и говорил о прочности позиціи правительства — "никакіе заговорщики міра не смогут нас сбить с нел"... "Мы можем, — утверждал оратор, — не оглядываясь направо и налево, начать опять ту нормальную работу во всѣх областях нашей народной жизни, без которой этот переворот не имѣет смысла". Гучков был слишком большой "политик", и трудно учесть, в какой момент он был искрещен, — вѣроятно, никогда в полной мѣрѣ. Его органическая враждебность не только к "революціонной стихіи", но и к

*) В качествѣ историка-мемуариста Керенскій усиленно подчеркивает, что ни одно дѣйствіе Совѣта не носило характера правительственнаго акта, исходящаго от центральной власти. Внѣшность, конечно, имѣла второстепенное значеніе.

***) Врангель приводит это в доказательство того, что правительство не сумѣло опереться на предлагаемую ему самими войсками помощь для борьбы с притязаніями Совѣтов. Такое предложеніе поступило, по словам генерала, напимѣр, от всѣх полков Уссурийской дивизіи. Мемуарист здѣсь явно сдѣлал большую хронологическую ошибку. О проектах ген. Врангеля сказано в другом мѣстѣ.

“революціонной демократіи”, очевидно. Но вѣдь именно внѣшнія выявленія представителей революціоннаго правительства, а не их внутреннія переживанія опредѣляли психологію момента и, что еще важѣе, повседневную тактику правительства. Формула, данная впоследствии Гучковым на Государ. Совѣщаніи в Москвѣ, — “власть принадлежала безотвѣтственнымъ людям, а вся отвѣтственность — людямъ безвластнымъ” — не можетъ быть признана вѣрно передающей дѣйствительность.

**

Бытовое двоевластіе, которое Ленин принялъ за базу и за жизненный аргументъ в пользу своего построенія, конечно, создано с перваго дня. Мы уже видѣли отчасти, какъ “стихійнымъ ходомъ событій” расширились функціи петроградскаго Совѣта и рождалось его вмѣшательство в сферу государственнаго управленія. В первые дни — дни революціоннаго хаоса — это было почти естественно и, быть можетъ, неизбѣжно. Хаосъ нѣсколько затянулся и, вѣроятно, ни министр юстиціи, ни члены Исп. Ком. не могли бы объяснить, почему комендантъ (?!) Таврическаго дворца 20 апрѣля производил обыски и конфисковалъ бумаги на квартирѣ извѣстныхъ дѣятелей Союза Русскаго Народа Дубровина и Полубояриновой. Столь же вѣроятно, что никто в Исп. Ком. не помышлялъ о двоевластїи, когда в этомъ учрежденіи принимались мѣры, ограничивавшія свободу печати, которая была объявлена в правительственныхъ деклараціяхъ в соотвѣтствїи с требованіями демократїи. Очевидно, в силу фактическаго вліянія Совѣта на типографскихъ рабочихъ Исп. Ком. была введена разрѣшительная система для газетъ — разрѣшеніе выходить означало нарядъ на типографію (всеобщая забастовка революціонныхъ дней формально еще не окончилась). Газеты появились 5 марта — среди вышедшихъ было и “Новое Время”, не имѣя на выходъ требуемой предварительной революціонной санкціи. Исп. Ком. реагировалъ на этотъ фактъ закрытіемъ газеты “впредь до особаго распоряженія”. Газетамъ же “червосотеннымъ”, какъ “Земщина”, “Голосъ Руси”, “Колоколъ”, “Русское Знамя”, выходъ вообще былъ воспрещенъ. Можно допустить, что такая временная мѣра, диктуемая страхомъ передъ контр-революціей в песнокойное еще время, была даже тактически цѣлесообразна, по она тѣмъ не менѣе вызвала всеобщее порицаніе в литературныхъ кругахъ. В газетахъ появилось негодующее открытое письмо Совѣту заслуженнаго писателя, близкаго к трудовой группѣ, Водовозова. Пѣшехоновъ вспоминаетъ, какъ подіялъ онъ “скандалъ” в Исп. Ком. за попытку возстановить “разрѣшительный порядокъ” для періодическихъ изданій, отмѣненный царскою властью послѣ 1905 г. Ему отвѣчали: “ничего не подѣлаешь... Низы требуютъ”... Но оказалось, что в самомъ Исп. Ком. имѣлись по этому поводу разногласія — склонность “тащить и не пущать” (выраженіе Суханова) проявили самостоятельно тамошніе “лѣвые” без всякаго давленія со стороны “низовъ**). Уже 10 марта под напоромъ происходившихъ протестовъ “пятно на

*) Из протокола Исп. Ком. мы узнаемъ, напримѣр, что в тяжеломъ артиллерійскомъ полку, расквартированномъ в Царскомъ Селѣ, солдаты: «возмущались о неразрѣшеніи свободы печати». Дѣло о «Новомъ Времени» имѣло

демократіи” было уничтожено — Исп. Ком. постановил, что “всѣ изданія могут впредь выходить без предварительной санкціи”. Самое интересное в этом скоропротекшем эпизодѣ то, что никто из протестантов даже не задался в то время вопросом: какое право имѣл Исп. Ком. принимать ограничительныя мѣры против печати? Еще меньше, повидимому, творившимся беззаконіем озабочено было Правительство, — никаких слѣдов, указывающих на его вмѣшательство, найти нельзя*).

**

Такое бытовое двоевластіе, т. е., частичный захват правительственных функций мѣстными, самочинно созданными в революціонные дни организациями, прокатилось волной по всей Россіи. Среди этих организаций Совѣты, как таковые, далеко не занимали первенствующаго мѣста — как явствует из протокола Исп. Ком. 15 марта, Совѣты (доклад бюро о созывѣ съѣзда) к этому времени возникли только в 42 городах (как быстро росло число совѣтов, показывает тот факт, что на Совѣщаніи, которое собралось в концѣ мѣсяца, представлены были уже 138 совѣтов. Главенствующей формой были объединенные “Комитеты общественных организацій”, выявившіеся в провинціи в весьма разнообразных комбинаціях**). В этих комитетах имѣли своих представителей и совѣты в качествѣ самостоятельных организацій (подчас раздѣльных — рабочих и солдатских). Там, гдѣ в рѣдких случаях совѣты являлись главенствующей организаціей, они далеко не носили узко классового характера — в нѣкоторых провинціальных совѣтах на первых порах были даже кадетскія фракціи, а, напримѣр, в Харьковѣ во главѣ Совѣта, главенствовавшего в первые дни, стоял официальный член партіи к. д., избранный в Съѣвтъ врачебными организаціями; в Ставрополѣ он носил “всесловный характер и включал мѣщанских депутатов”; в Москвѣ в Совѣт первоначально входили представители инженеров, врачей, адвокатов и студенческих организацій. Важно отмѣтить, что “последовательные социалсты”, к числу которых относили себя большевики, повсюду в совѣтах составляли незначительныя фракціи и не могли имѣть руко-

небезинтересный в бытовом отношеніи эпизод, характерный для настроенія «низов». Нѣкій солдат Дмитріев, осуждавшій в трамваѣ запрещеніе выхода «Нов. Времени», предстал 14 марта перед судом по обвиненію в порицаніи Совѣта. По чьей инициативѣ возникло это курьезное дѣло, к сожалѣнію, «День», из котораго мы заимствуем свѣдѣнія, не сообщил. Судил Дмитріева новый временный суд, введенный министром юстиціи: мировой судья и делегированные от Совѣта «солдат и рабочій». Эта импровизація Керенскаго, в корень противорѣчащая лестным словам, произнесенным им в Москвѣ о мировом судѣ, была, конечно, «подсказана настроеніем времени». Суд оправдал Дмитріева, признав, что свободному гражданину принадлежит право и свободной критики.

*) Позже, в эмиграціи, отвѣчая Водовозову на повторные его упреки за то, что Временное Правительство с первых же дней своего существованія допустило нарушеніе принципа свободы печати, Керенскій в «Днях» (29 дек. 23 г.) прикрыл это забвеніе громкой фразой: «в порядкѣ неотложных дѣл мы должны были в первую очередь спасать не мертвые газетныя листы, а недописанныя еще страницы живых человѣческих жизней».

**) В Кіевѣ он был создан, напримѣр, представительством от городского и земскаго союза, національных организацій и политических партій.

водящего вліянія*). Сказать, как это дѣлает Троцкій в своей исторіи революціи, что жизнь в губерніях и уѣздах сосредоточилась вокруг совѣтов, значит дать очень неточную фотографическую картинку того, что было. Признаніе петроградскаго совѣта в мартовскіе дни (запись в дневникѣ ген. Куропаткина 12 марта) “вторым правительством” на наш взгляд является глубоко ошибочным. Лишь публицистическим приѣмом является утвержденіе “Рус. Вѣд.” 9 авг. (Бѣлоруссов), что “в первые четыре мѣсяца Совѣты были хозяевами Россіи”. Детальная лѣтопись русской революціи первых дней могла бы зарегистрировать множество фактов проявленія анархизма на мѣстах. Объективно оцѣнивая, однако, эту революціонную стихію — в атмосферѣ ея и рождалось “двоевластіе — скорѣй приходится дѣйствительно удивляться той легкости, с которой страна “переступила порог между самодержавіем и республикой” (“Хроника”). Недаром тѣ же “Русскія Вѣдомости” в предкорниловскіе дни, когда велась в “цензовых” кругах острая кампанія против совѣтов, признавали, что совѣты вносят “органическую спайку в анархическое движеніе”.

Причины развитія мѣстнаго “правотворчества” лежали, конечно, не только в “стихийном ходѣ событій”, однако было бы нѣсколько упрощено по трафарету искать эти причины в “систематической бездѣятельности” министерства в. д., объясняемой идеалистическими настроеніями его руководителя. Может быть, лично кн. Львову и свойственно было, как говорит его біограф, преувеличивать силу “генія русскаго народа” и “великой мудрости народа” и отдавать им предпочтеніе перед “надуманными интеллигентскими рѣшеніями”; может быть, тезис — народ свободно и по своему устроит судьбу Россіи — и органически сплетается с міровоззрѣніем этого славянофильствующаго земскаго и общественнаго дѣятеля, но не будем всетаки придавать слишком большое уже значеніе декларативным заявленіям и довольно безотвѣтственным разговорам с газетными сотрудниками, которые обычно цитируются в исторических трудах для характеристики настроеній премьера. Прославленные слова кн. Львова: “мы можем почитать себя счастливыми людьми: поколѣніе наше попало в наисчастливейшій період русской исторіи” (он ими закончил свою рѣчь на объединенном засѣданіи “четырех дум” 27 апрѣля), были уже запоздалым отзвуком все того же почти всеобщаго мартовскаго пафоса**). Пожалуй нарочитая “восторженность” премьера была уже анахронична, но она свидѣтельствовала о не покидавшем кн. Львова оптимизмѣ даже в дни перваго правительственнаго кризиса.

Красивая фразеологія нерѣдко прикрывала весьма прозаическую

*) По словам Шляпникова, на первое собраніе 9 марта фракціи большевиков в петроградском совѣтѣ явилось 40 человек, среди которых видны были 2-3 солдатских шинели. В Кіевѣ, по признанію Бош, большевики в совѣтѣ Р. Д. должны были выступать с осторожностью, чтобы не вызвать скандала; при выборах в совѣт солдатских депутатов они не принимали никакого участія за отсутствіем связи с войсковыми частями.

***) Тогда Львов (7 марта) говорил представителям печати: мы все безконечно счастливы, что нам удалось дожтнѣ до этого великаго момента, что мы можем творить новую жизнь народа — не для народа, а вмѣстѣ с народом... Какое великое счастье жить в эти великіе дни.

дѣйствительность. Так скорѣе приходится толковать слова кн. Львова в газетном интервью 19 марта, принятія Милюковым историком за “ди-рективы” новым представителям администраціи, приѣзжавшим в Петер-бург и “неизмѣнно” получавшим в министерствѣ указанія, которыя на-ходились в соотвѣтствіи с публичными заявленіями руководителя вѣдом-ства. Кн. Львов представителям печати сказал: “Временное Правитель-ство смѣстило старых губернаторов и назначать новых не будет. На мѣ-стах... выберут. Такіе вопросы должны разрѣшаться не из центра, а самим населеніем”. Роль правительственных комиссаров Львов опре-дѣлил, как выполненіе функций “посредствующаго звена” между мѣст-ными общественными комитетами и центральной властью. Здѣсь ника-кой “маниловщины” не было*). Надо помнить, что рѣчь шла о тѣх временных правительственных комиссарах, которые в лицѣ предсѣ-дателей земских управ согласно распоряженію центра 5 марта за-мѣнили устранившую или самоупразднившуюся губернскую админи-страцію. Свое телеграфное распоряженіе министр внутренних дѣл сдѣлал не по собственной инициативѣ, как изображает в воспомина-ніях Керенскій, а согласно постановленію Совѣта Министров 4 марта. Набоков считает эту “непродуманную и легкомысленную импрови-зацію” одним из “самых неудачных” правительственных актов и, вспо-миная споры относительно обновленія администраціи на сѣздѣ зем-ских и городских дѣятелей, полагает, что в обстановкѣ 17 г. “изытію” могли подлежать лишь “единицы”. Предположеніе о возможности со-храненія в революціонном катаклизмѣ высшей административной и полицейской власти на своих мѣстах столь противоестественно (искусственное сравненіе с 1905 г. малоподходяще), что дѣлает критику просто совершенно отвлеченной. (Не забудем, что пред-революціонная думская агитація шла под лозунгом — “освобожденіе народа от полиціи” — рѣчь Милюкова 15 февраля).

Другим политическим дѣятелям первая административная мѣра Правительства казалась “в общем удачным шагом” (Мякотин). Конечно, если бы Временное Правительство, будто бы заранѣе выбранное, предварительно намѣтило и отвѣтственных комиссаров из популярных общественных дѣятелей на мѣстах, эффект назначенія из центра полу-чился бы иной. Представители старого земства не всегда подходили к частростям эпохи и назначеніе их на пост губернских революціонных комиссаров вызвало тренія на мѣстах**). В докладѣ Временному Коми-тету Гос. Думы его отдѣла “сношеній с провинціей” говорилось даже, что назначеніе комиссарами предсѣдателей губернских и уѣздных управ вызвало “общее недовольство”. Правительство пошло “навстрѣчу же-даніям населенія” и предложило вмѣсто непріемлемых для него “назنا-ченных комиссаров” представлять своих кандидатов. Вот тѣ условія, при которых в центрѣ появилось газетное интервью кн. Львова.

*) Ближайшіе помощники Львова, которые фактически направляли по-литику мин. вн. дѣл (Щелкин, Леонтьев), были очень далеки от идеологій своего шефа.

**) Конечно, лишь хлесткой «революціонной» фразой являлось гипербо-лическое заявленіе Церетелли в засѣданіи Петроградскаго Совѣта о том, что большинство первых правительственных комиссаров должно быть от-несено к числу «черносопѣнцев».

Можно ли сказать вслѣд за Набоковым, что правительство считалось “не с дѣйствительным интересом, а с требованиями революціонной фразы, революціонной демагогіи и предполагаемых настроеній масс”? Здѣсь как раз правительство проявило цѣлесообразную гибкость и не даю переродиться мѣстному “правотворчеству” в уродливыя формы анархіи. Еще вопрос: не привели ли бы послѣдовательныя попытки административной опеки, т. е., назначенія правительственных комиссаров “поверх” созданных в дни переворота общественных организацій к большей дезорганизаціи, чѣм это было в маргѣ.

III. Соціальная политика.

1. — Р о к о в а я п р е з у м п ц і я.

Мѣстное “правотворчество” касалось не только сферы управления — оно распространялось на всѣ области жизни. Правительство как-то всегда и вездѣ опаздывало. Это и питало бытовое двоевластіе. В чем же был секрет? Правительство запаздывало отчасти из-за присущаго ему догматическаго академизма. Люди, составлявшіе первую генерацию временнаго правительства, стремились дать странѣ наилучшіе законы, не всегда считаясь с реальной потребностью революціоннаго момента*).

В области законодательных предположеній и разработки проектов дѣятельность Правительства была широка и плодотворна — с удовлетвореніем вспоминает Набоков. В позднѣйшей правительственной деклараціи 26 апрѣля перечислялось то, что сдѣлано “призванное к жизни великим народным движеніем правительство за два мѣсяца своего пребыванія у власти, согласно обязательству, скрѣпленному “присягой” для осуществленія “требованія народной воли” (подразумѣвалось “соглашеніе” 2 марта): ...“наряду с напряженной дѣятельностью, посвященной текущим и неотложным нуждам государственной жизни, оборонѣ страны от внѣшняго врага, ослабленію продовольственнаго кри-

*) Пѣсехонов рассказывает, что, встрѣчая в первые дни революціи Шингарева, он «каждый раз его неуклонно спрашивал, когда же будет опубликован закон о мѣстном самоуправленіи». Шингарев так же неизмѣнно отвѣчал: «разрабатывается». Характерно, что сам Шингарев до революціи в соавтѣчаніи прогрессивнаго блока настаивал на спѣшном проведеніи волостной реформы в цѣлях предупрежденія анархіи. Потребность этого закона для деревни была первостепенной не только для поддержки общественнаго поядка, но и в интересах правильнаго снабженія арміи. Чернов не без основанія указывает, что правительство могло бы в спѣшном порядкѣ издать временный закон, позаимствовав его из пухлаго портфеля несуществующихся законодательных предположеній Гос. Думы — это ввело бы мѣстное «праготворчество» в извѣстныя рамки. Лишь 19 марта Правительство постановило считать должность земских начальников «подлежащей упраздненію» и «срочно разработать проект о преобразованіи органов мѣстнаго самоуправленія». Вмѣстѣ с тѣм предложено было правительственным комиссарам до завершенія срочной работы по устройству волостных земств» (оно не «завершилось» и через два мѣсяца) образовать под своим наблюденіем временные «волостные комитеты». Формально ненавистный населенію институт земских начальников, фактически ликвидированный переворотом, был упразднен лишь 30 іюня. Так повсюду опаздывало Временное Правительство!

зиса, улучшенію транспорта, изысканію необходимых для государства финансовых средств — оно уже осуществило ряд реформ, перестраивающих государственную жизнь России на началах свободы, права. Провозглашена амнистія. Отменена смертная казнь. Установлено національное и въреспубликанское равенство. Узаконена свобода собраний и союзов. *Начата* коренная реорганизация мѣстного управления и самоуправления на самых широких демократических началах... Из необходимых для этой цѣли законоположеній изданы уже постановления о выборах в Городскія Думы и о миліціи. Выработаны и *будут* изданы в самом непродолжительном времени постановления о волостном земствѣ, о реформѣ губернскаго и уѣзднаго земства, о мѣстных правительственных органах, мѣстном судѣ и об административной юстиціи. *Установлен план* работы по составленію Положенія о выборах в Учр. Собрание... В отношеніи устройства арміи... осуществляются демократическія реформы, далеко опережающія все, что сдѣлано в этом направленіи в наиболѣе свободных странах міра... Для подготовки к Учр. Собранию *проекта справедливаго и согласнаго с интересами народа рѣшенія великаго земельного вопроса образован Главный Земельный Комитет*... Отношеніе Правительства к національным вопросам нашло себѣ ясное и опредѣленное выраженіе в актах, идущих навстрѣчу автономіи Финляндіи, в признаніи за Польшей прав на объединеніе и государственную независимость... Призванное к жизни великим народным движеніем Временное Правительство признает себя исполнителем и охраниителем народной воли. В основу государственнаго управленія оно полагало не насиліе и принужденіе, а добровольное повиновеніе свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силѣ. С тѣх пор, как Врем. Правительство стѣит у власти, оно ни разу не отступило от этих начал. Ни одной капли народной крови не пролито по его винѣ, ни для одного теченія общественной мысли им не создано насильственной преграды”.

К сожалѣнію, проза жизни требовала другого — не творческих предположеній, а творческаго осуществленія. Второго марта, когда опредѣлялись “требованія народной воли”, во имя сочетанія двух сил, совершивших революцію, были отброшены всѣ социально-экономическія программы, которыя неизбежно и властно должны были выдвинуться на другой же день. Новое правительство оказалось без социальной программы — без того минимума, который надлежало осуществить в переходное время, до Учредительнаго Собранія. Без такого удовлетворенія вождѣльных мечтаній масс никакая власть ни при каких условіях не могла бы “канализировать” (выраженіе Милюкова) революционную стихію, ибо ее нельзя было усюкорить и удовлетворить только словесным пафосом о политических и гражданских свободах. Когда впоследствии б. лидер “цепзовой общественности” на іюньском съѣздѣ партіи к. д. говорил, что задача партіи “защитить завоеванія революціи, но не углублять ее”, его слова не могли звучать в унисон с тогдашним воспріятіем масс, но и в дни мартовскаго “общенароднаго порыва” они были бы чужды.

Мѣшало не классовое сознаніе буржуазнаго правительства, на котором революціонные демагоги строили свою агитацію. Невѣрно, что Временное Правительство представляло “интересы капитала и крупна-

го землевладѣнія”, несмотря на присутствіе в нем “нѣскольких либеральных людей”, как утверждал представитель читинскаго Совѣта Пумпянской на мартовском Совѣщаніи Совѣтов. И не только он, но и всѣ единомыслившіе с ним. Полк. Пронин вспоминает, как в. кн. Сергій Мих. узнав о составѣ временнаго правительства, замѣтил нѣсколько поверхностно: “все богатые люди”. “Князь — богатч” — повторил о кн. Львовѣ Троцкій. Нѣтъ, милліоны Терещенко и Коновалова рефлексивно не окрашивали политики “благовѣрнаго правительственнаго синклита” (под таким титулом в церквах поминалась “революціонная” власть). Неудачный термин — “цензовая общесивенность” не покрывал собою Временное Правительство. Послѣднее далеко не представляло собою “гармоническое цѣлое”, но, как цѣлое, оно пыталось не сходить с позицій арбитра между классовыми стремленіями — лидер “революціонной демократіи” Черетелли с полной искренностью мог говорить, что правительство не вело “классовой политики”*)).

Правительство было в тисках той презумпціи, в атмосферѣ которой оно возникло. От этого гипноза оно не могло окончательно отрѣшиться, несмотря на грозные симптомы иногда клочущей и бурлящей стихіи. В сознаніи в гораздо большей степени отпечатлѣлся тот общій облик февральских дней, который побудил “Рѣчь” назвать русскую революцію “восьмым чудом свѣта” и внушил иѣкоторую иллюзію политикам, что страна на первых порах может удовлетвориться своего рода расширенной программой прогрессивнаго блока: “в странѣ нѣтъ и признаков волненій и событій, возбуждающих опасенія” — говорил Родзянко на частном совѣщаніи членов Гос. Думы 5 марта. В критическіе часы впоследствии в интимных бесѣдах — как записывают современники — члены Правительства признавались, что они “вовсе не ожидали, что революція так далеко зайдет”. “Она опередила их планы и скомкала их” — записывает ген. Куропаткин бесѣду с кн. Львовым 25 апрѣля: “стади щенками, посящимися по произволу революціонной волны”. Дѣйствительность была не так уж далека от безвыходнаго положенія, характеристику котораго давали послѣднія слова премьера. Жизнь довольно властно предъявляла свои требованія, и Правительство оказывалось вынужденным игти на уступки — творить не свою программу, а слѣдовать за стихіей. Оно попадало между молотом и наковальной — между требованіями подлинной уже “цензовой общесивенности”, мало-жертвенной и довольно эгоистично и с напором отстаивавшей свои имущественные интересы, и требованіями революціонной демократіи, защищавшей реальные, а подчас и эфемерные интересы трудовых классов — эфемерные потому, что революція, как впоследствии выразился один из лидеров “революціонной демократіи”, “инерціей собственнаго движенія была увлечена за предѣлы реальных возможностей” (Чернов). Эту “инерцію собственнаго движенія” проще назвать демагогіей, ибо всѣ безоговорочныя ссылки на “желѣзную логику развитія революціи”, которую на подобіе “лавины, пришедшей в движеніе, никакія силы человѣческія не могут остановить” (Троцкій), являются попытками или запоздалаго самооправданія или безответственнаго

*) Тактически скорѣе ошибкой надо признать введеніе в состав правительства в революціонное время лиц с громкими именами, обладателей крупных милліонных состояній — возможный престиж во внѣ парализовался вредом внутренней пропаганды.

политикапства. Достаточно ярко выразил закон “инерции” на мартовском Совѣщаніи Совѣта уфимскій делегат большевик Эльцин, не оторвавшійся еще тогда от общаго социалистическаго русла и возражавшій “дорогому нам всѣм” меньшевику Церетелли; этот враг “государственнаго анархизма” линію поведенія революціонной демократіи опредѣлял так: “она должна заключаться в том, чтобы выше и выше поднимать революціонную волну, чтобы не дать ей возможности снизиться, ибо... если эта волна снизится, то... останется отмель, и на этой отмели останемся мы... а Временное Правительство будет в руслѣ рѣки, и тогда нам не сдобровать”.

Мы не знаем, сумѣло ли бы правительство иного состава — правительство, рожденное на почвѣ большей или меньшей договоренности о войнѣ и социальной программѣ минимум, которую надлежало осуществить в “переходное время” — до Учр. Собранія*), преодолѣть многообразную стихійную “лавину”; оно встрѣтило бы к тому же большее противодѣйствіе со стороны тѣх классов, которые в общем поддерживали политику власти “пензовой общественности”. Вокруг такого неизбѣжно коалиціоннаго правительства могло бы создаться, если не однородная правительственная партія, то объединеніе партійных группировок, связанное как-бы круговой порукой — оно давало бы правительству большую базу, чѣм легко улетучивающіяся настроенія “медового мѣсяца”. Такое правительство могло бы дѣйствовать смѣлѣе и рѣшительнѣе, и ему легче было бы противостоять демагогѣ. Если договор был немислим в момент, когда нужно было немедленно дѣйствовать, то ход революціи неизбѣжно предоставлялся игрѣ случайностей. Временному Правительству перваго состава побороть стихію органически было не под силу. Уже 2-го Гиппиус записала свои “сомнѣнія насчет будущаго” — ея сомнѣнія аналогичны тѣм, которыя высказывал Кривошеин: “революціонный кабинет не содержит в себѣ ни одного революціонера, кромѣ Керенскаго”. ...“Я абсолютно не представляю себѣ, во что превратится его (Милюкова) ум в атмосферѣ революціи. Как он будет шагать на этой горящей, ему ненавистной почвѣ... Тут нужен громадный такт: откуда — если он в несвойственной ему средѣ будет вертѣться?” Психологія, отмѣченная беллетристом-наблюдателем, в гораздо большей степени вліяла на неустойчивую политику власти, нежели отсутствіе того волевого импульса, которое так часто находят в дѣйствіях Временнаго Правительства**). Рѣшительнѣе других выразил это мнѣніе вышедшій из состава Правительства и мечтавшій о крутых контр-мѣрах для борьбы с революціей Гучков; он опредѣлял характер правительства словом “слякоть”. (Запись Куропаткина 14-го мая); нѣкоторое исключеніе Гучков дѣлал для Милюкова... Суть же была не в “интеллигентском прекраснодушіи”, а в том, что правительство усваивало декларативный “язык революціи”, т. е., в нѣкоторой степени дух времени, но не ея сущность. Отсюда рождалось впечатлѣніе, что Правительство является

*) Вопрос об отношеніи к войнѣ оставляем пока в сторонѣ.

**) Припоминаются разсужденія в дореволюціонной записи члена Государственнаго Совѣта Римскаго-Корсакова о «бездарности слабости русскаго либерализма».

лишь “плѣнником революціи”, как выразился один из ораторов большевицкой конференціи в концѣ марта.

2. — Восьмичасовой рабочей день.

Конечно, невѣрно утверждение Керенскаго в третьей его книгѣ, предназначенной для иностранцев (*L'expérience*), что социальному творчеству Временнаго Правительства была положена преграда той клятвой, которую члены Правительства вынуждены были дать — не осуществлять никаких реформ, касающихся основных государственных вопросов: такой клятвы члены Правительства не давали, и во всяком случаѣ она не воспрепятствовала почти в первые дни декларативно провозгласить, по тактическим соображеніям, независимость Польши*). Слѣдует признать, что огромной препоной для социальных экспериментов являлась война с ея напряженными экономическими требованіями. Сама по себѣ война психологически могла содѣйствовать воспріятію тѣх социально-экономических заданий, которыя ставили социалистическія партіи. Весь мір, в той или иной степени, переходил к плановѣрному государственному вмѣшательству в народное хозяйство. Даже до революціонное “царское” правительство в Россіи вынуждено было робко вступить на путь регулированія и контроля производства. Но революція, символизировавшая собою хирургическую операцію над общественным организмом, грозила зарѣзать ту курицу, которая несла во время войны, по выраженію Шингарева, “золотыя яйца”. В этой несовмѣстимости революціи с войной и крылась причина подлинной трагедіи Россіи — трагедіи, из которой без потрясеній, при растущем экономическом кризисѣ, найти выход было чрезвычайно трудно.

Иллюстраціей к сказанному представляется исторія вопроса о восьмичасовом рабочем днѣ, стихійно выдвинувшася в Петербургѣ в первые же дни и отнюдь не по инициативѣ Совѣта — скорѣе даже “вопреки директивам” центра. Вопрос возник в связи с вынесенной по докладу Чхеидзе 1170 голосами против 30 резолюціей Совѣта 5-го марта по поводу прекращенія политической стачки. Указывая, что “первый рѣшительный натиск возставшаго народа на старый порядок увѣнчался успѣхом и в достаточной степени обезпечил позицію рабочаго класса в его революціонной борьбѣ”. Совѣт призвал “возможным нынѣ же приступить к возобновленію работ в петроградском районѣ с тѣм, чтобы по первому сигналу вновь прекратить начатія работы”. Возобновленіе работ — мотивировал Совѣт — “представляется желательным в виду того, что продолженіе забастовок грозит в сильнѣйшей степени разстроить уже подорванныя старым режимом продовольственныя силы страны”. “В цѣлях закрѣпленія завоеванных позицій и достиженія дальнѣйших завоеваній” Совѣт “одновременно с возобновленіем работ” призывал к “немедленному созданію и укрѣпленію рабочих орга-

*) По другому, чѣм Керенскій, толковал «клятву» членов Правительства послѣ революціи съѣзд партіи к.-д.: «Уважая волю народную, Правительство должно предоставить Учредительному Собранію разрѣшеніе всѣх тѣх вопросов, относительно которых, как не обладающих характером неотложности, не *примято* им на себя непосредственных обязательств в объявленной им программѣ».

низаций всѣх видов, как опорных пунктов для дальнѣйшей революціонной борьбы до полной ликвидаці старого режима и за классовые идеалы пролетаріата". вмѣстѣ с тѣм Совѣт объявлял, что он приступает к "разработкѣ программы экономических требованій, которыя будут предъявлены предпринимателям (и правительству) от имени рабочаго класса". В послѣдующем обращеніи к рабочим, в связи с происходившими "недоразумѣніями и конфликтами", Совѣт 9 марта отмѣчал, что "за небольшими исключеніями рабочій класс столицы проявил поразительную дисциплину, вернувшись к станкам с такой же солидарностью, с какой он оставил их нѣсколько дней тому назад, чтобы подать сигнал к великой революціи"*). Это "небольшое исключеніе", под влияніем пропаганды большевиков, заявило о своем не подчиненіи директивам Совѣта, потому что, как говорилось, напр., в резолюціи рабочих завода "Динамо", "революціонная волна не захватила всей Россіи" и "старая власть еще не рухнула" — при таких условіях о "ликвидации забастовок не может быть и рѣчи". Однородных по виѣншей формѣ резолюцій с требованіем "немедленнаго ареста Николая и его прислѣзников" мы коснемся в другом контекстѣ**). В них, кромѣ призывов к "прекращенію кровавой бойни", "классам неимущим ненужной" и т. д., заключалось и требованіе установленія 8-часоваго рабочаго дня.

Таков был боевой лозунг, выставленный большевиками; он искони органически вошел в сознаніе рабочей среды и потому легко был воспринят и на тѣх собраніях, на которых в "лояльных" резолюціях о возобновленіи работ как бы высказывалось довѣріе Временному Правительству: "только 8-часовой рабочій день может дать пролетаріату, — говорилось в одной из них, принятой в Москвѣ — возможность на широкое активное участіе в политической и профессиональной борьбѣ. Только полное раскрѣпощеніе рабочаго класса от тяжелой изнурительной работы может дать возможность рабочему классу стоять на стражѣ интересов своего народа и принять участіе в созывѣ Учредительнаго Собранія... Полагая, что лозунг о 8-часовом рабочем днѣ является также *политическим* лозунгом, а потому осуществленіе рабочаго дня не может быть отложено на будущее, необходимо немедленно провести в жизнь 8-часовой рабочій день для всѣх наемных работников"***). Красной пытью в огромном большинствѣ резолюцій о введеніи 8-часоваго раб. дня (по крайней мѣрѣ в Москвѣ) проходит мысль о необходимости введенія его в обще-государственном масштабѣ: "Временное Правительство особым декретом впредь до утвержденія закона о нормировкѣ рабочаго дня должно установить 8-часовой рабочій день на всю Россію".

Жизнь, однако, опережала академическія рѣшенія, и на заводах послѣ возобновленія работ происходило "непрерывное недоразумѣніе" — явочный порядок введенія ограничительнаго рабочаго времени, смѣна администраціи и т. д. В воззваніи 9 марта петроградскій Совѣт, высказываясь прогив "разрозненных выступленій отдѣльных фабрик",

*) Постановленіе о возобновленіи работ в Москвѣ было принято таким же подавляющим большинством: в Совѣтѣ «за» голосовало 2000 человек, «против» — 60-70.

**) См. мою книгу «Судьба нмп. Николая II послѣ отреченія».

***) В другой московской резолюціи подчеркивалось, что 8-часовой рабочій день не стоит ни в каком противорѣчій с національной обороной страны.

осуждая “абсолютно недопустимые эксцессы” (порча материалов, поломка машин и насилия над личностью), которые “способны лишь причинить величайший вред рабочему дѣлу, особенно в переживаемый тревожный момент”, еще раз подчеркнул, что он разрабатывает “перечень общих экономических требований, которые будут предъявлены фабрикантам и правительству от имени рабочего класса”. В то же время Совѣт предостерегал предпринимателей против “недозволительных” в отношеніи к “борцам за освобожденіе родины” попыток явного и тайнаго локаута и грозил, что “принужден будет с величайшей энергіей вступить в борьбу с этими злоупотребленіями предпринимателей, особенно постыдными в переживаемые нами дни”... в случаѣ закрытія фабрики Совѣту “придется поставить перед рабочим классом, перед городским общественным управленіем и перед Временным Правительством вопрос о муниципализаціи подобных предпріятій или о передачѣ их в управленіе рабочих коллективов”.

Под вліяніем этого низового “террора” петербургское общество фабрикантов и заводчиков само, при посредничествѣ министра торговли и промышленности Коновалова, обратилось в Совѣт для улаженія возникшаго конфликта с рабочими, и 10-го было достигнуто соглашеніе, устанавливающее впредь до изданія закона о нормировкѣ рабочаго дня 8-часового “дѣйствительнаго труда” (сверхурочныя работы по особому соглашенію), учрежденія совѣта старост (фабрично заводскаго комитета) и примирительных камер. В Москвѣ соглашеніе не удалось в силу непримиримой позиціи, занятой мѣстным Обществом фабрикантов и заводчиков, хотя в рядѣ районов предприниматели (крупные) давали свое согласіе на введеніе 8-часового рабочаго дня. В результатѣ нормированіе продолжительности дня труда стало производиться “самовольно” по отдѣльным предпріятіям, и московскому Совѣту задним числом пришлось 18 марта санкціонировать своим авторитетом то, что было достигнуто “явочным порядком”*). Совѣт постановил: “признать необходимым введеніе 8-часового рабочаго дня по всей странѣ; обратиться к Временному Правительству с требованіем о немедленном изданіи соответствующаго декрета и призвать всѣ Совѣты Р. Д. поддержать это требованіе. В Москвѣ же, не дожидаясь изданія такого декрета, ввести 8-часовой рабочей день, допуская сверхурочныя работы только в отраслях промышленности, работающей на оборону, производящей предметы первой необходимости и по добычѣ топлива”.

Соответствующая волна прокатилась по всей Россіи, причем борьба за 8-часовой рабочей день принимала либо петербургскую, либо московскую форму, т. е., заключалось или соглашеніе с организаціями фабрикантов и заводчиков или нормировка труда вводилась рабочими явочным “революціонным” порядком и санкціонировалась односторонним актом мѣстнаго Совѣта. Это бытовое двоевластіе было, однако, довольно чуждо мысли самостоятельнаго законодательства; можно сказать, что господствовала формулировка, данная на одном из Московских рабочих собраній: “Мы вводим 8-часовой рабочей день с 17 марта и требуем от Со-

*) Отмѣтим, что среди квалифицированных рабочих (напр., типографіи Сытина) были и рѣшительныя возраженія против введенія нормировки труда явочным порядком.

вѣта Р. Д. вывести резолюцію о его введеніи, а от Временнаго Правительства *поставить свой штемпель*".

Как же реагировала власть, которой предлагалось поставить авторитетный "штемпель" законодательной санкціи к тому, что в жизни достигалось "революціонным" путем? Она в сущности бездѣйствовала. 6 марта Правительство одобрило специальное обращеніе министра торговли и промышленности Коновалова. Революціонный министр говорил о трудѣ, который является "основой производительной силы страны" и от "успѣхов котораго зависит благополучіе родины". "Искренне" стремясь "к возможно полному удовлетворенію трудящихся", министр считал "неотложной задачей правильную постановку и надлежащее развитіе рабочаго вопроса". "Свободная самостоятельность и организація трудящихся" (т. е., профессиональные союзы) — констатирует обращеніе — "является одним из главнѣйших условий экономическаго возрожденія Россіи". Это были все общія слова, т. е., революціонная риторика... 10-го Исполнительный Комитет Совѣта, узнав от своего уполномоченнаго Гвоздева, что петербургскіе фабриканты и заводчики согласны ввести 8-часовой рабочій день, постановил: "предложить Временному Правительству издать указ о 8-час. раб. днѣ по всей Россіи до Учредительнаго Собранія". Правительство немедленно реагировало, и в журналѣ засѣданія того же 10 марта значится: "предоставить министру торговли и промышленности войти в обсужденіе вопроса о возможности и условиях введенія сокращеннаго рабочаго времени в различных мѣстностях Россіи по отдѣльным группам предпріятій и представить предположенія свои на разсмотрѣніе Временнаго Правительства". На этом все дѣло и остановилось — само Правительство дальше подготовки мѣр к введенію 8-часоваго рабочаго дня в предпріятіях военнаго и морскаго вѣдомства не пошло. Как будто трудно послѣдовать за воспоминаніями Керенскаго и признать, что Коновалов в согласіи с фабрикантами 11 марта "ввел уже 8-часовой рабочій день на фабриках и заводах Петрограда". Очень сомнительно, чтобы в министерствѣ торговли и промышленности "в порядкѣ спѣшности" дѣйствительно разрабатывался "законопроект о 8-часовом рабочем днѣ", как отвѣчал Исполнительный Комитет на многочисленные и настойчивые запросы из провинціи, указывая, что о вступленіи закона в силу будет "своевременно объявлено".

Собравшееся в концѣ марта "Совѣщаніе Совѣтов" не могло пройти мимо развертывавшейся борьбы за сокращеніе рабочаго дня. "Основной вопрос революціи", поставленный на очередь в огромной полость Россіи, во всяком случаѣ, в крупных центрах, не получил еще "законодательнаго установленія" — указывал докладчик. И Совѣщаніе в резолюціи о введеніи 8-часоваго рабочаго дня предлагало правительству издать соотвѣтствующій декрет с оговоркой о необходимости допущенія сверхурочных работ в тѣх отраслях промышленности, которыя работают на нужды обороны и связаны с продовольствіем страны. Совѣщаніе правильно учитывало, что 8-часовой рабочій день не является только вопросом экономической выгоды рабочаго класса, но крайне ослабляет реалистичность своей позиціи, выдвигая наряду с соображеніями о необходимости участія рабочаго класса с переходом Россіи к демократическому строю в общеполитической и культурной жизни страны, но и довольно апріорныя заботы об "ослабленіи кризиса в будущем", о необхо-

димости “позаботиться о смягченіи ужасов грядущей безработицы и об облегченіи пріисканія заработка тѣм, которые вернутся послѣ окончанія войны из арміи”. Совѣщаніе поручило Исполнительному Комитету петроградскаго Совѣта вступить с Временным Правительством в переговоры о порядкѣ введенія 8-часового рабочаго дня*).

В законодательном порядкѣ дѣло мало подвинулось вперед**). В итогѣ получилась анархія на мѣстах, гдѣ при отсутствіи указаній из центра, почти неизбежно пышным цвѣтом расцвѣтало “революціонное правотворчество”, т. е., то, что выше было названо бытовым двоевластіем. Показательным примѣром подобнаго мѣстнаго законодательства служит “обязательное постановленіе” о восьмичасовом рабочем днѣ и примирительных камерах, изданное Борисовским (Минской губ.) Исполнительным Комитетом за подписью и. д. уѣзднаго правительственнаго комиссара прап. Вульфуса на исходѣ второго мѣсяца революціи — 26 апрѣля. Принципіальное рѣшеніе о введеніи 8-час. рабочаго дня в Борисовѣ было принято еще 28 марта; 18 апрѣля положеніе о нормировкѣ труда было осуществлено “явным порядком”; 26 апрѣля с единогласнаго одобренія “примирительной камеры***) издано было особое “обязательное постановленіе” для “закрѣпленія позицій рабочаго пролетаріата”. Очевидно, не без вліянія правительственнаго воззванія к рабочим, обслуживающим учрежденія фронта****), борисовскіе законодатели к общему положенію о 8-час. рабочем днѣ вводили новеллу, по которой “впредь до окончанія войны” всѣм предприятиям, “непосредственно и косвенно” работающим на оборону, предоставляется устанавливать “обязательные для рабочих и служащих сверхурочные рабочіе часы”, оплачиваемые полуторной платой, при чем в виду Борисовской близости к фронту, всѣ “заводы, фабрики и торгово-промышленныя предприятия” признавались работающими на оборону; на всѣх предприятиях учреждались заводскіе комитеты; на примирительную камеру возлагалась обязанность выработать “минимум заработной платы”... Наконец, Исполнительный Комитет объявлял, что пріостановка предприятия, чрезвычайно вредная для обороны, повлечет за собой “секвестрацію его”.

Все это “законодательное” творчество шло внѣ правительственнаго контроля. Нерѣшительность или медлительность Правительства сильно

*) Не совѣм поэтому понятно, как член Исп. Ком., не только участник, но и докладчик в Совѣщаніи Совѣтов, мог в своих воспоминаніях пойти еще дальше, чѣм Керенскій, в установленіи версий, будто при Временном Правительствѣ перваго состава «во всей странѣ был введен, даже по инициативѣ *саихъ промышленников*, 8-часовой рабочей день».

**) 23 апрѣля Правительство издало положеніе о «рабочих комитетах» в промышленных заведеніях, введенных впервые в Петербургѣ по «соглашенію» между Совѣтом и Обществом фабрикантов. Через 1 1/2 мѣсяца Правительство, таким образом пыталось нормировать то, что фактически было уже осуществлено.

***) Примирительныя камеры из 4 членов Совѣщанія фабрикантов 4 членов Совѣта из 3 членов по избранію уѣзднаго Исп. Ком. и по одному представителю, от Союза служащих и Союза торговцев. Любопытно, что среди представителей Союза (очевидно в виду близости фронта) числился полковник.

****) 8 апрѣля. Указывая, что рабочіе, «выставляя лозунгом переход на 8-час. раб. день», в то же время сами приложили всѣ усилія, чтобы работа велась без перерыва, работая сверхурочно... и что «напряженная работа на фронтѣ в сто раз важнѣе работы в тылу...», Правительство гарантировало, что добавочная работа будет оплачиваться особо.

снижали его революціонный авторитет в рабочей массѣ тѣм болѣе, что реальная борьба за 8-часовой рабочий день сопровождалась в “буржуазной” печати довольно шумной противоположной кампаніей. В ней приняли участие и марксистскіе экономисты, с добросовѣстностью догматиков доказывающіе нецѣлесообразность и утопичность осуществления рабочаго лозунга в момент хозяйственнаго кризиса*). Усвоить эту догматичность довольно трудно, ибо было слишком очевидно, что в взбудораженной атмосферѣ революція естественно приводит к пониженности труда; 8 часов “дѣйствительной” работы, как выражалось петербургское соглашеніе 10-11 марта, для народнаго хозяйства имѣло несравненно большее значеніе, чѣм сохраненіе фиктивных норм**).

**

Политическій такт для противодѣйствія демагогіи всякаго рода экстремистов требовал декларативнаго объявленія рабочаго лозунга. Промышленники не могли не понимать этой элементарной истины. В собраніи матеріалов “Рабочее движеніе в 1917 г.” имѣется показательный документ, воспроизводящій апрѣльское обращеніе Омскаго биржевого комитета, как “официальнаго представителя интересов торговли и промышленности в Омском районѣ”, к владѣльцам мѣстных промышленных предприятий. Омскій комитет обращался к предпринимателям с “убѣдительною просьбой” принять выработанныя Совѣтом условия введенія 8-часоваго рабочаго дня. “Принятіе этих условий — говорило обращеніе — властно диктуется государственной необходимостью и правильно понятыми интересами промышленности”. Биржевой комитет, считая приостановку работ на оборону “преступной”, выражал надежду, что промышленники “пожертвуют частью своих интересов и не явятся виновниками обостренія классовой борьбы в данный исключительной важности историческій момент”. И когда центральныя организаціи промышленников с нѣкоторым напором оказывали воздѣйствіе на Правительство в смыслѣ законодательнаго непринятія гибельной по своим послѣдствіям той “временной уступки”, на которую они должны были пойти, то в их формальной аргументаціи (докладная записка в мартѣ горнопромышленников Урала), дѣйствительно, трудно не усмотрѣть стремленія, при неопредѣленности экономических перспектив лишь выиграть время, пока не выяснится, в какую сторону склонится “стрѣлка революціонной судьбы”. Такое впечатлѣніе производит, напримѣр, запоздалое (в маѣ) постановленіе московскаго биржевого комитета. В нем говорилось: “Вопрос о 8-часовом рабочем днѣ не может быть разсматриваем, как вопрос о взаимном соглашеніи между предпринимателями и рабочими, так как он имѣет значеніе общегосударственное.. по-

*) Парламентскій вождь меньшевиков (Церетели) на съѣздѣ Совѣтов в іюнѣ высказался против осуществленія 8-час. раб. дня в ненормальных условиях жизни страны.

***) В литературѣ «буржуазной» слишком часто проявляется склонность преувеличить это паденіе трудоспособности в революціонное время. Забывают отмѣтить фактор, которому министры торговли и промышленности второго коалиціоннаго кабинета Прокоповича на Государственном Совѣщаніи придавал первенствующее значеніе — изношенность производственнаго аппарата.

чему он не может быть даже предметом временного законодательства, а должен быть рѣшен волею всего народа в правильно образованных законодательных учреждениях... всякое разрѣшеніе этого вопроса в ином порядкѣ было бы посягательством на права народного представительства". Поэтому промышленники "не признают для себя возможным разрѣшать его в данный момент, как бы благожелательно ни было их отпущеніе к интересам рабочих". В итогѣ в маѣ, когда уже существовало новое "коалиціонное" правительство, лишь начали "выяснять" трудный вопрос о 8 час. рабочем днѣ, как писал в "Русском Словѣ" извѣстный финансист проф. Бернацкій.

Для промышленников вопрос о продолжительности рабочего дня главным образом являлся проблемой экономической, связанной с повышеніем заработной платы. За "восьмичасовой кампаніей" послѣдовала и столь же стихійно возникшая борьба за повышеніе тарифных ставок, не успѣвавших за паденіем денежных цѣнностей и дороговизной жизни — борьба, осложненная органически связанной с переживаемым хозяйственным кризисом проблемой организациі производства, как единственного выхода из кризиса. Эта экономическая и социальная борьба хронологически уже выходит за предѣлы описанія мартовских дней, когда лишь намѣчались признаки будущей революціонной конфигураціи. Так московская областная конференція Совѣтов 25-27 марта единогласным рѣшеніем приняла постановленіе добиваться немедленнаго проведенія в законодательном порядкѣ (а до того фактическое осуществленіе в "мѣстных рамках и в организованных формах") "всей экономической минимальной программы социалистических партій": 8-часовой рабочей день, минимум заработной платы, участіе представителей рабочих на равных правах с предпринимателями во всѣх учреждениях, руководящих распределеніем сырого матеріала. В жизни "фактическое осуществленіе" социалистических постулатов (в теоріи представлявшееся в видѣ "твердых шагов организованной демократіи", а на практикѣ, по характеристикѣ "Извѣстій" — "необузданной перестройкой") приводило к довольно уродливым формам "рабочаго контроля", требованій подчас заработной платы, обеспечивающей "свободную и достойную жизнь", но не соответствующей экономической конъюнктурѣ.

Демагогія, вольная и невольная*), конечно, и здѣсь сыграла свою зловредную роль, парализуя трезвую оцѣнку рабочей тактики, которую давала, напримѣр, общая резолюція по рабочему вопросу, принятая на Совѣщаніи Совѣтов. В ней на тяжеловатом официалном языкѣ говорилось: "...в обстановкѣ войны и революціи пролетаріат... должен особенно строго взвѣшивать фактическое соотношеніе матеріалов и общественных сил труда и капитала, опредѣляемое, главным образом, состоя-

*) К невольной демагогіи относились безответственные сужденія, которыя в дни революціи бросались легко в толпу. Вѣроятно, Церетели был убѣжден, что говорит в соответствии с дѣйствительностью, когда утверждал при рукоплесканіи собранія в Совѣщаніи Совѣтов, аргументируя принцип безвозмезднаго отчужденія помѣщичьих земель в пользу трудящагося народа, что половина земли в Россіи принадлежала дворянству, и что в годину испытанія страны пустовала огромная площадь землевладѣльческих земель, чѣм и объяснялись до революціи столичные хвосты «желающих получить клѣбные куски по голодным пайкам».

ніем промышленности и степенью организованности рабочего класса, памятуя, что теперь больше, чѣм когда либо, экономическая борьба приобретает характер борьбы политической, при которой важную роль играет отношеніе к требованиям пролетаріата остальных классов населенія, заинтересованных в укрѣпленіи новаго строя". Демагогическіе призывы находили отзвукъ в массѣ в силу не только примитивной психологіи "неимущих". "Легенда" относительно астрономической прибыли промышленности, работавшей на оборону страны, крѣпко укоренилась в общественном сознаніи — об этой "сверхприбыли" не раз с ораторской трибуны старой Государственной Думы говорили депутаты даже не лѣвых фракцій, а правых и умѣренных, входивших в прогрессивный блок*). Допустим, что довоенное процвітаніе промышленности и ея искусственная взвинченность в первый період войны были уже в безвозвратном прошлом, что эти прибыли истощились в дни изнурительной и затяжной міровой катастрофы, и что промышленность — как доказывают нѣкоторые эконоомисты — вошла в революціонную полосу разстроенной и ослабленной — побороть укоренившуюся психологію нельзя было отвлеченным, научным анализом, тѣм болѣе, что свѣдѣнія о "колоссальных военных барышах" отдѣльных промышленных и банковских предприятий продолжали появляться на столбцах періодической печати и на устах авторитетных дѣятелей революціи, не вызывая опроверженій. Даже такой спокойный и по существу умѣренный орган печати, как московскія "Русскія Вѣдомости", нѣсколько позже в связи с августовским торгово-промышленным съѣздом, негодовал на то, что съѣзд "совершенно закрыл глаза на вакханалію наживы". В годы войны неслыханные барыши (50-71%) 15-16 гг. — признавала газета — "внесли заразу в народныя массы". "Чудовищность" требованій повышения заработной платы в революціонное время все же была относительна, как ни далека была жизнь от тезы, что "смысл русской революціи" заключался в том, что "пролетаріат выступил на защиту русскаго народнаго хозяйства, разрушеннаго войной". (Покровскій). Когда мемуаристы говорят о требованіях прибавок в 200-300% и болѣе (утвержденія эти безоговорочно переходят на страницы общих исторических изысканій), они обычно не добавляют, что эти прибавки рассчитывались по довоенной скалѣ: поправка на систематическое паденіе цѣнности рубля во время революціи сводит эту "чудовищность" к прозаической конкретности — данныя статистики, как будто объективно устанавливают, что рост заработной платы в общем продолжал отставать от цѣн на продукты питанія**).

*) Например, депутат Стемковскій в рѣчи 21 ноября 16 г., противопоставляя дивиденды промышленников затрудненіям аграріевъ, приводил такія иллюстраціи доходности: Тверская мануфактура в 15 г. имѣла 9,9 мил. при основном капиталѣ в 6 мил.; Коноваловская мануфактура, получавшая до войны 813 т., в 15 г. получила 7 мил. Последняя иллюстрація как раз вызвала официальное опроверженіе со стороны администраціи фирмы, указавшей, что депутат ошибочно принял за доходность не соотвѣтственную цифру в отчетѣ. Конечно, слово с кафедры Гос. Думы запечатлѣвалось ярче, чѣм напечатанное в газетах поясненіе заинтересованной фирмы, представителем которой сдѣлался первым революціонным министром торговли и промышленности.

***) По вышности совершенно чудовищным будет позднѣйшее рѣшеніе третейскаго суда в конфликтѣ между рабочими и администраціей Ли-

ботную плату приходилось выплачивать в счет основного капитала предприятия, как неоднократно указывали представители промышленников в совещаниях, созываемых впоследствии министерством торговли и промышленности, приводила к требованиям повышения государством цены на фабрики, производимые на оборону: уступки промышленников рабочим — говорил Некрасов на Московском Государственном Совещании — фактически перекладывались на государство. Последнее обращалось к главному своему ресурсу — выпуску бумажных денег.

Выход из заколдованного круга мог быть найден только в определенной экономической политике, которой не было у Временного Правительства, загнивающего концепцией рисовавшегося в отдалении вершителя судеб — Учредительного Собрания.. Только противопоставив такую определенную программу для переходного времени, можно было свести на землю социалистическую “утопию”.

3. — Земля — народу.

В параллель к постановке вопроса о нормировке трудового дня можно привести иллюстрацию из области недостаточно отчетливой земельной политики Временного Правительства, расширявшей рамки мѣстного революционного правотворчества и свидетельствовавшей, что у Правительства не было конкретного плана аграрных мѣроприятий временного характера для переходного периода. В этой области положение Правительства “цензовой общественности”, конечно, было особенно трудно, так как надлежало примирить не только диаметрально противоположные интересы, но и в корень расходящиеся принципы*). При отсутствии единого общественного мнѣния не могло быть и той самопроизвольно рождающейся директивы, которую впоследствии Временное Правительство в декларации, подводившей итоги его двухмѣсячной дѣятельности, называло “волею народа”.

В мартѣ деревня не подавала еще громко своего голоса. Молчала ли деревня потому, что оставшіеся в ней “старички, больные и женщины” встрѣтили спокойно (таково было мнѣние, напримѣр, кирсановскаго съѣзда земельных собственников) революцію, — обезлюдение де-

кинской мануфактуры о прибавке к поденной платѣ, существовавшей в 1913 г., 425% (!!). Третьей суд составлен был из 3 судей от профессиональнаго союза, 3 судей от администрации при суперарбитрѣ, назначенном министерством труда.

*) Революция, поставившая перед общественным сознанием во всем объеме исконный земельный вопрос, вызвала интенсивную работу по выработке основ будущей аграрной реформы. (В Москвѣ была создана специальная «Лига аграрных реформ»). Предстояло ввести в одно программный разноречивой политической партий. Единства мнѣния не было и у социалистов, которых объединяло лишь общее признание положенія, что земля должна находиться в пользованіи трудящихся на ней. Коренное расхождение о формах осуществления этого общаго положенія было не только между марксистскими и народническими группировками, но и в средѣ самих народников. Поэтому первый всероссійскій съѣзд «трудовой группы» 9 апрѣля, сознавая, что вопрос об условиях передачи земли народу не был «в достаточной степени освѣщен», поручил своему Ц. Ком. войти в сношенія с социалистическими партиями «для созыва общей народнической конференціи по выработке программы по аграрному вопросу». Рѣшеніе, однако, осталось в области благих пожеланій.

ревни Чернов считает основным мотивом молчанія деревни; молчала ли потому, что просто “еще снѣг не сошел с земли” (мнѣніе составителей социалистической “Хроники”); молчала ли потому, что плохо была освѣдомлена о переворотѣ и относилась к нему в первый момент недоуверчиво (уполномоченные Временнаго Комитета в своих донесеніях отмѣчали случаи — и не в каких-нибудь глухих углах обширной страны — когда в деревнѣ, продолжавшей жить с представителями старой власти, урядниками и ставовыми, не знали о происшедших событіях еще в концѣ марта и боялись, что все может “вернуться на старое”; донесенія думских уполномоченных подтверждают многочисленныя изданныя крестьянскія воспоминанія). Газетныя корреспонденці того времени отмѣтят нам даже такіе удивительные факты в центрѣ Россіи, как распространенное среди мужиков Дмитровскаго уѣзда Московской губ. убѣжденіе, что приказ “убрать урядников” и дать народу “свободу” пришел не иначе, как от “царя-батюшки”. (“Вл. Народа”). — Так или иначе, анархія и двоевластіе на мѣстах не могли грозить большими осложненіями, и Правительство могло укрыться на первых порах за формулу ожиданія Учредительнаго Собранія.

Спокойствіе в деревнѣ нарушила волна дезертиров, пришедших с фронта и подчас — отмѣчает отчет Временнаго Комитета — сыгравших роль первых освѣдомителей о происшедшем переворотѣ. Военный министр в обращеніи к “дезертирам” 7 апрѣля объяснял эту утечку с фронта “распространеніем... в арміи преступных воззваній о предстоящем теперь же передѣлѣ земли, при чем участникам его явятся будто бы лишь тѣ, кто будет находиться к этому времени внутри страны”. Создавалась недвусмысленная опасность, что молва о землѣ может сорвать фронт, и министр земледѣлія снѣшил опровергнуть циркулирующіе слухи “о предстоящей в ближайшее время крупной земельной реформѣ вплоть до конфискаціи частно-владѣльческих земель”. По существу Правительство ничего не говорило — его воззваніе по “первѣйшему” по своему значенію земельному вопросу 17 марта справедливо может быть отнесено к разряду скорѣе правоучительных произведеній на тему о том, что “насиліе и грабеж самое дурное и опасное средство в области экономических отношеній”. “Завѣтная мечта многих поколѣній всего земледѣльческаго населенія страны” не может быть проведена в жизнь путем каких-либо захватов. Принятіе закона о землѣ народными представителями невозможно без “серьезной подготовительной работы”, выполнить которую Правительство “признает своим неотложным долгом”.

Впрочем, были приняты двѣ рѣшительныя мѣры: 12 марта были переданы в казну земли Кабинета отрешагося Императора и 16-го конфискованы удѣльныя имуществва. Оба правительственныя постановленія, если и признать, что тактически они были необходимы, нарушали логику, выраженную формулой: ждать Учредительнаго Собранія. Вѣроятно, в силу этого Правительство через посредство вел. кн. Николая Михайловича прибѣгло к своеобразной мѣрѣ полученія письменных отказов членов императорской фамиліи от наследственных прав на російскій престол и согласія их на “отдачу” удѣльных земель*).

*) В письмѣ на имя Керенскаго вел. кн. Николай Михайлович сообщал уже 9-го, что он «легко» получил отказ от Кирилла Владиміровича и «туго»

Подводя итог наблюдений думских уполномоченных при объезде послѣ переворота, 28 губерній Европейской Россіи, трехмѣсячный отчет отдѣла сношеній с провинціей Временнаго Комитета говорил: “для крестьян новый строй — это земля”. “Это то, чѣм дышит огромная часть населенія Россіи” — существует “твердое убѣжденіе”, что земля должна перейти народу. Совершенно естественно, что уполномоченные Временнаго Комитета наблюдали “отсутствіе у крестьян представленія” о запутанности и трудности разрѣшенія земельного вопроса. Мысль о сложности статистическаго “учета земельных запасов, распределенія земельной собственности, выясненія условій и видов землепользованія” и т. д., как это перечисляло правительственное воззваніе, была в большинствѣ случаев чужда крестьянскому сознанию, увлеченному притягательной силой сосѣдней, непосредственно примыкавшей, “обѣтованной” помѣщичьей земли; представленіе о землѣ не выходило за предѣлы своей волости. “Крестьянин — констатирует цитируемый отчет — питается во многих мѣстах не реальностью, а лозунгами. Он предвкушает золотой вѣкъ осуществленія их. Он часто далек от мысли, что всё эти лозунги окажутся мыльными пузырями по той простой причинѣ, что земли нѣтъ, что в большинствѣ средних губерній не только нельзя думать о трудовой нормѣ, но и о лишних 2 десятинах”. В отдѣльных случаях, быть может, нѣкоторым уполномоченным в бесѣдах удавалось убѣдить крестьян не принимать “на вѣру” ходячую молву и развѣять тот “обман”, в котором они находились, показав наглядно статистическими вычисленіями, что при раздѣлѣ всей помѣщичьей земли на дѣлѣ крестьянам придется по 1/8 десятины — напр., в Орловской губ... Но вѣдь уполномоченные интеллигенты из Петербурга, да еще облеченные званіем членов Гос. Думы, которые могли заманчивыя перспективы в смыслѣ земельных чаяній свести к реальной действительности, были случайными и рѣдкими гостями в деревнѣ*). В большинствѣ случаев проповѣдником являлся какой-нибудь солдат из столицы или партійный агитатор, не слишком свѣдующій и не слишком оркупулезный в своей демагогической пропагандѣ — в дни революции не было недостатка и в людях, одѣтых в интеллигентскій мундир и готовых вылавать “дутые векселя”.

Одним обѣщаніем “собрать матеріал” для Учредительнаго Собранія, представленіе о котором в деревнѣ было неясно**), нельзя было предотвратить анархическія выступленія в деревнѣ и избѣгнуть самостоятельнаго “правотворчества” в сферѣ земельных отношеній. Надо было отдать себѣ отчет в реальном положеніи и в неизбежности исхода будущей аграрной реформы в сторону интересов “трудоваго крестьянства”. Бороться с “дутыми векселями” можно было лишь ясным и определенным заявленіем, в каком именно направленіи будет происходить подготовительная работа перед Учредительным Собраніем, и одновременно

от Дмитрія Константиновича... Однако, в приложеніи к письму заявленіи в. кн. Кирилла об удѣльных землях ничего не сказано, что же касается престонаслѣдія, то Кирилл присоединился к тѣм «мыслям», которыя выражены были в актѣ в. кн. Михаила.

*) Отчет отмѣчает, что авторитетным разъясненіям пріѣзжих интеллигентов из столицы в деревнѣ вѣрили.

**) Это отмѣчал и отчет Временнаго Комитета и позднѣйшія воспоминанія самих крестьян, собранныя в сб. «1917 год в деревнѣ».

менным принятием в законодательном порядке тех переходных мѣр, которыя подсказывала жизнь и которыя гарантировали бы в сознании массы неприкосновенность земельного фонда до Учредительнаго Собрания. Пѣшеховъ (“осторожный посебилист, по выраженію Чернова”) тогда же пытался выступить с предупрежденіем, что Учредительному Собранию придется “лишь оформить и санкціонировать то, что будет совершено и достигнуто в процессѣ революціоннаго строительства: отложить послѣднее немислимо. Весь вопрос в том, пойдет ли он дальше анархическим путем или в организованных формах”. При анархіи получится не тот строй, к которому стремятся всѣ демократическія партіи. Но и “такой строй придется санкціонировать, пересилить революцію Учредительное Собрание, конечно, будет не в силах”. Не имѣя еще собственнаго органа повседневной печати, Пѣшеховъ выступал в с.-р. “Дѣль Народъ” (23 марта). Планомѣрное “революціонное строительство” Пѣшеховъ видѣлъ в организаціи сѣти земельных комитетов, задачей которых являлась бы подготовка общей реформы и разработка предварительных, неотложных временных мѣр. Мысль Пѣшехова была освоена революціонной демократіей*) и нашла конкретное себѣ воплощеніе в правительственном мѣропріятіи, но только через мѣсяц и без той опредѣленности, которую вкладывал инициатор земельных комитетов. 21 апрѣля Правительство опубликовало положеніе о Главном и мѣстных Земельных комитетах. На Главный комитет возлагалась задача составленія общаго проекта на основаніи собранных данных и соображеній, которыя будут представлены мѣстными комитетами. На мѣстные комитеты (волостные, уѣздные, губернскіе), помимо собиранія свѣдѣній и составленія “соображеній и заключеній”, возлагалось приведеніе в исполненіе постановленій центральной власти; изданіе мѣстных обязательных постановленій, приостановка дѣйствій частных лиц, направленных к обезцѣненію земельных имуществъ и возбужденіе перед Главным Земельным комитетом вопросов об изыятіи таких имуществ и о наиболѣе цѣлесообразном использованіи их. В воззваніи, сопровождавшем опубликованіе закона, дѣлался нѣкоторый шаг вперед и говорилось, что Учредительное Собрание “найдет *справедливое рѣшеніе* земельного вопроса и установит *новый* земельный строй”. Населеніе вновь призывалось к воздержанію от самовольных дѣйствій в области земельных отношеній и “спокойно, в сознаніи своей отвѣтственности за будущее нашей родины готовиться к приходу истиннаго устроителя земли русской — народнаго Учредительнаго Собранія”. И только в деклараціи Главнаго Земельнаго Комитета 20 мая, т. е. при новом уже коалиціонном правительствѣ, впервые было дано нѣкоторое указаніе, в каком направленіи предполагается справедливое рѣшеніе земельного вопроса — в основу будущей земельной реформы должна быть положена мысль, что всѣ земли сельско-хозяйственнаго назначенія переходят в пользованіе трудового земледѣльческаго населенія**).

*) Идея земельных комитетов возникла еще в годы первой Государственной Думы в трудовой фракціи.

***) В тот же день в Москвѣ состоялось учредительное собраніе востороссійскаго союза земельных собственников, ставившаго себѣ цѣлью спасти от гибели земледѣльческую культуру и сельско-хозяйственную промышленность. На собраніи присутствовало 300 землевладѣльцев, в том числѣ хуторян и отрубников.

На путь известной активности побудила Правительство вступить сама жизнь — проявление в странѣ с большей интенсивностью в апрѣлѣ аграрнаго движенія. Точной статистики этого движенія у нас, конечно, никогда не будет... Вѣдомость Главнаго Управленія по дѣлам милиціи за апрѣль отмѣчает 204 случая земельных правонарушеній против 17 за март*). Статистика эта не дает полной картины уже потому, что систематическія свѣдѣнія о “самоуправных дѣйствіях” на мѣстах стали собираться лишь послѣ циркулярной телеграммы 11 апрѣля министерства внутренних дѣл губернским и областным комиссарам. Насколько она преуменьшает дѣйствительность, можно судить по отдѣльному случаю... Так в дѣлах Главнаго Земельнаго Комитета имѣется сводка свѣдѣній (к 1 августа) о движеніи среди крестьян, составленная Орловской губернской земскою управою на основаніи анкет министерства земледѣлія: для марта в ней отмѣчено 40 случаев проявленія “движенія среди крестьян”, для апрѣля 128... Волна апрѣльских волненій вызвала безпокойство Временнаго Комитета Государственной Думы, обратившагося к министру земледѣлія Шингареву с запросом о мѣропріятіях для предупрежденія “аграрных безпорядков”. Отвѣтъ Шингарева в концѣ апрѣля напечатан у Шляпникова. Министр земледѣлія отмѣчал, что происшедшія аграрныя волненія в нѣкоторых мѣстностях явились “естественным результатом переворота”, когда органы новой власти не могли дать “надлежащаго отпора” стремленіям “безответственных лиц и групп населенія к осуществленію своих чаяній путем захватов и насилій”. “Явленія этого порядка... должны были получить в сферѣ земельных отношеній тѣм большее развитіе, что основаніем, им служит та дѣйствительно наблюдаемая и часто острая земельная нужда крестьянскаго населенія... Можно было ожидать, что аграрныя безпорядки... получат весьма широкое распространеніе и примут острую форму... Дѣйствительность не оправдала этих опасеній, в полной мѣрѣ”, так как по имѣющимся у министра свѣдѣніям “аграрныя волненія не приняли столь широких размѣров”... “Аграрныя безпорядки имѣют мѣсто в отдѣльных мѣстностях — новидимому, в тѣх, гдѣ создалось недружелюбное отношеніе между землевладѣльцами и крестьянами или особенно сильно ощущалась земельная нужда, сравнительно в незначительном числѣ случаев охватывали цѣлыя волости или уѣзды**). При этом крестьяне по большей части прибѣгали не к безвозмездному отобранію владѣльческих земель, а к принудительной сдачѣ им в аренду по назначенной волостным комитетом “справедливой” цѣнѣ, правда весьма пониженной по сравненію с существующей”. Шингарев писал, что министерство, учитывая “всѣ серьезныя послѣдствія” аграрных волненій в частности для “обеспеченія армии и населенія продовольствіем, прибѣгло ко всѣм имѣющимся в его распоряженіи средствам для предупрежденія дальнѣйшаго развитія аграрнаго движенія”. Такими средствами являлись мѣры двоякаго рода: 1) Прекращеніе безпорядков... 2) изданіе в законодательном порядкѣ таких по-

*) Анализ этой статистики, см. в моей книгѣ «Как большевики захватили власть».

**) Отчет Временнаго Комитета указывал, что земельныя эксцессы наблюдались там, гдѣ населеніе было недостаточно освѣдомлено о государственном переворотѣ.

становлений, которыя..., с одной стороны, дали бы какой-нибудь путь удовлетворенія земельной нужды крестьянскаго населенія, а с другой, направляли бы по законному руслу возникшіе у него споры с землевладѣльцами на почвѣ земельных правоотношеній до разрѣшенія земельного вопроса в Учредительном Собраніи. В отношеніи мѣр перваго рода необходимо, однако, принять во вниманіе, что, не имѣя в своем распоряженіи таких органов власти, какіе могли бы прекратить беспорядки путем примѣненія физической силы, находящейся в вѣдѣніи министерства внутренних дѣл...*), да и по существу *не признавая возможным* в условіях переживаемаго времени пользоваться таковою, вѣдомство могло прибѣгнуть только к нравственному воздѣйствію на населеніе... Такого рода обращеніе привело в нѣкоторых случаях к положительным результатам"... "Что же касается мѣропріятій втораго рода — продолжал отвѣтъ Шингарева — то утвержденныя Временным Правительством постановленія: а) от 11 апрѣля о засѣвѣ полей и охранѣ посѣвов, б) от 21 апрѣля об учрежденіи земельных комитетов... Закон 11 апрѣля устанавливает предоставленіе всѣх пустующих земель в распоряженіе мѣстных продовольственных комитетов с назначеніем послѣдними справедливой арендной платы в пользу владѣльцев за занятіе их земель и принятіе за счет государства убытков, понесенных частными владѣльцами от насильственнаго захвата их земель, возлагая вмѣстѣ с тѣм на виновных гражданскую и уголовную отвѣтственность". В заключеніе министр выражал свое "глубокое убѣжденіе", что при болѣе тѣсном взаимодействіи между центральным правительством, мѣстными властями и общественными организаціями, "дальнѣйшему распространенію беспорядков на почвѣ земельных отношеній будет положен предѣл".

Оптимистическое заключеніе министра земледѣлія было преждевременно, ибо такіе палліативы не могли успокоить деревню, которую, помимо реальных требованій жизни, возбуждали идеологи "соціального

*) Относительно «толстовства» министра вн. дѣл надо отмѣтить, что львовскіе циркуляры, отстаивая желательность устройства примирительных комиссій из землевладѣльцев и земледѣльцев при волостных и уѣздных комитетах, очень рѣшительно требовали от представителей власти Временнаго Правительства, губернских комиссаров, отвѣтственных «вмѣстѣ с мѣстными общественными комитетами» за сохраненіе в губерніи порядка «всей силой закона» прекращать проявленія самоуправства... Это поясненіе вызывает необходимость поправок к утвержденію, что Вр. Пр., как только вопрос коснулся собственнических интересов, скинуло мантию непротивленія злу и предписывало своим агентам на мѣстах устранять аграрные беспорядки вплоть до вызова воинских команд. Такое телеграфное предписаніе 8 апрѣля приводит Гучков. Упоминается оно и в «хроникѣ» революціонных событій, которая, очевидно, воспроизводит какое то неточное газетное сообщеніе. Циркуляр Львова, воспроизведенный с подлинника в «Крестьянском движеніи» помѣщен 12 апрѣля, и ни одним словом не упоминает о вызовѣ воинских частей. Недопустимость таких пріемов воздѣйствія признавало не только министерство внутр. дѣл, но и министерство земледѣлія. Это был общій взгляд правительства, совпадавшій с тогдашним общественным мнѣніем. Пѣшеховъ в статьѣ ставил вопрос: «Неужели посылать карательные отряды?» Отчет Временнаго Комитета с удовлетвореніем отмѣчал, что за три мѣсяца не было случая примѣненія силы.

радикализма**). Но на первых порах правительственные мероприятия содействовали значительному ослаблению земельных правонарушений**): данными милиции снижают цифру апрельских выступлений с 204 на 81; в том же соответствии во взятом примѣрѣ Орловской губ. в маѣ случаи движения с 128 снижаются на 39***).

Отчет Врем. Комитета, отмѣчая, что за все три первые мѣсяца не было случая применения силы со стороны правительства, указывал, что земельные примирительные камеры пришлось крестьянам “по душѣ” и имѣли успѣх. Депутаты, объѣзжавшіе провинцію, нарисовали довольно яркую картину настроеній деревни, ея растерянность и отчасти безпомощность, которыя приводили не так уже рѣдко к попыткам самостоятельно рѣшить на мѣстѣ земельный вопрос. “В разъясненіи и точном указаніи выхода из того или другого положенія нужда большая, чѣм во всякой охранѣ”, — подводит итог отчет. Не обобщая фактов, отмѣтим черты, подчеркнутыя в отчетѣ. Часто, напримѣр, владѣльцы и управляющіе крупными имѣніи убѣгали, оставляя хозяйство на произвол судьбы. Крестьяне и сама исполнительная власть затруднялись, как поступить в таком случаѣ: помѣщики спѣшили рубить лѣс, распродать живой и мертвый инвентарь. Деревенскіе делегаты “приходят в город за разъясненіем, заходят в комитеты, к комиссару, в Совѣты Р.С.Д., в партію с.-р. и вездѣ получают различныя указанія”; посылают депутатов в столицу, гдѣ на них обрушиваются “вся шумиха, весь водоворот партійных споров и разговоров”. И отчет рисует бытовую сцену, как односельчане сажают в холодную вернувшася депутата, который проѣздил общественныя деньги и ничего не узнал: “все забыл, что слышал; так много слышал, что... ничего не запомнил”. Нерѣдки случаи, когда совѣтскія деклараціи принимаются за “закон”****). Большинство уполномоченных, как утверждает отчет, вынесли “крайне мрачный” взгляд на волостные комитеты — они не имѣли ни “авторитета”, ни “гражданской отвѣтственности” и легко превращались в “игрушку в руках политическаго агитатора”, причем выразители крайних мнѣній, соответствовавших “чаяніям изголодавшася по землѣ народа”, вызывали наибольшее довѣріе. Другіе па-

*) К числу их слѣдует отнести, конечно, не только большевицких ораторов, но очень часто и эсеровских. Штерн передает «типичное», по его словам, выступленіе на одном из крестьянских съѣздов Херсонской губернии партійнаго публициста Зака, «безапелляціонно» увѣрявшаго сомнѣвавшихся крестьян о достаточности обще-російскаго Земельнаго Фонда для обезпеченія всѣх безземельных, что земли «на всѣх хватит, я точно подсчитал».

**) Вот иллюстрація: Крестьянскій съѣзд в Одессѣ (7 апрѣля — собралось 2000 делегатов) жаловался на наличие огромных участков незасѣянной помѣщичьей земли и на увеличеніе арендной платы. Начальник округа Эбелов всю пустующую помѣщичью землю предоставил крестьянам для засѣва.

***) В рѣзком противорѣчій с этими цифрами стоят данныя, которыя были приведены с.-р. Быховским в августовском докладѣ в Исп. Ком. Совѣта Кр. Деп. Доклад опирался на статистику Гл. Зем. Ком.: у Быковского был огромный скачек в маѣ — с 57 на 450. Примѣр этот, заимствованный из «Изв. Сов. Кр. Деп.», лишь свидѣтельствует о той осторожности, с которой приходится обращаться с газетными отчетами. (См. мою критику методов Милюкова в книгѣ «Гражданская война в освѣщеніи П. Н. Милюкова»).

****) Это отмѣчал упомянутый доклад Быховскаго в Исполнительном Комитетѣ Совѣта Крестьянских Депутатов о земельных комитетах.

блюдатели отмѣчали и иную сторону в скептицизмѣ населенія к волостному земству — “хорошіе” крестьяне не шли на выборныя должности, не до- вѣряя еще новым порядкам; на выборах проявился большой абсентеизм. И в то же время эти пессимистически настроенные наблюдатели должны были отмѣтить и явленіе, противорѣчившее их заключеніям — с воз- никновеніем комитетов “всякіе эксцессы” в деревнѣ прекратились. И на мѣстѣ эксцессов “все болѣе растут приемы мирнаго выживанія и устраненія от земли всѣх крупных и мелких собственников” не исклю- чая отрубников, “повсемѣстную вражду” к которым отмѣчает отчет Временнаго Комитета; устанавливается высокая, завѣдомо непосильная такса на рабочія руки, особая приплата за пользование трудом плѣнных, просто запрещается работа у частных владѣльцев — “не дадим им рабочих, они тогда всѣ, как тараканы, подхонут”. Так деревня подчас осуществляла на мѣстѣ правительственный циркуляр 11-го апрѣля о засѣвѣ пустующих полей...

Это отстояло очень далеко от той “пугачевщины”, о которой, как о чем то неизбѣжном при революціи, в послѣдніе годы стараго поряд- ка так много говорили в самых разнообразных общественных кругах. Если этого не произошло в первый період революціи, не обязана ли Рос- сія такому исходу все же в значительной степени дѣятельности весьма несовершенных организацій на мѣстах?

Не только исконная тяга к помѣщичьей землѣ, не только макси- малистическая агитація пропагандистов “чернаго передѣла”, но и реальныя жизненныя потребности, отмѣченныя Шингаревым, приводили к мѣстному правотворчеству, которое уже существенно расходилось с лозунгом пассивнаго ожиданія Учредительнаго Собранія. Уѣзд- ный раненбургскій комиссар, предѣдательствовавшій в уѣздном исполнителном комитетѣ, в болѣе позднем своем уже июльском докладѣ министру земледѣлія по поводу “шумихи” вокруг уѣзда, выступавшаго “первым” в аграрном вопросѣ, объяснял так причины, побудившія Исполнительный Комитет принять рѣшительныя мѣры к использо- ванію помѣщичьей земли для того, чтобы “не осталось не запаханнаго поля, необраннаго хлѣба”.

“Когда в началѣ марта — писал он — поступили на утвержденіе приговоры о черном передѣлѣ земли и об уничтоженіи арендных дого- воров, комитет рѣшил взять на себя урегулированіе этого вопроса. На засѣданіе были приглашены землевладѣльцы. Под ужасом впечатлѣ- нія о гибели почти 2 мил. пудов зерна (в предыдущем году — утвер- ждало донесеніе — помѣщичій хлѣб погиб в большинствѣ экономій — у одних хлѣб остался в полѣ в рядах, у других сгнил в скирдах), под впечатлѣніем пустующих полей и валяющагося на дворах исхудалаго скота, который поднимали за хвост, и который стал гибнуть во мно- гих экономіях, комитет, послѣ двухдневнаго засѣданія 25-26 марта вынес суровое постановленіе: всю землю и весь живой и мертвый ин- вентарь передать в руки крестьян, а остальное хозяйство, гдѣ это не- обходимо, передать в завѣдываніе довѣренных лиц”. “Такое поста- новленіе — писал комиссар — я нашел непріемлемым для себя и сло- жил полномочія предѣдателя комитета. Это заставило комитет пойти на компромисс: 31 марта вопрос подвергся новому обсужденію”. По-

становлено было исключить всѣх мелких землевладѣльцев, в крупных экономіях веденіе хозяйства оставить за владѣльцами, обезпечив им не менѣе, чѣм 30 дес. в полѣ, и допустить исключеніе для “правильных хозяйств”. Постановлено было обезпечить “хозяйственно надежные” экономіи рабочими руками, оставить в силѣ всѣ арендные договоры. “За рѣдким исключеніем — констатировал комиссар Сухарев — комитету удавалось справиться со своей задачей*).

Рябенбургскій уѣзд был особливо неблагополучен в смыслѣ “крестьянскаго движенія”. Слѣдовательно постановленія уѣзднаго комитета носили специфическій характер. Болѣе показательны поэтому постановленія общегубернскаго (рязанскаго) съѣзда “представителей губернскаго, уѣздных, городских, волостных комитетов, земств и городов, крестьянскаго союза, объединеній кооперативов, Совѣтов Р. и С. Д.”, собравшагося во второй половинѣ апрѣля. Эти постановленія весьма отчетливо сфредѣлили направленіе, в котором на мѣстах рѣшался “земельный вопрос”, и служили знаменующим перстом для политики центральнаго правительства в области временных мѣр. Исходя из положенія, что “земля должна принадлежать всему трудящемуся народу”, и что разрѣшеніе основнаго вопроса о землѣ будет на созываемом в *ближайшем будущем* Учредительном Собраніи, съѣзд “во имя спасенія родины от разгрома внѣшним врагом и защиты молодой свободы от внутренней анархіи” постановил: 1. Признать правильное и полное использование в 1917 году всѣх земельных угодій, независимо от того, кому они принадлежат, вопросом государственной необходимости. 2. Временное, впредь до разрѣшенія земельного вопроса на Учредительном Собраніи, использование путем реквизиціи всѣх пахотных и луговых угодій (в особом “наказѣ” съѣзд пояснил, что под “всѣми земельными угодіями” разумѣются земли всѣх видов: монастырскія, церковныя, удѣльныя, частновладѣльческія и крестьянскія); с предоставленіем всѣх земель, не могущих быть, по заключенію мѣстных комитетов, обработанными, обѣменными и убранными силами самих владѣльцев, в распоряженіе мѣстных (волостных и городских под контролем уѣздных) исполнительных комитетов. 3. Использование в реквизиціонном порядкѣ всѣх указанных земель и лугов на основаніи принудительной аренды с платой, проектируемой мѣстными исп. комитетами**). На мѣстные исполнительные комитеты возлагалась обязанность принять всѣ мѣры к обработкѣ земли, убора урожая и сдачи всего излишка хлѣба “на условіях, объявленных в законѣ о государственной хлѣбной монополіи”. Вмѣстѣ с тѣм съѣзд признал, “необходимым, чтобы Временным Правительством было издано особое распоряженіе о немедленной приостановкѣ покупок, пролажи, залога и даренія земель и лѣсов***). Рѣшеніе съѣзда было сообщено в Петербург через особую делегацію.

*) Постановленія Комитета Правительством 6 апрѣля, было отмѣнено.

***) Из отчета Временнаго Комитета видно, что вопрос о приостановкѣ земельных сдѣлок возникла почти повсемѣстно. С такими ходатайствами обращались на мѣстах к уполномоченным комитета и посылались особые делегаты в центр.

****) Берем три основных положенія из детально разработанной резолюціи съѣзда, приведенной полностью в приложеніи у Шляпникова.

В дни Временнаго Правительства перваго состава лишь намѣчалась еще та общія платформа, которая могла быть выставлена от имени организованнаго крестьянства на первом собраншемся в Петербургѣ 4 мая Съездѣ Совѣтовъ Крестьянскихъ Депутатов, и которая нашла отклик во всей Россіи. Апрельъ и отчасти уже мартъ были періодомъ организационнымъ: На Совѣщаніи Совѣтовъ такая платформа, объединившая разныя теченія революціонной демократіи и противопоставленная неопредѣленной правительственной деклараціи, была, однако, уже выработана. Резолюція, принятая 3 апрѣля, говорила о необходимости “перестроить кореннымъ образомъ” земельныя отношенія: “только... передача земли трудящимся сдѣлаетъ земледѣльца дѣйствительно свободнымъ”. Призывая, что окончательное разрѣшеніе земельного вопроса принадлежитъ Учредительному Собранію, революціонная демократія, представленная на Совѣщаніи, заявила, что поддержитъ “самымъ рѣшительнымъ образомъ в Учредительномъ Собраніи безвозмездное отчужденіе всѣхъ частно-владѣльческихъ земель для передачи ихъ трудящемуся народу, за исключеніемъ владѣній, не превышающихъ максимальныхъ нормъ, каковыя будутъ установлены для каждой области мѣстными демократическими комитетами”. В “переходное время” Совѣщаніе считало необходимымъ распространить конфискацію государственной властью удѣльныхъ и кабинетскихъ земель, теперь же на церковныя и монастырскія земли и изданіе Временнымъ Правительствомъ декрета о прекращеніи впредь до разрѣшенія Учредительнымъ Собраніемъ земельного вопроса всякаго рода земельныхъ сдѣлокъ. Совѣщаніе сказало и относительно созданія на мѣстахъ “до образованія органовъ демократическаго самоуправленія” комитетовъ для урегулированія заработной платы и для устраненія недоразумѣній между частными владѣльцами и крестьянами. Совѣщаніе предусмотрѣло и законъ 11 апрѣля о сдачѣ мѣстными комитетами пустующихъ частновладѣльческихъ земель в аренду или обработку ихъ наемнымъ трудомъ “с помощью владѣльческаго инвентаря” и с оплатой “по установленнымъ комитетами цѣнамъ”. На мѣстные комитеты Совѣщаніе возлагало “обязанность бороться со всякими попытками самочиннаго разрѣшенія на мѣстахъ земельного вопроса”, считая, что “всякое потрясеніе хозяйственной жизни в настоящее время в области земледѣлія можетъ имѣть для государства непоправимое бѣдствіе, усиливая ту проловольственную разруху, которую сейчасъ переживаетъ страна”.

Реалистическая платформа, выработанная Совѣщаніемъ, была далека от аграрнаго максимализма*). Ахиллесовой пятой для правительства оказалось требованіе о прекращеніи земельныхъ сдѣлокъ, противъ чего возражалъ классъ земельныхъ собственников**). Между тѣмъ, если

*) Керенскій вспоминаетъ, что весьма умѣренная «бабушка русской революціи» Брешко-Брешковская весной 17 г. предлагала ему взять «свѣдующихъ людей» и подѣлить землю.

***) До чего характерны позднѣйшія разсужденія кн. Сергѣя Волконскаго — человѣка, котораго нельзя причислить къ лику ретроградовъ. Для него «послѣдующія прикосновенія революціи» представляются менѣе «противными», чѣмъ то, что пришлось испытывать «лѣтомъ 1917 г.», когда помѣщики, «жили у себя, но не были хозяевами — в своемъ карманѣ чужая рука». Мемуарист откровенно говоритъ, что предпочитаетъ человѣка, который придет и

бы сознание большинства, по крайней мѣрѣ, земельных собственников с самаго пачала освоило неизбежность в обстановкѣ 17 г. радикальной аграрной реформы в духѣ, намѣченном совѣщаніем*), если бы Правительство с самаго пачала пошло хотя бы в декларативной формѣ по этому пути и повторило бы заключительную формулу резолюции Совѣщанія — “народ в Учредительном Собраніи рѣшит земельный вопрос в интересах трудящихся масс”; если бы, не предвѣщая даже вопроса в декларативной формѣ, Правительство указало в первом своем воззваніи к крестьянам, что разработка вопроса будет вестись в соответствующем направленіи — в интересах сельскаго трудового населенія**), как рекомендовала Шингареву телеграмма Совѣта Московскаго Сельскохозяйственнаго Общества 16 марта, отправленная под вліяніем полученных свѣдѣній о начавшихся беспорядках — кто знает, может быть, судьба русской революціи “сложилась бы иначе...”***).

скажет: «Я беру у тебя этот плуг, потому что он мой», тому, который скажет: «Я предупреждаю вас, что вы этот плуг продать не имѣете права, потому что он не ваш».

*) Кн. С. Волконскій, представлявшій на съѣздѣ земельных собственников в Москвѣ борисоглѣбскій «Союз землевладѣльцев», характеризует этот съѣзд впечатлительными «какого-то истерическаго крика, безсильнаго шорыва против надвигающейся стихіи». Автор мемуаров к числу «дѣльных» и «практически обоснованных» сужденій съѣзда относит голосованіе по вопросу о «желательности или нежелательности отчужденій помѣщичьей земли в пользу крестьян» — против поднялось только 5 рук. В 17 г. этот вопрос был уже внѣ сферы академических разговоров.

**) Правительственная декларация 6 мая предоставляла Учредительному Собранію рѣшить вопрос о переходѣ земли в руки трудящихся.

***) Революція могла бы пойти по иному — доказывает ген. Головин — если бы Правительство с самаго пачала сдѣлало бы ставку на «крѣпкаго» мужика, т. е. путем принудительной экспроприации передало бы помѣщичью землю в собственность крестьянам. Внѣ сомнѣній при таких условиях революціонный процесс выразился бы в других формах. Но такая постановка вопроса слишком априорна в исторической работѣ. В критикѣ утопичности социальной программы, выдвигаемой военным историком в качествѣ запоздалой директивы революціонному правительству перваго состава, в свое время приходилось указывать, что никакое временное правительство не могло бы провести до Учредительнаго Собранія такой аграрной реформы — ему не на кого было бы опереться: ни «буржуазія», ни «революціонная демократія» его бы не поддержали. Можно ли было найти осязательную поддержку в самой крестьянской массѣ для того, чтобы дѣйствовать наперекор общественным настроеніям? (таким путем могла бы пойти только военная диктатура, для которой в первые революціонные мѣсяцы не было почвы). Опора на крестьян очень сомнительна. Для нашего военнаго историка почему-то является непреложной аксіомой положеніе, что русскій крестьянин по существу своему собственник, совершенно чуждый каким либо социалистическим идеям. Не оспаривая теоретической аргументаціи подобной концепціи, мы указывали, что во всяком случаѣ, как свѣдѣтельству факты, к моменту революціи прошлое — то прошлое, которое охарактеризовал во всеподданнѣйшем отчетѣ за 1904 г. никто иной, как сам Столыпин, еще будучи Саратовским губернатором, словами, что «крестьяне другого порядка, кромѣ общины, не понимают» — далеко еще не было изжито; другими словами было бы рискованно утверждать, что медленный историческій процесс опредѣленно шел в сознаніи массы, той полосы Россіи, гдѣ не было индивидуальнаго землевладѣнія, по пути замѣны «передѣльно уравнительнаго» міросозерцанія частно-собственническим. Мы приводим в противовѣсъ априорным утвержденіям данныя сводки, сдѣланной в августѣ 17 г. Совѣтом Крест. Депутатов, на основаніи 242 реальных крестьянских наказов, а не «интеллигентских измышле-

Настроения крестьянскія в первые мѣсяцы революціи были, как мы видим, скорѣе миролюбивыми и соглашательскими, “случай эксцесов” в деревнѣ тонут в общем сознаниі “отвѣтственности, желанія дѣйствовать организовано и закономѣрно” — доносил в центр саратовскій губернской комиссар, быть может, и склонный к нѣкоторому преувеличенному, официальному оптимизму. Внесем здѣсь ту поправку, которую дѣлает Чернов, приводящій нѣсколько примѣров “идиллических оазисов” из апрѣльских №№ с.-р. газеты “Земля и Воля” о соглашениях на мѣстах между крестьянами и землевладѣльцами о землѣ до Учредительнаго Собранія. (Так в Елецком уѣздѣ крестьяне обязывались обрабатывать и помѣщичьи земли, пользуясь инвентарем владѣльца исполу — помѣщик получал $\frac{1}{4}$ - $\frac{1}{2}$ урожая)*). “Общим правилом были настроенія далеко не соглашательскія” в обоих лагерях — утверждает в историческом обзорѣ бывшій министр земледѣлія перваго коалиціоннаго правительства. Эта поправка хронологически все же должна быть отнесена не к тому времени, о котором мы говорим; тогда и будущій “селян-

ній” — она вся была проникнута идеей отмѣны частной собственности на землю; мы приводили и факты, характеризующіе (по материалам Главнаго Земельнаго Комитета и Главнаго Управленія по дѣлам милліон, относительно аграрнаго движенія в революціонные мѣсяцы) непосредственное дѣйствіе народной массы, когда крестьяне-общинники захватывали наряду с инвентарем и земельными угодьями помѣщиков и принадлежащее столыпинским «огрубникам». При обрисовкѣ первых мѣсяцев для нас, конечно, важнѣе болѣе раннія свидѣтельства, к числу которых относится отчет уполномоченных Временнаго Комитета — и он отмѣчал, что почти на всѣх ранних крестьянских съѣздах безоговорочно принимались резолюціи об уничтоженіи частной собственности на землю; равным образом, он указывал на крайнее враждебное отношеніе в деревнѣ к «хуторянам». Отсюда может быть один только вывод: всякая попытка разрѣшить вопрос о землѣ вопреки «стихій» и искусственно форсировать ломку социально-экономических отношеній, в духѣ предвзятых предпосылок могла породить явленіе, которое можно назвать поножовщиной в деревнѣ и которое не только до безконечности осложнило бы положеніе временнаго революціоннаго правительства, но и устранило бы возможность болѣе или менѣе цѣлесообразнаго рѣшенія земельного вопроса в Учредительном Собраніи.

В нинѣ совѣм постановкѣ тезис ген. Головина частично мог бы найти себѣ подтвержденіе в наблюденіях извѣстнаго публициста и общественнаго дѣятеля Юга Россіи Штерна (к.-д. по политической своей принадлежностн); но послѣдній говорит не о правительственной программѣ, а о партійной. По мнѣнію Штерна его партія во время революціи не сумѣла взять на себя защиту интересов мелких собственников: если бы к.-д. оперлись на мелкое крестьянское землевладѣніе, они организовали бы из него активную силу, которая могла бы оказати сопротивление наступленію коммунизма (т. е., создать ту «контр-революціонную» силу, о которой говорит военный историк). Но круг наблюденій Штерна был ограничен (он рассказывал о «громадном» успѣхѣ партійных ораторов на собраніи крестьян-собственников, преимущественно нѣмцев-колонистов, в Одесском уѣздѣ). Поэтому, вѣроятно, он легко и дѣлал нѣсколько обобщающее заключеніе, что «ничто не указывало, что владѣніе землей рисуется крестьянам непремѣнно на коллективных началах». Россія велика и разнообразна, отсюда вытекала и цѣлесообразность ея районированія в вопросѣ о формах землепользованія.

*) Оазисов по Россіи было не мало. Можно привести лишнее еще свидѣтельство, интересное тѣм, что оно исходит от Коковцева. Он утверждает, что в деревнѣ, в которой он жил, было «совѣм тихо и спокойно. Только чувствовалось недовѣріе».

скій министр” (“мужицкій министр”, как привѣтствовали его с мѣст на Государственном Совѣщаніи), не мало склонный к демагогическому разнуздыванію стихій, не был активным дѣйствующим лицом и на аренѣ еще только появился Ленин со своей прямолинейной проповѣдью брать силою всю “землю”, “не дожидаясь Учредительнаго Собранія” (его открытое письмо делегатам майскаго крестьянскаго съѣзда — этим простым положеніем он замѣнил апрѣльскій тезис о “конфискаціи” помѣщичьей земли). Та опредѣленность в правительственной деклараціи, о которой мы говорим, могла усилить соглашательскія настроенія в деревнѣ и содѣйствовать миролюбивому разрѣшенію до Учредительнаго Собранія практических вопросов, которые ставила жизнь. Во всяком случаѣ она могла быть противопоставлена безответственной демагогіи*). Вплоть до октябрьскаго переворота крестьянская мысль в вопросѣ о землѣ пѣликом не освоила упрощенную схему: грабь награбленное, как, быть может, далеко не вездѣ (особенно на первых порах) освоила и “паньску затію”, ждать *разрушенія* земельного вопроса до созыва Учредительнаго Собранія.

**

Закончив краткое обзорѣніе аграрной политики Временнаго Правительства перваго призыва, мы с большой сознательностью можем отнестись к сужденіям, высказанным по этому поводу главою послѣдующаго состава правительства — и, конечно, в изданіи, которое предназначалось для иностраннаго демократическаго общественнаго мнѣнія. Переворачивая вверх дном “соглашеніе” 2 марта, Керенскій в своей послѣдней книгѣ “L'Expérience Kerenski” удивительным образом доказывает, что именно представители Совѣта, исходя из своей соціологической концепціи о “буржуазном этапѣ революціи”, колебались внести в программу будущаго правительства соціальныя, аграрныя и рабочія реформы. В дальнѣйшем мемуарист доходит до такого искаженія дѣйствительности, что увѣряет, что уже первое революціонное правительство, несмотря на свое “капиталистическое” происхожденіе (это и придает русской революціи тип классически русской), выступило с *иниціативной* радикальной земельной реформы в полном соответствіи с русской революціонной традиціей**).

Оказывается, что проект Ленина, о котором он мечтал в Швейцаріи, правительством “цѣнзовой общественности” был принят к выполненію задолго до того, как большевики разнуздали (“спустили с цѣи”) свою “аграрную революцію”. Первое правительство демократической революціи предоставило самим крестьянам выработать новый земельный порядок — только мнѣніе земельных комитетов имѣло значе-

*) Можно привести немало свидѣтельств в пользу того, что даже вопрос о “выкупѣ” в рядѣ мѣст крестьянами разрѣшался в пользу вознагражденія владѣльцев по “добросовѣстной, безкорыстной оцѣнкѣ”. (Ярославск. губ.).

**) В своей газетѣ «Дни» 5 марта 33 г. Керенскій сдѣлал еще болѣе категорическое, граничащее с абсурдом заявленіе — по его словам, уничтоженіе частной собственности на землю Временное Правительство декретировало в мартѣ мѣсяцѣ.

ніе: всѣ земли подлежали націонализаціи и пользоваться ими наперед могли лишь тѣ, кто их обрабатывал... Может быть, в дни, когда во главѣ коалиціоннаго правительства стоял Керенскій, дѣйствительность и стала только до извѣстной степени приближаться к тому, что говорит Керенскій-мемуарист. Его товарищ по партіи, активный дѣятель Совѣта Крестьянских Депутатов Быховскій утверждал в засѣданіи 7 іюля: “не пройдет одной недѣли, как станут законом всѣ постановленія Всероссийскаго Совѣта Крестьянских Депутатов”.

В дни существованія Временнаго Правительства перваго состава подобныя утвержденія можно было встрѣтить лишь в правых кругах земельных собственников, обвинявших Правительство в том, что оно стоит “на вытяжку” перед комитетом.

IV. Совѣтская позиція.

Мы видѣли, как в жизни создавалось “двоевластіе”. Можно ли это бытовое явленіе принимать за идеологическій фермент для созданія “совѣтской власти?” Очень относительно, ибо авархія на мѣстах, приводившая даже к созданію каких-то автономных городских и уѣздных “республик” (термин отчета Врем. Комитета), свидѣтельствовала больше о хассѣ, который должен был понемногу исчезать по мѣрѣ того, как утрясалась взбаломученная переворотом народная психологія. В сущности он и исчезал. Керенскій с полным правом мог говорить, что максимум безвластія дало правительство перваго состава — правительство “цензовой общественности”. Налаживался разрушенный переворотом административный аппарат, начинало нормально функціонировать демократическое общественное самоуправленіе. И неизбѣжно процесс превращенія “контролирующих” совѣтов в органы “управляющіе” должен был ослабѣть. Неоспоримо, авторитет Совѣтов, принимавших столь активное участіе в разрѣшеніи экономических конфликтов (мѣстами они выполняли роль не существовавших профессиональных союзов) и в борьбѣ с продоловольственной разрухой, значительно вырос в глазах населенія. И все же этот авторитет в большей степени был авторитетом не правительственным, а революціонным, когда совѣтская резолюція в центрѣ принималась на мѣстах, как директива для “фактическаго осуществленія” — не случайно, напримѣр, совѣт в м. Б. Токмак Таврической губ. 2 апрѣля запросил столичный центр (в данном случаѣ Москву): “вводится ли 8-часовой рабочей день *революціонным* путем, прибѣгая даже к забастовкам?”

Всякая гипербола в исторіи стоит на грани фантастики. Безконечно преувеличено мемуарное воспріятіе Суханова, утверждающаго про Петербург, что совѣтскій “аппарат управленія” стал произвольно, автоматически, против воли Совѣта вытягивать официальную государственную машину, работавшую все болѣе и болѣе холостым ходом “...приходилось брать на себя отдѣльныя функціи “управленія”, создавая и поддерживая в то же время фикцію, что это “управляет” Маріинскій дворец”. Для характеристики “мартовских будней” ограничимся лишь приведеніем оговорки, сдѣланной самим мемуаристом: “пока дѣло далеко еще не дошло до таких предѣлов, пока от государственных “огра-

иченных” дѣл можно было еще категорически отказываться”. Так было в столичном центрѣ, гдѣ бился пульс революціи. Знаменательно, что сам Ленин в період гворенія своих апрѣльских “тезисов” приходил к выводу, что именно опыт на мѣстах должен явиться “образцом” “для подталкиванія центра”. Матеріалы, собранные Юговым (“Совѣты в первый період революціи”) дают цѣлый асортимент иллюстрацій к этому “опыту на мѣстах”. Если отбросить всѣ вышесдѣланные поясненія и оговорки, можно, пожалуй, придти к выводу, что “двоевластіе” так или иначе проходило “сверху до низу” (итог Троцкаго в исторіи февральской революціи), но нельзя заключить, что в апрѣлѣ эпоха “фактического двоевластія” стала смѣняться эпохой “фактической полноты власти” совѣтов (Суханов). Тот же метавшийся в поисках себѣ политическаго “пристанища” в первые дни революціи между меньшевиками и большевиками “около партійный” Суханов утверждает, что лозунг “вся власть совѣтам” в глазах большевиков “совершенно не имѣл того смысла, какой в него вкладывал Ленин”, т. е., значенія “государственно-правовой системы” — замѣны “парламентской республики”, “республикой Совѣтов”: это было “просто очередным политическим требованіем организациі правительства на подотчетных Совѣту элементах”.

На первых порах при общей неясности конструкціи временной революціонной власти в представленіях и в центрѣ и на мѣстах получалась довольно большая путаница. Если с фронта со стороны команднаго состава запрашивали разьясненія центра о взаимоотношеніи Правительства с Временным Комитетом, то со стороны солдатских масс спрашивали такого же разьясненія в отношеніи к совѣтам. “Большое недоумѣвіе — говорил в засѣданіи Исполнительнаго Комитета 14 марта представитель совѣта из Пскова — вызывает неясность, кто составляет правительство — Временное Правительство или Совѣт Р. С. Д., или оба вмѣстѣ”. “Солдаты не знают кого слушать” — заявлял в засѣданіи 15-го представитель одной “маршевой роты”...

Любопытно, как на Совѣщаніи Совѣтов один из делегатов 12-й арміи Скачков, соц.-демократ из числа противников большевиков, явно принадлежавшій к средѣ интеллигентной, сторонник созданія коалиціоннаго правительства и всемѣрной поддержки центрального революціоннаго правительства во имя интересов войны, весьма своеобразно разьяснял форму государственнаго управленія, которая была создана революціей. По его мнѣнію и тѣх, очевидно, кого он представлял, революція создала “неписанную конституцію” с однопалатной системой и исполнительным органом ея — министерством: “палата депутатов — это вот собраніе всѣх Совѣтов Р. и С. Д., это есть единственная наша палата, которую выбрала революція. Единственное отношеніе со стороны этой палаты к Временному Правительству может быть такое, что Временное Правительство является отвѣтственным министерством этой палаты депутатов. Вот таким образом у нас, на мѣстах, в арміи, в большинствѣ случаев и считали, что правительство выражает волю Совѣта Депутатов, но здѣсь доклад Стеклова внес в наши умы огромную смуту: мы видим, что тов. Стеклов доказывает, что правительство вовсе не выражает воли Совѣта Депутатов, не исполняет ее, хочет устранить ее.

И вот теперь мы уже поставлены в совершенно безвыходное положение. Когда мы вернемся назад, нам, в окопах, придется разбираться в каждом постановлении правительства, положена ли на него марка Совета Депутатов или не положена, с его разрѣшенія или не с его разрѣшенія. Вы понимаете, в такой обстановкѣ разрѣшить этот вопрос является совершенно невозможным, и мнѣ кажется, что единственно, что мы можем предложить Совету Р. Д. это приложить всѣ усилія к тому, чтобы воля Временнаго Правительства не расходилась с волею Совета Депутатов... Нам не важно, из каких слоев выбрано само правительство, не важно, кто его лица. Нам важно то, что оно должно выражать волю революціоннаго движенія, а если оно не будет выражать, то оно не должно существовать”.

Выступление Скачкова стояло в прямой связи с обсужденіем одного из центральных вопросов Советсванія — об отношеніи революціонной демократіи к правительству. Официальным докладчиком от Исполнительнаго Комитета выступил Стеклов, который должен был обосновать предлагаемую Советсваніем не слишком определенную резолюцію о политической цѣлесообразности поддержки Временнаго Правительства, “представляющаго интересы либеральной и демократической буржуазіи” — “постолько, поскольку оно, в согласіи с Советом, будет неуклонно идти в направленіи к упроченію завоеваній революціи и борьбы с “контр-революціонными силами”. “Очень странный доклад” (это признает и Суханов), сдѣлал этот достаточно безпринципный в житейских отношеніях демагог, тогда еще не числившійся в рядах крайних, но стоявшій в своем революціонном радикализмѣ почти всегда на грани поддержки большевизма. Доклад был интересен по фактам, пожалуй даже объективен в той своей исторической части, которую приходилось уже выше цитировать — в “наивном и откровенном признаніи” (по выраженію Милюкова), почему Демократія не захватила власти в первые дни революціи. В послѣдующем, отвергая измышленія “черносотенной и либеральной буржуазіи”, которая, стремясь посеять раздор, инспирирует и клеветает (“силетничает”) о двоевластіи (формально его нѣтъ, а если оно и существует, то как выраженіе стремленій двух политических сил), Стеклов выступил с обвинительным актом против таившихся в нѣдрах правительства контр-революціонных потенцій... Докладчик “улавливал нежелательные отгѣнки” в нѣкоторых министерских рѣчах, намекая на таинственный “организующій центр”, отказываясь “пока” его назвать и видѣл, наконец, угрозу революціи и “ложной гуманности” буржуазнаго правительства: это правительство не издало, на примѣр, “декрета, объявляющаго вѣтъ закона всѣх генералов — врагов русскаго народа, которые дерзнут поднять (все в будущем времени) святотатственную руку на русскій народ и завоеванія его революціи”. Это правительство, “без вѣдома и согласія Совета”, оставляло на свободѣ (правда, временно) “под личным наблюденіем министра юстиціи” стараго генерала Иванова*)... Недоволен был Стеклов и отношеніем к династіи, введшей в Россіи “крѣпостное право” и пр. и

*) В «Извѣстіях», т. е. тот же Стеклов писал об освобожденіи «завѣдомога преступника», обвинявшагося «в самом тяжком преступленіи против народа».

пр. Одним словом, официальный доклад от имени Исп. Комитета представлял собой, как выразился с.-р. Гендельман, оговорившийся тут же, что он "отнюдь" не собирается "защищать правительство", "не дѣловой" анализ, а "какой-то фельетон", которым Стеклов "увеселял" собравшихся. Было немного "забавно", но и "скучно" слушать стекловских lamentаций и "разоблачений" происков и козней контр-революции — спереди, сзади, с боков, с высоты" и его соратнику по выработкѣ соглашения 2 марта, Суханову. Хотя увеселяющія мѣста доклада Стеклова и срывали аллодисменты (иногда даже бурные, как отличает стенографическій отчет — аллодисменты срывали и тѣ, кто осмѣивал увеселительный тон демагога и порицал Исполнительный Комитет, который выпустил такого страннаго докладчика), они привели в смущеніе лидеров Исполнительнаго Комитета, предварительно заслушавшаго тезисы доклада "весьма наскоро". В самом дѣлѣ вмѣсто того, чтобы защитить предлагаемую резолюцію, Стеклов, с азартом опровергая ее, неожиданно заключил: "надѣюсь, примете резолюцію, которую я имѣю честь предложить вам от имени Исполнительнаго Комитета", а у слушателей по словам Гендельмана, создавалось опредѣленное впечатлѣніе: "Временное Правительство нужно арестовать и посадить туда, гдѣ сидят Протопопов и Щегловитов". В залѣ воцарилось "полное недоумѣніе". Явилась мысль выставить содокладчика. Намѣтилась кандидатура Суханова — очевидно, считался желательным оратор из числа тѣх, кто вел переговоры 2 марта, и побавлялись неожиданностей, к которым был склонен "роковой человек", третій ночной партнер Соколов... Из этого ничего не вышло, ибо тезисы будущаго меньшевика-интернационалиста без комическаго элемента, одобренные "в общем" предварительно лидером большевицкой фракціи Каменевым, были забракованы идеологическим вдохновителем позиціи Исполнительнаго Комитета, каким сдѣлался вернувшійся из ссылки бывшій депутат Думы Церетелли. Его позицію Суханов охарактеризовал словами, будто бы ему сказанными Церетелли по поводу проектировавшагося содоклада: "вы, конечно, должны говорить о необходимости соглашения с буржуазіей. Другой позиціи и другого пути для революціи быть не может. Вѣдь вся сила у нас. Правительство уйдет по мановенію нашей руки. Но тогда погибель для революціи".

Спасать положеніе и выправлять линію взялся сам Церетелли, выступавшій, однако, в серединѣ преній и послѣ выявленія позиціи "крайне лѣвых", т. е., фракціи большевиков. Официальным представителем послѣдних был Каменев, выразившій центральную, до нѣкоторой степени компромиссную позицію в своей партіи. Тактически она не совпадала с "апрѣльскими тезисами" вскорѣ прибывшаго в "запломбированном вагонѣ" Ленина*). "Никакой поддержки Временному Пра-

*) См. мою книгу «Золотой иѣменкій ключъ к большевицкой революціи. До пріѣзда Ленина единства среди большевиков не было. Были и свои «лѣвые» и свои «правые», боровшіеся против лозунга превращенія имперіалистической войны в гражданскую». «Оборончески» настроенные элементы стояли и за поддержку Времен. Правительства. Расхожденіе опредѣлилось совершенно ясно на состоявшейся наканунѣ открытіи Совѣщанія Совѣтов партійной конференціи, гдѣ обсуждался проект вносимой большевиками на это совѣщаніе резолюціи. Средняя линія проходила через Каменева, он и выбран был докладчиком на Совѣщаніи.

вительству”, — открыто провозгласил Ленин. Прямолинейность вождя у Каменева была завуалирована. “Мы не хотим сейчас свержения этого Временного Правительства” — заявлял Каменев, но, “если не берем инициативы какой либо революционной борьбы”, то “есть другой фактор, который опредѣляет положение”. “Мы дышим атмосферой контр-революціи”, организуемой “за спиной” правительства и начавшей свои атаки против демократіи (правительство попустительствует этим контр-революционным попыткам). Совѣт является “зачатком революционной власти самого народа”, и резолюція Совѣщанія должна говорить не о поддержкѣ Временного Правительства, а в предвидѣніи неизбежных столкновений призывать представителей всей демократіи сплотиться вокруг организующагося центра революціи, которому *неизбѣжно* выпадет на долю взять на себя отраженіе царизма и “буржуазной контр-революціи”.

“Истерическая” (по характеристикѣ одного из ораторов) в политическом отношеніи резолюція большевиков вызвала в собраніи недоумѣніе: чего хочет теченіе, представленное в Совѣщаніи Каменевым и подмѣнившее вопрос об отношеніи к Временному Правительству вопросом об отношеніи к Совѣту? “Не поддерживать — значит свалить, а этого Каменев не хочет”. (Провинціальный большевик из Екатеринбургa Сосновскій выразился еще опредѣленнѣе: “может ли сейчас идти вопрос о том, чтобы свергнуть настоящее правительство? Я полагаю, двух мнѣвій здѣсь нѣтъ и не было — об этом никто не поднимает рѣчи и не поднимет”). Если бы резолюція, предложенная Каменевым, голосовалась, очевидно, она собрала бы еще меньше голосов, нежели баллотировавшаяся перед тѣм резолюція о войнѣ: за резолюцію большевиков высказалось тогда 57 членов собранія, против 325 за резолюцію Исполнительнаго Комитета при 20 воздержавшихся (с.-д. интернационалистов). Вмѣстѣ с большевиками голосовали и будущіе “лѣвые соц. революціонеры”, которых Шляпников исчисляет цифрой 20*).

Развернувшіяся пренія дали широкій спектр разногласій. На них имѣет смысл остановиться, так как из стенографическаго отчета выносишь нѣсколько иное впечатлѣніе, чѣм то, которое получаешь при ознакомленіи с картиной, набросанной мемуаристами. Всероссийское Совѣщаніе — это “финал демократическаго фронта” по мнѣнію Суханова; в дѣйствительности же значительная часть представителей провинціальных совѣтов и армейских частей горячо отстаивала “демократическій фронт”. Во имя единства была выдвинута идея коалиціонной власти. В центрѣ ее отстаивал один только представитель “трудовой группы” Брамсон. Отмѣчая значеніе “организующих центров в лицѣ Совѣтов” (без них “Бог вѣсть, в какой. может быть, анархіи была бы наша страна”), Брамсон призывал “главных дѣятелей социалистических партій”, сойтис с “пути критики” и найти “достаточно мужества” принять и на себя “ствѣтственность” в переходное время в управленіи страной, “не затуманивать” создаваемаго положенія страхом перед мнимыми “мрачными тѣнями контр-революціи”, а предложить “реальный план

* Эта цифра очень показательна, если сравнить число большевических представителей, официально засѣдавших в президіумѣ Совѣщанія — 4 на 6 меньшевиков и 2 эс-ров.

активных определенных действий"... для того, чтобы вывести страну на "новый путь радостного, светлого и спокойного существования".

"Зоркий, бдительный страж народной революционной воли" в среде "противоборствующих сил" будет лучшим средством разрушить "гниздо контр-революции", если таковое имеется. Другими словами Брамсон предлагал расширить базу демократического представительства, имея в виду привлечение в его состав социалистических деятелей, помимо Керенского.

Идея расширения состава правительства встретила большое сочувствие в собрании — о нем говорило немало представителей с мест, но по разному мотивируя такую необходимость. Делегат Венцовский (кого он представлял не указано), как будто, правильно определял происхождение "двоевластия". "Ясно было заранее", что каждая сила, участвовавшая в переворотѣ, будет по своему толковать его послѣдствія. "Двоевластіе" произошло от того, что в правительство вошли лица, в сущности не желавшія революціи. Надо, чтобы в правительствѣ был не один только "заложник демократіи". Когда создастся коалиціонное правительство, которое будет выражать и волю пролетаріата, и волю революціоннаго крестьянства, и волю революціонной арміи, и волю всей демократіи, тогда его представители "меньше всего" будут "нуждаться в соглядатайствѣ". Трудовик Адамов-Френкель, говорившій от имени Псковскаго совѣта, сдѣлавшагося центром всего Сѣвернаго фронта, указывая на опасность конфликта, когда дѣйствующая армія будет поставлена в положение частью идти за Врем. Правительством, а частью за Совѣтами, призывал оказать на Врем. Правительство и на Петроградскій Совѣтъ давленіе, пока "не поздно", в цѣлях достигнуть вхожденія в правительство представителей "влиятельнѣйших социалистических партій". Титов (с.-р. из Уфы) был увѣрен, что резолюція, предложенная от имени Исполнит. Комитета, не будет принята, ибо "докладчик сдѣлал слишком много для того, чтобы большинство нашего собранія высказалось против этой резолюціи". По мнѣнію уфимскаго делегата, большинство будет удовлетворено резолюціей о вхожденіи в минуту исключительной важности и отвѣтственности вождей Исп. Комитета в состав Врем. Правительства, при чем им гарантирована "безусловная поддержка", "безусловное повиновеніе". "Это предложеніе — говорил делегат — является мнѣніем, думаю, большинства солдат". Оно не встретит противодѣйствія со стороны Правительства, заявившаго в лицѣ Керенскаго, что Правительство "ничего не имѣет против того, чтобы в любой момент представители Исп. Комитета вошли в его состав (такого заявленія Керенскій, передавая Совѣщанію от имени Правительства "низкій поклон всей демократіи" рабочим, солдатам и крестьянам" — не дѣлал). Исполнительный Комитет "держится той точки зрѣнія, что лишь тогда он может принять власть в свои руки, когда Временное Правительство окончательно дискредитирует себя в глазах всей Россіи, т. е., пока гром не грянет, мужик не перекрестится... Но мы не должны допустить, чтобы над нашей родиной, разразился громовой удар". Представитель екатеринославскаго гарнизона Каменскій огласил резолюцію, вынесенную 55 тысячами солдат гарнизона: "Совѣтъ С. Д., в полном согласіи с дѣятельностью общественных, рабочих и крестьян-

сихъ организацій, поддерживает Временное Правительство вооруженной силой, укрѣпляет всѣ занятія им до настоящаго времени позиціи, а также всѣ его начинанія на благо родины, крестьян и рабочих". "Я удиляюсь — говорил делегат, — когда говорят о сдвигѣ Временнаго Правительства вправо так, как в рѣчи вчерашняго докладчика. Я прямого указанія на этот сдвиг не видѣл"... Екатеринбургскіе солдаты заявляли, что "пока война, будем поддерживать это Временное Правительство", "не скрывая желанія усилить состав этого правительства за счет лѣвых элементов". Другой представитель екатеринславскаго гарнизона "вполнѣ присоединился" к мнѣнію Брамсона. Представитель бердичевского гарнизона с.-р. Усов, разсматривавшій вопрос о правительствѣ "не только с точки зрѣнія революціи и ея достижений, но и с точки зрѣнія обороны страны", говорил о вредѣ двоевластія и необходимости авторитетнаго правительства, которое обезпечило бы "защиту страны, иначе через 2-3 мѣсяца страх сметет достижения революціи"; "опасность революціи не в Почаевской лаврѣ, а в разгромѣ". Министерство, сформированное "почти цѣликом из представителей крупной и либеральной буржуазіи", не может пользоваться "довѣріем всей страны". Представитель 10-й арміи Котляров, не касаясь коалиціи, сказал, что он уполномочен заявить, что армія "искренне вѣрит" первому Правительству свободной Россіи и будет всеми имѣющимися в распоряженіи арміи средствами поддерживать Правительство во всѣх его начинаніях в дѣлѣ укрѣпленія добытой "великой свободы и проведенія демократических реформ" — будет поддерживать "до тѣх пор, пока оно будет идти в интересах русской демократіи и, если оно отступит на шаг, тогда мы от присяги откажемся и станем на сторону Совѣта Р. С. Д. и будем признавать его правительство". Раздался на совѣщаніи и голос солдата дѣйствующей арміи, внушительно прозвучавшій, о полном довѣрїи существовавшему правительству без каких-либо оговорок: "Особая, почти миллионная армія велѣла мнѣ передать — заявил делегат Новицкій, — что она вѣрит Временному Правительству, ибо это Временное Правительство создалось самой этой революціей, нам дала этих людей революція; это — лучшіе сыны родины". Новицкій сдѣлал свое оглашеніе в связи с обсужденіем резолюціи о войнѣ и не выступил при обсужденіи вопроса об отношеніи к правительству. Не выступил по общему вопросу и с.-р. Жидков, представитель ташкентскаго совѣта, но мы имѣем "наказ", который был дан 22 марта делегатам, посылаемым на Совѣщаніе. Совѣтскій изслѣдователь, его приводящій (Югов), считает постановленіе ташкентскаго совѣта, выразительное в своих "кадетских формулировках", даже типичным для того времени. Ташкентскіе совѣты Сол. и Раб. Депутатов призывали всѣх, к "организованной спокойной работѣ совмѣстно с Временным Правительством", объявляли о своей "полной поддержкѣ Временнаго Правительства во всѣх его мѣропріятіях, направленных к осуществленію объявленной им программы": "всякая попытка сверженія его или препятствія ему в его работах встрѣтит наше крайнее сопротивленіе". Относительно "военно-рабочих организацій" в наказѣ говорилось: "это — учрежденія совѣщательныя и контролирующія, главная задача пока: поддержка Временнаго Правительства в

объявленной им платформѣ и *крайнее* сопротивление к захвату власти у Временнаго Правительства, как справа, так и слѣва”.

Ряд ораторов выступал против коалиціи, также по разному мотивируя свое отрицательное отношеніе к вхожденію социалистов в правительство. Вот видный московскій с.-р. Гендельман, видѣвшій лишь “количественную” разницу между предложеніем коалиціонистов и большевиков. “Опасность контр-революціи — утверждал московскій делегат — в том будет, если мы возьмем на себя тѣ задачи, с которыми мы не справимся”. Соц.-революціонеры считают вопреки представленіям большевиков, что происходящая революція не может быть доведена до “революціи социальной” и слѣдовательно придется “работать в рамках буржуазных классов”. При таких условиях нельзя давать совѣтскаго “авторитета” тѣм мѣрам, которыя носят “буржуазный характер” и тѣм укрѣпляют позицію Временнаго Правительства. Предсѣдатель московскаго Совѣта меньшевик Хинчук также говорил о неужности “коалиціоннаго министерства”, “согласительных мѣръ” и “совмѣстных работ”: дѣло в силѣ революціонной демократіи; чѣм сильнѣе будет оргавизованное давленіе, тѣм скорѣе Временное Правительство будет осуществлять предъявляемыя ему требованія. По иному ставил вопрос читинскій с.-р. Пумпянскій: “Принять сейчас коалиціонное министерство — это значит понизить гребень революціонной волны... Это значит провести Учредительное Собраніе не в атмосферѣ революціонной... такая чрезвычайно важна для демократіи”. “Дожью” называл Пумпянскій вопрос о двоевластіи, поднятый буржуазной печатью: “Гдѣ примѣръ, чтобы Совѣтъ Рабочих издал какой-нибудь положительный приказ?” “Быть может, Совѣтъ Р. Д. допустил нѣкоторую маленькую безтактность — это возможно, но это не принцип, а техника дѣла”. Нѣкій Теплов (представительство не указано) был против “ширмы”, которой явится коалиціонное правительство. Он и против довѣрія правительству, составленному из политиков “высокаго уровня”, которые пошли “на такой политическій шаг” во избѣжаніе “с самаго начала разрыва с революціонной демократіей”: “они согласились на все, но это не значит навсегда”. Революціонная демократія должна установить “строгій контроль” над дѣятельностью Правительства и заявить, что поддержит тѣ шаги, которые будут дѣлаться в направленіи закрѣпленія революціонных завоеваній, ибо “мы не вѣрим в то, что Гучков и Шульгин, если они поѣхали в началѣ переворота для переговоров с Романовыми, то это не значит еще, что они не пойдут к отпрыскам Романовых и вообще к той буржуазіи, которая безусловно заинтересована в восстановленіи, если не абсолютной царскѣй монархіи, то во всяком случаѣ конституціоннаго строя”.

Оригинальную аргументацію против коалиціи, во имя “политическаго реализма” развил одесскій делегат меньшевик Сухов. Это была единственная серьезная рѣчь против коалиціи — достаточно догматическая, но без тѣх трафаретных и шаблонных “словесных заклинаний”, которых было слишком много в ораторских выступленіях квалифицированных представителей “революціонной демократіи”. Для него вхожденіе социалистов во Временное Правительство было таким же “политическим максимализмом”, как и желаніе “передать” Совѣтам

Р. и С. Д. всю власть. “Политическій авантюризм”, он считал “смертным грѣхом” перед русской революціей. Сухов отмѣчал, что революція “первая ступень”, только “начало пробужденія общественнаго сознанія” и “поэтому при поверхностном взглядѣ на вещи кажется, что есть только одна сила на сценѣ — пролетаріат, да рядом с ним армія”, которая до сих пор ощущает “иенное, неопредѣленное стремленіе к свѣтлому будущему, но никак не больше...” “Сейчас многія силы еще не мобилизованы... но онѣ проснутся, и тогда соотношеніе сил может измѣниться не в нашу пользу... Если мы увлечемся нашей властью сейчас, нашим могуществом, то... от Временнаго Правительства мы можем, быть может, требовать любой закон, надавив на него, как слѣдует... Но... измѣнится обстановка, и то, чего мы добились, пойдет обратно. Это будет дезорганизаціей масс, люди потеряют вѣру в дѣло, а тѣ классы, жизненные интересы которых мы нарушили, не учитывая правильно историческую обстановку, они пойдут против нас, и в этом... может крыться зерно контр-революціи. Надо обладать большим политическим тактом, можно оказывать давленіе, но надо точно обрабатывать, дѣйствительно ли мы стремимся к тому, что достижимо не только в условіях временно созданных, но и в условіях, которыя будут немедленно, в послѣреволюціонное время”, “надо помнить, что мы не вся Россія” — “мы только социалистическій — да и не всегда социалистическій авангард революціонной демократіи”... “Если мы — демократія, если дѣйствительно хотим дѣлать общенародное дѣло, то узурпировать власть, таким образом, как есть искушеніе это сдѣлать, мы не имѣем права”. Вхожденіе социалистов в министерство, оратор считал огромной ошибкой. Они должны были бы своими социалистическими руками дѣлать несоциалистическое буржуазное дѣло, и это было бы “гнѣбелью довѣрія демократіи и социалистических партій к своим вождям. К ним предъявляли бы требованія невыполнимыя”... “Посмотрите на положеніе Керенскаго... развѣ он не горит все время, развѣ ему заодно со всѣми не выражается недовѣріе? Один человек пошел туда и ему плохо приходится там, плохо под нашим давленіем”. “Буржуазное дѣло” должны выполнять “люди из буржуазіи” и насколько Совѣт будет “осуществлять жизненные требованія демократіи”, он получит поддержку страны и “давленіе” на правительство будет дѣйствительным. Не надо только “афинировать этого давленія, не надо опьяняться властью, позволять себѣ таких спец, как вчера: слыша вчера вызов Врем. Правит., я почувствовал: вот люди, опьяненные властью, которые, неожиданно получив в руки власть, начинают пускаться на эксцессы”*)).

На собраніи была высказана нѣсколькими представителями с мѣст точка зрѣнія, принципиально, может быть, и далекая от коалиціонной идеи сотрудничества и отстаивавшая скорѣе созданіе однородной демократической власти, но фактически проводившая коалиціонный принцип, поскольку он считался необходимым в создавшейся конъюнк-

*) «Внѣфракціонистъ» соц.-дем. из Гомеля Севрук, от имени большеви- занствующей группы Совѣщанія, требовал, чтобы правительство, избранное по соглашенію с Совѣтом, явилось на засѣданіе и дало бы «отчет» представителям революціонной Россіи. Баллотировкой предложеніе это было отвергнуто.

турѣ “активнаго сочувствія” и “содѣйствія” со стороны “либеральной буржуазіи”. Так, делегат одного из провинціальных совѣтов Попов говорил о необходимости существованія “сильной и свободной от всякаго вліянія” (власти) правительства, Временное Правительство это “душа новой Россіи”, это ея глаза, это — центр, около котораго должна группироваться вся русская демократія”, а чтобы это было так, туда должна войти “настоящая демократія”, а не тѣ, которые “покраснѣли за 30 дней”. “Двоевластіе призрачно — утверждает Звѣрев. Дѣло не в контролѣ над правительством; само правительство должно быть “единым полновластным органом”, исполняющим волю революціонной демократіи. К числу сторонников такой сильной власти принадлежал, конечно, и упомянутый выше Скачков, который обосновал концепцію о “неликанной конституціи”, созданной революціей.

В этой гаммѣ многообразных мнѣній Церетелли стремился не всегда удачно вывести “среднюю” линію. Совѣтскій лидер исходил из положенія, что жизнь еще не измѣнила того исходнаго пункта, который заставил в дни переворота Совѣт пойти на соглашеніе с “буржуазіей” и признать Временное Правительство “носителем власти революціонной Россіи”. При существующем соотношеніи сил, Совѣт по мнѣнію Церетелли мог бы теперь “даже захватить власть”, но “разум революціи” заставлял исходить из соображенія о том, что “можно удержать и закрѣпить, а не на мгновеніе только завладѣть”. Он не дѣлал отвѣтственным Правительство за ту кампанію против Совѣта, которая диктовалась “узкой своекорыстной политикой нѣкоторых кругов буржуазіи”*)).

Акты Правительства свидѣтельствуют, что оно идет на встрѣчу общедемократическим стремленіям, и говорить о том, что “в настоящий момент уже назрѣла та пора, когда мы должны Временное Правительство разсматривать, как кучку, выражающую своекорыстные интересы отдѣльной части буржуазіи”... значит не видѣть того, что совершается. Правительство творит “общенародное дѣло” и “как у пролетаріата оказалось достаточно сознанія для того, чтобы пѣнить единеніе общенародных сил”, так же есть это сознаніе до настоящаго времени в тѣх “кругах буржуазіи, которые представлены Временным Правительством и которые играют доминирующую роль”. “Я не утверждаю — заканчивал Церетелли, вступая на рискованный путь предположеній, — что это положеніе сохранится. Быть может, тѣм кругам буржуазіи, которые толкают Временное Правительство на безотвѣтственные шаги, на гражданскую войну... удастся достигнуть своего; быть может, общественное мнѣніе, на которое опирается Временное Правительство, измѣнится, сдвинет их нынѣшнюю политику на иныя рельсы. вот... тогда и настанет момент, когда Совѣты Р. и С. Д. вступят в конфликт с Временным Правительством — тогда за нашей спиной будет весь народ, и Временному Правительству останется уйти, и будет создан новый орган общенародной власти”.

*) Имѣлась в виду интенсивная кампанія части петербургской печати против 8 часового рабочаго дня, создавшая довольно напряженную атмосферу в столицѣ и грозившая осложненіями в отношеніях между рабочими и солдатами (о ней было сказано в связи с разсмотрѣніем вопросов, касающихся войны).

Будущій “благородный рыцарь” (слова Потресова) коалиціи не обмолвился о ней ни словом и не отозвался на призывы, шедшіе из собрания. Он обосновал лишь правильность позиціи, занятой Исполнительным Комитетом, логичность которой была дискредитирована выпадами против Временнаго Правительства официальным докладчиком. “Стеклов и Каменев, Каменев и Стеклов — констатировал представитель 12-й армии Кучин — по существу постановки ими вопроса о взаимоотношеніях Совѣта Р. и С. Д. и Временнаго Правительства, представляющаго собой одну совершенно опредѣленную, ничѣм друг от друга не отличающуюся политическую линію” Кучин настаивал на том, чтобы резолюція Совѣщанія дала бы “ясный и опредѣленный отвѣтъ” на вопрос о взаимоотношеніи между Временным Правительством и Совѣтом: надлежит признать с одной стороны, что Временное Правительство “является законной, признанной властью..., которой мы сами поручили власть”; с другой, что “Совѣтъ Р. и С. Д. или иной орган, который в дальнѣйшем будет представлять революціонную демократію”, активно “будет поддерживать Временное Правительство, как законный орган, осуществляющій программу в духѣ требованій демократіи”.

Начались закулисные переговоры лидеров фракцій. В гуцу их мы проникнуть не можем. “Средняя” линія во имя призрачнаго уже единства революціоннаго фронта стремилась нивелировать разногласія и под одно знамя поставить несоединимое*).

В результатѣ получился компромисс, не отвѣчавшій дѣйствительному взаимоотношенію сил и вовсе не соответствовавшій настроенію большинства собранія. То, что в первоначальном текстѣ резолюціи заключалось “в скрытом видѣ”, как выразился докладчик, тѣм же Стекловым, в заключительном словѣ, в новой формулировкѣ было уже отчетливо развернуто. Такой компромисс удовлетворил большевиков, ибо даже виѣшняя словесная формулировка пункта о “контролѣ” и “сплоченіи” вокруг совѣтов цѣликом была заимствована из большевицкой резолюціи — они сняли отдѣльную резолюцію и заявили, что будут голосовать за положенія Исполнительнаго Комитета. Совѣщаніе признавало, что программа Временнаго Правительства “содержит основныя политическія требованія русской демократіи”, и что “до сих пор Временное Правительство в общем и цѣлом (отвратительное выраженіе революціоннаго жаргона) идет по пути выполненія принятых на себя обязательств”. Совѣщаніе признавало необходимость постояннаго политическаго контроля и воздѣйствія демократіи (умалчивая о формах этого воздѣйствія) и призывало демократію, “не принимая на себя отвѣтственность за всю дѣятельность правительства в цѣлом, оказывать поддержку Временному Правительству, поскольку оно будет неуклонно идти в направленіи к упроченію и расширенію завоеваній революціи и поскольку свою виѣшнюю политику оно строит на почвѣ отказа от захватных стремленій”. Совѣщаніе призывало “всю революціонную демократію Россіи сплотиться вокруг Совѣтов, как созданных революціей центров организациі сил демократіи, способных в союзѣ с другими прогрессивными силами отразить попытки царистской и буржуазной контр-революціи

* Не надо забывать, что в это время еще продолжались переговоры относительно объединенія двух разошедшихся фракцій соц. демократіи.

и упрочить и расширить завоевания революции". Вместе с тем революционная демократія должна была "быть готовой дать решительный отпор всякой попытке Правительства уйти из под контроля демократіи или уклониться от выполнения принятых им на себя обязательств".

По предложению фракціи соц.-рев. было прибавлено, что воздѣйствіе революціонной демократіи должно распространяться и на правительственные органы на мѣстах (это взято также из текста большевиков). Не внесли своей отдельной резолюціи и меньшевики, считая, что послѣ соглашения Исполнительнаго Комитета с революціонными социалистическими партіями в новой формулировкѣ резолюціи находится "ясный и притом положительный отвѣтъ" на "один из кардинальных вопросов теперешняго момента". "Мы считаем необходимым, — говорил Дан от имени "меньшевицкой части" рос. соц.-дем. партіи — чтобы в резолюціи было сказано, что для дѣла революціи в нынѣшней ея стадіи этот состав правительства играет положительную роль, — свергать его не надо, а надо признать, как существующій фактъ". Не совсѣм то было сказано в компромиссной редакціи, а главное устранено было находившееся в проектѣ резолюціи, принятом на совѣщаніи меньшевицких делегатов, положеніе, что правительство, созданное революціей, приняло на себя государственную власть *до созыва Учред. Собрания*, т. е. то единственное, что придавало правительству, которое многих не удовлетворяло, извѣстную устойчивость. И другое пожеланіе меньшевиков, формулированное Даном, не нашло себѣ яснаго отраженія в резолюціи (не отчетливо оно было выражено и в меньшевицком проектѣ). "Мы хотѣли имѣть — говорил Дан — ясный отвѣтъ... о так называемом и частію злостно называемом двоевластіи... Всякій не может не понимать, что в хассѣ колоссальнаго революціоннаго переворота были исключительные моменты и, может быть, еще будут, когда вся компетенція, вся власть смѣшивается, когда надо непосредственно творить переворот, революціонное дѣло. Мы хотим, чтобы было сказано ясно, что в обычном, нормальном теченіи своем — это клевета, будто Совѣтъ Р. и С. Д. хочет принять участіе въ осуществленіи государственной власти. Мы хотим, чтобы было сказано ясно, что власть — это Временное Правительство, а революціонная демократія в лицѣ Совѣта... осуществляет свое вліяніе на ход политической жизни и дѣятельность правительства путем непрерывнаго организованнаго давленія на него и контроля над ним"... Стоит отмѣтить, что "рабочая группа" кооперативнаго съѣзда, собравшагося в Москвѣ одновременно с Совѣщаніем, специально постановила требовать от съѣзда опроверженія "лживых слухов, распускаемых из темных источников в цѣлях раздора, о стремленіи совѣтов к захвату власти".

Резолюція Исполнительнаго Комитета была принята единогласно (правда, не без нѣкоторых протестов с мѣст) — так силен еще был гипноз единаго революціоннаго фронта. Вопрос о коалиціи не был поставлен, хотя президіум и заявил при баллотировкѣ резолюціи, что он будет поставлен, как "особый вопрос" вслѣд за принятіем резолюціи. Очевидно, петербургскіе комбинаторы "единаго революціоннаго фронта" боялись, что их непрочная хранина рассыплется, так как идея коалиціоннаго правительства, как мы видим, могла встрѣтить значитель-

ный отклик в собраніи*): вѣдь почти несомнѣнно, что при практической постановкѣ вопроса логически должны были за положительное рѣшеніе высказаться всѣ тѣ, кто был недоволен “цензовым” правительством, настаивая на сильной, независимой и авторитетной революціонной власти в переходное время до Учредительнаго Собранія. Через мѣсяц, с нѣкоторым уже опозданіем, вопреки всякой догматикѣ “соціалистов в футлярѣ” жизнь разрѣшила положительно вопрос о коалиціонной власти, но разрѣшила его в ненормальных условиях процесса прavitельственнаго кризиса.

У. Контактная коммиссія.

1. Орган революціоннаго “давленія”.

Какой же вывод можно сдѣлать о политических результатах, которые дал первый в сущности всероссійскій съѣзд Совѣтов, лишь по формальному основанію названный “совѣщаніем”? Можно ли согласиться с итогом, подведенным автором первой по времени исторіи революціи? “Революціонная демократія — писал Милуков — за один мѣсяц не успѣла почувствовать почву под ногами, и худой мир для нея был предпочтительнѣе доброй ссоры”... Познакомившійся с преніями на Совѣщаніи по вопросу о конструкціи власти в нашем изложеніи, сознательно детализированном**), едва ли присоединится к такому выводу. Можно ли без весьма основательных оговорок, утверждать, как то дѣлали авторы соціалистической “Хроники февральской революціи”, что Совѣщаніе, в всероссійском масштабѣ поставив вопрос о государственной власти и формально рѣшив его в пользу Временнаго Правительства, “по существу *предопредѣлило* исход февральской революціи”, указав на Совѣты, как на единственных носителей власти? Да, лидеры “революціонной демократіи” уравнивали, сами того не сознавая, путь грядущему Ленину, как выразился о послѣдующем Плеханов, но это само по себѣ вовсе еще не опредѣляло тогда неизбѣжный исход: совершенно очевидно, что без ухищренной “дипломатіи” Церетелли и его единомышленников на Совѣщаніи не была бы принята “каучуковая”, в основѣ противорѣчивая и двусмысленная резолюція — единогласіе было лишь ничего не говорящим признаніем формальнаго единства***). Также формально (и быть может, единогласно) резолюція Совѣщанія прошла и по мѣстным организаціям — иногда с таким опозданіем, что декларированіе аннулированной уже в измѣнившемся ходѣ политических событій принципиальной позиціи теряло реальный смысл.

По существу Совѣщаніе не сказало ничего новаго по сравненію

*) Вывод, который можно сдѣлать из стенографическаго отчета, не совпадает с впечатлѣніями мемуариста, смотрѣвшаго на событія под углом своего «лѣваго» міросозерцанія — для Суханова выступленія «справа» поддерживались на собраніи незначительным меньшинством или буржуазными элементами.

**) У Милукова, пользовавшагося, очевидно, современным отчетом какой-нибудь «буржуазной» газеты, пренія изложены слишком сумарно и не точно: в текстѣ историка фигурируют ораторы, которых нѣтъ в стенографическом отчетѣ.

***) См. ниже относительно обостренных отношеній между «рабочими» делегатами и «солдатами».

с тѣм, что было — его резолюціи, в концѣ концов, графарежно повторяла положеніе, выдвигавшееся на рабочих митингах в первые дни революціи: поддерживать правительство, пока оно “не измѣнит стремленіям народа”, олицетворяемым Совѣтом Р. Д. Эта революція не указывала форм, в которых должен осуществляться бдительный революціонный “контроль” над правительством*) и, отрицая двоевластіе, фактически санкционировала прежнюю анархію, когда давленіе общественного мнѣнія переходило в форму, которая в нормальное время называлась бы административным эксцессом... Центральная организація, каковой в бытовом порядкѣ сдѣлался петроградскій Исполнительный Комитет, до нѣкоторой степени пыталась регулировать эти эксцессы и указать провинціи в отвѣтъ на запросы конкретную тактику и предѣлы общественнаго контроля. Шляпников приводит не опубликованную и не обсужденную “инструкцію” Исполнительнаго Комитета, но фактически разосланную в провинцію через иногородній отдѣл. “Инструкція” устанавливала, что Временное Правительство “должно считаться для всей Россіи единственно законным правительством”, распоряженія котораго, “если они не опротестованы Петроградским Исп. Комитетом, должны исполняться”. Поставленные правительством “органы власти — посланные им комиссары, должны быть признаны законными властями, если они по своим личным качествам или политическому прошлому не кажутся опасными или вредными для дѣла свободы”. Совѣтъ по отношенію къ Правительству является лишь “органом революціоннаго контроля”. “Этот контроль осуществляется так, что в случаѣ, если Совѣтъ находит дѣйствія мѣстных комиссаров опасными для дѣла революціи, он телеграфирует об этом Правительству и Петроградскому Исполнительному Комитету”. В отношеніи рабочих и фабрикантов, слѣдует “всячески избѣгать неорганизованной экономической борьбы и частных выступленій”. Если “соглашеніе” не достигнуто, слѣдует “доводить об этом до свѣдѣнія Петроградскаго Совѣта”. При возникновеніи недоразумѣній в деревнѣ слѣдует разъяснить крестьянам, что “всякое самоуправство” является недопустимым и вредит дѣлу революціи и т. д. Провинціальныя совѣты — говорится в заключеніе — “должны по возможности согласовать свою дѣятельность с другими общественными организаціями на мѣстах... и с правительственными учрежденіями... Во всѣх вопросах, касающихся общегородских дѣл, как продовольствіе, милиція, общественная безопасность, борьба с представителями старой власти, выборы во временное самоуправленіе и т. д. провинціальныя совѣты должны дѣйствовать с другими организаціями и комиссарами, а никоим образом не брать на себя одних правительственных функций”.

Политическая педагогика не очень шла къ лицу Исполнительнаго Комитета, ибо самим центром постоянно нарушались основы той так-

*) Вѣроятно, руководители сами не имѣли отчетливаго представленія, потому что практическіе вопросы разрѣшались с быстротою курьерскаго поѣзда, по выраженію одного из делегатов. Так, напр., при протестѣ представителей многотысячнаго бакинскаго пролетаріата и многотысячнаго кievскаго гарнизона, отказавшихся участвовать в баллотировкѣ, принималось требованіе къ правительству об «отчужденія» в пользу націи сверхприбыли промышленников: «такой колоссальной важности документ не может быть принят без обсужденія» — заявили протестанты.

тики, которую рекомендовала “инструкція” провинціальным организациям. Напримѣр, в засѣданіи 19 марта утверждена была инструкція военным комиссарам, которых рѣшено было назначить “по соглашенію” с Временным Правительством”, при военном министрѣ, при Ставкѣ, при командующих отдѣльными фронтами и при флотах. Назначались комиссары “в цѣлях установленія прочной и постоянной связи между войсками и их органами и Совѣтами Р. и С. Д. для быстрого и слабомѣрнаго разрѣшенія возникающих в области внутренней и полптической жизни арміи вопросов и незамедлительной передачи директив, равно, как и в цѣлях предупрежденія каких-либо ошибочных шагов со стороны руководящих нынѣ жизнью арміи органов”. Однако, в тот же день выяснилась необходимость “послать в Або завтра, в 12 ч. ночи, одного из членов с.-д. фракціи Государственной Думы для урегулированія положенія дѣл”, и Исполнительный Комитет выносит постановленіе “послать в Гельсингфорс и Ревель военных комиссаров, которые были бы назначены по соглашенію с офицерско-солдатской организацией”. Отмѣченный казус свидѣтельствует, что не всегда злая воля нарушала прерогативы Правительства. При негибкости правительственных органов самочинныя дѣйствія вызывались не терпящими отлагательства жизненными обстоятельствами, на которыя приходилось реагировать совѣтским учрежденіям — особенно на первых порах. Но еще в большей степени препятствовали успѣху “педагогических уроков” Исполнительнаго Комитета в центрѣ самочинныя дѣйствія отдѣльных его членов, с которыми центр во имя ложно понимаемаго демократизма боролся очень слабо. Суханов рассказывает, напримѣр, как с.-р. Александров на бланках Исполнительнаго Комитета давал разрѣшенія захватывать помѣщичью землю...

“Организованное давленіе” или “бдительный контроль” в центрѣ осуществлялся при посредствѣ особой “контактной комиссіи”, созданной еще постановленіем Исполнительнаго Комитета 8 марта. Руководителей революціоннаго центра не могло удовлетворить “непрерывное наблюденіе за дѣятельностью Правительства вошедшаго в его состав, вопреки волѣ этих руководителей, “заложника демократіи”. Сам Керенскій склонен был преувеличивать свою роль. На совѣщаніи Совѣтов он говорил: “Я вас увѣряю, что все, что можно было сдѣлать, чтобы провести волю пославших меня там, я сдѣлал и увѣряю вас и ручаюсь, что я сдѣлал это удачно, и что торжество демократических принципов обезпечено в Россіи, и оно будет незыблемой основой всего будущаго строя...” Крайне преувеличивал, по крайней мѣрѣ по газетному отчету “Русской Воли”, и предсѣдатель Вольно-Экономическаго Общества Чайковскій в привѣтствіи 7 апрѣля посѣтившаго засѣданіе министра: “Если до сих пор не произошло разрыва, если Временное Правительство не сложило своих полномочій, то потому, что в Правительствѣ Керенскій, улаживавшій конфликты”. Такую миротворческую роль Керенскаго услѣдить довольно трудно.

Правительство с перваго момента своего существованія не пыталось уклоняться от “воздѣйствія” со стороны Совѣта. В нѣкоторых случаях оно (или отдѣльные его министры) дѣйствовало слишком поспѣшно и даже предупреждая событія. Распоряженіе министра юсти-

ция в соответствии с постановлением Испол. Комитета 4 марта о “временных судах, вводившее специальное представительство рабочих, без надобности дискредитировало тот мировой суд, который сам Керенский в дни пребывания в Москвѣ назвал единственным из судов, оставшимся “вѣрным завѣтам совѣсти”... Напущенная телеграмма Керенскаго и Некрасова о демократизации желѣзных дорог, вызвавшая удивление даже у Ломоносова, имѣла самыя роковыя послѣдствія.

Как видно из перваго же протокола засѣданія Правительства 4 марта, тогда же было признано необходимым считаться с мнѣніем Совѣта и было постановлено во избѣжаніе “двоевластія” знакомиться с этими мнѣніями в частном порядкѣ до официальных засѣданій. В первые дни “организованное давленіе” Совѣта и заключалось в посылкѣ особых делегаций для переговоров с отдѣльными министрами по вопросам возбуждавшим пренія — так 6-го была послана делегация к военному министру, который, как значится в протоколѣ Исполнительнаго Комитета, “всячески уклоняется от прямых сношеній с Исполнительным Комитетом и, повидному, не склонен подчиняться рѣшеніям Совѣта”. По словам Шляпникова, “под давленіем снизу” (надо понимать представителей большевицкой партіи) через три дня послѣ “соглашенія” 2 марта Исполнительный Комитет вынужден был снова обсудить вопрос о своем отношеніи к Временному Правительству. Обсужденіе — утверждает коммунистическій историк — “продолжалось 2 дня”. Протоколы не отмѣчают этих споров. Только в протоколѣ 8 марта значится, что “послѣ оживленнаго обмѣна мнѣній” было признано необходимым во имя исполненія рѣшенія Совѣта и намѣченной им линіи общей политики принять “неотложныя мѣры в цѣлях освѣдомленія Совѣта о намѣреніях и дѣйствіях Правительства, освѣдомленія послѣдняго о требованіях революціоннаго народа, воздѣйствія на Правительство для удовлетворенія этих требованій и непрерывнаго контроля над их осуществленіем”. Избрана была делегация в составѣ Скобелева, Стеклова, Суханова, Филипповскаго и Чхеидзе для соответствующих предварительных переговоров с Правительством. 11 марта Чхеидзе докладывал Исполнительному Комитету о результатах переговоров: “Наши представители указали Временному Правительству на то, что оно не выполняет данных обѣщаній об оповѣщеніи Исполнительнаго Комитета о всѣх важных мѣропріятіях Правительства. Временное Правительство отрицает этот факт, считая, что оно всегда считается с Исполнительным Комитетом, но вина заключается в отсутствіи такого эластичнаго органа, при помощи котораго можно было бы своевременно... извѣщать. Вообще не Временное Правительство игнорирует Исполнительный Комитет, а наоборот, Исполнительный Комитет часто дѣйствует не в контактѣ с Временным Правительством... Вопрос зашел о контролѣ дѣятельности Правительства и о том, как его слѣдует понимать: представитель Исполнительнаго Комитета объяснил, что важно всегда быть в курсѣ всѣх мѣропріятій Правительства, Временное Правительство выразило на это полную готовность и высказалось за оформленіе такого органа Исполн. Ком., который мог бы *своевременно быть введен в члены Врем. Правительства*”).

*) В такой странной многообъясняющей формѣ (в чем повинен, быть

Так возникла “Контактная Комиссия” в качестве постоянного учреждения, долженствовавшего служить “техническим орудием” для организовавшего давления революционной демократии на Временное Правительство. В состав ее вошли лица, избранные 8-го — впоследствии к ним присоединился Церетелли, никаких официальных записей работ этой комиссии, собиравшейся помимо экстренных надобностей регулярно чуть ли не три раза в неделю, не имеется, и никто из участников Комиссии подробно ее интенсивной деятельности не охарактеризовал. Трудно при таких условиях получить отчетливое представление об истинном лике этого единственного в своем роде института. Милуков современник и непосредственный участник действия, в своей “История” в самых общих чертах говорит, что значительная часть пожеланий Контактной Комиссии удовлетворялась, о чем демонстративно и хвастливо заявлялось в Совете. Некоторые “требования” встречали, однако, категорический отказ (например, требование об ассигновке 10 миллионов на нужды демократических организаций). На съезде (т. е. Советчанин) И. Г. Церетелли признал, что в Контактной Комиссии “не было случая, чтобы в важных вопросах Временное Правительство нешло на соглашение”. Придется, действительно, признать, что Временное Правительство проявляло в прямой ущерб делу слишком большую уступчивость. Во избежание повторения мы коснемся наиболее важных уступок и инцидентов, связанных с “требованиями” советских делегатов, в дальнейшем уже предметном изложении — это был вопрос о судьбе Царя и о ноше Правительства по внешней политике. Почти все остальное относилось к повседневной политике, без надобности заострявшейся большевизанствующими членами Контактной Комиссии.

Милуков говорит, что “Контактная Комиссия действовала *начал* очень сдержано и робко при встречах с Правительством”. Из наблюдений управляющего делами Правительства выносятся противоположное впечатление. Набоков отмечает, что главным действующим лицом среди советских представителей являлся выступающий с безграничным апломбом и с беззащитностью, отождествлявший себя с трудовыми массами. Ни говорливый Скобелев, ни сдержанный Чхеидзе такими качествами не отличались. Филипповский и Суханов, по словам Набокова, почти никогда не говорили. Немудрено, что при личных свойствах Стеклова, неутомимаго в поисках контр-революции и главной мишенью для нападок избравшего военные верхи, совместные заседания протекали даже по признанию Суханова в “тягостной и напряженной атмосфере”. Сам мемуарист, как он утверждает, не был в состоянии заразиться ни “воодушевлением” своего соратника, ни его “полицейским умонастроением” и просто “умирал со скуки”, выслушивая стеклянные выпады*).

может, протоколист) очевидно было передано пожелание Правительства иметь «советского» министра труда, о чем, по свидетельству Суханова, не раз потом говорил («требовал») Коновалов в Контактной Комиссии.

*) По воспоминаниям самого мемуариста можно установить, что, быть может, это было и не совсем так. Никчемная история с ген. Ивановым служит наилучшей иллюстрацией. Арестованный в Киев (по его словам, арест мотивировался Исполнительным Комитетом необходимостью оградить его от эксцессов), Иванов был переведен в Петербург, где попал в пресловутый

Керенский — вспоминает Набоков — садился в сторонку и хранил молчаніе, только “злбно и презрительно” поглядывал. Он, по словам Набокова, совершенно не выносил Стеклова и с наибольшим раздраженіем реагировал послѣ зазданія на демагогическія выходки блюстителя интересов демократіи, попрекая кн. Львова в излишней к нему деликатности. Позже — это было уже в апрѣлѣ — Стеклову пришлось нѣсколько “стусеваться” под вліяніем разоблаченій, появившихся в печати*).

«Министерскій павильонъ». 24-го с него была взята подписка о невыздѣ и на вѣрность Временному Правительству. Как сообщали газеты, Иванов останется на свободѣ «под личным наблюдением министра юстиціи» (его дѣло рассматривалось в Гр. Сл. Ком.). «Извѣстія», т. е., Стеклов, негодуяюще писали, что «освобожденіе такого опаснаго врага народа, представляется совершенно непонятным, и что такія дѣла не должны рѣшаться «по домашнему»... Правительство обязано было опубликовать «сообщеніе по этому дѣлу и во всяком случаѣ довести об этом до свѣдѣнія Исполнительнаго Комитета». В докладѣ на Совѣщаніи Совѣтов Стеклов говорил, что «под вліяніем освобожденія Иванова «мы» (очевидно, через Ком. Комиссію) предъявляли Правительству в болѣе настоятельной формѣ требованіе осуществить... «обѣщаніе» издать декрет объявляющій злоумышляющих генералов «внѣ закона». «В концѣ концов — утверждал докладчик — под нашим давлением Правительство поручило министру юстиціи этот декрет издать по соглашенію с Исп. Комитетом». Но декрет так и не был издан — жаловался Стеклов. В данном случаѣ Суханов, якобы чуждый полицейскому умонастроенію Стеклова, был всецѣло на его сторонѣ не только в силу протеста против «безудержнаго ген.-прокурорскаго произвола министра (не было большаго основанія освобождать Иванова, чѣм многих и многих сидящих в Петропавловской крѣпости), но и потому, что надо было считаться с «психологіей масс», бесконечно реагировавших на освобожденіе ген. Иванова в силу характера «его преступленія» — он мог быть... разстрѣлян без суда, — утверждали «Извѣстія». «Психологія масс», на которую ссылается Суханов, для нас наиболѣе интересна. «Гуманная выходка Керенскаго переполнила чашу». Министра «от демократіи» стали громко требовать к отвѣту. Предлагали официально вызвать его в Исполнительный Комитет. Это требованіе уже было извѣстно Керенскому. Но Керенскій не желал знать Исполнительный Комитет... Он явился в Таврической дворец, «прошел прямо в бѣлый зал, гдѣ происходило зазданіе солдатской секціи, произнес там рѣчь, пожал бурю аплодисментов и уѣхал». Произнес Керенскій, конечно, демагогическую рѣчь — довольно элементарную по газетному отчету. Он объяснил, что раньше не имѣл возможности посѣтить представителей той среды, из которой вышел, что он и раньше в Государственной Думѣ отстаивал солдатскій вопрос, что он первый вывел 27-го революціонныя войска, что как представитель интересов демократіи, он добился того, что Россія отказалась от всяких завоевательных стремленій, что, как генерал-прокурор, он держит в руках всѣх врагов отечества, что пришел он не оправдываться и не позволит не довѣрять себѣ и тѣм оскорблять всю русскую демократію, что он просит или исключить его из своей среды или безусловно ему довѣрять: «если будут сомнѣнія, придите ко мнѣ днем и ночью, и мы с вами сговоримся». Зал дрожит от оваций, раздаются крики: «вѣрим, вся армія с вами». Министра подхватывают на руки и выносят из зала... «Люди, желающіе внести раздор...» были посрамлены.

*) Был сообщен факт, что Стеклов послѣшил у революціоннаго правительства легализировать для паспорта свой литературный псевдоним, официально отказавшись от природной фамиліи — Нахамкес, о чем безуспѣшно «всеподданнѣйше» ходатайствовал перед старым правительством. Моральный облик «весьма выдающейся фигуры» в революціи — откровенно циничный — выступил еще с большей яркостью. Против Стеклова в Исполнительном Комитетѣ открыто выступил Церетелли, однако, «лѣвые» настойчиво поддерживали кандидатуру своего попутчика, считая, что личная біографія этого «кочевника» среди интернаціональных групп никакого «общественнаго значе-

При таких условиях “контактныя” засѣданія не достигали своей цѣли и были почти “безплодными”. Члены Комиссіи не дѣлали правильных отчетов в Исполнительн. Комитетъ и, как рассказывает Суханов, обычно обмѣнивались даже между собою мнѣніями уже в автомобилѣ, который их вез на засѣданіе. Поэтому так легко Стеклов и мог свои личныя сужденія выдавать за постановленія центра. (Набоков говорит, что подчас другіе члены Комиссіи тут же должны были его опровергать). Нельзя сказать, что Правительство игнорировало Совѣт.

Если вначалѣ Правительство отряжало 2-3 своих членов для заслушиванія жалоб и пожеланій, выражаемых от имени Совѣта, то потом обычно, по словам Суханова, присутствовал или полностью весь кабинет министров, или огромное большинство его членов. Фатально пожеланія “революціонной демократіи” слишком часто сводились къ нудным и мелочным претензіям стекловскаго пошиба. Не было бы удивительно, если бы в такой тягостной обстановкѣ у членов Временнаго Правительства могла появиться мысль об уходѣ. По утвержденію Суханова, Керенскій постыжно грозил тѣм, что “они уйдут”. Мемуарист не вѣрил этим “басням”. Пожалуй, он был прав. Такой реальной угрозы в дѣйствительности не было. Оптимизм, даже излишній, не покидал революціонное правительство перваго состава.

Формула: “они уйдут” имѣла в сущности то же педагогическое значеніе, что и выдвинутое Шульгиным послѣ военной неудачи 20 марта на Сходѣ (она произвела сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе) в цѣлях пропаганды и заостренное его бойким публицистическим пером положеніе о “двоевластіи”: “пока будет двоевластіе — писал он в “Кіевлянинѣ” — ждать толку нельзя. Совѣт Р. и С. Д. или должен сдѣлать новый переворот и свергнуть Временное Правительство и стать на его мѣсто или же должен предоставить Правительству быть правительством”. Неожиданно у Набокова можно найти указаніе на то, что засѣданія Контактной Комиссіи были подчас живительным элексиром для членов кабинета. Он вспоминает, как члены Правительства на общих засѣданіях, при обсужденіи специальных вопросов, “полудремали” и оживлялись лишь в закрытых засѣданіях Правительства и... в Контактной Комиссіи, т. е., тогда, когда ставились острые политическіе вопросы.

Мемуаристы “лѣваго сектора” всегда усиленно подчеркивают давленіе, которое оказывали на Совѣт массы в области экономической. Контактная Комиссія была “орудіем давленія” на Правительство. Между тѣм в опубликованных матеріалах пока нельзя найти намека на то, что в “контактных” засѣданіях поднимались насущные вопросы социально-экономическаго характера*). Поэтому надлежит сдѣлать очень существенную оговорку в позднѣйшем 16 мая, в дни уже новаго коалиціоннаго правительства, утвержденіи Экономическаго Отдѣла Ис-

нія не имѣет. Стеклов не был дезавуирован и остался членом бюро Исполнительнаго Комитета и одним из редакторов официальных «Извѣстій» — он был лишен только тѣх полномочій, которыя имѣл в редакціи в силу положенія «комиссара» Исполнительнаго Комитета.

*) В связи с этим нельзя не отмѣтить, указанія Суханова на полное бездѣйствіе созданной при Совѣтѣ «Комиссіи законодательных предположеній».

полнительного Комитета, что Временное Правительство “первого состава уклонялось не только от... выполнения, и от... *постановки* тѣх народно-хозяйственных задач, которыя были формулированы делегатами Совѣщанія провинціальных Совѣтов”. Бѣда Правительства, как было указано, заключалась в отсутствіи у него программы и слѣдовательно инициативы... Вся трудность положенія лежала в разрѣшеніи дилеммы переходнаго времени, требовавшей не только “постановки”, но в той или иной мѣрѣ и “выполненія”... Пожеланія (не в формулировкѣ органов совѣтской демократіи) почти всегда находили отклик у Правительства — эту связанность между давленіем со стороны и инициативой государственной власти прослѣдить нетрудно: наиримѣр, 3 апрѣля на Совѣщаніи Совѣтов было принято скороспѣлое постановленіе о “сверхприбыли”, а 6-го уже сообщалось в газетах, что Правительство приняло по предложенію министра торговли и промышленности об ограниченіи прибыли во время войны и поручило ему, совмѣстно с министром финансов, разработать главныя основанія этого ограниченія. Только непормальными условіями, в которых протекали “контактныя” засѣданія, можно объяснить то, что экономическая мѣра типа внутренняго “займа свободы”, опубликованная 27 марта, была принята без предварительнаго освѣдомленія Исполнительнаго Комитета (на совѣщаніи членов Государственной Думы Терещенко сдѣлал соответствующее сообщеніе) — здѣсь соглашеніе было в прямых интересах самого Правительства. (Воззваніе о займѣ было опубликовано за подписью Временнаго Правительства и Временнаго Комитета Г. Д.). Нетрудно было предвидѣть агитацію большевиков против “военных кредитов” — “займа неволи”, как назвал Зиновьев “заем свободы”, но, быть может, и протест тѣх “циммервальдцев”, которые во имя обороны страны поддерживали Правительство. В апрѣлѣ всѣ эти трудности выпукло выдвинулись в жизни.

2. Конфликтные вопросы.

Совѣщаніе Совѣтов должно было нѣсколько стабилизировать положеніе и придать “давленію” со стороны революціонной демократіи на Правительство болѣе парламентскій характер. С другой стороны, Правительство, осваивая постепенно административный аппарат власти, разстроенный в дни революціонных пертурбацій, почувствовало под собою нѣкоторую базу. Ни то, ни другое не удовлетворяло “лѣвых”, пытавшихся на другой день послѣ Совѣщанія форсировать разрѣшающій “момент разрыва”. 5 апрѣля эти “лѣвые” в Исполнительном Комитетѣ требовали измѣненія “всей системы отношенія к Правительству”, ибо “политика Правительства ясно показала, что момент, когда мы его должны были поддерживать, проходит... Правительство, укрѣпляясь все болѣе и болѣе, нас игнорирует, наступает момент, когда нам придется отказать ему в поддержкѣ”. Судя по протоколу, застрѣльщиком выступал не столько Стеклов, бывшій докладчиком, сколько Суханов, на котораго вся дѣятельность Контактной Комиссіи производила “тягостное впечатлѣніе”: “функціи делегаціи”, по его мнѣнію, свелись лишь к регистраціи сдѣланнаго Правительством. Опубликован-

ный протокол засѣданія Исп. Ком. нельзя признать очень вразумительным*), но он дает все же возможность установить, какіе вопросы считались тогда “конфликтными”, т. е., вопросы, по которым Правительство не дало отвѣтов, удовлетворивших Комиссію в цѣлом**).

Средь этих “конфликтных” вопросов первым стоял тот “10-милліонный фонд”, который выдвинул в своем текстѣ Милоков, и который никакого, в сущности, принципиальнаго значенія не имѣл, так как отказ в ассигновкѣ официально мотивирован был “недостатком средств”. Отказ возобновил Исполнительный Комитет, и там создавали, что это “простая отговорка” — не дали денег “как противникам”. Так формулировал в засѣданіи 5-го меньшевик Богданов — сторонник того, чтобы “добиваться 10-милліоннаго фонда”, но высказавшійся, однако, против того, чтобы “на этом вопросѣ принимать бой”. Требовать 10 милліонов от Правительства постановили еще 15 марта (и даже раньше — протокол 15 марта говорит: “подтвердить прежнее рѣшеніе” и приступить к “немедленной выработкѣ текста требованія”). Упорство, проявленное Правительством, не совѣм понятно, так как форму субсидіи можно было приспособить к бытовым условіям времени и устранить внѣшнее узаконеніе “двоевластія”, котораго стремились избѣгать. Между тѣм по положенію, которое заняли Совѣты в первое время, они безспорно выполняли и функціи общегосударственнаго значенія — напримѣр, в области продовольствія (в распоряженіе совѣтской продовольственной комиссіи Главным Интендантством было передано нѣсколько складов). Продолжавшееся бытовое двоевластіе на мѣстах вызывало не только требованія от центра ассигновок из “государственных средств”, но и угрозы воспользоваться средствами мѣстнаго казначейства, в случаѣ неоткрытія кредита в кратчайшее время, как то Иркутскій исполком телеграфировал 25 апрѣля Чхеидзе. Едва ли приходится сомнѣваться, что эти угрозы, в случаѣ отказа, приводились в исполненіе. Не будет преувеличеніем сказать, что в провинціи совѣты повсюду пользовались правительственными ассигновками. Когда в началѣ октября в Правительствѣ был поднят вопрос о назначеніи ревизіи общественных и демократических организацій (в том числѣ совѣтов) в выданных им государственных ассигнованіях, “Извѣстія” писали, что петроградскій Совѣт — “никогда никаких сумм из казны не получал”. И это представляется очень сомнительным, поскольку рѣчь идет о первом времени. Попытка прослѣдить ручьи, по которым притекали косвенно или в полузамаскированном видѣ ассигновки из Государственнаго Казначейства, отвлекла бы изложеніе слишком уже в сторону***). Без риска отойти от дѣйствительности, можно утверждать, что Совѣт не мог бы выполнять своих многообразных функцій, вплоть до сношеній с внѣшним міром, если бы жил только на добровольныя пожертвованія, притекавшія в Совѣт, конечно, не в таких размѣрах, как

*) Составители комбинировали «пять рукописных черновых вариантов». Редакция указывает, что от публикаціи нѣкоторых протоколов она должна была отказаться за невозможностью дешифровать карандашные наброски.

**) Церетелли совѣм не раздѣлял «впечатлѣнія» Суханова.

***) В «Русских Вѣдомостях» отмѣчалось, что исполнительныя лица московскаго Совѣта оплачивались из правительственнаго кредита — и это сообщеніе никогда и никѣм не опровергалось.

во Временный Комитет: вмѣсто миллионов здѣсь были десятки тысяч — на 13 марта их было примѣрно 123 тыс. по официальному докладу завѣдовавшаго совѣтскими финансами Брамсона. Система совѣтских доходов в видѣ самообложенія рабочих, раскладки по ротам, отчисленій от митингов и “общественных кинематографов” была разработана лишь в концѣ мая*). В итогѣ отказом в “10-милліонном фондѣ” — отказом, демонстративное значеніе котораго анулировалось официальной мотивировкой — Правительство лишалось возможности регулировать анархію на мѣстах, что неизбежно было бы при официальной ассигновкѣ, подлежащей общегосударственному контролю.

Вторым “конфликтным” вопросом явился вопрос о присягѣ в арміи. Он имѣл уже свою длительную исторію. Формула присяги была установлена Правительством 7 марта. Она гласила для лиц “христіанскаго вѣроисповѣданія”: “Клянусь честью солдата и гражданина и обещаюсь перед Богом и своею совѣстью быть вѣрным... Россійскому Государству, как своему отечеству... Обязуюсь повиноваться Временному Правительству... впредь до установленія образа правленія волей народа при посредствѣ Учредительнаго Собранія... В заключеніе данной мною клятвы, осѣняю себя крестным знаменем и ниже подписываюсь...” Эта формула присяги и вызвала протест Исполнительнаго Комитета, обсуждавшійся в Совѣтѣ 12 марта. “Крупным недочетом” опубликованнаго текста было признано, с одной стороны, умолчаніе о “защитѣ революціи” и “свободы”, а с другой, нарушеніе “свободы вѣроисповѣданія”... Правительству было предложено переработать неприемлемую форму присяги, а до выработки ея к “присягѣ не приводить, а гдѣ это сдѣлано, считать присягу недѣйствительной”. В собраніи предсѣдателем было подчеркнута, однако, что отклоненіе присяги не означает призыв к неповиновенію Правительству — напротив. “необходимо согласованно дѣйствовать для упроченія новаго строя”. 16-го в Исполнительном Комитетѣ было доложено, что Правительство “призвало ошибочным изданный приказ о присягѣ без вѣдома Исполнительнаго Комитета” и согласилось до Учредительнаго Собранія не приводить к присягѣ тѣ части войск, которыя не присягали. Рѣшеніе болѣе, чѣм странное — вѣдь исправить текст присяги в духѣ, желательном для Совѣта, было бы исполнѣ возможно. Если сообщеніе, сдѣланное в Исполнительном Комитетѣ, соответствовало дѣйствительности, то вопрос по отношенію к Правительству казался бы исчерпанным. И тѣм не менѣе он вновь выплыл в апрѣлѣ в силу того, что “соглашеніе” было нарушено на фронтѣ и в Петербургѣ — как говорилось в Исполнительном Комитетѣ, командующимъ войсками ген. Корниловым. (“Генерал старой закваски, который хочет закончить революцію” — так характеризовали Корнилова в болѣе раннем мартовском засѣданіи). На указаніе Контактной Комиссіи о нарушеніи “Соглашенія” Правительство отвѣ-

*) В докладѣ Брамсона на Съѣздѣ Совѣтов 23 іюня указывалось, что в кассу Совѣта (пожертвованій, всяких взносов, сборов и отчисленій) всего поступило 3 1/2 мил., причѣм половина этих поступленій предназначалась для «военнопленных» или на спеціальныя цѣли. Надо имѣть в виду, что через Совѣт проходила не только значительная часть сумм, поступавших в правительство на нужды освобожденных политических заключенных, но и значительныя правительственныя ассигновки на эту же цѣль.

тило, как указывал Стеклов в докладѣ, что “оно об этом слышит в первый раз”. Стеклов дѣлал знаменательную оговорку, он допускал, что “к присягѣ приводятся полки по их собственному желанію”. В этой оговоркѣ и лежит ключ к неожиданной уступчивости, проявленной Исполнительным Комитетом в лицѣ Стеклова: “Мы указали — докладывал представитель Контактной Комиссии — на тяжелое положеніе революціонных войск, не принявших присяги, и предложили, чтобы всё были приведены к присягѣ по старой формулѣ, но чтобы Правительство выпустило специальное разъясненіе в духѣ нашей поправки к тексту”. “Определеннаго отвѣта — заключил докладчик — мы не получили”. В невыгодном положеніи оказался Совѣтъ, и Богдаков резюмировал 5-го пренія указаніем, что Совѣтъ “потерпѣлъ поражение” и нужно “найти почетный выход”. Мемуаристы субъективны, и Шляпников говорит, что конфликт на почвѣ присяги принял для Правительства “скандальный характер”. Вывод историка, минуя оцѣнку цѣлесообразности разыграннаго конфликта и поведенія обѣих сторон, пожалуй, должен будет присоединиться к замѣчанію в дневникѣ ген. Боддырева касательно стѣсны присяги: “новая охатка горячей пакли”, брошенной в армію и приводившей на мѣстах к столкновенію присягавших с неприсягавшими.

Третьим “конфликтным” вопросом являлся “проѣзд группы эмгрантов через Германію”, т. е., прославленный “пломбированный вагон”, в котором прибыл в Россію Ленин, и связанный с ним проект обмена прѣхавших революціонеров на группу нѣмецких военнопленных. Правительство не считало себя связанным “обязательствами, данными без его вѣдома и согласія” и заявило, что “ни о каком обменѣ рѣчи быть не может”. Здѣсь позиція “интернаціоналистов” была довольно безпалезна*), ибо в средѣ самого Исполнительнаго Комитета весьма многіе отрицательно относились к той “несомнѣнно недопустимой, но меньшей мѣрѣ, политической ошибкѣ”, которую совершили “Ленин и его группа”, не считаясь “с интересами русской революціи” (слова Богданова). При таких условіях Контактная Комиссія должна была потерпѣть “пораженіе” в конфликтном вопросѣ**). Нельзя не согласиться с мнѣніем, выраженным Богдановым на засѣданіи 5 апрѣля, что демократія сама дѣлала многое, чтобы “ослабить себя” и “терпѣла пораженія на тѣх вопросах, на которых давать бой ей было “невыгодно”.

Перечисленными вопросами исчерпывался обвинительный акт против Правительства, поскольку он нашел себѣ отраженіе в протоколѣ 5 апрѣля. Ни в протоколах Исполнительнаго Комитета, ни в воспо-

*) Суханов считал, что отказ мин. ин. д. пропустить швейцарца Платена, внѣшне руководившаго операціей, связанной с проѣздом русских интернаціоналистов в «пломбированном вагонѣ», через Германію, являлся «недопустимым прецедентом» и нарушал установленную договором 2 марта политическую свободу (!).

***) Вопрос о «пломбированном вагонѣ», роль Министерства ин. дѣл. отношеніе общественных кругов и масс, сравнительно детально рассмотрѣны в книгѣ: «Золотой нѣмецкій ключ» к большевицкой революціи. Правительственная политика была сплошным клубком противорѣчій, в силу чего оно и не могло использовать настроенія создаваемаго в массѣ.

минаніях о работах Контактной Комиссіи нѣтъ матеріала для сужденія о вопросѣ, который должен был явиться предметом обмѣна мнѣніями и разногласій между членами Правительства и представителями Совѣта, — вопроса, вызвавшего нѣсколько взволнованных страниц в воспоминаніях Набокова и агитаціонные нападки в послѣднюю декаду существованія Временнаго Правительства перваго состава со стороны нѣкоторых тогдашних органов социалистической печати. Как надлежало рѣшить вопрос о судьбѣ членов ликвидируемых революціей старых правительственных учреждений? Мы не располагаем данными для характеристики мѣр, принятых Правительством в этом отношеніи. Очевидно, вопрос разрѣшался просто в том бытовом порядкѣ, при котором чины Охранных Отдѣленій и аналогичных институтов департамента полиціи не могли естественно думать о полученіи от государства пенсій за прежнюю вѣрную службу. Общій вопрос мог быть разрѣшен, конечно, только законодательством о социальном страхованіи старости. Но не в этой плоскости поставлен вопрос в воспоминаніях Набокова и не в этой плоскости правительственныя распоряженія вызывали “негодованіе” в “совѣтских кругах”, отражавшееся и в прессѣ и на митингах. Дѣло шло о сановниках — о тѣх “высших чиновниках”, которые добровольно или вынуждено ушли в отставку и о членах бездѣйствующаго Государственнаго Совѣта. В первый революціонный мѣсяц этот вопрос сам по себѣ не вызывал никакого отклика ни в прессѣ, ни в Совѣтѣ. Он случайно поднялся в Исполнительном Комитетѣ 19 марта в связи с появленіем делегации от кронштадтскаго Совѣта, протестовавшей против уплаты жалованія арестованным в Кронштадтѣ офицерам. Совѣту приходилось играть активную роль в умиротвореніи буйных кронштадтцев и в силу этого, может быть, Исполнительный Комитет тактически даже вынужден был вынести постановленіе о задержкѣ уплаты жалованья арестованным впредь до окончанія слѣдствія, и выясненія их виновности. Акт бытового двоевластія получил, однако, расширенное толкованіе и о состоявшемся рѣшеніи, “имѣющем распространительный характер, как в отношеніи чиновников всѣх вѣдомств, так и членов бывшей династии Романовых” постановлено было “сообщить председателю Совѣта министров” (формулировка взята из записи протокола). Как реагировало Правительство? Надо думать, что оно согласилось с такой постановкой, ибо вскорѣ министром юстиціи было отдано аналогичное распоряженіе в отношеніи всѣх лиц, слѣдственное производство о которых шло в Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи. А всѣ остальные? Временное Правительство не внесло здѣсь никакой ясности и опредѣленности и выбрало наихудшій путь сепаратных рѣшеній, вызывавших протест и дававших пищу для всякаго рода демагогических выпадов: производится де растрата народных денег на многотысячныя пенсіи бывшим царским слугам. Не имѣя в своем распоряженіи протоколов засѣданій Врем. Правит., трудно провѣрить правильность утвержденій Суханова о постановленіи Правительства 12 апрѣля выдать пенсіи “бывшим министрам” в размѣрѣ 7 тыс. руб., что и привело в негодованіе совѣтскіе круги. Повидимому, рѣчь шла об указанных выше отдѣльных постановленіях, о которых упоминает Набоков: “в самом началѣ (вѣроятно, в апрѣлѣ) Временное Правительство в двух случаях назначило пенсіи в размѣрѣ 7-10 тыс. (кажется, дѣло шло о

Коковцевъ и Тапшевъ)”. Ни тот, ни другой не принадлежали к числу тѣх материально необезпеченных людей, которых революція жестоко вернула в “нормальное бытіе” и судьба которых волновала с моральной стороны Набокова. Почему в число избранных попал отец знаменитой Вырубовой, имя которой в этот момент было крайне одиозно? Политическая безтактность часто бывает чревата послѣдствіями. Особо в дѣлѣ о “сановниках” стоял вопрос о членах Государственного Совѣта “по назначенію”, обреченных на “совершенную праздность послѣ переворота”, хотя формально Государственный Совѣтъ, как учрежденіе, не был упразднен. По словам Поляванова, это почтенное учрежденіе и среди бюрократіи принято было называть “Ново-Дѣвичим монастырем”. “Наиболѣе добросовѣстные и тактичные члены Государственного Совѣта — вспоминает Набоков — почувствовали неловкость своего положенія и нравственную невозможность получать крупное содержаніе, не дѣлая ничего, и возбудили вопрос об умѣстности подачи в отставку”. По поводу того, что члены Государственного Совѣта продолжают получать содержаніе, и “завопили” на митингах и в печати. “Весь этот шум — утверждает управляющій дѣлами Правительства — произвел на Правительство “большое впечатлѣніе”. “И тогда, наконец, пришлось поставить во всем объемѣ вопрос о членах Государственного Совѣта... Правительство потратило цѣлых два засѣданія на обсужденіе его — и не могло придти ни к какому опредѣленному рѣшенію. Так вопрос и остался “неразрѣшенным”. Правительство не вышло из своей привычки ему, столь характерной неопредѣленности потому, что “шум”, поднятый вокруг этого вопроса (о том, что “посылались протестующія резолюція рабочих и солдатских собраній”, говорят составители Хроники февральской революціи), не был так велик, как изображают мемуаристы, — иначе его резонансы не могли бы не отразиться в общей печати и в дошедших до нас отрывочных протоколах Исполнительнаго Комитета...*)

“Бум”, поднятый “лѣвыми” в Исполнительном Комитетѣ, потерпѣлъ фіаско. Их цѣлью было добиться превращенія Контактной Комиссіи из органа “соглашенія” в орган, диктующій Правительству свою волю. В их представленіи Совѣтъ должен был играть роль не “задерживающаго центра, а инстингатора массоваго настроенія. Поэтому большевики, засѣдавшіе в Исполнительном Комитетѣ (Красиков, Стучка), требовали “гласности в переговорах с Правительством” — устраненія всяких “тайн и дипломатіи”, обязательства для Контактной Комиссіи вести протоколы, подписываемые обѣими сторонами, и предложенія Правительству дѣлать в “письменной формѣ”. “Правые” (Дан, Церетели, Брамсон) энергично возражали, указывая, что подобное рѣшеніе уничтожает самый смысл существованія Контактной Комиссіи — выгода непосредственных личных отношеній в том, что они дают возможность Исполнительному Комитету “ориентироваться в теченіях Правительства”. В воспоминаніях Суханов издѣвается над элементарной ар-

*) В газетах (20 марта) лишь появился довольно произвольный список членов Гос. Совѣта праваго крыла, которым, по распоряженію министріи, были приостановлены выдачи содержанія. Среди них не всѣ были арестованы и привлечены к разслѣдованію, производимому Чрезв. Слѣдств. Комис. под предсѣдательством Муравьева.

гументаціей противников оформленія функцій Контактной Комиссії, превращавших совѣтских делегатов — посредников между “классовыми противниками”, в каких-то “пронрыливых репортеров”. Почему этот вопрос имѣл, однако, по признанію мемуариста “огромную важность” для революціи? Потому, что “лѣвые” желали покончить с “теоріей береженія Правительства”, которую далеко не послѣдовательно пыталось проводить в жизнь образовавшееся большинство в Исполнительном Комитетѣ под руководством Церетелли. Напор “лѣвых” смутил “мамелюков”, как начинает именоватъ с этого момента Суханов совѣтское “болото”, педшее довольно послушно за своим призванным “вождем”. В Исполнительном Комитетѣ возникли “сомнѣнія” в раціональности прежней тактики и у сторонников этого большинства: протокол 5 апрѣля нѣсколько неожиданно отмѣчает предложеніе Чхеидзе “никаких непосредственных сношеній с Правительством не имѣть, сношиться с Правительством только письменно и требовать от Правительства письменных же отвѣтов”. Предложеніе “лѣвых” собрало 17 голосов против 21, высказавшихся за сохраненіе status quo и принявших поправку Брамсона о необходимости самой Контрольной Комиссії вести “подробныя записи переговоров, скрѣпленныя подписями всѣх участников делегаціи”.

Исполнительному Комитету не пришлось возвращаться к вопросам, поставленным в засѣданіи 5 апрѣля. Он занялся своей собственной внутренней реорганизаціей. Из Исполнительнаго Комитета выдѣлено было бюро, к которому переходили функціи Контрольной Комиссії, формально упраздненной уже 13 апрѣля. Через недѣлю разыгрались событія, приведшія к первому правительственному кризису и к замѣнѣ правительства “дензоваго” правительством “коалиционным”. Взаимоотношеніе двух “классовых противников” виѣшне измѣнилось. Оппозиція в Совѣтѣ в представленіи Суханова сдѣлалась “незамѣтной” и “окончательно безсильной”. Это уже будущее по отношенію к тому времени, о котором мы говорим.

Подноготная, вскрывающаяся при обзорѣ дѣятельности Контр. Комиссії, свидѣтельствует о симптомах, мало благоприятных для установленія довѣрія во взаимных отношеніях между властью и демократіей, поскольку послѣдняя выявляла свой общественный лик через совѣты. Очевидно, искусственный оптимизм не очень вдумчиваго члена Правительства Вл. Львова, заявившаго московским журналистам, что между Правительством и Совѣтом “установлен тѣсный контакт, и слухи о треніях распространяют злонамѣренныя лица”, не отвѣчал дѣйствительности. Может быть, Правительство и нѣсколько злоупотребило декоративной тактикой, внушаемой отчасти еще не исчезнувшими отзвуками приподнятых революціонных настроеній — тактикой, которую японскій посол в Петербургѣ виконт Цунда в секретном посланіи министру иностранных дѣл в Токио в серединѣ марта опредѣлял словами: “если у людей сложилось поверхностное мнѣніе, что все благополучно, то это происходит от того, что Временное Правительство... скрывает от общества правду”. Эта тактика опредѣляла собой официальное знамя, которое рѣяло над общественной жизнью в мартовскіе и отчасти еще в апрѣльскіе дни. Слишком чуткая подчас к температурѣ общественных настроеній “Русская Воля” писала по поводу

правительственной декларации о войнѣ 28 марта: “Союз Совѣта с Временным Правительством, это — союз жизни; союз в реальном творчествѣ — творчествѣ новых идей в исторіи”. Впослѣдствіи реальныя очертанія, в которых протекала тогдашняя дѣйствительность, значительно искажались. Так Милюков увѣрял читателей своей “Исторіи”, что упомянувшееся выше воззваніе Правительства 26 апрѣля, написанное Кокоскиным, было в “первоначальном текстѣ” “суровым обвинительным актом против Совѣта Р. Д.”, но “послѣ троекратной передѣлки”, вмѣсто “открытаго обвиненія Совѣта в парализованіи Правительства и в содѣйствіи распаду страны”, основная мысль была “очень сильно затуманена” под влияніем “товарищей Керенскаго” по партіи. В окончательном видѣ “обвинительный акт” гласил: “Говоря об осуществленных и осуществляемых им задачах, Временное Правительство не может скрыть от населенія тѣх затрудненій и препятствій, которыя оно встрѣчает в своей дѣятельности... К сожалѣнію и великой опасности для свободы рост новых соціальных связей, скрѣпляющих страну, отстает от процесса распада, вызваннаго крушеніем стараго государственнаго строя...*). Стихійныя стремленія осуществлять желанія и домогательства отдѣльных групп и слоев населенія явочным и захватным путем, по мѣрѣ перехода к менѣе сознательным и менѣе организованным слоям населенія грозят разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину, и создают благоприятную почву, с одной стороны, для пасивственных актов, сѣющих среди пострадавших озлобленіе и вражду к новому строю, с другой стороны, для развитія частных стремленій и интересов в ущерб общих и к уклоненію от исполненія гражданскаго долга”. Управляющій дѣлами правительства Набоков в воспоминаніях называет утвержденія историка “преувеличенным отзыгом” и свидѣтельствует, что строки, введенныя в воззваніе редакціей “Дѣло Народа” (?!), “довольно туманно и отвлеченно” излагавшія причины происходившей неурядицы, не могли измѣнить “основного тона воззванія”. “Строгий государственник считает воззваніе “одним из слабѣйших” документов эпохи: “его идеологія — ставящая во главу угла добровольное подчиненіе граждан ими же избранной власти — очень сродни идеологіи анархизма”. Набоков слишком серьезно принимал виѣшнюю словесную форму и сущность. Для нас важно, что документ (“духовное завѣщаніе” Правительства перваго состава) характеризует неизжитую психологію момента и показывает, что два полюса революціи окончательно еще не скристаллизировались. Единеніе во имя достиженія задач, поставленных революціей, оставалось в общественном сознаніи первенствующей директивой. Большевики и их полутчики из среды народнических максималистов и идеологов “послѣдовательнаго марксистскаго интернаціонализма”, выразительницей позиціи, которых сдѣлалась появившаяся в серединѣ апрѣля горьковская “Новая Жизнь”, пока стояли на отлетѣ революціи. Стихійныя силы, проявленія которых пытались вызвать в странѣ ленинскіе выученики и их присѣшники, только еще “глухо клокотали”, по выраженію Троцкаго, в глубинѣ вѣдр революціи. Недаром “Новая Жизнь”, стремившаяся к

*) Послѣдняя фраза, по утвержденію Милюкова, «замѣнила «обвинительный акт», составленный Кокоскиным.

доведенію революціи “до конца”, в первом же номерѣ говорила о преждевременности “власти совѣтов”, которая вызовет в этот момент “отчаянное сопротивление”. Россійскій гражданин в громадном большинствѣ в то время абсолютно не вѣрил в тезу, что “вся наша свобода пойдет прахом”, если революція не произойдет в международном европейском масштабѣ.

VI. В поисках базы.

1. — Вяѣ совѣтская общественность.

Достаточно знаменательно, что среди всѣх политических группировок того времени лишь одна небольшая партія народных социалистов открыто и рѣшительно выступила на своей первой конференціи в Москвѣ 23 марта с осужденіем попыток, знаменующих установление “двоевластія” и подрывающих авторитет Временнаго Правительства. Не отрицая общественнаго контроля над революціонным правительством, партія говорила о необходимости в період разрушенія старых и созданія новых форм политическаго и социальнаго общежитія... единой и сильной власти*), обладающей дѣйствительной, а не призрачной полнотою власти*). Дѣло было не в той проходящей “анархіи” на мѣстах, характеризовавшей собою первоначальный, эмбриональный этап революціи, а в наличіи тенденціи культивировать обособленность конкурирующих с властью демократических классовых политических группировок, механически возникших на революціонной поверхности по традиціи из 1905 года, т. е. “своеобразіе” бытовое превращать в своеобразіе теоретическое. Не надо было быть ни историком, ни обладать прозорливым предвидѣніем для того, чтобы учесть опасность, которая крылась в замѣнѣ нормальных политических отношеній идеологических групп, преслѣдующих пусть даже узко партійныя цѣли, сурогатами внутренне аморфных совѣтских организаций. Здѣсь открывалось широкое поле демагогіи, на которой базировался неестественный в наступательном процессѣ шумный витѣпный эффект социалистических партій и который выдвигал на авансцену “социалистическую улину”... Впослѣдствіи лидером этих партій было сказано не мало не то горьких, не то обличительных слов по адресу народных масс, не доросших по своему культурному развитію до воспріятія новых идей организованной демократіи. Красная митинговая фраза Керенскаго о “взбунтовавшихся рабах” превращалась почти в социологическую формулу**).

*) Это подчеркнул в своем первом публичном выступленіи лидер партіи Мякотин. На конференціи 23 марта раздавались даже голоса за подчиненіе революціонному правительству «без критики, как выразился проф. И. Алексинскій.

**) «Сильныя слова» Керенскаго (аксаковская метафора раньше до революціи была употреблена в Гос. Думѣ Маклаковым примѣнительно к войнѣ), были сказаны на фронтовом съѣздѣ 29 апрѣля: «неужели русское свободное государство, есть государство взбунтовавшихся рабов... Я жалѣю, что не умер два мѣсяца назад: я бы умер с великой мечтой, что раз навсегда для Россіи загорѣлась новая жизнь, что мы умѣем без хлыста и палки уважать друг друга и управлять своим государством не так, как управляли прежніе деспоты». Что это «слово отчаянія» или разсчитанная поза? При

Подобныя жалобы на своего рода разрыв интеллигенціи с народом выносили, однако, лишь обвинительный приговор роковой, непредусмотрительной и пагубной тактикѣ, производившей неизбѣжно взаимън зрѣлаго плода недоносок.

Послѣ переворота страну охватила неутолимая жажда просвѣщенія. Из глухих деревенских углов несутся крики: книг, книг, — отмѣчали наблюдатели из числа уполномоченных Временнаго Комитета. Вначалѣ этих книг было мало, и “Россія вернулась к апостольским временам”: по деревням ходили люди и проповѣдывали “новыя начала”. Потом этого книжнаго “просвѣщенія”, пожалуй, стало слишком уже много. Пропагандисты очень скоро нарядились в узкіе партійные мундиры. Каждый “начетчик” до известной степени фанатик. Скоропѣлое “политическое просвѣщеніе” стояло на грани политическаго развращенія масс, поскольку просвѣтителі руководились заветом протопопа Аввакума: “развѣвай рот шире, само царство небесное валится” (так нѣкогда охарактеризовывалась пропаганда Троцкаго в одном из перлюстрированных политической полиціей писем). Приходится ли удивляться, что “сознательность” пасовала перед “стихіей” и “соціализм сознательнаго пролетаріата” затеривался в мірѣ “охлоса”. Это творила “жизнь”, но исторія не может снять отвѣтственность и с тѣх, кто создал внѣшнія формы, в которых выражалась эта жизнь. Послѣдующая исторія революціи регистрирует безконечно длинную вереницу фактов, показывающих, что стихію из “нѣдр революціи” вызывали часто, очень часто, и тѣ, кто по своей идеологіи, казалось, были далеки от большевицких концепцій радикальнаго переустройства міра единым революціонным взмахом. Они становились невольными и бессознательными попутчиками тѣх, кто разрушал демократическій революціонный фронт. Известный “правый” с.-р. Брупвит, вѣроятно, совершенно не отдавал себѣ отчета в том, что он бросает зажженную спичку в пороховую бочку, взрыв которой может уничтожить не только коалиціонное правительство, не только Учред. Собраніе, но и демократію в Россіи, когда в состояніи ораторскаго самозабвенія неосторожно на майском крестьянском съѣздѣ в Самарской губ. бросил в массу демагогическіе призывы от имени арміи: “Мы не выпустим ружей из рук даже и послѣ войны — не выпустим до тѣх пор, пока знамя “Земля и Воля” не будет знаменем государства. Во время Учр. Собр. мы будем держать ружья на-караул, но помните, что послѣ этой команды есть другая — “на изготовку”...

Партія народных социалистов, представлявшая собой в значительной степени интеллигентскую группировку, в цѣлом этого грѣха в революціонные дни не воспріяла на себя*), ибо ея основной практический лозунг органически был связан с девизом, начерченном на ея политическом знамени: “все для народа, все через народ” — то было утвержденіе не только народовластія, но и до известной степени проповѣдь осуществленія в жизни постулатов, освоенных народным созна-

выступленія Керенскаго в силу импульсивности его характера всегда очень трудно отдѣлать искренній порыв от разсчитаннаго шага. Милюков добавлял: «конечно, в социалистических газетах рѣчь эта не была напечатана». Историк ошнбса.

*) Непослѣдовательность, конечно, может быть отмѣчена и здѣсь.

ніем и клавишим преграду “революціонному правотворчеству” массовой стихіи. Идеологи “народнаго социализма” никогда не обольщались “бессознательным социализмом”, сдѣлавшимся столь модным лозунгом в мартовскіе дни, что даже демонстрація дворников в Москвѣ в маѣ происходила под знаменем: “да здравствует социализм”. “Социалистов” стало слишком много. Народным массам главенствующія социалистическія партіи внушали тлетворную мысль, что подлинная демократія заключена в бытовых соединеніях социальных категорій, представленных рабочими и крестьянами. Количественный принцип совершенно устранял естественное раздѣленіе. Роковым образом исчезала категорія трудовой интеллигенціи, имѣвшаяся в программѣ теоретических построений социалистов-революционеров*). Реальныя отношенія, созданныя характером революціоннаго переворота, заставили революціонных идеологов ввести третью категорію “демократіи” — солдат, при всеобщей воинской повинности, не говоря уже об условіях войны, никакой особой социальной группы не представлявших. Социальная логика при этом нарушалась. Ленин был болѣе послѣдователем, когда в своих начальных построеніях, игнорируя “солдатских депутатов”, выдвигал лозунг — “рабочих, крестьянских и батрацких” совѣтов. Поскольку совѣты могли разсматриваться, как революціонные клубы *sui generis*, постолько лишь в схемѣ революціоннаго строительства могли быть законно признанными совѣты солдатских депутатов, которые в первый момент рѣшительно первенствовали в предводительствуемых революціонной демократіей организаціях и накладывали на них свой не классовой и тѣм самым скорѣе политической отпечаток.

Для характеристики просовѣтской позиціи революціонной демократіи символическим является выступленіе “заложника демократіи” в правительствѣ на Всероссийском Совѣщаніи Совѣтов, когда он вырвался из правительственных тепет, чтобы “хоть немного подышать воздухом той среды”, из которой вышел. Передавая “низкій поклон *всей демократіи* от имени Правительства” Совѣщанію, Керенскій разъяснял (дважды) и формулу “всей демократіи” — “рабочим, солдатам и крестьянам”, незамѣтно демагогически троединая формулу становилась в устах социалистических дѣятелей адекватной понятію демократіи, и они, дѣйствительно, сами, быть может, и “помимо собственнаго сознанія”, по выраженію Плеханова, уравнивали дорогу, ведущую к ленинским вопросам. Не отдавая себѣ отчета впоследствии лидер меньшевиков Цере-

*) Органический дефект совѣтской организаціи, которую фактически не исправили отвлеченные тезисы Богданова, вызвал попытку созданія «Совѣтов трудовой интеллигенціи». Инициатива вышла из кругов «демократических групп» комитета Общ. Орг. Был созван в Москвѣ (в маѣ) даже съѣзд подобных организаціи, на который прибыло довольно много людей из провинціи, представлявших около сотни организаціи На Московском Государ. Совѣщ. д-р Жбанков оглашал резолюціи от имени Совѣтов в Москвѣ, Петербургѣ, Киевѣ, Харьковѣ, Казани и др., но тѣм не менѣе всрѣченные довольно враждебно в социалистических кругах, как организаціи «буржуазныя» и не поддержанные достаточно общей печатью Совѣты трудовой интеллигенціи не получили большого распространенія... Только в одной Москвѣ, гдѣ приняли участіе народныя социалисты, Совѣт занял болѣе или менѣе видное положеніе. Дѣятельность его в Петербургѣ не ишла себѣ откликнов.

тели (его называли “мозгом революции”) будет квалифицировать первый официальный съезд советов (в июнь) “полномочным парламентом революционной демократии”, а лидер соц.-рев. Чернов пойдет дальше и назовет съезд советской демократии “нашим учредительным собранием”.

Народные социалисты были чужды этому своего рода “советскому психозу” и не потому, что представители радикальной интеллигенции, вошедшие в партию, как пытается утверждать автор “рождения революционной России”, принадлежали к группам “промежуточной между буржуазной и социалистической” — идеологически последовательные социалисты (правда, не по формуле Интернационала), обосновывавшие свою догму не на стихийной борьбе классов и выдвигавшие интересы человеческой личности на первый план, вожди партии видели в советском принципе нарушение демократических заветов, угрожающее народовластью и органу его выражающему, т. е. Учредительному Собранию. И не только грядущему Учр. Собранию, но и стоявшему в ближайшей очереди демократическому общественному самоуправлению (своим параллелизмом). Поэтому, не игнорируя советы, как революционные организации, стихийно созданные жизнью, партия оставалась к ним холодной и относилась с осторожностью: когда сконструировался окончательно Петербургский Исп. Комитет, в нем не оказалось представителей народных социалистов — Станкевич (тогда трудовик) отмечает, что Мякотин и Пышехонов, т. е. признанные вожди партии, “старательно подчеркивали свою чужеродность”. Это ставило партию как бы вне советской общественности. Впрочем, такую позицию надо признать тактической ошибкой, ибо партия лишилась возможности своей интеллектуальной силой оказывать непосредственное влияние. Но больше серьезной тактической ошибкой являлся отказ возглавить инициативу возрождения в середине марта старого крестьянского союза — наследия того же 1905 года. Отказ мотивировался нежеланием дробить революционные силы. Произошло как раз обратное тому, что рассказывает в своих воспоминаниях Суханов о “попытке” захватить Крестьянский Союз группой радикальной интеллигенции, руководившей Союзом в 1905 г. и не желавшей теперь контакта с Советом Крестьян. Деп. Крестьянский Союз должен был возникнуть, как постоянная организация, а не по типу временных соединений для “политико-революционной борьбы” в схеме советской организации. Он все-таки возник, попал в руки людей больше или меньше случайных и неопределенных по своей общественной позиции, и не получил широкого распространения. Между тем при больше авторитетном руководительстве он мог не только иметь умбряющее значение в противовес крестьянским советам, попавшим в орбиту партии с.-р.*), но и сыграть самостоятельную, значительную роль при выборах в Учр. Собрание.

Мы вкратце остановились на народных социалистах, потому что в дни мартовской общественности только эта группа могла выступить, как организованная единица. Впоследствии вне советской общественности оказалась плехановская группа (сам Плеханов был избран же-

*) «Дело Народа» впоследствии с откровенностью признавало Советы Кр. Деп. эс-эровской организацией.

лѣзнодорожниками в Совѣт, но представители группы “Единство” не были допущены), равно как и въ ея были, в сущности, так называемые соц.-дем. “оборонцы”, руководителем которых слѣдует признать одного из наиболѣе выдающихся идеологов и марксистских публицистов Потресова. К этим общественным подраздѣлениям социалистическаго характера надо отнести и “трудовиков”, выступавших послѣ революціи в качествѣ самостоятельной единицы. Назвать “трудовиков” партией в точном смыслѣ слова нельзя было, ибо эта группа — скорѣе своеобразный политическій блок, рожденный в бытовых условіях думской работы — в сущности не имѣла еще своей цѣльной и разработанной идеологической программы и тактики, — ея думскій лидер Керенскій официально числился в рядах соц.-революціонеров. Народническій отбѣнок трудовой группы естественно толкал ее на соединеніе с народными социалистами. Это соединеніе и произошло в концѣ іюня не без грѣней, ибо у этих политических группировок было в первое время разное политическое воспріятіе революціи. Трудовики оказались болѣе радикальны в программных требованіях*) и болѣе эластичны в тактикѣ, приравливая ее в основных линіях к фронту “совѣтской демократіи”, в дѣлах которой центр принимал живое участіе, составляя ея “правое” крыло: в петроградскій Исп. Ком. входили Чайковскій, Брамсон и Станкевич.

Всѣ указанныя группировки могли создать единый общественный фронт, к которому должны были присоединиться выдѣлившіеся, в концѣ концов, в самостоятельную группу “воленародцы” из партіи соц.-революціонеров. Медленно происходившая в процессѣ революціи дифференцировка партійных группировок ко благу страны была бы ускорена, если бы революціонное правительство с перваго дня родилось в коалиціонной тогѣ. Всѣ попытки сохраненія единаго революціоннаго фронта, — соединить разнородные элементы в единой партіи с.-р. и — перекинуть мостик к двуединой уже социалдемократіи — имѣли пагубный результат уже потому, что дѣлали бесплодную идейную и практическую борьбу с большевизмом, порождая сумятицу в умѣ неиспытаннаго в партійных тонкостях “простолюдина”***). Что было общаго между будущим лѣвым с.-р. Мстиславским и Бунаковым-Фондаминским, объединившимся в одном партійном органѣ? Что было общаго между Черновым, как двѣ капли воды, похожим на Ленина, наряженнаго в “селянскій” костюм, и Авксентьевым, вошедшим в одно коалиціонное правительство? Только то, что иъкогда и Потресов с Лениным сидѣли за одним партійным столом, объединяло этих общественных антиподов. Ясное расчлененіе противоположных политических соединеній и способствовало бы выявленію того подлиннаго “коллективнаго ума”, который по слову культурнѣйшаго апостола анархизма Кропоткина необходим в революціи, — когда-то в своей “Анархіи” он писал: “вся исторія нам говорит, что иъкогда еще люди, выброшенные революціонной волной в правительство, не были на высотѣ положенія”. При на-

*) Напр., в вопросѣ о національном самоопредѣленіи народностей Россіи «вплоть до отдѣленія», между тѣм как народные социалисты были строгими федералистами по областному принципу.

**) Сами большевики были противниками этого «объединительнаго угара».

строениях марговских дней, сказавшихся даже на эволюции большевицкой “Правды”, существование договорившагося социалистическаго блока привлекало бы к себѣ людей, и это не дало бы возможности родиться противоестественному явлению, когда партія соц.-рев., по злomu, современному замѣчанію Потресова, разбухла в первые мѣсяцы революціи до размѣров грандіознаго*). Соглашеніе с демократическими элементами партіи к. д. могло бы дать прочную основу для тактическаго блока и с ценовыми элементами, или по другой терминологіи с буржуазіей, без активнаго участія которой в революціонном процессѣ при неизбежном экономическом кризисѣ в странѣ, которая переживала политическій и социальный катаклизм во время войны, социалсты могли дать, как выразился позже в засѣданіи Московскаго совѣта меньшевик Исувъ, “лишь уравнивательный голод”. Вопреки здоровому политическому разсчету жизнь пошла не по этому пути и превратила в дни существованія перваго революціоннаго правительства одну партію народной свободы в партію как бы “правительственную”.

2. — “Правительственная партія”.

Съездом “правительственной партіи” и пазвали нѣкоторыя газеты (напр., “Бирж. Вѣд.”) собравшійся в капун марта в Петербургѣ съезд партіи народной свободы. По существу это было не совсем так уже потому, что, по признанію Набокова, самым вліятельным лицом в Правительствѣ был Керенскій, котораго поддерживало большинство министров. Наблюдавшій Правительство в “контактных” засѣданіях Суханов говорит, что “лѣвая семерка” — в составѣ обоих Львовых, Керенскаго, Некрасова, Терещенко, Коновалова и Годнева**) почти всегда была в “оппозиціи” к Милюкову, котораго демократическій “День” называл позже “злым гением” революціи. Слѣдовательно, трудно назвать первый період революціи “милюковским”, как это часто дѣлается в литературѣ, и видѣть в лидерѣ к.-д. “фактическаго главу” Врем. Правительства перваго состава. Поскольку с первым періодом связан пафос революціи, он ярче выражался в личности Керенскаго***). Но во внѣ Временнаго Правительство представлялось правительством “ценовым”. Так как правая общественность исчезла с поверхности общественной жизни, то партія к.-д. тѣм самым становилась выразительницей буржуазных настроеній, противопоставляемых совѣтской демократіи. Это была одна из аномалій на зарѣ обновленной жизни страны, искажившая демократическій облик заслуженной партіи русской интеллигенціи. В “страшной и красивой грозѣ, в которой пришел новый строй” (слова Милюкова на съѣздѣ) “надклассовая” партія с компромиссными традиціями прогрессивнаго блока не могла уже выполнять функции

*) Московская газета «Власть Народа» фельетонным пером Ангаровой, непосредственно наблюдавшей первый съезд партіи с.-р., дала такую, нѣсколько жорикатурную характеристику того агломерата, который представляла собою партія: «крайне правая, просто правая, правая, примыкавшая к центру, центр, сбока еще два центра, правый и лѣвый, и такой же пологій скат совѣм влѣво».

**) Масонское ядро? См. «На путях к дворцовому перевороту».

***) Керенскій и был выбран 21-го замѣстителем предсѣдателя правительства по случаю его отсутствія.

“арбитра” — этого тогда не хотѣл понять общепризнанный глава партіи*).

Партія к.-д. была противопоставлена демократіи, хотя первый ея съѣзд послѣ революціоннаго переворота пытался перебросить мост к совѣтским элементам. Он осторожно подошел к вопросу о двоевластіи. “Велика заслуга петроградскаго Совѣта Р. и С. Д. в революціонные дни, — говорил докладчик по тактическим вопросам Винавер, — но, к сожалѣнію, он вышел за предѣлы своихъ функцій. Создалась опасность многовластія, опасность чрезвычайно грозная”. — Совѣтъ не должен издавать распоряженій, имѣющихъ характеръ правительственныхъ актовъ. Но членъ Правительства Некрасов тут же опасенія Винавера сводил на нѣтъ, говоря о “такъ называемомъ двоевластіи” и представляя это “двоевластіе” естественнымъ выводомъ “революціонной психологіи”. — не для того же свергнутъ одинъ самодержецъ, чтобы создать такихъ 12**). Совѣтамъ на съѣздѣ было произнесено много комплиментовъ. Такъ самъ Милоков признавалъ, что, “если бы не было товарищей съѣзда, никакія наши предвидѣнія не помогли бы свергнуть самодержавіе”. Поэтому резолюція съѣзда лишь иносказательно и туманно намекала на двоевластіе. Она говорила: “Пріестановленіе нормальной функціи народнаго представительства не требуетъ организаціи на иныхъ началахъ общественнаго мнѣнія, освѣдомляющаго Правительство и выражающаго отношеніе общества къ мѣропріятіямъ и общему направленію дѣятельности Врем. Правительства. Однако, организаціи, существующія и могущія для этой цѣли возникнуть, должны оставаться въ предѣлахъ указанныхъ цѣлей и не претендовать на функціи власти исполнительной, вводя населеніе въ соблазнъ многовластія, вреднаго, какъ для высшей обороны, такъ и для укрѣпленія новаго строя...”***).

Комплименты “истиннымъ представителямъ революціи” были, конечно, въ значительной степени тактическими пріемами, такъ какъ съѣздъ переходилъ на республиканскіе рельсы****). Рѣшеніе это было принято Цент. Ком. партіи уже 11-го марта, — съѣздъ долженъ былъ провозгласить ту самую “демократическую парламентскую республику”, къ которой такъ отрицательно относился Милоков. Духъ времени требовалъ та-

*) Была сдѣлана въ началѣ апрѣля малоавторитетная и малоудачная попытка создать особую «республиканско-демократическую» партію, которая могла бы явиться организующимъ центромъ для оказавшейся «за бортомъ», по выраженію дневника Гиппиусъ, «интеллигенціи». Партію возглавили члены Думы Барышниковъ, Димитрюковъ, прис. пов. Моргуліесъ, сен. Ивановъ и др. Ея лозунгомъ была «федеративная республика».

**) За нѣсколько дней до съѣзда въ Москвѣ въ «Комитетѣ Общ. Организаций», Некрасовъ еще опредѣленнѣе протестовалъ противъ «легенды» о «какомъ-то плѣненіи Правительства»... «И Врем. Правит. и Совѣтъ Р. Д. — говорилъ министр, — свято блюдутъ свою связь и единеніе, закрѣпленныя уже въ двухъ декларацияхъ».

***). Насколько затушевывался на съѣздѣ вопросъ о двоевластіи, показываетъ тотъ характерный фактъ, что въ отчетѣ «Рус. Вѣд.» — газетѣ почти партійной, — о съѣздѣ вообще нѣтъ изложенія доклада Винавера.

****) Compliments злоупотребляли и пріучили тѣмъ самымъ совѣтскую рядовую массу смотрѣть на себя, какъ на единственное представительство «революціоннаго народа», — какъ къ «истиннымъ представителямъ революціоннаго народа» — обращались 24-го къ Совѣту представители еврейской организаціи члены Гос. Думы к.-д. Фридманъ и извѣстный адвокатъ Грузенбергъ.

кого рѣшенія. “Бурю рукоплесканій” вызывали на обывательских митингах слова: “пусть партія к.-д. похоронит § 19 своей программы в той же могилѣ, гдѣ похоронено самодержавіе”. И партія сбѣшила с этими похоронами. Если старый Петрункевич, не присутствовавшій на съѣздѣ и присоединившій заочно свой голос за демократическую республику писал: “монархія морально покончила самоубійством и не нам оживлять ее”, то официальный докладчик на съѣздѣ Кокочкин обосновал новое положеніе аргументами другого свойства и нѣсколько странными для государствовѣда: населеніе не нуждается больше в монархическом символѣ — “во время войны оказалось, что нельзя быть за царя и отечество, так как монархія стала против отечества”*). Кн. Евг. Трубецкой говорил о “единой національной волѣ”, диктующей новую форму правленія. Резолюція о республикѣ была принята *единогласно* — к ней не только присоединился Милюков, но и “глубоко” радовался государственному мудрому рѣшенію о формѣ правленія, становясь в рѣзкое противорѣчіе с пророческой “проникновенной рѣчью” на Милліонной 3 марта, обрекавшей Россію без монархіи “на гибель и разложеніе”. Так быстро шло приспособленіе к окружающей политической атмосферѣ. Можно признать, что в нормальных политических условіях форма правленія сама по себѣ еще не служит мѣрилом демократизма и в партійных программах подчас является вопросом не столько принципиальным, сколько тактическим. Съѣзд к.-д. стоял перед неизбежным распадом партіи, если бы принял монархическую ориентацію... Мы имѣли уже случай убѣдиться, что настроенія в партіи далеко не соответствовали позиціи, которую пытался занять Милюков в первые дни революціи**). Еще раз эти настроенія подчеркнул Кизеветтер, привѣтствуя 9-го апрѣля пріѣхавшаго в Москву послѣ съѣзда Милюкова. Он отмѣчал значительную роль, сыгранную лидером партіи в переворотѣ, но роль именно революціонную, которая опредѣлялась думской рѣчью 1-го ноября 1916 г. о германофильской партіи Царицы. И... тѣм не менѣе единогласіе в признаніи республики выраженіем “единой національной воли” останавливает на себѣ вниманіе. Конечно, требовалось извѣстное гражданское мужество для того, чтобы пойти против теченія и открыто заявить в революціонное время о своем монархизмѣ, который естественно воспринимался лишь в формах легитимных. Между тѣм публичное исповѣданіе убѣжденій, шедших в разрѣз с настроеніем улицы, могло содѣйствовать оздоровленію политической атмосферы и смягчать революціонную нетерпимость к инакомыслящим. Формальное декларированіе “прав человѣка-гражданина” далеко еще не означает осуществленіе подлинной политической свободы. Русская революція не представляла исключенія. Россія была лишь на порогѣ того “храма свободы”, о котором говорила ветеран русской революціи Брешко-Брешковская в привѣтствіи, обращенном к Со-

*) Кокочкин перефразировал лишь слова Маклакова в Гос. Думѣ 3 ноября 16 года: «старый режим и интересы Россіи теперь разошлись, и перед министрами стоит вопрос: служить режиму и служить Россіи невозможно, как служить Мамонѣ и Богу».

***) Отсюда ясна поправка, которую надо сдѣлать к словам, напримѣр, Пасманика, что Милюков в мартовскіе дни отказался от монархіи «под давленіем уличной толпы».

вѣщанію Совѣтов. Гражданскаго мужества политическіе дѣятели, убѣжденные в цѣлесообразности конституціонной монархіи, не проявили*). В демократических кругах республиканское единодушіе “цензовой общественности” склонны были считать вѣнчим флером, навѣянным моментом, который и нововременцев превращал в “республиканцев”. Милюкову много раз приходилось опровергать “вздор”, заключавшійся в утвержденіи, что партія к.-д. оставалась по существу конституціонно-монархической: “мы совершенные и вѣрные республиканцы. С конституціонной монархіей покончила революція”, — категорически. заявлял лидер партіи**).

На седьмом сѣздѣ партіи к. д. можно отмѣтить и еще нѣкоторыя черты, характеризующія тенденцію перебросить мост к революціонной демократіи. Винавер в докладѣ по тактическим вопросам считал основной задачей партіи в данный момент игнор “контр-революціонным силам”, которыя могут во имя стараго посягать на новый строй... Его содокладчик Шаховской предлагал дать директору Ц. К. “искать соглашеніе налѣво”, “наших сосѣдей справа, мы можем на первых порах оставить”, т. е., ликвидировать прогрессивный блок. Некрасов попытался дать директиву Ц. К. и в области социальной. Только путем социальных реформ — говорил он — можно “обойтись... без социальной революціи”: “меньше всего можно говорить — сначала политика, а затѣм социальные вопросы. Старый режим путем этого лозунга привел нас к революціи”. “Вдохновенныя слова” Некрасова, по отзыву “Рус. Вѣд.”, были встрѣчены шумным одобреніем. Но они не превратились в директиву и не сдѣлались постулатом текущей

*) Позже была сдѣлана попытка, не вышедшая из стадіи предварительной, создать «либеральную» (т. е., монархическую) партію, для переговоров о созданіи которой, как рассказал Тхоржевскій в некрологѣ, посвященном в «Возрожденіи» Гучкову, послѣдній вѣздил к Кривошеину. Как свидѣтельствует сохранившійся документ Родзянки был сдѣлан с этой цѣлью денежный взнос из «экономическаго фонда», созданнаго торгово-промышленной и банковской средой, но формально эта монархическая партія должна была защищать «республиканскія либеральныя идеи». Так освѣдомило Пет. Тел. Аг. с засѣданіи Центр. Ком. «Союза 17 октября», на котором Гучков дѣлал соотвѣтствующій доклад. В мартовскіе дни одни старообрядцы в Москвѣ 14 марта рѣшились высказаться за парламентскую монархію, да орган чешских націоналистов в Кіевѣ — «Славянскія Вѣсти» высказал увѣренность, что Учр. Собр. пожелает имѣть царя.

**) Этот «вздор» снова превратился в дѣйствительность через год, когда именно Милюковым было вновь поднято знамя легитимной монархіи. «Вздор» и для 17 года оставался реальностью. Бюкенен рассказывает, что за завтраком, данным Терещенко в честь прѣхавшаго в Россію Гендерсона, Маклаков вызвал негодованіе Керенскаго заявленіем, что он «всегда был монархистом». Суть в том, что подобныя заявленія не выходили за предѣлы интимных трапез и бесѣд. Во внѣ говорилось иное. Маклаков принадлежал к числу виднѣйших представителей партіи, стоя на ея правом флангѣ. В том докладѣ 31 марта в Москвѣ, о котором уже приходилось упоминать (доклад был сдѣлан в партійной средѣ, но публичный отчет о нем был напечатан в «Рус. Вѣд.), Маклаков, убѣжденный конституціоналист-монархист, подчеркивал, однако, моральное значеніе именно республики. Говоря о германской опасности, нависшей над Россіей, Маклаков заявлял, что предпочитает в случаѣ, если опасность эта осуществится, видѣть «мнимую поработенную Россію... имперіей, а не республикой!». Будущія поколѣнія проклянут нас». Отнесем нѣкоторую примитивность в формѣ выраженія мысли докладчика на счет вольной передачи газетнаго репортажа.

политики, хотя в первом своем воззвании послѣ переворота, 3 марта, партія широкообщательно говорила, что “новая власть первѣйшей заботой своей сдѣлаетъ обезпеченіе рабочих и крестьян”. Дѣло на съѣздѣ сграничилось академическимъ разсужденіемъ на тему о лозунгахъ в духѣ англійскаго фабианскаго эволюціоннаго социализма и столь же теоретическими разсужденіями в печати будущаго “соціалиста” Изгоева на тему о близости социалистическихъ идей партіи. Аграрный вопросъ былъ отнесенъ на слѣдующій партійный съѣздъ. Партія народной свободы не спѣшила с разрѣшеніемъ социальныхъ вопросовъ: в резолюціи Ц.К. 11 марта, в которой провозглашался республиканскій принципъ, говорилось, что аграрный вопросъ подлежитъ разрѣшенію *послѣ войны*. Лидеры партіи настойчиво затѣмъ проводили в своихъ публичныхъ выступленіяхъ мысль о недопустимости социальныхъ реформъ до Учред. Собранія. Революціонная романтика, проявившаяся в настроеніяхъ съѣзда, настолько не встрѣчала уже сочувствія, что авторъ первой исторіи революціи в послѣдствіи даже не упомянулъ в своемъ текстѣ о съѣздѣ, протоколы котораго даютъ, однако, яркій документъ для характеристики эпохи, когда еще свѣтило “солнце мартовской революціи”.

3. — М и р а ж І V Д у м ы.

То, что могло быть, не относится къ вѣдѣнію описательной исторіи. Социалистическія наблюденія ведутъ насъ уже в область “философій исторіи”. Неписанная конституція, установленная жизнью, замѣнила юридическую концепцію, данную актомъ отреченія 3 марта, фактически иной конструкціей власти. Самодержавіе “12-ти” контролировалось Совѣтомъ посредствомъ контактной комиссіи. “Цензовая общественность — единственно организованная” в дни формированія Временнаго Правительства — черезъ короткій промежутокъ оказалась хуже организованной, нежели демократія социалистическая. Предположенія докладчика по организационному вопросу на Совѣщаніи Совѣтовъ Богданова совершенно не оправдались. Ему казалось, что “цензовые элементы... в стадіи революціи группируются и осѣдаютъ” на мѣстахъ в исполнительныхъ комитетахъ общественныхъ организацій. В дѣйствительности общественные комитеты умирали естественной смертію по мѣрѣ того, какъ дифференцировались элементы, в нихъ входившіе — эти объединенные комитеты никогда не были представительствомъ “цензовой общественности”. Если бы “цензовая общественность” в мартѣ сорганизовалась в нѣчто подобное тому, что представляла собой в послѣдствіи московскій совѣтъ общественныхъ дѣятелей, его представители могли бы войти в “контактную комиссію” на тѣхъ же условіяхъ, что и представители совѣтскіе.

Временный Комитетъ Гос. Думы, поскольку онъ находился внѣ этой организованной общественности, не могъ служить противовѣсомъ “давленію” и “контролю” надъ правительствомъ со стороны совѣтской демократіи. Милоковъ говоритъ, что члены Времен. Комитета “обыкновенно” участвовали во всѣхъ важнѣйшихъ совѣщаніяхъ Правительства с делегатами Совѣта для того, чтобы уравновѣсить “давленіе” и “контроль” Совѣта надъ Правительствомъ. О томъ же упоминаетъ Сухановъ. Оба истори-

ка-мемуариста обобщили факты. Совмѣстные засѣданія никаких слѣдов не оставили — повидимому комбинированное совѣщаніе было созвано два раза в апрѣлѣ в связи с осложнениями, возникшими вокруг “займа свободы” и ноты Правительства по внѣшней политикѣ*). От нас пока ускользает повседневная практика в отношеніях между Правительством и Временным Комитетом, ибо протоколов засѣданій послѣдняго не имѣем (кромѣ отдѣльных эпизодических выписок). Из протеста Родзянко, посланнаго кн. Львову 17 марта по поводу телеграфнаго распоряженія министра земледѣлія Шингарева о реквизиціи хлѣба у землевладѣльцев, посѣвная площадь которых превышала 50 десятин**), явствует, что между Правительством и Временным Комитетом существовало определенное соглашеніе, по которому Временный Комитет должен был освѣдомляться о важнѣйших рѣшеніях Правительства. Родзянко, настаивая на немедленной отмѣнѣ распоряженія министра земледѣлія и на передачѣ вопроса “на разрѣшеніе мѣстных компетентных учреждений, которыя могли бы разрѣшить его не на основаніи теоретических соображеній”, в заключеніе выражал сожалѣніе, что “указанныя мѣры были приняты Врем. Правит. без предувѣдомленія о них Временнаго Комитета вопреки состоявшемуся соглашенію и надѣялся, что Врем. Правит. “впредь не откажется придерживаться порядка, установленнаго по взаимному соглашенію его с Врем. Ком. Гос. Думы”.

Это соглашеніе было уже прошлым, которое при осложнившихся отношеніях политических групп не отвѣчало уже ни потребностям момента, ни психологін главных дѣйствующих лиц. Поэтому “Государственная Дума” и оказалась “не подходящим средством для того, чтобы раздѣлить контроль над Правительством” (слова Милюкова в “Исторіи”). В дни правительственнаго кризиса мысль невольно обратилась к фактическому первоисточнику власти, т. е., к первичному соглашенію Временнаго Комитета и Совѣта. Другого формальнаго выхода просто не было. Политическая роль Врем. Комитета в эти дни была и его лебединой пѣсней, поскольку значеніе этого учрежденія, рожденнаго революціей, определялось мартовским “соглашеніем”. Набоков рассказывает, что в позднѣйшей бесѣдѣ с Милюковым (он относит ее к апрѣлю 18 г.) ему пришлось коснуться вопроса — была ли “возможность предотвратить катастрофу, если бы Временное Правительство оперлось на Государ. Думу” и не допустило политической роли Совѣта. По мнѣнію мемуариста, эта возможность была “чисто теоретическая”. Милюков держался иной точки зрѣнія и считал, что момент был упущен. Таким образом задним числом Милюков присоединялся к неосуществившимся проектам Родзянко и Гучкова.

Впослѣдствіи сам Милюков охарактеризовал достаточно определенно всю иллюзорность такого плана, назвав в эмигрантской полемикѣ с Гурко Государственную Думу послѣ революціи “пустым мѣстом”.

*) На майском съѣздѣ партіи к. д. Шаховской выступил с проектом созданія при Правительствѣ постояннаго Государственнаго совѣщанія из представителей Совѣтов и всѣх четырех Государственных Дум.

**) Мѣра эта была принята в соотвѣтствіи с рѣшеніем Продовольственнаго Совѣщанія и рассматривалась, как частичное осуществленіе государственной хлѣбной монополіи, на которой настанвал Совѣт.

Нетрудно установить момент, с которого лидер партии народной свободы в 17 г. изменил свой взгляд на роль, которую может сыграть Государственная Дума в революционное время — это был день, когда Миллюков, покинув ряды Врем. Правительства, впервые, по словам Бубликова, появился на частном совещании членов Думы и стал определять свое отношение к коалиционному правительству уже в соответствии со “знаменитой формулой” Совѣта: “постолько-посколько”^{*)}). Это был день, когда Миллюков, по мнѣнію Палеолога, впервые заколебался в своем оптимизмѣ относительно исхода революціи.

Можно отмѣтить в дальнѣйшем усиливающуюся в средѣ “цензовой общественности” тенденцію гальванизировать “политическій трюк”, как выразился депутат Бубликов в одном из ранних “весенних” газетных интервью. 2 июня Родзянко обратился ко всем членам Думы с письмом, в котором просил их “вызвать из Петрограда только в исключительных случаях, а отсутствующих — принять мѣры к возвращенію в Петроград”. “Политическія событія текущаго времени — писал Родзянко — требуют, чтобы гг. члены Гос. Думы были наготовѣ и на мѣстѣ, так как, когда и в какой момент их присутствіе может оказаться совершенно необходимым, установить невозможно. Эти обстоятельства могут наступить внезапно...” В июльскіе дни послѣ краха той генеральной репетиціи октябрьскаго переворота, которую пытались устроить большевики, в частном совѣщаніи Думы заговорили и болѣе опредѣленно. Открыто высказался за созыв Думы, которая должна превратиться в организующій центр, депутат Масленников: “Стыдно Гос. Думѣ сидѣть гдѣ-то на заборках. Пора Гос. Думѣ, которая возглавила революцію, нести и отвѣтственность за нее...” Депутат просил председателя “вызвать всех членов Гос. Думы не на частное и полпольное засѣданіе, а на настоящее засѣданіе Гос. Думы”, и потребовать, чтобы сюда явилось все правительство в полном составѣ и доложило бы о состояніи страны. Тогда Гос. Дума укажет этому правительству, что дѣлать, и как это правительство пополнить и замѣстить^{**)}). “Да здравствует Государственная Дума, единственный орган, способный спасти Россію” — провозглашал Пурішквич. Чтобы избѣжать “черных дней” контр-революціи, когда остервенѣлый народ взбунтуется против того, кто обманул его ожиданія, нужно, чтобы “Гос. Дума, к которой неслись все народныя чаянія и любовь народа, заговорила громко... и властно”. Миллюков, выражавшій в большей степени настроеніе цензового лежени демократическаго крыла партіи к. д., тактически был болѣе осторожен. Прозванная “юридическое положеніе”, установленное актом 31-аго марта, “недостаточно ясным”, он считал, что Дума была права, “сохраняя себя про запас”, и не осложняла положенія “выходом” на первый план, пока правительство было “сильно, общепризнано и имѣло всенародную поддержку”. Но “я должен сказать, что я представляю себѣ момент, когда Гос. Дума

*) Собственные слова Миллюкова на частном совѣщаніи членов Думы 4 мая; что здѣсь не было обмолвки, показывает выступленіе Некрасова на майском съѣздѣ к. д., призывавшаго отказаться от такой позиціи партіи.

**) Масленников доказывал, что назначеніе правительства принадлежит только Думѣ.

может сыграть роль и в лицѣ ея временнаго комитета и в лицѣ, может быть, самой себя, как учрежденія. Это в том случаѣ, когда власть временнаго правительства не только лишится всенароднаго признанія, котораго оно, по моему мнѣнію, уже лишилось сейчас, но и потеряет всякій авторитет..." В заключеніе Ролзянко, принципиально соглашавсь с мотивами Масленникова, полагал, что поднимать этот вопрос в настоящее время еще не слѣдует: "Я принадлежу к тѣм из вас, которые уже давно раздѣляют точку зрѣнія члена Думы Масленникова. Но я согласен с Милюковым, что еще не настал тот исключительный момент, когда Гос. Дума, как таковая, должна быть созвана".

Именно эта тенденція возстановить Думу, как государственно-правовое учрежденіе, а вовсе не то, что Временный Комитет дѣлал доклады на частных совѣщаніях членов Гос. Думы, вызывала "раздраженіе" революціонной демократіи*). Уже іюньское циркулярное письмо Ролзянко вызвало резолюцію собравшагося в началѣ іюня съѣзда Совѣтов против попытки группы бывших членов Гос. Думы выступить от имени Гос. Думы и, "используя положеніе, занятое ею в первые дни революціи", "стать центром для собиранія сил. дѣйствующих против революціи и демократіи". Резолюція устанавливала, что "революція, разрушив основы стараго режима", упразднила Гос. Думу и Гос. Совѣт, как органы законной власти и лишила их лично состоянія званія, дарованнаго им старым порядком и полагала, что "в дальнѣйшем отпускъ средств на содержаніе и фупкціонированіе Гос. Думы и Гос. Совѣта, как законодательныхъ учрежденій, долженъ быть Врем. Правит. прекращенъ", и что "всѣ выступленія бывших членов Гос. Думы и Гос. Совѣта являются выступленіями частныхъ группъ гражданъ свободной Россіи, никакими полномочіями не облеченныхъ". На съѣздѣ вопросъ о Думѣ былъ поставленъ по инициативѣ большевиковъ, требовавшихъ "немедленнаго и окончательнаго упраздненія Гос. Думы и Гос. Совѣта". Безспорно, большевики — и не всегда только большевики — были склонны раздувать в демагогическихъ цѣляхъ "контр-революціонную" опасность, но в данномъ случаѣ созывъ в дни революціи старой Думы в ея пѣлом, Думы по закону 3 іюля 1907 г., "безстыжесу по пренебреженію къ интересамъ народа" — такъ характеризовалъ его в докладѣ на съѣздѣ Совѣтовъ предсѣдатель Чр. Сл. Комиссіи Муравьев**) — дѣйствительно становился в глазахъ демократіи символомъ той контр-революціи, борьбу съ которой ставилъ основной своей задачей мартовскій съѣздъ партіи к. д. И не только мартовскій: на слѣдующемъ съѣздѣ партіи в маѣ, когда докладчикомъ о текущемъ политическомъ моментѣ выступалъ самъ Милюковъ, отмѣчались "теченія контр-революціонныя", пытающіяся "подъ вліяніемъ испуга" вернуть революцію назад***). Сказалась ли здѣсь только "манія", толь-

*) Такъ в «Исторіи» представлено Милюковымъ. Онъ говоритъ: «даже такая скромная роль Гос. Думы» вызывала раздраженіе.

**) Дѣло было не только в неудовлетворительности самого «закона». Общимъ мнѣніемъ было, что правительство в свое время «аранжировало в широкомъ масштабѣ выборы» (заявленіе Милюкова в той же муравьевской комиссіи); Дума, искусственно подобранная, представляла собой «картинную декорацию», а не законодательное собраніе.

***) В «Исторіи» Милюковъ говоритъ о «несуществовавшей» тогда к.-р. опасности.

ко сознательное злоупотребление “призраком”, который в разной степени захватывал круги социалистические и “пензовые”, поскольку последние были связаны с революцией? Реальные опасения революционной демократии в отношении к Гос. Думѣ во всяком случаѣ не были только “призраком”: Гучков впоследствии рассказал (в посмертных воспоминаниях), как он пытался организовать “кадры для похода на Москву и Петербург” под флагом Думы, а Деникин сообщает, что Пуришкевич носился с идеей переѣзда Гос. Думы на донскую территорию для организации противодействия Временному Правительству.

4. — В ожиданіи Учредительнаго Собранія.

Мы заглянули уже в будущее. При таком ретроспективном обозрѣніи прошлаго, вышедшаго из-под пера современников событій, никогда не надо забывать, что описанное, поскольку рѣчь идет о мартовских буднях, принадлежит к другой уже страницѣ в исторіи революціи. Тогда в сущности вопрос шел о коротком промежуткѣ времени до созыва Учредительнаго Собранія, в період котораго надо было осуществить полумѣры, удовлетворившія бы жажду народнаго нетерпѣнія и противодействовавшія бы социальной демагогіи. Когда наступал срок обязательства, принятаго Временным Правительством и “закрѣпленнаго присягой”? Его никто вполне не пытался установить. В каком то сравнительно отдаленном времени рисовался этот созыв председателю Временнаго Комитета в момент его переговоров с генералами на фронтѣ в ночь на 2-ое марта. Французскій посол утверждает, что на высказанное им сомнѣніе о возможности созыва У. С. во время войны, Милюков в бесѣдѣ с ним довѣрительно сказал, что он старается не принимать никаких обязательств относительно точной даты выборов. Набоков — тот самый Набоков, под руководством котораго был выработан наилучшій избирательный закон — считал, как мы видим, подлинной трагедіей созыв Учр. Собранія во время войны (какой это символ для Врем. Правит.!). Так было за правительственными кулисами. Открыто общественная мысль усвояла другое — мысль о созывѣ Учр. Собр. в самое ближайшее время. 4 марта в Москвѣ происходит собраніе дѣятелей земскаго и городского союзов, на котором обсуждается воззваніе к населенію. Видные кадеты Кизеветгер, Котляревскій, Теленко с горячностью возражают на “оборонческие” взгляды представителей “демократіи” и доказывают, что вопрос о войнѣ нельзя откладывать до Учр. Собранія, которое соберется через “1-2 мѣсяца” (!). Подготовка к созыву Учр. Собр. начнется — увѣрял Керенскій в Москвѣ 7 марта — в “ближайшіе дни”. 13 марта представители Совѣта настаивали перед Правительством на скорѣйшем созывѣ Учр. Собранія. Правительство в отвѣтъ заявило, что срок созыва “должен быть возможно болѣе близкій”. “война ни в каком случаѣ не может помѣшать созыву Учр. Собранія”, — “разгар военных дѣйствій” может лишь “задержать открытіе засѣданія У. С.”. “Во всяком случаѣ *предельным* сроком У. С., по предположенію Врем. Прав. является середина лѣта”. Представители Совѣта находили, что этот срок представляется “слишком отдаленным”. Созыв У. С. откладывался, и наблюдательный французскій

журналист *Amnet*, имѣвшій постоянные частные разговоры с отвѣтственными политическими дѣятелями, спѣшил информировать общественное мнѣніе во Франціи, что загадочное Учредительное Собраніе отложено *ad calendos grecos*. В дѣйствительности лишь постановленіе об образованіи Особого Совѣщанія по выработкѣ закона о выборах в У. С., было вынесено Вр. Правительством к концу марта (25-го). “Вещь совершенно неосуществимая” созвать У. С. через 2-3 мѣсяца — компетентно разъяснял Кокоскин на сѣздѣ к. д. Так можно было рѣшать “с жара”, “не отдавая себѣ отчета” объяснял, в свою очередь, докладчик по Учр. Собранію в Совѣщаніи Совѣтов Станкевич. Ближайшій срок — это сентябрь. Милюков в “Исторіи” поясняет, что созыв У. С. “не мог состояться до введенія на мѣстах новых демократических органов самоуправленія”*).

С другой стороны, “хотя Правительство обязалось также привлечь к выборам и армію, но у перваго состава Врем. Пр. — продолжает Милюков — сложилось убѣжденіе, что это можно лишь в момент затишья военных операций, т. е. не раньше поздней осени”. Всѣ сознавали, что произвести выборы в Учр. Собр. без участія арміи, фактически невозможно. “Гдѣ вы найдете такую силу, которая рѣшилась бы устранить от участія в выборах в У. С. ту стихію, которая нам создала и обеспечивает самый созыв этого Собранія”, говорил докладчик в Совѣщаніи Совѣтов. вмѣстѣ с тѣм производить выборы в “боевой обстановкѣ”, когда невозможна претвыборная кампанія (дневник ген. Селпвачева 10 марта) казалось ненормальным, и с фронта дѣйствительно поступали депутатам, объѣзжавшим дѣйствующую армію отдѣльными ходатайства об отложеніи выборов даже “до окончанія войны” в виду невозможности агитаціи. Однако, и созыв юридическаго “Особаго Совѣщанія” затормозился. Милюков объясняет задержку тѣм, что Совѣт вначалѣ не отвѣчал на предложеніе опредѣлить численность представителей в Совѣщаніи от демократических организацій, потом оспаривали эту численность. Дальше пошли проволочки с посылкой делегатов, и вмѣсто 25-30 апрѣля, как предполагала юридическая коммиссія при Правительствѣ, работа Совѣщанія так и “не началась” при Временном Правительствѣ перваго состава. Правительственная декларация новаго коалиціоннаго кабинета подчеркивала, что всѣ усилія Правительства направлены на скорѣйшій созыв У. С. Но лишь 25 мая было

*) Положеніе это надо отнести к числу основных демократических требований, настолько прочно вкоренившихся в общественное сознаніе, что даже в Всер. Цент. Исп. Ком. в послѣдних числах іюля был поднят вопрос об отложеніи выборов в Учр. Собр. в виду отсутствія на мѣстах демократических выбранных органов городского, земскаго и волостного самоуправленія, которым единственно можно довѣрить производство избирательной работы» (доклад Брамсона 29 іюля). В революціонное время демократической постулатъ становился предразсудком, ибо правительственная избирательная коммиссія в большей степени могла бы гарантировать правильность выборов, чѣм общественныя самоуправленія при гипертрофій политики. Выборы в общественныя самоуправленія в 17 году дали наглядный урок того, как совершенный закон в ненормальное время может приводить к абсурду — при переполненіи городов тыловыми военными запасными частями правило, что военные голосуют на общем основаніи с проживающими на мѣстах в момент составленія списков придадо городскому самоуправленію рѣзко политической характер, мало соответствовавшій мѣстным интересам.

“опубликовано положеніе” об Особом Совѣщаніи и началась работа Совѣщанія. “Сентябрь”, таким образом, отдалялся на ноябрь. В Кіевѣ в Комитетѣ общ. организацій Керенскій мотивировал эту отсрочку другими соображеніями, чѣм тѣ, которыя выдвигали представители “цензуровой общественности”, — невозможностью предвыборной кампаніи в разгар сельско-хозяйственных работ.

Так или иначе совершена была величайшая, роковая и непоправимая тактическая ошибка революціи — совершена была и *bona fide* по догматикѣ государствовѣдov и *mala fide* по близоруким соображеніям оттянуть рѣшительный момент в надеждѣ на помѣненіе условий, при которых соберется рѣшающее законодательное учрежденіе. — Давленіе, которое в этом отношеніи на Врем. Правительство оказывали социально-экономическія привилегированныя группы, не подлежит сомнѣнію. В июльскіе дни послѣ большевицкаго выступленія требованіе отсрочки У. С. становится общим мѣстом почти всей тогдашней правой общественности, опредѣленно высказывавшейся в этом отношеніи в частных совѣщаніях членов Гос. Думы. Совѣт Союза казачьих войск ходатайствовал перед Керенским об отсрочкѣ выборов на срок “не ранѣе января” в виду “непрекращающагося на мѣстах большевицкаго и анархическаго движенія”, которое дѣлает “совершенно невозможной правильную работу по подготовкѣ выборов”... Милоков считает (в “Исторіи”) “политическим грѣхом” перваго коалиціоннаго правительства назначеніе выборов в У. С. в явно невозможный срок “в угоду лѣвым социалистам”... Убѣжденіе, что “отложеніе созыва У. С. понизит то настроеніе, которое теперь имѣется”, раздѣляли и в демократических кругах. Эту тезу, между прочим, развил в Совѣщаніи Совѣтов делегат Вологды Сѣров: Настроенія “огромный фактор” и поэтому затягивать созыв У. С. нельзя. Депутат из губерніи с развитой сѣтью кооперативных организацій вмѣстѣ с тѣм с нѣкоторым пессимизмом оцѣнивал революціонныя настроенія современной деревни. Откуда война изъяла наиболѣе сознательный элемент. Сѣров выѣл главную опасность со стороны деревенской жеищины, которая в “большей части до сих пор еще плачет, что пѣт на престолѣ Николая Романова: онѣ говорят, что хорошо, чтобы царь, хоть плохенькій. по царь”. Сѣров дѣлал отсюда лишь вывод, что “огромная работа” по строительству “новой деревни” не терпит отлагательства.

Никто, конечно, не мог предвидѣть возможности разгона Учред. Собранія тѣми, кто требованіе скорѣйшаго его созыва превращали в свою агитаціонную платформу. Но не так трудно было предугадать роль, которую в выборах должны были сыграть “истинные представители революціоннаго народа” в Совѣтах. Для докладчика в Совѣщаніи Совѣтов трудовика Станкевича одна сторона вопроса рѣшалась “просто”: “Совѣты Р. и С. Д. — говорил он — не могут на время выборов отказаться от роли наблюденія и контрооля и обезпеченія правильности выборов”*). Эта формальная задача представлялась доклад-

*) Еще до Учр. Собр. иллюстрацію будущаго контроля можно было наблюдать в Москвѣ при выборах в новое городское самоуправленіе. Контроль вылился прежде всего в общественную цензуру. Московскій Совѣт объявил «социалистическими избирательные списки лишь тѣх партій, кото-

чику столь важной, что он боялся усложнить ее другими задачами. Он ставил “под сомнѣніе” возможность для Совѣтов, как выразителей “мнѣнія россійской демократіи”, выступить на выборах в У. С. со “своей платформой, платформой *блока* (?) социалистических партій”. Самостоятельное выступленіе “трудно примиримо с функцией контроля”, нуждается в “соглашеніи” с партіями, что и “сложно и шекотливо”. — Докладчик от имени Исп. Ком. предлагал вопрос не рѣшать, а оставить его “открытым, не связывая свободы мѣстных организацій”... Какой то злой ироніей отзывается тот факт, что рѣшеніе руководителей совѣтскаго центра, отнюдь не склонных удовлетвориться только ролью технических инструкторов в “избирательной кампаніи в Учр. Собраніе, — рѣшеніе в обликѣ двуликаго Януса — должен был обосновывать представитель трудовой группы. Вмѣшательство Совѣтов в избирательную кампанію, наряду с политическими партіями, искажало лишь “волю народа”, ибо фикціи выдавались за дѣйствительность.

Скорѣйшій созыв Учредительнаго Собранія был в интересах всей страны. Подобную мысль в июльскіе дни в противность петербургским настроеніям высказали в Москвѣ “Русскія Вѣдомости”, “Учредительное Собраніе — писала газета — послѣдняя ставка для тѣх, кто не хочет гражданской войны”... “Если есть мирный выход, то он в Учредительном Собраніи”. Старый, либерально-демократическій орган, очень близкій партіи к. д. по персональному составу своих руководителей в это время, но никогда не терявшій характера “независимаго органа свободной русской общественной мысли” (Розенберг), предпочитал выборы “несовершенные” отсрочкѣ “избирательной кампаніи”. Мнѣ кажется этот вывод совершенно непреложным и в дни перваго революціоннаго Правительства. Быть может, глубоко прав замѣтившій Палеолога на посту французскаго посла в Петербургѣ Нуланс, написавшій в своих воспоминаніях, что Россія избѣгла бы октябрьскаго переворота, если бы не было отложено Учредительное Собраніе. Страна не могла жить мѣсяцами в революціонной лихорадкѣ только в ожиданіи. Каждый день ставил и новыя испытанія “самодержавію” Временнаго Правительства. Жизнь превращала в идеологическій мираж требованія не предвосхищать рѣшеній Учред. Собранія, как “выразителя народной воли”. Такія требованія формулировал Ц. К. партіи народной свободы 6 мая в дни, послѣдовавшіе за апрѣльским правительственным кризисом. Отвлеченность “требованій” настолько была очевидна, что тот же Ц. К. партіи в своем заявленіи дѣлал оговорку, сво-

рья входили в московскій Совѣт. Народно-социалистическій список исключался. Это было непослѣдовательно, потому что в центрѣ народные социалисты так или иначе непосредственно участвовали в «совѣтской работѣ». Представитель партіи (Пѣшихонов) входил в коалиціонное министерство, которое признавалось до извѣстной степени подотчетным Совѣту в своей социалистической части; в этот самый момент происходило объединеніе с трудовиками, входившими в отвѣтственные, центральные органы «совѣтской демократіи» — они были представлены и на закончившемся сѣздѣ совѣтов. В результатѣ московскаго дѣйствія представитель народных социалистов на перманентном митингѣ на Тверском бульварѣ у памятника Пушкина был избит любителями кулачной расправы, отстаивавшими чистоту социалистических риз. Это не вызвало протеста в нѣдрах Совѣта.

дящую почти на нѣтъ принципиальную позицію, когда рѣчь шла о директивах членам, вступающим в коалиціонное министерство: “впредь до созыва” Уч. Собр., партія считала возможным “содѣйствовать проведению в жизнь всѣх неотложных мѣропріятій” с цѣлью “установленія разумной и цѣлесообразной экономической и финансовой политики, подготовки к земельной реформѣ, направленной к передачѣ земли трудовому земледѣльческому населенію” и т. д. “Неотложныя мѣропріятія”, “разумная и цѣлесообразная экономическая политика” допускали широкое и субъективное толкованіе.

На восьмом съѣздѣ партіи к. д., который происходил в маѣ, т. е. тогда, когда Милюков покинул ряды Правительства и был лично в оппозиціи кабинету, создавшемуся на коалиціонной основѣ, он говорил, что Временное Правительство перваго состава, “созданное Думой и освященное силами революціи, пользовалось непререкаемым авторитетом”. Временное Правительство слишком преувеличивало свою популярность — скажет Родзянко в воспоминаніях; оно видимые признаки единодушія приняло за реальность и это было “зловѣщей иллюзіей” — подведут итоги первые историки революціи. Одно мы можем сказать, революціонное правительство на горе странѣ не сумѣло в значительной степени по собственной винѣ воспользоваться той исключительной популярностью, которую ему дали настроенія “мартовских дней”. — Историк не сможет согласиться с записью в дневникѣ ген. Куропаткина под 18 марта о том, что “авторитет Временнаго Правительства” был “чрезвычайно мал”.

В “Исторіи революціи”, написанной Милюковым в обстановкѣ, казалось бы, недавних переживаній 17-го года, Временное Правительство представляется каким то комитетом по созыву Учредительнаго Собранія: “всѣ его очередныя мѣры были чисто формальныя и подготовительныя. Оно просто готовило условія для свободнаго выраженія народной воли в Учр. Собр., не предрѣшая по существу, как выразится эта воля относительно всѣх очередных вопросов государственнаго строительства — политических, социальных, національных и экономических”. Едва ли это соответствовало дѣйствительности, и приходится усомниться в том, что руководящее ядро в Правительствѣ сознательно шло на политическое самоубійство*).

*) Сам Милюков так рѣзко подчеркивающій в историческом обзорѣ, что партія его придавала «громадное значеніе» Учред. Собранію, никогда не создавал себѣ фетиша из органа «высшаго выразителя народной воли» и до революціи относился к нему весьма скептически.

Правые круги, как раз обвиняли Вр. Пр. за то, что оно вышло за предѣлы формальной подготовки созыва Учред. Собранія.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Авдѣев. Первые дни февральской революціи. Прол. Рев. 13.
Авдѣев. Революція 1917 г. Хроника событий. 1923.
Алданов. Третье марта. Юбилейный сб. в честь Мнлюкова. Париж 1929.
Александр Михайлович (в. кн.). Книга воспоминаній. Париж 1933 г.
Алексѣев Н. Рожденіе приказа номер первый. «Возрожденіе» № 2554, 1932 г.
Алексѣев (ген.). Из дневника Рус. Ист. Арх., т. I.
Андрей Владимірович (в. кн.). Дневник. Красный Архив XXVI.
Андреев. Из офицерских писем с фронта в 1917 г. Кр. Арх. L-LI.
Анэ. La Révolution Russe. Paris 1919.
Арбатов. Екатеринбург, 1917-22. Арх. Рус. Рев. XII.
Блок. Послѣдніе дни императорской власти. 1921 г. (переп. в А. Р. Р. IV).
Болдырев. Из дневника, 1917 г. Кр. Арх. XXIII.
Борьба за октябрь на Артемщинѣ. Харьков 1929.
Боткина-Мельник. Воспоминанія о царской семьѣ. Бѣлград 1921.
Бош. Год борьбы — 1925 г.
Брамсон. К исторіи трудовой партіи. Пет. 1917.
Бубликов. Русская революція. Нью-Йорк 1918.
Булгаков. Революція на автомобилях. «На Чужой Сторонѣ», № 6.
Буржуазія наканунѣ революціи. Ред. Граве. 1927.
Бьюкенен. Моя миссія в Россіи. Берлин 1924.
Васильев. Mes souvenirs. «Monde Slave». 1927.
Верещак. Революція на Кавказѣ. «Воля Россіи».
Верховное Командованіе в первые дни революціи. Кр. Арх. V.
Верховскій. Россія на Голгофѣ. Петр. 1918.
Верховскій. На переломѣ жизни. «Былое» № 27.
Верцинскій. Год революціи. Талин 1929.
Вильчковскій. Пребываніе Государя Императора в Псковѣ по разсказу ген. Рузскаго. Русская Лѣтопись кн. 3.
Винберг. Крестный путь. Мюнхен 1922.
Витте. Воспоминанія. Берлин 1922.
Вишняк. Два путн. Париж 1931.
Вишняк. Lénin. Paris 1933.
Воейков. С Царем и без Царя. Гельсингфорс 1936.
Волконскій. Мои воспоминанія. Мюнхен 1923.
Воронович. Записки предсѣдателя Совѣта солд. депутатов. (Архив Гражданской войны, вып. II). Берлин.
Врангель. Записки. Ч. I. «Былое Дѣло», кн. V.
Врангель Н. От крѣпостного права до большевиков. Берлин, 1924.
Гайстер. Всеподданѣйшій отчет Саратовскаго губ. Столыпина. Кр. Ар. XVII.
Галкин. Октябрьская рев. в Ростовском у. Ростов.
Генкина. Февральскій переворот. Очерк исторіи окт. рев. под ред. Покровскаго II — 1927.
Головин. Русская контр-революція. Париж 1937.
Головин. Внѣшнія усилія Россіи в мировой войнѣ. Париж 1939.
Гольденвейзер. Кіевскія воспоминанія. Арх. Р. Рев. VI.
Горѣлов. На рѣках вавилонских. Берлин 1921.
Государственное Совѣщаніе. Архив Окт. Рев. 1930.
Горев. Предисловіе к книгѣ ген. Мартынова «Февральская Революція».
Градовскій. Шлиссельбургская каторга. «Былое» № 27-28.
Гурко I. Царь и Царица. Париж 1922.

- Гурко В. Египетские войны и Revolution. Berlin 1920.
- Гучков. Воспоминания. «Последняя Новости».
- Данилов (ген.). Мои воспоминания об имп. Николае II и в. кн. Михаиле Александровиче. А. Р. Рев. XIX.
- Данилов И. Воспоминания о подневольной службе у большевиков. А. Р. Рев. XIV.
- Демидов. Царское Село 1 марта 17 г. «Посл. Нов.», 12 марта 1927.
- Деникин. Очерки русской смуты.
- Деникин. Об исправлениях истории. «Посл. Нов.», № 5712.
- Дигерихс. Убийство царской семьи. Владивосток 1922.
- Дробина. Приказ № 2. Кр. Арх. XXXVII.
- Дубенский. Как произошел переворот в России. «Рус. Лѣт.», кн. 3.
- Жеваков. Воспоминания. Мюнхен 1923.
- Жильяр. Имп. Николай II и его семья. Вѣна 1931.
- Заславский и Канторович. Хроника февр. револ. 1924.
- Зворинкин.
- Зензинов. Из жизни революционера. Париж 1929.
- Иванов (ген.). Письмо Гучкову. Кр. Арх. XXIV.
- Иванов. Увольнение Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего. Кр. Арх. X.
- Иностранцы дипломаты о революции. Кр. Арх. XXIV.
- Ичас. 27 и 28 февраля 1917 г. «Посл. Нов.» 12 марта 1927 г.
- Канторович. Фон Линде. «Былое» 24.
- Карабчевский. Революция в России. Берлин 1921.
- Катенев. Занятие департамента полиции. «Гол. М. (На Ч. С.)» № 6.
- Каширов. Шесть дней Февральской революции. Прол. Рев. 13.
- Кельсон. Мелодия Февральской революции. «Былое» № 29.
- Керенский. Издалека. Париж 1922.
- Керенский. La Révolution Russe. Paris 1928.
- Керенский. La Verité sur le massacre des Romanoff. Paris 1936.
- Керенский. L'Expérience Kerensky. Paris 1936.
- Керенский. Февраль и октябрь. «Соврем. Записки».
- Керсновский. История русской армии. Бѣлград 1938.
- Кипченко и Чекотило. Отчет комиссаров XI армии. «Бѣлый Архив» кн. 1.
- Кирпичников. Воспоминания о л.-тв. Вольском полке. «Былое» 1917, кн. 5-6.
- Клейнмихель. Из потонувшего мира. Берлин 1923.
- Кокорцев. Из моего прошлого. Париж 1933.
- Колчак. Допрос. 1925 г.
- Кондратьев. Воспоминания о подпольной работе. «Красн. Лѣт.» № 9.
- Короленко. Отечество в опасности. (15 марта 1917 г.).
- Короленко. Письмо к Протопопову. «Былое» № 20.
- Краснов. Памяти Имп. Русской Армии. «Русская Лѣтопись» кн. 5.
- Крестьянское движение в 1917 г. (1917 г. в документах). 1927.
- Курлов. Гибель императорской России. Берлин 1923.
- Куропаткин. Из дневника (1917 г.). Кр. Арх. XX.
- Легра. Mémoires de Russie. Paris 1921.
- Лелевич. Февральская революция в бѣлогвардейском освѣщеніи. Прол. Рев. 13.
- Ленин. Сочинения, т. XIV (первое издание).
- Лозинский. Прол. Рев., № 69.
- Ломоносов. Воспоминания о мартовской революции.
- Лукаш. Преображенцы. Петр. 1917 г.
- Лукомский. Воспоминания, т. I. Берлин 1922.
- Людендорф. Воспоминания.
- Львов Вл. Воспоминания (напечатанные страницы).
- Маклаксы. Отрывки ненапечатанных воспоминаний.
- Маклаков. Préface aux Interrogat. par le Com. Ext. de 1917.
- Максаков и Трунов. Хроника гражданской войны в Сибири. М. 1926.
- Максимова. Воспоминания анархиста. Лѣт. Революции. Берлин.
- Мансьев. Мои воспоминания о Гос. Думѣ. «Ист. и Совр.» № 3.
- Маркович. La Révolution Russe par une française. Paris 1918.

- Маргулес. Год интервенции. Берлин 1923.
Марков С. Покинутая царская семья. Вѣна 1928.
Мартынов. Царская армія в февральском переворотѣ. 1927 г.
Мартынов. Аграрное движеніе в 1917 г. по документам Гл. Зем. Комитета. Кр. Арх. XIV.
Массарик. Мировая революція. Прага 1926 г.
Махно.
Мельничій. Воспоминанія матроса. «Прол. Рев.» 10.
Милоков. Исторія второй русской революціи.
Милоков. Россія на переломѣ, т. I.
Милоков. Первый день. «Юсл. Нов.» 1927 г. 12 марта.
Милоков. Послѣдніе совѣты Царицы. «Посл. Нов.», 23 февр. 1924 г.
Милоков. Гурко и новѣйшая исторія. «Посл. Нов.» 1924 г.
Милоков. Роковые годы. «Русскія Записки» XIX.
Милоков. Дневники. Кр. Арх. 51, 57.
Милоков. Суд над кадетским либерализмом. «Совр. Зап.», XLI.
Мельгунов. Золотой ключ к большевицкой революціи.
Мельгунов. На путях к дворцовому перевороту.
Мельгунов. В годы гражданской войны.
Мельгунов. Трагедія адм. Колчака.
Мельгунов. Методы и выводы ген. Головина.
Мельгунов. Как большевики захватили власть.
Мельгунов. Гражданская война в освѣщеніи Милокова.
Мордвинов. Отрывки из воспоминаній. «Рус. Лѣт.», № 5.
Мстиславскій. Гибель царизма. 1927.
Мстиславскій. Пять дней. Берлин 1922.
Мякотинъ. Великій переворот. М. 1917.
Набоков. Временное Правительство. Арх. Рус. Рев. I.
Набоков. Испытанія дипломата.
Наратов. «Кр. Лѣт.» 23.
Нарышкина. Дневник за 1917 г. «Посл. Нов.» 1936.
Никитин. Роковые годы. Париж 1937.
Николай II. Дневник. Кр. Арх. XX.
Николай Мих. (в. кн.). Дневники. Кр. Арх. 49.
Нокс.
Нольде. L'Ancien Régime et la Révolution Russe. Paris 1928.
Нуланс. Mon ambassade en Russie soviétique, 1917-19. Paris 1933.
Оамер. В дни революціи в Царскосельском дворцѣ. «Сегодня» 16 июля 33 г.
Оберучев. В дни революціи. Нью-Йорк 1919.
Обзор положенія Россіи за три мѣсяца революціи. (Отчет Врем. Комитета). Кр. Ар. XV.
Октябрь в деревнѣ.
Отчет Оверменской Комиссіи Сената. Соед. Шт. 1927.
Отчет о перлюстраціи деп. полиціи за 1908 г. Кр. Арх. XXVII.
Паденіе царскаго режима. Стенографическій отчет допросов Чр. Сл. Ком. I-VII, 1926 г.
Палеолог. La Russie des Tzars.
Палъй. Souvenirs de Russie 1916-19. Paris 1923.
Переписка Н. А. и А. Ф. Романовых Предисловіе Покровскаго. М. 1925 г.
Переписка великих князей (Николая II и вел. князя) 1925 г.
Перетц. В цитадели русской революціи. Петр. 1917.
Петрищев. 20 лѣт февральской революціи. «Нов. Рус. Слово» март 37 г.
Письма солдат. Кр. Арх. 64.
Плеханов. Год на родинѣ. Париж 1921.
Покровскій. Очерки революціоннаго движенія. 1924.
Поливанов. Из дневников и воспоминаній. 1924 г.
Поднер. Жизненный путь кн. Львова. Париж 1932.
Половцов. Дни затменія. Париж.
Пронин. Послѣдніе дни Царской Ставки. Бѣлград 1932.
Протоколы Исп. Комитета Петр. Совѣта Р. и С. Д. 1925.
Протопопов. Из дневника. Кр. Арх. X.

- Пташкина. Дневник. Париж 1922.
 Пуятягина. Les derniers jours du Gr. Duk Mich. Al. Revue des deux Mondes. 1923.
 Пъшехонов. Первая недѣля. «На Чужой Стронѣ», № 1.
 Пэрс. Предисловіе к книгѣ Керенскаго «La Vérité».
 Рабинович. Борьба за армию в 1917 г. 1930.
 Рабинович. Тактика высшаго командованія в февральской революціи (письма Лукомскаго). Кр. Арх. 35.
 Рабочее движеніе в 1917 г. (Арх. Окт. Рев.) 1926.
 Разложеніе армій в 1917 г. 1925.
 Раскольников. Кронштадт и Питер в 1917 г. 1925 г.
 Рафес. Два года революціи на Украинѣ. 1920.
 Революціонная пропаганда в арміи 1916-1917 г. Кр. Арх. XVII.
 Рейнгартен. Дневник 1917 г. Кр. Арх. XVI
 Родзянко. Государственная Дума и февральская революція. А. Р. Рев. VI.
 Родзянко. Письмо кн. Львову 18 марта. Кр. Арх. II.
 Романовы в первые дни революціи. Кр. Арх. XXIV.
 Романовы и союзники. Кр. Арх. XVI.
 Романовы Н. и А. Переписка. 1927.
 Рубинштейн. Высшая политика, Кереновщина. «Очерки окт. рев.» под ред. Покровскаго, т. II.
 Руднев. При вечерних огнях. Харбин 1928.
 Рысс. Русский опыт. Париж 1921.
 Савич. Отреченіе от престола имп. Николая II. «Рус. Лѣт.» 3.
 Садиков. Предисловіе к воспоминаніям Родзянко. Арх. Р. Рев. XIII.
 Сборник в честь Милокова.
 Селивачев. Дневник. Кр. Арх. IX.
 Сергѣй Михайлович (в. кн.). Письма. Кр. Арх. 57.
 Сидоров. Вліяніе имперіал. войны на экономику Россіи. Очерки к исторіи октябр. революціи.
 Скобелев. 25 февраля — 3 марта. «Веч. Москва».
 Смидович. Выход из подполья в Москвѣ. Пр. Рев. 13.
 Смирнов. Autour.
 Совѣщаніе Совѣтов. (Арх. Окт. рев.).
 Соколов. Убіиство царской семьи. Берлин 1925.
 Сорокин. Гвардейскій экипаж в февральскіе дни 17 г. «Кат. и Ссылка», № 81.
 Ставка и мин. ин. д. Кр. Арх. XXX.
 Станкевич. Воспоминанія. Берлин 1920.
 Сторожев. Февральская Революція 1917 г. «Науч. Изв.» 1922 г.
 Струве. Размышленія о русской революціи.
 Суханов. Записки о революціи. I и II. Берлин 1922.
 Сухомлинов. Воспоминанія. Берлин 1924.
 Телеграммы Ставки. С примѣчаніями Рузскаго. «Рус. Лѣт.» кн. 3.
 Тихменев. Из воспоминаній о послѣдних днях пребыванія имп. Николая II в Ставкѣ. Ницца 1925.
 Троцкій. Исторія русской революціи. Берлин, 1931.
 Тхоржевскій. О Гучковѣ. «Возрожденіе».
 Уфимское Совѣщаніе. Рус. Ист. Арх. Прага 1929.
 Учредительное Собраніе (стеногр. отчет), 1917 г. в документах. 1930.
 Февральская революція 17 г. (Документы Ставки). Кр. Арх. XXI-XXII.
 Февральская революція и европейскіе социалисты. Кр. Арх. XVI.
 Февральская революція в Петроградѣ (донесенія в военную Комиссію Врем. Ком.). Кр. Арх. XLI-XLII.
 Февральская революція 1917 г. Частное Совѣщаніе Гос. Думы. «Воля Россіи», 1921, № 153.
 Февральская революція и Охраниое Отдѣленіе. «Былое».
 Хинчук. Из воспоминаній о февр. революціи. Прол. Рев. 13.
 Чебышев. Близкая даль.
 Чернов. Рожденіе революціонной Россіи. Париж 1934.

- Шамбрэн.**
Шессэн. «La Révolution Russe (au pays de la Démence Rouge)». Paris.
Шестаков. Совѣт Крест. Депутатов.
Шидловскій. Воспоминанія. Берлин 1923.
Шкловскій. Сантиментальное путешествіе. Берлин 1923.
Шляпников. Канун 1917 г.
Шляпников. Семнадцатый год. 1923-27 г.
Шляпников. Февральская революція и ѣвр. социалисты. Кр. Арх. XV.
Шляпников. Февральскіе дни в Петроградѣ. Прол. Рев. 13.
Шредер. От самоуправленія к Совѣтам. «Изв. Инст. Из. Россіи». Прага.
Штребель. Германская революція. Берлин 1921.
Штерн. В огнѣ гражданской войны. Париж 1922.
Шульгин. Дни. Бѣлград 1925.
Щеголев. Послѣдній рейс Николая II. 1928.
Югов. Совѣты в первый період революціи. (Очерки по исторіи окт. революціи. Под ред. Покровскаго) т. II. 1927.
Якоби. Le Tsar Nicolas II et la Révolution. Paris 1931.
Яхонтов. Тяжелые дни. Арх. Рус. Рев. XVIII.
Энгельгардт. Революціонные дни. «Общее Дѣло» 1921 г.
Z. Послѣдніе совѣты. «Посл. Нов.». 30 апрѣля 1924.
-

О Г Л А В Л Е Н І Е

	Стр.
Глава первая. РЪШАЮЩАЯ НОЧЬ.	
I. Среди совѣтской демократіи.....	10
1. Тактическое банкротство	10
2. Неожиданность революціи	18
3. Спор о власти	20
II. В Рядах цензовой общественности	23
1. Легенда о Государственной Думѣ	23
2. Впечатлѣнія перваго дня	25
3. Переговоры	36
4. Настроенія перваго марта	43
Глава вторая. В ПОИСКАХ КОМПРОМИССА.	
I. Не состоявшаяся поѣздка Родзянко	50
II. Соир d'Etat Гучкова	61
Глава третья. ВТОРОЕ МАРТА.	
I. "Приказ № 1"	73
II. Экспедиція ген. Иванова	93
Глава четвертая. ОБРАЗОВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.	
I. Кандидатура Керенскаго	105
II. Гуманность и революціонная стихія	113
1. Кордегардія Таврическаго дворца	115
2. Петропавловская крѣпость	122
3. Самочинные аресты	126
III. Рискованный шаг Милюкова	129
IV. Соглашеніе	135
Глава пятая. ОТРЕЧЕНІЕ.	
I. В царской Ставкѣ	139
1. Инфрмація из Петербурга	139

	Стр.
2. "Отвѣтственное Министерство"	147
3. Отъѣзд Царя	152
II. Кровавое подавление революціи ..	156
1. Диктатор	156
2. Миротлюбивая политика	159
3. "Протопоповскіе пулеметы"	163
III. Игра в "кошку и мышку"	168
IV. Псковская драма	176
1. Воздѣйствіе генералитета	176
2. Свитская интрига	185
V. Думскіе делегаты	189

Глава шестая. ТВОРИМЫЯ ЛЕГЕНДЫ.

I. Колебанія Царя	199
II. Послѣдніе совѣты Царицы	202

Глава седьмая. МИХАИЛ II.

I. Ставка и Петербург	217
II. Отреченіе Михаила	222
1. Рѣшеніе Временнаго Комитета	222
2. Возвращеніе делегатов	224
3. У Великаго Князя	225
4. Рѣшеніе	232
5. Послѣдній штрих	236

Глава восьмая. ТРАГЕДІЯ ФРОНТА.

I. Армія и переворот	242
1. "Обманутые" генералы	242
2. Эпопея в. кн. Николая Николаевича	245
3. "Центр контр-рев. заговора"	251
4. Настроенія в арміи	253
<i>Офицеры и солдаты</i>	253
<i>Экцессы во флотѣ</i>	262
<i>Официальная сводка настроеній</i>	269
5. Правительство и Ставка	271
II. Революція и война	279
1. Симптомы разложенія	279
2. Побѣдоносная война	291
3. Вокруг совѣтскаго "манifesta"	295
4. Фатальная недоговоренность	303

	Стр.
III. Демократизація армії	311
1. Політика и армія	311
2. Революційная чистка	313
3. Поливановская Коміссія	321
<i>Приказ № 114</i>	321
<i>Приказ № 2</i>	330
<i>Декларація прав солдата</i>	333
4. Комітети	336
VI. В преддверіи кризиса	340
 Глава девятая. РЕВОЛЮЦІОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.	
I. Концепція власті	356
1. Идея преемственности	356
II. Двоевластіе	367
III. Соціальная політика	375
1. Роковая презумпція	375
2. Восьмичасовой рабочий день	379
3. Земля — народу	387
IV. Совѣтская позиція	400
V. Контактная коміссія	412
1. Орган революційного “давленія”	412
2. Конфликтные вопросы	419
VI. В поисках базы	427
1. Внѣсовѣтская общественность	427
2. “Правительственная партія”	432
3. Мираж IV Думы	436
4. В ожиданіи Учредительнаго Собраія	440
Использованная литература	445

Imprim. de Navarro, 11, rue des Cordelières, Paris-13e
